

Бахтияр Салимович Абдуллаев

16+



НАСЛЕДНИЦА СОКРОВИЩ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Бахтияр Салимович Абдуллаев

Наследница сокровищ Третьего рейха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978373

SelfPub; 2022

Аннотация

Капитан Советской армии после атаки в тыл врага в Австрии в одной из штолен обнаружил ящики с драгоценностями. Выполняя строгий приказ своего начальника передать информацию о драгоценностях лично генералу Паховому, попадает в руки подлых и алчных псов особого отдела, у которых были свои планы на найденные сокровища. Понимая свое плачевное положение, после длительных пыток капитан, в попытке сбежать от особого отдела, с ранениями срывается с обрыва и падает в течение бурлящей реки. Чудом в бессознательном и критическом состоянии попадает в руки местного хирурга доктора Карл фон Штаубе. Доктор Штаубе из жадности мести в надежде убить советского солдата хотел ввести ему укол со смертельным ядом, но находит на теле солдата шрам с фирменным швом, который мог оставить только его сын-хирург, который, как он считал, погиб на войне. Вест о судьбе сына могла бы изменить всю дальнейшую жизнь доктора. Однако ответ на этот вопрос мог дать только этот солдат, если выживет...

Бахтияр Абдуллаев

Наследница сокровищ Третьего рейха

Книга 1

ГЛАВА 1

...Эльза, видя страдания несчастного, его боль, мучительные судороги, испытываемые им от высокой температуры, то как, несмотря на все ее старания, раны несчастного так и не заживают, она ясно осознавала свою беспомощность. Не видя выхода из сложившегося обстоятельства, она на свой страх и риск решила обратиться за помощью к местному врачу господину Карлу фон Штаубе. Господин Карл фон Штаубе был одним из сильнейших и высококвалифицированных врачей Австрии. Он был из потомственной династии докторов Штаубе, которые некогда были личными врачами знатных особ.

Почему же Эльза не могла обратиться к нему раньше?

На это у нее были несколько причин. Во-первых, их городок Зальцбург все еще находился под контролем немецкой армии, а доктор Штаубе служил у них в местном госпитале. А во-вторых, в феврале 1943 года на восточном фронте

те под Сталинградом он потерял своего единственного сына Герхарда. Герхард Штаубе, как и его отец, был хорошим врачом, хирургом. Несмотря на все уговоры своих родителей, имея бронь на руках, благодаря которой он мог нести службу в Австрии, Герхард не захотел воспользоваться ею. Ему так поступить не позволяла совесть. Не позволял долг перед Родиной. Осознание того, что пока он находится в тепле и уюте, где-то там на чужбине сотни, тысячи его соотечественников, не получив вовремя помощи, гибнут на фронтах. По сводкам приходящим из фронтов он понимал, что наиболее всего в его услугах нуждаются на восточном фронте. Так, придя в военный комиссариат, он намеренно напросился, чтобы его направили именно на восточный фронт. В ноябре 1941 года майор медицинской службы Германской армии Герхард Штаубе был направлен в госпиталь четвертой армии на восточном фронте.

Герхард Штаубе не был членом нацистской партии. Он не разделял идеи Фюрера и его единомышленников. Презирал насилие, никогда не держал оружие в руках. Хотя по специфике своей специальности и должен был причинять людям боль, но в жизни он был добрым, отзывчивым человеком. Очень сильно любил свою страну, свой народ, был предан ей. Вот почему Герхард не мог более оставаться дома, когда быть может из-за него, там, на чужбине, гибнут его соотечественники.

Последнюю весточку от сына господин Штаубе получил

датированной январем 1943 года, где Герхард писал отцу:

«Дорогой, родной, милый мой отец. Как Вы там, как твое здоровье? Как поживает сестричка Луиза? Не болеешь ли ты, все ли у Вас в порядке? Прости меня за то, что долго не писал Вам, за то, что пишу слишком редко. Дорогой отец, здесь у нас не то что для письма, даже вздремнуть иногда времени не хватает. Мы без перерыва, одну за другой делаем операции. Каждая минута, каждая секунда здесь дорога. Потому что она для кого-то становится спасительной, а для кого-то последней. И ради того, чтобы вырвать из пасти смерти их, нам врачам приходится жертвовать всем. В том числе и тем небольшим, что может тебе, родной, принести успокоение души, весточки от сына. Сегодня впервые за несколько дней случилось затишье, какая-то необъяснимая тишина. Мы так от нее отвыкли, что она действует на нас угнетающе. Знаем, что это временно, понимаем, что все еще впереди, но нас это ввергает в уныние.

Дорогой, милый, родной мой. Я надеюсь, ты поймешь меня. Поймешь как врач. Да порой мы должны быть безжалостными и жестокими ради спасения доверенных нам жизней. Должны быть гуманными и терпеливыми. Ведь Господом нам даровано умение прощать причиненные нам обиды.

Дорогой отец, если я когда-либо умру или же погибну здесь на войне, если даже за свои неосознанно совершенные грехи окажусь в аду, после всего того, что я видел здесь, ад

для меня, быть может, не будет так уж страшен. Видя каждый день творимое зло человеком, жестокость, убийства, я ловлю себя на мысли о том, что возможно Господь врата ада уготовил нам здесь, в нашей нынешней жизни. А в загробной жизни нас ожидает рай. Верю, папа, не может быть на свете страшнее зла, творимого человеком. Не может быть Господь таким же жестоким, какими являемся мы люди. Ведь он нас учит быть милосердными, учит к любви ближнему, терпимости, доброте, состраданию. Там где я сейчас, всему тому, чему учит Господь, нет и в помине. Здесь кругом царство зла, воздух насквозь пропитан смертью...»

Письмо Герхарда так и не было закончено, перемирие, вызванное переговорами, закончилось. Бои стали еще ожесточеннее. Кругом рвались мины, гремели канонады. Поступление раненных стало намного больше и особенно тяжело раненных солдат и офицеров с передовой...

А в марте 1943 года, господин Штаубе получил от командования четвертой Армии, где говорилось о том, что во время авианалета противника несколько бомб упали на госпиталь, где служил майор Герхард Штаубе. Госпиталь был разрушен до самого основания, и все кто там находились, погибли. Командование четвертой Армии, выражает искреннее соболезнование родным и близким майора Герхарда Штаубе, что они так же скорбят по нему, что смерть его была не

напрасной, он будет отомщен...

Далее от имени командования четвертой Армии, майор Герхард фон Штаубе награждается железным крестом «ПОСМЕРТНО». Родные и близкие будут получать пожизненную пенсию.

Вот почему Эльза не могла идти к нему. Не могла просить у него помощи. Она понимала того, что ни один родитель не сможет простить убийц его ребенка. Пусть даже он этого и не делал, но ведь он сражался на стороне противника. Убивал таких же сыновей Германии, каким был его сын Герхард. А скольким же семьям принес он несчастье, известно одному лишь Господу Богу. Но сегодня, видя, как ему становится хуже, не в силах чем-либо помочь несчастному, Эльза пошла к доктору. Она для себя окончательно решила, чем так мучится и страдать в ожидании смерти, пусть лучше он умрет, если так решит доктор....

Последние три недели вокруг Сталинграда шли ожесточенные бои. Небольшой клочок земли за день по несколько раз переходил из рук в руки. Вся земля была пропитана кровью. Трусами солдат и офицеров было устлано все поле сражения. Здесь друг на друге слоями лежали немецкие и русские солдаты. Из-за шквального огня что с одной стороны, что с другой, невозможно было вынести с поля боя не только погибших, но даже раненных. Так истекая кровью, не получив своевременно помощи, они там и погибали.

Майор Герхард фон Штаубе вот уже несколько дней прак-

тически без сна и отдыха, стоя на ногах у операционного стола, оперировал одного за другим поступающих раненных с передовой. Откуда брались силы у него и его коллег известно одному лишь Господу богу. Но, увы, силы человеческие не безграничны. После очередной операции, зашив рану бойца и сделав пару шагов в сторону стула стоящего у стены, он словно сраженный вражеской пулей, рухнул на пол без сознания. Тщетно попытавшись привести его в чувства, ефрейтор Мюллер и медбрат Краузе по приказу врача Рунге положили Герхарда на носилки и понесли в лазарет, расположенный напротив госпиталя, так как в данное время госпиталь был переполнен.

Как только они вышли из здания, тут же раздалась сирена, оповещавшая об авианалете русских. Ефрейтор Мюллер и медбрат Краузе решили укрыться возле машин, прибывшими с ранеными с передовой, но не успели они добежать до него, как раздался оглушительный взрыв. Несколько авиабомб попали прямо в госпиталь, уничтожив его до самого основания. Ударная волна была такой силы, что ни машин с ранеными, ни лазарета, после того, как пыль улеглась, не оказалось на месте. Ефрейтор Мюллер и медбрат Краузе так же погибли вместе с сотнями тех, кто в ту минуту находились возле госпиталя. В этом аду, взлетевшая крыша крыльца госпиталя, сделав крутой вираж в полете, каким-то чудом упала на лежавшего в без сознания на носилках Герхарда, да так, что прикрыла его от падающих обломков здания.

Вечером того же дня, по приказу немецкого командования, город Калач был оставлен ими. Куда на следующее утро вошли части Красной Армии.

Проходя мимо воронки на месте госпиталя, старший лейтенант разведроты, отдельной мотострелковой бригады Игорь Соколов под грудой мусора из досок и кирпича заметил шевеление ноги человека. Приглядевшись, он заметил под досками раненного на носилках. Подозвав двух бойцов из своего отделения, он приказал им вытащить его.

На нем не было ни каких опознавательных знаков отличия, ни документов, и даже жетона, которые обычно носили немецкие солдаты и офицеры. Соколов бойцам приказал отнести раненного в штаб, решив там разобраться. В штабе он доложил о случившемся начальнику особого отдела подполковнику Зюганову. Осмотрев его, начальник особого отдела приказал добить и сбросить в яму, где хоронят немецких солдат.

Капитан Кондратьев обратил внимание на его руки, и, раскрыв его халат, отменил приказ своего начальника. Когда его спросили, – ты что делаешь капитан?, – он ответил,

– Посмотрите на его руки, они белые и нежные.

– Ну и что?

– На плечах у него нет ссадин от приклада оружия и ремня, – затем указывая на кровь в халате, – взгляните сюда, кровь на рукаве, а также на самом халате указывают на то, что он, скорее всего, врач, и, наверное, хирург. Там где его

нашли, располагался госпиталь четвертой Армии.

Приглядевшись, особист язвительно кивнул в сторону Кондратьева,

– Все-то ты знаешь, капитан. Пытаешься быть гуманным, милосердным. А ты знаешь, что если даже он и врач, но прежде всего фашист, наш враг, с которым, кстати, мы воюем? Если даже он и оперировал, так фашистов же. Так что некогда нам с ним возиться, пулю в лоб и в ров.

Тут капитан категорично ему возразил,

– Товарищ подполковник. По уставу мы обязаны его допросить. И еще, не мне Вам рассказывать о том, что в наших госпиталях катастрофически не хватает врачей и хирургов. От чего из-за банального ранения и несвоевременного оказания им помощи погибают сотни, а то и тысячи наших солдат и офицеров. Если он врач и если он тем более хирург, не лучше ли нам сохранить ему жизнь, заставить служить в нашем госпитале...

Доводы капитана Кондратьева были весьма убедительны, не соглашаться с ним Зюганов не мог, так как Кондратьев был абсолютно прав. Приказав бойцам отправить его в госпиталь, он добавил, – смотри капитан, головой рискуешь, не забудь поставить охрану возле его койки...

Так бывший майор германской Армии Герхард фон Штаубе, сам того не ожидая, оказался в госпитале недавних своих врагов. Но об этом его отец доктор Карл фон Штаубе и не догадывался...

...Эльза, собравшись духом и попросив у Господа милости, снисхождения по отношению к несчастному, направилась в дом доктора Штаубе.

Как раз в это время господин Штаубе сидел у себя в кабинете, не помня, сколько же раз за день прочитывал последнее письмо сына Герхарда. Слезы с лица его текли ручьем. Он был не в силах их сдерживать. Он все время повторял одно и то же, – Герхард, сынок, не уберег я тебя.

Странно, до сегодняшнего дня, когда он раньше пытался прочесть письмо сына, у него на это не хватало сил и воли. Каждая строка, каждые слова написанные рукой сына давались ему с трудом. И когда ему становилось невыносимо, он, его сложив, опускал в шкатулку. За эти два года Доктор Штаубе сильно сдал. Практически полностью поседел волосы. И если он как-то держался, то только благодаря дочери Луизе.

Но сегодня его одолевало какое-то необъяснимое чувство. Перед глазами смутно появлялся образ сына и, улыбаясь, он ему говорил, – *Папа я жив, и мы с тобой еще увидимся...*

Вот почему сегодня ему удавалось прочитывать письмо до конца, причем по нескольку раз. Когда доктор Штаубе, погрузившись в свои мысли, о чем-то задумался, как кто-то позвонил в дверь. Открыв ее, Луиза у порога увидела Эльзу. Обрадовавшись ее визиту, Луиза воскликнула, – Здравствуйте дорогая Эльза, добро пожаловать в дом. Когда Эльза вошла, Луиза продолжила,

– Что привело тебя к нам, дорогая Эльза?

– А доктор Штаубе дома?

– Да папа дома, прошу, проходи, – предложив, Луиза направилась к отцу.

В это время Эльзу охватил страх и чувство вины перед этой семьей. Ей захотелось убежать прочь от этого дома. Она чувствовала какую-то вину перед ними, спасая солдата, из-за которого погиб их сын. Она со своей просьбой становилась невольной соучастницей гибели их сына, а так же его жены, погибшей во время авиа налета Союзных войск на Берлин в 1944 году.

И только она хотела сорваться и убежать, как в дверях появился сам хозяин дома, доктор Штаубе.

– Здравствуйте, милая Эльза. Что ж Вы стоите у порога, – затем обернувшись назад, – Луиза, родная пригласи гостью в дом, как раз мы собирались обедать. Не составите ли Вы нам компанию? – вновь обернувшись, спросил у нее.

Эльза не успела даже выговорить, – Я..., как Луиза, взяв ее за руку, повела в гостиную. За ними последовал и доктор.

Усадив Эльзу за стол, Луиза принялась накрывать. Усевшись на свое обычное место, доктор Штаубе заговорил,

– Раньше, до этой проклятой войны у нас дома практически не прерывались посетители. Особенно когда Герхард был жив. Теперь у каждого из нас в душе горечь утрат. Наверное, не осталось семей, которых война обошла стороной. Улыбка и радость навсегда покинули наши лица, – потом

немного подождав, пока Луиза ему наливала в тарелку первое блюдо, он продолжил, – Люди из-за этого перестали ходить друг другу в гости. Я думаю и Вы дорогая Эльза, пришли к нам не в гости, – затем взявшись за руки, он произнес, – Давайте помолимся Господу богу, за дарованный нам день, за тех, кого нет рядом с нами, за тех, кого мы ждем, – произнеся эти слова, он стал молиться.

За обедом доктор поинтересовался у Эльзы, как у нее дела, не трудно ли ей одной справляться с хозяйством, есть ли вести от ее брата Арнольда.

– Если я не ошибаюсь, Арнольд служит на западном фронте, не так ли?

– Да, на западном.

– Вы не волнуйтесь за него, на западном фронте спокойнее, чем на восточном фронте. Американцы и англичане не такие воины, как русские. Жаль матерей, отцов и жен, чьи сыновья оказались на востоке. Каждый второй там погибает, а те, кому и удастся вернуться обратно, возвращаются калеками и инвалидами. Читая последнее письмо Герхарда я понимаю как им там было тяжело. Кстати, сегодня сам не знаю почему, я то письмо, наверное, разов пять прочитал, хотя раньше не мог и один раз прочесть. И вот какой со мной случился парадокс. Герхард несколько раз словно оживал перед глазами и мне ясно говорил, – Папа я жив и мы с тобой еще увидимся. – Немного призадумавшись, он продолжил, – А ведь такое же возможно на войне, не правда ли? Были же

случаи, после того как родственники получали похоронку, а человек оказывался жив. Хотя я тоже получил похоронку от его командования, мне кажется Герхард не погиб. Я в это верю, я верю в чудо, я чувствую его, мой сын жив. Никто же не видел его мертвым. А вдруг он вышел из госпиталя во время налета. А вдруг в тот самый момент, когда в госпиталь попала бомба, его там не было. Правда же, может же быть такое, а, дорогая Эльза? – и тут на глаза доктора накатились слезы.

Видя состояние отца, Луиза, быстро подойдя к нему и обняв, сказала,

– Да папочка, ты, наверное, прав, и в правду никто не видел Герхарда мертвым. Мы непременно с ним увидимся. Я тоже на это надеюсь.

Слушая их, у Эльзы земля из-под ног уходила, словно все вокруг нее покатилося кувырком. Направляясь к ним, она надеялась на то, что за два года рубцы на сердце доктора из-за потери сына зажили. Верила в то, что, быть может, они свыклись с потерей сына, брата. Но, увы, она ошибалась, – Все возможно, на все воля Господа, – сказав, она попыталась их покинуть.

Доктор Штаубе остановил ее,-

– Вы куда собрались? Пока не расскажите о цели Вашего визита, мы Вас никуда не отпустим.

Осознавая безысходность состояния больного, понимая того, что без помощи доктора он не выживет, Эльза, набравшись мужества, рассказала ему о цели своего визита....

ГЛАВА 2. Мартин Борман

К весне 1945 года, советские войска подходили к границам Австрии. Шли ожесточенные бои на территории Венгрии. Неся огромные потери, советские войска прорывались к столице Австрии, к Вене.

В Берлине, в бункере Гитлера Рейх-с министр Мартин Борман пригласил к себе в кабинет штурмбанфюрера СС Вальтера Шнитке.

– Слушай меня, Вальтер. В Бразилии, когда наши войска увязли на восточном фронте и особенно после того, как мы потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом в 1943 году, мы тогда поняли, что стратегическая инициатива перешла на сторону противника. А после Курской дуги, и после того, как русские форсировали Днепр, нам стало ясно, поражение неизбежно, крах третьего Рейха было делом времени. Вот тогда, мы истинные патриоты Германии, стали задумываться о будущем Германии. О будущем нашего дела, о будущем нашей веры, немецкой нации. В те годы на наших колониях в Бразилии, в устьях Амазонки мы тайно начали строить города для будущих переселенцев цвета немецкой нации. Об этом знают немногие. Теперь знаешь и ты Вальтер. Русские стоят у границ Германии. Они наступают по всем фронтам. Хотя мы не оказываем должного сопротивления как русским, Союзники вряд ли успеют быть раньше

их в Германии. Если русские раньше Союзников оккупируют Германию, вряд ли они нам простят то, что мы творили у них, не так ли? Скорее всего, они станут нам мстить, и всю свою злость выплеснут на немецкой нации. Не допустить этого мы не в силах. Но спасти цвет нации, ее богатства, ее ценности мы еще сможем...

В это время завывала сирена, стали слышны залпы противоздушных орудий, отчетливо стали слышны где-то рядом оглушительные взрывы разрывающихся мин.

Рейх-с министр немного помолчав, прошел в сторону шкафа. Открыв его, он достал из бара французский коньяк, взял два бокала и плитку шоколада. Как только Рейх-с министр вернулся к столу, штурмбанфюрер вскочил с места. Борман, по-отцовски похлопав его по плечу, усадил на место. Затем разлив по бокалам коньяк, он один бокал протянул Шнитке.

– Давай Вальтер, выпьем за будущее Германии, немецкой нации, за его возрождение, за таких сыновей как ты и за тех, кто сейчас сражается на фронтах, – затем приподняв свой бокал, – за наших детей, за возрожденную, сильную Германию.

По инерции Шнитке вскрикнул «Хай Гитлер!», его тут же остановил Борман.

– Дорогой Вальтер, будущего Германии с Фюрером нет. Из-за его неверных, непростительных ошибок, из-за его эгоизма, упрямства, мы оказались на краю бездны. Дальше

немецкая раса будет идти врозь с Фюрером.

Тут Рейх-с Министр, вновь взяв паузу, пристально стал глядеть на Шнитке. Он хотел уловить, понять его реакцию на сказанные им слова. Но штурмбанфюрер, не показывая ни тени сомнения, внимательно слушал Рейх-с Министра. А тем временем канонада от орудийных залпов усилились. Взрывы разрывающихся мин над их головами стали отчетливо слышны.

– Противник пытается разрушить всю инфраструктуру и оборонительные системы вокруг бункера, – налив в свой бокал немного коньяка, он протянул бутылку штурмбанфюреру, – не стесняйся Вальтер, наливай коньяк, разговор с тобой у нас предстоит долгий. – Но штурмбанфюрер, отодвинув бутылку в сторону, стал внимательно слушать Рейх-с Министра.

Тем временем М. Борман, сделав пару глотков из своего бокала продолжил, – Помнишь летом 1942 года ты меня и Гесса сопровождал в инспекции в Альпах?

– Так точно, помню.

– А через пару дней после прибытия, мы с Гессом отлучились на несколько дней, оставив Вас в той деревушке у реки Морава?

– Так точно, помню.

– Тебе твои бойцы ничего не рассказывали о том, где мы были?

– Никак нет. Они мне сказали о том, что их у реки заме-

нили другие, и Вы ушли с ними в горы на те самые несколько дней.

– Правильно, та миссия, которая была возложена нам с Гессом, была секретной. О ней знали только узкий круг людей, включая самого Фюрера, а также Гимлер, Геббельс, Геринг, Гесс, Я и те, кто непосредственно ею занимался. Так вот. Там в Альпах мы скрытно от всех строили штольни. Строительством руководила отдельная команда спецподразделения СС. В работах были задействованы военнопленные из концлагерей. Не догадываешься, для чего мы их строили?

– Никак нет, господин Рейх-с Министр!

– Хотя ты должен был догадаться. Эти штольни мы строили для того, чтобы в них хранить ценности, вывезенные нами из оккупированных территорий. Туда мы свезли культурно-исторические ценности практически со всего мира. Да и драгоценностей, золота, бриллиантов там столько, что хватило бы на несколько поколений вперед. Мы надеялись, когда война закончится, их используем во благо нашего народа. Тогда еще мы и не предполагали о том, что все так обернется. Я и мои соратники по партии теперь считаем о правильности принятых нами тогдашних решений. Противник рвется к границам Германии. То, что мы проиграли войну не вызывает ни у кого сомнения. Единственное, на что мы можем уповать, это на сколько нас хватит. Сколько еще мы можем продержаться. По моим расчетам, и по тому, как рьяно русские рвутся к Берлину, мы можем продержаться два,

максимум еще три месяца. Значит, у нас с тобой осталось слишком мало времени, хотя бы какую-то часть тех драгоценностей вывести. Ты меня понимаешь Вальтер?

– Так точно, господин Рейх-с Министр.

– Задача, которую я собираюсь возложить на тебя, архисложная. От успешного решения зависит не только твое, мое будущее, но и будущее всей возрожденной Германии, будущее всей немецкой расы. Когда все утрясется и война закончится, эти ценности нам помогут встать с колен. Поможет повести немецкий народ, немецкую расу к более высоким свершениям, к более значимым победам. Поможет нам вновь стать доминирующей расой человечества. В чем я ни сколько не сомневаюсь.

Затем Борман, достав из стола карту, подозвал штурмбан-фюрера к себе,

– Вальтер, видишь вот эти крестики на карте? – показывая на них, спросил Борман.

– Так точно, вижу!

– Вот этот населенный пункт, та Австрийская деревня, где мы с Гессом тебя оставили. Кстати, деревушку эту ты не в одной карте не найдешь. Так вот, от нее до ближайшей штольни 23 км, а до Зальцбурга семьдесят два. Кроме этих двух населенных пунктов за сотни верст нет ни единой души, мы их всех переселили. В деревне живут в основном наши люди, те, кто в дальнейшем будет переселен в Бразилию. Но даже они не знают о существовании тех хранилищ. Когда ты по-

едешь туда можешь их использовать, если понадобятся.

Затем показав ему на карте город, расположенный вдоль Рейна, – спросил,

– Тебе хорошо знаком Фридрихсаин?

– Так точно, господин Рейх-с Министр.

– Видишь этот крестик близ Рейна?

– Да,

– Здесь находится фарватер для подводных лодок. О его существовании так же никто не знает. Основные его сооружения находятся глубоко под землей. В том фарватере Вас будут ожидать с десятков подводных лодок. Капитаны субмарин о тебе проинформированы.

Тут Рейх-с Министр нажал на кнопку в столе. В кабинет вошел высокий, статный человек в штатском. На нем была одета коричневая дубленка из толстой овечьей шкуры, под которой виднелся белый свитер с коричнево-синими кружевными узорами. Брюки галифе на нем были из черного, толстого драпа и великолепные унты, в которых обычно ходят Австрийцы на охоту.

– Знакомься Вальтер. Этот господин Гельмут Шульц. Он будет тебя сопровождать в Альпах. Он единственный, кто знает дорогу к штольням. Так что тебе придется беречь его как зеницу ока. – Тут Шульц и Шнитке, поприветствовав друг друга, пожали руки. После того, как они сели за стол, Рейх-с Министр продолжил,

– Задача, которую мы патриоты Германии хотим на Вас

возложить, наверное, Вы оба ясно осознаете. Она не простая и, скорее всего, чрезвычайно сложная. Ответственность на Вас двоих ложится огромная. Будущее третьего Рейха, его богатства, их сохранность, а так же служение во благо нашего дела, всецело ложится на таких людей, как вы.

– Мы это понимаем, господин Рейх-с Министр, – ответил Шульц.

– Самая большая ответственность за их сохранность ложится на тебя и на твоих людей Вальтер. Вот почему последние полгода, хотя ты и твой полк рвались на фронт, мы Вас держали при себе в резерве.

– Теперь я понимаю, господин Рейх-с Министр.

– Нам для того, чтобы переправить все ценности в Бразилию, нужны были проверенные и надежные люди, которым мы могли все цело доверять. Ты Вальтер рядом со мной с 1929 года и ни разу меня не подводил, и не предавал. Был верен мне и нашим идеалам, но самое главное ты надежный человек. Когда русские подошли к границам Польши, я отозвал твой полк с восточного фронта. Не хотел рисковать тобой и твоими солдатами....

В это время зазвенел телефон. Звонили из канцелярии Фюрера. Когда Рейх-с Министр поднял трубку, на другом конце провода адъютант Фюрера срочно приглашал его в Рейх-с канцелярию.

Положив трубку, Рейх-с Министр предупредил своих посетителей о том, что ему необходимо их покинуть, и пред-

ложив им встретится завтра, вышел из кабинета. Вальтер с Шульцем так же ушли вместе...

ГЛАВА 3. Охота

Зимой 1929 года, доктор Штаубе с друзьями графом Эрнестом Розенбергом и бароном Альфредом фон Занге решили поехать в горы на охоту, чтобы отметить совершеннолетие его сына Герхарда. Когда накануне охоты доктор Штаубе, подарив сыну английский винчестер, объявил ему об их решении, радости сына не было границ. Раньше доктор Штаубе, не смотря на все его мольбы, никогда сына не брал с собой на охоту, всегда категорично отказывал ему. Отказывал не потому, что не хотел, он просто боялся за озорного и неугомонного сына. Боялся того, что несмышленный, ребячески озорной Герхард, там, в горах взбредет куда-нибудь, или еще хуже, оступиться и сорвется со скалы.

Доктор Штаубе с рождения всячески лелеял и опекал своего сена. Он был единственной и желанной опорой для него. Ради сына он жертвовал всем. Вот почему он так сильно боялся брать сына на охоту. Страх потерять его был превыше всего.

Но на этот раз Герхарду накануне исполнилось шестнадцать лет и он решил таким образом сделать сыну своеобразный подарок. То есть, отметить совершеннолетие сына на природе, в кругу друзей, кабанят иной на вертеле.

В назначенный день друзья доктора Штаубе собрались у него дома. Погрузив амуницию, провизию на подводу, они пожелали друг другу удачной охоты, и выпив по бокалу вина, двинулись в путь.

Герхард был на седьмом небе от счастья. Ни на минуту не выпускал из рук подаренный отцом винчестер. Он мысленно был уже там, в горах, в чаще Альпийских лесов, среди густых елей и сосен. Он ясно слышал стуки копыт кабана, чувствует его приближение. Затаив дыхание, крепко сжимая приклад своего винчестера к плечу, он ждет удобного момента для выстрела. Как только пробил его час, ни секунды не мешкая, как бывалый охотник, нажимает на спусковой крючок. Раздаются несколько оглушительных выстрелов, нарушая тишину в горах. Кабан с визгом, сраженный его выстрелами, замертво падает на землю. Тут подбежав к нему, остальные участники охоты и видят, как он со вскинутым винчестером стоит возле сраженного кабана. Кругом все его хвалят, восхищаются его удачью, а отец тем временем гордо похлопывает его по плечу. Эти мысли не покидали Герхарда ни на минуту, он их не в силах был держать в себе. То и дело при малейшем шорохе в кустах, вдоль дороги, вскакивал с места и пристально всматривался по сторонам. Хотя их караван не проехал и четверти пути, он неоднократно спрашивал у отца, не доехали еще на место. А друзья отца, видя это, всю дорогу подшучивали над ним. Не обращая внимания на их шутки, он мысленно им говорил, – Смейтесь, смейтесь.

Когда приедем мы на место, я Вам всем утру носы. Вот увидите, первого кабана, которого Вам придется испробовать, даю слово, Вы испробуете сраженного мной.

Так в раздумьях о предстоящей охоте, Герхард и не заметил, как они проехали весь путь. Не заметил и долгую изнурительную дорогу, усталость. Уже затемно они добрались до заимки, домика егеря. Поприветствовав егеря, еле волоча свои ноги от усталости и тряски подводы по горной дороге, они добрались до своих кроватей и рухнули на них, не дожидаясь ужина.

Егерь, господин Филипп Лам, приготовив ужин для гостей, не смог их добудиться. Горный альпийский воздух, его чистота и тишина, царившая в сторожке, так убаюкивающее подействовали на наших охотников, что они проспали мертвецким сном, аж до полудня следующего дня.

Пока гости отдыхали, егерь прошелся по своим ловушкам и капканам, оставленным им накануне. В капканах под огромной елью попались парочка зайцев. А в сетях возле речки барахтались с десятков куропаток. В Кормушке, специально оставленной под густым кустарником, он поймал двух здоровенных куропаток. Оставив всю добычу в сторожке, он направился к реке, где так же около больших камней была натянута сеть для ловли горных форелей. Вытянув ее, он извлек с десятка два огромных рыб. К тому времени, как наши охотники один за другим стали просыпаться, их ожидала великолепная еда, приготовленная господином Ламам.

Еле-еле проснувшись от сладкого сна, Герхард вышел на улицу. Слепленный лучами солнца, проникающими сквозь чащи высоких елей, он, на мгновение прикрыв глаза, воскликнул, – О боже, как же здесь красиво.

Действительно, кругом все ярко переливаясь от отражающихся кристалликов снега, солнечные лучи так блестели, словно вся земля усыпана бриллиантами и алмазами. Зимний, чистейший горный воздух с первым вздохом его до самых костей пронизывал своим холодком все тело Герхарда. От резкого холодка он немного продрог. Чтобы как-то согреться, Герхард стал выполнять легкие спортивные упражнения. Затем повесив свое полотенце на перилах ступеней, он пошел в сторону небольшого выступа скалы. Встав на него, взглянув в простирающуюся даль, он увидел настоящую красоту, созданную матушкой природой. Пейзаж, открывшийся перед его глазами, до глубины души пронзил его своей красотой и великолепием. Высоко в небе то там, то здесь виднелись редкие, но белые-белые облака. Справа и слева от него возвышались горы, уходящие высоко в небо. Величавые ели и сосны, покрытые недавно выпавшим снегом, словно приветствуя его, пригибали свои ветки. А горизонт был таким чистым и голубым, будто он опоясывал всю долину своим ремнем. Вокруг виднелись небольшие возвышения, где-то покрытые снегом, а где-то каменистыми скалами. Чуть дальше от него, с гор бежала небольшая речушка, журчание ее вод в этой тиши отчетливо были слышны

ему. Воды речки, падая вниз со скал и ударяясь о камни, пенились так сильно, словно вода в ней вскипала. То там, то здесь были слышны пения птиц, благодаря эху, далеко-далеко разносились их голоса. Ветерок, слегка обдуваемый его, ни на минуту не останавливался. Стоя на краю отвесной скалы, Герхард искренне благодарил отца за то, что он позволил ему прикоснуться и насладиться этой божественной красотой. Он благодарил Всевышнего за то, что Господь создал эту красоту и даровал ее нам, людям, чтобы мы могли ее почувствовать и насытиться ею.

За свои шестнадцать лет Герхард впервые чувствовал себя частичкой этой природы, впервые в своей жизни он увидел истинную красоту природы, ее чудеса. Любуясь окружающими красотами, он не заметил, как к нему подошел отец.

– Герхард! – отец окликнул его,

Оглянувшись и поприветствовав отца, он сказал

– Папа, здесь так прекрасно, так блаженно. Огромное спасибо тебе за то, что взял меня с собой, за то, что ты дал мне возможность приобщиться к природе. Спасибо за то, что дал мне возможность увидеть ее совершенно с другой стороны. Я никогда не забуду эти места.

Обняв сына и прижав его к своей груди, он сказал,

– Теперь привыкай сынок, отныне ты всегда будешь ездить с нами на охоту. Это не последний наш поход. Теперь мы будем ездить чаще. Я тебе покажу еще прекраснее места, где дух захватывает у человека, вот увидишь. А теперь пой-

дем в дом, там дружище Филипп приготовил отменный обед, все ждут только тебя.

Войдя в зимовку, Герхард от изумления воскликнул. Он, проснувшись и выходя во двор, ничего того, что было в холле, и не заметил. В середине комнаты стоял огромный стол из дубового массива. Вокруг него были расставлены восемь больших стульев, так же изготовленных с того же дуба. Стены комнаты были обвешаны чучелами разных зверей, старинными ружьями, мечами, топорами, копьями, арбалетами. Посередине северной стены красовался большой камин с великолепными ажурными коваными дверцами. А над изголовьем его торчала голова огромного оленя с большими рогами. Тепло, отдаваемое от огня камина, так расходилось по комнате, что войдя с холодной, промозглой улицы Герхард сразу же его ощутил. На полу, перед камином лежали повернутые друг другу головами, большие медвежьи шкуры. А на креслах качалках, установленных на них, со вкусом потягивая трубки и беседуя, качались друзья отца граф Эрнест Розенберг и барон Альфред фон Занге.

Увидев вошедшего Герхарда, господин Занге воскликнул, – О, Герхард, мы уже Вас заждались, молодой человек.

– Ну, как Вам наше небольшое гнездышко, наш секрет с Вашим отцом? – спросил у него граф,

– Восхитительно, нет слов! – ответил Герхард.

– Мы эти места с Вашим отцом облюбовали еще до первой Мировой войны в 1912 году. Не так ли, любезный мой друг

Карл? – спросил у доктора уже в почтенных годах Граф.

– Да, именно так это было, и, по-моему, летом,

– Сколько раз бы мы сюда не приезжали, верители молодой человек, нам никогда не надоедает. Каждый раз, уезжая, нас снова и снова тянет обратно. Вы, наверное, еще не знакомы со стариной Филиппом. О, если позволите, эту миссию я возложу на себя. Вот уже семнадцать лет этот любезный господин является неизменным нашим ангелом хранителем в этом божественном уголке земли. Он один из прекраснейших людей, каких Вам, мой друг, приходилось встречать на своем веку. Отменный повар, гостеприимный хозяин, великолепный охотник. Теперь и Вы, молодой человек, будете его желанным гостем, не так ли уважаемый мой друг Филипп?

– Да, конечно, к Вашим услугам, Герхард, – протянув ему свою руку, ответил егерь. Затем обратившись ко всем, добавил, – прошу к столу, дорогие гости, – сказав, сам направился к плите, где в огромном чугунном чане варилась уха из горной форели.

Когда все расселись по своим местам, егерь поставил на стол чан с ухой. После того, как он налил суп по тарелкам гостей, граф взял слово.

– Скажите мне, любезный мой друг Герхард. Когда Вас так почивают, накрывают перед Вами такой изысканный стол, где глаза разбегаются от изобилия. Можем ли мы не приезжать сюда, а? – За тем, взглянув на егеря, – Вы нас слишком балуете, друг мой Филипп. Друзья, а может быть нам вооб-

ще перебраться сюда, как Вы думаете? – с улыбкой спросил он у них. Все они хором засмеялись, а граф тем временем, продолжил, – Но, увы, к великому нашему сожалению, мы были бы безгранично и рады, но мирские дела нам этого не позволят. Хотя, мы должны быть благодарны господу, пусть даже и изредка, но нам все ж удается находить время, чтобы немножко развеется, на время отложить наши земные будни и вырваться сюда. Кстати, сегодняшнему визиту мы обязаны Вам молодой человек, – граф обратился к Герхарду, – с того самого дня, как Вам стукнуло шестнадцать, с чем мы все Вас искренне поздравляем, Ваш любезный отец настойчиво приглашал нас на охоту.

Тут в разговор вмешался господин Занге, – Герхард, как вам понравился винчестер? Вы уже успели из него пострелять? Его, моему другу Карлу посоветовал я.

– Дорогой мой друг Альфред, надеюсь, Вы не забыли наш подарок Герхарду? – спросил у друга граф.

– Как же я мог забыть, просто я ждал удобного случая, – сказав, господин Занге, выйдя со стола, стал что-то доставать со своего огромного рюкзака. Затем, протягивая Герхарду, он добавил,

– А ну ка, любезный, примерьте.

В рюкзаке господина Занге находилась полная экипировка охотника. Замшевая шляпа, короткая коричневая дубленка, свитер под цвет куртки с белыми волнистыми узорами. Теплые брюки галифе из молодой оленьей шкуры и длинные,

полностью меховые австрийские сапоги.

Герхард, взяв всю одежду, удалился в свою комнату, чтобы переодеться. Через некоторое время, когда он вновь появился перед ними весь сияющий от счастья, гости были в восторге.

Одежда, подаренная друзьями отца, ему была впору. Патронташ, повешенный на широченном армейском ремне, а так же винчестер, надменно прижатый к бедру прикладом, дополняли ее.

Состояние Герхарда, чувства, переполняющие его, были неопишуемы. Он мысленно был уже в горах, а внимание гостей всецело были прикованы ему. Они своими восторженными эпитетами в адрес молодого человека, совершенно позабыли о еде. Тут инициативу вновь взял на себя граф Эрнест Розенберг.

– Друзья мои, торжественная часть нашего мероприятия завершилась. Носите на здоровье, молодой человек. А нам всем стоит обратить свои взоры к столу. Ведь не зря же любезный наш друг Филипп трудился у плиты, чтобы нас с вами накормить. Давайте отведаем эти яства, пока не остыло. – Произнеся молитву, благословив всех, они приступили к трапезе.

Как заметил граф, действительно стол разрывался от изобилия. Чего только не было на нем. Запеченные куропатки, приготовленные на гриле тетерева. Оленья и кабанья ветчина. Огромный чан ухи из форели. Домашние, копчен-

ные и вареные колбасы, вяленое мясо кабана и оленя. Словом стол был накрыт шикарный. Пробуя каждое блюдо, гости господина Лама не жалели комплиментов в его адрес. Так они за едой и задушевными разговорами о жизни, о будущем Герхарда совершенно позабыли об охоте и не заметили, как быстро пролетел весь день. И только ближе к вечеру господин Занге воскликнул,

– Друзья, а ведь мы собирались сходить на охоту непременно в первый день, – затем взглянув на Герхарда, – выходит, мы Вас подвели, мой юный друг, – как бы смущенно сказал он.

– Не волнуйтесь дядя Альфред, мы еще успеем пострелять, – успокаивая его, произнес Герхард.

Договорившись утром встать за темно, все они пошли отдыхать. Только Герхард остался в холле. Взяв в руки со стены арбалет, он пристально и ребяческим любопытством, усевшись на кресле, стал его изучать. Так сидя у камина, держа в руках арбалет, и заснул. Господин Лам, видя, как он мирно и сладко спит пригретый теплом камина, накрыл его одеялом и, подбросив несколько березовых поленьев в камин, тоже пошел отдыхать.

Утром после завтрака, пожелали друг другу удачной охоты, и разделившись на группы, они направились в горы.

Доктор Штаубе, зная, что сын еще не смышлен и горяч, осознавая то, что Герхард на охоте впервые, а значит, он будет стремиться самоутвердиться в глазах отца и может в этом

порыве своем забрести куда не следует. Понимая это и волнуясь за него, он попросил егеря, как самого опытного среди них, чтобы тот присматривал за Герхардом и был всегда рядом с ним. Волнения доктора были не напрасны. Герхард раннее не то что бы пострелять из ружья не мог, он и вовсе не держал в руках ружьё. В этом была и вина самого доктора Штаубе, потому что раньше он категорически запрещал сыну приближаться к оружию. К тому же окрестность была сплошь и рядом скалистой. А кто, кроме господина Лама в ней мог хорошо ориентироваться. Да и места наиболее безопасные, но в то же время, где больше вероятности встретить дичь, он знал хорошо. Не дай бог наткнутся на медведя, или на кабаниху с молодым приплодом, беды не миновать. Она ради спасения своих поросят может любого зверя затоптать, загрызть своими клыками. Вот почему доктор доверил сына егерю и настойчиво просил его, чтобы он не отпускал Герхарда далеко от себя.

До полудня охотники не произвели ни одного выстрела. Герхард по совету егеря направился в сторону речки. Как раз рядом с ней проходила кабанья тропа. По утверждению егеря, скоро по тропе на водопой должно пройти стадо. На склон, по которой шли Герхард и егерь, практически не падали солнечные лучи. Это давало им шанс быть незамеченными для кабана. Но в тоже время, приносило не мало проблем для ходьбы из-за своих метровых сугробов. По колено в снегу, еле-еле переставляя одну ногу за другой, они за пол-

часа прошли не более сотни метров. Тут господин Лам, попросив Герхарда немного отдохнуть и подождать его, а сам направился к кустарникам, растущим у небольшого склона. Под этими кустарниками он накануне оставлял капканы.

Герхард, постояв минут десять, медленно стал идти в направлении речки. Когда он прошел шагов двадцать, с права от себя увидел густые заросли кустарников в неглубоком логу. Он стал внимательно присматриваться к ним. Ему показалось, будто со стороны кустов доносится какой-то шорох и кустарник как бы шевелиться. Вскинув свой винчестер и направив ствол туда, тихо притаился. Долго ждать ему не пришлось. Из кустарника выглянула голова кабана. Оглядевшись по сторонам, зверь стал медленно выходить из него. Герхард стал прицеливаться и ждать удобного момента для выстрела. Когда кабан полностью вылез из кустарника и прошел несколько шагов, вдруг из зарослей выскочили несколько поросят. Как только он увидел поросят, ужас охватил его. Эта была кабаниха со своим молодым приплодом. Герхард со страху в первую минуту опешил. Он, не осторожно прижавшись к месту, как бы спросить у егеря что ему делать в данной ситуации, обернулся назад.

Егерь проверив свои капканы и не найдя в них ничего, уже сам направлялся к нему. Взглянув на Герхарда, по его лицу он мгновенно понял, случилось что-то не ладное. Кабаниха так же его заметила. Не успел егерь крикнуть Герхарду «не шевелись!», как внизу раздались несколько оглу-

шительных выстрелов. Услышав выстрелы, кабаниха приняла воинствующую позу. Испугавшись ее, Герхард, даже толком не прицелившись, произвел несколько выстрелов. Пули, просвистев, пролетели мимо кабанихи, но одна все ж попала в нее, слегка ранив. Господин Лам, увидев кабаниху, громким криком, – назад, беги, – ускорив свой шаг, торопился на помощь Герхарду. Увидев, как на него летит кабаниха, Герхард, вскочив с места, в ужасе рванул в сторону егеря. Когда кабаниха почти настигла его и прыгнула чтобы свалить с ног, егерю в последний момент удалось оттолкнуть Герхарда от удара. Но, к сожалению, сам попал под нее. Кабаниха своими клыками схватилась за правый бок егеря и в ярости стала его трясти. Егерь всячески пытался отбиться от нее. Вытащив свой охотничий нож, несколько раз вонзил его в тело кабанихи. Но из-за того, что кабаниха схватила его с правого бока сверху и всей тушей навалилась, егерю не удалось нанести прицельный удар. Хоть он несколько раз попадал, но лишь ему удавалось слегка ранить зверя, чем еще более его разозлил. Почти теряя силы, уже не оказывая более сопротивления зверю, егерь стал валиться на бок, и тут раздались несколько беспорядочных выстрелов. Это стрелял Герхард. Все семь оставшиеся пули в магазине, он в упор выпустил в нее. Кабаниха, не выпуская егеря из своих челюстей, замертво упала в землю, окропив снег своей кровью и кровью егеря.

Услышав выстрелы Герхарда, а так же его неистовый крик, остальные члены охоты быстро направились к ним. Выки-

нув в сторону винчестер, весь бледный Герхард стоял возле неподвижно лежащего егеря и не знал что делать.

Первым к ним подоспел его отец, следом за ним подошел господин Занге. Когда им удалось высвободить егеря из пасти кабанихи, перед их глазами открылось жуткое зрелище. Кабанихе удалось разорвать правый бок егеря так, что из раны торчали его ребра. Кожа на ране висела лохмотьями, и оттуда хлынула кровь. От увиденного Герхарду стало плохо. Последним подойдя к ним, граф Розенберг тут же увел его в сторону. Тем временем доктор Штаубе, достав из аптечки жгут и бинты, тщательно обработав рану, туго затянул ее. Ему удалось остановить кровотечение. Сделав егерю два укола, они поспешили обратно в зимовку, так как там остались основные инструменты доктора. Рану необходимо было скорее зашить.

Обратный путь занял около полутора часов. Попросив господина Занге вскипятить воду, доктор Штаубе с сыном стали обрабатывать рану егеря. Осмотрев его кости ребер, убедившись, что они целы, сделав обезболивающий укол, стал зашивать внутренние разорванные ткани и мышцы. Затем аккуратно вернув на место те куски кожной ткани, которые кабанихе удалось порвать, попросил Герхарда их зашить. Протерев кровоподтеки вокруг раны, наложив на нее бинтовой тампон, туго ее забинтовал. Вновь сделав ему пару уколов, поставив капельницу, доктор устало сел на рядом стоящий стул.

Несколько часов практически все молчали, ни кто не решился начать разговор. Ехать в город они также не могли, потому что господин Лам не транспортабелен. Воцарившуюся тишину нарушили его стоны. В бреду, он издавал жуткие вопли. Не выносимо было смотреть, как он страдает. Тут же доктор Штаубе сделал ему обезболивающий укол, как только лекарство начало действовать, егерь засыпал. До самого утра отец и сын всю ночь, подменяя друг друга, дежурили возле кровати больного.

На следующий день после обеда, сняв повязку и взглянув на рану, доктор заметил, что она не кровоточит, и самое главное, не было спор гноения. Это был хороший знак. Обработав рану, доктор вновь ее забинтовал, поставил капельницу. Только к вечеру господин Лам пришел в себя. Увидев, как он открыл глаза, Герхард позвал отца. Когда доктор подошел к нему, егерь спросил его,

– Как Герхард, не тронула ли, не покалечила ли его кабаниха?.

– Не беспокойтесь дорогой Филипп, с Герхардом все в порядке, – успокаивал его доктор, – как Вы сами, как самочувствие, может что-либо беспокоит Вас?

Чувствуя за собой вины, егерь стал извиняться перед ним, – Простите меня господин Штаубе. Я на мгновение отвлекся, чтобы взглянуть на свои капканы и не заметил, как из кустов выскочила кабаниха с поросятами.

– Нет, друг мой Филипп, это Вы нас простите за то, что

мой сын ослушался Вас. Я знаю, Герхард, не дождавшись Вас, самостоятельно направился к тому злополучному месту. Если бы он дождался бы Вас, ничего этого не произошло бы. Так что не Вам извиняться перед нами, а нам стоило бы.

– Нет, нет, Герхард тут не причем, – оправдывал его егерь.

– Дорогой Филипп, главное все позади. Теперь лишь бы Вы поскорее выздоровели и встали на ноги.

– Из-за такой нелепой ошибки я испортил всю Вашу охоту, нарушил все Ваши планы.

– Пустяки. Мы еще не раз приедем к Вам, так что зря Вы волнуетесь. Еще успеем свое наверстать. А пока, друг мой, Вам стоит немного подкрепиться. Со вчерашнего дня Вы ничего не ели, – сказав, он стал кормить егеря бульоном из куропатки.

Через несколько дней егерю стало лучше, и они решили повести его в город для дальнейших процедур. Постелив на подводу несколько одеял, охотники уложили на нее егеря и двинулись в направлении города.

Раны господина Лама быстро зажили, отеки вокруг раны практически исчезли. Доктор Штаубе, прежде чем в последний раз перевязать, позвал к себе сына и, указывая на швы, сказал,

– Взгляни Герхард на эти швы. Тот шов, который ты наложил, и мои швы практически не различимы. Кроме нас с тобой ни один хирург так не зашивают раны. Не прошли даром мои труды. И вот теперь я смело могу говорить о том,

что роду докторов Штаубе прибыло. Теперь, я из сотен, тысяч операций смогу точно определить ту, которую делал ты благодаря нашему стилю шва. Когда так зашивают рану, она быстро срастается. А также, когда ты удаляешь нити, следов от них не остается, понял.

– Да, папа – ответил ему Герхард...

ГЛАВА 4. Госпиталь Красной Армии

Только на третьи сутки Герхард очнулся. Открыв свои глаза, он ничего и ни кого не узнал. Незнакомая палата, неизвестная речь, чужие люди. Вокруг царил неопределенный суматоха, беспорядочная толкотня, все куда-то торопились, бежали. Вокруг него издавались какие-то стоны, вопли людей. Герхард, спустив свои ноги с кровати, попытался встать. В глазах потемнело, голова закружилась, и он чуть не рухнул на пол. Еле удержавшись за спинку кровати, ему удалось сохранить равновесие. Немного постояв, для того чтобы тело привыкло, Герхард стал осматриваться вокруг. Вокруг в палате лежали раненные, это их стоны слышал он. Герхард уже вполне мог контролировать свое тело, ноги его слушались, но голова сильно раскалывалась, она опухла и словно гудела, как будто по ней идет паровоз. Но самое страшное было то, что он совершенно ничего не помнил. Наверное, сказывались последствия полученной контузии после оглушительного взрыва его госпиталя.

Немного придя в себя, он вышел в коридор. Возле дверей, на табуретке спал часовой. Кругом, по всему коридору лежали раненные. То в одном направлении, то в другом, с носилками и без, пробегали санитары. Осторожно обойдя часового, Герхард медленно побрел по коридору. Ему ни столько было трудно идти, сколько его тревожила боль в голове. Та обстановка в которой оказался, была ему знакома. Те же палаты, раненные, люди в белых халатах, санитары с носилками, но, увы, все было кругом чужое. Он ничего этого не помнил. Все попытки, предпринятые им, чтобы вспомнить были тщетны. Только от усилия голова еще сильнее разболелась.

– Тут, – кто-то крикнув, – посторонись, – пронесли мимо него тяжело раненного бойца с торчащим в ключице осколком. Пройдя мимо него, санитары носилки занесли в первую с право от него дверь. Когда он взглянул в эту дверь, бойца положили на кушетку. Его сразу же окружили люди в белых халатах. Интуитивно Герхард направился к ним. Как раз в это время врач, обработав вокруг осколка рану спиртовым раствором, вытаскивал его из тела бойца. Он не успел даже полностью вынуть осколок, как из раны хлынула кровь. Видно была пробита главная артерия. Все попытки врача и его помощников остановить кровотечение были тщетны. Еще немного промедления и боец мог погибнуть от большой потери крови. Понимая безвыходность ситуации, Герхард, жестом попросив, отодвинутся врача, указательными пальцами обеих рук осторожно надавил сверху и снизу на пробитую

главную артерию. Кровь тут же остановилась. Указав жестами врачу, чтобы тот сменил его, сам пошел к раковине, чтобы промыть и продезинфицировать свои руки. Вернувшись стал оперировать того бойца. Хотя Герхард память свою потерял, но руки навыки не утратили. Ранения солдата были очень тяжелые. Шансов, что он выживет, были мизерные. Операция продолжалась более двух часов. Герхард из тела солдата вытащил еще несколько маленьких осколков. Затем, зашив его разорванные ткани и мышцы, он аккуратно наложил шов на разрезе раны. Этот шов оказался не малым. После того, как он завершил операцию, обработав вокруг раны и убедившись, что она не кровоточит, жестом указал медсестре забинтовать ее. Не успел он смыть кровь со своих рук, как в комнату занесли еще одного раненного. Судя по форме, он был важным чином.

Врач, который недавно с ним вместе оперировал солдата, на чистом немецком языке обратился к нему,

– Доктор, прошу, вас подойдите сюда,

Герхард, услышав родную речь, тут подойдя к нему,

– Где я, что со мной?, – как бы моля, спросил у него.

– Об этом позже. Прошу вас, помогите мне прооперировать генерала.

Подчиняясь ему, Герхард стал оперировать по просьбе доктора, генерала. У него ранения были в основном на левом боку и предплечий. По сравнению с предыдущей операцией, его раны были не смертельны. Как только закончив опе-

рацию, Герхард пошел смыть кровь с рук, в операционную забежали двое автоматчиков. Угрожая ему оружием, потребовали поднять руки. Ничего не понимая, Герхард поднял свои руки вверх. Видя эту сцену, начальник госпиталя, быстро подойдя, крикнул на них.

– Отставить, немедленно опустите свое оружие.

Автоматчики стали ему возражать,

– Товарищ генерал лейтенант, он фашист, пленный. Нам приказано, как только он придет в себя, доставить его в особый отдел.

Генерал лейтенант медицинской службы И. З. Романов жестким приказным тоном прервал их,

– Он не покинет территорию госпиталя.

Но часовые не унимались, пытались возражать ему, сетуя на приказ начальника особого отдела Армии подполковника Зюганова.

Генерал лейтенант не на шутку разгневавшись, резко схватив одного из них, подвел к раненному, которого недавно прооперировал Герхард,

– Посмотри сюда, вот этих двух раненных только что спас твой фашист. Один из них генерал лейтенант, а второй старший лейтенант. И таких у меня десятки, сотни за день поступают. Хороших врачей, и тем более таких как он у меня практически нет. Скажи мне боец, как прикажешь мне их спасти, если Вы его заберете? Передай своему подполковнику Зюганову, что начальник генерал лейтенант Романов под

свою ответственность оставляет у себя этого военнопленного и ни кому его не отдаст. Если твое начальство мое решение не устраивает, пусть они прежде арестуют меня, а потом можете забрать его. Ты все понял, боец? А теперь идите.

Так Герхард оказался в госпитале Красной Армии...

ГЛАВА 5. Саидходжа

Слушая Эльзу, доктор Штаубе украдкой, незаметно ей крепко сжимал свои кулаки. Кровь вскипала в его жилах от ненависти и ярости в отношении ее и того раненного. Недавно, читая последнее письмо сына с фронта, винил себя за то, что старый, пожилой человек не смог отомстить убийцам своего сына. Не смог сполна исполнить свой отцовский долг.

Как только Эльза закончила свой рассказ, он, попросив ее немного подождать, сам, куда-то удалился.

Минуты ожидания, проведенные Эльзой в гостиной, проходили слишком медленно и мучительно. Ее одолевало какая-то необъяснимая тревога и волнение от того, что доктора долго нет. А он уже порядком отсутствовал.

Доктор после разговора с Эльзой, зайдя в кабинет, заперев за собою дверь, с трудом добрался до своего рабочего стола. Рухнув на стул и, схватив фотографию сына, он зарыдал. Как бы спрашивая сына, задавал вопросы. Как она могла прийти сюда с такой просьбой? Неужели она не знала о том, что тебя убили они? Как...? Как...? И тут же вскочив с места, по-

дойдя к шкафу, где хранились медикаменты, он сказал, – Я убью его, отомщу за смерть сына, за тебя Герхард, – сказав, дрожащими руками стал набирать в шприц какой-то препарат. – Его смерть будет долгой и мучительной, – приговаривал он себе. В эту минуту его не мучила угрызение совести. Желание мести за гибель сына, за тех матерей и отцов, которые так же как и он потеряли своих сыновей от рук проклятых русских, была превыше всего. Набрав в шприц яда, и положив его в свой саквояж, сделав над собой последнее усилие, стал одеваться. Затем, взяв саквояж в руки, выйдя из кабинета, направился в гостиную, где его ожидала Эльза.

– Ну, что ж, пойдёмте, показывайте своего раненного, – сказав, доктор направился к выходу.

Всю дорогу, пока они шли, доктор не выронил ни слова. Он шел хмурый и подавленный. Этого не могла не заметить Эльза. Идя за ним и видя того, как он быстро идет, она не могла понять причину, побудившей изменению настроения доктора. Ведь он буквально недавно, сидя за столом не умолкал. Всячески пытался развеселить ее, утешить, успокоить. Но как только он услышал о раненном, его словно подменили, он резко изменился в лице. От того, тревога и волнение охватившей её в гостиной, еще более усилились. Понимание того, что что-либо изменить уже слишком поздно, еще сильнее довлела над ней.

Как только они дошли до ее дома, Эльза, ухватившись за дверцу калитки, заплакала.

– Что с Вами, – поинтересовался у нее доктор.

Делая огромное усилие над собой и полных глаз слез, она, взглянув на него,

– Доктор он не виноват в смерти Вашего сына. Он не убивал Герхарда.

А доктор, как бы ни понимая ее,

– О чем Вы...

– О том, что каждый человек имеет право на жизнь. Моих родителей убили наши немцы. Но я же не стала ненавидеть свой народ. Так же как и Ваш сын, этот несчастный защищал свою землю, свой народ. Доктор, прежде чем что-либо сделать, прошу Вас, подумайте. Возможно, там, на Родине, его тоже ждут. Быть может, у него есть мать, отец, супруга. Не берите грех на душу, не надо. Если Господь даровал ему жизнь, пощадив в реке, значит он должен жить.

– Эльза, я не собираюсь его убивать и тем более мстить. Не забывайте, я все-таки врач, а не палач, – как бы с обидой выразился доктор.

Ничего ему, не отвечая, Эльза, открыв калитку, впустила его во двор.

Зайдя в дом, она молча смотрела на него. Тишину нарушил доктор,

– Где Ваш раненный? Показывайте.

Проведя его в комнату брата Арнольда, указав кивком головы на кровать, сама остановилось у дверей.

Тяжело дыша, доктор подошел к кровати раненного.

Впервые в его жизни с ним происходило такое. Его тело, его душа разделились, словно на две части. С одной стороны ненависть и злость требовали неминуемого возмездия за гибель сына. С другой, ведь он потомственный врач в десятом поколении, человек избравший целью своей жизни служения людям, исцеление их от всяких недугов. Может ли врач поступить иначе. Да и слова Эльзы, сказанные у калитки, словно лезвием ножа прошлись по его телу. Она, чувствуя истинные его намерения, попыталась образумить, заставить одуматься. Взглянув на раненного, увидев то, как он мирно спит, доктора охватила ярость. Он чуть ли не вслух произнес,

– Ты спишь здесь в теплой постели, а мой сын лежит где-то там, на чужбине, в сырой, в безымянной могиле. Нет, не бывать этому! Да, я не палач, но я отец, Я должен, обязан отомстить за сына, – стал оправдывать себя.

Поставив рядом собой саквояж, открыв его, и обернувшись к Эльзе, попросил ее вскипятить воду. Когда она ушла, он быстро достал из саквояжа шприц с ядом. Откинув одеяло и оголив руку раненного, немного похлопал по локтевому суставу. Как только он вонзил иглу в вену несчастного, одеяло сползла на руки. А раненный со стоном откинул голову в сторону. Откидывая обратно одеяло на место, доктор увидел на шее несчастного огромный шрам. И тут же услышал голос сына, – Отец, не делай этого.

Приглядевшись на шрам, он, в ужасе вскрикнув, стал вытаскивать шприц из вены несчастного. На его крики в комна-

ту вбежала Эльза. От того, что там она увидела, не на шутку испугалась. Доктор, стоя над больным держа в руках шприц, только и твердил,

– О боже, о боже...

Лицо его было перекошено, от страха он весь вспотел, а глаза были широко раскрыты.

Эльза не выдержав это, со всей силой ударила его по щеке. Он тут же успокоился и, упав на колени перед кроватью,

– Эльза, Эльза. Взгляните сюда, – показывая на шрам на шее раненного солдата, – посмотрите, как он зашит, вот, вот эти швы. Это, это...

– Я Вас не понимаю доктор, – произнесла Эльза.

– Да, да, конечно. Простите меня, глупца, Вы действительно не понимаете меня. Я сейчас все объясню. Этот шов, то, как зашит равномерно по обе стороны, указывает на то, что его оперировал мой сын Герхард.

– Но Вы же говорили, что он погиб под Сталинградом в 1943 году. Тогда как Вы можете утверждать о том, что его оперировал именно Ваш сын Герхард, тем более он солдат Красной Армии.

– Я этого тоже не могу понять. Ведь командование писало, что после взрыва в госпитале никто не выжил. Тогда откуда у него этот шрам? Я уверен на все сто процентов, операцию на шее вашего подопечного делал именно мой сын.

– А Вы уверены в том, что его оперировал именно Герхард.

– В этом нет сомнения, оперировал его именно Герхард. Видимо ответ нам может дать этот человек, если конечно выживет. Состояние его очень тяжелое, он слишком слаб.

Доктор, осмотрев больного, понимал, шансов практически не было, только чудо могло его спасти. Раны воспалились, тело ни на что не реагировало. А высокая температура еще более усугубляла его и без того тяжелое состояние. Он был почти в агонии.

Это очень беспокоило доктора. Его больше пугало то, что из-за не своевременного оказания ему медицинской помощи, не попала ли инфекция в кровь. Доктор понимал, если это произошло, то он будет бессилён. Заражение крови приведет к неминуемой смерти.

Прежде чем обрабатывать рану, доктор сделал ему укол, чтобы сбить температуру. А второй укол от столбняка, чтобы предотвратить заражение крови. Затем, написав список необходимых медикаментов и инструментов, отправил Эльзу к себе домой. Как только Эльза ушла, он пошел на кухню, чтобы промыть и продезинфицировать свои руки. Вернувшись, стал обрабатывать раны больного до возвращения Эльзы. Она вернулась быстро. Доктор, тут же взяв у нее все необходимое, приступил к операции. Она длилась около трех часов. Ни доктор, ни Эльза не заметили, как пролетело время. Забинтовав раны больного, сделав ему очередной укол и установив капельницу, доктор устало сел на стоящую рядом кровать. Эльза попыталась предложить ему кресло, но

доктор ей возразил,

– Нет, нет, дорогая Эльза, прошу вас, не беспокойтесь. Я немного посижу, а затем, непременно пересяду в ваше кресло.

Так они, поочередно дежуря возле кровати больного, провели всю ночь. Если не считать то, что жар им удалось как-то сбить, то в целом состояние больного не внушало доверия. Он все еще бредил и стонал от боли. Доктору Штаубе и Эльзе оставалось только надеяться и уповать на милость Господа, а так же на самого раненного. Им нельзя было допустить того, чтобы он умер. Весть, которую мог принести этот солдат, имела огромное значение для него. Она изменила бы всю дальнейшую жизнь доктора. Если действительно операцию ему делал Герхард, если ему каким-то чудом удалось выжить после авианалета, такая весть для доктора была бы самой желанной, какую он хотел бы услышать за свою жизнь. Он понимал, если этот несчастный не выдержит и заберет эту тайну с собой в могилу, его сердце тоже не выдержит. Каждый день, в очередной раз, перевязывая его, доктор и Эльза молились, надеялись на чудо. В ожидании прошли еще несколько дней. Доктор ни на минуту не покидал кровать больного. Он боялся того, что упустит момент, когда этот солдат очнется, а его не окажется на месте.

На четвертые сутки, беспокоясь за отца, Луиза пришла к Эльзе. Когда она вошла в дом, двери в комнате Арнольда были приоткрыты. Взглянув вовнутрь, она увидела мирно спав-

шего на кровати отца и Эльзу в кресле, а на другой кровати спал тот самый раненный.

Услышав скрежет пола, первой проснулась Эльза. Увидев Луизу, она тут же вскочила с места и разбудила доктора.

Луиза успела только произнести,

– Папа...

Как отец, встав с кровати, обнимая дочку, сказал,

– Луиза, Луиза. Милая, родная моя, – протянув стул и указав на него, – доченька, садись, пожалуйста, услышав ту весть, о которой я хочу тебе сообщить, ты не сможешь устоять на ногах.

– О чем Вы папа?, – недоуменно глядя на него, Луиза села на стул.

– Доченька, родная, я уверен, я всегда надеялся, верил, твой брат Герхард жив,

– Папа Вы опять, – возмущаясь, вскочила со стула Луиза.

– Да, да, твой брат жив. Я в этом абсолютно убежден, и он, – указывая на раненного, – ответ на этот вопрос нам может дать вот этот молодой человек.

– Папа, Вы опять за старое. Герхард погиб. Поймите, если бы это было не так, прошло уже два года, почему он не дал о себе знать.

Хотя Луиза была хрупкой девчонкой, она оказалась сильнее своего отца. Она сумела свыкнуться с мыслью о том, что брата уже нет в живых. Два года она безуспешно пыталась убедить в этом отца. Что бы он ни терзался, ни мучил себя

и ее сомнениями.

– Нет, нет родная. На этот раз я говорю тебе абсолютную правду, твой брат Герхард жив, – затем показывая на рану, – взгляни сюда, на этот шов. Ты же узнаешь его, не правда ли. Это же наш фирменный почерк, рода Штаубе. Кроме нас никто на свете не зашивает раны так. Это наш стиль, я уверен в этом и в том, что эту операцию делал твой брат, я уверен на все сто процентов.

Доводы отца были слишком убедительны и настойчивы. Прислушавшись к ним, она пристально взглянула на шрам на шее больного. Проведя по нему своими пальцами, она, взглянув на отца, стала медленно сползать вниз. Тут же схватив ее, доктор усадил на кресло. Эльза подала ей стакан воды. Сделав несколько глотков, она, вновь взглянув в глаза отца, сказала, – простите... – и разрыдалась. Видя ее состояние, доктор Штаубе и Эльза, обняв ее, тоже заплакали.

Прижавшись друг другу и неистово рыдая, они не заметили того, как раненный солдат очнулся и, придя в себя, смотрел на них. Он не понимал того, что здесь происходит, почему эти люди плачут, где находится он сам. Первым то, что солдат очнулся, заметила Эльза.

– Доктор, смотрите, он пришел в себя, Луиза, он очнулся, – сказав, подойдя к кровати, присела на край. За ней к нему подошли доктор с дочкой. В первое мгновение они все опешили. То, чего они больше всего желали, молились за это, надеялись, свершилось. И вот теперь, когда он, очнувшись и

придя в себя, глядел на них, были в полной растерянности. Им не верилось, они не могли еще сполна это осознать.

Немного придя в себя, доктор с трясущимися руками от волнения, открыв свой саквояж, достал оттуда несколько ампул с лекарствами. Набрал их в шприц, медленно ввел в вену солдата. А он, не отрывая взгляда, смотрел на них.

Заметив на себе его пристальный взгляд, Луиза, показывая на его шрам на шее, попыталась узнать, откуда он у него. Ее тут же остановил отец,

– Доченька, больной еще слишком слаб. Ему нельзя сейчас разговаривать, нельзя волноваться. Чудо уже свершилось, он очнулся, пришел в себя. Мы теперь не позволим смерти забрать его у нас. Самое главное, он оказался сильным и мужественным человеком. После таких ранений, стольких испытаний, – показывая на гематомы, на теле солдата, оставленные после пыток, – то, что он выжил, это не просто судьба, это дар божий. И еще, не забывай, он все-таки солдат Красной Армии, возможно, нас не понимает, не знает наш язык. Если это так, нам будет очень сложно в нашем городке найти того, кто мог бы ему нас перевести. Так что нам надо набраться терпения и ждать, и надеюсь, от него со временем все узнаем.

ГЛАВА 6. Засада

После очередного удачного рейда в тыл противника, у разведгруппы старшего лейтенанта Сайдаматова Саидход-

жи, была небольшая передышка.

Взяв увольнительную, старший лейтенант Сайдаматов, сержанты Игорь Скляр и Федор Стародубов решили провести ее в городе. При полном параде, отполировав свои сапоги до блеска, направились в город.

Сержант Игорь Скляр был родом из небольшой деревушки Сосновка, Тамбовской области. По своей натуре Скляр был совершенно не предсказуем, хитрый, изворотлив, находчив и бесстрашен. Из любых, даже безвыходных ситуаций, он всегда выходил победителем. Никогда не терял оптимизма. Во время преследования группы противников, командир всегда оставлял его в группе прикрытия, зная о том, что Скляр никогда не оставит раненного товарища и непременно его спасет. Игорь на своих плечах умудрялся через линию фронта дотащить раненного товарища до расположения части. От того его кличка была Везунчик. Он был неизменным талисманом группы во время рейдов. А в те небольшие дни передышек между рейдами в тыл врага, Скляр был душой компании, великолепно играл на гитаре. Игорь так изощрённо придумывал истории, всякие небылицы, даже бравые правдолюбы попадались на его удочку. А затем все долго над ними смеялись.

Вот и сейчас, направляясь в город, он убедил своего командира в том, что если они срежут путь через лесок, быстрее окажутся на месте. Понимая того, что сержант его все равно переубедит, Сайдаматов согласился, хотя и понимал,

иди они вдоль дороги, могли до города добраться на попутке.

По пути следования Скляр практически не умолкал. Он так увлеченно рассказывал своим попутчикам невероятные истории из своих рейдов в тыл врага, порой даже сам и его попутчики забывали о том, что в тех самых рейдах они были вместе. А когда до всех троих это доходило, так смеялись друг над другом от мысли, как же ловко попались его обвожигительным чарам.

Федор Стародубов был из-под Курска. Кличка Угрюмый, из-за того, что он был молчун. Если и кому удавалось разговорить его, так это сну. Во сне он с лихвой мог компенсировать весь дневной запас своих слов, не выговоренных им. Порой он входил в образ так, что группа, обставив его со всех сторон, болтала с ним. Услышав его ответы на их вопросы, подолгу смеялись над ним. А когда Федор просыпался и ему говорили об этом, он не верил и обижался на них.

Пройдя по лесополосе несколько сотен метров, товарищи оказались у открытой поляны. Тут же сержант Скляр предложил командиру,

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться.

– Разрешаю,

– Может нам стоит немного подкрепиться, и взбодриться перед боем. А то на голодный желудок тяжеловато идти, – с улыбкой сказал он.

Так, как им не куда было спешить, командир дал добро.

Скляр стал, осматриваться по сторонам, подыскивая ме-

ста для дневки. Неподалеку от того места где они остановились, росла одинокая береза. Как раз под ней была ровная площадка. Постелив телогрейку Стародубова, они стали вытаскивать из рюкзака тушенку, хлеб, колбасу и фляжку с наркомовским спиртом.

Не успели разведчики даже дотронуться до еды, где то рядом, в лесной дороге раздались оглушительный взрыв и автоматные очереди. По звукам выстрелов, разведчики быстро определили, где-то рядом идет бой. На одиночные выстрелы из ПМ и ППШ, в ответ были слышны очереди из немецких автоматов и пулеметов. Резко вскочив с места, бросив еду, разведчики побежали в направлении боя.

Когда они вышли к дороге, то увидели два подбитых виллиса с погибшими бойцами из взвода охранения, видимо подорванными миной. А также командирский ЗИС, скатившийся в кювет, возле которого отстреливались водитель и пассажиры его. Со стороны леса, перебежками, рвался к ним немецкий десант. Старший лейтенант Сайдаматов, оценив ситуацию, приказал своим бойцам скрытно обойти немцев с тыла и заставить замолчать пулемет. А сам перебежками поспешил на помощь к командирской машине. Подбежав к воронке, откуда отстреливались выжившие, крикнув, свои, он прыгнул к ним. В живых остались раненный в плечо начальник штаба Армии генерал лейтенант Комаров и отстреливавшийся из своего табельного ПМ и его водитель. А офицеры сопровождения были убиты.

– Товарищ генерал лейтенант, старший лейтенант Сайда-матов, из развед роты бригады, – доложив, он немедленно приступил к отражению атаки.

– Я, по-моему, тебя знаю, старлей, – сказал генерал.

В это время Скляр и Стародубов, незаметно обойдя про-тивника, подползли сзади пулеметчиков. Быстро сняв их финкой, Скляр с пулеметом отполз к небольшой возвышине, да так, что противник оказался практически как на ладони. А Стародубов прихватив с собой автомат убитого диверсанта и лежавшие рядом несколько гранат, пополз к основной группе противника.

Когда диверсанты практически накрыли генерала, заняв позицию, сержант Скляр в упор стал расстреливать их. Не давая им опомниться, Стародубов, одну за другой швырнул в их сторону несколько гранат. А затем из двух рук, из своего ППШ и трофейного автомата стал в упор расстреливать фашистов. К ним со стороны воронки подключились Сайда-матов и водитель генерала. Диверсанты, не ожидавшие такого поворота, оказались под перекрёстным огнем и вынужденно стали отступать. Когда разведчикам почти удалось отбить атаку неприятеля, один из нападавших кинул гранату в сторону воронки. Увидев ее, Сайдаматов успел своим телом накрыть генерала. Раздался оглушительный взрыв, машина генерала, от ударной волны перевернувшись, загорелась. Водитель генерала старшина Никодимов погиб на месте, а старший лейтенант Сайдаматов с генерал лейтенантом

Комаровым, лежали неподвижно, засыпанные землей. Как раз к тому моменту к ним подоспела подмога, на грузовиках несколько десятков автоматчиков. Диверсанты, потеряв в этом бою немало своих бойцов, и не выполнив поставленной задачи, отступили вглубь леса. Как только немцы ушли, сержанты Скляр и Стародубов побежали в сторону командира.

Когда Скляр снял старшего лейтенанта с генерала, увидел жуткую картину. Лицо командира и генерала были залиты кровью. Из ключицы около шеи Сайдаматова торчал осколок гранаты. Оба они были без сознания. Основной удар от взрыва принял на себя Сайдаматов, а генерала осколки заделали по касательной.

Быстро загрузив их на уазик командира подоспевших красноармейцев, раненных повезли в госпиталь. До этого боя, старшего лейтенанта Сайдаматова все считали заговоренным. С первых дней войны до сегодняшнего дня на его теле не было ни царапины. Даже в тех ситуациях, когда вражеская артиллерия утюжила каждый метр поля боя, все знали, что самое безопасное место рядом с ним. Там где находился Сайдаматов, мины порой падая не взрывались.

Подъехав к госпиталю, сержант Скляр, вбежав внутрь, крикнул,

– Санитары, врача. Там тяжело раненные офицеры.

Как раз, в это же самое время, Герхард Штаубе, выйдя из своей палаты, шел по коридору....

ГЛАВА 7. Саидходжа

Так в заботах, подменяя друг друга, доктор, Эльза и Луиза, оставшаяся у Эльзы после известия о брате Герхарде, провели еще несколько дней. Больному становилось то лучше, а иногда и вовсе терял сознание, вводя их в отчаяние. Наконец, только на шестые сутки, после прихода Луизы, их подопечный пошел на поправку.

Когда в очередной раз, доктор Штаубе сделав укол, намеревался встать, солдат с ним заговорил,

– Где я? Что со мной? Кто Вы?

Обрадовавшись вдвойне тому, что он заговорил, причем на его родном немецком языке, доктор позвал Эльзу и Луизу.

До отправки в ряды действующей Армии, Саидходжа прошел спец подготовку, где кроме навыков рукопашного боя и маскировки, он обучался ускоренным курсам немецкого языка. Где был одним из лучших. В последующем, за годы военной службы, он старался совершенствовать свои знания немецкого языка, и к весне 1945 года им владел идеально. Саидходже удалось прочитать немало произведений немецких классиков, в том числе Гете, Шиллера на их родном языке. Он вновь повторил свой вопрос,

– Где я? Что со мной? Кто Вы?

Удивлению доктора, Эльзы и Луизы не было границ. Ведь до этого, они сидели и гадали над тем, как с ним быть, когда он придет в себя. Они же не знали о том, что этот боец в

совершенстве владеет немецким языком. Не понимали, как его расспросить о Герхарде, кто им будет переводить, кого просить. Если хотя бы одна душа узнай о нем, его немедленно забрали бы в гестапо, а то и вовсе перед отступлением расстреляли бы.

Все втроем, не в силах удерживать своих слез, прильнули к его кровати. Слезы сами по себе наворачивались к их глазам. Сменяя друг друга, они гладили его по щекам, по груди, прижимали его забинтованные руки к себе и целовали. Ничего не понимая о происходящем, больной молча подчиняясь их эмоциям, ждал, пока они успокоятся. Когда Саидходжа понял, что они немного пришли в себя, попросил воды. Луиза, схватив стакан с водой, попыталась ему его подать, отец остановил ее.

– Ему сейчас пить нельзя, – и повернувшись, – у Вас были тяжелые открытые раны. Они еще не зажили и, к сожалению, кровоточат, так, что вам еще рановато пить, – сказав эти слова, доктор намочил ватный тампон в стакане и протер ими его губы. А затем предложил подержать ватный тампон во рту. Саидходжа испытывая неимоверную жажду, чуть его не проглотил. Видя это, доктор стал успокаивать его,

– Потерпите еще немного, ваша жажда скоро пройдет. Самое страшное уже позади и вы скоро вдоволь напьетесь. А пока, если вы мне позволите, я хотел бы спросить у вас вот о чем. Где и когда делали вам вот эту операцию, – показывая ему на шрам на шее. – Если можно, могли бы вы нам сказать,

кто ее вам делал?

Немного выдержав паузу, как бы задумываясь над его вопросом, Саидходжа спросил у него,

– А почему Вы интересуетесь этим шрамом?

– Понимаете молодой человек. У меня был сын, почему собственно говоря, был, я верю, что он жив, и надеюсь, вы мне в этом поможете. Он, так же как и я хирург. Но не смотря на все мои уговоры, на все мои попытки оставить его, добровольцем отправился на фронт. Причем, сам же напросился на Восточный фронт, хотя вполне мог служить и дома. Так вот, – достав из кармана пиджака извещение о смерти сына, – в марте 1943 года я получил от командования вот это извещение.

Саидходжа внимательно его прочитал. В нем говорилось о том, что майор медицинской службы Германской Армии Герхард фон Штаубе погиб во время авианалета противника, в городе Калач под Сталинградом.

– Буквально накануне получения данного извещения, я получил его последнее письмо, при случае я его вам дам почитать. В том письме он пишет о том, какие идут там ожесточенные бои, как сотнями, тысячами поступают раненные. Но странность не в том, что он пишет, а в том, что до прихода к нам фрау Эльзы, мне ни разу не удавалось его толком прочитать. У меня не хватало на это сил, слезы сами накапывались на глаза, и я его откладывал. Но в тот день до прихода фрау Эльзы, я его прочитал не менее пяти раз. После

каждого раза, перед глазами появлялся образ сына и как бы меня, успокаивая, отчётливо мне говорил, – Не плачь, папа, я жив, мы скоро с тобой обязательно увидимся, – сказав эти слова, доктор достал из кармана пиджака свой носовой платок и, протирая подступившие слезы, продолжил, – Я хирург, потомственный хирург. Мой сын Герхард так же пошел по моим стопам, стал хирургом, причем не плохим. Шов, наложенный у вас вдоль шеи и ключицы, я на все сто процентов уверен, его зашивал мой сын. Почему я уверен в этом, так, как это наш фирменный почерк докторов рода Штаубе. Если вы получили свое ранение до весны 1943 года, тогда я буду думать, что мой сын погиб при авианалете вместе с остальными. Но если после, не будите ли вы любезны мне сказать, где и когда вы его получили?

– Вы правы, это ранение я получил именно в те дни, которые указаны на дате Вашего извещения. Оперировали меня не в немецком госпитале, а в госпитале Красной Армии. И операцию мне делал немец, хирург.

В это время, доктор, крепко сжав ему руку, вымолвил,

– Как его зовут?

– К сожалению, об этом я не знаю. Мы его звали Гансом. Он потерял память, видимо после контузии. Он о себе практически ничего не помнил. Как я понял, его нашли среди обломков госпиталя немецкой Армии. Когда меня привезли в госпиталь и удалили осколок торчавший в шее, с места ранения хлынула кровь, которую никто не мог остановить. Тогда

этот врач оказался возле меня. Он остановил кровотечение, а затем и прооперировал меня. Словом, когда я пришел в себя, все говорили мне, если не он, я бы не жил на этом свете.

– А вы можете узнать его по фотографии?, – спросил доктор,

– Разумеется, мы потом с ним крепко подружились. Он стал для меня как родной брат. Я обязан ему своей жизнью.

Дрожащими руками, достав фотографию сына, он протянул ему. Взглянув на фотографию, Саидходжа не колеблясь, ответил,

– Да, так и есть. Этот парень, запечатленный здесь, и есть тот самый доктор Ганс.

Услышав его слова, Луиза упала в обморок. В последний момент ее успела поймать рядом стоявшая Эльза. Доктор, достав из саквояжа нашатырный спирт, открыл флакон и поднес к ее ноздре. Очнувшись, рыдая, она кинулась в объятия отца,

– Простите меня папочка, простите за то, что я Вам не верила. Игнорировала Ваши предчувствия, – доктор, тем временем успокаивая ее,

– Родительское сердце обмануть тяжело. Оно все чувствует. Успокойся родная, главное, мы знаем, твой брат жив, и даст Господь, мы непременно с ним увидимся, – и, обернувшись к Саидходже, – вы простите нас за чрезмерную сентиментальность. Надеюсь, вы нас поймете. Весть, которую вы нам сообщили, я думаю не оставит равнодушным никого, не

так ли,

– Да, конечно. Я полностью с Вами согласен, – сказал Саидходжа.

– А теперь позвольте вам представиться. Меня зовут Карл фон Штаубе, доктор. Как, наверное, вы поняли, отец того самого хирурга, Ганса, так вы его величаете.

Саидходжа одобрительно кивнул головой.

– Эта милая фрау, – подведя поближе к нему Луизу, – моя дочь Луиза, младшая сестренка Герхарда. А с фрау Эльзой, вы, наверное, уже знакомы, – Когда доктор произнес эти слова, Эльза смущенно возразила,

– Нет, нет. Мы еще не знакомы с ним. С того самого дня, как я его нашла у реки, он еще не приходил в себя, всегда был без сознания.

– Как, – удивленно спросил у нее доктор, – непорядок, тогда позвольте молодой человек представить вам эту очаровательную и милую девушку. Вашу спасительницу, вашего ангела хранителя величают фрау Эльза Гербер. Она и мы искренне надеемся, что ее брат Арнольд являются единственными и полноправными хозяевами этого поместья. Кстати не замужем и совершенно свободна, – сказав эти слова, доктор впервые за эти два года расхохотался, да так, что от неловкого его состояния, одернув подол пиджака, остановила дочь Луиза. – А, что, – продолжал доктор, – посмотри на нашу Эльзу, не красавица ли она. Высокая, стройная, чернобровая, а какие у нее красивые, длинные волосы. Если б я был

бы молодым, непременно приударил бы за ней.

А Эльза тем временем, слушая слова доктора, засмушалась и отвела от них свои глаза. Ее щеки налились румянцем и покраснели. Воздух давил грудь и ей стало трудно дышать. По ее груди можно было определить, как сильно и учащённо забилося сердце. Более не в силах устоять на ногах, она убежала на улицу.

– Ну, вот, папа, Вы своими комплиментами и признаниями заставили устыдиться бедную фрау Эльзу. Пойду, приведу ее обратно.

Как только Луиза ушла, смущённо доктор сказал,

– Однако, неловко получилось, перед бедной Эльзой. По моему, я на радостях, переусердствовал своими шутками. Кстати, а как вас зовут, судя по всему, вы не русский.

– Мое имя Саидходжа, а фамилия моя Сайдамагов. Как Вы подметили, я хоть из Советского Союза, но не русский, а узбек.

– Узбек, значит вы азиат.

– Да, из Средней Азии. Узбекистан, не приходилось слышать?

– Нет, к сожалению не приходилось. А как вы оказались в наших краях, на территории, контролируемой Германскими частями? И кто же вас так пытал?

Тут Саидходжа отведя свои глаза от него, загрустил. Заметив это, доктор стал его успокаивать,

– Я, наверное, своими неуместными вопросами заставляю

Вас вспоминать о том, о чем бы вы хотели позабыть. Прошу, простите меня старика.

– Нет, нет. Вы тут совершенно не причем. Когда-нибудь придет время, я Вам обо всем расскажу. А пока, у меня есть к Вам убедительная просьба. Доктор, прошу Вас, о том, что я здесь, и о том, что фрау Эльза меня нашла там, у реки, никому ни слова. Я Вас об этом прошу не ради себя, а ради Вас. Вы правильно заметили, меня действительно пытали. Если те, кто меня пытал, узнают, что я жив, меня заберут с собой, а Вас как ненужных свидетелей, уберут. Вы, наверное, понимаете меня. Доктор, знайте одно, я не предатель, не изменник своей Родины и не дезертир. Так сложились обстоятельства, после которых для меня обратной дороги нет.

– Я понял вас. Можете не беспокоиться, никто не узнает о вас, не волнуйтесь, можете, полностью положиться на нас. Не забывайте, и нам тоже необходимо, чтобы о вас не знали, ведь нас тоже фашисты, узнай о вас, не пощадят, – а затем подведя штатив к кровати Саидходжи с раствором, – ну-ка, милый друг, давайте-ка мы вас прокапаем. Это уникальное лекарство. Оно поможет вам быстро встать на ноги, – осторожно воткнув иглу в вену и отрегулировав ритм капельницы, доктор продолжил, – Когда, я вас впервые увидел, осмотрел ваши раны, мне очень было жаль не столько вас, сколько бедную фрау Эльзу. Вы солдат. Ранения, боль по долгу службы обязаны терпеть, переносить. А смерть должны воспринимать достойно и хладнокровно. Вы же, все-таки муж-

чина. Но фрау Эльза, это совершенно другое создание. Я поражаюсь тому, как она вообще могла находиться возле вас. Обрабатывать, перевязывать эти жуткие раны. По мешкам под ее глазами можно смело определить того, что она провела возле вашей кровати не одну бессонную ночь. По вашему состоянию, к моменту моего прихода, по тем ранам, которые мне довелось увидеть на вашем теле, я был совершенно уверен, что вам осталось жить не более двух-трех дней. Но Господь всемилостив. Наверное, он услышал мольбы бедняжки, которые она провела у алтаря, и даровал вам жизнь. Теперь вам ничто не грозит, и скоро вы непременно поправитесь. А мы вам в этом поможем.

Затем, взяв какую-то ампулу и набрав ее в шприц, стал медленно вводить ее в вену Саидходжи.

– Прошу вас, не дергайте руками и не шевелите ее. Если вдруг игла выскочит, вам будет очень больно, это болезненный укол, из-за этого я его ввожу через вену. Вы чувствуете как тепло становится в руках?

И в самом деле, как только доктор Штаубе стал вводить лекарство, Саидходже показалось, будто его опустили в теплую ванну. Тело размякло, и его потянуло ко сну.

– Вот, вы уже начинаете засыпать. Значит, лекарство начало действовать. Не беспокоитесь, спите. Вам сейчас необходим отдых и покой, что в данном случае самое лучшее средство для восстановления вашего организма.

Саидходжа, под действием этих лекарств, уснул. Через

некоторое время, дождавшись последних капель, доктор Штаубе выключил капельницу и осторожно вынул иглу из его вены. Затем, согнув руки больного в локте, тихо удалился из комнаты и направился на улицу, к Луизе с Эльзой...

ГЛАВА 8

На следующий день, после полудня Рейх министр М. Борман вновь пригласил к себе штурмбанфюрера СС Вальтера Шнитке и бургомистра Гельмута Шульца. Указав им сесть за стол, он обратился к Шнитке,

– Ну, как Вальтер, я надеюсь, Вы познакомились с Гельмутом поближе?

Тут же штурмбанфюрер Шнитке, вскочив с места и обернувшись к нему,

– Так точно, господин Рейх министр, мы подружились с господином Шульцем.

Рейх министр указывая рукой сесть,

– Сиди, сиди Вальтер. Если мы постоянно, вернее вы постоянно будете вскакивать с места, у нас разговор не получится. У нас нет времени на субординацию и на формальности. Нам срочно необходимо выработать четкий план действия для скорейшего вывоза ценностей из штолен. И организовать их доставку в Фридрихсайн, для дальнейшей транспортировки в Бразилию.

Достав из стола карту и разложив ее на столе, Рейх ми-

нистр продолжил,

– Вальтер, ты, наверное, уже в курсе о том, что господин Шульц является бургомистром нашего городка в Австрии?

– Да, господин Шульц рассказал мне об этом,

– Хорошо. Я надеюсь, все пройдет гладко, и Гельмут станет бургомистром наших колоний в Бразилии. Вальтер, сколько у тебя людей?

– Сто двадцать человек, из особой бригады Эдельвейс. Все они прошли высшую школу подготовки. В горах чувствуют себя, как рыба в воде. С первых дней на самых трудных участках Восточного фронта.

– Маловато, – затем, немного поразмышляв, – Из 92 моторизованной бригады возьмёшь два взвода, а также роту горных стрелков из кавалерийской дивизии «Фогеляйн» во главе с майором Гафтом.

– А зачем нам танкисты в горах, – поинтересовался Шнитке,

– Взгляни сюда, – подозвав его, Рейх министр указал на карте, – Вот, в этой штольне, обозначенной буквой X, находятся ценности, которые ты должен вывести. А вот в этой, – показывая на букву T, – Вальтер, находятся десять бронемашин, и шесть легких танков «Тигр 131». Гауптман Клаус предан мне и нашему делу. Я в нем полностью уверен, так же как и в тебе. Надеюсь, танки и бронетехника нам не понадобятся. Но, все ж подстраховаться не помешает.

– Я Вас понял, господин Рейх министр, – и далее, – если

позволите, а на чем мы будем вывозить все эти ценности?», – спросил Шнитке.

– На этот счет, предвидя развитие военных событий, мы в свое время закупили с полсотни американских студебеккеров. Они находятся в боксах в Зальцбурге, в консервации, под надежной охраной. В данное время их снимают с коллодок и готовят к маршу. Гельмут, не так ли?, – спросил у Шульца Рейх министр.

– Машины к маршу уже готовы, я ночью с ними созвонился, они ждут нас.

– Вот видишь Вальтер, мы со своей стороны для тебя все подготовили. Остается надеяться, что и ты должным образом справишься с поставленной перед тобой задачей.

– Будьте спокойны, господин Рейх министр, надо будет, положим свою жизнь, но поставленную задачу, ради будущего Германии, выполним.

– А вот этого надо избежать. Никаких боестолкновений и стычек с противником. Не забывайте, миссия ваша секретна. Малейшая утечка информации, не избежать нам колоссальных потерь, кроме этого, ваши жизни мне пригодятся там в Бразилии. Кто, если не вы, должны возродить наше дело. И до места назначения вы должны добраться, по мере возможности, скрытно. До Австрии полетите на самолетах. В указанном месте высадитесь парашютами, пилоты предупреждены. Туда же подъедут грузовики. На месте, роту горных стрелков майора Гафта и оба взвода гауптмана Клауса

отправите к штольне Т для подготовки бронетехники к экстренному случаю. А сами, с остальными людьми, направляйтесь к штольне Х для погрузки ценностей.

Затем Рейх министр, достав со стола бутылку французского коньяка и три бокала, предложил бургомистру Шульцу разлить коньяк по бокалам.

Когда Шульц это сделал и протянул один из бокалов Рейх министру, он, взяв его в руки, встал со своего места. За ним последовали Шульц и Шнитке. Стоя М. Борман произнес,

– Наше будущее, будущее немецкой нации, будущее Германии зависит от вас двоих. Ценности, которые подлежат вывозу, неоценимы. Благодаря им, вдали от Родины, мы сумеем укрепить свою силу, собраться в кулак. И с новой силой вернуться обратно и ударить по противнику с такой яростью, какую он еще не испытывал на своем пути. Я верю в то, что мы очистим нашу страну от них. Я верю в то, что Германия еще воспрянет, встанет с колен, вновь будет величайшей державой на нашей планете. Да поможет нам Господь, удачи вам в пути, с Богом!

Все трое, воскликнув, за Германию, выпили до дна налитый в бокалы коньяк.

– Гельмут, самолеты вас ждут. Сегодня же приступайте к погрузке и вылетайте на место. Времени в обрез, максимум через месяц другой там окажется противник. Ступайте...

Отдав честь и поклонившись, Шульц и Шнитке покинули Рейх министра М. Бормана.

Выйдя с Рейх канцелярии, они направились в расположение своей части. Прибыв туда, штурмбанфюрер Шнитке приказал всем взводам построиться. Вкратце изложив им о предстоящей операции, дал указание по продовольствию и снаряжению. Скомандовав разойтись, сбор назначил через сорок минут у гаражей. Пока бойцы готовились, он вместе с Шульцем направился в столовую немного подкрепиться. Через сорок минут, вверенные ему подразделения с полной амуницией и до зубов вооруженные, стояли у ворот гаража.

– Повзводно, по машинам, – скомандовал штурмбанфюрер.

Быстро бойцы расселись по грузовикам. Штурмбанфюрер Шнитке и бургомистр Шульц сели в мерседес. Прежде чем сесть в машину, Шнитке отмахнувшись рукой скомандовал, – Марш, – колонна тронулась.

Через час с небольшим, группа Шнитке и горные стрелки из кавалерийской дивизии «Фогеляйн» майора Гафта, а также взвода механиков гауптмана Клауса из 92 моторизованной бригады, были уже на аэродроме. К тому времени все самолеты стояли на взлетной полосе с заведенными двигателями, готовые к взлету.

Распределив всех по самолетам, штурмбанфюрер отдал приказ по бортам. Через десять минут бойцы уже сидели в салоне. Зайдя в кабину пилотов, Шнитке отдал приказ к взлету. Один за другим в небо взмыли десять десантно-штурмовых «Юнкерс Ю 52/3м». Полет занял у них око-

ло двух часов. По мере приближения места высадки, загорелось табло «ГОТОВНОСТЬ». Когда самолеты оказались в нужном квадрате, на табло загорелась зеленая лампа. Один за другим десантники стали покидать самолет. К моменту высадки была уже глубокая ночь. Благодаря этому им удалось в какой-то мере обеспечить скрытность места высадки десанта. Но скрытность полета самолетов над вражеской территорией им сделать не удалось. Рев двигателей самолетов очень встревожил и озадачил командование Красной Армии. Немедленно, навстречу им были отправлены истребители. Не успели истребители даже набрать высоту, как десантно-штурмовые «Юнкерс Ю 52/3м» вновь пролетали там, где были недавно замечены.

Это обстоятельство вынудило командование Красной Армии в спешном порядке отправить разведгруппу в направлении предположительной высадки десанта. Узнать причину скорого возвращения самолетов. Одну из групп возглавил капитан Сайдамагов.

К утру разведгруппы Армии были готовы к маршу. Распределив их по машинам, руководитель группы подполковник Горшков, скомандовал,

– По машинам, – а затем отдал приказ, – к маршу.

Грузовики тронулись в путь. Примерно через 80-100 км машины остановились у блокпоста. Дальше была линия фронта. Через пару километров начиналась территория, контролируемая германскими войсками. Приказав, – к ма-

шине, по группам становись, – заместитель подполковника Горшкова, капитан Соколов, тот самый, который нашел Герхарда, доложил подполковнику,

– Товарищ подполковник, разведгруппы в составе трех групп для рейда в тыл противника готовы, старший групп капитан Соколов.

Приняв доклад от капитана Соколова, подполковник Горшков обратился к ним,

– Товарищи бойцы. Ночью противником был выброшен десант в районе тех, – показывая в сторону гор, – хребтов. Судя по количеству самолетов, пролетевших через линию фронта, он внушительен. Тот факт, что немецкое командование приняло такое решение, командование фронта встревожилось. Почему они высаживают десант у себя в тылу? Если десант высадился бы в районе немецких регулярных частей, возможно, мы вас не отправляли. Но они их отправили глубоко себе в тыл, почему? Это значит, неспроста. По донесениям авиаразведки, в том направлении, где высадился десант, следует большая группа грузовиков. Ваша задача разделиться по группам и проверить вот эти сектора, – и он раздал командирам групп карты с указанием их секторов обследования.

– На связь выходить каждые шесть часов, в бой не вступать, себя не обнаруживать. Если противник задумал какую-то хитрость перед нашим генеральным наступлением, при обнаружении попытается вас ликвидировать. Для этого

вам необходимо быть предельно осторожными. Вопросы?

– Никак нет товарищ подполковник, – ответили разведчики,

– Тогда сынки, с богом! Постарайтесь остаться в живых. Война скоро закончится, прошу вас, берегите себя и возвращайтесь.

– Есть возвратиться живыми, – хором ответив, разведчики направились в тыл врага.

ГЛАВА 9

После приземления, вверенные штурмбанфюреру Шнитке подразделения, собрались в условленном месте.

– Потери есть? – спросил у заместителя штурмбанфюрер,

– Никак нет, – ответил он,

Взглянув на карту, сопоставив ее с местностью и сориентировавшись с компасом, штурмбанфюрер скомандовал,

– На право, повзводно, шагом марш!

Через час десантники вышли к небольшой открытой местности. Там их ожидала колонна грузовиков. Увидев их, из головной машины вышел человек и направился к ним. Заметив среди десантников Гельмута Шульца, улыбаясь, тот к нему подошел,

– С приездом дядя Гельмут, как там, в Берлине, держатся?

– Здравствуй, Йохан! Машины все приехали?

– Со мной те, о которых вы мне говорили, тридцать гру-

ЗОВИКОВ.

– Хорошо! Вальтер, грузовики в вашем распоряжении, рассредоточьте бойцов по машинам.

Шнитке, распределив повзводно грузовики, отдал приказ, – По машинам! – Как только бойцы расселись, колонна тронулась. В головную машину сел Гельмут Шульц. После нескольких изнурительных часов тряски по горным дорогам, колонна вышла к реке и остановилась. Пока Гельмут Шульц разбирался в своих бумагах, штурмбанфюрер Шнитке направился к реке. Подойдя к ней, он ужаснулся от увиденного. Летя с гор с невероятной скоростью, ударяясь о камни, холодная горная вода словно кипела и пенилась. Глядя на ее бурлящие потоки, несущиеся в низ, он не понимал, как же ее пересечь, если она может не только грузовики, но даже легкие танки перевернуть. Понимая это, в смятении направился к Шульцу, спросить у него о способе переправы.

Заметив его удивленный взгляд, бургомистр, предугадав его вопрос и опережая, сказал,

– Немного терпения, друг мой. Прикажете двум бойцам следовать за мной, мы организуем для вас переправу, – улыбаясь, Шульц направился в сторону реки. За ним последовали Шнитке и несколько автоматчиков.

Метров в пяти от реки, возле небольшого выступа, упираясь к нему, торчал огромный камень выше роста среднего человека. Подойдя к нему, Шульц попросил бойцов сдвинуть небольшую каменную плиту, лежавшую прямо под их нога-

ми. Когда солдаты сдвинули ее, увидели под ней большой рычаг. Дернув за него, Шульц попросил их немного отойти. Вдруг большой камень дернулся и с легкостью сдвинулся с места. За ним появилась дверь. Шульц и Шнитке прошли внутрь ее. Шульц нажал на кнопку в стене. Заработали двигатели генераторов. Затем он поднял рычаг возле дверей. Снаружи раздался какой-то грохот. Выйдя из бункера, штурмбанфюрер увидел, как немного выше по реке шлюзы опускаются, а чуть ниже шлюзы наоборот поднимаются. Через минуту вода стала уходить под верхние шлюзы и вырываться из-под нижних шлюзов. Перед его глазами появился великолепный железный мост через реку. Штурмбанфюрер, поражаясь гением человечества, был бескрайне удивлен увиденным.

– Прошу вас, Вальтер, – указывая ему дорогу, Гельмут Шульц направился на противоположенный берег. Пройдя через мост и оказавшись на другом берегу. – Предупредите солдат и особенно водителей, дальше до того места где я укажу, ни в коем случае нельзя останавливаться, ни при каких условиях. Мы будем идти по крутому подъему. В случае остановки машина не удержится на склоне и сорвется в пропасть. Прикажите бойцам спешиться, а водителям держать двери приоткрытыми.

Доведя по взводам просьбу бургомистра Шульца, колонна медленно тронулась. Почти двенадцать километров по крутым склонам альпийских гор колонна грузовиков и солдат

прошли чуть более четырех часов. К двум часам дня они вышли на ровную, открытую площадку.

– Гельмут, солдаты устали, необходимо сделать привал, да и нам с вами стоит подкрепиться. В Берлине, мы так толком и не поужинали.

– Вы правы Вальтер, я сам хотел вам это предложить, – ответил штурмбанфюреру Шульц.

Отдав распоряжение час на отдых и еду, штурмбанфюрер с бургомистром тоже пошли обедать. За едой Шульц стал объяснить Шнитке их дальнейшие действия.

– Через пару километров будет развилка. Направо по ней в пределах восьми километров находится штольня «Т», где наши танки и броневики. Вы туда отправьте взвода механиков гауптмана Клауса и роту майора Гафта. С ними вместе пойдет мой племянник Йохан, вы его видели. Он знает как пройти к штольне, а так же все секреты в подступах к ней. Мы с вашими людьми и с пятью грузовиками пойдём влево, к штольне «Х». Если вы все поняли, отдайте распоряжения своим людям, скоро выступаем, – встав с места, – чуть не забыл. С оставшимися машинами необходимо оставить взвод охранения.

Штурмбанфюрер, позвав к себе гауптмана Клауса и майора Гафта, сказал им,

– Майор Гафт, через пару километров мы с вами разделимся, оставив один взвод для охраны, вы с людьми гауптмана Клауса отправитесь к штольне «Т». С вами вместе пой-

дет радист Замер и племянник бургомистра Йохан. Вы, майор, назначаетесь старшим группы. Они все должны беспрекословно выполнять ваши указания. Подготовив бронетехнику, ждите дальнейших указаний. Вам все ясно?

– Так точно штурмбанфюрер, – ответили они,

– Через десять минут выступаем!

Отправив группу майора Гафта с племянником бургомистра Йоханом к штольне «Т», штурмбанфюрер и Шульц оставил взвод охранения на поляне и с остальными солдатами и пятью грузовиками отправились к штольне «Х».

Через три часа, пройдя еще около восьми километров, группа оказалась у огромной скалы, висящей над пропастью. Приказав водителям поставить грузовики на ровную площадку напротив скалы, бургомистр взял с собой несколько солдат и куда-то удалился. Через полчаса, может чуть больше, он появился уже со стороны горы.

– Прошу вас Вальтер, на всякий случай, отведите людей подальше, – сказав, он вновь исчез туда, откуда появился.

Через минуты три, четыре скала с грохотом сначала сильно задрожав, двинулась вперед, а затем стала уходить вправо от них, в противоположном направлении от обрыва. После того, как скала остановилась и пыль, поднятая ее движением, осела, штурмбанфюрер увидел огромные ворота штольни. Тем временем Шульц, пройдя вовнутрь, поднял рубильник в стене. Мгновенно заработали электрогенераторы и в штольне зажглись лампы. Повернув другой рычаг, крикнул

остальным, – осторожно, – ворота штольни стали открываться.

Штольня была невероятных размеров. Свет ламп уходил куда-то вглубь, в темноту. Вся штольня, начиная от ворот, была полностью завалена ящиками с ценностями, о которых говорил Рейх министр М. Борман.

Поставив первую машину под погрузку, Шульц подошел к Шнитке,

– Вальтер, прежде чем начать погрузку, может быть нам стоит бойцам позволить поужинать. После обеда прошло уже более пяти часов.

– Вы правы, Гельмут, – ответил ему штурмбанфюрер и отдал приказ на ужин.

– Как загрузим третью машину, мы их отправим вниз. Пока будут грузиться остальные, снизу поднимутся еще три. Когда внизу соберутся двадцать загруженных машин, мы их отправим в город для дальнейшей транспортировки в Фридрихсаин, – сказал Шульц.

После того, как солдаты поужинали, погрузка началась. Как только четвертая машина встала под погрузку, вниз под охраной автоматчиков отправились три груженых машин. Когда они спустились к поляне, взамен им в гору отправились еще три грузовика.

Не останавливая работу ни на минуту, к полуночи им удалось загрузить двенадцать машин.

Подойдя к штурмбанфюреру, Гельмут Шульц сказал,

– Если загрузим еще восемь машин, их можно будет отправлять в город, чтобы взамен им приехали еще двадцать, к завтрашнему вечеру. А груженные машины нужно будет под надежной охраной отправить во Фридрихсаин для дальнейшей погрузки ценностей в подводные лодки.

– Хорошо, Гельмут, – ответил ему Шнитке.

За полночь все было сделано так, как просил Шульц, и первые двадцать машин отправились в город. Видя как устали солдаты, штурмбанфюрер объявил отдых до утра.

– Вы, наверное, поймете меня. Бойцы после долгого пути и погрузки тех двадцати машин устали. Им необходим отдых, – сказал он Шульцу.

– Да, конечно, вы поступили совершенно правильно, – ответил ему Шульц.

Когда все разбрелись по углам, Шнитке пошел вглубь штольни чтобы осмотреться вокруг. Проходя мимо ровно сложенных ящиков из-под оружия, он решил заглянуть на их содержимое. Открыв первую, увидел там новые фаустпатроны (немецкие гранатомёты во время войны), а в другом ящике были автоматы, пулеметы.

Закрыв ящики, он подозвал к себе шар фюрера Гесса.

– В этих ящиках находится оружие, их пока не трогать. Если в машинах место останется, заберем собой, если нет, уничтожим их здесь.

– Слушаюсь, господин штурмбанфюрер, – ответил ему шар фюрер Гесс...

ГЛАВА 10

Пройдя линию фронта по заданным своим маршрутам, все три разведгруппы вышли в тыл противника.

Группа капитана Сайдаматова двинулась в северо-западном направлении. К утру следующего дня, дозорный группы старшина Скляр, подбежав к капитану Сайдаматову, доложил,

– Товарищ капитан, с гор в нашем направлении, выше той скалы, – указывая на нее, – спускаются американские студебеккеры,

– Не может быть, ты ничего не путаешь?, – переспросил Сайдаматов, – неужели союзники нас опередили, – с этими словами он и старшина направились туда, откуда должны были появиться студебеккеры. Увидев машины приближающиеся к ним, они спрятались за кустами зарослей. Дождавшись их, пристально взглянули в кабину грузовика. Тут же старшина вскрикнул, – Немцы, товарищ капитан,

– Вижу, ложись, – ответил ему Сайдаматов.

Мимо них проехали три студебеккера, груженные чем-то тяжелым.

– Быстро зови остальных, – приказал старшине капитан.

Через несколько минут вся группа была в сборе, и капитан обратился к ним.

– Вы, наверное, видели спускающиеся с гор грузовики, –

разведчики ответили ему утвердительно, – необходимо выяснить, откуда и куда они направляются. Старшина Скляр, возьми с собой Нагашбекова и Воробьева, идите по следу грузовиков и выясните, куда они направляются, если возможно, выясните, чем они загружены. Задача ясна?

– Так точно, – ответили разведчики,

– Кобахидзе, Каранский и Сафронов идите вверх, выяснить откуда они спустились.

Через два часа вернулся сержант Сафронов, – товарищ капитан, разрешите обратиться, – спросил он, получив добро, доложил,

– Выше отсюда, приблизительно в двух, трех километрах, – и показывая на карте, – вот в этом месте, в скале находится штольня. Из нее и выезжают те самые грузовики. Подойти поближе невозможно, по периметру все оцеплено СС-цами и хорошо простреливается.

К тому времени вернулся и старшина Скляр со своей группой.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться,

– Разрешаю, – ответил капитан,

– Там внизу, на поляне, стоят с десятков грузовиков. Охраняют их СС-овцы. Судя по разговору, в грузовиках драгоценности и скоро они их куда-то повезут.

Тут с гор спустился и младший сержант Кобахидзе, и, не доложив командиру, – Товарищ капитан, в машинах золото, много золото, картины.

– Ясно, уходим, – скомандовал Сайдаматов.

Уйдя от дороги подальше, капитан остановил группу,

– Старшина, ты с Сафроновым ступай к штольне. Гусев, – он обратился к радисту, – когда следующий сеанс связи?

– Через пять часов,

– У нас есть свободный канал при экстренных ситуациях?

– Так, точно. Нам позволено, при необходимости, выходить через примету.

– Тогда готовь рацию и телеграфируй, – и стал писать шифровку, – В квадрате 16-19, севернее хребта «Высокий Тауэрн», нами обнаружена скрытая штольня немцев. В этих штольнях они хранили ценности и богатства, вывезенные ими с оккупированных территорий. В данное время идет усиленная погрузка и куда-то увозятся. Ждем дальнейших указаний, позывной Азиат.

Через два часа радист доложил командиру,

– Товарищ капитан, получена радиограмма,

– Читай!

– Ждите десант в квадрате 17-20, в 04-30 по местному.

По прибытии десанта, запиrite немцев в штольне, до подхода основных сил. К вам с фронта направляется танковая бригада генерал лейтенанта Завьялова. Он должен подоспеть к послезавтрашнему утру. Вам необходимо продержаться до прибытия бригады. Позывной Батька.

Получив задание, капитан отдал приказ группе,

– Группа к маршу, выдвигаемся в квадрат 17-20, для

встречи десанта. Они будут в квадрате к половине пятого утра. Нам необходимо обеспечить им площадку.

Как только группа была готова к маршу,

– Сержант Воробьев и ефрейтор Каранский головные, сержант Сафронов, радист Гусев и младший сержант Кобахидзе и я в основной группе, сержант Нагашбеков и Захаров замыкают. Группа, бегом марш.

Через полтора часа группа была на месте. Быстро подготовив площадку для костров, разведчики стали ждать десант. Ровно к четырем часам утра в небе отчетливо стали слышны рев моторов самолета.

– Разжечь костры, – приказал Сайдаматов, – мгновенно поляну осветили огни костров. В это же время в небе показались силуэты десантно-штурмовых Илов. Сделав круг, самолеты появились над поляной. Когда они стали пролетать над ней, разведчики увидели в небе раскрывающиеся парашюты. Ближе к утру на поляне собралось более трехсот десантников. Старшим группы был полковник Харитонов. Капитан Сайдаматов подбежав к нему, и узнав его,

– Товарищ полковник, а Вы как тут оказались? – удивленно спросил он,

Полковник Харитонов до 1944 года, с первых дней как Сайдаматов оказался на войне был его непосредственным начальником. А в 1944 году его перевели в группу разведки фронта, и с тех пор капитан с ним не встречался. Раньше они друг друга знали хорошо и понимали с полуслова.

– Привет капитан,

– Здравия желаю, товарищ полковник, командир разведгруппы капитан Сайдамаев, – улыбаясь, ответил ему он,

– Командование решило. По донесению из центра, в этих штольнях, а таких у немцев с десятков, собраны несметные богатства. Все что нацисты вывозили из оккупированных территорий, они хранят в этих штольнях. Не зря союзники рвутся к Альпам в Австрии, они тоже знают об этих сокровищах. То, что вы нашли их, полдела, отбить у фашистов будет очень сложно. По данным разведки, ими руководит штурмбанфюрер СС Вальтер Шнитке.

– Тот самый? – спросил капитан,

– Да, он самый. Твой давнишний приятель, не забыл его. Немало он нам крови попил на Кавказе, на Кубани. И каждый раз ему удавалось ускользнуть. Надеюсь, на этот раз мы его прищучим.

– А как же, помню. Такое не забывается товарищ полковник, – с грустью ответил ему капитан.

Как же ему его забыть. Ведь благодаря штурмбанфюреру Шнитке, у него рубец на шее. Это его группа напала на эскорт начальника штаба Армии генерал лейтенанта Комарова под Сталинградом. Это с ним Сайдамаев неоднократно встречался осенью 1943 года в боях при Эльбрусе. Это его части в Карпатах изрядно потрепали наши регулярные части. И никак его не удавалось уничтожить. Заочно, капитан и штурмбанфюрер друг друга знали хорошо. По первым вы-

стрелам или по первым часам боя, будь это наступление или атака, они узнавали почерк и догадывались, кто находится перед ним. Опять судьба распорядилась снова их свести. Но теперь одному из них суждено погибнуть, здесь высоко в альпийских горах Австрии.

– В группе штурмбанфюрера около четырехсот солдат, и все они из зон дар команды горных стрелков и бригады Эдельвейс. Ты знаешь, они в плен не сдаются. Командование, понимая всю сложность ситуации, приняло решение отправить к нам танковую бригаду генерал лейтенанта Завьялова. Но ты знаешь, прежде чем прийти к нам на помощь, Завьялову нужно прорвать фронт. Так что я думаю, нам придется не сладко до их прихода. Задача, исследовать местность, рассредоточить бойцов по периметру штольни и запереть фашистов там до прихода основной группы.

Необходимо уделить особое внимание склону горы вокруг штольни. Там могут оказаться тайные ходы, откуда немцы могут ударить нам в тыл. Задача ясна?

– Так точно! – ответил ему капитан.

– Довести до сведения бойцов, выступаем через двадцать минут, – сказал полковник.

К восьми утра десантники были уже возле штольни.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник, – спросил Сайдаматов,

– Обращайся, – ответил ему полковник.

– Ниже той горы, – показывая на гору недалеко от них, –

есть открытая площадка. Там мы видели с десятка два грузовиков и взвод охранения.

– Отправь туда роту капитана Иванова, – сказал полковник, а затем, – передай капитану, штурм начинаем ровно в девять, к тому времени его рота должна быть на месте.

– Слушаюсь, – ответив капитан удалился.

В девять ноль-ноль полковник Харитонов отдал приказ по подразделениям к бою. Как раз в это время со стороны штольни тронулись груженные грузовики.

Сраженный автоматной очередью, водитель первого грузовика и СС-овец, сидевший рядом с ним, погибли на месте, и их грузовик, сорвавшись с обрыва, улетел в пропасть. Через мгновение раздался оглушительный взрыв, от удара грузовика о землю. Неожиданным и шквальным огнем десантников были уничтожены практически все, кто находился с наружи штольни. Одновременно с основной группой, роте Иванова с минимальными потерями удалось овладеть поляной, где находились грузовики, подготовленные к отправке.

Для штурмбанфюрера Шнитке нахождение в их тылу регулярных частей Красной Армии было полной неожиданностью. После небольшого замешательства, сгруппировав свои силы, он попытался отбросить русских от подступов к штольне. Все было тщетно, весь периметр перед штольней простреливался. Потеряв немало своих бойцов, он подозвал к себе Шульца.

– Есть ли в штольне другие ходы, чтобы выйти, наружу

минуя ворота?

– Можно попробовать через вентиляционные шахты. А запасной выход там, на том конце штольни, но по нему мы выйдем с другой стороны горы.

– Радист, связь с ротой майора Гафта, – скомандовал штурмбанфюрер.

– Я уже пытался с ними связаться штурмбанфюрер, но в этом каменном мешке рация не работает.

– Бургомистр покажет тебе вентиляционную шахту, попробуй выйти по ней наверх и связаться с майором Гафтом. Передай ему мой приказ, пусть со своей ротой и бронетехникой выдвигается к нам и ударит в тыл противника. Шар фюрер Гесс, возьмите взвод лейтенанта Крюммера и через шахту выйдите наружу. По моей команде ударите по русским сверху.

– Слушаюсь, – сказав, шар фюрер со взводом лейтенанта Крюммера направился к вентиляционной шахте.

– Лейтенант Груббер, вон в тех ящиках, – показывая на них, – ночью я видел фаустпатроны, возьмите несколько человек со своего взвода и распределите их между ними. По моей команде вы произведете из них залп по противнику, одновременно шар фюрер Гесс со своими людьми атакуют русских сверху. Пока ударная волна спадет, вы гауптман Замер с остальными бойцами лейтенанта Груббера, выскочив из штольни, отбросите русских от ворот. Затем мы, после второго залпа фаустпатронов, пойдем за вами. Всем все яс-

но? – спросил штурмбанфюрер у офицеров.

– Так точно, – ответили они ему.

– Тогда по местам, по моей команде начинаем.

Подойдя к ящикам и открыв их, лейтенант Груббер ужаснулся. В ящиках вместо фаустпатронов, оказались бриллианты. Открыв другой ящик, он увидел там украшения. В третьем ящике были золотые слитки, золотые монеты царской чеканки. Закрыв их обратно, он подбежал к штурмбанфюреру и спросил, – разрешите обратиться господин штурмбанфюрер?

– Говорите, что случилось, где фаустпатроны? – брыкнул штурмбанфюрер.

– Я, как раз о них и хочу Вам доложить, в ящиках нет никакого оружия, в них...

– Как нет? Я собственными глазами их видел. И вы, что не доверяете мне?

– Но господин штурмбанфюрер, – перебивая его, лейтенант произнес, – в ящиках, по крайней мере в тех, которые я проверял, находится не оружие, а драгоценности, и очень много.

– Не может быть, какие еще там драгоценности? – вскрикнув, штурмбанфюрер побежал в сторону тех ящиков.

Увидев содержимое ящиков, он обомлел,

– О боже, что ж я натворил, все содержимое штольни не стоит и половины того, что лежит в этих ящиках. Почему, почему мы их не проверили? – расторгался Шнитке, затем,

немного придя в себя, – где Шульц? – крикнул он,

– Я здесь! – ответил ему Шульц.

– Вы видите, Гельмут, то, что мы не доглядели? Возможно их протащить через вентиляционные шахты?

– Нет, ящики слишком большие, там человек еле пролезет.

– А через запасной выход в глубине тоннеля?

– Оттуда возможно, но как мы их все перетащим, у нас на это, по-моему, нет времени.

– Что с радистом? Пробрался ли шар фюрер Гесс наружу? – оборачиваясь к лейтенанту Грубберу штурмбанфюрер, спросил его.

Как раз в это время шар фюрер со своими бойцами добрались до люка. А тем временем, отбив очередную атаку немцев, сержант Воробьев, ефрейтор Кузьмин и несколько десантников перезаряжали свои автоматы. Вдруг, прямо перед Воробьевым стал шевелиться большой камень.

– Немцы! – крикнув, он притаился за этим камнем. Когда камень сдвинулся с места, в открывшемся проеме появилась голова унтер офицера. Не успел он даже высунуть свою голову повыше, как по ней получил прикладом автомата Воробьева. Ударив немца, сержант закинул в шахту несколько гранат, и спрыгивая с места, крикнул своим, – Ложись! – Мгновенно раздались несколько оглушительных взрывов. Камень, который немцы отодвигали, после взрыва провалился в шахту, завалив ее до самого основания гру-

дой камней и глины. Шар фюрер Гесс вместе с радистом и остальными бойцами был так же заживо погребен завалом.

В это время к штурмбанфюреру подбежал лейтенант Груббер,

– Господин штурмбанфюрер, русские прорвали нашу оборону и они уже внутри штольни, скоро будут здесь. Шар фюрер Гесс и его люди погибли.

– Лейтенант Груббер, возьмите с собой несколько солдат и переложите ящики с оружием на самый верх. Надеюсь, уловка наша сработает, и русские окажутся не расторопнее нас, – затем обращаясь к бургомистру, – Гельмут, Вы с остальными бойцами уходите через запасной выход. Я с лейтенантом Груббером и двумя бойцами проберусь в вентиляционную шахту. Там есть другой выход, тот, по которому пошли шар фюрер, взорван?

– Да, есть. Можно выйти через люк следующей шахты, они друг с другом взаимосвязаны.

– Хорошо, постараемся узнать, в какую машину загрузят эти ящики. Встретимся в штольне «Т», ступайте и да поможет нам Бог...

ГЛАВА 11. Противостояние

Через полчаса стрельба закончилась. Штольня была под полным контролем русских. Ценностей находящихся в ней было еще достаточно. Подойдя к полковнику Харитону-

ву, капитан обратился к нему.

– Разрешите обратиться товарищ полковник, – получив добро, – немцы ушли через запасной выход, одновременно взорвав его. Какие будут дальнейшие указания?

– Если они ушли, это уже хорошо. Но я не думаю, что штурмбанфюрер так легко смирится с потерей. Он сделан не из того теста, чтоб так легко сдаваться. Так что капитан, усилить охрану по периметру штольни, чтоб бойцы в оба глаза глядели.

– Слушаюсь, – ответив Сайдаматов, пошел выполнять поручение.

А тем временем полковник подозвал к себе капитана Самойлова.

– Капитан, необходимо быстро организовать погрузку оставшихся ценностей и двинуться на встречу танковой бригады Завьялова. Капитану Сайдаматову из разведки Армии я поручил охрану периметра, а ты приступай к погрузке.

– Есть приступить к погрузке! – сказав, капитан Самойлов удалился.

Отдав все распоряжения своим подчинённым, полковник Харитонов с двумя десантниками пошел осматривать содержимое штольни. Проходя мимо аккуратно сложенных ящиков, он попросил бойцов открыть их. Когда все верхние ящики были открыты, взглянув на них, полковник сказал им.

– Видимо в этих ящиках находятся оружие, их будем загружать в последнюю очередь, если в грузовиках останется

место, – сказав, они пошли дальше.

Тут к полковнику подошел радист, – разрешите обратиться, товарищ полковник, – сказав, он доложил.

– Танкисты бригады генерал лейтенанта Завьялова с боями пробиваются к нам. Обещают быть на заданном месте к вечеру.

– Хорошо, передай, больше половины груза приняли. Приступили к загрузке тех, которые немцы не успели вывести. К вечеру мы думаем управиться и быть на месте.

К пяти часам вечера, почти все ценности были загружены в грузовики. В последней машине еще оставалось на пол кузова места. Подойдя к полковнику, капитан Сайдамаев обратился к нему,

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, – получив добро, он сказал, – все ценности загружены, остались вон те ящики, – указывая на них, – с оружием, что с ними делать?

– Сколько ящиков?

– Сорок восемь, – ответил ему капитан.

– Многовато, – немного призадумавшись, – капитан, выбери из них самое необходимое, а остальное взорвем вместе со штольней, – сказав, полковник направился к выходу.

Тем временем, штурмбанфюрер Шнитке с лейтенантам Груббером, через вентиляционную решетку смотрели в сторону ящиков с драгоценностями.

– Видите лейтенант, русские совершили ту же ошибку, что и я, толком не проверили ящики, – и тут, он, заметив

приближающихся к ящикам солдат, замолчал.

Подойдя к ящикам, капитан Сайдаматов своим бойцам приказал,

– Выберите из ящиков только пулеметы и фаустпатроны, остальное уничтожить вместе со штольней.

Приглядевшись к капитану, штурмбанфюрер с удивлением в лице,

– Взгляните лейтенант, это же наш старый знакомый. Если не ошибаюсь, позывной у него Азиат. Да, пути господни неисповедимы. Ни как мы не можем с этим Азиатом разминуться.

– Вы, его знаете, штурмбанфюрер? – поинтересовался у него лейтенант Груббер.

– Ах, да, вы же с нами с октября 1944 года,

– Да,

– Очень хорошо знакомы. Наверное, на войне такое случается. Я в 1943 году под Сталинградом, думал убил, наверняка бросив гранату в его сторону. Когда мы чуть было не взяли начальника штаба Армии, он со своей группой нам тогда помешал. Но какое же было мое удивление, когда мы вновь с ним столкнулись на Кавказе, – и он вдруг встревоженно, – постойте, они открывают нижние ящики, – прильнув к решетке, сказал он.

Капитан, отдав приказ разведчикам, сам направился к воротам. Не успел он пройти два десятка шагов, как его окликнул старшина Скляр.

– Товарищ капитан, вернитесь, взгляните сюда, – сказал он.

Услышав его, капитан, тут же вернулся обратно, –

– Что случилось старшина, – спросил у Скляра капитан.

– В ящиках, драгоценности. Золото, бриллианты, золотые укрощения.

– Как? – спросил капитан.

– Не знаю. Мы, отобрав первый ряд, когда открыли второй, нашли их.

– Закройте ящики и никого не подпускать к ним, – сказал Сайдаматов и быстро направился к полковнику Харитонову. Подойдя к нему,

– Товарищ полковник, отойдем в сторонку, – попросил он.

Как раз в это же самое время, полковник Харитонов обсуждал с офицерами своего подразделения маршрут движения.

– Что происходит, капитан? – возмущившись Харитонов, – говори здесь, у меня нет тайн от своих офицеров.

Тогда Сайдаматов попросил офицеров оставить его наедине с полковником.

– Товарищи офицеры, прошу вас оставить нас с полковником Харитоновым наедине. Поняв серьезность ситуации, офицеры удалились.

– Капитан, надеюсь у тебя были веские основания для этого решения.

– Товарищ полковник, в ящиках драгоценности и слиш-

ком много, – услышав его слова Харитонов переспросил,

– Ты уверен, сам их видел?

– Так точно, я их видел. Сорок ящиков, а восемь из них были с оружием.

– Как я мог проглядеть, ведь когда бойцы их проверяли, я был рядом. Пойдем, показывай, – сказав, Харитонов вместе с капитаном направился вглубь штольни.

Увидев содержимое ящиков, он в гневе, – Я должен был проверить их все. Группу охранения мы отправили с другими машинами, а стоило бы всю охрану оставить здесь. Капитан, прикажи бойцам скинуть с кузова грузовика все его содержимое. Как думаешь, влезет все в одну машину?

– Думаю да, возможно останется место для пары ящиков с оружием.

– Тогда добро, ты занимайся погрузкой, а я сообщу командованию о находке.

Выйдя из штольни, полковник Харитонов подозвал к себе радиста,

– Передавай, в штольне нами найдены сорок ящиков, доверху набитые бриллиантами, золотом и драгоценностями. Ждем дальнейших Ваших указаний.

Когда разведчики, освободив грузовик, начали погрузку драгоценностей, штурмбанфюрер Шнитке встал с места и сказал лейтенанту Грубберу,

– Нам здесь больше делать нечего, уходим, – сказав, он пополз вверх по шахте.

Оказавшись у выхода, приказал бойцам проверить периметр вокруг люка.

Вернувшись, унтер-офицер Браун доложил ему,

– Господин штурмбанфюрер, метров двадцати от нас, около того люка где погиб шар фюрер Гесс со своими людьми, находится дозор русских,

– Сколько их?

– Я видел троих.

– Их надо снять, причем без шума, в противном случае нам не уйти.

– Слушаюсь, – сказав, унтер-офицер Браун, лейтенант Груббер и рядовой Хайнц поползли к дозору. Через пять минут к люку вернулся рядовой Хайнц,

– Господин штурмбанфюрер, путь свободен, – сказал он,

Проползая мимо, где был дозор красных, штурмбанфюрер заглянул в яму. Там лежали двое убитых на спине, и один лежал лицом вниз, а в метре от ямы лежал еще один с торчащей финкой в спине.

– Груббер, почему оставили свои финки на их теле,

– Пусть знают, что это сделали мы.

Через два часа, после того, как полковник Харитонов отправил радиogramму в центр, он получил ответ напрямую из ставки. В ней говорилось:

«Полковнику Харитонову. Совершенно секретно! Вам следует обеспечить сохранность груза. Груз под усиленной охраной следует доставить в расположение 314 Армии.»

Ставка для приемки груза к вам направляет Верховного комиссара Мехлиса. Обеспечьте секретность груза. За разглашение его, виновные будут переданы военному трибуналу.»

Начальник генерального штаба Маршал Советского Союза, Шапошников.

Прочитав радиogramму, полковник Харитонов сказал вслух, – О, как,

Увидев его удивленный вид, к нему подошел Сайдаматов, – Что Вас так удивило, товарищ полковник?

– На, читай, – сказал полковник и протянул ему радиogramму. После того, как капитан ее прочитал, – ну, как? Высоко мы с тобой взобрались. О наших подвигах даже в ставке известно.

– Значит, будете готовить генеральские погоны, – улыбаясь, сказал капитан.

– Если бы, чуёт мое сердце здесь что-то неладное. Запомни капитан, если я не окажусь рядом, ты, если что, прямо иди к генерал лейтенанту Пахому. Ладно, давай не будем о грустном. Погрузку закончил?

– Так точно, группа готова к маршу, – ответил капитан, – осталось снять пост наверху и можно двигаться.

– Хорошо, зови дозорных, выступаем.

Капитан Сайдаматов, позвав старшину Склера, приказал ему снять пост. Старшина, выйдя к воротам, стал кричать им,

– Воробей, спускайтесь, уходим, – а в ответ гробовая ти-

шина. Старшина вновь крикнул. Почуввав неладное, взял с собой Нагашбекова, Кабохидзе и Сафронова и он направился к ним. Увидев своих товарищей мертвыми, старшина взвыл, – ребята, что же вы наделали, – приседая на корточки, он заплакал.

А тем временем снизу старшину стал звать командир, – Старшина, что там? Где Кузьмин и Воробьев?

Вытирая свои слезы, старшина, привстав, – товарищ капитан, их больше нет, убиты, – ответил он.

– Как убиты? – вскрикнув, капитан то же побежал вверх. И увидев убитых своих товарищей. – Это дело рук штурмбанфюрера, не зря они не вынули свои финки из их тел, – сказав, глядя в простирающуюся даль, во весь голос крикнул на немецком, – штурмбанфюрер, мы еще с тобой встретимся.

А штурмбанфюрер, отдаляясь от штольни, услышав голос капитана, обернулся. Немного постояв, продолжил свой путь к штольне «Т»...

ГЛАВА 12. Погоня

Погрузив ящики с драгоценностями и несколько ящичков с оружием, капитан Сайдаматов посадил двух бойцов у заднего борта грузовика, и подойдя к полковнику Харитонову.

– Товарищ полковник, группа к маршу готова, – доложил ему,

– Хорошо капитан, – а затем, подозвав командира второй

роты капитана Гладкова, – капитан, возьми с собой несколько бойцов, там, в штольне я видел мотоциклы и вездеход. Подгоните их сюда. Прежде чем завести, обязательно проверьте, могут быть заминированы. Сайдаматов, когда Гладков подготовит мотоциклы, один возьми ты и посади на него своих разведчиков, пусть они следуют за грузовиком. Всем все ясно?– спросил у офицеров полковник, – Тогда приступайте, через двадцать минут трогаем.

Проверив мотоциклы и вездеход, убедившись, что они не заминированы, капитан Гладков приказал бойцам выгнать их к воротам штольни. И подойдя к полковнику, доложил,

– Товарищ полковник, нам удалось завести только два мотоцикла и вездеход. У других мотоциклов не было аккумуляторов.

– Хорошо, один мотоцикл отдай разведчикам, другой возьми себе и поезжай за колонной, я буду сопровождать капитана.

– Слушаюсь, – сказав, Гладков с двумя бойцами уехал вперед.

– Капитан ты готов к маршу, – спросил у Сайдаматова полковник,

– Так точно, мы готовы, товарищ полковник, – ответил ему он,

– Тогда с богом, поехали, – он сел на вездеход.

Когда машина тронулась с места, водитель сержант Сафронов, сказал капитану,

– Наверно, мы зря загрузили оружие сюда, слишком тяжело. Нас может юзом утащить в пропасть.

– Может быть, остановимся и выгрузим их?– предложил капитан.

– Не получится, невозможно остановиться. Груз слишком тяжелый, тормоза не удержат, можем сорваться.

Разговорами они не заметили лежавший прямо на дороге камень. Когда на него наехало переднее колесо грузовика, машину подбросило в сторону отвесной скалы. Ударившись левым передним колесом в торчащий острый камень, переднее колесо спустило. Не успел сержант выровнять машину, камень проколол среднее колесо. Грузовик резко наклонился влево и, ударяясь бортом, стал раскачиваться. Сержант и капитан, вдвоем навалившись на руль, старались выровнять ее. Увидев, как грузовик бьется бортом о скалу, к ним подбежал Нагашбеков, и вспрыгнув на подножку со стороны капитана, спросил,

– Что случилось товарищ капитан?

– Камнем пробило два левых колеса.

– Помощь нужна?

Как раз в это время скала немного уходила от дороги и они навалившись на руль всем телом, сумели-таки выровнять машину.

– Товарищ капитан, нужно найти ровную площадку, чтобы заменить колеса. Если крышка лопнет, она может загореться, да и колодки сильно нагрелись. Тормоза могут от-

казать.

– Товарищ капитан, – в разговор вмешался Нагашбеков, – вчера ночью, когда мы спускались за грузовиками, я видел небольшой спуск возле развилки, на дне которого есть ровное место. Там мы можем поставить грузовик.

– Хорошо, Нагашбеков садись на мое место, помогай Сафронову, а я поговорю с полковником, – сказав, Сайдама-тов побежал вперед. Догнав вездеход, в котором ехал полковник, вспрыгнул на него и стал докладывать о случившемся.

– Товарищ полковник, у нас пробито два колеса. Нам необходимо остановиться.

– Ты же понимаешь капитан, этого делать нельзя. Где-то рядом находится штурмбанфюрер. Он не зря тогда на теле твоих бойцов оставил свои финки. Значит, наблюдал за нами, и знает в какую машину мы загрузили драгоценности.

– Но нам действительно нужно остановиться, в противном случае мы можем потерять груз. Вчера сержант Нагашбеков во время сопровождения грузовиков, когда немцы перевозили их, видел спуск у развилки. Он говорит, что там можно и колеса поменять, и укрыть машину от посторонних глаз.

– Хорошо, я оставляю тебе свою охрану. Как только доберусь до колонны, пришлю взвод охранения. А может рота Свиридова подоспеет.

– Товарищ полковник, охрану оставьте при себе. Вы только что сами говорили, штурмбанфюрер где-то рядом. А пол-

ковник без охраны для него лакомый кусок. Еще не забудьте отправить запасное колесо, в грузовике, по-моему, только одна запаска.

– Хорошо капитан, за груз отвечаешь головой. Замаскируй его так, чтобы не было видно с дороги, а я как можно быстрее отправлю к тебе подмогу.

Там где говорил Нагашбеков, сразу же за развилкой, в метрах пятидесяти от нее, вниз уходила похожая на дорогу извилина, но она была до середины очень узкой. Аккуратно, по мере возможности не задевая выступы, Сафронов стал на нее сворачивать грузовик. Не успел он от угла проехать и десяти метров, его окликнув, остановил Сайдамагов.

– Стой Сафронов, останови машину, – крикнул он, Нажав на тормоза и ничего не понимая, сержант спросил у капитана, – Что случилось? – А капитан, подозвав к себе Кобахидзе,

– Видишь вон ту высохшую ель?

– Да, – ответил ему Кобахидзе,

– Возьми с собой Нагашбекова, посмотрите в ящике грузовика, должен быть трос, американцы запасливы. Если трос есть, привяжите один конец к ели, а другой к грузовику. Ель сухая, я думаю, грузовик должен ее свалить.

Как и предполагал капитан, трос действительно оказался в ящике. Взяв его, Кобахидзе и Нагашбеков все сделали так, как им сказал капитан. Когда все было готово, Сайдамагов приказал Сафронову осторожно трогать с места. Дей-

ствительно, как трос натянулся, сильно хрустнув, ель свалилась на дорогу так, как будто она там лежала несколько лет. В это время, в горах пошел мокрый снег. Сняв трос и заметав следы, разведчики спустили машину вниз лощины. Быстро замаскировав ее и мотоцикл маскировочной палаткой и закидав вдобавок сухими ветками ели, они приступили к перебортовке колес. Капитан, выйдя наружу, оглядев маскировку со всех сторон, подозвал к себе Кобахидзе.

– Кобахидзе, с Гусевым идите к дороге и наблюдайте за ней, а мы, как только закончим с колесами, вас позовем.

В грузовике действительно была одна запаска, но в ящике для инструментов, в углу лежала новая камера. Разведчики быстро стали перебортовывать второе. Когда колеса были установлены на место, Сафронов пошел в кабину завести двигателя для подкачки. Сверху прибежал Гусев,

– Товарищ капитан, немцы на танках спускаются со стороны горы.

– Много их?

– Мы насчитали пять танков и около семи броневиков.

– Это по нашу душу, – сказав, капитан приказал всем укрыться. Буквально в это же время, они появились над ними. С грохотом проехав мимо, бронетехника направилась в ту сторону, куда уехала колонна с грузом.

– Откуда здесь танки и броневики, там же выше горы? – спросил старшина Скляр,

– Наверное, у немцев были и другие штольни, где они их

хранили, – ответил ему капитан.

Только гул моторов танков исчез, капитан отправил Гусева к Кобахидзе осмотреть периметр. Через десять минут он вернулся и доложил, что вокруг все чисто. Тут же капитан приказал Сафронову завести двигатель для подкачки колес. Едва машина была готова к маршу, вдалеке раздалась оглушительные взрывы.

– Черт, наверное, фашистам удалось нагнать наших, – вырвалось из уст капитана, – Сафронов глуши мотор. Кобахидзе, Нагашбеков, снимайте ящики с оружием, возьмите все фаустпатроны и два пулемета. Загрузите их в люльку мотоцикла, пойдём на помощь своим.

Когда разведчики были готовы к походу, капитан еще раз оглядев маскировку, приказал бойцам выйти к дороге. Выгнав мотоцикл из ложбины, и заметав следы, отряд из семи человек направился в сторону, откуда были слышны взрывы.

По мере приближения к месту боя, им становилось отчётливо ясно то, что в основном были слышны очереди немецких автоматов. Было ясно, немцам, наверное, удалось застать наших врасплох. Да и бойцов у полковника было мало, так как роту Свиридова он отправил в погоню за штурмбанфюрером. Вот почему, фашистам так быстро удалось подавить сопротивление наших. Тем не менее, капитан Сайдаматов решил принять бой.

Выгрузив из мотоцикла оружие, он приказал сержанту Захарову отправиться в обход немцев навстречу танковой

бригаде генерал лейтенанта Завьялова. Указав каждому цели, Сафронову вместе с Гусевым приказал взять с собой несколько фаустпатронов и пулемет, занять позицию выше дороги, у большого камня. Старшину Склера с двумя фаустпатронами отправил к выступу у горы. Рядом с выступом была яма, куда он отправил Нагашбекова. Кобахидзе, захватив с собой один фаустпатрон, спустился к реке. Сам капитан с фаустпатроном и пулеметом пополз по обочине ближе к фашистам. Когда группа была готова к бою, Сайдаматов, прицелившись фаустпатроном на первый танк, нажал на курок. Снаряд прямоком попал по башне танка, он мгновенно загорелся. Тут же, за ним последовали и остальные. Из-за внезапного нападения, не успев развернуться, загорелась практически вся бронетехника штурмбанфюрера. Всех тех, кто выбегал из-за горящих танков, разведчики стали расстреливать из пулеметов и автоматов. К тому времени, как раз перед нападением разведчиков, штурмбанфюрер Шнитке, обойдя всю колонну грузовиков, не нашел машины с драгоценностями, в которой был старшим капитан. А когда разведчики ударили по ним, понял, что это именно он, Азиат стоит за нападением.

Штурмбанфюрер своим бойцам приказал брать разведчиков по возможности живыми,

– Это, те самые, кто сопровождал грузовик с бриллиантами, – сказал он лейтенанту Грубберу.

Ответной гранатой, пущенной в сторону реки, был убит

Кобахидзе. Сафронов получил смертельное ранение, а Гусев погиб. Тяжело раненный старшина Скляр, стреляя из пулемета, не позволял немцам высунуться из-за подбитого танка. Капитан Сайдаматов, раненный в руку и голеностоп, бой не прекращал. Нагашбекова немцы почти окружили и вот-вот, когда они должны были его взять, крикнув товарищам, – прощайте ребята, Отан ушун (За Родину по-казахски) – крикнув, с гранатой в руках прыгнул к немцам. Раздался взрыв, а когда пыль улеглась, Нагашбеков с несколькими фашистами лежал мертвым. В это же время шальная пуля, срикошетив от скалы, попала в висок старшины и убила его.

Тяжело раненный капитан, разложив возле себя несколько гранат, до последнего не подпуская к себе фашистов, отстреливался. И когда силы были на исходе, шансов остаться в живых не осталось, он решил, так же, как Нагашбеков взорвать себя, когда немцы подойдут поближе. Только он выдернул чеку гранаты, со стороны, откуда наступали немцы, раздался оглушительный взрыв. Взглянув назад, капитан увидел танкистов генерала Завьялова, и сразу же бросил гранату в сторону фашистов.

Под натиском танкистов немцы отступили. Штурмбанфюрер Шнитке спрятался между валуном и скалой. После того, как бой закончился и стрельба прекратилась, тот отполз подальше от этого места. Взглянув в бинокль, откуда велась стрельба, он узнал капитана.

Через некоторое время, туда, где перевязывали капитана,

подъехал черный ЗИС. Из него вышли трое, двое в форме и один в штатском. Они приказали посадить капитана в их машину и тут же уехали обратно...

ГЛАВА 13. Предстояние

Когда легковая машина с капитаном и с теми людьми, кто был в ней, отъехала и скрылась за колонной танков, штурмбанфюрер Шнитке понял, для чего те увезли его. Наверное, не найдя грузовик с драгоценностями среди других машин из штольни, они как и он решили разузнать все у единственного оставшегося в живых. Штурмбанфюрер предположил, капитан, услышав стрельбу, доносившуюся со стороны, куда отправилась колонна, наверно, где-то там, в горах спрятал грузовик. Шнитке понимал, капитана, скорее всего, увезли в штаб, для выяснения места нахождения грузовика. Если его догадки оправдаются, значит, русские организуют, поиск к утру. Взглянув на часы, он вслух произнес, – сейчас половина двенадцатого, у меня до девяти утра осталось девять часов, надо поспешить, – сказав, быстро направился туда, где ожидали оставшиеся в живых его солдаты.

А тем временем, раненный капитан не понимая что происходит, молча ехал в машине. По его телу прошел неприятный холодок от того, что его попутчики также ехали молча и не смотрели по сторонам. Ему в какой-то момент показалось, этот черный воронок, как его прозвали в народе, на-

помнил те, что увозили в небытие врагов народа и изменников. Всячески пытался отогнать от себя нахлынувшие дурные мысли. Думал, надеялся на то, что он гвардии капитан Сайдаматов, бывалый разведчик, десятки раз ходивший в тыл врага, Кавалер двух орденов Красной звезды и ордена Славы, представленный к званию Героя Советского Союза, нашедший и сохранивший несколько тонн драгоценностей для своей страны, не может быть передан в особый отдел. Ехал и думал, вот скоро встретится с полковником Харитоновым или генерал лейтенантом Пахомовым и доложит им о том, где спрятал грузовик с драгоценностями.

Пока мысленно капитан Сайдаматов размышлял о своих планах, воронок свернул направо. Впереди показались несколько отдельно стоящих домиков. Вокруг этих домов не видно было не единой души. Когда машина остановилась у дверей одного из них, человек в штатском приказал военным, сидевшим с двух его сторон, – заводите его. – Капитан в недоумении, возражая,

– В чем дело, что происходит?

Было попытался возмутиться, как его грубо вытолкнули из машины. Ожидавшие с наружи два здоровых сержанта, скрутив ему руки сзади, поволокли внутрь дома. Затащив, они его завели в комнату, в которой была приоткрыта дверь, и усадили на табуретку, стоявшую посреди комнаты. Оглядевшись вокруг, капитан обратил внимание на зловещий запах и угнетающую атмосферу внутри помещения. Прямо пе-

ред ним стоял стол с лампой и два сидевших за ней офицера. Взглянув на их погоны, он сразу же догадался куда попал. Перед ним сидели особисты и о чем-то, не обращая на него внимания, разговаривали между собой. Стены комнаты, а также потолок в некоторых местах были запачканы кровью, пол видимо недавно был протерт. Сержанты, усадившие его за табурет, встали с двух сторон.

В комнату зашел тот самый человек в штатском, который привез его. Мгновенно находившиеся в помещении военные, вскочив с места, выпрямились. Показывая рукой садиться, сам сел на стул, стоявший у стены. Открыв дело, подполковник начал допрос,

– Фамилия, имя, отчество?

– Гвардии капитан Сайдаматов Саидходжа Гафурович.

– Год рождения?

– 1916, 17 октября.

– Место рождения?

– Узбекистан, кишлак Хайдарабат Кокандского вилаята.

– Семейное положение?

– Жена умерла зимой 1942 года при родах, где сын не знаю,

– Ближайшие родственники есть?

– Я сирота, вырос в детском доме,

Завершив писать, подполковник спросил у Сайдаматова,

– Скажи мне капитан, почему машины, в которой ты был старшим, не оказалось среди тех, на которые напали немцы?

– Ах вот в чем дело, – немного успокоившись, стал говорить капитан, – когда мы спускались с гор, пробило два колеса, нам пришлось съехать с дороги, чтобы их заменить.

– Почему самый ценный груз оказался в последней машине?

– Мы их нашли в последний момент, когда все машины были уже загружены и отправлены вниз.

– Где сейчас находится грузовик и груз?

– Там в горах, мы, когда слышали стрельбу и взрывы, надежно его спрятали.

– Подойди к столу, – приказал ему подполковник.

Еле волоча ноги из-за ранения в голеностопе, капитан пошел.

– Вот карта того района, укажи на ней место, где ты спрятал грузовик?

Взглянув на карту, капитан мгновенно оценил ситуацию. Неоднократно пересекая линию фронта и оказавшись глубоко в тылу врага, он всегда полагался на свою интуицию. И вот сейчас, стоя над картой, вдруг почувствовал необъяснимую угрозу для себя. Вспомнил предупреждение полковника Харитонов, в случае его отсутствия обратится к генералу Пахомову.

– Простите товарищ подполковник, этого я вам скажу в присутствии полковника Харитон, – ответил ему капитан.

– Харитонов в том бою погиб, так что, капитан, тебе при-

дется рассказать нам, – сказал подполковник,

– Тогда пригласите сюда генерал-лейтенанта Пахомова,

– Зачем?

– Это распоряжение полковника Харитонова, в случае его гибели доложить генералу Пахомову.

– Полковник Харитонов убит, его приказы отменены, а генерал Пахомов со своей бригадой ушел дальше, так что тебе капитан придется говорить с нами.

– Без генерал-лейтенанта Пахомова, я вам ничего не скажу, – не успел произнести этих слов, как майор, доселе сидевший молча за столом, вскочив с места, ударил его в лицо.

Капитан от удара отлетел в угол комнаты и рухнул на пол. Сразу же на него пинками набросились сержанты. Экзекуция продолжалась несколько минут, затем, сержанты, приподняв его за подмышки, вновь усадили на табуретку. Кровь хлынула со всего тела, он нет-нет да захлебываясь, кашляя, стал отхаркивать ее на пол. Раны на руке и на ноге разорвались, и из них сильно текла кровь. От избиений и проведенных несколько бессонных ночей, капитан валился с ног, из-за этого не мог усидеть на табуретке. Видя, как он падает, сержанты, схватив его за плечи, стали удерживать.

– Ты наверное не понял своего положения, и того куда попал, – продолжил особист, – капитан, я тебе советую не злить нас и отвечать на наши вопросы. Я повторяю, где ты спрятал грузовик?

Капитан молчал. Тогда подполковник взглянул в сторону

сержантов. Те его так сдернули за руки с места, что сделав круг в воздухе, оказался на полу. Избиение продолжилось. В какой-то момент капитан потерял реальность и время. Он уже не чувствовал боли, тело обмякло и ему уже не принадлежало, отсюда потерял сознание. Облив водой из стоявшего в углу комнаты ведра, его вновь усадили на место. Голова провисла, он не в силах был ее удержать. Тогда сержант, схватив его за волосы, приподнял ему голову.

– Капитан, ты меня слышишь? – спросил у него подполковник. А тот его не слышал. Из ушей текла кровь, а один глаз так опух, что гематома полностью залила левую часть лица. Губы сильно распухли, а лицо и все тело было залито кровью.

Не услышав ответа, попытался было приказать сержантам, привести того в чувства, как его остановил человек в штатском.

– Не стоит продолжать допрос, уведите задержанного, пригласите врача, пусть его приведет в чувства. Я приеду послезавтра, к тому времени больше не трогать.

– Слушаюсь, товарищ верховный комиссар, – ответил ему подполковник.

После того, как врач обработал ему раны, капитана бросили на матрац, лежавший в углу соседней комнаты. С наружи и внутри комнаты поставили охрану. Как только прикоснулся матраца, капитан уснул. Сколько проспал, не помнил, но когда проснулся, стал анализировать сложившуюся

ситуацию,

– Им нужны драгоценности с той машины. Как только они их получат, меня, как ненужного свидетеля, уберут. Если это было бы не так, тогда почему они меня пытали? Полковник Харитонов погиб, вероятнее всего, все те, кто сопровождал колонну, тоже погибли, значит, я единственный выживший, – и тут, он вспомнил про сержанта Захарова. – Стоп, Захаров жив. Он должен был добраться до бригады генерал-лейтенанта Пахомова.

Нет, не знал тогда капитан Сайдаматов о том, что сержант Захаров попал в засаду. Но смертельно раненный, добравшись до своих, предупредив их о нападении, скончался от полученных ран. Не зная об этом, капитан дальше рассуждал,

– Если Захаров жив, он обязательно встретится с генерал-лейтенантом Пахомовым, а генерал в свою очередь непременно меня вытащит. Мне надо, во что бы то ни стало, продержаться.

Через некоторое время в комнату вошли те самые сержанты, которые его пытали. Капитан подумал, что опять поведут на допрос. Но они, приподняв его и прислонив к стене, положив в руку кусок хлеба и миску гречневой каши,

– Подкрепись, тебе скоро силы понадобятся, не то сдохнешь раньше времени, – усмехнулись.

Но капитан был не в состоянии есть, губы распухшие, зубы выбиты, язык кровоточил, а руки вообще его не слуша-

лись. Приложив немало усилий, он произнес,

– Пить,

– Что ты сказал?– переспросил сержант,

– Воды, пить,– повторил он,

Один из них удалившись, вернулся с ведром воды, поставив его возле него сказал,

– Кружки нету, ты это, только не утони в ведре, – вновь усмехнулся сержант.

Когда надзиратели ушли, он выронил хлеб и кашу на пол. Все его тело ныло от боли. Еле-еле корчась, по стене сполз на пол, и ему удалось пригнуться к ведру и медленно, глоток за глотком стал пить из ведра. Делая один глоток за другим, никак не мог напиться, потому что в последний раз он это сделал еще перед боем. Так прошел еще один день. За это время его дважды посетил доктор и сделал перевязки. Но рана в плече и голеностопе сильно разбухла, и ему от этого было очень больно.

На следующий день человек в штатском вернулся, и капитана поволокли к нему. На этот раз говорил он.

– Моя фамилия Мехлис, она, наверное, тебе ничего не даст. Я Верховный Комиссар ставки, назначенный высшим военным советом страны. Слушай капитан, у меня не то, что полковники и генералы, но даже командующие фронтами и маршалы становились разговорчивыми. Они от страха мочились в штаны и подписывали все, о чем я их просил. Тебя никто здесь не обвиняет в измене. Мы не пытаемся заставить

тебя в чем-то признаться. Скажи, где ты спрятал машину с ценностями? Наши люди вдоль и поперек обследовали дорогу вплоть до самой штольни, но грузовик твой не нашли. Возможно, ты его спрятал в такой же штольне, как та. Укажи нам его место. Война скоро закончится, неужели тебе не хочется поскорее попасть домой, к сыну? Кстати мы его нашли. Ему скоро исполнится четыре годика, если не ошибаюсь, зовут его Саидакмал, славный малый. У меня даже есть адрес детского дома, где находится он, я могу тебе его дать. После войны ты его заберешь. Если беспокоишься за свою жизнь, я могу тебе дать гарантии, что мы тебя отпустим. Ну, капитан, что скажешь?

А капитан все молчал.

– Если и дальше будешь молчать, твой род на тебе и закончится. У меня не дрогнет рука свернуть шею твоему отпрыску, ты этого хочешь? – крикнул Мехлис.

Капитан молчал,

– Ну что ж капитан, я хотел как лучше, увы, участь свою ты выбрал сам, – сказав, Мехлис посмотрел на стоявших рядом сержантов. Те с полуслова поняв его, словно с цепи сорвавшиеся, швырнув капитана на пол стали жестоко избивать. Не добившись признания, сержанты его бессознательного потащили обратно в ту комнату, где он провел ночь. Швырнув на пол и заперев дверь снаружи, они ушли обратно. Тем временем Мехлис перед кем-то оправдывался по телефону, – Нет не найдут товарищ первый. Весь периметр до

штольни контролируются нашими войсками. Никуда не исчезнет... Никто об этой машине не знает. Все, кто сопровождал груз, кроме одного погибли. Да, я Вас понял, под моим личным контролем доставим туда. Хорошо. Понял. До свидания товарищ первый.

Положив трубку, он обратился к подполковнику,

– Товарищ первый в ярости. Он дал нам десять дней, чтобы мы доставили груз по адресу. В противном случае, не сносить нам с тобой головы, подполковник. Сейчас я поеду в штаб центрального фронта, а через три дня буду в расположении генерала Говорова. К моему приезду, ты доставь капитана туда, в особый отдел Армии. Больше его не трогайте, пусть врач осмотрит и приведет в чувства.

– Есть товарищ член военного совета, – ответил ему подполковник, и Мехлис в сопровождении эскорта автоматчиков уехал.

Через два дня, ближе к полудню, подполковник Захарчук и майор Могилевский, в составе двух машин охранения и ЗИС-ом, поехали в расположение генерала Говорова, как им приказал Мехлис.

А тем временем, штурмбанфюрер СС Шнитке два дня тщетно обыскав гору, в надежде найти грузовик, вернулся туда, откуда увезли капитана. Приказав заминировать дорогу, он третьи сутки ждал, верил в то, что капитана рано или поздно повезут обратно. К вечеру третьего дня он увидел приближающиеся вдалеке машины. Посмотрев в бинокль на

них, в черной машине заметил капитана и тех военных, которые увезли его. Тут же штурмбанфюрер приказал своим бойцам ЗИС не трогать, а виллисы с охраной взорвать. Когда автомашины вплотную подъехали к месту засады, отдал приказ к бою.

То ли спутали, то ли детонатор сработал не сразу, но мина взорвалась аккуратно перед самым носом автомобиля, в котором везли капитана. От ударной волны машину сначала подбросило вверх, и на лету переворачиваясь, она улетела в пропасть, где река сужалась. Пулеметной очередью была уничтожена охрана сопровождения. Как только штурмбанфюрер со своими бойцами вышел из укрытия и направился в сторону обрыва, на них обрушился шквал огня тех, кто по приказу Мехлиса прочесывал гору в поисках грузовика.

Штурмбанфюрер и его солдаты, не успев опомниться, были уничтожены. А ЗИС с капитаном Сайдаматывым над самой водой взорвался, похоронив тайну капитана в бурлящих водах горной реки...

ГЛАВА 14. Побег

Всю ночь капитан Сайдаматыв не сомкнул своих глаз. Думал о своем будущем, будущем единственного близкого и родного человека, о своем сыне Саидакмале. Думал над словами Мехлиса, о его угрозах относительно сына. Он за себя не боялся, да и смерть его не пугала. Но как быть с сы-

ном, ведь они за те драгоценности, что лежали в кузове машины, которую сопровождал он, любому горло перегрызут. Ясно понимал, если даже покажет место, они его все равно уберут, зачем им лишний свидетель. Тем более после всех этих пыток. Для него в сложившейся ситуации единственным правильным решением был побег. Но как его осуществить, ведь охраняют его как генерала в районе активных боевых действий. А сам был очень слаб, раны на ноге и в плече воспалились и гноятся, из-за этого не чувствовал ни рук, ни ног. Все лицо распухло, и было залито запекшейся кровью, а один глаз вообще не видел. Но Саидходжа, не смотря на все эти проблемы, все равно склонялся в пользу побега. Шансы побега с этого дома были равны нулю. Единственным верным решением могла быть та дорога, где разведчики приняли последний бой. Как убедить своих палачей повезти его туда. Ведь если им скажет, что готов показать место, где спрятан грузовик, они ему тут же сунут карту с требованием указать место. Отговорки о том, что якобы плохо в них разбирается, неуместны, не поверят. Один из лучших разведчиков фронта не может ориентироваться в картах, абсурд. Он почти вслух неоднократно повторял, – Думай, думай. Ты должен найти выход, иначе смерть. – Так в раздумьях пролетела ночь. Ближе к обеду следующего дня в коридоре послышалась какая-то суета. Там его надзиратели громко о чем-то разговаривали. Пристально прислушавшись, Саидходжа по отрывкам их речей понял, что его скоро повезут в располо-

жение частей генерала Говорова. Это значит, путь неминуемо будет пролегать вдоль реки, где немало отвесных обрывов. Пролистывая в голове каждый уголок, каждый промежуток той дороги, он вдруг чуть было не вслух крикнул стоп.

На этой горной дороге был участок, идеально подходящий для побега. Она была аккурат в том месте, перед поворотом к штольне и в трехстах метрах, где они приняли свой последний бой. Местом определился. Теперь как быть с охраной, они ведь будут сидеть по обе его стороны. Думая об этом, Саидходжа решил, – Притворюсь, как будто я бес сознания. Если они поверят, значит, чтобы не запачкать себя моей кровью, рядом сядет один охранник. Если не поверят, ближе к тому месту попытаюсь имитировать, будто мне стало плохо и затошнило, и вот-вот начнется рвота. Может повезет и они остановятся.

Ближе к трем часам дня в комнату вошли сержанты. Увидев, как тот неподвижно лежит на полу, они подумали, что он умер. Чтобы убедиться в этом, один из них ногой надавил на рану Саидходжи в голеностопе. Капитан от сильной боли застонал, а когда сержант убрал ногу, вновь замолчал. – Жив, такие легко не подышают, – сказал один из надзирателей. Схватив капитана за подмышки, понесли к выходу. На улице их ожидала машина. Когда его усаживали на заднее сидение, он специально стал падать. Тогда майор обратился к подполковнику,

– Товарищ подполковник, может быть, я сяду на виллис с

бойцами. Посмотрите на него, он весь в крови. Если в дороге будет так барахтаться с угла в угол, нам не смыть форму от его поганой крови. А так, мы его уткнем головой к двери и он мирно, без всяких проблем доедет до места.

Посмотрев на капитана и увидев, что тот без сознания, сказал, – Хорошо.

Как только машины тронулись, Саидходжа сразу же ухватился за ручку двери, боясь в суматохе ее не найти. Через пару часов они выехали на горную дорогу. Саидходжа, незаметно своим охранникам, приоткрывал свой глаз, чтобы не пропустить то самое место. И вот машины стали замедлять ход и подъезжать к повороту, где капитан намеревался совершить побег. Чем ближе подъезжали к месту, сердце у него стало биться сильнее, тело дрожало, а рука державшая ручку двери, онемела. До поворота оставалось 100м, 90м, 60м, 30м, 20м и когда он только хотел дернуть за ручку, перед самым носом их машины раздался оглушительный взрыв. ЗИС от ударной волны подбросило вверх, а затем, переворачиваясь в воздухе, улетел в пропасть. Когда прогремел взрыв и машина взлетела, от сильного толчка рука Саидходжи дернула ручку и дверь открылась. Перед самой водой Саидходжа выпал из машины, и в ту же секунду ЗИС разнесло в клочья. А в это время бурлящие воды горной реки уносили его куда-то вниз по течению...

ГЛАВА 15. Милосердие

Эльза, каждую неделю по субботам и воскресениям ездила в горы, чтобы собирать дрова для топки. Но чем ближе фронт подступал к их городку, тем тревожнее становилось ей одной бродить по горам.

По слухам местных, их гору и окрестности городка заполнили дезертиры, бежавшие с фронта, беженцы, а так же заключенные концлагерей и тюрем. Хотя и за сотни верст от них не было ни тюрем, лагерей, и даже канцелярии СС и полиции. Боясь нарваться на бандитов или дезертиров, она вот уже две недели не ходила в гору за дровами. Весна 1945 года выдалась прохладной для этих мест, и по вечерам в доме становилось холодно. Да и еду ей надо было готовить, а дрова были на исходе. Одной было страшно ехать, а попросить некого, мужчины, кто на фронте, кто уже погиб. В их городке остались одни старики, женщины и дети.

Понимая это, Эльза, помолившись, все-таки решила съездить в гору за дровами. Подогнав подводу, она на этот раз решила с собой взять свою немецкую овчарку Рекса, которого раньше оставляла охранять дом. Привязав Рекса к подводе, загрузив припасы и двустволку отца, рано утром двинулась в путь.

Ближе к двенадцати, Эльза добралась до реки, и спустившись поближе к ней, привязала лошадь к стволу молодой сосны. К своему удивлению, а может быть из-за того, что здесь давно не было людей, она за пару часов, обрубив сучки,

заполнила подводу дровами. Увлечшись работой, девушка совершенно позабыла о еде и только тогда, когда от усталости и голода закружилась голова, поняла, как сильно хочется есть. Постелив на огромный плоский камень свой платок, разложила на него свою еду. Добротню пообедав и накормив Рекса, Эльза о чем-то грустном призадумалась. Вспомнила своих родителей, увезенных в 1944 году гестаповцами, вспомнила единственного брата Арнольда, воюющего на западном фронте с американцами. И, конечно же, она вспомнила о Фридрихе, парне с которым училась вместе в школе. Как они, целых четыре года, всматривались друг в друга, но никак не решались заговорить. И только на дне рождения Гретты им удалось пообщаться, и вплоть до самого призыва его в Армию не расставались. С любовью вспоминала, какая была тогда прекрасная пора. Как была счастлива, и все вокруг цвело, а жизнь была радостной. В ту пору ей хотелось жить, радоваться и быть счастливой. Она только-только стала понимать и чувствовать смысл будущего, как вдруг осенью 1943 года Фридриха призвали в Армию. Ей было очень трудно расставаться с ним, чувствовала, что видится с ним в последний раз. Крепко вцепившись ему на шею, не хотела отпускать от себя. А в декабре 1944 года родители Фридриха получили извещение о его гибели.

В это время Эльзу будто молнией сразило. Ею овладел какой-то жуткий, необъяснимый страх. По ее телу побежали мурашки и оно, как будто застыло. Рекс, тоже почувствовав

это, вскочив с места и глядя в сторону реки, стал рьяно лаять. Эльза хотела убежать, но ноги ее не слушались, они словно окаменели. Руки и тело стало само дрожать, и ей стало невыносимо холодно. Она стала медленно поворачивать голову в сторону реки. Страх того, что обернувшись, увидит направляющихся в ее сторону дезертиров или беглых заключенных из концлагерей овладел ею. Но, когда все-таки повернувшись, не увидела никого, кроме несущихся с гор бурлящих потоков реки, немного успокоилась. Медленно привстав с места, стала оглядываться по сторонам, ниже и выше течения реки и, не увидев никого, стала быстро собираться. Но Рекс все еще не унимался, и неистово лая, рвался к реке. Как бы она не пыталась его уговорить, пес ее не слушался. Тогда Эльза его развязала, и Рекс с ужасным лаем умчался к реке. Пробежав метров пятьдесят, он, остановившись у небольшого камня на берегу, схватив что-то своими челюстями, пытался разорвать. Эльза, взяв с подводы двустволку отца, направилась к нему. Когда до пса оставалось шагов десять, она с ужасом заметила, как Рекс, схватив кого-то за локоть зубами, пытался загрызть. Схватив собаку за ошейник, ей с трудом удалось оттащить его от несчастного. Затем, отведя собаку к подводе и привязав за нее, с палкой в руке вернулась к тому лежащему на берегу реки человеку. Она ткнула палкой несчастного по боку несколько раз, но тот не подавал признаков жизни. Тогда Эльза осторожно, схватив его за руку, попыталась перевернуть несчастного на спину,

так как тот лежал лицом вниз. Когда ей это все-таки удалось, ужаснулась от увиденного зрелища. С ног до головы у этого несчастного не было живого места. Эльза, обернувшись к реке, не могла поверить тому, что с ним это сделала река. Затем вновь взглянув на неподвижно лежащего человека, увидела его раны, разбитое и опухшее лицо с отеком глазом, перебитые руки и ноги. Вот тогда она поняла, что этого несчастного жестоко пытали, а затем, наверное, бросили в реку.

Эльза попробовала осторожно дотронуться до его тела. Оно было холодным и практически безжизненным. Убрав свою руку, ей стало страшно, и захотела убежать, оставить его здесь. Как только об этом подумала, ее вдруг осенило. Сумеет ли она после этого жить, оставив живого человека умирать у реки. Быть может Господь дает ей испытание и не случайно, наверное, она оказалась здесь и сейчас. Если поможет ему, господь смилостивится и кто-нибудь поможет ее брату Арнольду в трудную минуту. Размышляя над этим, Эльза решила помочь несчастному и выходить его, поставить на ноги.

Но для этого, ей сначала надо было дотащить его до своей подводки. А сделать это хрупкой и молодой девушке будет архисложно. Берег реки от того места где находился раненый до песчаного кряжа был устлан камнями, зарытыми в ил, где на половину, а где на четверть. Из-за этого по берегу реки не то, что кого-то тащить волоком, самому бы добратся, не падая. Эльза сперва попробовала его за рукав потя-

нуть. У нее из этой затеи ничего не вышло. Тогда, вернувшись к подводе, оставив ружье, взяла из него веревку, одеяло и две длинные сосновые палки, и отнесла их к раненному. Затем вновь вернулась к подводе. Развязав Рекса и держа его за поводок, взяла армейский ремень брата и пошла обратно. Рекс, подойдя ближе к раненному, рыча, попытался схватить несчастного за рукав. Эльза, сильно вздернув за ошейник, скомандовала, – Фу, Рекс, лежать! – Пес, подчиняясь ее командам, немедленно лег на песок.

Как только Рекс успокоился, Эльза, сложив одеяло вдвое, постелила его с боку раненного. Затем осторожно взяла его за руки и стала тянуть к одеялу. Тут он впервые застонал от боли. Эльза сразу же его отпустила, чтобы дать ему возможность перевести дух. Когда раненный вновь замолчал, она стала потихоньку тянуть. Только с третьей попытки ей удалось уложить несчастного на одеяло. Затем подложив с двух сторон сосновые палки, намотала на них края одеяла, и осторожно просунув веревку под одеялом, сильно привязала его. Осторожно приподняв сначала одну сторону палки, поставила его на короткую рогатину, а затем и вторую. Потом привязав на конце палки армейский ремень брата, сделала из него подобие хомута. Когда все было готово, подвела к хомуту Рекса и накинула на его шею. Ухватившись одной рукой за ошейник, а другой за конец палки, скомандовала, – Вперед Рекс, домой, – и собака, скуля и визжа, начала медленно тянуть несчастного к подводе. Упираясь на обе но-

ги, Эльза тоже помогала Рексу.

Когда им удалось дотащить его до подводы, перед ней стал вопрос, а как его теперь загрузить на нее? Ведь это не хворост и не дрова, и он, наверное, весит не менее 80 кг. Падая от усталости, Эльза села возле камня, где недавно обедала. Проведя своей рукой по лицу, стала оглядываться по сторонам, высматривая подходящее место, откуда можно было загрузить раненного на подводу. В десяти метрах от себя увидела небольшой откос, внизу которого было ровное место, куда можно было поставить подводу. Выгрузив из подводы дрова, оттащила его на низ выступа. Затем, вместе с собакой стала тащить раненного к выступу. Осторожно, чтобы не сорваться вниз, сантиметр за сантиметром, загрузила его на подводу. Потом, подогнав подводу к тому месту, где выгрузила с него дрова, стала их осторожно, не задевая раненного, загружать обратно. Дрова ей были нужны, но самое главное, ими надо было спрятать его от посторонних глаз. Даже если его не найдут военные, местные люди могли убить, потому что каждая семья на этой войне потеряла своих близких. Причем большинство из них погибли на Восточном фронте, воюя с Красной Армией, а он был ее бойцом.

Уже затемно, Эльза добралась до дома. Выгрузив дрова у сарая, и убедившись в том, что вокруг никого нет, подвела подводу к ступеням. Развернув ее тележкой к дому, ужаснулась тому, что фундамент был слишком высок, и Рекс здесь ей не помощник. Немного поразмышляв, вспомнила о дос-

ках в сарае, которые когда то принес брат Арнольд. Сходив за ними, по одной принесла три доски. Осторожно положив один конец доски на подводу, а другой конец подвела к порогу двери. Развязав веревки, привязанные с двух его сторон, убрала палки. Затем, ухватившись за концы одеяла, стала тащить его по доскам. Изнемогая от усталости, потратив немало сил, Эльзе удалось дотащить раненного до комнаты Арнольда. Затопив печку и поставив воду на нее, стала снимать с него одежду. Из-за того, что на ранах кровь запеклась, гимнастерка его прилипла к телу. Эльза взяла ножницы и стала срезать ему одежду на тех местах, где она была свободна. Сходив на кухню и взяв чайник теплой воды и тазик, вернулась в комнату. Налила в тазик теплую воду с мылом и положила туда несколько кусочков тряпок. Затем одну за другой, эти тряпки, не выжимая наложила на раны, где запеклась гимнастерка. Раненный тут же застонал, наверное, мыльная вода, попавшая ему на раны, стала жечь. Удалив с его тела все куски гимнастерки, она заменила воду в тазике и стала смывать песок и грязь с его тела. Полностью очистив его и осторожно приподняв, уложила на кровать. Затем обработала его раны спиртом и йодом, перевязала их, и укрыв теплым одеялом, пошла на кухню. Поставив большую кастрюлю на плиту, принесла с кладовки накануне зарубленного петуха, налила воду и положила в нее. Через час с небольшим куриный бульон был готов. Переставив его на край плиты, вместо кастрюли поставила чайник. И тут

больной стал стонать. Услышав его стоны, Эльза побежала к нему. У больного был сильный жар, а бинты на ранах были красные от крови. Она осторожно сняла повязку, обработала ему рану и вновь перевязала его. Потом сходила на кухню, и набрав в миску куриного бульона, вернулась к нему. Подложив под голову больного еще одну подушку, приподняла его, и осторожно остужая, стала ложка за ложкой поить. Когда больной поел, она убрала вторую подушку, и он уснул. Вернувшись на кухню, налила себе куриного супа и тоже стала ужинать. Затем покормила Рекса, взяла матрас и одеяло из своей комнаты и постелила себе на полу возле больного.

Только-только она стала засыпать, как больной вновь стал стонать. Быстро вскочив с места, и намочив тряпку в холодной воде, положила ему на лоб, разбавила таблетку от температуры в воде и напоила его. Через десять минут он замолчал, но ненадолго. Так они почти до утра не сомкнули своих глаз, он от боли стонал, а она ухаживала за ним. И только тогда, когда на улице стало светать, возможно, от усталости они оба крепко уснули.

Ближе к обеду больной вновь стал стонать. Эльза, тут же растопив печку, поставила на плиту кастрюлю, чтобы разогреть бульон. Когда нагрелся, стала вновь его кормить. Оттого что губы и язык были опухшие и передние зубы отсутствовали, Эльзе пришлось самой прожевывать мясо птицы и класть ему в рот

Так в бреду и в агонии, то бросая в жар, то в холод, он

провел еще несколько дней. На пятые сутки Эльза заметила, как он в бреду, сквозь прищуренные глаза, смотрел на нее и о чем-то бормотал на своем языке.

– Еглама, азизим Фарида, еглама..., – и пытался приподнять свою руку. Эльза, взяв его за руку, помогла ему. Он пытался дотронуться до ее щек, поняв это, она нагнулась. Почти незаметно поглаживая ее, он вновь повторял, – Еглама, азизим Фарида, еглама (Не плачь родная Фарида, не плачь...). Будто понимая его, Эльза тут же заплакала и не понятно от чего, слезы сами наворачивались к ее глазам. Все ее попытки их остановить были тщетны, они вырывались из ее груди. Не в силах более терпеть этого, осторожно опустив его руку, выбежала на улицу. Добежав до самой окраины своего луга, рухнула на землю. Холодная земля пронзила все ее тело, но Эльза этого не замечала. Не понимая что с ней происходит, неистово рыдала. Затем, встала на колени, взглянула на небеса, и вытянув свои руки вверх, во весь голос прокричала,

– О Господи, за что, за что мне эти мучения?

Опустив свои руки к земле, так и рыдая, просидела еще некоторое время. И только тогда, когда ее тело насквозь от холода продрогло, она начала приходить в себя. Собравшись с мыслями встала с места, и прижав свои руки к груди, направилась в сторону дома. А ее подопечному стало очень плохо, раны его сильно воспалились и гноились. Видя его состояние и не в силах ему помочь, Эльза впала в отчаяние...

ГЛАВА 16. Признание

Когда доктор Штаубе вышел на улицу, Эльза с Луизой, обнявшись, сидели на лавке и о чем-то усердно разговаривали. Они не заметили того, как к ним подошел доктор. Увидев его, Эльза вскочила с места, а доктор ее остановил,

– Сидите, сидите дорогая Эльза, – а затем подсев рядом, – вашему подопечному стало гораздо лучше. Теперь могу точно вам сказать, он идет на поправку и ему уже ни что не угрожает. Подтверждение моих слов то, как он крепко спит. Если вы позволите, я который день не был дома. Да и в госпитале, наверное, меня уже потеряли, я должен сходить и туда. Завтра утром, возьму необходимые лекарства и приду, а Луиза останется с вами и поможет, – тут в разговор вмешалась Луиза,

– Папа, простите меня, пожалуйста, я, услышав радостную весть о брате, совершенно забыла Вас предупредить. На следующий день, как Вы ушли с фрау Эльзой, приходили за Вами из госпиталя. Они Вас искали. А в тот день, когда я шла сюда, госпиталь эвакуировали в Германию. Говорят русские вот-вот будут здесь.

– Ну, что ж, тогда задача упрощается, я смогу немного отдохнуть. Ты, родная оставайся и помоги Эльзе с больным.

– Нет, нет доктор, пусть Луиза тоже пойдет домой и отдохнёт, не волнуйтесь, я справлюсь, – попыталась ему воз-

разить Эльза.

– Я знаю, что говорю. Луизе будет гораздо приятнее и интереснее здесь рядом с вами, чем со мной, ворчливым стариком, – сказав, доктор пошел домой.

Саидходжа быстро шел на поправку, уже на третьи сутки он самостоятельно сидел на кровати и кушал сам. Отеки на лице спали, а язык полностью восстановился, и его речь стала более понятной. Через неделю, облокотившись на плечи Эльзы, он стал выходить на террасу, а еще через две Саидходжа ходил самостоятельно. Эльза, Луиза и он так сильно подружились между собой, что ни на минуту не расставались. Хотя раны Саидходжи и зажили, но иногда, особенно когда портилась погода, они напоминали о себе. Так прошел еще месяц, к тому времени война почти закончилась. До падения Берлина оставались считанные дни.

Однажды утром, войдя в комнату Саидходжи, Эльза его там не обнаружила. Раньше такого с ним не случалось. Испугавшись того, что он ушел, она выбежала на улицу. Со стороны сарая ей послышались какие-то стуки. Подойдя туда, увидела, как полураздетый Саидходжа колот дрова.

– Оденься, не то простынешь, – сказав, улыбаясь, подошла к нему. Затем, – тебе рановато делать физические упражнения, твои ребра еще не восстановились, – продолжила. И протягивая ему небольшой пенек, – сядь, отдохни немного, – сказав, сама уселась рядом.

– Саид, я долго не решалась спросить у тебя. Если ты поз-

волишь, можно? – смущаясь, спросила она.

– Да, конечно, у меня от тебя нет тайн.

– Ты, когда бредил и был бес сознания, часто произносил имя, Фарида. Кто такая Фарида, твоя девушка, а может быть жена?

– Жена, – опуская голову, ответил он.

Услышав это, Эльза, тут же отвела от него свои глаза. Тело ее задрожало и ей стало плохо.

– Мы с ней поженились за три дня до войны, а на четвертый день меня призвали в Армию. Через год, родители моего друга написали мне, что во время родов, она, обрезав пуповину сына и укутав его, сама умерла от кровотечения. Рядом никого не оказалось. А на следующий день соседи, услышав, плачь ребенка нашли её. Сына сдали в детский дом, а жену похоронили. Я не знаю где мой сын, что потом с ним случилось, надеялся после войны его разыскать, – В это время глаза Саидходжи покраснели. Эльза, слушая его рассказ давно уже плакала. Как только Саидходжа закончил говорить, она тут же прижалась к его груди. В это время с хохотом к ним подошла Луиза.

– Я что-то пропустила? А ну-ка признавайтесь? – но тут, увидев их глаза, – Ой, простите меня. А, что случилось? – извиняясь, спросила она.

– Нет, нет, дорогая Луиза, ты здесь ни причем, мы просто вспомнили прошлое. Это ты прости нас за нашу минутную слабость, – сказал ей Саидходжа, – мы всегда рады видеть

тебя у нас.

– Тогда я пришла к вам сообщить одну новость, кого это обрадует, а кого огорчит, решите сами. К нам домой приходил бургомистр и сообщил о том, что в наш дом заселят трех красноармейцев из госпиталя.

– Когда, – спросил у нее Саидходжа.

– Сегодня вечером. А что, ты не рад этому?

Эльза, тут же взглянула на него и занервничала. Крепко прижимая ее к груди и успокаивая, Саид попросил Луизу,

– Луиза, родная. Быстро беги домой и приведи к нам отца.

Это очень важно.

Видя, с каким волнением, он произносит эти слова, Луиза побежала домой.

Через полчаса доктор Штаубе, толи от того, что бежал, или от волнения, испугавшись за них, прямо с порога еле-еле выговорил,

– Что вами случилось, где болит? – Говоря, стал щупать Саидходжу.

– Со мной все в порядке, – предлагая ему стул, – прошу Вас, присядьте, пожалуйста, – сказал он. А затем, – Эльза родная, принеси, пожалуйста, доктору воды, пусть он переведет дух.

Выпив воды, доктор, – говорите, я спокоен. Если и дальше будете меня держать в неведении, мне будет хуже.

– Дорогой дядя Карл, когда-нибудь придет время, я Вам обо всем расскажу, это очень длинная история. Я не дезер-

тир, не предатель, в этом Вы можете быть уверенными. Но обстоятельства сложились так, что у меня не было другого выхода, кроме побега. Если кто узнает о том, что я жив, поверьте, те люди, которые меня пытали, будут здесь. Я раньше говорил Вам, меня заберут, а Вас они убьют. Если Ваши постояльцы узнают обо мне, они должны будут доложить своему начальству. А те в свою очередь доложат в особый отдел, откуда я сбежал. Для меня обратной дороги нет, меня там никто не ждет. Если Эльза позволит, я останусь с ней.

Услышав эти слова, Эльза, выронила стакан с рук и кинулась к нему в объятия.

А доктор, взглянув на Саидходжу, сказал

– Я вас понял любезный мой друг. За то время, которое я вас знаю, у меня выработалось определенное мнение по отношению к вам. И поверьте, оно объективное. Вы очень добропорядочный и хороший человек и меня в этом никто не переубедит. А вам милая фрау, – обращаясь к Эльзе, – если помните, говорил, о том, что Господь вас не оставит. Вот видите, я оказался прав. Мы с дочкой очень рады за вас, и надеюсь, вы скоро пригласите нас на свою свадьбу. Любовь, мир, согласие вашему дому. Нам пора, наверное, постояльцы уже ждут нас, с вашего позволения мы пойдем.

Проводив доктора и Луизу, Саидходжа с Эльзой обнявшись, вошли в дом. Так прижавшись, они провели еще некоторое время. Оба не решались начать разговор, ведь сегодня они впервые чувствовали друг друга. Им хотелось так мно-

гое сказать обоим, но нужных слов не находили. Молчание нарушил Саидходжа,

– Милая, родная Эльза. Я мусульманин и никогда не откажусь от своей веры. Ты католичка, и я не вправе требовать у тебя отречения. Я знаю, что люблю тебя и не представляю свою жизнь без тебя. Надеюсь, Всевышний простит меня, надеюсь, и твой бог не будет против и не прогневаётся, прошу тебя, выходи за меня замуж.

Эльза, услышав его слова, ничего не отвечая, своей ладонью прикрыла его губы и затем крепко сама прильнув к нему своими губами, тихо произнесла, – Да, я согласна...

ГЛАВА 17. Пути господни неисповедимы

Когда доктор Штаубе и Луиза вернулись домой, их у дома ожидали три советских офицера из оккупационных войск. Капитан, сидевший на ступенях крыльца, по-немецки спросил,

– Вы доктор Штаубе?

– Да, это я, а эта девушка моя дочь Луиза, – ответил ему доктор.

– Очень приятно, мы от бургомистра. Я капитан Соколов Игорь, а эти старшие лейтенанты Уваров Дмитрий и Нефедов Николай.

Открывая дверь, доктор предложил,

– Прошу вас, проходите в дом, господа. – Зайдя домой,

доктор попросил дочку,

– Луиза, родная, накрывай на стол, возможно господа офицеры проголодались, а я покажу им дом. Или вы предпочитаете отдохнуть?

– Мы только что выписались из госпиталя, мои товарищи, наверное, пойдут отдыхать, а я пожалуй с вами пройдусь.

Бывалый разведчик по привычке должен был осмотреться вокруг.

– Тогда позвольте, я провожу ваших товарищей в их комнаты и сразу же вернусь.

Пока доктор устраивал Нефедова и Уварова, Соколов не дожидаясь его, пошел осматривать дом. Войдя в одну из многочисленных комнат, он оказался в кабинете доктора. Три стены кабинета были уставлены шкафами, набитыми доверху книгами. У окна стоял огромный дубовый стол ручной работы, по бокам, которого находились добротные, резные, ручной работы кресла. В это время в комнату вошел хозяин,

– А, вы здесь, господин офицер? Я вас уже было потерял. Ну, как вам мой кабинет, понравился?

– Да, очень уютно, и знаете, находясь здесь, чувствуешь себя как будто не было войны. Великолепная обстановка и спокойствие, не хочется уходить.

– Вы правы, бог миловал наш городок, и война прошла стороной от него. Хотя я потерял свою жену в Берлине, во время бомбежки.

– А в вашей семье кто-нибудь воевал?

– А как же, сын Герхард,

– И где же, если не секрет?

– Скрывать мне нечего, на восточном фронте. Он, так же как и я, врач, хирург. Последнее письмо от него я получил в 1943 году из Сталинграда.

И тут капитан увидел на столе извещение от командования немецкой Армии, где говорилось о том, что во время бомбардировки погиб.

– Он, значит, погиб?

Доктор чуть было не сказал, что нет, он жив. Но в последний момент вспомнил просьбу Саидходжи.

– Надеюсь, нет, и жив,

– А извещение?

– Извещение одно, но ведь его никто не видел мертвым.

Значит, он, возможно, остался жив, и я хочу в это верить.

Пусть даже он попал в плен, я хочу в это верить.

– Вы оптимист, оказывается... – не договорив, Соколов увидел на столе фотографию Герхарда, и, схватив его, спросил у доктора, – извините доктор, а кто это на фотографии?

– Это и есть мой сын Герхард, а что случилось? – взволнованно спросил он,

Еще немного подержав фотографию в руке, затем положив на стол, Соколов, обернувшись, взяв доктора за плечи, усадил в кресло.

– Ну-ка отец, присаживайтесь, и держитесь крепче за спинки кресла, я скоро вернусь, – сказав, вышел из кабинета.

Через пару минут, держа в одной руке графин с водой, а в другой ведя Луизу со стаканами в руке, вошел в кабинет. Налив в стаканы воды, протянул им. Доктор тут же ему возвратил,

– Я не хочу пить, в чем дело?– А Соколов не унимаясь,

– Держите, держите. Она вам сейчас понадобится, когда услышите новость, которую я вам скажу. Ну, вы готовы, услышать ее?

– Да,

Доктор и Луиза напряглись, хотя вид капитана сулил им хорошую весть. Капитан взял в руки фотографию Герхарда, и повернувшись лицом к ним, торжественно произнес,

– Уважаемый доктор Штаубе, Луиза. Ваш сын и ваш брат Герхард жив, и если не ошибаюсь, он еще пока здесь, недалеко от вас.

Как и предполагал капитан, они, залпом выпив воду, вскочили с кресел,

– Как, где, не может быть?– Схватили за руку капитана.

– Может, еще как может, – обнимая их обоих, сказал капитан. – И надо же, такому случится. В январе 1943 года, в городке Калач, под Сталинградом, среди развалин госпиталя, именно я его нашел. Он был без сознания и лежал на носилках.

Капитан рассказал им, как его нашел. Как приказал двум бойцам отнести его в госпиталь. Как особист хотел его бросить в яму к остальным погибшим немцам, а капитан Кон-

дратьев не дал ему этого сделать. Затем Герхард, придя в себя, спас его друга Саидходжу и начальника штаба Армии генерал лейтенанта Комарова, который в последующем прогнал особистов.

– Дорогой доктор, в этой истории есть и грустная сторона. Когда в госпиталь попала авиабомба, я не знаю, как ваш сын оказался на носилках. Вот когда мы его нашли, он был придавлен козырьком входа госпиталя. Наверное, вследствие взрыва, а может быть из-за попадания на него обломков здания, ваш сын потерял память. Мы его называли доктор Ганс.

– О Боже, – воскликнул доктор.

– Но это не столь страшно и не столь важно. Главное ваш сын Герхард жив, и вы правы, он – великолепный хирург, спас немало жизней. Память рано или поздно восстановится и он вспомнит вас, не так ли?– успокаивая, спросил капитан.

– Да, конечно, главное он жив и вы сказали где-то рядом. Мы можем его увидеть?

– Я сказал, был,

– Почему был и где он сейчас?

– Меня выписали неделю назад, тогда госпиталь где служил ваш сын Герхард, готовился к передислокации.

– Как понять к передислокации и куда он готовился отправиться?

– В Манчжурию, это в Китае, на войну с Японией.

– На какую войну, ведь война уже закончилась?

– Вот видите доктор, я не должен был вам об этом говорить. Это, по крайней мере, еще тайна, хотя все об этом знают и говорят.

– И что мы не увидим Герхарда?

– Я вам не советую этого делать. Потому что война еще не завершилась, а следователи особого отдела не сидят без дела, они везде рыскают. Я уверен в том, что наблюдение за вашим сыном они еще не сняли. Дайте вы им только повод, и Герхард окажется в их застенках. Тем более если узнают, что он майор Германской Армии и у него где-то рядом есть родственники...

– О, боже, – восторгался доктор.

– Это очень опасно и пока ни к чему. Завтра утром я схожу в госпиталь. Если Герхард еще не уехал, постараюсь придумать, как его привести к вам. И еще, о нашем разговоре и о том, что вы услышали здесь, ни слова в присутствии Уварова и Нефедова. Незачем нам лишних ушей, они могут проболтаться, хорошо?

– Да, да, конечно. Как скажите, господин капитан. – А затем, спросил у дочери, – Луиза, родная, гости, наверное, уже проголодались, у тебя все готово, можно их звать к столу?

– Да, папа, стол уже накрыт, можете звать,

– Тогда, господин офицер, зовите своих товарищей к столу, – и тихо добавил, – отметим нашу тайну.

– Луиза, прошу вас, вы идите и зовите моих друзей к столу, а мне надо поговорить с вашим отцом.

Как только Луиза скрылась за дверью, капитан продолжил,

– Простите, пожалуйста, дядя Карл, я могу вас так звать.

– Да, конечно, господин офицер,

– Так вот, по поводу господина. Отныне вы должны меня звать по имени Игорь.

– Но...

– Да, по имени.

– Но ваши друзья...

– И их будите звать по имени. Когда Герхард спас моего самого близкого друга, даже нет, Саид был для меня как брат. Так вот, я когда навещал его в госпитале, встретился с Герхардом. Он, узнав о том, что это я его нашел, предложил быть друзьями. С тех пор мы втроем пообещали друг другу сохранить нашу дружбу до конца. К сожалению, Саид погиб, у меня остался теперь только Герхард.

– А Саид, он что, не русский?

– Азиат, узбек, вы про Узбекистан когда-нибудь слышали?

Тут доктор сразу понял о ком идет речь и, видя, как переживает капитан, чуть не проговорился, что он жив,

– Нет, не слышал, а ваш друг давно погиб?

– В начале весны, несколько разведгрупп ходили в рейд в ваших краях. Когда группа Саидходжи вместе с десантным батальоном возвращались на базу, напоролись на засаду. Все, кто был там, погибли.

– Вы не допускаете, может жив ваш друг Саид?

– Нет, я знаю точно, Саид погиб. Если это было не так, он давно бы дал о себе знать.

– А может он находится в госпитале, и не может сообщить о себе?

– Нет, Саид жилистый. Если был бы ранен, он давно выкарабкался бы, значит он погиб.

– Не теряйте надежду. Я верил, что мой сын не погиб, и вот вы мне об этом сказали. Может и ваш друг жив и вы, когда-нибудь, встретитесь с ним.

– Если бы это было так. Пойдёмте дядя Карл, нас, наверное, уже заждались...

На следующее утро, как и обещал, капитан Соколов сходил в госпиталь. Но ему там сказали, что доктор Ганс с начальником медицинской службы армии генерал лейтенантом Романовым уехали в штаб Армии. Вернувшись обратно, Соколов позвал к себе доктора.

– Госпиталь еще здесь, радуйтея отец, возможно, вы скоро встретитесь с сыном. Он с начальником госпиталя поехал в штаб Армии, приедут завтра вечером. А послезавтра я схожу за ним.

– Дай бог, этому случится,– обнимая Соколова, сказал доктор...

ГЛАВА 18. Отчаяние от безысходности

В то же самое время, когда капитан Соколов рассказывал доктору и Луизе об их брате, Герхард прогуливался по родному городку. Когда он с генералом Романовым поехал в штаб Армии, проезжая мимо костёла, он воскликнул,

– Мне кажется, я знаю этот костёл.

Генерал тут же приказал водителю остановить машину. Выйдя из нее, он предложил Герхарду сходить туда. Вернувшись, Герхард, прислонившись руками на крышу машины, опустил на них голову.

– Что, сынок, не узнал?

– К сожалению, нет, товарищ генерал. Все вокруг знакомо, мне кажется, я здесь бывал, но не могу вспомнить.

– Заешь что, Ганс, в штаб я съезжу сам, а ты с бойцом пройдишь по городу, может, вспомнишь. – Затем обратившись к сержанту, – Сопроводи военврача, головой отвечаешь за него.

– Слушаюсь, товарищ генерал лейтенант, – ответил ему сержант.

Когда генерал отъехал, Герхард пошел в противоположном направлении. Идя по улицам Зальцбурга, какое-то необъяснимое чувство овладело им. Вокруг все то, к чему он обращал внимание, ему казалось близким и знакомым. Внутренний голос все повторял, – взгляни туда, взгляни сюда, видишь то или это. Переосмысление всего этого было ему труднее и труднее. Голова раскалывалась и сильно закружилась, в ушах стало звенеть. В этот момент в голове раздался

ужасный грохот и он, схватившись за нее обеими руками, с криком сел на корточки. Сопровождавший сержант, тут же схватив его за подмышки,

– Товарищ военврач, что с вами, вам плохо? – волнуясь, спросил,

– Нет, нет, со мной все в порядке. Просто голова закружилась, наверное, это последствие контузии. Давайте вернемся обратно в госпиталь, – предложив сержанту, Герхард направился в сторону госпиталя. Не знал тогда Герхард того, что в нескольких шагах от них находится его дом, где его ждут отец с сестренкой.

Генерал Романов вернулся вечером того же дня. Собрав личный состав госпиталя, рассказал им о поставленной перед ними задаче. Приказав заместителям готовить личный состав к маршу, позвал к себе Герхарда.

– Завтра утром, пока будет идти погрузка, мы с тобой поедem в одно место. Я когда ехал в штаб, увидев его, изумился, оно так похоже на мои родные края. Думаю, то место и тебе тоже понравится.

Утром начальник госпиталя генерал лейтенант Романов, проверив, как идет погрузка, и убедившись в том, что все идет по плану, подозвал к себе заместителя,

– Мы с доктором Гансом отъедем ненадолго, к нашему приезду личный состав должен быть готов.

– Слушаюсь, товарищ генерал лейтенант, – ответил ему зам.

Сев в машину, генерал и Герхард уехали куда-то. Проехав за городом не более десяти минут, машина съехала с дороги и остановилась. Выйдя из нее, генерал позвал за собой Герхарда и направился к небольшому утесу. Остановившись у самого края, показывая на красоты местных гор, – сказал,

– Там, откуда я родом, есть удивительно похожие на эти места горы. Такие же деревья, сосны, ели, дубы и березы. А реку и этот утес, словно перенесли оттуда сюда. Ты согласен со мной, Ганс, потрясающие места, не правда ли?

– Безусловно, товарищ генерал. Нет искуснее художника, чем природа матушка.

– Кстати, я забыл спросить, ты в городе вспомнил что-нибудь?

– Увы, нет, хотя мне все вокруг было знакомо. И эти горы я знаю, по-моему, я там когда-то бродил, но когда не знаю.

– Война скоро закончится. Побьем этих проклятых самураев, и я брошу все к чертовой матери и уеду к себе на Урал, к родным берегам. Возьму удочку, ружье, и месяцами буду рыбачить и охотиться в свое удовольствие. Может быть, и ты махнёшь со мной, а Ганс? Тебе там понравится, успокоишься, а возможно и память к тебе вернется, что скажешь.

– Возможно, Вы правы, – сказал Герхард. – Вы знаете, когда я бродил по улицам Зальцбурга, у меня было такое чувство, будто я здесь жил, вырос здесь. Все кругом было родное и знакомое. Товарищ генерал, как Вы думаете, ведь может же быть, что это так?

– Вполне. Ты немец, и судя по твоему акценту, можно уверенно говорить, что ты местный, потому что говоришь на местном диалекте. Вот видишь, а я что говорю тебе. Поживешь у меня годик, память твою вернем, и глядишь, вернешься сюда в полном здравии. Решено, никакие отговорки не принимаются, после войны на Урал, точка.

– Решено, – с улыбкой ответил ему Герхард.

В это время подъехал его адъютант, и четко произнес,

– Разрешите обратиться, товарищ генерал лейтенант.

– Обращайтесь,

– Личный состав госпиталя к передислокации готов. Все больные и раненные уже отправлены. Ждем Ваших дальнейших указаний.

– Не дают нам с тобой, друг мой Ганс, отдохнуть, – посетовав и вставая с места, торжественно сказал. – Труба зовет, мой друг, труба зовет. Пора в дорогу, в наш долгий путь. Пойдем Ганс, видишь, без нас никак. – И они поехали обратно. Там колонна была уже готова к маршу. Накинув на себя шинель и застегнув все пуговицы, генерал дал команду,

– Трогаем, – и, махнув рукой, вместе с Герхардом сел в машину.

Когда их машина подъезжала к одному, видимо, родовому поместью, сердце Герхарда екнуло, и он машинально обернулся в ту сторону. Как раз в это время, накрыв гостям на стол, Луиза вышла на улицу. Ей послышался рев моторов двигателей, проезжающих машин по улице. Волнение и лю-

бопытство охватило девушкой, и она побежала к калитке. Мимо их дома проезжала колонна грузовых машин с огромными красными крестами на боку. Луизу осенила догадка, что эти машины из госпиталя. Подбежав ближе к обочине, она стала пристально вглядываться в кабины машин, в надежде увидеть брата. Одна за другой, мимо неё нескончаемым потоком проезжали машины. И когда, колонна практически заканчивалась, в предпоследней машине, рядом, с каким-то важным генералом, увидела брата Герхарда. Он, сидя у окна, с удивленными глазами пристально смотрел на нее, и их взгляды встретились. Ком подступил к ее горлу. Ноги подкосились и не слушались. А Герхард уже через заднее стекло смотрел на нее. Приложив невероятное усилие, она во весь голос крикнула, Герхард. А он все отдалялся. Сняв платок и рыдая, размахивая им, Луиза побежала за машинами. Герхард видел, как какая-то девушка бежит за ними. Генерал заметив, как он все время оглядывается назад, спросил,

– Что случилось Ганс, знакомых увидел?

– Нет, но вон та девушка, – показывая на Луизу, – давно бежит за нами.

– Она, наверное, благодарит нас за то, что мы освободили их от фашистов.

А Луиза, не догнав машину, упала на землю, и прикусив свой платок, очень сильно плакала. Как только машины исчезли из вида, она побежала домой. Сильно рыдая, вся взъерошенная, держа платок в руках и с криком, – Папоч-

ка, – бросилась ему на грудь.

Доктор и его постояльцы, ничего не понимая, встревожились. Их напугал вид девушки. Соколов сразу же догадался в чем тут дело, и скомандовал,

– Товарищи офицеры, прошу вас оставить нас одних.

Уваров и Нефедов, подчиняясь приказу командира, покинули комнату. Соколов налив в стакан воды протянул Луизе, она сделала несколько глотков и со слезами на глазах, разрыдалась,

– Папа, я видела Герхарда,

– Где? – спросил отец,

– Только что по нашей улице проехала колонна машин с красными крестами. В одной из них сидел Герхард. Он меня видел, но не узнал. Я бежала за ними, но не смогла догнать, – и вновь разрыдалась.

Прижимая к груди свою дочь, доктор умоляющим взглядом посмотрел на Соколова.

– Дорогой дядя Карл, Луиза, прошу вас, наберитесь терпения. Поймите, я не в силах сейчас что-либо изменить. Если бы встретился с Герхардом глазу на глаз, можно было бы что-нибудь предпринять. А сейчас невозможно. Мы можем навредить и себе и Герхарду.

Вечером того же дня доктор, извинившись, сказал Соколову, что ему необходимо отлучиться проведать больного. Выйдя из дома, сам направился к дому Эльзы. Зайдя в дом, прямо с порога сказал Саидходже,

– Саид, угадайте, кого к нам на постой поселили. Вы, наверное не поверите, но судьба соблаговолила меня познакомиться с человеком, спасшим моего сына. И как стало мне известно, он является вашим самым близким другом.

Тут Саидходжа, опережая его,

– Что, Игорь Соколов, у вас?– удивленно спросил он

– Именно, капитан Игорь Соколов, ваш самый закадычный друг, является моим постояльцем.

– Невероятно, и надо же такому случиться.

– Самое ужасное в том, что он мне сказал, что Герхард, здесь в Зальцбурге,

– Вы что, спрашивали у него о Герхарде?

– Нет, конечно! Просто он в моем кабинете увидел его фотографию, а потом рассказал мне, как он его нашел. И вот, мы не увиделись с ним, его отправили на Дальний Восток. Не знаю, когда теперь мы с ним свидимся.

– Да дядя Карл, не зря говорят, пути господни, неисповедимы.

– Вот-вот, и я о том же.

– А обо мне он не вспоминал.

– А как же. Мы с ним только о вас и говорили. Вернее он рассказывал о замечательном погибшем друге. Может быть, сказать ему о том, что вы живы?

– Нет, ни в коем случае, прошу вас.

– Если бы вы видели, как он страдает.

– Знаю, отец. Мне тоже не легче, тем более, когда услышал

я от вас, что Игорь здесь.

– Как мне жаль вас обоих, находится рядом и не увидится...

ГЛАВА 19. Воспоминание

Через неделю за постояльцами доктора Штаубе приехала машина. Прощаясь с ними, доктор Уварову и Нефедову сделал небольшие подарки на память. А затем, извинившись, – с вашего позволения, я на минутку украду капитана, – сказав, Соколова попросил пойти за ним.

Закрыв за собой дверь в кабинет, пройдя к столу, достал из него несколько фотографии, – Игорь, как вы просили, я приготовил вот эти фотографии. Прошу вас, посмотрите на них и выберите самую подходящую, на ваше усмотрение.

Пока капитан рассматривал фотографии, доктор Штаубе подошел к старинному шкафу. От туда он достал какой-то сверток и великолепный клинок. Передавая сверток капитану, он сказал,

– Игорь, здесь подарок для вас, за то, что вы сделали для нас, для моей семьи. Только благодаря вам мой сын Герхард жив и мы, надеюсь, скоро с ним увидимся. Если вы откажетесь брать, то я и Луиза очень обидимся на вас. В свертке очень ценная и старинная вещь, наша семейная реликвия. Ее моему прапрадеду подарил русский царь, если не ошибаюсь, царь Петр.

А, тем временем, капитан всячески отказывался брать ее, – не стоит этого делать дядя Карл. И еще, как ее я повезу, тем более, если она старинная вещь.

– Дорогой мой друг. Отказы ваши не принимаются, и наш подарок вы заберете в любом случае. У меня был один сын. Пообщавшись с вами, за эти дни, которые вы провели у меня, я понял какой вы добрый и порядочный человек. Я полюбил вас как собственного сына, и я за вашу доброту и милосердие по гроб обязан вам. Вы стали для меня самым близким и желанным гостем. Помните, где бы вы ни были, знайте, в Австрии есть ваши родственники. Наши двери будут всегда открыты для вас. А этот клинок самая дорогая вещь, с которым Герхард никогда не расставался. Ему этот клинок подарил его дедушка. Надеюсь, взяв его в руки, он вспомнит про нас. Возможно, благодаря этому клинку, к Герхарду вернется память.

Напоследок, крепко обняв капитана, доктор Штаубе и капитан вышли на улицу, где их ожидали Уваров с Нефедовым.

– Берегите себя, и да благословит вас Господь, – сказав, доктор проводил гостей.

Так, находясь близко рядом с домом, Герхард не встретился с отцом, отец с сыном, и сестра с братом. Но в душе они сохранили надежду о скорой встрече.

После отъезда постояльцев доктор Штаубе с Луизой направились к дому Эльзы. Забежав в дом, Луиза, прямо с порога стала говорить,

– Эльза, Эльза, я видела брата Герхарда. – Как раз в это время Эльза с Саидходжой о чем-то мило говорили,

– Где ты его видела, что он приходил домой? – Удивленно спросила Эльза. И выйдя со стола, направилась к ней навстречу.

– Нет, Герхард не приходил. Он проехал по нашей улице, в колонне машин с красными крестами. Сидел на заднем сидении черного мерседеса с одним важным офицером. Я его узнала, а он долго на меня смотрел, но скорее всего меня не узнал.

В это время в комнату вошел доктор Штаубе. Увидев его, Саидходжа встал с места, и приветствуя его,

– Здравствуйте дорогой дядя Карл, мы уже начали по вам скучать. – Сказал он.

– А я не меньше вас соскучился, – стал вторить ему доктор, и отдавая свою шляпу и плащ, поприветствовал Эльзу. Эльза вместе с Луизой пошли накрывать на стол.

– Саид, я думаю, все-таки зря вы мне не разрешили рассказать Игорю о том, что вы живы и находитесь здесь где-то рядом. Если бы вы знали, как он переживает по поводу вашей гибели. Как страдает без вас. Он мне очень многое рассказал о вас, о том, как вы в 1941 году поступили вместе в разведшколу. Окончив ее, вместе с ним попали в одну часть. Рассказал обо всех ваших подвигах, словом, я знаю о вас практически все с осени 1941 года...

– Дорогой дядя Карл, – перебивая его, сказал Саид, – я

не меньше Игоря страдал. Каждый вечер, не смотря на все запреты Эльзы, тайком ходил к Вашему дому. Наблюдал за ним. И когда Игорь выходил на улицу покурить, мое сердце разрывалось от того, что не могу подойти к нему, обнять его. А однажды и вовсе мы с ним чуть не столкнулись. Я в последний момент, перед самым его носом, успел нырнуть в траву. Он был тогда в двух шагах от меня и долго курил. Вы, окликнув, его увели.

– Вы знаете, Игорь тогда подойдя ко мне, сказал – Дядя Карл, мне, когда я стоял у забора, показалось, что мой друг Саид где-то рядом. Если бы вы меня не позвали, я перепрыгнул бы через забор в поисках его. Я его чувствовал, чувствовал дыхание, его тепло, как живого и здорового. – Думаю, если бы я его тогда не позвал, он непременно пошел бы вас искать. Тогда, глядя на его глаза, я подумал, бывает же, вы не только друзья, вы оказывается еще и родственные души. Если человек не привязан к другому, он не в силах его почувствовать. Кстати, он мне сказал о том, что после войны поедет в ваши края. И непременно отыщет вашего сына и усыновит.

– Прошу Вас, меня понять. Я не боялся за себя, а переживал за Игоря. Я здесь, и как Вы поняли, остаюсь навсегда. Там на Родине у меня никого нет, кем можно было бы меня шантажировать. Но у Игоря мать, отец, три сестры с детьми и брат инвалид. Вы понимаете, что будет с ними, если Игоря возьмут?

– Но вы же говорили, что ему можно доверять, как себе. Я по его глазам понял, что он мужественный и храбрый человек. Такие люди не предадут, в этом я уверен. Но встреча с вами его бы успокоила. Мне было очень жаль смотреть, как он страдает из-за вашей гибели.

– Поверьте мне, дорогой дядя Карл, Вы так не говорили бы, если раз в жизни оказались в застенках особого отдела. Ваше гестапо и СС не идут ни в какие сравнения с ними. Не всех попавших к ним, гестапо сумело сломать. А в особом отделе, я говорил Вам об этом, даже генералы и маршалы мочились в штаны от страха. Надзиратели могли их заставить лаять как собак или мяукать как кошек, и они выполняли их приказы. Я это прошел и не желаю, чтобы Игорь из-за меня пострадал.

– Да вы что?– удивленно сказал доктор.

– Если те, кто меня пытал, снова начнут меня искать, для них первой мишенью будут мои друзья. Игорь один из немногих в живых оставшихся друзей. Если он не будет знать о том, что я жив, твердо будет стоять на своем. Ни без каких-либо сомнений будет говорить им, что я погиб. Но если он будет знать обо мне, то особисты по его глазам и интонации голоса сразу же определят, что он лжёт. И надавив на него родственниками, заставят признаться. Если бы они, узнав правду, отпустили бы его и его родных, я сам бы сдался им. Дядя Карл, они его не отпустят. Добившись своего, всех расстреляют. – И гневно Саидходжа стукнул по столу.

Услышав стук, в комнату забежала Эльза,

– Саид, что происходит? – спросила она.

– Все нормально, родная, просто мы с дядей Карлом кое о чем вспомнили. – Обнимая ее, сказал он.

– Тогда пойдемте за стол, а то нельзя вас оставлять одних.

За столом доктор о чем то задумался. Саидходжа заметив это, спросил,

– Что случилось дядя Карл? Неужели, я Вас чем-то обидел?

– Вы что Саид, нет, конечно, вы здесь ни при чем. Я вспомнил Герхарда. Скажите Саид, если Герхард попадет к ним, что и его будут так пытаться?

– Не думаю. Герхард, в данное время воюет на стороне русских. Ни какими тайнами он не владеет. Он лечит раненных, ставит их на ноги, за что его наказывать, благодарить должны, – Как мог, успокаивал доктора Саид.

– Но ваш друг Игорь мне сказал, что с Герхарда, возможно, еще не сняли наблюдение. Из-за этого он не дал нам адреса его полевой почты. Это правда?

– Игорь правильно сделал, не дав вам его адрес полевой почты. Согласитесь, если бы Вы знали, куда ему писать, не удержались бы. А это равносильно смерти для него, потому что благодаря Вашему письму, его забрали бы. Хватит о грустном, давайте лучше обедать. Эльза предположила, что Вы можете прийти, много чего наготовила. Уже остывает, угощайтесь. – Сказав это, Саидходжа, предложил доктору,

как самому почетному гостю, отведать первым мясо индейки. – У нас, у узбеков, старшие всегда в почете. И если дома есть кто-нибудь из старших, никто не сядет за стол, пока он не подойдет. Непременно будут ждать его. В нашем доме Вы самый старший и самый желанный гость. Так что прошу, отец, начните.

– Ну, раз так, тогда позвольте, как принято у нас, прежде чем приступить к трапезе, давайте помолимся. – Прочитав молитву, доктор, оторвав себе небольшой кусок грудинки индейки, – прошу вас дети мои, пропуск дан, – сказав, улыбнулся.

После обеда вся четверка, встав со стола, пошли в сад. Там стояла беседка окруженная молодыми березами, посаженными отцом Эльзы. Пройдя в нее, когда они расселись, доктор обратился к Саидходже,

– Саид, расскажите, пожалуйста, о себе, если конечно, вам не трудно.

– Я родом из небольшого кишлака под Кокандом.

– А Коканд это столица? И кишлак, это как?

– Нет, районный центр, а кишлак, по-вашему, деревня. Название кишлака Хайдарабад. Хотя, он и называется кишлаком, по-моему, не меньше Вашего городка, только у нас нет таких больших домов, как здесь. – Затем, немного помолчав и собравшись с мыслями, он продолжил. – Я, потомок знатного рода Саидов, из хаджа. Мы как бы из высшего сословия узбеков. До революции, пока большевики не при-

шли в наши края, наш род и наш народ жил в достатке и богато. Но с их приходом все изменилось. Богатых и зажиточных людей раскулачили, кого расстреляли, а кого отправили в ссылку. Земли, обещанные крестьянам, не дали. В 1921 году Ленин объявил продразверстку, то есть, большевики стали отбирать у народа излишки продовольствия. А на самом деле, они отбирали у народа все, оставляя их помирать голодной смертью. Как раз в то время мой отец ушел в город по вопросам сельчан. Мне тогда было чуть больше четырех лет. Ближе к обеду в кишлак пришли большевики и стали у дехкан отбирать скот и пшеницу. У нас дома была овца с ягненком, ведро пшеницы и пол мешка муки. Зайдя к нам домой, они перевернули весь дом верх дном. Найдя пшеницу и муку, хотели все забрать, по ходу прихватив и овцу с ягненком. Моя мама попыталась им помешать. В первый раз они ее ударили прикладом в живот. Тогда она, схватив кетмень, вновь пошла на них. Тут их главный выстрелил в нее из винтовки, и она замертво упала, а те ушли, будто ничего не произошло. Пока отец вернулся из города, соседи мою мать с остальными убитыми сельчанами уже похоронили.

– Они что, не дождались вашего отца и не дали ему попрощаться с ней?

– Понимаете, дядя Карл, у нас у мусульман покойника должны похоронить в день смерти до заката солнца, а отец приехал поздно. А летом того же года мы с отцом шли по полю в соседний кишлак, по делам отца. Отец заметил вда-

леке появившихся всадников. Басмачей мы не боялись. Басмачи, это те люди, кто боролся с коммунистами, и, кстати, большевики сумели с ними справиться перед самой войной. Мы их не боялись, потому что если вы не сотрудничаете с властью, они не трогали, а даже помогали. Красные, очень сильно боялись их. Потому что только Коканд боролся с ними отчаянно, и они при любой возможности могли застрелить или зарубить шашками встречного в безлюдном месте.

– Неужели такое возможно? – удивлялся доктор.

– А что, ваши фашисты меньше их издевались над своим народом? – Тут Саидходжа загрустил, ком подступил к его горлу. Заметив это, доктор сказал,

– Саид, простите меня старика. Зря я затеял этот разговор, не надо было просить вас рассказать о себе. Я вижу, как вам трудно даются воспоминания.

– Нет, дядя Карл. Вы тут ни при чем. Рано или поздно я должен был кому-то рассказать и выговориться. Очень трудно все это держать в себе, возможно, если я вам расскажу о своей жизни, может, перестанет преследовать меня эта боль. – А затем, немного переведя дух, он продолжил, – Отец, поняв, что эти всадники большевики, схватил меня за руку и побежал в сторону небольшой рощи, через хлопковое поле. Всадники нас тоже заметили и галопом поскакали за нами. Пробежав некоторое расстояние, отец понял, нам от них не уйти и крикнул мне, – Саидходжа, сейчас я тебя отпущу и уведу их за собой подальше. Ты лежи и не вставай,

пока все не утихнет, понял меня? – Сказав, он меня оттолкнул от себя, и я упал в арык. Как мне приказал отец, я затих. Мимо меня проскакали всадники в направлении, куда побежал отец. Через мгновения раздались три выстрела. Затем они, немного поговорив, ускакали обратно. Я, как просил отец, немного выждав, пошел искать отца. Сколько его искал по полю, не помню, но когда его нашел, – Тут у Саидходжи голос задрожал, и ему стало немного не по себе. Увидев это, Эльза не менее его переживая, крепко прижалась к нему. У Саидходжи лицо и глаза покраснели, отворачивая их от них. – Я, когда его нашел, увидел два отверстия на спине и одно на голове. Он лежал лицом вниз, когда, я его перевернул, глаза были открыты, но лицо его было залито кровью. Увидев открытые глаза, подумал, что он жив и стал его трясти. – Тут, он вдруг замолчал, ему стало не по себе, и Луиза подсев к нему с другой стороны, обняла его и стала гладить ему руки. А доктор, слушая рассказ Саида, не в силах был сдерживать свои эмоции, руки ноги его задрожали, и к его глазам подступили слезы. Тем временем, Саидходжа прижав девушек к своей груди, с влажными глазами и дрожащим голосом, продолжил,

– Так, и не сумев разбудить отца, я просидел до вечера. К тому времени по дороге ехал старик на арбе с ослом, и услышав мой плач, он нашел меня. Загрузив на арбу тело отца и меня, повез нас в деревню. Отца похоронили, а меня отдали в детский дом, где я и вырос. Вплоть до самой войны я на-

деялся отомстить убийцам отца, ненавидел советский строй. Но когда призвали меня на войну, своими глазами увидел те бесчинства, творимые фашистами, я простил палачей отца. Война почти вылечила мою рану, и я за Родину сражался самоотверженно. Был готов без остатка отдать за нее свою жизнь. И вот, после моего последнего задания, меня предали, растоптали как личность. Я у них на руках был словно мешок набитый соломой, который они пытали, били, пинали ногами, как хотели. За, что? За то, что я сумел сохранить для своей Родины ценности. Когда весь избитый, без живого места на теле, я лежал на полу, моя ненависть к ним вернулась. Нет, я люблю свой народ, люблю свою Родину, но ненавижу ту власть, которая правит ею. Я тогда решил, если получится, попытаюсь бежать, и не возвращаться обратно. Прав или нет решать Вам, но сам для себя решил остаться, и это мое решение окончательно.

ГЛАВА 20. Отец

Когда Саидходжа закончил свой рассказ, глаза его были опухшие и красные, по лицу, нет, нет, да текли слезы и он, стыдясь показывать свою слабость, отвернулся от них. Доктор заметил это, и подойдя к нему, стал успокаивать его,

– Да сынок, немало вам пришлось в своей жизни стерпеть. Не каждый способен выдержать такое, причем, еще остаться человеком, простить палачей своих родителей. Благод-

ство крови ваших предков подтверждается в ваших действиях. Оно не позволило низко пасть вам. – Немного выдержав паузу, приложил свои руки к лицу Саидходжи, и приподнял его. – Сын мой, вам нечему стыдиться. Не опускайте свои глаза, поднимите их и гордо с честью смотрите в будущее. Господь воздаст вам за все ваши страдания. То, что вы живы, сидите рядом с нами, не смотря ни на что, это уже благо. Вы здесь нашли свою любовь, друзей, начали новую жизнь, неужели это не счастье? Больше никогда не говорите, что у вас нет родных на этом свете. Вы с того самого дня, как рассказали мне о моем сыне, для меня стали родным. Луиза любит вас не меньше своего брата Герхарда, а Эльза стала для вас второй половинкой, частью вашей души и вашего сердца.

В это время в разговор вмешалась Луиза, и глядя руки Саида, сказала,

– Саидходжа, папа сказал правду. Мы вас действительно сильно полюбили, вы, – от волнения дрожащим голосом, – для меня так же дороги, нет дорог, как мой брат. Прости за то, что я к тебе обращаюсь на ты, разрешаешь? Эльза для меня стала как родная сестра и надеюсь, мы никогда, никогда не расстанемся.

Все, вчетвером крепко обнявшись, просидели еще некоторое время. Тут Саид заметил, как доктор о чем-то призадумался. Увидев это, он спросил,

– Отец, о чем вы думаете?

– Простите, конечно, ни как из головы не выходит судьба

вашего сына. Как его зовут?

– Саидакмал, – ответил ему Саидходжа.

– Да, Саидакмал, красивое, звучное имя, похоже на ваше. Что с ним будет, если по вашим словам, эти изверги даже детей не щадят?

– Меня этот вопрос тоже пугает. Вы знаете, если я даже им сдамся, ничего не изменится в судьбе моего сына, все будет так, как сейчас. Его все равно будут считать сыном врага народа. Так что замкнутый круг. Но я надеюсь, ему сейчас четыре годика, рано или поздно власть поменяется, если к этому времени обстановка изменится, я постараюсь его вытащить. Мне остается только ждать и надеяться на лучшее.

– Какой-то злой рок преследует ваш род. Вам судьба не благоволила, когда было четыре годика, и вот теперь та же участь ждет вашего сына. Я надеюсь, война закончилась, жизнь наладится, и в его судьбе будут перемены в лучшую сторону, а мы будем за него молиться.

– Дай Аллах, чтобы случилось все так, как Вы сказали. – А потом Саид, волнуясь, обратился к нему. – Дорогой дядя Карл, если Вы не будете возражать, если Вы мне позволите, отец, если бы не Вы и Гехард, лежать бы мне в сырой земле. Я думаю, судьба не раз меня свела с членами вашей семьи. Вы дважды вырвали меня из пасти смерти и подарили мне новую жизнь. – Тут Саид вновь заволновался. – Я с четырех лет не произносил слово папа, стал почти забывать это слово. И вот теперь моя судьба дает мне шанс в полный голос

произнести это слово. – И он, встав на колени перед доктором, – Отец, позвольте мне Вас так называть. Позвольте мне вновь осознать и осмыслить эти утерянные чувства.

Слушая Саидходжу, доктор не сдерживал своих эмоций. Ведь он с того самого дня, как призвали Герхарда на службу, и после получения извещения, уже и не надеялся услышать этих слов от сына. А тут Господь защитил его сына и даровал второго. Покрасневшими от волнения глазами, доктор, прижимая к себе Саидходжу, – сынок, родной, я безгранично рад, счастлив этому. – Саидходжа, тоже прижимаясь к нему, повторял, – папа, папа...., – А Эльза, с Луизой обнявшись, заплакали от услышанного. Так, среди альпийских гор Австрии, в небольшом городке Зальцбурге, отец нашел сына, сын отца, дочка брата и сестру.

Когда все немного успокоились, Саидходжа обернувшись к Эльзе, – родная, подойди к нам, – сказал ей. Подай ей руку, – сядь рядом со мной, – сказал он.

– Отец, мы с моей Эльзой этого момента ждали с тех самых пор, как решили быть вместе. Благословите наш брак, чтобы он стал воистину праведным перед Всевышним и Божьим судом.

Доктор Штаубе, встав с места и подправив свою шляпу, положил руки на их головы, – дорогие дети мои, я согласен на ваш брак. И перед господним судом и судом людским, данным мне правом отца, благословляю вас. Будьте счастливы, пусть всегда в вашем доме царит покой и согласие. Пусть

на ваш век никогда больше не будет войн и да поможет вам Бог. Мир вашему дому.

Когда доктор закончил свои слова, Луиза, выскочив из беседки куда-то убежала. Через некоторое время вернувшись, громко произнесла,

– А невеста без букета, – и протянула Эльзе огромный букет цветов, наскоро сорванных из ее палисадника.

Все хором засмеялись, и в разговор вмешался доктор,

– Цветы есть, жених и невеста тоже, а свадьба когда?

– В тот день, который Вы назначите, папа.

– Позвольте, дорогие мои, на правах отца, эту задачу взять на себя. Свадьбу сыновей у нас в Австрии справляют родители, значит эта прерогатива моя. Луиза, нам пора домой, готовиться к свадьбе. Послезавтра вечером вас устроит? – обратился он к ним.

– Нас вполне устроит, но отец, мы не хотели бы Вас утруждать.

– Претензии не принимаются, ждем вас послезавтра к шести вечера. Всех гостей приглашу сам. Только не опаздывайте на собственную свадьбу. За платье невесты и костюм жениха не беспокойтесь. Завтра за вами заедет Луиза на машине, и вы поедите на примерку. Оплатой не беспокойтесь, это я беру на себя. Все, нам пора дочка, пошли, – сказав, они ушли.

Закрыв за ними калитку, Эльза с Саидом в обнимку зашли домой и стали тоже готовиться к свадьбе.

Саидходжа поймав двух индеек, зарубил их и отдал Эльзе, чтобы она общипала им перья. Когда она их почистила, Саидходжа сделал маринад из овощей, свежей сметаны и приправ. Затем, замариновав индеек, завернул в толстую тряпку и положил в холодное место. А Эльза, тем временем, замесила тесто для сладостей. Когда тесто было готово, стала печь пироги, печенье и большой торт. Всю ночь они провели в подготовке к свадьбе. Утром за ними с другом доктора Штаубе приехала Луиза, и они поехали за свадебными костюмами.

На следующий день Саид, почистив морковь, лук, стал их шинковать. Увидев, как он искусно их режет, Эльза не сдерживая своих эмоций,

– Мой любимый муж оказывается еще и повар. Значит, теперь, у меня есть помощник, – улыбаясь, сказала она.

– Дорогая, это в первый и в последний раз, – проведя пальцем по ее носу, сказал Саид.

Потом, взяв большой чан, лук, морковь, попросил Эльзу, чтобы она взяла мясо, масло, поварёшку с солью и пошел во двор. Выложив из камней небольшой очаг, поставил на него чан. А Эльза стояла и наблюдала за ним, любопытствуя, что он дальше будет делать. Повернувшись к ней, Саид сказал, – женщина, что тебе нечего делать дома?

– Не обижайся, мне просто интересно, хочу посмотреть, как ты будешь готовить.

– Нельзя, если женщина будет стоять рядом, когда муж-

чина готовит, блюдо испортится.

– Да ладно, я же не буду вмешиваться.

– Родная, это правда, лучше иди домой и принеси мне индеек.

– Ты, что и их сразу будишь готовить?

– Да, а что?

– Интересно, как, – но увидев его суровый взгляд, – слушаюсь и повинуюсь мой господин, – сказав, сделала ему поклон, и громко смеясь, Эльза ушла.

Саид под чаном разжёг огонь. Когда чан нагрелся, налил в него масло и немного подождав, бросил лук, за ним мясо. Потом потушил в нем морковь и бросил немного соли. Когда морковь была готова, залил в чан воду. Затем в теплой воде замочил рис. Пока бульон в чане кипел, рядом от себя стал копать две не глубокие ямы. Тут с индейками к нему подошла Эльза, подавая ему их, – что ты с ними сделал? – спросила

– А, что тебе не нравится?

– Нет, мне все нравится, но они стали какими-то некрасивыми. Саид, а можно у тебя спросить?

– Да, спрашивай.

– Где ты так научился готовить?

– Понимаешь, у нас у узбеков принято, чтобы каждый мужчина умел готовить. Потому что, когда к нам приходят гости или какое-то торжество, мы не подпускаем своих жен к казану. Так что я не только умею хорошо воевать, но и го-

ТОВИТЬ.

– Неужели?

– Да, а что?

– Просто я на будущее буду иметь ввиду, – смеясь, сказала Эльза.

– Не обольщайся, я тебе говорю, мы должны уметь готовить, а не готовить. Так что в будущем, кухня, посуда, приготовление пищи я полностью и от чистого сердца доверяю тебе, родная. Хорошо? А я буду отвечать за хозяйство.

– Нет, не хорошо.

– Молчи женщина, не перечь мужу, теперь тем более, потому, что я отныне законный твой муж.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – опять смеясь, делая поклон, сказала Эльза.

Когда Эльза ушла, в ямах и в стороне от них, он разжёл костры. Пока огонь разгорался, замесив глину с водой, добавил в них немного шерсти и сделал глиняный раствор. Обмазав сверху тряпки толстым слоем глины, каждую из них положил на угли в яме. Затем бросил сверху угли, приготовленные наверху, накрыл небольшими металлическими листами и накидал на них глину. Потом помыл руки и разжёл потухший огонь под чаном. Когда бульон в нем закипел, бросил в него рис. Подождав пока вся жидкость выкипит, собрал в кучу рис, накрыл его тарелкой и убрал из-под чана все угли. А Эльза закончила все свои дела дома и вновь пришла к нему.

– Что ж здесь химичит великий маг кулинарных искусств

Саидходжа Ибн мой Султан?— и крепко обняла его.

— Творения кулинарных шедевров вашего Султана Саидходжи Ибн, моя королева, вы попробуете ровно через сорок минут и не минуты более.

Взглянув на чан, а затем, туда, где он намеревался готовить индеек, Эльза удивленно спросила его,

— А там же нет углей, а на чем они сварятся?

— Моя королева, вы же сами окрестили меня великим магом. Так что далее действуют мои магические чары, — повернувшись в сторону, где готовились блюда, он направил на них свои руки, произнес, — куф, суф.

— Серьезно, Саид, скажи правду, как они готовятся без огня.

— Следующий раз,— сказав, поцеловал ее и они пошли домой.

ГЛАВА 21. Свадьба

Дома слегка перекусив, Саидходжа вернулся туда, где готовил еду. Снял чан с очага и отнес его домой. Затем, осторожно убрал глину и металлические листы, достал из ямы индеек и положил на поднос. Когда он их принес в дом, запах наполнил комнату. Эльза, смачно вздохнув, воскликнула,

— О боже, как вкусно пахнет индейка, приготовленная моим любимым. — И сильно обняв Саидходжу, поцеловала.

— Отпустите меня моя королева, не то задушите до сва-

дъбы, – сказал он, затем добавил, – если мы не поторопимся, свадьба пройдет без жениха и невесты.

Ближе к пяти часам, Луиза с огромными коробками и сумками, загруженными на той же машине, на которой ездили на примерку, приехала к ним домой.

– Эй, есть кто живой? – Стала кричать с улицы. – Ау, молодожены, где вы?

Услышав ее голос, Саид и Эльза вышли к ней.

– Ваш любезный отец просит вас скорее переодеться, и не опаздывая, явиться на собственную свадьбу. – Хохоча, стала передавать им коробки и сумки.

Немного смущаясь и поднимая коробки, Саид сказал,

– А все-таки зря отец потратился за нас, надо было нам самим все это покупать.

– Никаких отговорок, родитель обязан принарядить своих детей на их свадьбе. Так что по поводу того стоило ли, я вам скажу так, да стоило. Я поехала, все гости оповещены, свадьба назначена на шесть часов. У вас осталось чуть более часа. Не опаздывайте! – сказала Луиза и уехала.

Зайдя домой, они со своими коробками удалились по своим комнатам. Через минут двадцать, одевшись Саидходжа, в элегантном костюме, с бабочкой на белой рубашке, под воротничком костюма и в черных, лакированных туфлях, вышел в гостиную. Немного подождав Эльзу и не дождавшись ее, волнуясь, подошёл к ее комнате. Постучался в дверь и попросил разрешения войти. За дверью послышалась, – Да,

входи. – Когда он вошел в комнату, изумился от увиденного. Перед зеркалом, глазами, полных налитых слез, сидела потрясающей красоты девушка. Находясь возле нее, толи от смущения, то ли от нерешительности, он не разглядел в ней действительно потрясающую королеву.

Перед зеркалом сидела длинноволосая брюнетка с темными бровями и карими, красивыми, полных слез, глазами. Пристально приглядевшись, Саидходжа увидел в ней своих родных узбечек. Только лишь цвет кожи ее выдавал, он был немного светлее. Вот теперь он вспомнил ее глаза, те самые, когда сквозь боль и агонию, в бреду, приложив к ее щекам свою ладонь, говорил, – Еглама, азизим Фарида, еглама. (Не плачь, родная Фарида, не плачь).

Подняв ее со стула и крепко обняв, Саидходжа сказал, – Как же ты у меня прекрасна, – и поцеловав, – не снится ли все это мне, может, ущипнешь.

– Если бы сейчас, рядом со мной были бы мои родители, брат Арнольд, моему счастью не было бы границ. – В сердцах сказала Эльза.

– Не плачь, родная, не надо. Все будет хорошо, вот увидишь. Арнольд вернется, сыграем и ему свадьбу. Я тебе обещаю, ни ты, ни отец с Луизой, Арнольд и Герхард когда вернутся, ни в чем не будете нуждаться. Я выкуплю все эти горы и окрестные места. Построю огромный замок, чтобы моя королева жила достойно. Я весь мир положу у ваших ног, поверь, – сказал он ей.

– Мне ничего не надо, лишь бы ты был всегда рядом со мной, поскорей вернулись бы Герхард и Арнольд, это и есть мое счастье, – в сердцах сказала Эльза.

– Родная, ради этих мгновений я даже от собственной свадьбы отказался бы, но, к сожалению нас, ждут, и надо идти.

Подогнав подводу к дому, они стали загружать на нее все яства, которые приготовили за эти дни. Когда они подъехали к дому отца, немного были удивлены увиденным, перед самым входом стояла огромная арка из цветов, провисающих аж до самой земли. А на ступенях простиралась красная ковровая дорожка, уходящая внутрь дома. А по бокам дорожки стояли корзины с цветами и с лепестками раз.

Остановив подводу, Саидходжа спрыгнув с нее, помог своей возлюбленной спуститься. Скинул с себя плащ, и подправив пиджак и платье Эльзы, не успел окликнуть, как во двор выбежала Луиза, и увидев их,

– Папа, молодые уже здесь, скорее выходите. – А потом, обращаясь к ним, – а мы вас заждались, гости начали волноваться.

– Гости, какие гости? Ты же знаешь...

– Не волнуйся, они наши близкие друзья. Папа давно им рассказал о тебе, умрут, но нашу тайну никому не расскажут. – И тут увидел отца, его друга господина Герда фон Штрубе с супругой Гретой. За ними вышли господин Филипп Лам с супругой Изабеллой. Тут Луиза восторженно воскликнула,

– Не правда ли папа, какая очаровательная и красивая пара!

Доктор Штаубе подойдя к ним, сначала обняв Саида, поцеловал его. Затем обнял Эльзу, и поцеловав ее, представил своим друзьям.

– Прошу вас Саид, этот милый господин, мой друг Герд фон Штрубе, очень известный дантист в Германии. Его очаровательная супруга Грета. А этот любезный господин, наш друг Филипп Лам, он у нас егерь. Он очень редко спускается в городок из своих владений. Но к нашей великой радости, сегодня оказался здесь. А эта прекрасная фрау его супруга Изабелла. Скоро к нам должен присоединиться бургомистр Фриц Абель с супругой Маргаритой. Мы с ними дружим с самого детства, и наша дружба нам не менее важна, как ваша с Игорем Соколовым.

Когда они пожали друг другу руки и обменялись любезностями, доктор предложил молодым. – Прошу в дом, мои родные. – Фрау Изабелла и Луиза, схватили корзины с лепестками роз и стали осыпать ими ковровую дорожку. Войдя в дом, все они прошли в гостиную. Там стоял огромный стол, на двадцать персон, полностью заваленный всякими яствами. Эльза и Саидходжа, недоуменно переглянулись между собой, и обо одинаково подумали, – Когда же они успели все это приготовить, и накрыть такой великолепный стол. Тем более, Луиза в доме одна. Не успели они пройти за стол, как в дом вошел бургомистр Фриц Абель с супругой Маргари-

той. Поприветствовав всех, он подошел к Саидходже.

– Позвольте взглянуть на вас молодой человек, – и, взяв руками за его плечи, обратился к доктору Штаубе. – Карл, и действительно он похож на вас, друг мой. – А затем, обращаясь к Саидходже, – Добро пожаловать в наш дом, любезный. – Сказав, прошел на свое место. – Кстати, я не вижу моего друга графа Эрнеста Розенберга и барона Альфреда Занге.

– Граф приболел, а Альфред поехал в Скандинавию, по делам компании. – Сказал ему доктор.

– Жаль, почти с прошлой осени мы с ними не виделись. Ну, что ж, кому суждено, тот придет, а нам пора начать процессию.

Доктор, как хозяин дома, разлил по бокалам старинное французское вино и попросил бургомистра произнести первый тост.

– Дорогой друг Саидходжа, я правильно произнес ваше имя? – Саид ответил да. – Ну, что ж, дорогая Эльза и вы мой друг Карл. Сегодня все мы так неожиданно оказались здесь, на этой первой свадьбе, после жестокой и кровопролитной войны. Мне мой друг Карл еще накануне рассказал о вас Саид, вы позволите вас так именовать? Вам не мало, оказывается, пришлось пережить и стерпеть. Благодаря тому, что не смотря на все эти трудности, браво мой друг, вы не сломались. За ваше терпение, за вашу самоотверженность, господь вам воздал, вы живы и надеюсь счастливы. Ваша су-

пруга Эльза мне не чужая, мы с ней по линии ее покойной матери Клары, двоюродные родственники. Ее родители были очень уважаемыми и прекраснейшими людьми нашего городка. Но, увы, к сожалению, им не суждено было порадоваться за свою дочь и быть рядом с нами. Я верю, вы с честью пронесете высокое имя семьи Гербера. Я надеюсь и верю, настанет тот день, когда мы вновь соберемся здесь, чтобы отметить возвращение Герхарда и Арнольда, моего племянника. И им сыграем такие же прекрасные свадьбы. Счастья вам, мир и благополучие вашему дому. И да благословит Господь ваш союз, – сказав, он протянул свой бокал в сторону молодых и выпил вино до дна.

Его примеру последовали и остальные гости, и свадьба началась. В самый разгар свадьбы, когда половина того, что было приготовлена Луизой, было съедено, Саидходжа тихо сказал Эльзе, – Дорогая, пора накрывать и наш стол. Может, пойдешь с Луизой, немного разогрев, принесешь и наши блюда гостям.

– Я сама об этом думала,– сказав, окликнула Луизу, – и, встав с места, – Луиза, не поможешь мне,– повела ее во двор.

Не успели они выйти из дома, к ним подошла Изабелла,

– Вам помочь?– спросила она.

– Если вас не затруднит, любезная фрау Изабелла, мы идем за приготовленными блюдами Эльзы. А вы, пожалуйста, замените гостям тарелки и приборы. На кухне есть чистые, я приготовила их, а грязные положите в раковины, я

вернусь и помою. – Сказала Луиза.

Фрау Изабелла кивнула головой и пошла на кухню, а Эльза с Луизой пошли к подводе. По пути любопытная Луиза с усмешкой спросила у Эльзы,

– Ты сказала еду приготовил Саид, это правда, не обманываешь?

С не меньшей иронией Эльза ответила ей,

– Представь себе, да. Он у меня умеет не только стрелять, но даже готовить.

– Ой, как же тебе повезло подруга, мне бы такого мужа. Красивый, высокий, стройный, храбрый, да еще готовить умеет, – с завистью произнесла Луиза,

– Эй, подруга, часом не втюрилась ли ты в него? – хватая за ее руку, спросила Эльза.

– А, ревнуешь своего муженька, представь себе, да. Саид мне очень нравится, – сказала Луиза, разводя свои руки в сторону. А потом увидев обиженное лицо подруги. – Дурочка, обиделась, что ли? Я же люблю твоего брата Арнольда, а Саид, мне, как брат. Я каждый день, стоя у алтаря, молю Господа о скорейшем возвращении Арнольда, – и тоже загрустила.

Крепко ее обняв, Эльза сказала,

– На западе не шли такие ожесточенные бои, как на востоке. Говорят, союзники, взятых в плен немецких солдат, содержат в очень комфортных условиях. Они ни в чем там не нуждаются. А после войны с Японией, их будут отпускать

домой. Так что скоро мы и на твоей свадьбе будем гулять.— Сказав, скинула накрытый брезент с подводы.

Луиза, увидев все то, что лежало в подводе, сказала,

– Ого, когда же ты успела все это приготовить?

– Не забывай, я же не одна готовила, – с улыбкой сказала

Эльза.

– Ах, да, я такая, забывчивая, – усмехнулась Луиза.

Подведя подводу ближе к дому, они начали заносить приготовленные блюда на кухню. Когда все занесли, Эльза поставила чан на плиту. Через пятнадцать минут запах плова распространился по дому. Луиза, учуяв его,

– Как вкусно пахнет, можно я посмотрю, что там? – спросила у Эльзы.

– Нельзя, Саид запретил его открывать без него.

– Ну, Эльза, пожалуйста, одним глазком, – настойчиво требовала Луиза.

– Нет, нельзя, муж запретил, – отвечала ей Эльза.

– Муж..., – только, было хотела сказать Луиза, в кухню вошел Саид.

– Что здесь происходит? Из-за чего спорят две очаровательные девушки? – спросил он.

– Вот эта фрау не разрешает мне взглянуть, что там внутри, – показывая на чан, сказала она.

– И правильно сделала, – как бы одобряя поступок жены, – Луиза, родная, название этого блюда плов. Национальное блюдо моего народа, это визитная карточка узбеков. Каждый

мужчина моего народа должен уметь его готовить. А открывать нельзя, потому что это должен сделать человек приготовивший его. В противном случае он испортится, не будет таким, каким должен быть. Тем более в такой день, когда происходит такое торжественное мероприятие, как свадьба. Так что, ты сестричка не обижайся на Эльзу, она тут ни при чём. – Сказав, он открыл крышку чана. Затем, прислушавшись и услышав шипение под тарелкой, – все готово, можно снимать, – сказал и убрал чан с плиты. Убрав тарелку, вынул из чана крупные куски мяса, а затем, стукнул по рису поварешкой. Рис задрезжал как холодец, и запах плова быстро наполнил кухню.

– Как вкусно пахнет, – аппетитно смакуя, сказала Луиза. А Эльза, тут же обняла своего мужа и шепнула ему на ухо, – Я очень сильно тебя люблю.

В ответ Саидходжа поцеловав ее. – Слава Аллаху, не подвел. – И всматриваясь в свои руки, – не забыли, не забыли, – несколько раз повторил. А затем попросил Эльзу подать тарелки для плова принесенные из дома. Увидев их, Луиза удивлённо произнесла, – ого.

Когда Саидходжа накладывал плов на тарелки, в кухню вошел доктор Штаубе,

– Что тут так вкусно пахнет, меня гости отправили на разведку, – и, увидев выложенный на тарелку рис, – О, о, как аппетитно выглядит, что за блюдо? – спросил он у Саида.

– Это наше национальное блюдо, называется плов, папа, –

сказал ему Саид.

– А там, что? – показывая, на индеек, – спросил он.

– А, там, индейки в кувшине.

– Даже так, но я не вижу ваших индеек, – удивился доктор.

Тут же Саидходжа, взял в руки скалку и стал осторожно отбивать обожжённую глину. И когда он достал из нее первую индейку, доктор попросил не ломать вторую и ушел в гостиную. Через мгновение он с гостями вернулся обратно, и сказал Саиду, – давай сынок, ломай, покажи моим друзья, как ты готовишь индейку.

Когда Саидходжа разбил вторую глину и достал оттуда индейку, все гости были ошеломлены увиденным, индейка выглядела так аппетитно, что у всех потекли слюнки.

– Мы пошли в зал, а ты, пожалуйста, поскорей неси на стол плов и индейку, – сказав, доктор повел гостей обратно.

Первую тарелку с пловом поставили около бургомистра, а вторую поставили на середину. С индейками поступили так же.

Когда тарелки поставили на стол, доктор Штаубе обратился как самому старшему бургомистру Фрицу Абелю,

– Друг мой, Вы самый старший среди нас, прошу Вас, начните. Это блюдо приготовил сам Саид, называется плов, национальное узбекское блюдо. И по их традициям, первым должен его испробовать самый старший из присутствующих. А таковым являетесь вы, мой друг, прошу Вас.

Попробовав одну ложку, затем другую, бургомистр, остав-

шись довольным, обратился к Саиду.

– Прекрасное блюдо, я действительно никогда в жизни не пробовал его, хотя бывал во многих странах мира. Даже в Азиатских.

Остальные гости тоже остались довольны. Индейка в кувшине также не оставила их равнодушными. И они, обращаясь к Эльзе, – как же тебе повезло дочка с мужем, будьте счастливы. Вы действительно стоите друг друга, – говорили они.

Уже за полночь подали десерт и сладости, приготовленные Эльзой, пряники, печенье и яблочный пирог, заправленный необычным медовым сиропом. Пирог поверг гостей своим великолепным вкусом, и они в едином порыве говорили хвалебные слова в адрес виновницы торжества. Затем, доктор Штаубе в унынии сказал,

– Как жаль, что в этот радостный день, когда я выдаю замуж свою дочь за сына, нет среди нас графа Розенберга. Нам за этим прекрасным столом его одного не хватает.

– Да, не вовремя слег он со своим недугом, – вторил ему господин Штрубе,

– А впрочем, может завтра спозаранку, с гостинцами с нашего стола, всей компанией заявимся к нему? – предложил доктор,

– А, что, прекрасная идея, решено, как позавтракаем, так и сделаем, – сказал бургомистр.

– Вот потешимся над ним рассказами о том, что он про-

пустил, валяясь в постели. Да еще приврем, для пущей достоверности. Что скажете? – сказал господин Штрубе.

Доев десерт, они напоследок пожелали молодым спокойной ночи и разбрелись по своим комнатам. Тут Эльза и Саидходжа засуетились и тоже начали собираться. Заметив это, доктор Штаубе подойдя к ним,

– Что происходит, куда собрались?– спросил у Саида.

– Отец, все устали и Вы в том числе. Мы сейчас пойдем домой, а завтра утром Эльза придет и поможет Луизе с уборкой. – Стал оправдываться он.

– Как ты сказал, отец, если не ошибаюсь. И после этого ты собираешься покинуть отцовский дом, да Саид? Никуда вы не пойдете! Луиза еще вчера первым делом приготовила ложе для молодоженов, в гостевой спальне. Так что следуйте за мной, – сказав, доктор повел их по лестнице на второй этаж. Подойдя к двери гостевой спальни, попросил Саида,

– Открывай,

Открыв ее, Саид и Эльза изумились от увиденного. Посреди комнаты стояла огромная просторная кровать, накрытая золотисто-коричневым шелковым покрывалом. На изголовье лежали три большие пуховые подушки. Вся кровать и ковер в спальне были осыпаны лепестками роз. А вокруг кровати и по всей комнате стояли большие и маленькие корзины с цветами. Комната освещалась двумя сотнями разных свечей.

– Ну, как, на славу постаралась Луиза? – спросил у них

доктор.

Стыдясь от неловкости, Саидходжа еле вымолвил,
– Великолепно, нет слов. Благодарю Вас отец и Луизу за Вашу доброту, оказываемую нам.– Ответил Саид.

Похлопав его по плечу одной рукой, а другую, положив на плечи Эльзы,

– Полно, полно, входите. Эта комната ваша на ближайший месяц, а там посмотрите, если понравится, оставайтесь насовсем. Входите и да благословит вас Господь,– сказав,– Эльза, ты позволишь мне на минуту украсть Саида? -спросил.

– Да, конечно, – ответила она.

Закрыв дверь гостевой спальни, доктор, немного отведя Саида, – спросил,

– Саид, ты действительно меня принимаешь, как родного отца?

– Да, а, что происходит?

– Тогда скажи мне, почему ты обращаешься ко мне на «Вы»?

– Ах вот в чем дело. Отец, в моем народе не принято к родителям, взрослым и к незнакомым людям обращаться на «Ты». Так что я не имею права обращаться к Вам по-иному.

– Если так, тогда ладно. Ступай, Эльза, наверное, уже ждалась своего принца. Спокойной ночи сынок.

– Спокойной ночи отец, – сказал Саид и закрыл дверь за собой.

А на утро, после завтрака, как и договаривались друзья,

оставив дома Саида, Эльзу и Луизу, вся честная компания направилась к графу Розенбергу.

С этого дня Саидходжа и Эльза стали перед Всевышним и Господом законными супругами...

ГЛАВА 22. Встреча с родными

Когда капитан Соколов, старший лейтенант Уваров и капитан Нефедов прибыли в расположение своей части, Соколова ожидал сюрприз. Увидев его, дежурный по части передал ему приказ полковника Князева, назначенного вместо погибшего бывшего командира полка полковника Харитонова, по прибытии явится в штаб полка. Прибыв в штаб, Соколов, постучал в дверь, – разрешите войти товарищ полковник, – спросил. Получив добро, войдя, четко доложил,

– Товарищ гвардии, полковник гвардии капитан Соколов по Вашему приказанию прибыл.

– А, майор, заходи, заходи. Мы уже тебя заждались.

– Товарищ полковник, я капитан...

– Уже майор, приказ подписан о присвоении гвардии капитану Соколову внеочередного звания майора. – Выпрямившись, произнес полковник Князев.

– Служу Советскому Союзу, – приложив правую руку к виску, ответил Соколов.

– Это еще не все, иди за мной, – сказал полковник Князев и пошел на улицу. Когда они вышли на улицу, весь штаб

полка, все подразделения и развед рота Соколова стояли в шеренге.

– Гвардии майор Соколов, встать встрой, – приказал, комполка.

– Есть, встать встрой, – сказал Соколов и направился к своей роте.

– Становись, равняйся, смирно, – скомандовал начальник штаба подполковник Иванов, – равнение на середину, – строевым шагом пошел докладывать комполка. После доклада,

– Гвардии майор Соколов, выйти из строя, – раздался приказ,

– Есть, – крикнул Соколов и строевым шагом на три шага вышел из строя.

– За проявленное мужество и отвагу в Висло-Одерской операции, гвардии майор Соколов награждается Орденом Отечественной войны первой степени. А также, за проявленное мужество и отвагу, за форсирование Днепра, Орденом Красной Звезды. – Зачитав приказ, комполка полковник Князев вручил ордена Соколову. Он, развернувшись к строю, торжественно произнес, – Служу Советскому Союзу. – Встал, встрой.

Затем, командир полка обратился ко всему личному составу полка,

– Товарищи бойцы, друзья, сынки мои. Мы только что сломали хребет фашистам. Победа в той войне осталась за

нами. Но война еще не завершилась, впереди нас ждет не менее суровый противник, Япония. Мы должны, обязаны побить самурая, другого не дано. Основные части нашей 88 бригады уже в пути. Нашему полку предписано в кратчайшие сроки погрузиться в эшелоны и двинуться на Восток. Остался один рывок, последний шаг, добьем Японского милитариста и с победой вернемся домой.

Завтра, в 18-00, на станции начнется погрузка нашей бригады, в составе которой мы двинемся на Восток. Вам необходимо сейчас разойтись и подготовиться к маршу. Выдвигаемся завтра утром в восемь часов. Всем все ясно?

– Так точно! – ответили ему,

– Разойдись, – скомандовал полковник.

Вечером того же дня, заменив погоны и прикрепив к гимнастерке Ордена, Соколов найдя укромное место, решил взглянуть на содержимое свертка, подаренного доктором. Когда он развернул его, увидел старинную шкатулку из красного дерева. Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что никого нет вокруг, открыл его ключиком, находившимся в миниатюрной задвижке в правом углу шкатулки.

Внутри нее лежал большой старинный золотой браслет, усеянный драгоценными камнями. На обороте браслета, на золотой пластине, была надпись: *«Доктору Берту фон Штаубе, в знак уважения и благодарности, от царя России, Петра I»*. И ниже на немецком: *«Капитану Игорю Соколову, от доктора Карла фон Штаубе в знак благодарности за*

спасение сына Герхарда».

Страх овладел майором, если эта вещица попадет в глаза посторонних, ему не миновать застенков особого отдела. Выбросить, но как, ведь это подарок от чистого сердца дяди Карла и он бесценен. Надеясь сам не зная на что, на свой страх и риск, решил его сохранить. Обратив упаковку, вынул из рюкзака все содержимое и сверток положил на самое дно. Затем сложил назад все вещи и пошел обратно в расположение части.

На следующий день рота гвардии майора Соколова сидела в теплушке, готовая к движению. В назначенное время эшелон с 88 бригадой тронулся в путь на Восток. На седьмые сутки состав подъехал к Иркутску. Оттуда, где остановился эшелон, до дому Соколова было около двенадцати километров. Сердце Соколова забились учащённо, он, выглянув из теплушки, стал высматривать кого-то, чтобы спросить, за чем стоим. Вдруг мимо проходил машинист поезда, Соколов обратился к нему,

– Браток, а, что стоим?

– Диверсия на перегоне Иркутского вокзала.

– Не знаешь, это надолго?

– Дня на три, четыре, не меньше.

Соколов выскочив из теплушки, побежал в сторону штабного вагона. Дойдя до него, отправил часового с просьбой разрешить принять. Через некоторое время часовой пропустил его к комполка.

– Заходи, заходи майор, что случилось? – спросил комполка.

– Товарищ полковник, на перегоне диверсия,

– Знаю, и что?

– Товарищ гвардии полковник, ремонтные работы протянутся не менее трех суток, разрешите мне проведать родных.

– Как проведать?

– Понимаете, моя деревня Поддубки, находится в двенадцати километрах отсюда. Я с июня 1941 не виделся с ними, а тут такая возможность их увидеть. Разрешите сбегать на денек, мне больше не надо?

– Двенадцать километров говоришь?

– Так точно!

В это время постучали в дверь и, получив добро, в купе вошел майор,

– Майор Селиванов, новый комендант Иркутского вокзала,

– Почему новый? – поинтересовался комполка,

– Прежнего коменданта, после вчерашней диверсии, отдали под трибунал.

– Ясно, слушаю тебя майор, говори, с чем пожаловал?

– Мне приказано обеспечить личный состав вашего полка горячим питанием.

– Слушай майор, тебя сам бог к нам послал. У меня есть к тебе одна просьба.

– Слушаю вас товарищ полковник,

– Соколов, как говоришь, называется твоя деревня, Поддубки? – И обернувшись к Селиванову, – знаешь эту деревню.

– Так точно, мы обратно будем проезжать мимо нее.

– Вот этот гвардии майор, – показывая на Соколова, – родом оттуда. Ты можешь подбросить его сейчас, а послезавтра забрать?

– Так точно, могу.

– Повезло же тебе сукин сын, давай езжай, но послезавтра как штык был здесь.

– Товарищ полковник, разрешите спросить,

– Еще что?

– Разрешите с собой взять старшего лейтенанта Уварова и капитана Нефедова.

– Что, боишься, не с кем пить будет? Добро бери.

– Разрешите идти?

– Иди, майор, и за меня тоже погуляй.

Выйдя из штабного вагона, Соколов взял с собой Уварова и Нефедова и поехал к себе в деревню навестить родных.

Когда они подъезжали к его дому, отец Соколова Матвей Яковлевич возился в сеновале. Услышав звуки подъезжающей машины, он вышел из сеновала. Машина остановилась аккуратно возле его ворот. И кто-то кого-то спросил, – Майор, может все-таки зайдешь домой, чайку попьем, а может, что и покрепче?

– Не могу, ехать надо. На перегоне еще три состава стоят,

их тоже надо предупредить. Так что друг, в следующий раз мы с тобой погуляем, когда вернешься оттуда, – показывая на Восток, – послезавтра заеду, бывай, – сказав, Селиванов уехал.

Когда калитка открылась, Матвей Яковлевич окликнул,

– Это кого с утра спозаранку привело?

– Батя, это я Игорь, твой сын.

– Игорь, сынок, – крикнул отец и побежал ему навстречу.

А Игорь, бросив рюкзак на землю, устремился к отцу.

– Живой чертенок, живой ведь, а живой, – целуя и тряся сына за чуб, сказал Матвей Яковлевич, а затем, – Мать, просыпайся, не то сына проспичь.

На его крики мама Соколова, Авдотья Никитична и его сестры Татьяна, Оля и Лена, накинув на свои ночнушки большие пуховые платки, выбежали во двор. Авдотья Никитична, увидев сына, чуть в обморок не упала. Поймав ее,

– Матушка, ты что, жив я, жив, – сказав, Игорь стал ее целовать. Сестры одна за другой кинулись на его шею. И когда они чуть его, приподняв, понесли домой, он им крикнул,

– Стойте, стойте, отпустите меня, я не один, со мной друзья, однополчане. – И подозвав их к себе, – Знакомьтесь, старший лейтенант Дмитрий Уваров и капитан Николай Нефедов.

Поприветствовав их и познакомившись, вся веселая компания вошла в дом.

– Демобилизовались, или как? – спросил отец у Игоря.

– На два дня, батя, проездом мы. Наш эшелон стоит на перегоне в Иркутске, едем на Восток.

– Слышал, слышал. Все говорят, Японцев бить будете.

– Будем батька.

– И правильно, будь он не ладен, этот самурай. Вы же с ним быстро управитесь, не так ли?

– Так батька.

– Какому супостату хребет сломали? – Матвей Яковлевич имел в виду Гитлера, – а этих, вы должны быстро одолеть. На рожон не лезьте, постарайтесь вернуться живыми. Война ведь закончилась, теперь будет больно терять сыновей.

– Куда денемся, обязательно вернемся, ты только не переживай, хорошо, батя?

– Во, во, смотри у меня, живым, – строго наказывая по отцовски, сказал, отец Игорю. – Ну, а теперь, нам стоит выпить за встречу, как думаешь? – И подняв свой стакан. – За победу, за встречу, – сказав, он выпил до дна.

– За победу, – сказали хором остальные и подняли свои стаканы.

– Сынок, что то твои друзья, себя ведут скромно, а ну ка, налей-ка им по полной, по нашенскому. А то сидят, как сироты. – А затем, – Ну сынки, будем, – сказав, залпом опустошил свой стакан.

До обеда они гуляли дома. Ближе к обеду сестры Игоря накрыли стол во дворе. К этому времени все жители деревни были уже у них дома. Отец скомандовал, – Всем во двор,

теперь гулять будем там, а то стало тесновато. – Уваров и Нефедов, порядком охмелели и начали ухаживать за сестричками Игоря, так как они были не замужем. До поздней ночи вся семья Соколова и деревенские гуляли у них дома. И ближе к часу ночи стали расходиться по домам.

На следующее утро, после завтрака Уваров и Нефедов с сестрами Соколова Татьяной и Леной и сыном старшей сестры Васькой пошли к реке порыбачить. А Игорь остался дома с родителями. Когда друзья ушли, он достал из рюкзака подарки и отдал их матери. Затем вынул сверток, раскрыл его и показал отцу шкатулку.

– Знатная, старинная вещь, красное дерево. Откуда она у тебя? – спросил сына,

Открыв шкатулку и показав отцу содержимое,

– Мне его подарил один немец, врач. За то, что я в январе 1943 года спас его сына от верной смерти. Эта старинная вещь, реликвия, подаренная его предкам нашим царем. Вот эта надпись, – показывая на гравюру, вычеканенную на немецком, это есть царская запись. А ниже, он сам дописал, что дарит ее мне.

– Да, дорогая вещица, а за нее тебя не накажут.

– Накажут, батя, еще, как накажут. Вот почему я оказался здесь. Надо ее надежно спрятать, даже матери не стоит показывать, все-таки женщина.

– Понял сынок, не переживай, я спрячу ее в надежном месте, никто не найдет. – Взяв ее, отец направился к сараю.

Два дня пролетели быстро, ближе к обеду третьего дня, за ними приехал майор Селиванов. Вновь отказавшись зайти, домой, попросил их поторопиться. Соколов и товарищи понимая его, стали быстро собираться. Мама Игоря, Авдотья Никитична, собрала огромную сумку с гостинцами на дорогу. Увидев ее, Игорь возмутился, – Куда мне столько.

– Не тебе сынок, твоим товарищам, которые ждут тебя из дома с гостинцами.

Попрощавшись, Соколов и его товарищи поехали к своим, на станцию. На следующее утро составы начали движение. Эшелон с бригадой, где был полк полковника Князева, тронулся за полночь. На вторые сутки они прибыли в пункт назначения. Там к Соколову подошли Уваров и Нефедов.

– Игорь, ты не будешь против, если после войны мы приедем к тебе домой.

– Что, невест нашли?

– Да, твои сестрички Татьяна и Лена, – смущено сказал Нефедов.

– Что ж, я не против. Вы ребята хорошие, вам можно доверить их.

Выгрузившись с поезда, бригада отправилась в сторону Китайской границы...

ГЛАВА 23. Скрытая ловушка

Распорядившись полку один день отдыха, сам полковник

Князев отправился в штаб 88 бригады. Вечером того же дня он собрал весь командный состав полка. Когда все офицеры собрались в штабе, заместитель начальника штаба полка подполковник Федосеев приказал офицерам поближе подойти к карте. Офицеры, вытащив из своих планшетников личные карты, сконцентрировали свое внимание на начальнике штаба.

– Нашему полку предписано, ко вторнику, выдвинуться к горам «Верблюд» и «Медведь». По данным разведки, в этих горах расположены хорошо укрепленные огневые точки противника. Батальон подполковника Кротова, а также танковые роты капитанов Захарчука и Митрофанова, – показывая на карте, – должны быть к полудню вторника в этом квадрате. Батальон майора Наумова и рота капитана Полевчука, выдвигайтесь в этом направлении до пятого квадрата. Разведрота майора Соколова, авангард. Соколов основная группа будет двигаться за тобой на расстоянии пяти километров. Передай бойцам предельная концентрация, и сам будь начеку. Не пропустите ни одну деталь, в каждом отделении должны быть не менее четырех опытных разведчиков. В твоё распоряжение дополнительно закрепляются два взвода со второго батальона. Эти бойцы, почти все бывалые охотники и егеря. Ты можешь им доверять, что мне тебе объяснять, ты же их сам знаешь. Рота охраны майора Петрова со штабом полка. Всем все ясно?

– Так точно! – ответили офицеры.

– Тогда по местам, выдвигаемся через час.

Не успели офицеры покинуть штабную палатку, комполка Князев остановил Соколова, – Майор Соколов, задержись.

– Всех местных японцы угнали вглубь страны. Если по пути следования встретишь кого-либо, немедленно их задержи и под конвоем в особый отдел. Бойцам передай, идти след в след, и без единого выстрела. И по мере возможности скрытно. Игорь от тебя зависит вся наша операция. Если японцы раньше времени скроют наши замыслы, пиши «пропало».

– Я все понимаю, товарищ гвардии полковник, – сказал Соколов.

– Ступай и береги себя.

Выйдя из штабной палатки, Соколов быстро направился в свое подразделение. Прибыв туда, он позвал к себе офицерский личный состав и офицеров взводов со второго батальона. Поставив им задачи, он сказал,

– Сверим часы, сейчас 20-31, сбор 23-00, выдвигаемся 23-20. Все свободны.

23-00 развед рота гвардии майора Соколова и бойцы со второго батальона стояли на построении. Замполит роты капитан Свиридов доложил ротному,

– Товарищ гвардия майор, развед рота и взвода со второго батальона, прикрепленные к нам, к маршу готовы. Приняв доклад от политрука, Соколов обратился к бойцам,

– Товарищи бойцы, друзья. Мы с большинством из вас воюем уже не первый год. Остался последний рывок, реша-

ющий шаг, его нам надо преодолеть. Некоторые из вас, наверное, думают побили фашиста, а самурая подавно побьем. Да конечно, непременно побьем, но не надо недооценивать противника. Японцы не немцы, но они, запомните, в плен сдаваться не станут. И, конечно же, постараются как можно больше вас прихватить в могилу. Японец коварен и хитрый, беспощадный и жестокий. И из-за этого вы должны быть предельно осторожны и внимательны. Перед нашей ротой поставлена задача, идти в авангарде полка и определить огневые точки и коммуникации противника. По донесениям разведки в горах на пути следования полка, японцы организовали линию обороны. В скалах вырыли туннели, доты и их замаскировали. Идти скрытно и тихо, и особенно не курить. Если из виду упустим что-либо, не мне вам говорить, чего оно будет стоить нам. Задача ясна? – получив, одобрительный ответ, – командиры взводов командуйте, мы выступаем.

До 16 часов понедельника, разведчики в своем пути ничего подозрительного не заметили. Они практически метр за метром облазили все вокруг. И когда Соколов собрался диктовать радисту очередную радиограмму, к нему подбежал сержант Агафонов.

– Товарищ майор, в трехстах метрах отсюда. Там, чуть выше той сопки, – показывая на нее, – из под камней отдаленно доносится какой-то шум, будто работают двигатели машин.

Приказав радистам отложить сеанс эфира, вскочив с места, Соколов вместе с Агафоновым побежал к тому месту.

Дойдя до места, он спросил у Агафонова,

– Где ты слышал шум, показывай. Сержант подвел майора к тому самому камню, – здесь товарищ майор, – и, показывая на маленькую расщелину, – прислушайтесь.

Соколов, внимательно прислушался, и тут, из-под камня стал доноситься какой-то глухой звук, словно по рельсам что-то двигалось.

– Офицеров ко мне, – приказал он.

Через пять минут, все командиры взводов были здесь.

– Что скажете, почему из-под камня доносится звук?

– Разрешите обратиться товарищ майор, старший лейтенант Мальцев, со второго батальона.

– Слушаю вас, говорите,

– Младший сержант Сидоров и сержант Нигматулин утверждают, что камни, сложенные от этого места и далее в периметре 500 метров, сложены не естественно. Они утверждают, что их кто-то выложил.

– Где эти сержанты,

– Здесь, я их привел с собой, – сказав, Мальцев подозвал их.

– Сержант Нигматулин, младший сержант Сидоров, – доложили они майору.

– Ну что, сержанты, рассказывайте, – сказал Соколов.

– Товарищ майор, взгляните сюда, – показывая назад, стал говорить Нигматулин. – Видите, с горы весь периметр до самого горизонта, как на ладони. Когда я поделился своими

соображениями с младшим сержантом Сидоровым, он мне сказал, что тоже заметил это. А если взглянуть на саму гору, то она как будто в самый раз стоит на этом месте. И еще, видите как выложены камни, будто лежат на шахматной доске, одна большая, другая маленькая, как шахматные фигуры, так по всей горе. Мы с Сидоровым обследовали их, и нам показалось, что они передвигались. Почему трава то с одной стороны, то с другой стороны аккуратно примята.

Подойдя к самому большому камню, Соколов тоже это заметил.

– Я уверен, это и есть огневые точки японцев, – сказал Соколов, – ай да молодцы ребята, вы их нашли. Мальцев, готовь на них наградные листы, они заслужили Ордена, Агафонов не забудьте включить в этот список. Командиры взводов, распределите бойцов с гранатами около камней, рано или поздно, самураи их откроют. Вот тогда пусть бойцы закидают крысину нору гранатами. Старший лейтенант Андреев, вы со своим взводом прочешите эту гору вдоль и поперек, где-то должен быть вход. По местам, к бою, – скомандовал Соколов.

Когда все было готово, он доложил комполка о своей находке. Получив приказ ждать, Соколов пошел лично проверить посты. Через полтора часа полковник Князев лично прибыл к Соколову. Выслушав его, он сказал,

– Что ты думаешь об этом майор? – спросил у Соколова, Князев.

– Сектор обстрела выбран идеально,

– Вижу, видимо, не глуп самурай. А если нам заложить взрывчатки на эти камни, и взорвать к чертовой матери, что скажешь?

– Не думаю, что это нам поможет. Мы же не знаем какие у них там придуманы средства защиты. А может они учли и такой вариант.

– Возможно. Твои предложения.

– Товарищ полковник, я приказал своим бойцам обложить эти камни. И когда японцы их откроют, закидать гранатами. А для этого нам надо, чтобы был повод для японцев.

– Понял тебя майор. Прикажу провести марш в составе танкового взвода и с десятков грузовиков, я думаю, они должны клюнуть.

– Хорошо товарищ полковник, мы им не дадим произвести хотя бы один выстрел. Когда все было готово, ложная колонна тронулась. И как только они выехали на сектор обстрела японцев, земля под ногами разведчиков задрожала. Поднялся столб пыли и окутал гору. Разведчиков от тряски раскидало в разные стороны. Когда пыль осела, они поразились увиденному, на тех местах, где указывали Сидоров и Нигматулин, камни были сдвинуты. А из открывшегося проема торчали стволы дальнобойных пушек. Не успели разведчики сообразить что к чему, раздались оглушительные залпы. Мгновенно на дороге загорелись с десятков грузовиков и несколько танков. Японцы стали перезаряжать свои орудия,

но разведчики, не дав им сделать повторный выстрел, один за другим бросили в оружейные точки связки гранат. Но сами они уйти оттуда не смогли, один за другим стали разрываться гранаты. Видимо одна из них попала в арсенал, раздался невероятный, огромный, оглушительный взрыв. Гора вздыбилась и разлетелась в разные стороны. Взрыв был такой силы и мощи, что большинство разведчиков были живо погребены под завалом камней и глины.

Гора, а с ней и огневые точки противника были уничтожены. Не понеся ощутимых потерь, полк полковника Князева двинулась вглубь Китая...

ГЛАВА 24. Госпиталь

Когда гвардии майор Соколов пришел в себя и открыл свои глаза, увидел, как какая-то девушка делала ему укол. А он сам, лежал неподвижно на кровати. Руки, ноги, голова были забинтованы, он не мог ими пошевелить. Приложив немало усилий, Соколов спросил у девушки,

– Где я, что со мной?

А девушка, увидев, как он пришел в себя, – я сейчас, крикнув, куда-то убежала. Через минуту в палату вошли несколько врачей.

– Пришел все-таки в себя, майор, спасать тебя уже входит для меня в привычку. Мне говорили, что у тебя шансов нет, – сказал врач с выраженным акцентом. А потом добавил, – ви-

дишь, майор, мы с тобой одной ниточкой связаны. – Тут Соколов его узнал, и на немецком,

– Герхард...

– Что ты сказал, какой Герхард? – удивленно спросил доктор Ганс.

– Извините товарищ военврач, обознался. Я, значит, опять попал к вам, доктор Ганс?

– Именно, вы опять мой пациент.

– Давно я так лежу? – показывая на себя, спросил у врача,

– Пятнадцать дней,

– Как пятнадцать дней? Я не чувствую своих ног, они на месте?

– На месте, но ты ими не скоро воспользуешься, слишком сложные были переломы. Так, что товарищ майор, вы мне очень, очень задолжали за то, что я смог вас собрать. – И доктор Ганс рассмеялся.

Тут Соколов вспомнил о его отце, сестричке Луизе, и только попытался ему об этом сказать, доктор остановил его,

– Игорь, мы еще успеем с тобой наговориться. Тебе нельзя много говорить, покой, покой и еще раз покой, травмы твои были слишком сложные.

– Но это важно, и прежде всего для тебя.

– Для меня важнее здоровье друга, а остальное приложится.

– Но...

– Никаких но. Сестра, я принес вот эти уколы и вот это

лекарство, – показывая ей. – Эту и вот эту, колоть три раза в день. А это лекарство для капельницы, его утром и вечером прокапаете. Я пошел на обход. Игорь давай, выздоравливай, вечером увидимся. – Целый месяц боролись врачи за жизнь Соколова. Иногда у него резко поднималась температура, а то и вовсе терял сознание на несколько дней. Герхард провел возле него не одну бессонную ночь. Когда Герхард, проведя очередной обход, увидел, как Соколов лежит с открытыми глазами.

– Доброе утро, Игорь! Проснулся? – спросил он у Соколова.

– Я почти не спал,

– Что-то беспокоило?

– Нет, нигде не болело, просто дурные мысли...

– Наверное, ты переживаешь за свои ноги.

– Если честно, да, именно. Ганс, ходить я буду?

– И ходить будешь, и танцевать будешь, да и на твоей свадьбе, мы еще погуляем. Только ты обещаешь, будешь меня слушаться во всем, договорились.

– Договорились,

– Видишь, кого я к тебе привел. Этого дедушку зовут Ли Бя Хо, он из Тибета, монах. Ты можешь звать его Хо, потому что он и мне разрешил его так звать. Он будет тебя лечить, и надеюсь, поставит на ноги. – Тут Хо сложив свои ладони, стал кланяться Игорю. Не понимая что происходит, молча наблюдал за ним. – Игорь, пошевели пальцами рук и ног, Хо

просит.

Со стоном ему удалось несколько пальцев пошевелить. Хо одобрительно покачал головой и что-то сказал на своем Герхарду.

– Что он говорит, что говорит? – переживая, стал интересоваться Соколов.

– Он говорит, ему раз больно, значит, нервы не умерли, а кости заживают. Обещает быстро поставить тебя на ноги.

– Если он меня поставит, я ему по гроб жизни буду обязан. А ты что говоришь на их языке? – Герхард, кивнув ему головой. – Я учил тибетскую медицину у них, – и далее продолжил, – А знаешь, кто его к нам привел? Сам генерал лейтенант Романов, начальник госпиталя. Ну ладно, я пошел, а деда Хо оставляю с тобой, – сказав, Герхард ушел,

Старик, опять ему поклонившись, стал из своей сумки что-то вытаскивать. Разложив все сверху тумбочки, попросил двух бойцов перевернуть Соколова. Затем, на маленькие чашки с песком воткнул зажжённые свечи. Поклонившись маленькой статуэтке Буды и горящим свечам, он стал гладить его спину, руки, ноги. Соколов сразу же почувствовал тепло его рук. Затем, подержав над свечой какие-то тонкие иголки, стал один за другим их втыкать в него. Соколов абсолютно ничего не чувствовал, когда он это делал. Потом Хо на эти иголки, нанизал небольшие, чем-то промасленные кусочки ваты и стал поочередно их поджигать. Тут Игорь их сразу же почувствовал. Все тело с рук до ног неопишимо

стало греться, и с него пошел обильный пот. Соколов мгновенно уснул, и не просыпался аж до самого вечера. Когда он открыл глаза, рядом с кроватью на стуле сидел Герхард, увидев, что друг проснулся,

– Ну ты дал храпака. И как наш Хо, тебе стало лучше?

– Я абсолютно не чувствую боли, твой Хо мужик, уважаю, – а потом, – Ганс, у меня есть для тебя потрясающая новость, поверь, ты упадешь.

– Игорь, мне кажется, ты что-то разузнал обо мне, так?

– Так, а ты откуда знаешь.

– Ты не помнишь? Мне кажется, ты был вбреду несколько дней.

– Да ты что. А посторонние не слышали об этом?

– Как ты думаешь, почему я всегда дежурил возле тебя?

– Понял брат.

– Больной с твоей палаты вот-вот вернется. Давай наш разговор оставим на потом, пока не стоит говорить.

– Хорошо. А Хо когда придет?

– Завтра. Он свои процедуры будет проводить через день, а как только твой организм привыкнет, будет делать каждый день. Вот это, – показывая ему какую-то темную жидкость, – будешь пить, три раза в день. Скажу честно, запах противный, и на вкус горьковатый, придется терпеть.

После того, как Хо взялся за лечения Соколова, он быстро шел на поправку. Постепенно сам стал садиться на кровать, руки практически уже вылечились. Правда, ноги еще

его не слушались. Он их сам, по просьбе Хо, руками приподнимал и опускал, постоянно массажировал. Постепенно Игорь уже самостоятельно мог приподнимать свои ноги, вот только опускать приходилось с помощью рук. Китаец Хо стал приходить дважды в день и делал массаж ног. По мере улучшения здоровья, Соколов стал веселым, и ему безумно хотелось жить. Паника от того, что мог на всю жизнь остаться инвалидом, осталась позади. И вот однажды, когда в палате остался один, а других уже выписали, он попросил Герхарда,

– Ты можешь сегодня вечером прийти ко мне? Нам надо поговорить, это важно.

Герхард, пристально взглянув на него, – хорошо, приду после отбоя, – сказав, ушел.

В первом часу ночи, осторожно не скрипя дверями, Герхард вошел в палату Соколова,

– Игорь, ты еще не спишь? – спросил он.

– Откуда, разве когда у меня появилась возможность поговорить с тобой, я могу уснуть. Достань из шкафа мой рюкзак, – попросил Герхарда. Когда он ему его подал, попросил включить свет. Герхард обернулся к выключателю, включив его, он повернулся обратно. В руках у Соколова была фотография.

– Взгляни на нее, кого-нибудь, узнаешь?

Герхард, пристально рассмотрев ее, возвращая обратно,

– К сожалению, никого не узнал. А кто они?

– Тогда взгляни на эту, – подавая другую, – спросил

Игорь. На другой фотографии, они были уже втроем, папа, Луиза и он. Но фотография была тридцатых годов.

Герхард себя узнал, но опуская свою голову,

– Игорь, неужели я так и останусь? Я их не узнаю, но возможно, люди на фотографиях мои близкие родственники. Так?

– Да, твой отец доктор Карл фон Штаубе и твоя сестренка Луиза. А может быть ты вот это узнаешь? – и подал ему сверток.

Развернув его, Герхард увидел старинный клинок. В это время у него закружилась голова, и он упал с кровати на пол. Сидя на корточках, крепко схватился за голову. Соколов, забыв, что еще не ходит, так же чуть не спрыгнул с нее. Заметив это, Герхард его удержал. Доктор, держась за голову, просидел еще некоторое время, а потом, вновь пересев на кровать,

– Откуда он у тебя?

С радостью, чуть не спрыгнув с кровати, Соколов обнимая друга,

– Значит, узнал все-таки, да?– спросил у Герхарда,

А Герхард, с грустью,

– Нет, вспомнить я ничего не вспомнил, но знаю точно, что эта вещь определенно связана со мной. Быть может она мне и принадлежала, но, увы, где, когда, к сожалению, не могу вспомнить. Значит, у меня есть родственники. Как ты сказал, их зовут?

– Отца твоего зовут доктор Карл фон Штаубе, а сестренку Луиза.

– Значит, у меня есть родственники? – переспросил у Игоря Герхард. – А меня тогда, как зовут?

– Твое имя Герхард. Герхард фон Штаубе, майор, офицер германской Армии.

– Выходит, я против вас воевал?

– Выходит.

– А если, эти сведения дойдут до особого отдела, меня они заберут?

– Непременно,

– Значит, получается это наша тайна?

– Да, прошу тебя, не верь никому и не говори о своем настоящем имени.

– Даже генералу Романову, но ему можно доверять. Он не раз меня спасал от особистов.

– Решай сам, если доверяешь, расскажи, но только больше никому. Понял?

– Хорошо, договорились.

– Кстати, твой отец умолял, что бы я им дал твой адрес.

– А ты?

– Конечно, не дал. Не выдержит, возьмёт и напишет тебе и все, пиши, пропало.

– Правильно ты сделал, не дав им адреса.

– Герхард, а дед Хо со своими травами и горящими иглами не может тебе помочь?

– Генерал Романов именно для этого и пригласил Хо. Пока еще говорит рановато.

– А может это и к лучшему, – продолжил Соколов, – представляешь, если ты узнал, кто ты на самом деле есть. Тогда никто не смог бы тебя защитить. Даже твой генерал.

– Возможно, сам Господь меня оберегает и не дает делать опрометчивых шагов.

– Вот, вот, и дальше так держись. Все, что ты здесь услышал, выходя из палаты, забудь, оставь здесь.

Герхард, ворочая клинок в руках, спросил у Соколова,

– Игорь, а этот клинок был для меня дорог?

– По словам твоего отца, он был для тебя очень дорог, и ты с ним никогда не расставался. Тебе его подарил твой дедушка перед самой смертью. По-моему тебе тогда было три годика.

– Значит, теперь, эта моя вещь, так? Могу поступить с ней так, как мне заблагорассудится?

– Да, конечно, он же твой личный клинок.

– Тогда, Игорь, если бы не ты, я еще в 1943 году лежал бы в могиле...

– А, я? сколько раз ты меня спасал...

– Игорь, прошу тебя, не перебивай меня. Спасать тебя, это моя профессия. А вот то, что ты меня тогда спас, это уже другое. Когда ты приходил проведать Саида, мы поклялись быть друзьями до конца своих дней. Теперь я тебе предлагаю быть мне братом.

– Это для меня будет честью, – сказал Игорь и обнял Герхарда. – У меня хоть и был названный брат Саид. Ты же его помнишь? Когда он погиб недалеко от твоего городка Зальцбурга. Я думал, больше не буду испытывать этих чувств. Но вот, потеряв одного, слава Богу, нашел другого. Когда-нибудь ты поедешь домой, если сможешь, найди его могилу и поклонись за меня, хорошо?

– Хорошо, непременно я его найду, но сейчас не об этом. Так вот, я хочу, чтобы ты взял этот клинок себе, подарок от меня.

– Герхард, твой отец уже сделал мне царский подарок, – возражая, попытался Соколов отодвинуть протянутую руку Герхарда.

– Тот подарок, это от отца. А это мой личный подарок для тебя. Ведь ты сказал, что он был для меня дорог, значит, будет самым дорогим подарком. – Затем, взглянув на часы, ужаснулся, – О боже, мы с тобой проболтали всю ночь. Через двадцать минут у меня операция. Давай отдыхай, я в обеденный перерыв к тебе зайду.

– Ты же тоже глаз не сомкнул? – в сердцах сказал Соколов.

– Не дрейф, у меня такое не впервой. Главное мы живы, и у нас есть кому ждать.

– Согласен, – сказал Игорь, и Герхард пошел прямо в операционную.

Через неделю Соколов с помощью Хо и медсестры Олечки, так называли ее все раненные, делал первые шаги по па-

лате. А еще через пять дней, упираясь на костыли, стал сам ходить. Прошли еще несколько дней, и Соколов стал обходиться уже без костылей. И вот, в один из ясных дней, немного прогулявшись, он присел на скамейку. К нему подошел Герхард и, поздоровавшись, сел рядом с ним.

– Ты не рассказывал о себе генералу?

– Знаешь, не решился, хотя Игорю Захаровичу можно доверять.

Тут Соколов встав с места, потащил друга в сторону госпиталя,

– Куда идем? – поинтересовался у него Герхард.

– К генералу,

– Ты уверен?

– На все сто,

Постучавшись в дверь его кабинета, они попросили разрешения войти.

– Да, конечно входите, – сказал генерал.

– Гвардия майор Соколов, разрешите обратиться, товарищ генерал лейтенант.

– Майор, если честно говоря, мы и не надеялись вас увидеть на своих ногах. – Улыбаясь, протягивая ему руку, – сказал генерал, а затем продолжил. – Этот китаец Хо чудеса творит, не правда ли? Вы не первый и не последний, которого Хо поставил на ноги. – И добавил, – Конечно, без помощи Ганса, он не обошёлся бы, но заслуги его не умолить. Я заболтал вас, прошу. Что привело вас ко мне?

– Товарищ генерал лейтенант, это касается доктора Ганса, – сказал Соколов.

– Внимательно слушаю вас,

– Помните, в Австрии, после госпиталя нас расквартировывали в семьях местных жителей.

– Да помню.

– Меня, старшего лейтенанта Уварова и капитана Нефедова тоже поселили в одной немецкой семье.

– И, что дальше произошло?

– Нас поселили в семье доктора Штаубе.

– Мне эта фамилия ничего не говорит.

– Оказалась, эта семья Штаубе и есть родные нашего доктора Ганса. То есть, его настоящее имя Герхард фон Штаубе. У него, там, в Австрии, есть отец Карл фон Штаубе и сестренка Луиза, – и протянул ему фотографии.

– Постой, постой. Значит, та девушка, в Зальцбурге, которая бежала за нами, выходит, была твоей сестренкой? – спросил генерал у Герхарда.

– Да, товарищ генерал лейтенант, была моей сестренкой, – с грустью сказал Герхард.

– Не узнал их по фотографии?

– Нет, не узнал, – с горечью сказал Герхард.

– Это же хорошо, – радостно воскликнул генерал, а Герхард и Соколов, не понимая его молча стояли. – Что твои родственники нашлись. Да и ты теперь не вымышленный Ганс не знаю откуда, а вполне реальный человек. И имя у

тебя красивое Герхард фон Штаубе, а, как звучит после Ганса. – И вдруг генерала словно окатили холодной водой. – Стоп, еще кто-нибудь знает, что он не Ганс?

– Никак нет товарищ генерал лейтенант, я ему запретил разглашать.

Встав с места и подойдя к Соколову, крепко обняв его,

– Милый мой человек, умница. Не зря тебя сослуживцы называют хитрым лисом, молодец. Герхард, оставайся для всех Гансом, в противном случае, и мои генеральские погоны не помогут, особисты мигом тебя заберут.

– Я тоже об этом ему сказал, – подтвердил майор.

– Теперь нам надо быть предельно осторожными и решить, как с ним быть дальше, – вслух рассуждая, сказал генерал. – Пока война с Японией не завершилась, никто о нем не вспомнит, а там придумаем что-нибудь. Ступайте, и да поможет нам Бог, – сказал генерал...

ГЛАВА 25. Звезда героя

В августе 1945 года, союзники, в японские Хиросима и Нагасаки, сбросили ядерные бомбы. Жертвы и разрушения были колоссальные, города практически прекратили свое существование. Правительство Японии, понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, в противном случае оно могло исчезнуть с лица земли, решило принять предложенный союзниками акт капитуляции. А второго сентября то-

го же года, на борту американского линкора «Миссури», от имени императора и правительства Японии министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, с одной стороны, и Верховный командующий союзных войск генерал Д. Макартур (США) и от СССР – генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, с другой стороны, подписали акт безоговорочной капитуляции Японии. Так, второго сентября 1945 года завершилась одна из чудовищных и кровопролитных страниц человечества, войны в Европе, Азии и Африке, унесшая более пятидесяти миллионов жизней. Разбившая судьбы миллионам и миллионам людей, принёсшая голод, разруху, и долгие годы разлуки практически всем, где она прошла своим ветром.

Среди тех, кому еще предстояло ждать и надеяться на встречу, была семья доктора Карла фон Штаубе. Судьба его сына Герхарда была ему до конца не известна. Он лишь знал о том, что сын Герхард жив и сражается где то там, на востоке с Японией, на стороне Красной Армии. Но весть о том, что война завершилась и солдаты возвращаются домой, его не столько радовала, а тревожила. Потому, что во время войны, его сын Герхард был нужен Красной Армии, нужен был своему госпиталю, где служил. Нужен был раненым в бою бойцам. А теперь, когда война закончилась, наступило мирное время, когда в его услугах Армия не будет нуждаться, им, возможно, могут заинтересуются особысты. А вдруг, как ему говорил капитан Соколов, особый отдел не забыл о нем, и ждал подходящего времени. И вот теперь, когда война закон-

чилась, Герхард, не зная куда идти, сам попадёт к ним. Жуткие сцены пыток, рассказанные ему Саидходжой, заставляли его впадать в панику. Постоянно думая об этом, он потерял аппетит и сон. Ночами напролет, при малейшем шорохе во дворе, вскакивал с постели и подбегал к окну, в надежде увидеть сына. Но это был лишь ветер или же бродячие кошки и собаки, которых во время войны развелось невероятно много.

А тем временем, гвардия майор Соколов, после выздоровления, уже пятые сутки находился в госпитале просто так, возможно в этой суматохе позабыли о нем. Когда он в очередной раз гулял по парку госпиталя, к нему подошёл адъютант генерал лейтенанта Романова, и спросил, – разрешите обратиться, товарищ майор?

– Разрешаю, – ответил ему Соколов.

– Вам приказано срочно явится генерал лейтенанту Романову.

– Хорошо, идите, – сказав, Соколов направился в госпиталь.

По пути туда, он вдруг встревожился, от того, что у главного входа в госпиталь стояли два виллиса и черный ЗИС. На одном из виллисов водитель сидел на месте, а двое автоматчиков стояли рядом с ним. Увидев их фуражки, Соколов понял, форма на них была, какую носят в особом отделе. Войдя в вестибюль, тревога его усилилась, сразу у двери стояли еще двое автоматчиков и капитан, видимо их командир. Ка-

питан, увидев Соколова, как будто свысока сказал,

– Майор Соколов,

– Так точно, гвардия майор Соколов, – жестко капитану, ответил он.

– Заставляете себя ждать, майор, мы уже полчаса вас ожидаемся,

– А в чем дело? – с тревогой спросил Соколов,

А капитан, указывая ему направление в сторону кабинета главврача,

– Пройдемте с нами, там вы обо всем узнаете, – сказав, пошел впереди, а автоматчики, шли за Соколовым.

Чувствуя себя уже взятым под охрану, он шел и думал в чем же так провинился, что уже взят под стражу. И тут, стоп, они непременно пришли по душу Герхарда. Он, наверное, уже сидит там и дает показания. – Шагая за капитаном и в мыслях размышляя. – Думай, думай скорее, что им сказать. Ведь в таких случаях, если кого-то берут, ищут их контакты, близких друзей. А кто самый близкий друг Герхарда? Правильно, Я. Почему не доложил, что военврач не Ганс, а офицер немецкой Армии Герхард фон Штаубе? Он прокрутил все в своей голове, и не найдя вразумительного ответа, оказался у дверей кабинета главврача.

– Подождите здесь, майор, – сказал капитан, и постучав, вошел в кабинет.

– Разрешите товарищ генерал лейтенант? – спросил он,

– Ну что, нашли его? – слышалась Соколову,

– Так точно, он ожидает за дверью.

– Заводите его, – приказал тот же голос.

Когда Соколов вошел в кабинет, стояли два генерала, один из них начальник госпиталя генерал лейтенант Романов. А второй генерал майор, стоял спиной к двери и что-то говорил главврачу. И полковник, стоя полу-боком слушал его. Как только Соколов вошел в кабинет, генерал лейтенант Романов, с улыбкой сказал,

– Прошу вас товарищ генерал, получайте своего героя, живым и здоровым.

Оборачиваясь, генерал майор,

– Значит, жив, хитрый лис, – большими шагами направился к нему.

Тут Соколов, в лице генерал майора узнал своего комполка Князева. А Князев, подойдя к нему, крепко обняв его, дважды поцеловал. От крепких объятий генерала у Соколова захрустели кости, а ребра застонали. От боли он немного застонал. Генерал, увидев это,

– Ты что, еще не совсем оправился? – спросил у него.

– Малость еще побаливает, но я готов к строевой службе, – выпрямившись, сказал Соколов.

– Смотри у меня, не вздумай долго болеть, скоро ты мне понадобишься, – сказал генерал.

Полковником оказался начальник штаба полка, уже полковник Федосеев. Подойдя к Соколову, обняв его и крепко пожав руку,

– Мы, когда тебя нашли, думали все, погиб. Там где тебя откопали, обычно люди отправляются напрямик на тот свет. Тебя своим телом укрыл Агафонов, но, к сожалению, сам погиб. Жалко парня, был разведчиком от бога. Больше половины бойцов с твоей роты так же погибли, погребены заживо камнями той горы. Светлая память погибшим.

Затем, генерал майор Князев, улыбаясь, обратился к начальнику госпиталя,

– Игорь Захарович, может начнем? Поздравим вашего теску, а, что скажите?

– Да, конечно, прошу вас, – сказав, они все выправились и приняли торжественную стойку. И генерал майор Князев, зачитал,

– За проявленное мужество и доблесть в бою с Японскими интервентами, за героизм, командиру развед роты 312 полка 88 отдельной моторизованной бригады, гвардия майору Соколову Игорю Матвеевичу, присваивается звание Героя Советского Союза с вручением Медали Красной звезды. – Прочитав приказ, передавая Соколову медаль, по отцовски обняв его,

– От меня лично, огромное тебе спасибо за гору «Медведь», благодаря тебе нам удалось избежать, бессмысленных жертв. Еще раз тебе спасибо и отпуск на месяц, устраивает?

– Служу Советскому Союзу, – сказав, – разрешите обратиться товарищ генерал майор? – спросил он.

– Слушаю, тебе сегодня все можно, – ответил генерал.

– Товарищ генерал майор, сержанты Нигматулин и Агафонов, а также младший сержант Сидоров, это они заслуживают звезду Героя. Только благодаря им мы обнаружили бункер японцев. – И тут у Соколова глаза покраснели.

– Начштаба, запиши их фамилии, попробуем что-нибудь придумать, – сказав, генерал их заметил. – Полно, полно майор, слава богу все позади, начинается мирная жизнь. Негоже в такое время разведчику слезы лить. – Затем добавил, – долечивайся, как выздоровеешь, ко мне в дивизию. Предписание я отдал генералу Романову, потом возьмёшь у него.

Затем разлив по стаканам водку, одну со звездой отдали Соколову. Пожелав ему удачи, выпили до дна, а потом генерал майор сказал,

– Извини, Соколов, по второй выпить у нас нет времени. Мы уже здесь порядком задержались. На станции в Харбине, всю идет погрузка личного состава дивизии, едем домой. Ты тоже долго здесь не задерживайся, через месяц жду. – Сказав, они уехали.

Главврач госпиталя генерал лейтенант Романов отдал Соколову предписание генерал майора Князева, еще раз пожав ему руку,

– Желаю тебе удачи герой, береги себя и больше к нам не попадайся, – сказал.

Отдав генералу честь, Соколов пошёл по коридору, в направлении своей палаты. Как раз в это время к нему на встречу шел Герхард, и увидев его,

– К тебе приезжали какие-то важные офицеры, я видел среди них, судя по форме, особистов. Зачем они тебя искали? – немного волнуясь, спросил у Соколова Герхард.

– Пойдем со мной, там тебе обо всем расскажу, – он потащил друга за собой.

Когда они вошли в палату, там никого не было, все больные ушли покурить на улицу. Пропустив друга вперед, и закрыл за собой дверь и посадил Герхарда на табурет. А он, не усаживаясь на месте,

– Игорь не томи, скажи, зачем они приезжали? – волнуясь, спросил.

А Соколов, – потерпи, сейчас все увидишь, – сказал, и отвернувшись, что-то делал с кителем. А затем, повернувшись лицом Герхарду, встал по стойке смирно и спросил, – ну, как?

А Герхард, ничего не понимая, переспросил, – Что, как?

– Ты что, ничего не видишь? – как, бы обижаясь, спросил Игорь. – Эх ты, еще братом называется.

И только тогда, когда Соколов обиженно опускал голову, Герхард, среди множеств орденов и медалей друга увидел звезду героя. Не успел он, встав с места подойти к Соколову, а тот,

– Герой Советского Союза, гвардия майор Соколов Игорь Матвеевич, – торжественно другу отдал честь.

Тут Герхард его обнял, и дважды поцеловав,

– Я искренне рад за тебя, брат, – сказал. В это время в палату вошли раненные, с которыми Соколов лежал вместе.

– Поздравляем Вас товарищ гвардия майор с присвоением звания Героя Советского Союза, – и они пожали ему руку.

– А обмывать когда будем? – спросил один из них.

– Вы только скажите, и поляна готова, – сказал Игорь и достал из рюкзака фляжку со спиртом и бутылку коньяка, подаренную генералом Князевым. Разлив генеральские сто граммов, выпили за героя и за победу.

Потом, он, извинившись перед ребятами, ушёл с Герхардом на улицу. Пройдя в беседку и усевшись на скамейку,

– Меня не демобилизуют, после отпуска велено явиться в расположение 38 Армии, 114 мотострелковой дивизии генерал майора Князева.

– Это тот, который приезжал?

– Да, он, мой бывший комполка.

– А хорошо, что тебя оставляют в Армии?

– Конечно, хорошо, что я еще нужен нашим вооруженным силам. Хотя, после четырех с лишним годков, отдохнуть не помешало бы.

– А мы с тобой еще увидимся?

– Куда денемся, обязательно увидимся. Вас тоже, наверное, должны к нам в Уральский военный округ отправить. Ведь госпиталь прикреплен к нашей дивизии. Так, что не переживай, я тебя найду. В крайнем случае, через твоего генерала, у меня есть его адрес, – сказал Игорь.

Через неделю Соколов выписался из госпиталя и генерал лейтенант Романов приказал своему водителю отвезти его

в аэродром. Благодаря тому, что самолет делал дозаправку в Иркутске, Соколову очень повезло, так как сегодня же он оказывался у себя дома.

После того, как Соколов уехал, пришло предписание и для госпиталя. Там говорилось в течение нескольких дней подготовить личный состав, больных и технику для передислокации в Уральский военный округ. Собрав личный состав госпиталя, генерал лейтенант Романов приказал своим подчиненным готовиться к отправке.

Утром 27-го сентября 1945 года госпиталь был готов к отправке. Прибыв на железнодорожный вокзал Харбина, генерал лейтенант Романов распределил личный состав по вагонам и отдал приказ к погрузке. На погрузку у них ушло более суток, и к вечеру следующего дня эшелон был готов к отправке. Из-за того, что с фронта возвращалось немало эшелонов с демобилизованными солдатами и техникой, у них на путь ушло более пяти суток. И только к полудню шестого дня они прибыли на назначенное место. Для обустройства на новом месте, у личного состава госпиталя ушло четыре дня. После того, как госпиталь был готов к работе, генерал лейтенант Романов с врачами сделал обход. Завершив его и отдав все распоряжения, он попросил Герхарда пойти с ним. Пройдя в кабинет,

– Заходи, заходи, – обернувшись назад и убедившись, что никого нет, тихо сказал, – Герхард, ты не забыл еще свое имя? – и улыбнулся. Предложив Герхарду сесть на стул, сам

прошел на свое место. – Мне после войны по приказу Главкома Армии полагается отпуск, сорок пять дней. – А за тем, протягивая какой-то лист бумаги Герхарду. – А это приказ относительно тебя, где сказано, что ты эти сорок пять дней проведешь со мной. Под мою личную ответственность, понятно? Так что собирайся, сегодня отправляемся на мою Родину, туда, где я родился. По поводу раненных не беспокойся, я уже отдал соответствующее распоряжение. Через два часа я жду тебя у главного входа с вещами, ступай, – сказал генерал.

В назначенное время Герхард с небольшим чемоданчиком стоял у входа в госпиталь, возле машины генерала. Увидев его, генерал, усмехаясь, сказал,

– Я смотрю, ты не так уж и разжился на этой войне. Некоторые, нажитое добро непосильным трудом, увозили на грузовиках. Что стоишь как сирота, бросай свой чемодан в багажник и сам садись. Чем скорее уедем отсюда, тем скорее доедем ко мне. А это о чем говорит? Правильно, дольше отдохнём. – Сказав, он сел на заднее сидение, а Герхард закинул чемодан в багажник и уселся рядом. Тут генерал добавил, – а может тебя усыновить, как раз у меня нет наследника, согласен? – и он рассмеялся. – Трогай, – приказал своему водителю, и они поехали на родину генерала...

ГЛАВА 26. Возвращение Арнольда

После того, как Япония подписала Акт капитуляции, Союзники в Европе стали отпускать немецких военнопленных, которые не совершали тяжких преступлений, домой. Так и брат Эльзы, ефрейтор Гербер Арнольд, получил из рук коменданта лагеря полковника Мак Грина разрешительные документы. Там говорилось, что ефрейтор Гербер Арнольд, согласно приказу за номером 433, реабилитирован и отпущен домой.

Вернувшись, он не застал Эльзу дома. Войдя в дом, пройдя на кухню, и, набрав полный ковш воды, жадно стал пить. Непившись, опуская ковш, он увидел рядом стоящего человека с азиатской внешностью. Незнакомец, с ходу спросил у него,

– Ты, наверное, Арнольд, брат Эльзы?

Арнольд, ничего не понимая, удивленными глазами,

– Не понял, а сам ты кто?

– Мое имя Саидходжа, для близких и друзей можно Саид, я супруг Эльзы.

– Ни черта себе, когда же моя сестричка успела выйти замуж? – как бы удивляясь, спросил Арнольд, – кстати, ты вроде азиат, а по-немецки чешешь отменно. Где так научился говорить?

– Это долгая история, как-нибудь в другой раз расскажу, а пока раздевайся и проходи в гостиную, я накрою на стол. Хозяйка пошла к подружке, скоро будет.

Не понимая, что тут происходит, Арнольд бросил в угол

свой рюкзак, снял сапоги, и повесив шинель на вешалку, прошел в гостиную. Когда Саид принес поднос с едой, Арнольд спросил у него,

– И давно ты с Эльзой?

– С января этого года,

– И что, значит у вас любовь с Эльзой? – с иронией спросил Арнольд.

– Любовь, – коротко ответил ему Саид.

– А к кому пошла Эльза?

– В дом доктора Штаубе, к его дочери Луизе.

– А что Луиза одна, замуж не выходила? – с горящими глазами спросил Арнольд.

– Одна, и насколько я знаю, она вроде бы ждет тебя, – с улыбкой ответил Саид.

– Откуда ты знаешь? – смущаясь, спросил Арнольд.

– Мне Эльза рассказала, а ей об этом призналась Луиза.

Оборачиваясь лицом к Саиду,

– Это правда?

– Если бы я был христианином, сказал бы тебе, вот те крест, – показывая на себе, – но я мусульманин, придется тебе поверить мне на слово, – ответил Саид.

И тут он услышал, как Эльза с Луизой о чем-то оживленно разговаривая и громко смеясь, уже шли во дворе. Саид, быстро схватив вещи Арнольда, потащил его в свою комнату. Арнольд, ничего не понимая, спросил у него,

– Что происходит? Ты куда меня тащишь?

– Прячься, прячься, сделаем для них сюрприз, – сказал Саид и закрыл за ним дверь.

– Понял, – сказав, он притих.

В это время, хохоча, в дом вошли Луиза с Эльзой.

– И, что же так сильно развеселило прекрасных дам? – спросил у них Саид.

– Да Луиза услышала, что союзники начали отпускать немецких солдат по домам. Она говорит, что с тех пор не спит, – сказала Эльза.

– Ах вот почему. Она на день по нескольку раз приходила к нам, – подшутил над ней Саид. – Луиза, скажи честно, ты любишь Арнольда?

Тут, Луиза засмушалась, ей стало неловко, а Саид, тем временем не унимался,

– А ну ка признавайся своему брату, ты его любишь или нет?

– Честно? – переспросила его она,

– Конечно, честно. Представь себе, будто Арнольд находится здесь, рядом с тобой, что бы ты ему сказала?

Луиза, закрыв свои глаза и представив, что ее любимый находится рядом,

– Арнольд, дорогой, милый, я так соскучилась по тебе. Если бы ты знал, как я люблю тебя, ох, соскучилась по тебе, возвращайся скорее, – она вздохнула. Но потом, – Саид, что он здесь, говори, я его чувствую?

Саиду некуда было деваться, и он, обернувшись в сторону

спальни Арнольда,

– Арнольд ты все слышал, выходи, нас застучали, – и громко рассмеялся.

Двери спальни, медленно открылись, и в проеме появился Арнольд. Луиза, увидев его, от стыда и неловкости, чуть было не сбежала от них. Саид, схватив ее за руку,

– Попалась, чертовка, убежать решила, мы тебя никуда не отпустим, – сказав, повел ее к Арнольду.

А тем временем Эльза, подбежав к брату, крепко обняв его,

– Арнольд брат, жив, вернулся, слава богу, – сказав, расцеловала его.

Бедняжка Луиза, дрожа, как пойманный от волнения кролик, стояла, спрятавшись за спиной Саида. Все его попытки, поставить ее перед собой, были тщетны, она, крепко вцепившись в его рубашку, не отпускала рук. Щеки Луизы налились румянцем и от того лицо ее горело. Когда Эльза отпустила брата, он, тихо подойдя к Саиду, заглянув за его спину, волнуясь, сказал,

– Здравствуй Луиза! Как там дядя Карл? – не поднимая своих глаз, Луиза тихо ответила,

– Хорошо, с ним все в порядке.

Поняв, что молодым, пожалуй, стоит остаться одним и поговорить, Саид попросил Эльзу,

– Дорогая, пойдём, поможешь мне, – увел ее во двор.

Через полчаса Арнольд и Луиза, держась за руки, вышли

за ними. Увидев, что Саид и Эльза сидят в беседке, подошли к ним.

– Саид, не честно девушку ставить в неловкое положение, – как бы с иронией произнесла Луиза.

– Милая фрау, а перед кем, я вас поставил в такое положение? Правильно, перед самым родным и близким для вас человеком. Дорогая, когда ты еще сумела бы признаться в любви Арнольду? А так, теперь он знает как ты его очень сильно любишь, – сказав, они с Эльзой засмеялись. Потом Эльза ее обняв,

– Я очень искренне рада, родная, тому, что вы будете вместе.

В разговор вмешался Саид,

– Родная, твой брат пришел с дороги, наверное, очень голоден. Я хотел его накормить, но вы мне помешали. Не пойдете ли вы с Луизой домой, и что-нибудь для нас организуете.

– Да, да, конечно, мы мигом, – сказали девушки и побежали домой.

А Арнольд, подсев рядом с Саидом, достал с кармана сигарету и протянул ему,

– Угощайся, американские сигареты, называется Мальборо,

– Спасибо, не курю, – сказал ему Саид.

Арнольд, прикурив одну сигарету, сделал несколько затяжек и спросил у него,

– Как, ты здесь оказался?

– Это долгая история, как-нибудь в другой раз я тебе расскажу.

– Но я никуда не тороплюсь, и у меня, уйма свободного времени, – настаивал Арнольд.

– Если вкратце, меня раненного у реки нашла твоя сестренка. Попросив помощи у доктора Штаубе, они меня вывели.

– Но насколько знаю, доктор в принципе вашего брата ненавидел. За смерть своего сына Герхарда, он был готов убить любого русского солдата.

– Да, так и было.

– Но почему тогда он тебя выводил?

– Понимаешь, в январе 1943 года, меня тяжело ранило, – и, показывая на шрам на шее. – Тогда, в госпитале оказался врач, немец, его контуженного, нашел мой друг. Так вот, благодаря тому хирургу, я остался жив. А доктор, когда пришел меня убивать, как мне потом он рассказал, узнал этот шрам. Когда мне показал фотографию Герхарда, я его узнал, это был его сын.

– Значит, Герхард жив?

– Жив и служит в советском госпитале,

– Война закончилась, его отпустят?

– Этого я тебе сказать не могу, будем надеяться.

– Саид, ты, наверное, был разведчиком?

– Тебе Луиза об этом рассказала,

– Нет, я сам догадался. Меня ты сразу вычислил, а как Луизу развел. Ты врал так, что не одно мышца твоего лица не шевельнулась. Кроме того, когда мы с тобой разговаривали, у тебя не было и тени робости. От тебя веяло какой-то непонятной силой. Понимаешь, я чувствовал твой дух. Я вижу, ты не трус и не предатель, не изменник Родины. И глядя на тебя, я невольно думаю, скорее всего, обстоятельства сложились так, и вынудили тебя прийти сюда. И то, что ты женился на моей сестренке, говорит о том, что тебе обратной дороги нет. Так?

– Вижу, ты психолог. Читаешь людей по глазам?

– А то, я ведь тоже разведчик, коллега значит. Только мне не пришлось повоевать на Востоке. Там говорили было очень жутковато.

– Это мягко сказано, там был натуральный Ад.

– Ты знаешь, там, в лагере, где нас держали американцы, были и ваши русские военнопленные. Власовцы, всякие отребья, предатели, полицаи, но были и те, кто попал в плен после ранения. Они очень боялись возвращаться на Родину, их пугал ваш, как там называли, особый отдел, что ли.

– Да, особый отдел.

– Может и ты от них бежишь?

– Почему ты так считаешь?

– Я тебе говорил, ты не похож на предателя, и в плену не был. Если ты скажешь, что из-за любви к Эльзе остался, я не поверю.

– А почему бы и нет?

– Саид, ты не из робкого десятка. Тебя не так то просто сломать, тебя вынудили так поступить, у тебя на это были веские основания, почему то я в этом уверен.

Саиду стало не по себе, и он не хотел далее продолжать разговор на эту тему,

– Давай об этом, я сам как-нибудь потом тебе расскажу, сегодня, я не расположен говорить на эту тему, – сказав, он загрустил. По его глазам было видно, воспоминания о прошлом, как бы открыли его раны.

Видя это, и понимая, что нет смысла заводить разговор на эту тему,

– Можешь вообще не говорить и не вспоминать об этом. Я вижу как тебе больно при воспоминании, так что не забивай голову, забудь – и, поменяв тему. – По-моему, девчонки о нас забыли, все клеточки моего желудка уже всю маршируют. Пойдем, поторопим их, а то я умру от голода.

Как раз, в это же время, накрыв на стол, Луиза бежала их звать. Увидев, как они сами уже идут, она воскликнула,

– А я шла вас звать к столу,

– Тебя с Эльзой только за смертью надо было посылать, – и показывая на Саида. – Вон видишь, как Саид бежит домой. Он мне все уши прожужжал, есть хочу, есть хочу, – смеясь, сказал Арнольд.

– Саид у меня никогда не умирал от голоду, это ты у нас всегда голодный, – выйдя к порогу и услышав его бурчание,

сказала Эльза.

– Ты смотри, Саид, моя сестренка тебя защищает. Как тебе это удалось? Научи, а я на Луизе потренируюсь.

– А ты сперва женись на ней, а потом мы тебя научим, – улыбаясь, сказал Саид.

– Да я хоть сейчас готов. Луиза, пойдешь за меня? – входя в дом, спросил Арнольд.

Когда они вошли в дом, Саид, извинившись, – сейчас приду, – сказав, ушел обратно. Наблюдая за ним, Арнольд закурил очередную сигарету и поймал себя на мысли, что с ним происходит что-то странное. Как только войдя в дом и увидев его, бывшего врага, человека, который, буквально недавно сражающийся с ними, он не чувствовал к нему презрения. А после того, как тот разыграл Луизу, и, побеседовав с ним в беседке, понял, что он не из тех, кого встречал в лагере. По нему было видно, что мужественный и сильный духом, он из тех, кто не видя другого выхода, взрывали себя вместе с окружившими его врагами. Осознавая это, Арнольд никак не мог взять в толк, как такой человек мог остаться. Он после этого сильно зауважал Саида и искренне желал подружиться с ним.

А Саид, набрав в палисаднике разных видов зелени, вернулся в дом, и, увидев, что они еще не сели за стол,

– Вы что еще кого-то ждете?

– Конечно, ждем тебя Саид, как же мы без своего зятяка можем сесть за стол. Твоя жена не разрешала нам присесть,

пока ее муженек не придет,

– Врун, – сказала Эльза,

– Вот видишь Саид, она опять меня перед тобой подставляет. – И тут он заметил, что Луизы не было среди них. – Не понял, а где моя краля?

– Побежала домой, сообщить отцу о такой радостной новости и заодно пригласить его в гости. Ты, наверное, проголодался, можешь кушать, они поймут.

– Нет, я лучше их подожду, – и, взяв со стола большую гусиную ножку, откусил с нее огромный кусок и жуя, – как-никак будущий тесть. А ты Саид можешь кушать, мы тебе разрешаем, – сказал и пошел во двор, встречать своих будущих родственников.

Через несколько минут, он, ворча, зашел обратно,

– Что они наряжаются что ли, тут у меня кишки уже другу другу рапортуют. Я, наверное, их подожду за столом, обещаю, ничего трогать не буду, – сказав, прошел в гостиную. Он сел за стул, и проведя своим взглядом по нему, в сердцах вздохнув. – Да, видели бы мои друзья все то, что здесь стоит. Они умерли бы от зависти. Там в лагере у них был один большой котел и повар недоучка. Готовил два раза в день какую-то бурду, которую невозможно было есть. – Тут не выдержав, показывая на большой кусок ветчины, – можно я ее съем.

– Вы уже решили с Луизой о женитьбе? – спросила у него Эльза.

– Мы об этом еще не говорили, – жуя мясо, сказал он, – надеюсь, она мне не откажет.

– Это ты ей не откажи, она все уши мне прожужжала, готова хоть сегодня остаться у нас, – с улыбкой сказала Эльза.

И в это время в дом вошли Луиза с двумя огромными корзинами, накрытыми полотенцами.

– Что я тебе говорила, видишь, она уже вещи свои тащит, – сказав, Эльза расхохоталась.

– Это не вещи, а гостинцы, – смущаясь, оправдывалась Луиза.

– Сперва гостинцы, а потом вещи, глядишь, и сама заявится, – вновь расхохоталась Эльза.

– Эльза..., – не успела сказать Луиза, в дом вошел доктор Штаубе.

Быстро вскочив с места и протирая салфеткой лицо, Арнольд направился к нему.

– Здравствуйте, дядя Карл! – поприветствовал его,

– О, как возмужал, армия видимо, пошла тебе на пользу сынок, – сказав, доктор крепко обнял его. – Здравствуй сынок, с возвращением тебя, слава Богу, нам довелось тебя увидеть. – Поприветствовал его. Не найдя Саидходжу взглядом спросил. – А где Саид?

– Он пошел в винный погреб, сейчас придёт, – сказав, поцеловала его Эльза.

Придя из погреба и увидев доктора, Саид, поставил бутылки, подойдя к нему и обнимая,

– Здравствуйте папа, – поприветствовал его.

– Папа? – удивленно взглянул на них Арнольд. – Я вроде бы не помню, что у вас дядя Карл был еще один сын, причем узбек.

– Теперь есть, чему я безмерно рад Арнольд, – с гордостью ответил ему доктор.

– Понятно, – все еще ничего не понимая, – прошу к столу, – предложил им.

Когда все расселись по своим местам, Луиза села рядом с Арнольдом. Он взял бутылку вина, разлил по бокалам и первую подал доктору.

– Дорогие дети мои. Дорогой Арнольд. Мы искренне рады тому, что ты вернулся живым и здоровым. Теперь этот дом вновь стал полным, в нем стало на одну добрую душу больше. Я радуюсь за мою дочь Эльзу, за то, что она дождалась своего брата. Дай Господь, чтобы впредь не было войны, чтобы родители не теряли своих сыновей. Чтобы мы более не испытывали тех ужасов, которые нам пришлось пережить за эти четыре года. Пусть матери и отцы дождутся своих сыновей, которые, как и ты, оказались в плену, и в том числе, чтобы скорее вернулся мой сын Герхард. – Тут доктор прослезился, – давайте выпьем за это, – сказав, он до дна выпил вино из своего бокала.

– Я слышал, что он оказывается жив, не погиб тогда, при авиаударе.

– Да сынок, и эту радостную весть, мне сообщил мой сын

Саид. Давайте выпьем за него, – сказав, он налил в свой бокал вина и выпил его. За ним последовали и остальные.

Так они присидели да самой ночи, и затем доктор, извинившись, собрался домой. Арнольд и Луиза пошли его проводить, вернувшись обратно, они до самого утра проговорили...

ГЛАВА 27. Надежда на лучшее

Когда отпуск генерал лейтенанта Романова близился к концу, из штаба Уральского военного округа прибыл посыльный с пакетом от Командующего округом. Посыльный, вручив ему пакет, убыл обратно. Генерал лейтенант вскрыл его и увидел там приказ, в котором говорилось,

– Генерал лейтенанту И. З. Романову, предписывалось, к 10 ноября 1945 года, быть в распоряжении госпиталя, и готовиться, для дальнейшей передислокации личного состава госпиталя в Западную Группу Войск в Германии... Прочитав ее, генерал, позвал Герхарда, он в это время в сарае коллол дрова. Когда тот подошёл к нему, протягивая ему пакет,

– На, читай, – сказал генерал.

– А можно? Ведь здесь написано, секретно, – спросил Герхард,

– Тебе можно, – по-отцовски сказал генерал.

Прочитав донесение, Герхард, с грустью сказал ему,

– Значит, Вас отправляют в Германию?

– Почему вас, весь личный состав, в том числе и тебя, – радостно похлопав его, сказал генерал.

– А как быть с документами? Ведь у меня их нет. А в госпитале я врач Ганс без документов и памяти. Меня же не пропустят на границе и заберут в особый отдел. Тем более война закончилась, Красная Армия в моих услугах уже не нуждается.

– Как это не нуждается? Еще как нуждается! А вот про документы, я и впрямь не подумал. Ты прав, на границе тебя непременно задержат до выяснения. А пока выяснят, как повернется одному господину богу известно. – И генерал призадумался. Он действительно совершенно забыл про документы Герхарда. Если бы он ему об этом не сказал, на границе беды не миновать.

– Молодец, умница, хорошо, что ты сам вспомнил об этом. Так, сейчас зайди на кухню, возьми бутылку водки и соленые огурцы, и неси в беседку, я там тебя буду ждать. Что-то на трезвую голову ничего не идет. Там, за рюмочкой водочки, мы с тобой все обмозгуем.

Пока Герхард сходил домой, генерал, сидя в беседке, думал о том, как же не справедлива судьба к этому молодому человеку. Ведь он за свою короткую жизнь даже муху не обидел, а наоборот, ему тысячи и тысячи бойцов обязаны своей жизнью. Он их вытаскивал практически с того света. Пример Герой Советского Союза, майор Соколов. – Даже я не верил тому, что его можно спасти. Но, Герхард настоял на

своём, и спас его, вытащил с того света. – И вот теперь, если он, генерал лейтенант Романов оставит его здесь на произвол судьбы, будет ли это справедливо по отношению к нему. Его же мигом заберут в особый отдел, а там с офицерами Германской Армии задушевных бесед не ведут. Этим тыловым крысам, какими считал особистов генерал, дай только повод. Они не станут разбираться что к чему. А на то, что этот немец сделал больше, чем они для общей победы, им наплевать. И он в ярости стукнул кулаком по столу.

Он думал как помочь ему. Как выпутаться из сложившейся ситуации. Генерал понимал, подавая список личного состава, должен отметить, что военврач Ганс бывший военнопленный. Утаить прошлое Герхарда равносильно смерти для обоих, даже не смотря, что он генерал лейтенант. Тут к нему подошёл Герхард, генерал, схватив стакан, сказал,

– Наливай,

Налив ему водки, Герхард не успел даже убрать бутылку, как генерал, залпом выпил и попросил его, чтобы вновь налил. Немного опьянев,

– Вот ты мне скажи Герхард, ты в бога веришь?

– Да товарищ генерал, верю, – ответил Герхард.

– А, он, вообще-то есть? – допивая третий стакан, с завораживающим голосом от опьянения, спросил, генерал

– Грешно так говорить, товарищ генерал, – немного возмущаясь, сказал Герхард.

– Ладно, допустим, есть. Но тогда скажи, почему он до-

пускает такую несправедливость по отношению к своим подданным? – Герхард, молча его слушал. – На этой войне погибли миллионы и миллионы его подданных, заметь, причем многие, безвинно. Почему он их не защитил, вот скажи мне, почему? – Он, схватив Герхарда и крепко, со злостью, его сжимая, продолжил. – Вот, например, возьмем тебя. Ты за свою жизнь даже муху не обидел, а тех, кому ты жизнь спас и не счесть. Но почему твой Бог поступает с тобой несправедливо?

– Товарищ генерал, а не чудо ли то, что я жив и сейчас сижу рядом с вами в этой беседке. А все те, с кем я служил когда-то, лежат в сырой земле под Сталинградом, в общей безымянной могиле. Не чудо ли то, что я не погиб, когда в госпиталь попала авиабомба. Он меня укрыл крышей крыльца, тем самым не позволил мне быть погребенным обломками госпиталя...

– А голову твою-то он все же не уберег, память то ты потерял.

– А может, это благо. Вы только представьте, что же было бы со мной, не потеряй я память. Плен, концентрационный лагерь, я даже представить себе не могу, что там было бы со мной. Я думаю, благодаря тому, что потерял память, я и жив. Если бы Вы знали, как я рад этой жизни, рад, что дышу этот воздух, люблюсь здешними красотами.

– Герхард, родной ты мой человек. Если я, оставив тебя, уеду в Германию, если попадешь к этим тыловым крысам,

вся твоя радость исчезнет. И тогда ты будешь проклинать своего господа за то, что не похоронил тебя там под Сталинградом. – С грустью, сказал генерал.

– На все воля божья. Если судьбой мне предначертана такая участь, приму ее с честью. Но винить Господа я не буду. Господь терпел и нам велел, не имеем права осуждать его. Каждый выбирает свой путь, и каждому за все воздастся.

– До чего же ты наивный и добродушный человек, – и налив себе водки, – все равно я тебя люблю и уважаю, – сказал, и выпив. – По-моему я порядком опьянел, пора завязывать. Отведи меня домой, утром протрезвеем, и на трезвую голову поговорим, как с тобой быть. – Затем, встал с места, и обняв Герхарда, они поплелись домой.

Проснувшись утром, Герхард умылся, поставив чай, и постучал в дверь спальни генерала. За дверью ему никто не ответил. Открыв ее, увидел пустую кровать, генерала там не было. Войдя в спальню, Герхард увидел на столе записку. – Еда в холодильнике, остальное найдешь в погребе. Меня пару дней не будет. Никуда не выходи и ни с кем не общайся, я скоро буду, – и подпись генерала.

Генерал, уезжая, с собой захватил все бумаги и наградные листы орденов и медалей, полученные Герхардом в период с марта 1943 по сентябрь 1945 годов. Он поехал в Москву, в надежде найти выход из сложившейся ситуации...

ГЛАВА 28. Встреча с Маршаллом Советского Сою-

Накануне отъезда, всю ночь генерал лейтенант Романов не сомкнул своих глаз. За ночь он одну за другой выкурил две пачки папирос. Никак не мог смириться с тем, что Герхард, в случае не выезда, может попасть в застенки особого отдела. В своей голове пролистывал тех, кто реально мог помочь им. И тут, под утро его вдруг осенило, и он вслух произнес,

– Стоп, я забыл про генерала полковника Д. С. Комарова. Кто, если не он, может, нет, обязан помочь нам с Герхардом. В январе 1943 года, под Сталинградом, Герхард спас его и того старшего лейтенанта после тяжелого ранения. Не будь тогда рядом Герхарда, как бы сложилась дальнейшая жизнь и служба генерала. Генерал полковник Комаров был в хороших и дружественных отношениях и с Маршалом Жуковым и с Маршалом Рокоссовским. Генерал лейтенант Романов, на случай, вдруг, если ему не удастся встретиться с ним, написал ему письмо. Вложив его в бумаги Герхарда, стал готовиться к отъезду. Рано утром приехав в аэродром, он узнал, что скоро в Москву полетит спецрейс. Выяснив кто старший, договорился с ним о полете.

Уже к вечеру того же дня генерал Романов был в Москве, в штабе Министерства Обороны. Когда туда входил, прямо у парадного входа столкнулся лицом к лицу с генералом Армии Комаровым. Романов его не узнал, так как мимо него проходил генерал Армии, а Комаров, узнав друга,

– Игорь Захарович, ты, что ли? – и обнимая его, – Не ожидал тебя встретить здесь. Какими судьбами ты здесь?

А Игорь Захарович, увидев перед глазами генерала Армии,

– Право же, я шёл именно к тебе, то есть к Вам, товарищ генерал Армии.

– Какой я для тебя генерал Армии, мы же друзья с тобой, ты это прекращай свои штучки. Значит ко мне, это очень хорошо. Я как раз еду домой, поедешь со мной и остановишься у меня. Договорились?

Подъехав к дому, он отдал распоряжение водителю и адъютанту, и открывая дверь,

– Заходи, заходи, Игорь Захарович, будь, как дома, – сказал генерал Армии.

Когда они вошли в квартиру, генерал Комаров, подзывая жену,

– Родная, знакомься, генерал лейтенант Романов Игорь Захарович, мой спаситель и близкий друг. Это он меня тогда под Сталинградом, вытащив осколок с брюха, спас. И благодаря ему я рядом с тобой.

– Добро пожаловать Игорь Захарович, – сказала супруга генерала Армии.

– Мою единственную и неповторимую величают Ириной, отчество не к чему, мы свои, – знакомя Романова с женой, сказал Комаров.

– Нет, ни мне ты обязан, а тому хирургу, немцу, вспом-

нил?

– Если не ошибаюсь, его звали Ганс, так, вроде он память свою потерял. Сейчас с ним все в порядке, вспомнил что-нибудь?

Тут в разговор вмешалась жена Комарова,

– Товарищи генералы, может быть, за столом поговорите? А то у дверей как-то неудобно.

– Точно, а что мы в дверях стоим, а ну ка, пошли со мной, – сказав, Комаров повел друга в зал. Затем, предложил другу стул и сам сев рядом. – Согласись со мной, буквально несколько дней тому назад, воюя против нас, через несколько дней спасает недавнего противника. И после этого, попробуй не верить в чудеса. Кстати, я давал представление на того старлея, чтобы ему присвоили героя. Получил он его?

– Нет, по-моему, он погиб в январе 1945 года, мне об этом тот врач немец рассказал.

– Да ты что, и надо же. Но звание Героя Советского Союза и посмертно вручают, я похлопочу. Если не он, я или погиб, или немцы схватили бы меня. Хотя я и держал последний патрон для себя.

Супруга Комарова подала ужин. Перед тем, как дотронуться до еды, разлили по бокалам коньяк и выпили за победу. За столом они в основном говорили о текущих делах, о забавных историях. После десерта, пропустив еще по одной, друзья пошли покурить. Пройдя в кабинет генерала Армии,

уселись за кресла, и Комаров спросил у друга,

– Ну, рассказывай Игорь Захарович, какими ветрами тебя занесло в наши края. Если не ошибаюсь, ты сейчас в Уральском Военном Округе.

– Да, был там, но меня переводят в Западную Группу Войск.

– Уже переводят? Вроде должны были весной будущего года. Ты знаешь это чье распоряжение? Самого Рокоссовского, чтобы именно твой госпиталь был там. Он тебя не забыл, мы тоже скоро туда поедем. – Увидев не радостное лицо друга, – ты что, я вижу не рад.

– Почему не рад, конечно, рад, но, я пришел именно по этому поводу. Из-за Ганса.

– Ну, рассказывай,

– Там мне без него никак...

– А в чем проблема, что он, разве с тобой не едет?

– У него же документов нет, как повезу, что скажу на границе...

– Говоришь он так и ничего не вспомнил, как его зовут, кто он?

– Нет, не вспомнил. Там, в Манчжурии, я нашел одного китайца, монаха, зовут Ли Бя Хо. Отменный лекарь, многим нашим бойцам помог, так вот, он говорит, что Ганса можно вылечить, там, на Родине. Я на время отпуска забирал его к себе, думал, отдохнет, успокоится. Ты же знаешь наши края, леса, горы, а какая течет там река. Правда, он немного успо-

коился, головные боли после контузии, преследовавшие его постоянно, практически перестали. Кроме улучшения самочувствия его, нам нечем похвастаться, к сожалению, ничего не вспомнил, – Игорь Захарович, произнес эти слова с такой обидой, увидев это Владимир Сергеевич,

– Ты, смотрю, к нему сильно привязался, Игорь Захарович,

– Просто жаль парня, очень хороший и порядочный человек. А как знает свое дело, хирург от бога, да ему цены нет. Знаешь, к чему бы он ни притрагивался, оно на глазах оживало, – В этот момент, когда генерал произносил эти слова, его глаза сильно покраснели, и немного проступила слеза.

– Что разве Ганс не числится в списках личного состава госпиталя? Тогда, как ты его повез в Манчжурию, это ведь тоже заграница.

– Числится, но тогда была война. Он был нужен нам, а теперь-то мирное время. Если его я повезу в Германию без документов, на первом же посту у границы, его заберут в комендатуру, даже мои генеральские погоны не помогут. Тебе-то об этом не знать.

– Да, я и не подумал. Как пить дать, заберут и глазом не моргнут. А пока, что к чему разберутся, может быть уже поздно, – показывая пальцем вверх, сказал Комаров.

– Вот, я и пришел за помощью к тебе, помоги Дмитрий Сергеевич, очень прошу. Он же тысячам и тысячам нашим бойцам спас жизнь. В сутки если и спал, то не более двух,

трех часов на день, а в остальное время не выходил из операционной. Если я и ты ему не поможем, то это не по-божески будет. Несправедливо, нечестно поступать с ним так, хотя бы из-за тех, кто обязан ему своими жизнями, – в сердцах сказав, Романов ударил кулаком по столу.

– Успокойся Игорь Захарович, ты абсолютно прав, не мне ли об этом знать. Не дрейф, прорвемся, завтра утром что-нибудь да придумаем. А пока давай, выпьем за встречу, за нашу победу, – и, обнимая друга, – за то, что мы живы и держим в руках свои рюмки.

Постелив гостю в спальне сына и пожелав ему спокойной ночи, генерал Комаров, тоже пошел спать.

Как обычно, в семь часов утра, генерал Комаров был уже на ногах. Умывшись и переодевшись, осторожно заглянул в спальню и увидев друга при полном параде, сидевшего в кресле и листающего книгу,

– Ты, что Игорь Захарович, не спал, что ли? – удивленно спросил.

– Почему же не спал, спал, причем как сурок. Я перед тобой проснулся, и вот, что б даром время не терять, решил просветиться.

– Тогда пойдем, стол уже накрыт, завтрак ждет генералов. А там, я расскажу тебе что я придумал, чтобы помочь нашему общему другу, – с одобрительной улыбкой, сказал Комаров.

За завтраком вкратце описал их совместные действия.

– Маршал Рокоссовский сейчас находится в Министерстве. Он тебя хорошо знает, не так ли?

– Да, знает,

– Вот и прекрасно, мы с тобой вместе к нему зайдем. Пропуск я тебе выпишу сам и ему обо всем подробно изложим. Я уверен, Маршалл нам не откажет и непременно поможет.

– Я и не знаю, как тебя отблагодарить, – немного смущаясь, сказал Романов.

– Ты, что, о какой благодарности мне говоришь? Я, а не ты ему по гроб обязан, больше так не говори.

Прибыв в Министерство обороны, генерал Армии Комаров выписал пропуск на имя генерал лейтенант Романова. Затем оба направились в сторону кабинета Маршала Советского Союза Рокоссовского. Когда они вошли в приемную и проходили к его адъютанту, дверь в кабинете Маршала была открыта, и он с кем-то разговаривал по телефону. Не успели генералы дойти до адъютанта, как Маршал, кому-то сказав, одну минуту, крикнул оттуда,

– Игорь Захарович, генерал, что ж ты как не родной, проходишь мимо,

Тут же друзья, переглянувшись между собой, направились к Маршаллу.

А Рокоссовский, выйдя со стола и распростертыми объятиями, шел к ним на встречу, и обнимая генерала Романова,

– Живой, чертяга, а, живой, – и, крепко поцеловав его, радостный сказал. – Дайка я на тебя погляжу, – и пристально

вглядываясь, – как же ты генерал поседел, – улыбаясь, сказал и предложил стул. – А ну садись-ка, рассказывай, где ты, как ты, какими судьбами оказался в Москве? – сам рядом с ним подсаживаясь. А напротив них сел генерал Армии Комаров.

– А что рассказывать товарищ Маршал Советского Союза, я как и все. Дошел до Берлина, потом и в Манчжурии пришлось повоевать. Сейчас в отпуске, скоро поеду в Западную Группу Войск.

– Про Германию знаю, это я тебя приказал туда направить. – И тут. – А шесть лет войны, как бы и не было, как же ты быстро рассказал о себе, Игорь Захарович, – и расхотался Маршал.

В это время в кабинет зашел адъютант Рокоссовского, полковник Климов с подносом, где было бутылка конька, бокалы, шоколад и фрукты. Маршал сам взял бутылку, разлил коньяк по бокалам и подал им.

– Постой, постой. Наверное, на трезвую голову ты не можешь ничего вспомнить. Давай первую выпьем за победу, вторую за встречу. Вот тогда, наверное, ты мне обо всем и расскажешь, – опять он, засмеявшись, предложил им выпить. А потом, наливая по второй. – И, сколько же мы с тобой не виделись.

– С января 1943 года. Вы тогда приезжали проведать раненных бойцов, под Сталинградом.

– Да, тогда твой друг, – намекая на Комарова, – тоже отлеживался, – и заметив его генерал лейтенантские погоны. –

Ты, что, все еще в лейтенантах ходишь?— и вопросительно взглянул на Комарова. — Игорь Захарович, видишь, некоторые за войну, — указывая на Комарова, — каждый год меняли погоны. А человек, действительно заслуживающий звания, все еще в лейтенантах, негоже это, негоже. Ты Владимир Сергеевич, на мои слова не обижайся, твои погоны заслуженные. Но и генерал Романов должен быть генерал полковником, ты меня понял? Подготовь приказ, я его подпишу.

— Понял Вас товарищ Маршалл Советского Союза, — ответил ему генерал Армии Комаров.

А Романов, как бы оправдываясь,

— Товарищ Маршалл Советского Союза, я не за этим приехал к Вам,

— Понимаю, не за этим, но одно другому не помешает, — похлопывая его по плечу Рокоссовский, и взглянув на Комарова. — Ты знаешь, Дмитрий Сергеевич, мы с Игорем Захаровичем срок мотали. Если бы не война, вернее вовремя не началась бы, наверное, ты понимаешь, где бы мы сейчас были. Там в Лефортово, только Игорь Захарович меня понимал. — Затем, наверное, воспоминание тех дней дались ему тяжело, он, протянув бутылку Комарову,

— Наливай, — сказав, обнял Романова. Выпив очередной бокал коньяка. — Рассказывай, — спрашивая у Романова, — что привело тебя ко мне?

Генерал лейтенант Романов стал рассказывать Маршаллу о Герхарде, и в конце своего рассказа,

– Жаль будет парня товарищ Маршалл, если после всего того, что он сделал для нашей победы, незаслуженно и несправедливо пострадает...

Тут же попросил обратиться к Маршаллу, генерал Армии Комаров,

– Товарищ Маршалл Советского Союза, помните, в январе 1943 года под Сталинградом, я был тяжело ранен?

– Да, помню, – ответил Маршалл,

– Меня тогда с того света вытащил именно он, этот врач Ганс.

– Да ты что? – удивился Маршалл,

– Да, товарищ Маршалл, благодаря ему и жив Дмитрий Сергеевич, – подтверждая его слова, сказал Романов. – Товарищ Маршалл Советского Союза, если позволите, не нужны мне погоны с очередным званием, прошу Вас, лучше помогите ему. – Сказав, генерал Романов отвел от Маршалла свои глаза.

– Полно, полно тебе Игорь Захарович, и погоны ты получишь, и немцу твоему помогу, ты только не переживай. – И нажав на кнопку, позвал своего адъютанта. Когда он вошел, Рокоссовский обратился к Романову,

– Игорь Захарович, бумаги немца у тебя?

– Так точно товарищ Маршалл Советского Союза, – сказал он и протянул ему папку. Взяв ее, Маршалл обратился к адъютанту,

– Климов, слушай меня, вот тебе документы и данные на

немца Ганса, фамилию придумаешь сам, только смотри, не вздумай написать Гитлер, – и расхохотался, а затем, серьезно взглянув на адъютанта. – Этот немец немало сделал для нашей победы, спас тысячи жизней наших солдат. В том числе генерала Армии Комарова, – и указал на него. – Вот тебе мой приказ, сделаешь на его имя такие документы, чтобы комар носа не подточил. Следующее, подготовь приказ о присвоении внеочередного звания генерал полковника Романову Игорю Захаровичу, и принеси ко мне на подпись. Тебе все ясно?

– Так точно, товарищ Маршалл Советского Союза, – ответил ему адъютант.

– Свободен, – сказав ему, Маршалл обратился к Романову. – Извини Игорь Захарович, погоны твои обмыть я не смогу. Мне надо срочно ехать к Верховному, а оттуда в Берлин. Когда туда приедешь, непременно обмоешь, и мы это дело отметим. Согласен? – положив ему на плечи руки, сказал Маршалл,

– Да, конечно согласен товарищ Маршалл Советского Союза, – сказал генерал Романов,

– Тогда добро, ступайте, – а затем обращаясь к генералу Армии Комарову, – Где остановился Игорь Захарович? – спросил.

– У меня товарищ Маршалл, – ответил Комаров.

– Добро, после обеда приедешь и заберешь документы на этого немца.

– Разрешите обратиться товарищ Маршалл, – попросил Романов,

– Да, конечно, что еще?

– Товарищ Маршалл, мы забыли о назначении Ганса, вернее о его прикреплении к нашему госпиталю.

Тут же Рокоссовский позвал адъютанта,

– Сейчас к тебе генералы подойдут и подробно расскажут к какой части надо прикрепить того немца. Приготовь приказ о его отправке в составе той части в Западную Группу Войск. Все ясно? Тогда ступай.

Рокоссовский, проводил их до двери, и еще раз напоследок обняв,

– Давай Игорь Захарович, увидимся в Берлине,

Попрощавшись с Маршаллом, генералы подошли к адъютанту и подробно рассказали ему к какой части надо прикрепить немца.

– Когда нам подойти за ними? – спросил Комаров,

– Как только будут готовы, я занесу к Вам в кабинет товарищ генерал Армии, – ответил адъютант.

– Хорошо, – сказав, генералы вышли в коридор, и Комаров обратился к Романову,

– Слушай Игорь Захарович, моя машина в полном твоём распоряжении, водитель предупрежден. Вечером встретимся дома и обмоем твои погоны, а пока, сам понимаешь, служба, мне надо идти.

– Конечно, конечно, иди Дмитрий Сергеевич, за меня не

беспокойся, в Москве не впервой, не потеряюсь, встретимся дома, – сказав, Романов с водителем Комарова направились к выходу.

До самого вечера генерал лейтенант Романов вдоль и поперек проехался по Москве. Он в Москве не был аж с марта 1941 года. Ближе к вечеру, взяв букет роз для супруги друга, а так же конфеты, фрукты, несколько бутылок конька и водки, подъехал к дому друга. Когда он позвонил в дверь, ее открыл ему сам хозяин.

– Мы уже тебя заждались товарищ генерал полковник, – взяв с его рук цветы, – проходи, снимай шинель, там тебя уже ждут. – И взяв с его плеча шинель, – проходи, – сказал, а сам пошел за ним.

Когда, Романов зашел в гостиную, все присутствующие хором крикнув,

– Генерал полковнику Романову гиб-гиб ура, ура, ура, – и, подойдя, стали его поздравлять. Генерал Армии Комаров, по такому случаю, обзвонив, пригласил всех знакомых генералов. Среди них были и те, которых когда-то оперировал Романов. Тут генерал Армии Комаров скомандовал,

– Товарищи офицеры, – все генералы и несколько полковников встали встрой. Далее скомандовав. – Равняйся, смирно, равнение на, – сказав, обернулся к Романову,

– Приказом Верховного Главнокомандующего, за номером 102, Генерал лейтенанту медицинской службы товарищу Романову Игорю Захаровичу присвоить очередное воин-

ское звание Генерал полковника, подпись Сталин. А так же, Орден Отечественной Войны первой степени. – И, бросив орден и звездочки в стакан с водкой, протянул ему. Выпив водку и вынув изо рта, Романов достал орден и звездочки, выпрямился, и, встав смирно, громко произнес,

– Служу Советскому Союзу!

Все присутствующие хором крикнули трижды ура. И генерал Армии Комаров, подведя его на свое место и усаживая, тихо сказал,

– Обычно, это звание вручает лично товарищ Сталин. Маршалл Рокоссовский попросил его позволить это сделать ему. Верховный был не против. Выйдя от него, Маршалл твои погоны отдал мне.

Когда празднование началось, и уже несколько тостов было сказано, к Романову подошел адъютант Рокоссовского,

– Товарищ генерал полковник, а это, – протягивая ему именные часы, – лично от Маршалла Советского Союза Рокоссовского, – а также указал на ящики стоящие в углу. – Документы на вашего подопечного готовы, я их отдал генералу Армии Комарову, перед вылетом возьмете у него.

Услышав их разговор, генерал Армии Комаров, – улыбаясь, добавил,

– Ты, это Игорь Захарович прости, малость не удержались и парочку, нет, чуть больше, Маршальского коньяка мы уже выпили.

– О чем разговор Дмитрий Сергеевич, бери и ставь осталь-

ные, – взволнованно сказал Романов,

– Нет, больше трогать не будем, тебе еще долго отмечать. – Обнимая друга, сказал Захаров.

Почти до поздней ночи, вся честная компания обмывали генеральские погоны. А на следующее утро, генерал Армии Комаров проводил друга до военного аэродрома, и, посадив на самолет до Уральска, отдал документы Герхарда...

Книга 2

ГЛАВА 1. Радостная весть

Генерал полковник Романов, попрощавшись с другом, прошел на борт самолета. С аэродрома Москвы до Уральска время в пути заняло не более пяти часов. В Уральске, взглянув в иллюминатор, генерал полковник увидел прямо у взлётно-посадочной полосы свой служебный ЗИС. Поприветствовав водителя, он прошел к машине, а водитель с несколькими бойцами стал выгружать из самолета гостинцы, привезенные из Москвы. Дорога до дома генерала Романова заняла около полутора часов. Когда машина генерала подъехала и остановилась у ворот, Герхард, увидев его из окна, быстро выбежал на улицу. Не заметив его погоны, сходу подбежал и обнял генерала. Вот тут не успев произнести и слова, заметил погоны генерала. Мгновенно выпрямившись и встав по стойке смирно,

– Здравия желаю, товарищ генерал полковник! Разрешите поздравить Вас с присвоением очередного звания? – Затем пожав ему руку и вновь крепко обняв, сказал. – Вы так неожиданно уехали.

– Все прекрасно, лучшего я и не мог ожидать, бери сумки, дома обо всем расскажу.

Водитель генерала и Герхард, взяв чемодан, сумку и коробку Маршальского коньяка, направились в дом. За ними пошел и сам генерал. Зайдя домой, генерал отпустил водителя и сказал Герхарду, чтобы тот накрывал на стол. Пока Герхард это делал, сам снял шинель и стал вытаскивать из сумки гостинцы, переданные ему женой генерала Армии Комарова. Когда стол был уже накрыт,

– Разрешите обратиться товарищ генерал полковник? – прикладывая правую руку к виску, спросил Герхард,

– Вообще-то к пустой голове руку не прикладывают. Ладно тебе можно, валяй, о чем хочешь спросить?

– В приказе, который Вы получили перед отъездом, ничего не говорилось о присвоении Вам внеочередного звания.

– В этом виноват ты, сукин сын, – с улыбкой ответил генерал,

– Я? – удивленно переспросил Герхард,

– Ты, ты! А кого-нибудь видишь здесь кроме себя? – показывая по сторонам, сказал генерал. – Из-за кого я слетал в Москву, а?

– В Москву? Вы летали в Москву? – удивлялся Герхард,

– В Москву, в Москву, в Министерство Обороны, к Маршаллу Советского Союза, к самому Рокоссовскому. Ты помнишь генерала Армии Комарова?

– Нет, не помню. А он что приезжал к нам в госпиталь?

– А того узбека, азиата, старшего лейтенанта? Ты его оперировал, вернее это была твоя первая операция, – и отмахнувшись рукой. – Там под Сталинградом, в 1943 году.

– Его припоминаю, – сказал Герхард,

– Вот тогда ты с ним вместе оперировал генерал лейтенанта,

– Генерал лейтенанта помню, но Вы же говорите генерал Армии,

– Ах да, он сейчас генерал Армии, важная птица в Министерстве Обороны. Вот я о нем ночью и вспомнил, а утром не стал дожидаться, пока ты проснешься, поехал в аэродром, а оттуда полетел в Москву. Так вот, этот генерал Армии, когда я рассказал ему о тебе, вспомнил тебя. А потом вместе с ним мы зашли к Маршалу Рокоссовскому и рассказали ему о твоей проблеме. Благодаря ему, ты теперь Фридрих Клаузе, военврач в.ч. 23741, и направляешься вместе с личным составом госпиталя в Западную Группу Войск в Германию. А по ходу Маршал Рокоссовский вручил мне и очередное звание и Орден Отечественной войны первой степени, именные часы и две коробки французского коньяка, чтобы я их обмыл. Знаешь Герхард, по моему, Бог и на самом деле есть, если он тебе так помогает. – И крепко его обнял. Тут Гер-

хард, с проступившими к глазам слезами,

– Товарищ генерал, я никогда в жизни не забуду Вашу доброту, буду помнить об этом, до конца своих дней, – сказав, поцеловал его.

– Хватит сантиментов, нам надо не нюни распускать, а праздновать победу. Что нужно делать для этого? Правильно, пить! Причем Маршальский коньяк, что он зря нам его дал? Наливай, мы с тобой сегодня должны нажраться. Ты меня понял? Потому что для этого у нас с тобой есть подходящий повод, теперь тебя никто не сможет остановить, и скоро будешь свободен.

Два дня генерал Романов и Герхард обмывали погоны и документы Герхарда. На третьи сутки приехал его заместитель полковник Смирнов. Зайдя в дом, он доложил, что пришел приказ командования округа о том, что госпиталю в течение пяти дней прибыть всем личным составом на станцию для дальнейшей отправки в Западную Группу Войск в Германию.

Отправив Смирнова обратно в часть с приказом подготовки всего личного состава к передислокации, позвал Герхарда,

– Ну, что ж Герхард, видимо отпуск наш подошел к концу, собирай вещи, скоро поедем, – сказав, генерал пошел и сам готовиться в дорогу.

Через час они были уже готовы, чемоданы собраны, вещи упакованы. Генерал, сев на стул, предложив и Герхарду,

– По русским традициям, когда едешь в дальнюю дорогу, обязательно надо присесть на дорожку. – Немного посидев, – Ну, что ж, ничего не забыли, – оглядываясь по сторонам, – еще не известно, когда вновь вернемся обратно. – И взглянув на Герхарда, – ты точно больше не приедешь? – немного взгрустнули. – А может это и к лучшему, – и они поехали.

Уже на четвертые сутки после проверки особого отдела были получены выездные документы, а на следующий день весь личный состав госпиталя был уже на вокзале. Погрузившись в вагоны, тронулись в путь. Когда состав приближался к границе СССР, Герхарда охватили волнение и страх. Вдруг пограничники догадаются, что документы, привезенные генералом Романовым, фальшивые. А может кто-то в госпитале недолюбливал его, и выдаст, такое же часто случалось. И вот, дошла очередь и до Герхарда. Офицер, проверявший его документы, пристально вглядываясь то на него, то на его военный билет, строго спросил,

– Фамилия и имя?

– Фридрих Клаузе, – с дрожью ответил ему Герхард,

Но волнения его были напрасны, документы были безупречные и мало того, в них прикладывалась бумага выданная Министерством Обороны, где говорилось. – В связи с потерей памяти, связанной с тяжелой контузией, военврачу Гансу, присвоено имя и фамилия Фридрих Клаузе. – На бумаге была подпись Маршалла Советского Союза Рокоссовского.

– Счастливого пути, товарищ Фридрих, – сказал и, отдав ему честь, офицер пошел дальше.

Как только эшелон тронулся, и государственная граница Советского Союза осталась позади, Герхард, зайдя в купе генерала и крепко обнимая его,

– Спасибо, спасибо, Игорь Захарович, товарищ генерал полковник!

– Все нормально сынок, скоро ты будешь уже дома. Только не расслабляйся, нам еще предстоит пройти контроль в Берлине, а там тебе больше ничто не будет угрожать, – потцовски обнимая его, сказал генерал.

Когда эшелон прибыл на вокзал Берлина, взглянув в окно, Герхард увидел, как перрон был оцеплен солдатами в форме особистов. Возле каждого вагона встали офицер и двое автоматчиков. Как только открылись двери вагонов, они прошли внутрь. История, приключившаяся с Герхардом на границе, повторилась, но на этот раз понадобилось подтверждение генерал полковника Романова. И когда были улажены все формальности с документами, им было дано добро к высадке. Только тогда, когда они прибыли в расположение своей части, Герхард наконец успокоился и вздохнул полной грудью. Вечером того же дня, лежа в своей кровати, он не заметил, как крепко уснул, и до самого утра не просыпался. Его можно было понять, умиротворение души, родной воздух, наверное, подействовали на него так, что он проспал общее построение личного состава и последующее за ним собрание.

Проснувшись, неожиданно для себя заметил, что кругом была тишина и не просто тишина, а необычайная, неповторимая для восприятия слуха. Сев на кровать и протерев свои глаза, смачно потянувшись, взглянул на свои часы. Время было четверть десятого. Как раз в это время в актовом зале госпиталя должно было идти собрание. На собрании должен был выступать командир дивизии генерал майор Петровский.

Быстро вскочив с места, наскоро умылся и побежал в актовый зал. Герхард как можно осторожней открыл дверь и тихо уселся за ближайший стул. Несмотря на все его старания, начальник госпиталя генерал полковник Романов заметил это. Не придавая значения, не стал прерывать свое выступление. Собрание продолжилось еще два часа, по ходу которого выступил и комдив Петровский. После собрания, генерал Романов, проходя мимо него, попросил его зайти к нему и когда Герхард вошел,

– Что доктор Клаузе, на вас подействовало дуновение родных краев? Что ж вы безответственно относитесь к собранию и опаздываете? – спросил строгим голосом у него генерал.

– Простите товарищ генерал полковник. У меня такое случилось впервые, больше не повторится, – стал оправдываться Герхард.

А генерал, видя его волнение, успокаивая его,

– Ты что думаешь, я не был молодым? Не переживай, я просто пошутил, все нормально. С того самого времени, как

мы приехали, у нас не было времени поговорить, вот почему я тебя пригласил. Самое главное, нам удалось тебя вывести из Союза, а остальное ерунда. Теперь нам надо придумать, как вырваться в Австрию, к тебе на Родину. Недели две это сделать вряд ли нам удастся. В течение этого времени нас будут проверять особисты. Так что тебе придется набраться терпения как минимум пятнадцать, а то и двадцать дней. Там глядишь, все наладится, они ослабят свою бдительность, а к тому времени мы с тобой придумаем повод и твой маршрут.

– Товарищ генерал полковник, еще раз хочу Вас поблагодарить за все. То, что я нахожусь здесь, недалеко от своего дома, что у меня скоро появится возможность увидеть своих родных, это Ваша заслуга...

– Ты это, хватит меня благодарить, не заслужил бы, я и пальцем не пошевелил бы, а так, моя Родина в долгу перед тобой, в долгу и те, кому ты спас жизни. Да и человек ты хороший, грешно не помочь такому. Сам же говоришь, что бог все видит.

– Да Игорь Захарович, бог есть, и он все видит. Вот увидите, когда-нибудь и к Вам на помощь он придет. Пусть это произойдет в Ваших хороших начинаниях, а не в беде.

– Ладно, спасибо тебе на добром слове, ступай и будь всегда начеку.

– Есть, быть всегда начеку, – сказав, Герхард ушел.

Почти каждый день на протяжении двух недель, Герхард не вылезал из операционной. Каждый день поступали ра-

ненные, подорвавшиеся на минах, во время разминирования неразорвавшихся мин и авиабомб, в основном все они были саперы.

Однажды, группу саперов в пятом часу утра отправили на разминирование авиабомбы в парке Берлина. Туда выехали трое саперов, командиры взводов, старший лейтенант Родионов, лейтенант Сапрыкин и сержант Федоров, а так же отделение охранения. Прибыв на место и оцепив район, саперы стали внимательно осматривать бомбу. Тут лейтенант Сапрыкин стал возмущаться Федорову,

– Что ты ее разглядываешь как девицу, бомба есть бомба, вынь взрыватель и детонатор.

– Но товарищ лейтенант, а если это мина ловушка... – не успел сказать Федоров,

– Какая ловушка, оглянись вокруг сержант, немцы у себя в парке, в людном месте оставят мину ловушку? Ее точно сбросили англичане, вот она и упала сюда, – потом грубо отталкивая его. – Ты это, займись оцеплением периметра, а я сам ее обезврежу.

Не успел лейтенант поменяться с Федоровым, как тот, прыгая на него,

– Ложись, мина ловушка, – успел крикнуть он.

Раздался невероятной силы взрыв. На месте, где только что лежала мина, образовалась огромная воронка. Сержант Федоров и несколько бойцов из оцепления погибли на месте. Из-за того, что Федоров успел своим телом накрыть лейте-

нанта, он был жив, но тяжело ранен. Так же старший лейтенант Родионов, получил множество осколочных ранений, но был еще жив. Всех раненных быстро доставили в госпиталь.

Герхард, осмотрел их, и определив степень тяжести ранения, понял, что ранения Родионова были очень тяжелые. Сапрыкина и остальных раненных увезли в другие операционные палаты и тут же о случившемся доложили начальнику госпиталя генерал полковнику Романову.

Через сорок минут после начала операции, в кабинет генерала без стука вошли три человека, подполковник и двое в штатском. Когда генерал попытался выяснить, что здесь происходит, подполковник представился,

– Подполковник особого отдела контрразведки Армии, Васильев. А эти товарищи, старший следователь Мальцев и следователь Бородин.

– Слушаю вас, чем может заинтересовать особый отдел наш госпиталь?– с волнением, стоя за столом, спросил генерал,

Старший следователь Мальцев, подойдя к его столу и оперившись за него руками, и глядя в упор в глаза генерала,

– Что ж вы занервничали, товарищ генерал, аль есть, что скрывать? – язвительно спросил он.

– Мне нечего от вас скрывать, если у вас есть, что, говорите и нечего ходить вокруг да около, – зло сказал генерал.

– Вы, это, можете позвать вашего врача Фридриха Клаузе, или, как его там, Ганс? – пронизывая его глазами, произнес

Мальцев.

– Фридрих Клаузе в данное время находится в операционной и проводит тяжелейшую операцию. Он борется за жизнь офицера Советской Армии, – специально делая упор на словах, произнес генерал.

– А, что, некем его заменить?

– Вы, наверное, идя по коридору, видели ожидающих своей очереди раненных солдат. В парке Берлина на бомбе подорвалось много бойцов, врачей мы распределили на тяжелораненных. – Тут генерал опять занервничал, заметив это Мальцев,

– Нет, явно он что-то скрывает от нас, я чувствую его продажную шкуру,

– Слушайте вы, – хотел было вскочить с места генерал, как до сих пор молча сидевший Бородин, вскочив с места и яростным взглядом,

– Сядьте генерал, и советую вам даже не дергаться, не то мы вам быстро рога пообломаем. Пока мы общаемся с агентом немецкой разведки Фридрихом Клаузе. А потом и до вас очередь дойдет, тогда вам придется ответить, как советский генерал по подложным документам помог сбежать агенту немецкой разведки за границу.

Все, это конец, подумал генерал. Находясь в шаге от дома, по доносу кого-то из персонала госпиталя, Герхард угодил в лапу этих подонков. Если они его возьмут, живым уже не выпустят. Анализируя сложившуюся ситуацию, генерал по-

нимал, в любом случае, даже если они Герхарда возьмут, самого ждет та же участь. Не избежать и ему застенок особого отдела. Значит надо сделать так, чтобы к ним попал один из них. Но как это сделать? Герхард в операционной, а его они вряд ли выпустят. Размышляя над тем, как помочь бедному Герхарду, генерал молча сидел за столом. Тишину прервал подполковник,

– И долго будет продолжаться операция? – ворочая ручку в стакане, спросил он,

– Ранения очень тяжелые, я думаю не менее трех часов, Как раз в это самое время, увидев осколок у сонной артерии, Герхард собирался его вытащить. И вдруг его руки перестали слушаться и задрожали. Не понимая ничего, он попросил ассистента это сделать за него, но у него ничего не вышло. Каждая минута была дорога, срочно надо было удалить осколок, в противном случае офицер мог погибнуть.

А в кабинете генерала опять в разговор вмешался Мальцев,

– Раз нам надо ждать, генерал, может прикажите адъютанту, пусть принесет чай и что-нибудь к нему. Тогда мы можем его подождать, нам некуда торопиться. – С насмешкой произнес он.

Когда посетители генерала сидели и пили чай, в кабинет вошла медсестра Фролова.

– Товарищ генерал полковник, срочно в операционной требуется Ваша помощь, старшему лейтенанту стало плохо.

Обратившись к своим посетителям,

– Вы позволит? – спросил у подполковника.

Приложив свой палец к губам, Бородин, ехидно сказал генералу,

– Вы это, не вздумайте предупредить, понимаете о ком я говорю? Это не в ваших интересах, – предупредительно сказал он, и указывая пальцем, сказал генералу иди.

Выйдя в коридор, прямо у своих дверей генерал увидел двух автоматчиков. Увидев, что он куда-то направляется, один из них пошел за ним. Подойдя к двери операционной, обернувшись, генерал зло сказал,

– Может быть, и в операционную вместе зайдете?

Солдат остался за дверью, войдя в операционную, генерал попросил медсестру, чтобы она передала водителю записку. В ней было написано, чтобы он скрытно подъехал к черному входу, посадил Герхарда, и отвез его к Австро-Германской границе. Еще было дописано, – свою машину не трогай, а возьми из гаража другую, и еще, сынок, постарайся, чтобы тебя не заметили особисты. – Затем, продезинфицировав свои руки, заменил Герхарда и продолжил операцию. Вытащив осколок, прооперировал место ранения и приказал ассистенту его зашить. Сам, резко схватив Герхарда, потащил к черному входу. Ничего не понимая, Герхард, вдруг стал оправдываться,

– Товарищ генерал полковник, простите, я не знаю почему, руки сами вдруг задрожали...

– Я знаю почему. Слушай меня и запоминай. Документы твои с собой?

– Да, вот они. Вам отдать? – сказав, он их протянул генералу.

– Нет, держи их при себе. К себе не иди, сейчас выйдешь через черный ход, там тебя ждет мой водитель. Он обо всем предупрежден, отвезет тебя до границы Австрии. Беги сынок, – сказав, генерал толкнул его. Ничего не понимая, Герхард, спросил,

– Что происходит, почему мне надо бежать?

– За тобой пришли. Кто-то отправил донос в особый отдел, и вот они тебя ждут в моем кабинете.

И тут Герхард возмутился,

– Как это? Вы должны за меня пострадать? Что за всю Вашу доброту я должен отплатить побегом, за, что Вас непременно накажут? Нет, Игорь Захарович, я не позволю Вам этого делать! – сказав, он направился к выходу.

Генерал, резко схватив его и дернув,

– Ты в своем уме, неужели до тебя не доходит. Возьмут тебя или нет, от этого ничего не изменится. За то, что я вывез тебя из страны под чужим именем, мне грозит трибунал. Скажи мне, раз так, почему должно мы оба пострадать? Понимаешь Герхард, ты мне стал как родной сын, и когда-нибудь женившись, поймешь меня, каково отцу спасти сына. Пойми, я полюбил тебя как сына, и теперь не позволю этим подонкам убить его. За меня ты не беспокойся, сам говорил,

господь не оставит меня.

Тут Герхард заплакал и крепко обнял его,

– Сынок, у нас нет времени, я могу их задержать час, другой, лучше поторопись, – сказал, и пожав ему руку, генерал оттолкнул его от себя и сам вернулся обратно в операционную.

Когда водитель генерала, оставив Герхарда у дороги, вернулся в госпиталь, поставил машину и побежал предупредить генерала, то увидел, как его без погонов в наручниках под конвоем выводили из госпиталя...

ГЛАВА 2. Дорога домой

У Герхарда иного пути не оставалось, и он, как попросил генерал, выбежал во двор через задний ход. Увидев водителя генерала, подбежал к нему. Водитель попросил его,

– Товарищ военврач, пригнитесь и пока мы не покинем территорию гарнизона, не высовывайтесь, – строго наказал ему.

– Хорошо, – ответил Герхард и лег на заднее сидение.

Через час они были на немецко-австрийской границе. Проехав еще минут сорок, оказались у небольшой деревушки. Остановив у обочины машину, водитель генерала сказал,

– Товарищ военврач, извините, дальше я не могу поехать, срочно мне надо возвращаться.

Быстро выйдя из машины, Герхард, переживая за него,

– Да, конечно, езжайте поскорее, и Саша, будьте осторожны, – сказал ему он.

После того, как резко развернувшись, машина генерала уехала, Герхард у дороги просидел долго. По дороге, кроме военных машин, другие не проезжали. И когда на часах показывало два часа дня, вдали показался силуэт приближающейся легковушки. Увидев ее, Герхард стал отчаянно махать руками, в надежде остановить ее. Машина, включив правый поворотник, притормозила возле него. Открыв дверь, он чуть ли не умоляя спросил у водителя,

– Извините, пожалуйста, вы случайно не в Зальцбург едите,

– Нет не в Зальцбург, а в Ганновер. Хотя, вы можете доехать со мной до Мюнхена, а оттуда вам до Зальцбурга, рукой подать.

Поблагодарив его за любезность, Герхард сел в переднее сидение. Переживая за судьбу генерала, задумавшись, он мыслями ушел куда-то. Так незаметно прошли полчаса, тишину нарушил мужчина за рулем.

– Из плена? – спросил он.

– А почему вы так думаете? – удивился Герхард.

– На вас русская форма, если не из плена, то откуда она у вас?

– Вы догадливый. Вроде того,

– Это, как вроде того?

Герхард больше часа пути ему рассказывал о своей ис-

тории. Слушая его, незнакомец то восторгался, то, как бы впадая в ужас, нажимал на тормоза. И когда до поворота в Зальцбург оставалось несколько километров, незнакомец спросил,

– А вы помните свой дом,

– Дом не помню, но девушку, которая бежала за нами помню. Если она моя родная сестренка, значит дом, от которого она побежала и есть мой дом.

– А, как зовут ваших родителей?

– Доктор Карл фон Штаубе.

Услышав это имя, незнакомец, резко нажав на тормоз, громко расхохотавшись и схватив Герхарда за плечо,

– Доктор Карл фон Штаубе, Карл и есть ваш отец?

– Да, а что, вы его знаете? – с надеждой спросил у него

Герхард.

– О, да, еще, как знаю, – и, протягивая ему руку, – с вашего позволения, доктор Артур Розенкирхен, – и вновь расхохотавшись. – Вы, что меня не узнаете? Я же раньше, когда вы еще жили в Берлине, к вам часто приезжал. А ваш любезный батюшка мой давнишний закадычный друг. Правда, с тридцать девятого мы с ним не виделись, ну ничего, эту ошибку сегодня мы исправим. – И не останавливаясь, свернув налево, поехал в Зальцбург.

– Вы, что дядя Артур, разве в Ганновер не поедите? – поинтересовался Герхард.

– Какой Ганновер, друг мой. Я собственноручно вас пере-

дам моему другу Карлу, – и тут же вновь расхохотался,
– А почему вы опять смеётесь? – удивленно спросил Герхард.

– Как почему, неужели вы не понимаете?

– Нет,

– Ведь отец вас похоронил. Вернее, думает, что вы погибли в 1943 году, так? А вы вот, живой и невредимый, а кто ему эту новость первым сообщит? Я, его близкий друг Артур, – радостно он сказал.

– Отец знает, что я жив,

– Как знает? – с досадой переспросил его

– К нему приезжал мой друг, вернее он случайно оказался у нас дома.

– Жаль, ах как жаль. Очень хотелось обрадовать старину Карла такой замечательной для него новостью, – и немного помолчав. – А он знает, что вы едете домой?

– Нет, не знает. Думает, что я еще в Манчжурии, это в Китае.

– Прекрасно, молодой человек, просто замечательно. Сделаем так, когда мы подъедем к вашему дому, вы посидите в машине. Сами понимаете, весть желанная, не подготовившись, услышав, у человека может сердце не выдержать. Я ведь тоже доктор, и можете мне доверять, эту новость другу я преподнесу аккуратно.

– Хорошо дядя Артур, я согласен, – ответил ему Герхард,

– Прекрасно, так и сделаем, – сказал доктор Розенкирхен,

Когда они доехали до дома доктора Штаубе, на улице было светло. Доктор, еще раз наказав ему из машины не выходить, сам пошел в дом и постучал в дверь. Ее ему открыл сам доктор Штаубе, и увидев друга у порога, он обрадовался, и обнимая его спросил,

– Дорогой Артур, что ж ты стоишь у порога, проходи в дом, – и приглядевшись на него.– И сколько ж мы с тобой не виделись?

– С тридцать девятого года, – а затем, схватив друга. – Пойди Карл, мы еще успеем зайти домой, лучше пойдем к моей машине, там для тебя есть отличный подарок. – И схватив друга за локоть, повел к машине, и по пути спросил. – Я надеюсь, с сердцем у тебя все в порядке,

– А что? – Немного волнуюсь, спросил доктор Штаубе,

– Думаю, увидев мой подарок, ни у каждого сердце может выдержать. По крайней мере, мое точно не выдержало бы.

– Ты меня пугаешь Артур, нельзя было обо всем поговорить дома.

– Карл прошу тебя, ты только не волнуйся, ты же сильный и мужественный человек, – сказал он и попросил друга остановиться у калитки и повернуться спиной. Доктор Штаубе, ничего не понимая, сделал так, как просил его друг. Господин Розенкирхен подойдя к машине, открыл дверь и попросил Герхарда выйти из нее и подойти к отцу.

Герхард, еле-еле от волнения переставляя свои ноги, подойдя к нему сзади, нерешительно обнял его и тихо произ-

нес,

– Здравствуй, папа!

Услышав голос сына, у доктора Штаубе подкосились ноги, и он чуть не упал. Герхард удержал его. Обернувшись, увидел сына заплакал, и обнимая его,

– Герхард, сынок, ты жив, ты вернулся, – сильно рыдая, крепко прижал сына к своей груди.

Видя эту сцену, друг отца доктор Розенкирхен обнял их, и его глаза прослезились. Так они простояли еще некоторое время. Затем немного успокоившись, схватил сына за руки и потащил домой.

– Пойдем, пойдем, скорее, домой, – дрожащим от волнения голосом сказал. И взглянув на друга, протянул ему свободную руку, – Артур, родной, ты что остановился? Дай мне свою руку, – и, взявшись за нее, – пойдем, пойдем со мной. Ты сделал для меня самый дорогой подарок, о котором мог бы я мечтать. Я его возвращение не скоро ждал, а тут вон как получилось. Мой сын дома и его мне привез мой друг. – Похлопав друга по плечу, повел их домой. Войдя в дом, Герхард спросил отца,

– А где Луиза?

– Значит, вспомнил нас? – радостно спросил его отец.

– Нет, не вспомнил, – опуская свою голову, сказал он.

– Тогда, как ты нас нашел, откуда помнишь Луизу? – в сердцах спросил доктор.

– У Вас на постое был мой друг, капитан Соколов. Он мне

передал фотографии и клинок, который Вы мне прислали.

– Так значит, капитан сдержал свое слово и нашел тебя.

– Да, там, в Манчжурии он был тяжело ранен и попал к нам в госпиталь. А когда пришел в себя, мне обо всем рассказал. И еще, Армия, к которой был прикреплен наш госпиталь, освобождал Австрию, и госпиталь располагался в муниципальной больнице Зальцбурга. Когда мы направлялись на Восток, колонна проезжала по Вашей улице, и я у калитки видел Луизу. Она тогда бежала за нами, но, к сожалению, я ее не узнал. – Виновато опустив голову, сказал Герхард.

– Это все пустяки, самое страшное уже позади, главное ты дома, а память со временем восстановится. Только не переживай и не чувствуй себя виноватым. Во всем виновна эта проклятая война, – обнимая сына, сказал доктор. Затем обращаясь к другу, – Артур, дорогой мой друг, никакие отказы не принимаются, ты остаешься у меня. Загоняй машину во двор, и пока я этого тебе не разрешу, поживешь у меня, договорились.

– О чем речь мой друг, – похлопывая своей рукой руку друга, – я свободный человек, один на этом белом свете. Так, что я полностью в твоём распоряжении и пока ты меня сам не выгонишь, никуда не уйду.

– Прекрасно, договорились! – доктор Штаубе обнял друга.

Когда они накрывали на стол, во двор вошли Луиза с Арнольдом, и, увидев машину господина Розенкирхена, Луиза

вслух подумала,

– Кто бы мог приехать к нам?

– Наверное, друг твоего отца, – сказал ей Арнольд.

– Нет, машины друзей отца я знаю, а эту никогда раньше не видела, – и она быстро побежала домой. Зайдя в дом, она услышала, как отец с кем-то оживленно беседует в гостиной. От любопытства заглянув туда, неожиданно увидела молча сидевшего, между отцом и каким-то незнакомцем, брата.

– Герхард! – крикнув, влетела в гостиную. – Живой, живой, ты вернулся, – крепко прижавшись к нему, обернулась назад и позвала Арнольда. – Арнольд иди сюда скорее, посмотри, Герхард вернулся, живой, – полных слез глазами произнесла она.

Зайдя в комнату, Арнольд подошел к Герхарду и крепко его обнял, а затем пожал ему руку, обнимая доктора Штаубе,

– Поздравляю Вас, дядя Карл! С возвращением Вашего сына Герхарда, – а затем, поздоровался с доктором Розенкирхеном, и поклонившись им сказал,

– Я побежал домой, обрадую Эльзу и Саида, мы скоро будем, – ушел.

Луиза стала накрывать на стол. Услышав радостную весть, Эльза с Саидом стали загружать на подводу гостинцы. Когда подвода была загружена, втроем поехали к ним. Первой вошла Эльза, поздоровавшись с Герхардом, пошла на кухню, помогать Луизе. Арнольд с Саидом, остались выгружать гостинцы. Саид взял две корзины и вошел в дом, а за ним во-

шел и Арнольд. Оставив корзины на кухне, Саид поздравил Луизу с радостным событием и пошел в гостиную. Герхард увидел его первым, и из-за того, что за день впервые встретил знакомого человека, вскочив с места, направился к нему. И радостно произнес,

– Саид, живой! Как ты здесь оказался? – И, подойдя к другу, крепко обнял его.

– Как видишь, судьба так распорядилась, – и обнимая его, – теперь я здесь навсегда. Короче, обо мне потом. Подожди, я сейчас поздороваюсь с отцом, а потом поговорим, хорошо? – сказав, он подошел к доктору Штаубе, и обнимая его. – Папа поздравляю Вас с возвращением Герхарда! – а затем, когда он здоровался с другом отца,

– Артур, знакомься, это мой сын Саидходжа, а для близких просто Саид,

– Сын? – удивился доктор Розенкирхен,

– Да, он мой сын. Господь, когда я думал, что мой сын Герхард погиб, мне послал его. И я от всей души благодарю Господа за то, что он мне его дал. – Когда эти слова произносил, его глаза покраснели.

Затем извинившись Саид, Герхард и Арнольд пошли во двор. Там Саид спросил друга,

– Ну, рассказывай, как ты?

– Как видишь хорошо, с божьей помощью, поскитавшись, проехав вдоль и поперек полмира, оказался дома, среди родных.

– Значит, все вспомнил, раз ты нашел свой дом?

– Нет, к сожалению, пока ничего не вспомнил.

– Тогда, как ты его нашел?

– Благодаря Игорю Соколову, твоему закадычному другу, не забыл ты его.

– Леший все-таки нашел тебя?– рассмеялся Саид,

– Это я его нашел, он попал к нам в госпиталь после тяжелого ранения. И там мне обо всем рассказал.

– Как же не везет ему с ранениями.

Тут их позвал отец,

– Молодежь, идите в дом, стол накрыт, все вас ждут. Пора нам отмечать возвращение Герхарда.

До самого утра они праздновали возвращение сына. А на следующий день, пригласив всех своих друзей, гуляли еще несколько дней. Теперь душа доктора Штаубе была спокойна, мечты, надежды, ожидания его сбылись и ему очень хотелось жить и радоваться этой жизнью...

ГЛАВА 3. Самопожертвование

Генерал полковник Романов, отправив Герхарда, направился в штаб дивизии, оттуда позвонил в Москву, в Министерство Обороны, адъютанту Маршалла Рокоссовского, полковнику Климову. Сняв трубку, полковник Климов узнал Романова,

– Слушаю Вас товарищ генерал полковник, – сказал. Ко-

гда Романов изложил сложившуюся ситуацию, – я Вас понял товарищ генерал полковник. Но Маршалл Советского Союза Рокоссовский и генерал Армии Комаров, в данное время с инспекцией находятся в Западной Группе Войск. Я постараюсь сегодня же их найти и передать Вашу просьбу.

– Не забудь сынок, это важно. Если он не успеет, сам понимаешь, что может произойти, – и положил трубку.

Когда отведенные три часа для операции прошли, следовательно Мальцев заподозрив неладное, вскочив с места, выбежал в коридор. Там стоял один часовой,

– Где второй? – поинтересовался у него Мальцев,

– Пошел с генералом,

– Следуй за мной, – приказав часовому, он направился в операционную.

Подойдя туда, увидел стоящего у дверей второго часового.

– Ты, что здесь стоишь, где генерал? – в ярости спросил у него.

– Он там, делает операцию, еще не выходил, – с испугом ответил часовой.

Не успел открыть дверь в операционную Мальцев, как она открылась сама и от туда появилась, уставшая после операции военврач Самойлова. Увидев ее, Мальцев крикнул на нее,

– Где Романов, где Клаузе?

Самойлова с испугу, сказала,

– Два часа тому назад они вместе куда-то ушли,

– Как ушли, куда ушли? – Стал в ярости кричать Мальцев.

– Мне они не сказали, – от испуга прижавшись к стене, промолвила Самойлова.

– Быстро за мной, – скомандовав часовым, побежал к кабинету.

Забежав в кабинет, он ударил кулаком по столу и крикнул остальным,

– Мы упустили их, они сбежали,

Вскочив с места, подполковник Васильев хотел было наброситься на часовых, в кабинет вошел генерал. Увидев его, Мальцев подбежал и схватил его за шиворот, и тряся, стал кричать,

– Где твой Клаузе, куда ты его спрятал?

– Тебе, тыловой крысе, теперь его не достать, – со злостью и усмешкой, сказал генерал.

Не выдержав издевательской насмешки, следователь Мальцев со всего маху ударил его по лицу. Генерал от удара отлетел в угол кабинета и упал на пол. Не успел он поднять свою голову, как на него пинками налетели остальные. Вдоволь выплеснув свою ярость, они усадили его за стул. Отхаркивая вырывающуюся изо рта кровь на пол, генерал снова усмехнулся над ними,

– Поздно, тыловые крысы, поздно..., – не успел договорить генерал, как его вновь швырнув на пол, продолжили экзекуцию.

Сколько они измывались над ним, генерал уже не помнил, то терял сознание, то приходил в себя. Тут подполковник Васильев, остановив своих,

– Хватит, нам еще его до базы довести надо. Вы что хотите его труп вести? – А затем приказал часовым привести генерала в чувство и сорвал с него погоны и ордена. Приведя в чувства, особисты надели на руки генерала Романова наручники и повели на выход.

Как раз в тот день, генерал Армии Комаров, по поручению Маршалла Рокоссовского вылетел в Москву. Когда он пришел в Министерство Обороны, к нему явился адъютант Рокоссовского полковник Климов и зайдя в кабинет,

– Разрешите товарищ генерал Армии? – спросил он. И получив добро, рассказал ему о случившемся.

– Маршаллу сообщил?

– Никак нет товарищ генерал Армии, сегодня собирался это сделать.

Затем Комаров позвав своего адъютанта подполковника Свиридова,

– Срочно соедини меня со штабом Западной Группы Войск, с Маршаллом Советского Союза Рокоссовским, – а затем поблагодарил полковника Климова и отпустил его.

– Слушаюсь, сказал Свиридов и стал набирать Берлин, и через несколько минут, – товарищ генерал Армии, на линии штаб Западной Группы Войск,

Когда Комаров поднял трубку, на другом конце провода

ему ответил дежурный офицер.

– Мне срочно необходимо поговорить с Маршаллом Советского Союза Рокоссовским, – спросил у него генерал Армии Комаров,

– Извините товарищ генерал Армии, Маршалл Рокоссовский в данное время отсутствует, он поехал с инспекцией по частям, и сегодня не будет. Вы можете позвонить завтра утром, Маршалл Рокоссовский к одиннадцати утра будет в штабе, так как на двенадцать назначено совещание.

На следующий день, адъютант Комарова, вновь позвонил в Берлин, когда трубку поднял Маршалл Рокоссовский, соединил с генералом Армии Комаровым,

– Что, Дмитрий Сергеевич, не успел приехать в Москву, уже соскучился по нас? – стал шутить Маршалл.

– Товарищ Маршалл Советского Союза, там, в Германии случилась беда, – с тревогой стал говорить Комаров,

– Какая беда, ты, что там несешь? Говори яснее, – недоумевая, сказал Маршалл,

Генерал Комаров подробно ему рассказал о генерале Романове, и в конце добавил. – Если Вы не вытащите его сегодня, завтра может быть поздно. Вы знаете, как эти... обращаются с генералами.

– Подонки, тыловые крысы. Личная подпись Маршалла Советского Союза для них ничего не значит? – сокрушаясь от ярости, говорил Рокоссовский. – Не переживай Дмитрий Сергеевич, я найду Игоря Захаровича, а этих в порошок со-

тру, – сильно сжав свой кулак, произнес Маршалл, – за Игоря Захаровича не беспокойся, знаешь, он и для меня дорог. Как его вытащу, мы вечером тебе позвоним, – и положил трубку.

– Шаповалов, – позвал своего помощника, – совещание перенеси на после обеда. Я сейчас уеду по срочному делу. Прикажи взводу автоматчиков сопроводить меня,

– Слушаюсь, товарищ Маршалл Советского Союза, – сказав, генерал майор Шаповалов, пошел исполнять приказ.

Через час, Маршалл Рокоссовский с взводом автоматчиков был уже в штабе особого отдела округа. Быстро влетев в здание, он сходу крикнул часовым,

– Где сейчас находится подполковник Васильев.

Его тут же повели в допросную. Там на полу весь в крови и в разорванной одежде лежал генерал Романов. А вокруг него с засученными рукавами стояли Васильев, Мальцев и Бородин. Не успел Васильев приложить руку к виску, как Маршалл со всего маху заехал ему по физиономии. Тот, отлетев в угол комнаты и ударившись о стенку головой, потерял сознание. Мальцев и Бородин попятились назад.

– Взять их, – приказал Маршалл своей охране.

Васильев, немного придя в себя, что-то невнятно стал бормотать, пытаясь оправдаться,

– Закрой свой поганый рот, гнида, – крикнул ему Маршалл.

В это время в допросную вбежал начальник спец подразделения смерш, полковник Артамонов. Прикладывая руку

к голове, только хотел доложить, Маршалл тут же сорвав с него погоны, крикнул,

– Этого в Сибирь к зекам,

– За что, товарищ Маршалл Советского Союза? – взмолился тот,

Взяв со стола документы на имя Фридриха Клаузе, несколько раз ударив ими по лицу Артамонова, и пальцем показывая на свою подпись в углу приказа,

– Тебе что, тыловая крыса, подпись Маршалла Советского Союза по барабану? – И взглянув на конвоиров, – этого в Сибирь! – жестко он им приказал. А затем, показывая на Васильева, Мальцева и Бородина, – а этих, без суда и следствия немедленно расстрелять.

Васильев, Мальцев и Бородин даже не успели открыть свои рты, как конвоиры, скрутив им руки сзади, поволокли в задний двор следственного изолятора. Пока их волокли туда, те визжали, рыдали и умоляли их пощадить. Стоя у расстрельной стены, они со страху обмочились в штаны, и услышали, – К ружью, целься, огонь. Раздались пронзительные выстрелы, и те, кто несправедливо пытал генерала Романова, понесли заслуженное наказание.

Тем временем, Маршалл Рокоссовский, сам пригнувшись, поднял с пола генерала Романова, а генерал,

– Товарищ Маршалл Советского Союза, я запачкаю кровью Ваш мундир, – еле выговорил. А Маршалл, крепко обнимая его,

– Мил ты мой человек, это лишь мундир. Прости меня, коль так вышло, – словно оправдываясь перед ним, сказал Маршалл.

– Прорвемся, товарищ Маршалл, – отхаркивая на пол кровь, заполнившую его рот, вновь тихо ответил генерал Романов.

– Врачей, носилки, – приказал Маршалл, – приведите его в надлежащий вид и привезите ко мне домой, – и, обернувшись к генералу Романову. – Игорь Захарович, извини, мне надо ехать, вечером увидимся дома, – сказав, Маршалл Рокоссовский уехал.

Вечером того же дня, вернувшись домой и зайдя, увидев Романова, в сердцах сказал,

– Как же тебе досталось от этих тыловых крыс, Игорь Захарович, – и обняв его. – Ну, ничего, мы им тоже ответили сполна. Теперь они будут знать, что до генералов Рокоссовского не стоит лезть.

И в правду, лицо генерала полковника Романова была обезображено до неузнаваемости. На нем живого места не было. Губы и нос распухли так, что он не мог до них дотронуться. Руки, ноги, да все тело ныло и беспокоило его. Но генерал не унывал, понимал, что самое худшее уже позади.

На следующий день водитель Маршалла привез к нему двух немецких врачей. И они с этого дня взялись за его лечение. Днем генерал возился с ними, а по вечерам, когда Маршалл возвращался домой, болтали с ним почти до утра.

Уже через шесть дней, благодаря немецким врачам отеки с лица генерала почти спали. Правда синяки еще остались, но теперь генерал мог самостоятельно кушать и главное жевать.

Вечером того же дня, Маршалл, спросил у него,

– Скажи мне Игорь Захарович, ведь ты знаешь настоящее имя того немца?

– Извините товарищ Маршалл, виноват, да я знал его настоящее имя и фамилию.

– Игорь Захарович, ты с Георгием Константиновичем, если не ошибаюсь на «ты»?

– Да, товарищ Маршалл,

– А почему со мной не хочешь брататься?

– Это как брататься?

– Ты со мной больше нахлебался в Лефортово, чем с Георгием. Но с ним ты на «Ты», а со мной на «Вы». Разве это правильно? Тем более ты намного старше меня. Короче, с этой минуты прекращай субординацию, ладно при Сталине обращайся, как к старшему по званию. Но в остальное время мы с тобой друзья, понял меня?

– Да понял,

– Ладно, а почему ты мне не сказал о том, что знаешь настоящее имя немца. Не доверял мне? – с обидой произнес Маршалл.

– Сам не понимаю, как так вышло. А не доверять тебе я не мог, я же знаю какой ты человек. И ты прав, мы действи-

тельно немало нахлебались вдвоем в сороковых. Наверное, глупо, хотел уберечь тебя от неприятностей.

– А зря, – с укором сказал Маршалл, и тут же добавил, – значит, ты, наверное, знаешь, где он живет и откуда родом.

– Да знаю, – виновато отвел свои глаза генерал.

– А хочешь с ним повидаться? – вставая с места, спросил у него Маршалл.

– Это возможно?

– Я сейчас, – сказал он и по телефону позвал коменданта гарнизона. Через пятнадцать минут тот был возле него. Приказав ему сесть, Маршалл спросил у генерала Романова. – Как у твоего подопечного настоявшее имя и фамилия?

– Герхард фон Штаубе, он из Австрийского Зальцбурга, – ответил генерал,

– Слушай меня генерал, – Маршалл обратился к коменданту гарнизона, генерал лейтенанту Фурцеву, – Выпиши все надлежащие документы на имя Герхарда фон Штаубе, военврача дивизионного госпиталя. Обязуй бургомистра Зальцбурга восстановить все утерянные его документы. Игорь Захарович, а представления к наградам у тебя?

– Нет, они были у Герхарда.

– Так, за спасения генерала Армии Комарова, Орден Красной Звезды, за Курскую дугу и Манчжурию, Орден Отечественной войны второй степени и Медаль за Отвагу, и конечно Медаль за взятие Берлина. – Тут Маршалл заметил, как покраснели глаза Романова,

– Ты что, Игорь Захарович, плачешь что ли?

– Нет, просто не знаю, как тебя благодарить. Ты очень великодушный человек, Константин Константинович, спасибо тебе за все!

– Дорогой ты мой друг, если что я делаю, то только для тех, кто действительно это заслужил. А твой немец достоин этих наград и нашего уважения. Так что, ты это прекращай, ему и наша Родина обязана. – Затем, обращаясь к коменданту гарнизона, – ты все понял?

– Так точно, – ему ответил комендант,

– Ступай, и чтобы через два дня все было на руках генерал полковника Романова. – Когда он ушел, Рокоссовский обнял друга, – может тебе еще что-нибудь надо, Игорь Захарович? Проси, не стесняйся.

– Константин Константинович, ты не мог бы позвонить командующему Дальневосточным Военным Округом, и попросить, чтобы они к нам отправили китайца Ли Бя Хо. Этот монах говорил Герхарду, что он может его вылечить на Родине.

– Да, конечно, позвоню обязательно, и твоего китайца доставят прямиком к тебе в Австрию. Через пару дней документы твоего немца будут готовы. Я отправлю к тебе машину, она будет в твоем распоряжении столько, сколько тебе понадобится. Обмундирование для тебя принесут завтра, ордена и медали твои при нем. Съезди к своему немцу, обрадуй его. Он знает, что тебя забрали особисты?

– Да знает,

– Значит, переживает, наверное?

– Да, конечно переживает.

– Давай Игорь Захарович, – поднимая свой бокал, – по последней выпьем, и я пойду отдыхать, чертовски устал.

Через день к десяти часам утра у порога дома Маршалла стоял комендант гарнизона, генерал лейтенант Фурцев. Часовой провел генерала в дом и зайдя, он, протягивая пакет генералу Романову,

– Товарищ генерал полковник, прошу Вас, – вручил ему пакет. – Здесь все, о чем просил Маршалл Советского Союза Рокоссовский.

Взяв пакет, генерал Романов поблагодарил его и предложил ему чашечку чая. Но генерал Фурцев сославшись на занятость, ушел. Проводив его, генерал Романов, открыл пакет и достал из него документы Герхарда. Вечером показал Маршаллу, и они всю ночь обмывали их. А затем Маршалл, извинившись куда-то вышел. Через несколько минут вернулся и протянул Романову небольшую коробку.

– Открывай и взгляни, что там лежит, – улыбаясь, сказал Рокоссовский,

В коробке были обещанные награды Маршаллом, Герхарду.

– Надеюсь, теперь твой Герхард останется довольным, а Игорь Захарович? – спросил у него Маршалл. – Утром придут две машины и офицер сопровождения, если хочешь,

можешь оставить их с собой. Если нет, то отправь обратно, как только понадобятся, вызовешь. Одну машину оставят тебе, катайся в ней, сколько хочешь.

Утром, как и обещал Рокоссовский, к дому подъехали две машины. Генерал Романов быстро переодевшись, сел на заднее сидение первой машины, и они поехали в сторону Австрии. Ближе к восьми часам вечера генерал ехал по улицам Зальцбурга. Когда его машина остановилась у дома Герхарда, он, выйдя из нее, куда-то задумчиво взглянул...

ГЛАВА 4. Приезд генерала

Выйдя на улицу, Луиза увидела, как у их дома остановились две машины. Из одной вышел какой-то важный офицер, и, закулив папиросу, стоял и молча куда-то смотрел. Быстро забежав домой, и, испугавшись, крикнула,

– Там возле нашего дома остановились две машины, и из них вышли русские военные...

– Саид, взглянув на Герхарда, наверное, генерал, не выдержав пыток, сдал тебя,

– Я не верю, – оборвал его, – я знаю Игоря Захаровича, он из тех, кого невозможно сломать. Здесь, что-то не то,

– Герхард, ты не знаешь особистов,

– За то я знаю генерала, – и вновь повторил, – как ты не понимаешь, здесь явно что-то не то?

В их разговор вмешался отец, и уговаривая детей,

– Как бы там ни было, Герхард ступай с Саидом на чердак, пока мы не выясним в чем дело, спрячьтесь там.

Хорошо, – сказали они и поднялись туда.

Герхард, через слуховое окно решил взглянуть на незнакомцев. В это время генерал Романов стал прикуривать вторую сигарету. И когда он зажёл спичку и подвел к лицу, Герхард узнав его, со словами,

– Я же говорил, я же говорил ему можно верить. Это Игорь Захарович мой генерал, спасший меня, – сказав, по пути он, чуть не сбил отца и Луизу и побежал на улицу.

Герхард, выскочив, крепко обнял Романова и расцеловал. Тут от его объятий генерал застонал, и только тогда Герхард понял, что ему крепко досталось. Виногато отпустив его, сказал,

– Как же Вам досталось за меня, товарищ генерал?

– Не товарищ генерал, а Игорь Захарович. А это, – показывая на свои синяки и ссадины, – пустяки, до свадьбы заживет, – затем добавил. – Ты все таки доехал до своих, я переживал, а вдруг заблудился.

– Доехал, Игорь Захарович. Меня подвез хороший друг отца.

– Даже так. Вот видишь, в бога все-таки стоит верить, раз он так тебе помогал.

Тут, к калитке подошел доктор Штаубе, увидев его, Герхард, представил их друг другу,

– Разрешите Игорь Захарович познакомить Вас с моим

отцом, доктор Карл фон Штаубе, – а так же отцу представил генерала. – Папа, это и есть тот самый генерал, который помог мне бежать, а сам попался к ним в руки.

Обнимая генерала, доктор Штаубе разволновался, к глазам проступили слезы и он в сердцах сказал,

– Спасибо Вам товарищ генерал за моего сына. Мы по гроб своей жизни обязаны Вам, – и вновь он его обнял,

– Полно, полно, друг мой, не стоит любезностей. Это командование Советской Армии обязано вашему сыну за тысячи и тысячи спасенных им жизнью солдат. – И обернувшись к Герхарду, – значит, ты все вспомнил?

– Нет, Игорь Захарович, не вспомнил, – уныло ответил Герхард.

– Ничего, не унывай! Маршалл Советского Союза Рокоссовский отправил депешу в Манчжурию с приказом направить твоего друга китайца Ли Бя Хо сюда в Австрию. Так что скоро будет здесь и пусть попробует, как и обещал, не восстановить твою память, я сам лично с него три шкуры сдеру,

– Вы что опять встречались с Маршаллом Рокоссовским?

– Опять, и заметь вновь благодаря тебе, – улыбнулся генерал.

– Что ж мы стоим на улице? – в разговор вмешался отец, – Герхард, заводи дорогих гостей домой. Проходите, проходите в дом господ, – сказав, повел их с собой.

А тем временем Саид, строго настрого наказав Эльзе, чтобы о нем никто не вспоминал, сам ушел через черный ход.

Когда гости вошли в дом, доктор Штаубе повел их в гостиную, а Герхард с Арнольдом заносили чемоданы и сумки генерала. Эльза, подозвав к себе Герхарда, передал ему просьбу мужа. Ничего не понимая, согласившись, направился в гостиную. К тому времени все друг с другом познакомившись, рассаживались по местам.

В это время генерал попросил сопровождавшего его офицера подать ему папку, а затем, передавая ее Герхарду, сказал,

– Взгляни на содержимое этой папки, – и улыбнулся.

Открыв ее, увидел в ней совершенно новые документы на имя Герхарда фон Штаубе. Он не поверил своим глазам, а затем взглянув на генерала,

– Товарищ генерал, – только и вымолвил.

– Пусть теперь хоть одна сволочь попробует приблизиться к тебе, будет иметь дело с самим Маршаллом Рокоссовским, – и добавил, – вот так сынок. – Затем генерал взглянул на сопровождавших его офицеров, те сразу же поняли в чем дело. Генерал полковник Романов, выйдя со стола, отдал приказ,

– Товарищи офицеры, – тут же те встали смирно, – равняйся смирно, – скомандовав. – Военврач Герхард фон Штаубе, за спасение генерала Армии Комарова награждается Орденом Красной Звезды. За Курскую дугу, Орденом Отечественной войны второй степени. За освобождение Китайской Народной Республики от Японских интервентов,

Медалью «За Отвагу». А также, Медалью за взятие Берлина. – И торжественно вручил ордена и медали Герхарду.

Когда генерал произносил свою речь, все присутствующие не могли оставаться в стороне, а Герхард и его отец и вовсе заплакали. Генерал еще раз обнял его и доктора Штаубе,

– Дорогой мой друг Карл, могу ли я вас так звать,

– Конечно, конечно, никаких проблем,

– Дорогой мой друг Карл, я хочу от чистого сердца поблагодарить вас за сына Герхарда. Он не только выдающийся хирург от бога, но самое главное он человек с большой буквы. Я в своей жизни не встречал людей без изъянов, но Герхард такой человек. У него нет недостатков, у него есть великая сила веры. Веры в Господа, веры в человека, веры в будущее и в благополучие. Я могу говорить много и долго, но делать этого не буду. Лишь хочу сынок тебе пожелать счастья, удачи, здоровья родным и близким, много хороших друзей и конечно, прекрасную жену. Еще, если захочешь вернуться в госпиталь, милости просим, я был бы только рад, – и, улыбаясь, генерал добавил, – но только после того, как восстановишь свою память.

До самого утра они гуляли. Генерал рассказал им, как Маршалл Рокоссовский сорвал погоны начальника особого отдела, и отправил его в Сибирь. Как приказал расстрелять следователей и их тут же поставили к стенке.

– А не расстреливать нельзя было? – с сожалением спросил у него доктор Штаубе.

– Дорогой Карл, если сам Маршалл Советского Союза поверил вашему сыну, разрешил ему поехать домой, эти тыловые крысы не имели права отменять его решение. Мало того, что они усомнились в решении Маршалла, вдобавок, пытали ни в чем неповинного человека. Нет, если бы эти тыловые крысы понюхали пороха, были бы другими. Но нет же, генералов Победы пинают, как собак. Вот теперь скажите мне мой друг Карл, заслужили ли они свое наказание или нет?

– Да, я понимаю, они безбожники, но все-таки их нужно было бы наказывать по иному, не по-божески это, отнимать жизнь человека. И тем более те пострадали из-за моего сына Герхарда.

– А ваши фашисты поступали правильно, когда тысячи и тысячи людей отправляли в печь? Они даже свой народ не жалели, мало немцев пало от их рук.

– Тогда была война, будь она проклята, но сейчас-то мирное время...

И тут Герхард заметил, что спор его отца с генералом уходит уже далеко, если так далее продолжить, то ни к чему хорошему не приведет.

– Папа, – мимикой показывая ему, остановить спор, – ты хотел у Игоря Захаровича о чем-то спросить.

Сразу же сообразив, доктор Штаубе поменял тему разговора,

– Игорь Захарович, если позволите, разрешите спросить,

– Да, конечно, – вежливо ответил генерал.

– Если не секрет, сколько Вы можете погостить у нас?

– А, что, я уже вам надоел? – Рассмеявшись, спросил генерал,

– Боже упаси, нет, конечно. Живите столько, сколько душе будет угодно, – как бы оправдываясь, сказал доктор,

– Знаю, знаю, мой любезный друг Карл, – крепко его, обняв, – вы родной отец Герхарда, а это значит, вы такой же открытый и душевный человек, как ваш сын. Вы только не переживайте, я пошутил, когда сказал, что надоел. Герхарда полюбил как собственного сына, и знаю, для меня его дом открыт, как и мой для вас. – И генерал поцеловал и Герхарда и доктора.

– Спасибо Вам Игорь Захарович за теплые слова, Вы правы, наш дом всегда открыт для Вас. А теперь, собственно о нашей просьбе. Мой друг Артур один из самых сильных травматологов Германии. После реабилитационный его курс не имеет аналогов в мире. Сына моего Герхарда Вы знаете, а я такой же врач, как и он. Так вот, я хотел бы, чтобы Вы у нас немного задержались, а мы бы Вас полечили, и восстановили Ваш организм. Но для этого, нам нужно хотя бы десять дней. Могли бы Вы столько задержаться?

– А почему бы и нет! Здесь мне нравится. Воздух и окрестные места изумительны, я об этом говорил Герхарду, когда наш госпиталь стоял в вашем городке. После Манчжурии был в отпуске, и с собой забирал Герхарда, чтобы показать ему наши края. Он не даст соврать мне, ваши края и

моя Родина, словно братья близнецы, абсолютно одинаковы и очень похожи. – Затем обращаясь к Герхарду, – еще не забыл?– спросил генерал.

– Это были мои самые счастливые дни, после контузии, – ответил Герхард.

– Вот видите, – продолжил генерал, – так, что и мне стоит немного оклематься, и действительно подлечиться. А то негоже генералу Советской Армии ходить с синяками и с такой рожей, – показывая себе на лицо, расхохотавшись, сказал он.

– Ладненько, мы сегодня же приступим к Вашей реабилитации. А когда немного поправитесь, поедем на охоту, – с улыбкой сказал доктор Штаубе, и добавил, – Вам там, куда мы Вас повезем, безумно понравится, вот увидите. Эту охоту Вы запомните на всю жизнь.

Утром после завтрака, генерал отдал указание сопровождавшим его офицерам о том, что как только в расположении части появится китаец Ли Бя Хо, привезти его сюда в Зальцбург, и отпустил их.

Сразу же после того, как уехали сопровождавшие генерала офицеры, к нему подошёл доктор Штаубе.

– Игорь Захарович, Вы врач и надеюсь, понимаете, что пациент, если хочет выздороветь, должен беспрекословно выполнять все указания лечащего врача, не так ли?

– Да, именно, так.

– Ну, что ж, с этой минуты, Вы не генерал полковник

Романов, а наш пациент. Прошу Вас, пройдите в палату, – немного шутя и немного строго, сказал доктор.

Генерал, подчиняясь указаниям своих врачей, сначала приложил свою руку к виску, – слушаюсь, товарищ доктор, – и улыбаясь направился в дом. Так началось лечение генерала. На пятые сутки у него на лице не осталось синяков. Хотя и немного на их местах и были почти невидимые красные пятнышки, но в целом он чувствовал себя гораздо лучше.

Доктор Артур Розенкирхен и впрямь был кудесником своего дела. Ни одно ребрышко, ни суставы уже не беспокоили его. Генерал чувствовал себя замечательно. И вот однажды, когда закончились процедуры, генерал, как бы обиженный вполне серьезно сказал им,

– Я, наверное, вам порядком надоел,

Не понимая ничего, Герхард, его отец и доктор Розенкирхен переглянулись между собой.

– Игорь Захарович, это не так, – стал оправдываться доктор Штаубе,

– Так, так, – как бы настаивая, произнес генерал, – тогда почему вы меня быстро вылечили, – а затем, поняв, что его розыгрыш не удался. – Дорогие мои, я пошутил. Я безмерно благодарен вам. Не думал, что вам удастся меня так быстро вылечить. Поверьте, чувствую себя замечательно, – сказав, он каждого стал обнимать, и, пожимая им руки, – спасибо, спасибо вам за все, – сказал каждому отдельно.

На шестые сутки, с двумя ящиками коньяка от Маршалла

и с запиской, – на свадьбу Герхарда от Рокоссовского, – а также с китайцем Ли Бя Хо приехали те офицеры. Когда они увидели генерала, удивились его видом,

– Прекрасно выглядите, товарищ генерал полковник, – сказал майор Самохвалов, – здешний климат Вам подошел, – добавил.

– Спасибо майор, я благодарен этим замечательным людям, – показывая на Герхарда, на доктора Штаубе и на доктора Розенкирхена. – Это они за короткий срок сумели сотворить такое чудо. – А затем, здороваясь с китайцем, – вот видишь Хо, благодаря Герхарду, ты увидишь Европу. А то сидел там у себя в захолустье, и ничего не видел. Но смотри у меня, – как бы наказывая, указывая пальцем, – если не вылечишь Герхарда, к чертовой матери, оставлю тебя здесь, – потом обняв его. – Ты это, не пугайся, мы тебя очень любим и надеемся на тебя. – Затем подзывая доктора Штаубе. – Дорогой Карл, знакомьтесь, это и есть наш китаец Ли Бя Хо, для близких просто Хо. Я ему верю, вот увидите, он непременно вылечит Герхарда.

Хо сделал поклон доктору, и, увидев протянутую его руку, подал свою.

– Ну, что ж дорогие гости, проходите в дом, стол уже накрыт, прошу вас, – Сказал доктор и повел своих гостей.

После обеда объявил своим гостям,

– Завтра утром мы едем на охоту. Луизу и Арнольда я уже отправил в заказник, к моему другу егерю Филипу Ламу, он

будет ждать нас.

Услышав это, все гости подняли вверх свои бокалы и стали восторженно кричать,

– На охоту, за охоту! – и залпом выпили наполненные бокалы...

ГЛАВА 5. Исцеление

Рано утром, во дворе доктора Штаубе стояли несколько доверху загруженные провиантом подводы, а так же воронье кони, специально подогнанные для охоты.

За завтраком хорошенько подкрепившись, доктор поручил Герхарду переодеть спутников генерала, а сам попросил генерала следовать за ним.

– Игорь Захарович, пожалуйста, пройдемте со мной, – указывая рукой, он вежливо показал направление.

Когда они вошли в кабинет доктора, прикрыл за собой дверь, открыв шкаф, достал оттуда великолепную амуницию бывалых охотников. Подавая их генералу, ему сказал,

– Не откажите ли Вы в любезности принять от нас эту одежду и экипировку, надеюсь, мы не ошиблись в размере.

– Право божий, не стоило этого делать дорогой Карл, – смущаясь, сказал генерал,

– Дорогой Игорь Захарович, это капля в море перед тем, что Вы сделали для меня. Я не знал что подарить Вам, мне подсказал Герхард, сказав, что Вы заядлый охотник. Что мо-

жет быть приятнее для охотника, чем его охотничье снаряжение, не так ли?

– Именно так!

– Раз так, отказы не принимаются. Вы этим можете нас обидеть, прошу Вас, надевайте скорее, а то остальные уже заждались. Я оставлю Вас и пойду к нашим гостям. Вы не беспокойтесь и спокойно переодевайтесь, мы подождем, – сказав, доктор ушел.

Когда генерал, переодевшись, вышел во двор, все гости, взглянув на него восторгались,

– Настоящий альпийский охотник,

И вправду, одежда сидела на нем идеально, будто ее генерал выбирал сам. Потрясающие длинные сапоги из великолепно выделанной замши и натурального меха внутри. Теплые брюки из мягкой кожи, обшитые толстым драпом. Теплый, белый, с коричнево-синими кружевами мохеровый свитер. Великолепная темно-коричневая дублёнка из натурального меха и кожаная шляпа под цвет ее.

Пожав ему руку, доктор Розенкирхен взял из подводы большую длинную, прямоугольную сумку и вынул из нее великолепную двустволку, с резными узорами на прикладе и длинный патронташ, – и протягивая ему,

– Если позволите к Вашей одежде у генерала должно быть соответствующее его статусу ружье, прошу Вас, – сказав, вручил ему двустволку.

Затем, к генералу обратился рядом стоявший друг докто-

ра Штаубе барон Альфред Занге,

– Уважаемый господин генерал, этим ножом, – показывая ему большой нож, – пользовались тевтонские рыцари. И пусть теперь он оберегает Вас от бед и невзгод и во славу послужит Вам. – Сказав, протянул его генералу.

Благодарности генерала не было границ, он каждого из них обнял и расцеловал.

Генерал в эти минуты так захотел поскорее оказаться там, где они будут охотиться. Ему не терпелось побыстрее завалить кабана из этой двустволки, самому разделать его этим великолепным ножом.

Спутники генерала, сопровождавшие его из Берлина, выглядели не менее эффектно, чем сам генерал. Доктор Штаубе, догадавшись, что они непременно приедут, на всякий случай и им купил экипировку. А китаец Хо не нуждался в переодевании, так как его одежда была вполне по случаю.

Когда торжественная часть мероприятия завершилась, еще раз подняв свои бокалы за удачную охоту, вся честная компания тронулась в путь.

Сторонний наблюдатель, увидев их, непременно подумал бы, что сама королевская рать направляется на охоту. Слишком сильно они напоминали события тех былых времен.

Ближе к десяти вечера компания добралась до заказника. Когда они подъезжали к домику егеря, ветер дул в их сторону. Дуновение его донесло до них великолепный аромат готовившегося на костре мяса. Подъехав поближе к домику,

они увидели необычайную сцену. Все вокруг него освещалось большими факелами, словно так же, как и в старину. В центре поляны, перед домом стоял массивный дубовый стол, накрытый царскими угощениями и освещённый свечами на старинных подсвечниках. А чуть поодаль от него горел костер, и на вертеле жарилась кабанина, которую обливая специями вертел Арнольд.

Увидев приближение гостей, егерь господин Филип Лам, Арнольд и Луиза направились к ним на встречу.

Поприветствовав их, поочередно привязали всех лошадей к специально пристроенному для этого тонкому бревну. Затем, выгрузили из подвод еду и снаряжение, развязав лошадей, отвели их в конюшню, а подводы оттащили к сараю.

Доктор Штаубе, ведя генерала к столу, спросил у него, – Ну, как Игорь Захарович, вам нравится наше гнездышко?

– Дорогой друг мой, Карл, здесь просто восхитительно, браво, – показывая руками, произнес генерал.

– Позвольте познакомить вас с нашим ангелом хранителем, нашим другом и по совместительству егерем этих мест, – сказав, он позвал господина Лама. – Знакомьтесь, господин Филип Лам, любезнейший человек, и между-прочем, великолепный охотник и отменный повар. – А затем, представляя генерала, – Филип, моего друга зовут Игорь Захарович. Он генерал полковник, спаситель моего сына, и очень важный человек в Красной Армии,

– Ну, вы скажите, дорогой Карл, какой я важный человек. Филип, я обыкновенный врач, такой же, как и ваш друг, доктор Штаубе.

– Пойдемте мой друг, я вам покажу шедевры кулинарного искусства в исполнении моего приятеля Филипа. – И увидев, что стол накрыт, кабан почти был готов. – Филип, вы как всегда в ударе, – и приглашая генерала к столу, – прошу вас, проходите. – А затем, обращаясь к остальным гостям, – друзья, прошу вас, проходите к столу.

Когда все расселись по местам, доктор, как хозяин, взял инициативу на себя,

– Дорогие друзья, дорогие гости. Сегодня я самый счастливый человек на белом свете. Счастливый, потому что за этим столом сидят самые близкие мне люди. Сидят те, кто мне очень дорог. Мои друзья, мои дети. Среди нас за этим столом сидит человек, – и взглянув на генерала, – Игорь Захарович Романов, генерал полковник. Рискую своей жизнью, рискуя своим положением и несмотря ни на что, спас моего сына Герхарда. Спас, возможно, от неминуемой смерти. Я не знаю, что могло случиться с сыном, ни заставь он его бежать. – И тут к его глазам проступили слезы. – Игорь Захарович, невозможно оценить и передать словами чувства отца, когда-то похоронившего сына, но благодаря Вам, увидевшего его живым и невредимым.

– Право же, Карл, не стоит. Вы меня уже канонизируете. Я сделал то, что по совести должно было случиться. – Оправ-

дывался генерал.

– Нет, дорогой Игорь Захарович, стоит. И еще, хотел бы поклониться перед великим полководцем, перед справедливейшим человеком, о котором я узнал от Игоря Захаровича. Я говорю о Маршалле Советского Союза Рокоссовском. Он не зная моего сына, дважды ему помог, а сейчас за этим столом сидит Ли Бя Хо, которого к нам прислал Маршалл. Игорь Захарович, когда вернетесь в Берлин, искренне поблагодарите его от нас. – И немного выдержав паузу, продолжил. – Я, поднимая свой бокал, молю господа, чтобы матери, отцы дождались своих сыновей. Молю господа, чтобы потерявшиеся нашли друг друга, чтобы у тех, у кого в семье были потери родных, скорее смирились со своей утратой. Чтобы их боль кровоточащей раны от потери, быстрее зажили. Чтобы на пути каждого человека встречались люди с доброй душой, какие встретились моему сыну Герхарду. Чтобы люди не были безразличны к горю других, страданиям чужих. Чтобы будущие правители, прежде чем зариться на богатства других, помнили, господь со временем воздаст им за все грехи. Зло рано или поздно будет наказано, история человечества это доказывает. Друзья мои, простите меня, если я много говорил, не дай господь вам оказаться на моем месте, еще несколько дней тому назад. Вот почему много говорю. Если не вам, тогда кому я мог бы излить свою душу? Поднимите свои бокалы, и давайте выпьем за светлое и прекрасное будущее, чтобы наши дети и внуки не видели то зло, кото-

рое нам пришлось пережить. — Закончив свою речь, доктор, приподняв свой бокал с вином, выпил его до дна.

Гости тоже встали со своих мест и последовали за ним.

Генерал, выпил свое вино, и поставив бокал на стол, крепко обнял стоявшего рядом с ним доктора Штаубе и, поцеловав его, то же самое повторил и с Герхардом.

После нескольких торжественных тостов, пир начался. В самый его разгар, егерь Филип Лам освободил центр стола для длинного деревянного подноса, на которую совместно с Арнольдом положили приготовленную на вертеле кабанину.

Кабанина получилась отменной и, не смотря на то, что гости были сыты, не могли они устоять перед соблазном ее испробовать. А когда мясо попало им в рот, не дали кабанине остыть, и со словами благодарности господину Ламу, вскоре от кабана оставили одни кости.

Почти до самого утра гуляла вся компания, никому не хотелось спать, хорошая еда, отличное вино, горящие факелы, атмосфера веселья и радости вокруг, не позволяла им мерзнуть от холода. Хотя уже лежал снег, и было порядком холодно. Ближе к рассвету они пошли спать, и так же, как в день совершеннолетия Герхарда, проспали весь день.

А когда, проснувшись, вышли на улицу, увидели, как в одном чане варились с десяток куропаток, а в другом, чуть побольше, приправленное специями и облитое легким красным вином, тушилось мясо молодого оленя. Увидев их, генерал сказал,

– Нет, так дальше не пойдет друг мой Филип, – обращаясь к егерю, – если нас вы будете так кормить, мы всю охоту, ради которой сюда приехали, проваляемся с пузом вверх. – И рассмеявшись, – отбой сегодня будет пораньше, а утром, с первыми лучами солнца, я сам всех вас разбуджу.

Все равно не получилась, как сказал генерал. Им не удалось лечь пораньше, опять всю ночь проболтали. Но генерал, как и обещал, несмотря на их отказы, все-таки разбудил всех с первыми лучами солнца. И хорошенько позавтракав, вся компания пошла на охоту.

Прибыв на место, то ли сыграла свою роль армейская сноровка, то ли ему повезло, но генерал сходу сумел двумя выстрелами подстрелить двух тетеревов. Хвастаясь своими трофеями, он бурно радовался своей удаче.

Не прошло и получаса, раздались еще два выстрела, это доктор Штаубе и его друг Артур Розенкирхен, выстрелив одновременно, завалили кабана. Еще немного погодя то там, то здесь стали раздаваться выстрелы и слышны громогласные восторги. В этот день охотникам невероятно везло, их трофеями были с десятков куропаток, тетерева, парочка зайцев и большой кабан. Пока другие охотились Луиза, Арнольд и китаец Хо ловили форель в реке. Выловив с пару десятка рыб и почистив их, возле речки в чане стали варить уху. Тем временем Хо сделал несколько шампуров из веточек деревьев, и нанизав на них куропаток, стал их жарить на костре. Когда все почти было готово, изрядно проголодавшись, бе-

гая по склонам за добычей, к ним стали один за другим подходить со своими добычами наши охотники.

Великолепный воздух, потрясающие красоты окружающей среды, приподнятое настроение сыграли свою роль, и они на одном дыхании с аппетитом съели и уху и дичь. Охотники не оставили даже тушеной оленины и еды, которую по просьбе отца захватили Арнольд и Луиза.

Так, больше не в силах идти на охоту, порядком потяжелевшие от сытной еды, охотники решили вернуться в заказник.

Почти затемно они пришли к дому егеря, и у всех у них не осталось ни сил не желания что-либо делать, и еле-еле добравшись до своих коек, упали на них. Уставшие, все так сладко уснули, что до самого утра не просыпались. Утром, с трудом встав с кроватей, еле передвигая свои ноги, поплелись во двор. Немного освежившись на холодном утреннем воздухе, и хорошенько взбодрившись, расселись за стол, чтобы позавтракать. Тут доктор Штаубе предложил,

– Друзья мои, вчера у нас была славная и удачная охота. Но я сейчас хотел бы говорить не об этом, – и, взглянув, как Луиза с Арнольдом бегают и подают еду гостям. – Я хотел бы дать слово тем, кого мы за эти дни не замечали и не слышали, эта моя дочь Луиза и ее парень Арнольд.

Все гости с ним согласились и тут же вспомнили о великолепной ухе, о ее вкусе и аромате, которые даже сейчас ощущают.

– Арнольд, Луиза, дети мои, подойдите к нам, присядьте рядом.

И действительно, за эти три дня ни Арнольда, ни Луизы не было слышно. Если не считать те моменты, когда господин Лам накрывал на стол, их даже не было видно.

Немного смущаясь и стесняясь, они подошли к столу с той стороны, где стояли два свободных стула.

– Герхард, налей в их бокалы вина, – попросил его отец. – Ну, что ж, – доктор обратился к своим гостям, – с вашего позволения, даю слово Арнольду, давай сынок, скажи что-нибудь. Ты мне как родной сын, я люблю тебя не меньше Герхарда. Здесь за этим столом сидят самые близкие мне люди, они и для тебя не чужие. Возьми свой бокал и скажи что-нибудь моим гостям.

Арнольд, молча подняв со стола свой бокал,

– А, что я скажу? – смущаясь, произнес он,

Гости тут же расхохотались,

– Ну, произнеси тост, пожелай нам удачной охоты, – сказал один из них,

– Удачной охоты, – как маленький ребенок, повторил Арнольд. Гости вновь расхохотались, – я не умею говорить, – немного обижаясь, сказал Арнольд.

Затем взглянул на Луизу и посмотрел на доктора Штаубе. По его взгляду можно было понять, что он хочет у него спросить о чем-то. Заметив это, доктор,

– Арнольд, по-моему, ты хочешь попросить меня о чем-

то.

– Да, если позволите, – смущаясь, он произнес.

– Да, конечно, не стесняйся, спрашивай, – по-отцовски произнес доктор.

– Дядя Карл, я хотел бы, нет, мы хотели бы, – немного волнуясь, начал Арнольд, и взяв за руку Луизу. – Я люблю Вашу дочь Луизу, хочу на ней, жениться, и в связи с этим, прошу у Вас ее руки, – сказав, опустил свои глаза.

Все гости стали радостно рукоплескать, а доктор Штаубе, выйдя со стола, подойдя к ним сначала, крепко обнял Арнольда, а затем свою дочь Луизу.

– Дорогие дети мои, я этого дня ждал с самого того дня, как ты Арнольд вернулся домой. Я согласен сынок, будьте счастливы дети мои. И да благословит ваш брак господь, – а затем, подойдя к генералу, – вот видите, Игорь Захарович, сын вернулся с Армии, и вот теперь дочка выходит замуж. Не это ли счастье для родителя. В этом моем счастье, самая большая заслуга Ваша. Так что теперь Вам придется задержаться еще на некоторое время, пока мы не сыграем свадьбу детям.

– За молодых, – встав с места и подняв свой бокал, произнес генерал. Тут же все последовали его примеру.

После того, как еще несколько раз прозвучали поздравительные слова, доктор Штаубе вновь подойдя к генералу, произнес, обращаясь ко всем,

– Друзья мои, давайте быстрее закругляться и поскорее

идти на охоту. Завтра утром предлагаю вернуться обратно в Зальцбург, если, конечно, господин генерал не обидится на краткосрочную охоту. Я хочу побыстрее оказаться дома и готовиться к свадьбе, чтобы Вы Игорь Захарович, погуляли на ней.

– О чем разговор, друг мой, какая может быть обида. По-стрелять я успел, попробовать мясо всех обитателей этих мест успел. Так что мы можем хоть сейчас ехать обратно, – четко по-военному сказал генерал.

– Нет, нет. Сегодня охота, пойдем на оленя. Это будет наш свадебный подарок молодым, – для убедительности, специально так сказал доктор.

– В таком случае, мы не против, – в один голос произнесли гости, и, вскочив со своих мест, быстро направились в свои комнаты, чтобы переодеться.

Когда все, переодевшись и вскинув на плечи свои ружья, собрались на улице, егерь господин Филип Лам повел их на оленью тропу. На полпути им вновь удалось подстрелить кабана и несколько фазанов с куропатками. Подходя к назначенному месту, егерь им запретил стрелять, так как они могли отпугнуть оленя. Через час с небольшим охотники вышли к месту у реки. По убеждению егеря, это было излюбленным местом обитания оленей и горных архаров. Распределив всех по секторам, егерь попросил их притаиться и ждать. Более двух часов охотникам пришлось лежать на снегу ожидать добычу. Охотясь внизу бегая по склонам, они не чувствовали

холода, но здесь, лежа на снегу более двух часов без движения, насквозь продрогли от холода. Но азарт от того, что если дотерпят, и им повезет подстрелить оленя, заставлял их не замечать холод. Так прошел еще один час, но олени не выходили на поляну. Доктор Штаубе, осознавая, что если так пролежать еще час другой, его друзья могут простыть, решил отказаться от своей затеи, охоты на оленя.

Не успел он об этом подумать, как вдруг подул промозглый ветер, и с каждой минутой все усиливался. Тут к нему подбежал егерь Филип Лам,

– Доктор Штаубе, простите меня, но охоту на оленя нам стоит прервать, – с тревогой он сказал.

– Что случилось, и почему вдруг подул такой сильный и холодный ветер? – Вставая с места, и немного взволнованно, спросил доктор.

– Я тоже об этом. Поднимается ветер, здесь такое случается не редко, но этот совсем другой. – И показывая вверх со своей стороны, – видите облака на тех склонах?

– Да, вижу, – ответил ему доктор.

– Если мы не поторопимся и поскорее не спустимся к тому месту, – показывая на лощину внизу, – они уже через двадцать минут будут здесь, тогда будет очень худо. – С тревогой произнес егерь.

– Предупредите остальных, я пойду, сообщу генералу и Герхарду.

– Я господина Занге и господина Розенкирхена уже пре-

дупредил, они спускаются.

– А сопровождающие генерала,

– Тоже вместе с вашими друзьями пошли вниз.

– Тогда поторопимся, – сказав, направились в сторону, где находились Герхард, китаец Хо и генерал.

Когда доктор и егерь пришли к тому месту, где должны были они, там был только генерал. Подбежав к нему, с испуганными глазами, доктор спросил у него,

– Игорь Захарович, где Герхард и Хо?

– Что случилось, чем вы напуганы? – не понимая, что происходит, спросил генерал.

– Нам надо срочно покинуть это место, надвигается буря, и она опасна, – от усталости, дрожащим голосом, он сказал. – Где Герхард, почему его нет с вами?

– Он с китайцем, еще внизу со мной расстался, сказали, что будут медитировать у той скалы, – показывая на отвесную скалу, сказал генерал.

– Господи, я их там не вижу, – в отчаянии произнес доктор.

– Вы с доктором идите вниз, я их найду и приведу, – сказав генералу, егерь Филип Лам, быстро направился в сторону скалы.

Доктор и генерал, стоя на месте, стали громко звать Герхарда. Герхард, услышав голос отца, выглянул возле провисающего камня. Увидев его, доктор во весь голос криком сумел ему объяснить, что срочно надо спускаться вниз.

Пока Герхард с китайцем Хо, выбирая путь, обходя торосы и отвесные склоны, прошли пол пути, ветер усилился и тучи почти нагнали их. Когда они вышли к отвесной скале, где прямо над ней, высоко в горах, висела огромная снежная глыба и подошли к одиноко растущей сосне, раздался гром невероятной силы. От его грохота, горы содрогнулись, и тут же по сосне ударила, большая молния. Сосна мгновенно загорелась и своим пламенем осветила все вокруг. В это же время, над ними, высоко в горах послышался, странный гул, словно бурлящие потоки реки неслись где-то рядом. Взглянув на верх Хо увидел, как в их сторону летит огромная лавина. В это время Герхард после грома и удара молнии, схватившись обеими руками за голову, корчился в конвульсии на снегу. Медлить было нельзя, лавина вот-вот могла их унести в пропасть. Хо подбежав к Герхарду, увидел, что тот невменяем, резко схватив Герхарда за плечи, стал его тянуть по снегу к отвесному камню, надеясь, прижавшись к нему спастись от лавины.

А тем временем, доктор Штаубе на ярко освещенном пламенем горящей сосны увидел сына и китайца Хо. А на них с горы летела огромная снежная лавина, которая вот-вот их накроет. В ужасе от того, что сын может погибнуть,

– О боже, – крикнув, он упал на колени. Через мгновение, лавина с грохотом пронеслась там, где недавно находился его сын. Она, как щепку срезав горевшую сосну, понесла ее в пропасть.

Буквально перед самой лавиной, китайцу удалось за мгновения до его падения, оттащить Герхарда к камню и прижаться самому.

Когда все стихло и ветер прекратился, все побежали туда, где недавно стояли китаец Хо и Герхард. Не оборачиваясь назад, они втроем устремили свои взоры вниз, в надежде пытаться разглядеть среди глыбы снега, льда, камней и бревен снесенных лавиной деревьев Герхарда и китайца Хо. Не увидев человеческих силуэтов, егерь Филип Лам повернулся назад, и в небольшом разломе между камнями увидел краешек дубленки Хо.

– Доктор, они там, – крикнув, он побежал их откапывать.

Втроем, им быстро удалось откопать Герхарда и Хо из под снега, заваленного после лавины.

Увидев их, доктор, крикнул от испуга,

– О господи, – стал проверять пульс. И услышав пульс сына, радостно вскрикнул, – они живы, они живы. – Доктор стал хлопать сына по щекам, а генерал китайца Хо и привели их в чувства.

Герхард открыл глаза и недоуменно спросил у отца,

– Папа, что случилось?

– Ты что, ничего не помнишь? – спросил у него отец.

– После того, как раздался гром, я ничего не помню.

Услышав слова сына, только тогда доктор понял, что сына от лавины спас этот хрупкий китаец Хо. Крепко обняв его, поблагодарил за спасение сына. А Хо стоял и улыбался. Не

понимая, доктор Штаубе по китайски спросил,

– Что с тобой Хо? – и тут китаец показывая на Герхарда,

– Не со мной, а с ним, – сказал он.

– А, что с ним? – переживая, спросил доктор.

– Мне кажется, все позади. Это был знак, и я абсолютно уверен, ваш сын Герхард, здоров. – Радостно, сказал Хо.

Тут же доктор взглянул на сына. И действительно, Герхард сам не понимал, что с ним происходит. Какое-то странное чувство, голова не болела, все вокруг ему показалось совершенно в ином ракурсе. И только тогда, когда он взглянул на отца поймал себя на мысли, что видит перед собой настоящего отца, а не того придуманного. Резко вскочив с места и обнимая его,

– Папа, родной ты мой, я вспомнил все, – и, взглянув на егеря, – дорогой дядя Филип, не тревожит ли вас место раны, которую вы получили, спасая меня от кабанихи? Не забыли, когда мы были здесь на мое совершеннолетие? – И обернувшись к генералу, – товарищ генерал полковник, Игорь Захарович, спасибо Вам за все. Я благодаря Вам вспомнил все, ко мне вернулась память.

– А мне-то за что? Это китаец Хо благодарить надо, – оправдываясь, сказал генерал.

– Если бы не охота, устроенная в Вашу честь, мы бы не оказались здесь. Спасибо Вам и за моего друга Хо, он как только приехал, ни один день не оставлял и занимался моим лечением.

– За Хо не меня благодари, а Маршалла Советского Союза Рокоссовского, это он приказал доставить его сюда в Австрию.

– И ему огромное спасибо, – приклоняясь, сказал Герхард. Еще немного постояв и воодушевленно беседуя, они не обратили внимания, как изменилась погода. Заметив это, доктор Штаубе, обратился к друзьям,

– Взгляните наверх, – показывая рукой, – а грома и молнии как будто и не было.

Действительно, остальные тоже взглянули наверх и заметили ясное небо, а горы, освещенные яркими лучами солнца, отраженными от кристаллов снега и льда блестели.

– Господа, тогда нам стоит продолжить охоту, – громко смеясь, предложил генерал.

– Извините Игорь Захарович, нам надо спуститься вниз и обрадовать остальных радостной вестью.

– Я понимаю вас, мой друг, – согласился с ним генерал, – тогда в путь, – протягивая руку, как бы указывая дорогу, он вежливо обратился к егерю,

– Дорогой друг Филип, вы лучше нас ориентируетесь в этих горах, прошу вас, ведите нас обратно.

Когда они спустились вниз, друзья их ожидали уже там. Спускаясь, те оказывается, по пути захватили подстреленного кабана и фазанов с куропатками. Увидев их,

– Вы слышали этот ужасный грохот от грозы и молнии, – как бы со страху спросил доктор Розенкирхен.

– Слышали и благодарны тому, что именно так случилось, – радуясь, произнес доктор Штаубе.

Удивленно взглянув на друга, доктор Розенкирхен стал восторгаться,

– Мы чуть со страху не умерли от грохота, а тут мой друг Карл, как бы, ни в чем небывало, радуется. Я не понял, что здесь происходит? – Недоуменно глядя на остальных и видя, как и те улыбаются, он оглядел сперва себя, а потом своих друзей, с которыми вместе спустились. – Кто-нибудь объяснит нам, что здесь происходит, может мы что-то пропустили? – Обиженно добавил.

Обнимая друга, доктор Штаубе стал его успокаивать,

– Вы здесь абсолютно не причем, дорогой мой друг Артур. А по поводу грома и грозы я действительно вполне серьезно сказал, что благодарю господу за то, что так произошло. – И подзвав к себе сына, – дорогой мой друг Артур, благодаря этому грому, к моему сыну вернулась память, – еще раз радостно обнял друга.

– Да вы что? Неужели это правда? – сжимая руку Герхарда и трясая за его плечи, спросил у него.

– Да дядя Артур, я все вспомнил, и то, как Вы к нам приехали в Берлине и играли со мной, – ответил Герхард.

– Это чудо, это чудо, – говоря, доктор Розенкирхен, сжимал руку то генералу, то егерю Филипу Лама, китайцу Хо, то другу Карлу, и его радости не было границ.

Услышав радостную весть, к ним подошли и барон Занге,

и сопровождавшие генерала офицеры. Обнимая Герхарда и доктора Штаубе, поздравляли их.

– Друзья, нам пора, скоро стемнеет, и мы можем не успеть, до темноты добраться вниз, – стал торопить их егерь Филип Лам.

Согласившись с ним, быстро пошли вниз. Когда оказались на месте, где их ожидали Луиза с Арнольдом, доктор метров за сто предложил Герхарду обогнать их и самому сообщить им о новости.

Тот радостный, бегом умчался вниз. Подбежав к ничего не подозревающей Луизе, обнял ее за талию, и высоко подняв, крикнул,

– Родная моя сестричка, я все вспомнил, – сказав, начал с ней вместе кружиться вокруг.

А Луиза сначала ничего не поняла, а когда он опустил ее вниз, увидев радостные лица отца и его друзей, только тогда до нее дошло, о чем говорил брат.

– Герхард, – крикнул она сама, и повиснув на шее брата, расцеловала его.

В это время рядом стоявший Арнольд, так же обняв их, поздравил доктора Штаубе.

Затем, вся компания собрала снаряжение и направилась к домику егеря. До поздней ночи отмечали это радостное событие. А утром после завтрака поблагодарили егеря за гостеприимство и поехали обратно домой в Зальцбург...

ГЛАВА 6. Саидакмал

Когда охотники вернулись в Зальцбург, генерала возле дома доктора Штаубе ожидал офицер с донесением. Прочитав его, генерал, подошел к Герхарду и доктору Штаубе, извинившись, сказал,

– Дорогой друг Карл, Герхард, к сожалению, я не могу остаться до свадьбы Арнольда с Луизой. Должен срочно собраться и ехать в Берлин, это приказ Маршалла Рокоссовского. – И он, вновь извинившись перед гостями доктора, быстро вошел в дом и стал собираться в дорогу. Луиза по просьбе отца в корзины положила гостинцы, а Арнольд с доктором Розенкирхеном, забросили в багажник машины кабана и фазанов с куропатками.

Когда Герхард и генерал с чемоданами вышли на улицу, доктор Штаубе, обратился к нему,

– Игорь Захарович, простите, пожалуйста, я на минуту Вас задержу, – сказав, протянул ему великолепный футляр из красного дерева.

Генерал стал отказываться брать,

– Игорь Захарович, это не вам, а Маршаллу Рокоссовскому, – и открыв коробку, показал его содержимое. – Эти мушкеты участвовали во время наполеоновского сражения. Я не знаю, кому они принадлежали, но дед мой рассказывал, что из них стреляли великие русские полководцы. Там на рукоятках мушкетов написаны их имена. – А затем, протягивая

ему старинное ружье, – еще раз простите, а это ружье из того же сражения, оно именное, вот тут написано имя его хозяина, – и показывая надпись, – оно Ваше, Игорь Захарович, – сказав, вручил ему.

– Дорогой мой друг Карл, с меня было достаточно ваших тех подарков, это лишнее, – сказав, стал отказываться братъ.

– Нет, вы непременно его возьмёте, если считаете себя патриотом своей страны. Это реликвия и она принадлежит вашему народу, если не оставите себе, передайте в исторический музей. Чем эта реликвия будет лежать у меня на чердаке, пусть лучше принесет пользу, воспитывая на истории страны молодежь.

Доводы доктора были весьма убедительны и генералу пришлось взять ружьё. Затем поблагодарили друг друга за гостеприимство, за доброту и милосердие, и генерал с сопровождавшими его офицерами убыл в Берлин.

После отъезда генерала, Арнольд пошёл домой, чтобы переодеться и за одно, сообщить Саиду и Эльзе о двух новостях. Во-первых, он им рассказал о том, что при всех сделал предложение Луизе и дядя Карл дал свое благословение, а во-вторых сообщил о том, что Герхарду вернулась память.

Узнав об этом, Эльза и Саид очень обрадовались новостям Арнольда. Поздравив его с помолвкой, искренне порадовались исцелению Герхарда и собрались к ним домой.

Когда они вошли в дом, в гостиной было полно народу, разговор в основном шел по поводу Герхарда. Да и Герхард,

если раньше в основном сидел молча и слушал всех, на этот раз больше говорил он. И судя по отрывкам их разговора, можно было понять, что ему намного приятнее говорить о воспоминаниях. Герхард услышал голос Саида, и встав с места, быстро направился на встречу друга. Прямо у порога дверей гостиной они встретились. Саид, обнимая друга сказал,

– Значить теперь, Герхард фон Штаубе не сомневается в своем происхождении, – и рассмеялся.

– Да брат, если бы ты знал, что теряет человечество, не понимая тех, кто их окружает. Не дай господь любому оказаться на моем месте, это самое ужасное и отвратительное чувство, когда ты понимаешь, что рядом с тобой родные тебе люди, но подсознательно не веришь этому.

– Теперь-то все позади, – вновь улыбаясь, сказал Саид,

– Да, если бы ты знал, как я вас всех сильно люблю. Люблю отца, Луизу, Арнольда, тебя, наконец, и чувствую себя счастливым человеком.

– Брат, извини, позволь мне с отцом и гостями поздороваться, а то мы здесь с тобой заболтались, – сказав, прошел в гостиную. Подойдя к доктору Штаубе, – Поздравляю Вас папа, с исцелением Герхарда. Наконец все Ваши мечты сбылись, – затем, пройдя к гостям, поприветствовал их.

После ужина Герхард предложил Саиду пойти в сад и подышать свежим воздухом. Когда они сели на лавки в беседке, Герхард спросил у Саида,

– Саид, почему ты не захотел встретиться с генералом Романовым? Он ведь тебя хорошо знает. Я уверен, если у тебя возникли проблемы с особым отделом, поверь мне, генерал бы решил их, как решил мои.

– Я знаю, может быть, но в моем случае, он бессилён, – и немного помолчав. – Уже два офицера, один из них полковник Харитонов, другой генерал лейтенант Пахомов, пострадали ни за что. Они оба погибли из-за дела, в котором замешан я, – и, загрузив, продолжил. – Герхард, я когда-нибудь тебе расскажу. А сейчас, прошу тебя, пока не спрашивай.

– Если генерал Романов не сможет помочь, тогда Маршалл Рокоссовский помог бы. Или генерал Армии Комаров, ты же его спас.

– Эх, Герхард, если бы ты знал всю правду, то не стал бы меня мучить. Пойми, я знаю точно, заступись Маршалл Рокоссовский за меня, тут же пострадал бы. А генерал полковник Романов тем более. Так, что пусть пока я для них буду мертвым, другого пути, увы, пока не вижу.

– Это твоё право, твоё решение. Но знай, Саид, как бы там не было, я знаю тебя и всегда буду на твоей стороне. Если тебе будет нужна моя помощь, можешь всегда на меня положиться. – Сказав, Герхард протянул ему свою руку.

Крепко сжимая руку друга, Саид сказал,

– Я знаю об этом,

Потом друзья перевели разговор на другую тему, и когда порядком стало темно, к ним подошла Эльза.

– Саид, я не хотела вас отвлекать, но уже поздно, может, пойдём домой, а завтра рано утром вернёмся, – смущаясь, Эльза сказала мужу.

– Да, да, действительно уже поздно, – вскочив с места и чувствуя себя виноватым, произнес Герхард. – Давай Саид, вы идите домой, Эльза уже устала, завтра утром я сам к вам приду, и вместе позавтракаем, договорились? – сказал Герхард.

– Согласен, буду ждать, – сказал Саид, и обняв жену за плечи, пошел с ней домой.

Медленно идя в обнимку с Эльзой, мысленно Саид был не с ней. Заметив это, Эльза немного встревожилась. Обычно веселый и жизнерадостный Саид, на этот раз был угрюм и неразговорчив. Долго не решаясь спросить у него в чем дело, она, набравшись смелости, решилась,

– Что с тобой случилось милый? Что тебя тревожит? О ком ты так грустишь?

Саид, крепко прижимая Эльзу к себе,

– Вспомнил сына Саидакмала. Как он там, что с ним? – немного взволнованным, дрожащим голосом произнес он,

– А его никак невозможно забрать к нам? – Как бы успокаивая, спросила Эльза.

– Нет, теперь он сын врага народа. Это несмываемое пятно в его судьбе.

– Но ведь он же ребенок, тем более, никогда не видел и не встречался со своим отцом. Разве за это возможно наказы-

вать детей. – Оправдывая положение Саидакмала, успокаивала мужа.

– Для тех, кто пытал меня и хотел убить, это ровным счетом ничего не меняет. Они всю свою ярость попытаются выплеснуть на моем сыне, – словно в отчаянии еле выговорил Саид.

Вспоминая о сыне, Саидходжа и не догадывался о том, что в начале весны 1945 года, в особый отдел Среднеазиатского Военного Округа пришла депеша, где говорилось. – Необходимо найти и предать военному трибуналу ближайших родственников изменника и врага народа Саидаматова Саидходжи, призванного из Кокандского военного комиссариата, и доложить об исполнении Верховному Комиссару Мехлису. Согласно директиве Верховного Комиссара, его сын Сайдаматов Саидакмал, с пометкой «особый», должен быть исключен из детского дома для детей офицеров, служащих в действующей Армии и переведен в дет. приемник спец. назначения для детей врагов народа и изменников Родины.

Отметка «особый» еще не мало напомнит в будущем о себе Саидакмалу и сыграет одну из ключевых ролей в его мучениях и страданиях. А пока, четырехлетнему Саидакмалу теперь стоило рассчитывать только на себя, на свое здоровье, на силу воли и благосклонности Всевышнего, иного пути у него не было, конечно кроме смерти...

Через несколько дней, после отъезда генерала, Саид с вечера стал готовить подводу и лошадей. Увидев это, Эльза по-

интересовалась у него, что он собирается делать.

– Хватит лежать без дела, хочу съездить в горы и заготовить дрова, а заодно поохочусь, – ответил он.

– Но только вчера Арнольд привез достаточно дров, – попыталась ему сказать Эльза.

– То, Арнольд, а сейчас хочу съездить сам, – строго ей сказал Саид.

– Тогда возьми меня собой, – чуть ли не умоляя, попросила Эльза.

– Нет, хочу съездить сам, один, – уже спокойно, сказал Саид. – Прошу тебя, собери мне еду на несколько дней. Возможно, там немного задержусь.

– Как на несколько дней? – уже с проступившими слезами в глазах, недоумевая, спросила Эльза.

– Эльза, родная, я тебе потом все объясню. А сейчас прошу тебя, не пытайся меня остановить, не стоит, – успокаивая ее, сказал Саид, и добавил, – я уеду затемно.

Не понимая, что происходит, Эльза поделилась со своей тревогой с Арнольдом. Внимательно ее выслушав, пошел поговорить с Саидом. По пути прикуривая сигарету, Арнольд подошел к нему.

– Что Арнольд, она уже пожаловалась тебе? – спросил его Саид,

– Саид, ты и ее пойми. Муж не с того, не сего, ничего не говоря, вдруг собрался поехать за дровами. Хотя ее брат только вчера их привез, причем достаточно. Что она должна

подумать? Может, ты мне ответишь?

– Жена если любит, должна доверять мужу.

– Она-то тебя точно любит, волнуется за тебя и переживает. А мне можешь рассказать настоящую причину? – спросил Арнольд.

– Не могу. По крайней мере, сейчас не могу. Все мое время, и когда оно настанет, поверь, от этого всем будет хорошо. Если ты мне, веришь и доверяешь, Арнольд, прошу тебя, пока я сам не решу как мне правильно поступить, в будущем не возвращайся к этой теме. Позволь ее осмыслить мне самому и принять наиболее правильное решение, чтобы не навредить никому.

– Я тебя понял, Саид, – положив свою руку на его плечо, сказал Арнольд, – за Эльзу не беспокойся, я за ней присмотрю и успокою.

Как и обещал Эльзе, Саид уехал в горы затемно. Не решаясь ехать по дороге, ему пришлось добираться до того места где спрятан грузовик с драгоценностями по бездорожью. Оставив подводу за несколько километров до намеченного места, Саид, взял с собой топор, пилу, ружье с патронами и еду, дальше пошел пешком. Чем ближе он подходил к тому месту, тем сильнее билось его сердце. Он думал, а вдруг тем немцам или тем, кто его пытал, удалось найти грузовик. Вот сейчас дойдет до того места, а там грузовика не окажется на месте. И все его старания и тем более данные им обещания своим, уйдут впустую. За несколько сотен метров до

того места Саид шел словно по минному полю или по вражеской территории. Не оставляя за собой следа, не ломая веток деревьев и сухой травы, он шел, ступая осторожно шаг за шагом. Наконец до намеченного места осталось шагов пятьдесят. Резко остановившись стал оглядываться по сторонам. Так как горизонт в утренних лучах солнца был виден за сотни верст, немного постояв и убедившись в том, что здесь один, а вокруг не единой души, Саид, встал с места и направился к той яме, где должен был быть грузовик. Подойдя вплотную к ней, еще раз огляделся вокруг, а затем, осторожно взглянул вниз. Грузовика не было видно, но на его месте были груда веток, камней и опавшей листвы. Волнуясь от разочарования, медленно, по мере возможности не ломая согнутые ветки деревьев и кустарников, стал спускаться вниз. По расчетам Саида, грузовик должен был быть, в пределах тридцати, сорока метров. А на самом же деле, он оказался гораздо глубже, около 250-300 метров. Просто тогда от волнения они неточно определили расстояние. Когда Саид оказался на самой глубине лощины, то увидел, грузовик стоял на месте.

Ветер и местная погода еще надежнее скрыли машину опавшей листвой, сломанными ветками деревьев и смытыми с дороги камнями и грязью. Если не знать, что здесь скрыта машина, можно было в метре от нее пройти и не заметить ее.

Саид, осторожно не портя маскировку, пробрался через расщелину к грузовику. Постепенно, понемногу приподни-

мая маскировку, пробрался к заднему борту кузова. Забравшись в него, увидел, что ящики были на месте. Подойдя к первому, осторожно открыв его, убедился, драгоценности были на месте. Напрасно он волновался и ехал сюда на несколько дней, чтобы перепрятать их или хотя бы лучше укрыть. За него природа все уже сделала сама, и в его участии не нуждалась.

Еще немного посидев в кузове грузовика, вспомнил своих погибших товарищей, полковника Харитонов, генерал лейтенанта Пахомова, младшего сержанта Нагашбекова, Игоря Склера, грузина Кобахидзе..., и всех остальных и мысленно им сказал,

– Друзья мои, вы все погибли за это золото, хотя оно не стоило ваших жизней. Но видит Всевышний, когда-нибудь если у меня получится, я найду ваших родных и близких, здесь есть и ваша доля и я ее им отдам, – тут к его глазам проступили слезы, – и он в сердцах сказал, – простите меня за то, что я не с вами.

Потом, набрав в принесенный с собой кожаный рюкзак несколько горстей бриллиантов, золотых монет, стал пробираться обратно наверх. Добравшись до дороги, у самого края обочины, залег в зарослях кустарника.

Когда почти стемнело, Саид направился в сторону, где он оставил подводу. Обратную дорогу прошел так же, как шел к грузовику, след в след. Дойдя до места, драгоценности положил вниз подводы. Поужинав, развернув лошадей в обрат-

ную дорогу, поехал в сторону дома. Проехав около десяти километров, Саид решил заночевать здесь и, привязав лошадей к сосне, и постелил на телегу одеяло и лег спать.

Утром проснувшись, быстро позавтракал и стал заготавливать дрова, и уже к обеду подвода была доверху загружена ими. Крепко стянув их веревкой, убедился, что дрова привязаны хорошо! Затем пообедал и взял путь обратно домой...

Книга 3

ГЛАВА 1. Безграничная душа

Поздно ночью Саидходжа добрался домой. Услышав скрежет колес подводы, Эльза, быстро накинула шаль на плечо и выбежала к нему на встречу.

– Ты вернулся, вернулся? – обнимая и целуя его, спросила она.

– А куда я денусь от тебя? – улыбаясь, он увидел ее покрасневшие глаза. – Постой, постой, ты что, и впрямь подумала, что я ушёл от тебя навсегда? – Приподнимая ее лицо, строго спросил у нее. И увидев, как ей стало стыдно, – дуручка, я скорее умру, чем расстанусь с тобой.

На следующий день Саид и Эльза пошли домой к доктору Штаубе. Войдя в дом и поприветствовав их, он попросил доктора и Герхарда, пройти с ним в кабинет. Когда они вошли туда, закрыл дверь за собой и попросил их присесть.

– Папа, Вы не знаете кому принадлежат горы и земли вдоль реки?– спросил у него.

– А зачем ты об этом спрашиваешь? – поинтересовался доктор.

– Я хотел бы их купить, – ответил он.

Герхард с отцом услышав его ответ, удивленно переглянулись между собой. Заметив, это Саид спросил у них,

– Вы, наверное, хотите знать, а деньги у тебя есть?

– Если, честно, да, – ответил Герхард,

– Не беспокойся, брат, они у меня есть.

– Хорошо. Теперь о землях, о которых ты спрашиваешь.

Раньше все эти земли принадлежали бургомистру Шульцу, но его с весны никто не видел, поговаривают, что он бежал к американцам. А кому они принадлежат сейчас, я не знаю, скорее всего, у этих земель нет хозяев, должны быть бесхозными. Потому что у людей чтобы их приобрести, денег нет. Могу спросить у бургомистра Фрица Абеля, я думаю, он должен знать о них.

– Отец, Вы не могли бы как-нибудь пригласить его к нам на ужин? Здесь, за чашкой чая и без свидетелей мы бы с ним поговорили.

– Почему как-нибудь? Я сейчас же пойду к нему в префектуру и приглашу на обед. Думаю, он должен быть сейчас на работе. Как раз к нашему приходу, Эльза с Луизой накроют на стол, а вы позовите Арнольда на обед. – Сказав, доктор быстро переоделся и ушел в префектуру.

А Саид тем временем обратился к Герхарду,

– Герхард, ты можешь найти и приобрести для нас несколько грузовых и легковых машин?

– Нет проблем, могу.

– Тогда завтра же приступай к их поиску.

Через час бургомистр был уже дома у доктора Штаубе. Когда доктор пришел к нему на работу, он оказался на месте и только, только собирался пойти домой на обед. Доктор Штаубе, пригласив его к себе, вкратце объяснил ему о намерениях Саида. И когда они направились к нему домой, бургомистр Абель захватил все бумаги, касающиеся тех земель, которыми интересовался Саид.

Пообедав, они вчетвером закрылись в кабинете доктора. Бургомистр выслушал Саида и показал ему купчую на эти земли. А когда Саид ознакомился с ними, тот назвал цену на эти земли.

– Договорились, цена меня вполне устраивает, но есть у меня одно условие, – сказал Саид. – Эти земли вы должны разделить на четыре, а именно, вы их оформите на Эльзу, на Арнольда, на Герхарда и на Луизу. И еще, сюда же включите и вот эти земли, если они конечно свободны. – Показывая на карте огромные равнинные площади от края Зальцбурга, до самых гор. – Когда документы на все эти земли будут готовы, вы получите деньги. Если вам нужна предоплата, ее могу предоставить. Еще у меня к вам один вопрос, как вас устроит оплата, я могу рассчитаться драгоценными камнями? То

есть хотите бриллиантами или же золотом?

– Они у вас вполне законные? – немного удивляясь, спросил у Саида бургомистр.

– По крайней мере, я их не крал, но они волей судьбы попали ко мне, а не достались подонкам и негодьям. И теперь пусть послужат во благо вашего народа и вашего городка. Я намереваюсь открыть здесь курортные зоны, оздоровительные центры и построить одну из самых лучших клиник в мире. Из-за прошедшей войны, немало людей пострадало, у многих судьбы разбиты, многие остались калеками. Ни у кого в данное время нет средств, чтобы восстановиться, получить должную медицинскую помощь. А то, что мы построим, им в этом поможет.

– Да, Саид, ваши намерения благие и если действительно вы это сделаете, будет самым лучшим начинанием для народа, спасибо вам за это, – сказав, бургомистр пожал ему руку, и взглянув на доктора Штаубе. – Дорогой мой друг, как же вам повезло с сыновьями, один великолепный хирург, другой, человек с открытой душой, – и обнял его. – А теперь, если позволите, Саид, нам, наверное, будет лучше всего, если вы рассчитаетесь с нами деньгами, или какой-либо валютой, мы, скорее всего не сможем реализовать ваши драгоценности. Возможно такое, вы согласны?

– Да, конечно, как скажите господин Абель, – ответил ему Саид.

– Договорились, с вашего позволения, мне надо идти. В

префектуре меня уже ждут. Все документы, касающиеся земель, вы получите через три дня, и к тому времени, я подготовлю окончательную сумму для расчёта.

Когда бургомистр Фриц Абель ушел, проводив его, доктор Штаубе и Герхард подошли к Саиду. Тот, сразу же вскочив с места, выпрямился и в это же время отец и сын крепко его обняли.

– Что случилось с Вами? – не понимая, спросил у них Саид.

– Я горжусь тобой сынок, у тебя очень доброе сердце, – поцеловав его, сказал доктор.

– Не стоит отец, если что я и делаю, знаю, оно должно служить и остальным, – ответил ему Саид.

– Нет, брат, стоит говорить о том, что мы гордимся тобой. Я благодарю Господа за то, что он мне подарил такого брата, как ты, – обнимая его, сказал Герхард.

В это время в кабинет вошел Арнольд и, увидев, как доктор и Герхард обнимают Саида, тут же подойдя к ним, обнял их. Когда он это сделал, остальные рассмеялись, и Арнольд, как бы оправдываясь,

– А, что, захожу, смотрю, вы стоите в обнимку, то же решил к вам присоединиться. Раз близкие мне люди обнимаются, а почему я должен стоять в стороне?

– Арнольд, ты все правильно сделал, – улыбаясь, они его тоже обняли.

Затем, Герхард обратился к Саиду,

– Саид, прошу тебя, скажи, откуда у тебя эти драгоценности? И еще, почему ты земли оформляешь на нас, а не на себя?

– Какие драгоценности, что у Саида они есть? – с любопытством спросил у них Арнольд.

– Да брат, есть. Но поверьте мне, я их не крал и ни у кого не отбирал. А на счет того, почему оформляю на вас. Во-первых, вы самые близкие и родные для меня люди. Каждый из вас сыграли немаловажную роль в моей жизни и если бы не вы, не жить мне на этом свете. Во-вторых, у меня нет документов, я иммигрант. Австрия пока еще находится под оккупацией Красной Армии, это значит меня могут забрать в любую минуту, – потом, он обратился к доктору Штаубе. – Папа, у Вас нет знакомых, кто бы мог нам обменять драгоценности на валюту?

– Да, по-моему, мой друг барон Альфред Занге этим занимается и у него много знакомых среди банкиров.

– Договорились, пригласите его на завтра, а я принесу драгоценности.

– Хорошо, – ответил ему доктор Штаубе.

На следующий день господин Альфред Занге с утра ожидал Саида у доктора Штаубе. Саид вместе с Эльзой пришел к доктору ближе к обеду, как только он вошел, извинившись перед другом, барон поздоровался с ним и повел его и Герхарда в кабинет доктора.

– Саид, я слышал от друга Карла, что у вас есть драгоцен-

ности, которые вы хотели бы продать? – сгорая от любопытства, спросил у него господин Занге.

– Да, есть,

– И много их у вас?

– Достаточно.

– А на какую сумму и желательно, в какой валюте, вы бы хотели их обменять?

– Сумма большая, и она будет колебаться в зависимости, какую вы нам предложите валюту.

– Я могу предложить вам американские доллары, швейцарские франки. Какая из них вас устроит?

– А какая из них наиболее востребована?

– Друг мой, они обе востребованы.

– Тогда в обоих из них.

– А именно, в какой пропорции?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Договорились, а могу я взглянуть на ваш товар, драгоценности с собой? – сгорая от любопытства, спросил господин Занге.

– Да со мной, – сказал Саид и высыпал на стол бриллианты, а затем и золотые монеты.

– Вы позволите? – попросив у него разрешения, господин Занге, надев на свой глаз лупу ювелиров стал пристально разглядывать их. Поднимая со стола каждый камушек, он словно разговаривая с ними все повторял, – прекрасно, прекрасно. – После того, как барон проверил все камни, обра-

тился к Саиду.

– Друг мой, вашим камням нет цены, я могу их быстро реализовать. Вы конечно понимаете, моя услуга платная и, понимая, что ваш товар востребован и достаточно внушительен, я возьму с вас три процента. Что скажете, вас устраивает мое предложение?

– Вполне,

– Прекрасно, прекрасно, – несколько раз, повторив и сложив все драгоценности в мешочек, – деньги будут готовы через три дня. Сами понимаете, сумма очень большая, я должен буду съездить в Берн. Еще, после обмена их на валюту, мне придется нанять охрану для ее доставки к вам. Могу ли расплатиться с ними из вашей суммы?

– Да конечно, можете.

– Тогда молодой человек договорились, я должен покинуть вас, чтобы к сроку принести всю сумму. О стоимости и цене этих камней не беспокойтесь, меня вполне устраивают мои честно заработанные проценты от сделки. С вашего позволения, – сказал господин Занге и покинул их. Выйдя от них, поблагодарил друга, и извинившись перед ним, быстро покинул дом.

После того, как гость ушел, в кабинет вошли доктор Штаубе и Арнольд, и когда они сели в кресла, Герхард, пристально смотря на Саида, сказал,

– Саид, когда ты вчера говорил бургомистру о драгоценностях, я не думал, что их у тебя так много.

– Пустяки, это столько же мои, как и ваши, моих погибших товарищей, и когда-нибудь, если мне удастся, я их доли отдам родным.

Через три дня, как и обещал господин Занге, на новеньком мерседесе и в сопровождении жандармов подъехал к дому доктора Штаубе. Арнольд и Герхард вышли к нему на встречу. Барон с нежностью оглядев свою машину и увидев Арнольда и Герхарда, попросил их занести чемоданы в дом. Сам поблагодарил сопровождавших его жандармов и последовал за Герхардом. И напрямик направившись в кабинет доктора Штаубе, от усталости плюхнулся на ближайшее кресло.

– Если бы вы знали, как я устал. Вы не поверите, я с самого Берна без остановки ехал к вам, – и обратившись к Герхарду. – Сынок, ты не мог бы мне принести холодной воды, жажда сильно замучила. – А пока Герхард ходил за водой, он, указывая на чемоданы, – Прошу Саид, там ваши деньги. В тех, – показывая на темные чемоданы, – американские доллары, двенадцать миллионов. А в синих чемоданах, швейцарские франки, двадцать миллионов. Как вы просили, пятьдесят на пятьдесят. На счет моих процентов не беспокойтесь, я их уже взял. Что скажете, надеюсь, мой обмен вас устроил?

– Вполне, господин Занге, устраивает.

– Тогда, – он, взглянув на Герхарда, – сынок, прошу тебя, вот тебе ключи от моей машины, там, на заднем сидении ле-

жат пакеты, принеси их сюда. Я в Берне купил замечательный французский коньяк и французское вино аж 1812 года выдержки, мы тебя будем ждать в гостинной. – Сказав, господин Занге повел Саида туда.

Увидев друга, сидевшего за столом, подошел к нему и радостно сказал,

– Дорогой Карл, мы с твоими сыновьями провели удачную сделку и вот теперь решили ее отметить, ты не против? – и громко расхохотался.

– Не против, проходи, – сказал доктор Штаубе, и выйдя со стола, поприветствовал друга.

Господин барон Альфред фон Занге, после долгой дороги, вдоволь поев, еще раз всех поблагодарив за гостеприимство, откланявшись, ушел. Как только он ушел, Саид спросил у Герхарда,

– Герхард, ты нашел машины?

– Да, нашел, – ответил ему Герхард.

– Завтра же их купи. И еще, необходимо открыть строительную компанию на имя Арнольда. Ты как, осилишь? – обращаясь к Арнольду, спросил Саид,

– Я, конечно согласен. А как им буду управлять, у меня то образование среднее?

– Главное, у тебя голова на плечах, а с фирмой мы все тебе поможем.

– Папа, сегодня на ужин надо пригласить бургомистра Фрица Абея. Если купчие на земли готовы, пусть он их за-

хватит, – сказал ему Саид. – Герхард не забудь про телефон в наши дома, если линию еще не сделали, возьми за нее сам.

– Хорошо, – ответил ему Герхард.

Вечером на ужин, со всеми документами на земли, пришел бургомистр Абель. После ужина, он назвал цену и отдал бумаги Саиду. За все земли префектура просила четыре миллиона долларов. Саид сразу же с ним рассчитался. Бургомистр попросил оставить деньги пока у себя, а завтра с машиной и охраной он сам придет и заберет их.

– Господин бургомистр, может быть нам самим отвезти? – поинтересовался у него Саид.

– Если вы так сделали бы, было просто замечательно.

– Тогда завтра, после того, как Герхард пригонит машины, он с Арнольдом после обеда завезут их к вам в префектуру.

– Договорились, – сказав, бургомистр уехал.

На следующий день у дома доктора Штаубе стояли четыре новеньких мерседеса. Увидев их, Саид спросил у Герхарда,

– А грузовики где?

– За них я оплатил, но оставил на складе, у нас ведь пока нет гаражей.

– Правильно сделал, брат. Арнольд, – обращаясь к нему, – с утра займись набором рабочих и приступай к строительству гаража.

– Хорошо Саид, – сказал Арнольд.

В это время к ним подошел доктор Штаубе и, увидев машины, стал любоваться ими. Когда он осмотрел все четыре

машины, подойдя к ним, сказал,

– Замечательные машины, новенькие, словно прямо с завода,

– Ну, как папа, понравились Вам они? – спросил у него Саид,

– Я же говорю, замечательные, пусть эти красавцы всегда везут вас только вперед, – как бы благословляя, произнес он.

– А, какая из них, больше всего Вам понравилась? – спросил у него Саид.

– Та, которая стоит с того краю, – восхищаясь ей, произнес доктор.

– Герхард, а где ключи от нее? – спросил у него Саид.

Улыбаясь, Герхард протянул их Саиду. Взяв ключи, Саид, подошел к отцу,

– Папа примите ее от нас, Ваших сыновей, Герхарда, Арнольда и меня, – и протянул ему ключи от нее.

– Ты что, сынок, эта дорогая вещь, не надо, – стал сопротивляться доктор.

– Папа, я знаю, что Вам нравилась именно эта модель мерседеса, и я специально купил ее для Вас, не отказывайте, бери, она Ваша, – уговаривал его Герхард.

Доктор, растрогавшись подарком своих сыновей, немного прослезился, а затем, обняв их всех,

– Спасибо вам родные мои, спасибо Господу за то, что он мне вас дал, – сказав их расцеловал. Потом, сел за руль, – если она моя, то могу съездить и проведать моего больного

друга Графа Розенберга.

– Хоть на край света, – хором ответили ему сыновья.

И доктор, радостный поехал на собственной машине, проведать больного друга...

ГЛАВА 2. Хазраткул

Когда двухлетнего Саидакмала в 1943 году перевели из дома ребенка в школу-интернат города Коканда, для детей и сирот офицеров действующей Армии, как раз в этот день в отряд, куда попал Саидакмал, назначили старшим шестиклассника Норкулова Хазраткула. Отец Хазраткула тоже был офицером, комиссаром 181 полка 93 дивизии, отдельной моторизованной бригады, сражающейся под Ленинградом.

Саидакмал сразу же приглянулся Хазраткулу и понравился ему. Его в Саидакмале импонировало то, что он никогда и ни при каких обстоятельствах, невзирая на боль и тягость, не позволял себе плакать. Когда бы на него Хазраткул не глядел, Саидакмал всегда улыбался и пытался поддержать беседу.

Хазраткул, хоть и сам был неотёсаным тринадцатилетним мальчиком, но, не смотря на свой юный возраст, в школе интернате был авторитетом. Почти до самого конца 1943 года Хазраткул и Саидакмал не расставались, всегда и везде были вместе. Если кто не знал о том, что они не родственники, увидев их отношения, невольно мог подумать, что эти дети, наверное, родные братья. И вот, в декабре сорок третье-

го года случилась беда. По ложному доносу, отец Хазраткула был обвинен в измене и по постановлению военного трибунала был расстрелян как изменник Родины. И до нового 1944 года Норкулова Хазраткула, как сына врага народа, из школы-интерната, перевели в специализированный дет-приёмник для детей изменников Родины и предателей.

После школы-интерната, привыкнуть дет-приемнику для Хазраткула было очень трудно. Распорядок дня в отличие от школы-интерната был совершенно другой, здесь с воспитанниками не церемонились. За малейшую провинность без всяких объяснений отправляли в карцер, где условия были нечеловеческие. А воспитатели и их приспешники из числа учащихся, которые докладывали на своих сверстников, могли запросто избить не понравившегося ему воспитанника. Здесь никто кроме них не имел никаких прав, и они остальных называли никак иначе, как улюдки, свиньи.

В первую же ночь на Хазраткула, когда он ночью вышел по нужде, напали старшеклассники. Они в умывальнике его очень сильно избили, и, уходя, усмехнулись,

– Это только начало, – оставили его там и ушли.

Утром на построении личного состава барака, воспитатель не досчитался троих своих воспитанников. Он, подумав, что те еще спят, крикнул,

– Старшина, где твои, я не вижу их в строю?

Дежурный по отряд, быстро побежал за ними в корпус и через минуту, в ужасе крича, выбежал из барака. Не пони-

мая, что происходит, воспитатель отряда и старшина быстро направились внутрь барака и, войдя в кубрик, увидели ужасную картину.

Все трое, укрытые запачканными от крови одеялами, лежали на своих местах. Откинув одеяла, они увидели в без сознании, лежавших своих воспитанников, но с сильно опухшими головами. Воспитатель приказал старшине и дежурному по бараку отнести их в лазарет, а сам, выйдя на улицу, крикнул,

– Тот, кто это сделал, пусть сам выйдет из строя.

Никто не вышел,

– Я еще раз повторяю, тот, кто это сделал, пусть добровольно выйдет из строя, – и видя, что никто не выходит, он подошел к ним сам. Схватив за воротник одного из воспитанников, сильно тряхнув его, спросил,

– Ты тоже, наверное, не знаешь, кто это сделал? – и со злобными глазами близко подведя к его лицу свое лицо, – говори ублюдок, не то ты у меня сейчас сдохнешь. – Крича, стал его бить по лицу. Мальчик, которого избивал воспитатель, не выдержав и заплакав, указал рукой на Хазраткула.

Воспитатель Тураев Джабар, резко отпустив того мальчика, злыми глазами взглянул на Хазраткула и не отрывая от него взгляда, приказал старшине и дежурному отвести отряд на завтрак, а Хазраткулу приказал стоять на месте. Когда весь отряд ушел, он, медленно подходя к нему, схватил за ворот и потащил его за пределы барака. После того, как

воспитатель увел его, воспитанники дет-приемника не видели Хазраткула, ни на завтраке, ни на обеде. А вечером им сообщили, что он где-то упал, сильно ушибся и попал в лазарет. Тураев, отведя его за барак, несколько минут избивал, и после того, как тот перестал сопротивляться, отнес в лазарет. Через пять дней после этого инцидента, воспитатель Тураев утром не пришел в отряд. Не понимая в чем дело, начальник дет-приемника отправил к нему домой дежурного. Через полчаса, дежурный сильно запыхавшийся, забежал в кабинет начальника и с порога крикнул от испуга,

– Там, там, на тропинке, в сторону дома Тураева, он, с разбитыми руками и ногами, лежит без сознания.

Тут же начальник дет-приемника отправил дежурного в лазарет, узнать Норкулов на месте и не выходил ли он куда-нибудь.

Вернувшись, дежурный доложил, что Норкулов в лазарете и ни куда не отлучался.

В тот же день Хазраткула выписали из лазарета, и он вернулся в отряд. После ужина, к сидевшему под деревом Хазраткулу подошли двое воспитанников из его отряда. И с немного дрожащим голосом, один из них попросил у него разрешения обратиться к нему. Хазраткул молча взглянул, и не отрывая взгляда, стал смотреть в упор на них.

– Извини нас Хазраткул, мы сильно испугались, если бы тебя тогда не сдали, весь отряд пострадал бы. Больше такое не повторится, если сможешь, прости нас. – Сказав, не услы-

шали ответа и ушли.

Когда ребята ушли, Хазраткул со злости разломал палку, которой до прихода ребят, от безделья, сидя под деревом, сбивал листья со свисающих веток.

Тот случай, который произошел с воспитателем Тураевым, повторялся еще несколько раз и с остальными воспитателями, если они приставали или же избивали Хазраткула. Все прекрасно понимали, что это дело его рук, но, не имея доказательств, не могли придаться к нему. А со временем и вовсе отстали и больше не наказывали его.

В марте 1945 года, Хазраткул сильно простыл и с высокой температурой попал в лазарет. А когда выздоровел и вышел из лазарета, той ночью пошел по нужде в туалет, и когда проходил мимо тумбочки дневального, того не оказалось на месте. И только он решил открыть дверь в умывальник, как вдруг услышал плач ребенка в кубрике старшины. Ему послышался голос старшины, который кому-то говорил,
– Ты что как баба, держи покрепче.

Хазраткул со всего размаха пнул по двери каптерки, и она, сорвав защёлку, открылась. Внутри, дневальный, пытался, пригнув, держать какого-то мальчика, а старшина с приспущенными штанами стоял за ним. Старшина, увидев Хазраткула, резко подняв свои штаны и схватив со стола нож, бросился на него. Каким-то невероятным движением, левая рука Хазраткула приподняла руку старшины Рахмана, в которой тот держал нож. Пригибаясь, делая шаг влево и укло-

нившись от удара, Хазраткул своей правой рукой ударил в пах Рахмана. Тот издал ужасный стон и рухнул в угол стены, и в судорогах дрожа, свернул свою руку так, что лезвие его ножа, острием повернулось вверх.

Дежурный Хасанов увидел в руках Хазраткула запачканную кровью Рахмана финку, резко отпустив мальчика, с криком бросился на него. Хазраткул двумя руками оттолкнул того в сторону от себя. Хасанов, потеряв равновесие, споткнувшись на поставленную ногу Хазраткула, своим телом упал на торчащий нож в руках Рахмана. Он, несколько раз дернувшись в конвульсии, неподвижно застыл. Затем Хазраткул, подойдя к столу, из-под него вытащил плачущего мальчишку, и, увидев, кто перед ним, вскрикнул,

– Братишка это ты? Я думал, что больше не увижу тебя, – сказав, прижал к своей груди Саидакмала. И подняв на руки, понес малыша в умывальник. Помыв ему заплаканное лицо и руки, Хазраткул отнес Саидакмала в кубрик, и крепко наказав забыть о том, что случилось, уложил его спать. Сам быстро вернувшись в каптерку старшины, вытер с рукоятки финки свои отпечатки и сунул ее в руки Хасанова. И еще раз, пристально оглядев каптерку, умылся и тоже пошел спать.

Утром весь отряд разбудили крики дежурного, который придя в барак и не застав на месте дневального, зашел в каптерку Рахмана и нашел их там мертвыми. Никто в отряде не сомневался в том, что это дело рук Хазраткула, потому что до его возвращения из лазарета в отряде было тихо. Но, как

это доказать, где свидетели, которые знали, что стоит им выдать его, наказание будет неминуемо.

После обеда, когда все дети находились в бараке, Хазраткул объявил, что если кто хоть пальцем тронет Саидакмала, будет иметь дело с ним, и осторожно намекнул им о Рахмане и Хасанове.

С этого дня вплоть до завершения учебы Хазраткула в дет-приемнике, никто, даже воспитатели не решались обидеть Саидакмала...

ГЛАВА 3. Свадьба Арнольда с Луизой

Проколесив всю округу и проведав всех своих друзей, порядком уставший доктор Штаубе домой вернулся ближе к вечеру. Луиза увидела как подъехал отец и выбежала ему на встречу,

– Папочка, вы так долго катались, мы уже начали волноваться за вас, – подбежала к машине, и открывая ее дверь, сказала она.

– Доченька, не стоило волноваться, машина новая, а я еще не так уж и стар, чтобы за меня переживать, – успокаивая ее, сказал отец.

Немного отдохнув с дороги, доктор попросил Луизу, чтобы все дети срочно собрались дома. Через час все они, как и просил отец, ожидали его в гостиной.

– Дети мои, там в горах, когда Арнольд попросил у ме-

ня руки Луизы, я дал свое согласие и благословение. Если помните, мы оттуда вернулись пораньше только ради того, чтобы сыграть им свадьбу. Но домашние дела, дела Саида с Герхардом после нашего возвращения с охоты отвлекли нас. А время с того дня прошло уже немало. И вот, катаясь по нашим окрестностям, вот о чем подумал, – подойдя к Луизе с Арнольдом, положив им на плечи свои руки, продолжил. – Им самим, вновь возвращаться к этой теме, думаю неловко, а нам не стоило забывать об этом. Так что, вот о чем я подумал. Хватит нам испытывать их терпение, нужно готовиться к свадьбе и немедленно. Саид, Герхард, что вы на это скажете, я прав?

– Да отец, Вы вовремя вспомнили о них. Если еще несколько дней мы протянули, то когда наша работа пошла, у нас тогда не было бы времени на свадьбу, – сказал Саид.

– Тогда если вы не против, сегодня у нас суббота, как на это посмотрите, если мы свадьбу сыграем в следующие выходные.

Только Луиза с Арнольдом смущено промолчали, а Саид, Герхард и Эльза, поаплодировав решению отца, хором крикнули,

– Решено, в субботу свадьба, – сказали, и, обняв, поздравили молодых.

– Ну, что ж, раз вы согласны, на этом порешили. Кстати, я, догадываясь, что вы меня поддержите, уже на будущую субботу пригласил своих друзей. Осталось за малым, успеть

приготовиться и сыграть достойную свадьбу для моей единственной дочери, – произнеся эти слова, он, пригнувшись, поцеловал Луизу.

К четвергу к свадьбе все было готово, все гости оповещены, платье невесте и костюм жениху заказаны. Герхард съездил в Швейцарию и купил для жениха и невесты подарки.

После завтрака, Саид попросил Герхарда, чтобы он на обед к нему домой пригласил бургомистра Фрица Абеля, и когда тот пришел,

– Простите меня господин бургомистр за то, что я отнимаю ваше время. Надеюсь, Вы понимаете то, что я сам пока не могу свободно перемещаться по городу, тем более приходить к Вам в префектуру.

– Да, конечно Саид, я это прекрасно знаю. Вы не переживайте, если я понадобится вам, зовите, непременно приду и это меня не затруднит. А сейчас хотел бы узнать, зачем я вам понадобился?

– Господин Абель, я пригласил Вас для того, чтобы спросить, кому сейчас принадлежит замок прежнего бургомистра Шульца?

– Ах вот в чем дело? Я вам говорил, бывший бургомистр Шульц исчез. Даже если он и появится, его все равно арестуют. В связи с этим, государство все имущество бывших нацистов конфисковало и поручило нам их реализовать. Если вы хотите его приобрести, в этом нет никаких проблем, приходите в префектуру, и мы с вами обсудим вашу просьбу.

– Хорошо, с Вами вместе отправлю Герхарда. Переоформи-
те документы замка на имя Арнольда, я бы хотел сделать
для них свадебный подарок.

– Это будет просто замечательно, вы действительно чело-
век с открытой душой. От чистого сердца и от имени по-
койных родителей Арнольда и Эльзы хотел бы поблагодарить
вас, и позвольте, – сказав, он крепко обнял Саида.

В день свадьбы Луиза своей красотой и обаянием затмила
не только всех гостей, но даже яркие лучи солнца. В самый
разгар свадьбы слово предоставили Саиду, Эльзе и Герхарду.
Они были не многословны, произнеся обычные в таких слу-
чаях слова поздравления и пожелания, подарили молодым
такие подарки, от которых все гости были в восторге.

Герхард подарил невесте большое золотое кольцо усеянное
бриллиантами и золотые швейцарские часы жениху, а Са-
ид с Эльзой подарили замок Шульца. Затем слово дали док-
тору Штаубе, который намеренно попросил сыновей высту-
пить перед ним,

– Я, наверное, самый счастливый отец на белом свете. Еще
год тому назад мой дом был тускл и мрачен. Тогда меня лишь
один лучик света озарял, это моя дочь Луиза. Она хоть как-
то могла меня утешить, успокоить. Тогда еще не знал о том,
что мой сын Герхард жив, мой названный сын Саид где-то
рядом, там, в горах, истекая кровью, умирает. А мой третий
сын Арнольд был на войне, и ни я, и ни мои дочери Луиза и
Эльза не знали о том, что жив ли он, вернется ли домой. –

В это время доктора охватила волнение, и он немного прослезился. – Извините меня, – попросил прощение у присутствующих за минутную свою слабость. – Если тогда кто-либо мне сказал о том, что через год я обо всем забуду, как о кошмарном сне. Что у меня через год будет не один, а целых трое сыновей и две дочери, этому человеку не поверил бы. – Произнося эти слова, доктор подошел к Саиду с Эльзой. – И вот, год тому назад, в моем доме появляется девушка, с которой я раньше близко не общался. Она просит меня помочь раненному солдату, и этот солдат вселяет в мою жизнь надежду. – Тут Саид и Эльза встают с места, а доктор глядя в глаза Саида. – Сынок, я раньше никогда не говорил тебе об этом, но сейчас, в такой торжественный день для меня хочу тебе сказать. Саид, я благодарю Господа за то, что он подарил мне такого сына. Ты у меня не только храбрый и мужественный, но еще и добрый, открытый и порядочный человек, – и крепко обнимая его с Эльзой. – Спасибо тебе за все, – затем, пройдя обратно. – Друзья, я хотел бы обратиться ко всем из вас, никогда не теряйте надежды, ни при каких обстоятельствах не опускайте свои

руки, верьте, Господь не оставит вас. Рано или поздно он постучится и в вашу дверь. И если он увидит, что в вашем доме царит доверие, любовь и согласие, впустит в ваш дом счастье и благополучие. Делайте всегда добро, невзирая на свои обиды, как это сделала моя дочь Эльза, спасая раненного солдата. Будьте правдивы, честны и милосердны, как

мой сын Герхард. Будьте мужественны и справедливы, как генерал Романов Игорь Захарович, который невзирая ни на что, поставил свою жизнь на плаху ради спасения моего сына Герхарда. Дорогие мои, – обращаясь ко всем, – я желаю всем Вам крепкого здоровья, счастья и радости, той, какой меня одарил господь.

Его слова, его речь были такими проникновенными и искренними, что после завершения их, гости в первую минуту молча подняли свои бокалы и выпили. И когда свои пустые бокалы, поставив на стол, обернувшись по сторонам, проникнув всей душой словам доктора, стали обнимать друг друга. А затем, каждый поочередно подойдя к доктору Штаубе, обнимая, крепко пожали ему руки...

ГЛАВА 4. Это сладкое слово «свобода»

Никакие доводы союзных государств и государств, входивших в альянс против Германии, не могли убедить правительство Австрийской республики и его народа принять их условие. Австрийское правительство категорически им заявило о том, что не приемлет присутствие на своей территории войска какого-либо государства. Оно заявило полный нейтралитет Австрии и отказалось вступать в какой-либо альянс. Принимая во внимание волю народа и Австрийского правительства, Советский Союз был вынужден вывести свои войска с ее территории, и Австрия стала независимой страной.

Узнав об этом, Саидходжа и Эльза пришли к бургомистру Зальцбурга с прошением о том, чтобы получить австрийское подданство Саидходжой, а так же узаконить их союз. Через две недели, после того, как они подали заявление, их просьба была удовлетворена, и Саидходжа получил Австрийское гражданство. Хотя в его народе это не принято, но из-за сложившихся обстоятельств Сайдамагов Саидходжа, взяв фамилию жены, стал Гербером.

После того, как он получил гражданство, пригласил всех своих близких друзей и отметили это значимое событие в их жизни.

На следующее утро Саид сказал Эльзе, что они пойдут домой к отцу. Когда Эльза, выйдя на улицу, протянула ему ключи от его машины, он ей сказал,

– Дорогая, мы к отцу пойдем пешком,

– Почему, что машина сломалась?

– Нет, с машиной все в порядке, просто я сам хочу пройти пешком. Понимаешь, с марта 1945 года, из-за того, что я беженец, всегда по городку перемещался скрытно. А теперь, я полноправный гражданин этой замечательной страны. Хочу полной грудью испытать эти чувства, хочу пройти по улицам нашего городка гордо и с приподнятой головой.

Эльза, услышав его слова, крепко его обняла и сказала,

– Да любимый, ты абсолютно прав, мы так и сделаем.

Когда шли по улицам городка, Саид не мог полностью скрыть свои эмоции. Сегодня, делая каждый свой шаг,

невольно ловил себя на мысли, что чувствует себя безгранично счастливым. Практически не испытывал чувства страха, шел и радовался тому, что ему теперь ничто не угрожает, он свободный человек. Когда Эльза, приветствуя, здоровалась со знакомыми, Саид, вежливо снимая свой головной убор, тоже их приветствовал. Так они дошли до дома отца и, войдя в дом, Саид, увидел отца, идущего ему на встречу, и с восторгом произнес,

– Папа, я сегодня намеренно оставил машину дома и пришел к Вам пешком.

– То-то, я не слышал гул подъезжающей машины, – здороваясь с ним, ответил доктор Штаубе.

– Вы знаете, почему я так сделал?

– Нет, понятия не имею,

– Чтобы почувствовать себя членом этого общества. Чтобы больше не прятаться, как беглый каторжник. Я хотел вкуть запах свободы, вдохнуть полной грудью воздуха свободы, хотел больше не оглядываться по сторонам. Дорогой папа, – обнимая доктора, говорил Саид, – оказывается это самые прекрасные чувства, о которых мы люди порой забываем и не замечаем их.

– Ты совершенно прав сынок и я, искренне рад тому, что, несмотря на свой возраст, ты еще и мудр. – Поцеловав его, произнес доктор Штаубе.

Пока Саид разговаривал с отцом, Луиза с Эльзой накрывали на стол, а когда они это сделали, за столом Саид им всем

сказал,

– Когда мы освобождали Венгрию, Чехословакию и входили в Австрию, я видел немало прекрасных и древнейших замков. У меня на Родине тоже есть немало строений древнего зодчества моего народа. Когда-нибудь, если мне удастся, я повезу вас в Самарканд, в Бухару, в Хиву. Там есть такие замечательные дворцы, которым более двух тысяч лет. Увидев их, вы поразитесь тому, как они сумели сохранить свое первозданное величие. Я сын простого ремесленника, любуясь этими замками, не мог себе представить о том, что когда-нибудь у меня будет возможность построить свой замок. Замок потомственных докторов Штаубе. Дорогие мои, сегодня идя к вам пешком, я решил, надеюсь, мне это удастся, построить большой замок, наш семейный замок. – Услышав это, все присутствующие недоуменно смотрели на него, а он продолжил. – Папа, я хотел бы, чтобы все мы жили под одной крышей, чтобы Вы были главой всем нам. Что Вы скажете на это?

Кроме отца, все подняли свои руки. Увидев это, Саид спросил у него,

– Папа, Вам не понравилась моя идея?

– Почему не понравилась, еще, как понравилась, конечно. А как будет звучать замок докторов Штаубе? – Произнеся эти слова, вдруг уныло опустил свою голову.

– Папа, что с Вами? Вам плохо? – с тревогой, спросил у него Саид.

– Да, так, – с прослезившимися глазами, похлопывая по руке Саида, произнес отец. – Строить замок, это хлопотно и долго. Дожить бы до этих счастливых дней, – вновь опуская свои глаза, произнес доктор.

А Саид, как бы успокаивая его,

– Вы что папа. Непременно доживете, и своих внуков там жените. Вон Ваш друг, Граф Розенберг, в свои девяносто лет еще вполне ничего, а Вам-то и семидесяти нет.

– Так-то оно так, но у Графа в жизни не было проблем. А мне в свои семьдесят пришлось натерпеться столько, сколько им пятерым хватило бы.

– Папа, Вы же сами доктор и не Вам ли хорошо известно то, что нельзя думать о плохом и негативном. Вы же сами учите нас быть оптимистами и верить только в хорошее, не быть пессимистами. Так что если Вы нас любите и желаете нам добра, прошу Вас, больше так не говорите, мы Вам это запрещаем.

Пообедав, мужчины поехали, чтобы выбрать место для замка. Определившись с местом, вернувшись, домой решили не откладывать и начать строительство немедленно. Но для этого им нужен был архитектор, чтобы спроектировать проект будущего замка. Герхард с Арнольдом, предварительно подбросив до дома Саида с Эльзой, в поисках архитектора, поехали в Вену.

Когда Саид с Эльзой ехали домой, он заметил, как супруга чем-то расстроена и из-за этого она до дома доехала молча.

Проводив Герхарда и Арнольда в путь, Саид попросил Эльзу пойти с ним беседку в саду и, пройдя в нее, сел на лавочки, и крепко обняв ее, спросил,

– Что с тобой случилось? почему ты грустная и от чего печалишься?

Эльза крепко обняла его, и сильно прижавшись к нему, со слезами на глазах спросила,

– Саид, ты ведь никогда меня не бросишь? Правда же, никогда не бросишь?

Саид, приподняв ее голову, и поцеловав ее,

– Глупышка, конечно, не брошу,— и, увидев заплаканное ее лицо, – постой, постой, а почему ты меня об этом спрашиваешь? А ну-ка признавайся, что случилось, и что побудило тебя во мне усомниться?

– Не в тебе, – пытаюсь опустить свои глаза, – а во мне.

– И что же?

– Когда мы накрывали на стол, Луиза мне сказала, что у них с Арнольдом будет ребенок.

– И все?— удивленно спросил Саид, – это же просто замечательно, что у нас скоро будет племянник. Ты, что не знала о том, когда люди женятся, у них появляются дети? – Своим пальцем, слегка щёлкнув по ее носу, сказал Саид.

– Да, они муж и жена, я знаю, что так должно быть. Но они поженились после нас и вот уже ждут ребенка, а мы с тобой женаты давно, но детей у нас нет, потому, что я не могу забеременеть. Вот почему я тебя спросила, вдруг я бесплодная

и у нас не будет детей. Все мужчины хотят, чтобы у них были наследники, если я не рожу тебе детей, возможно, ты меня бросишь, – и тут Эльза заплакала. – Ты столько делаешь для своих будущих детей. Если их у тебя не будет, кому все это оставишь?

Саид, слушал ее не перебивая, пока она не выговорится, и когда супруга замолчала, нежно ее обняв, сказал,

– Дорогая, милая моя Эльза. Ты здесь совершенно не причем, во всем виноват я, а не ты.

– Почему ты, почему на тебе вся вина? Нет, это я виновата, я, – и она вновь разрыдалась.

– Родная моя, вспомни, в каком состоянии и где ты меня нашла. А ведь в то время в горах лежал снег, и вода в реке была ледяной. То, что я жив и то, что сижу рядом с тобой, кроме как чудом нельзя назвать. Боли в спине и в паху, хотя и не говорил тебе, еще не прошли, особенно когда портится погода, перетерпеть боль бывает невозможно. Да и побои, учинённые мне, в застенках особого отдела, не пройдут даром, ведь эти палачи знают куда бить. Так, что не ты, а я должен бояться того, не бросишь ли ты меня. Это я должен просить у тебя прощения за то, что ты не сможешь ощутить прелести материнства. Прости меня родная, если сможешь, – затем крепко ее поцеловав. – Родная, пока мы любим друг друга, пока в нашем сердце есть тепло, все это мы без остатка отдадим детям Арнольда и Герхарда. Мы их будем любить, как собственных детей.

– Спасибо любимый за твою доброту, за ту заботу, которую ты оказываешь моим родным и близким.

– Если бы не ты, разве я мог бы кому-либо сделать добро.

– Тогда и мне спасибо. А на счет Герхарда не беспокойся, теперь мы не отстанем от этого холостяка до тех пор, пока он не женится. И еще, а нашего сына Саидакмала, нужно любыми путями вырвать оттуда. Если он будет с нами, мой дом будет полон,— сказав, Эльза долго целовала Саида. А Саид, услышав ее слова о его сыне, не понимал границ ее души. Она у нее была необъятной...

ГЛАВА 5. Встреча Герхарда с Барбарой

Герхард и Арнольд к вечеру того же дня были уже в Вене. Так как было порядком поздно, и рабочий день закончился, решили делами заняться завтра с утра. И они поехали искать гостиницу для ночлега. Сняв номер и заселившись в гостинице, друзья пошли поужинать в ресторан. Проходя мимо одного здания, Герхард прочитал вывеску над дверью «Частная медицинская консультация доктора Хофлинга». Он тут же остановил Арнольда,

– Постой, постой, если не ошибаюсь, доктор Хофлинг был моим учителем в Берлинской Медицинской Академии. Давай зайдем к нему.

Арнольд согласился. Когда он позвонил в дверь, к ним вышла молодая и очень красивая девушка. Увидев у порога

незнакомых мужчин, она сказала,

– Если вы пришли на прием, то опоздали. Доктор Хофлинг принимает с девяти утра до восьми вечера.

– Нет, нет. Простите меня, пожалуйста, фрау, это клиника принадлежит доктору Хайнцу Хофлингу, хирургу из Берлина?

– Да моего дядю зовут Хайнц Хофлинг. Он действительно переехал к нам из Берлина. А по какому вопросу он вас интересуется?

– Видите ли, фрау, доктор Хофлинг до 1929 года преподавал в Берлинской Медицинской Академии, где ваш покорный слуга учился. Он сейчас дома, могу ли я его увидеть?

– Да, конечно, рабочий день закончился, и дядя сидит у себя в кабинете, читает книгу. Прошу вас, проходите, пожалуйста, сейчас его позову, – пригласив их в дом, девушка направилась в кабинет доктора.

Не успела она отойти от них и пару шагов, Арнольд ткнул Герхарда по спине, и плавно руками очертил фигуру девушки. Она хоть и была спиной к ним, интуитивно заметив их мысленный диалог, резко обернулась. Арнольд, пытаясь быстро опустить свои руки, не заметил стоящую у стены железную кованую подставку для вазы и со всего размаху ударил по ней. Подставка с грохотом свалилась на пол. На это доктор сам выглянул из кабинета. А Арнольд крепко схватившись за раненную руку, прыгая от боли, в ужасе увидел как быстро опухает рука и вскрикнул,

– Смотри Герхард, пришли проведать человека, а теперь уйдем от него как пациенты. О Господи, как же больно и что я теперь скажу Луизе? – сотрясался он.

А доктор Хофлинг, надевая очки на глаза, спросил у племянницы,

– Барбара, что здесь происходит?

А она, улыбаясь, ответила ему,

– Эти молодые люди хотели увидиться с вами, и видимо не заметив подставку для ваз, уронили ее.

– Я сколько раз тебе говорил, переставь ее на угол. Каждый раз, как только кто-то ее роняет, она вновь оказывается здесь. – Подходя к ним, вслух говорил доктор, и обращаясь к ним. – Слушаю вас молодые люди, по какому вопросу я вас интересую?

– Доктор, не узнаете меня? – помогая Арнольду, спросил у него Герхард.

Подойдя ближе и пристально взглянув на него, доктор радостно вскрикнул,

– Герхард, Герхард фон Штаубе. Неужели это вы? Какими судьбами? Здравствуйте, здравствуйте мой друг, – протягивая ему руку и поздоровавшись с ним, протянул руку и Арнольду.

– Извините меня доктор, боюсь я не смогу пожать вам руку, – и, застонав, показал свою опухшую руку.

– А ну ка, – и увидев его сломанную кисть, – как же вы молодой человек на ровном месте умудрились сломать ее.

Скорее разувайтесь и идите за мной, – а затем обратившись к племяннице. – Барбара, ты пока чемнибудь займи Герхарда, он был моим самым одаренным и любимым учеником.

– Может быть мне вам помочь? – спросил у него Герхард.

– Нет, нет. Там вы мне будете только мешать, лучше идите с Барбарой, а мы с вашим приятелем займемся его рукой.

Герхарду ничего не оставалось, как подчиниться просьбе и с Барбарой прошел в гостиную. Зайдя туда, Герхард удивился увиденному. В гостиной посередине стоял огромный дубовый стол с двенадцатью стоящими вокруг него стульями. Вдоль двух стен располагались большие шкафы, набитые книгами в несколько рядов. Оглядывая гостиную, Герхард не упускал возможности разглядеть Барбару. Вдруг она сама заговорила с ним,

– Вы почти не изменились господин Штаубе.

– А мы разве с вами знакомы? – удивленно спросил Герхард у нее.

– Нет, просто у дяди очень много ваших совместных с ним фотографии. Просто вы возмужали и немного повзрослели, а так все тот же.

– Вы хорошо проинформированы обо мне, – удивленно сказал Герхард.

– А как же, дядя Хайнц из всех своих студентов только вас одного вспоминал. А воевать вам пришлось?

– Да, пришлось.

– И где? Надеюсь, не на Восточном фронте?

– Именно там я и воевал.

– Натерпелись, наверное?

– Не без этого.

– А где, если не секрет, вы воевали?

– На Кавказе, на Кубани, и под Сталинградом тоже пришлось повоевать.

– В этом аду? – удивилась Барбара.

– Да и там, а потом в составе Красной Армии дошел до Берлина.

– Это, как?

– Врачом, конечно,

– В плен попали, что ли?

– Нет, после контузии оказался у них,

– И не пытались бежать?

– Я в то время потерял память и только недавно она ко мне вернулась.

– Да вы что? А сейчас чем занимаетесь?

– С приятелями строим оздоровительный реабилитационный центр, санатории и клинику.

– Это очень благородно с вашей стороны, люди, тем более те, кому пришлось натерпеться на этой проклятой войне, нуждаются в таких центрах. Дядя Хайнц тоже помогает таким людям безвозмездно. Считает своим долгом для тех, кому пришлось воевать, отплатить своим трудом.

– Очень любезно с его стороны.

– Но, к сожалению, денег не хватает на содержание нашей

медицинской амбулатории. Сами понимаете, война, разруха, работы нет и отсюда у людей нет денег. Крутимся, как можем, иногда нам помогают частные пожертвования.

– Не беспокойтесь Барбара, отныне вы ни в чем нужды испытывать не будете, это я могу вам твердо пообещать.

Услышав его слова, Барбара, так нежно и так пристально посмотрела на него, что своим взглядом насквозь пронзила Герхарда. Как раз в это же время открылась дверь в гостиную, вошли Арнольд с загипсованной рукой и доктор Хофлинг. И Арнольд прямо с порога сказал,

– Перед Луизой будешь сам отдуваться. Надо же, на войне без царапины и без переломов, а тут пошел в гости с ним, – показывая на Герхарда, – на тебе, получай перелом. Нет в следующий раз я тебя буду дожидаться в гостинице, а то осталось еще и ногу сломать.

– Смотри Арнольд, будешь много ворчать так и получишься.

– Сплюнь, – сказав, сам несколько раз сплюнул через свое плечо, а затем, – все молчу.

А тем временем, доктор Хофлинг обратился к Барбаре и Герхарду,

– Я надеюсь, пока мы с вашим приятелем лечили ему руку, вы хотя бы познакомились, – получив одобрительное «Да». – Дочка, наверно, пора на стол накрывать. Наши гости проделали немалый путь от Зальцбурга до Вены, и как я понял со слов Арнольда, шли в ресторан поужинать.

– Да, конечно, я сейчас, – сказав, Барбара удалилась.

Герхард хмуро взглянул на Арнольда, а он, поймав на себе его взгляд,

– А что, не так что ли бы было, пока ты не увидел вывеску на дверях.– Вопросительно отвечая на его взгляд, оправдывался Арнольд.

– Дорогой господин Хофлинг, не стоит беспокоиться, мы лучше сейчас пойдем, у нас еще есть незавершенные дела, а завтра утром непременно придем, – немного смущаясь, сказал Герхард.

– У вас на сегодня никаких дел нет, я уже об этом знаю,– твердо сказал доктор, усаживая на место Герхарда.– И еще, никаких гостиниц, отныне, вы будите жить у меня, мест для всех хватит.

Опять Герхард взглянул на Арнольда как на предателя, а тот, как бы говоря, а я тут причем, стал разводить здоровую руку в сторону.

– Пока Барбара будет накрывать на стол, может пройдем ко мне в кабинет. – Предложил доктор и, получив согласие, повел их за собой.

В кабинете доктора также повсюду стояли стеллажи с книгами, а в некоторых местах они лежали стопками даже на полу. Увидев это Герхард, сказал

– Куда ни глянь у вас везде книги, и даже в гостиной вместо привычной в таких случаях мебели лежат книги

– Что гостиная, у меня даже в спальне они занимают ме-

ста больше чем сама кровать, оправдывался доктор. – Когда стали массированно бомбить Берлин, с осени 1944 года, нам с Барбарой пришлось срочно эвакуироваться. А так как кроме книг у меня ценнее ничего нет, я захватил именно их. А эта квартира моего покойного брата Клауса, кстати, Барбара его дочь.

Усадив своих гостей за просторные старинные кресла, доктор, пройдя на свое место, стал расспрашивать Герхарда.

– Как поживает ваш отец доктор Штаубе?

– Слава богу, хорошо. Пока также как и Вы, практикует частными консультациями.

– А почему пока?

– Мы строим очень большой реабилитационный медицинский центр, а также клинику. Когда строительство завершится, папа его возглавит.

– Это очень прекрасно. Значит, и вы будете там практиковать?

– Пока не знаю, так как мы с моими братьями затеяли грандиозную стройку на несколько лет вперед. И до ее завершения, скорее всего, с медицинской практикой мне придется повременить.

– А жениться хоть успели?

– Откуда, – в разговор вмешался Арнольд, – он же у нас тихоня и стеснительный, боится подходить к девушкам.

– Так вы еще не успели обзавестись семьей?

– Нет, сначала учеба, а потом война...

– А сейчас стройка, – опять влез в разговор Арнольд, – кстати, доктор, простите за нескромный вопрос, а ваша племянница Барбара замужем?

– Арнольд, замолчи, не лезь, куда не надо, – попытался остановить его Герхард.

– Это ты пока сиди и разглядывай лежащие перед тобой книги и не лезь в разговор взрослых. Тут обсуждаются серьезные дела. Так, доктор, ваша племянница замужем?

– К сожалению, нет. Хотя я неоднократно уговаривал ее это сделать, но она категорически отказывается и не хочет оставлять меня одного.

– Прекрасно, Вас никто одного оставлять и не собираются. У нас и место есть и работа в будущем центре. А для таких врачей как Вы и подавно место найдется. Для нас будет огромной честью, если Вы, доктор Хофлинг не откажете нам переехать из Вены в Зальцбург. Вы там практиковали бы также как и здесь, а Барбара будет рядом и помогала бы Вам.

– А что, идея не плохая, – соглашаясь с Арнольдом, добавил Герхард. – Доктор Хофлинг, может, и впрямь поедете к нам? Как мы с Арнольдом завершим свои дела в Вене, сразу же поедем обратно в Зальцбург, может, и вы поедете с нами. По приезду осмотритесь, если вам понравится у нас, мы вам купим дом, и, конечно же, перевезем все ваши книги.

– А почему бы и нет, – принимая их предложение, сказал доктор. – Здесь меня удерживала Барбара, а если она тоже поедет со мной, я с удовольствием соглашусь с вашим

предложением, тем более повидаясь с вашим отцом. Только у меня есть одна просьба, ближайшие три дня я должен быть здесь, долечить своих пациентов, курс лечения завершится через три дня, а дальше я свободен.

– Да, и у нас на эти три дня куча дел, – кивая головой, сказал Арнольд.

– Кстати, а по какому вопросу вы приехали в Вену, может быть, я могу чем-то вам помочь? – спросил у них доктор.

– Мы приехали в Вену в поисках хорошего архитектора, хотели предложить ему спроектировать проект замка в наших исконных традициях.

– Да вы что? – удивился доктор, – хотите еще и замок построить?

– Да и очень. У меня есть названный брат, Саид, он азиат, это его идея, хочет, чтобы отец мог в нем пожить, а мы его поддержали, – сказал Герхард.

– Это прекрасно и очень любезно с вашей стороны и мне кажется, я могу вам помочь. У меня есть приятель, который занимается именно архитектурой. И, как мне известно, у него с детства есть мечта спроектировать и участвовать в строительстве замка. Я больше чем уверен, он за ваш заказ возьмется всей душой. Поверьте мне, в Вене лучше его архитектора вам не найти.

– Мы будем только рады этому, – сказал Герхард.

– Прекрасно, я ему сейчас же позвоню и предупрежу, чтобы завтра к полудню он к нам пришел, вы согласны?

– Да, нас устраивает,
– Тогда договорились,

В это время в дверь кабинета постучала Барбара,

– Да доченька,
– Дядюшка, зовите гостей к столу, – сказала она.

За ужином, они проговорили аж до самой ночи. Потом Барбара, приготовив гостевую спальню, провела их туда. Войдя в спальню, Арнольд еще долго не мог уговориться,

– Видишь, как все удачно сложилось, и врача нашли для клиники, и архитектора, но самое главное, для тебя невесту. Если бы ты знал, как меня теперь все будут благодарить за то, что я тебе ее нашел. – Как бы гордясь собой, произнес эти слова Арнольд.

– Арнольд, успокойся, – попытался его остановить Герхард.

– Что Арнольд, ты, что не видишь, как она прекрасна, а какая у нее фигура? – так смакуя, произнес эти слова. – Если бы я не был женат на Луизе, такой шанс не упустил бы и за ней приударил. Это точно, так что я ее тебе уступаю.

– Ну что ж, как только мы окажемся дома, я расскажу Луизе, как ты восхищался другими женщинами.

– Только попробуй. Я же не в прямом смысле тебе это говорил, а в образном.

– А я будто поверил после того, как был свидетелем, какие же слюнки потекли у тебя, когда увидел ее. Так что свое образное понимание объяснишь Луизе, надеюсь, она тебя пой-

мет, – вполне серьезно и со строгим взглядом произнес Герхард.

– Герхард, ты что серьезно говоришь?

– Да, я абсолютно не шучу.

– Я же старался ради тебя, – оправдывался Арнольд.

– Ладно, давай спать, а завтра решим, стоит или не стоит говорить Луизе.

– Нет, не стоит.

– И почему же нет?

– Ей нельзя сейчас волноваться.

– И почему же ей нельзя волноваться? – С иронией спросил Герхард.

– Она ждет ребенка.

Услышав это, Герхард резко вскочил с места и подойдя к Арнольду, крепко его обняв,

– Это правда?

А Арнольд, корчась от боли сломанной кисти, со стоном сказал,

– Да, правда, а теперь слезь с меня, нечего тренироваться на мне.

– Я рад, очень рад, – еще несколько раз поцеловав его, говорил Герхард. – Спасибо, брат. Значит, скоро буду дядей, – радуясь, говоря, – я сейчас вернусь, – сказал Герхард и быстро собрался куда-то.

– Куда собрался, ты же вроде хотел спать? Веришь, я не против тебя в этом поддержать, – сказав, Арнольд стал отво-

рачиваться.

– Какой спать, я сейчас сбегаяю на кухню, принесу коньяк и мы с тобой это дело должны отметить.

Не успел остановить его Арнольд, как Герхард пулей выскочил из спальни. Захватив из кухни целый поднос всякой всячины, вернувшись обратно, почти до самого утра вместе с Арнольдом обмывали будущего племянника. И ближе к расцвету они уснули мертвым сном.

Как обещал доктор Хофлинг, его друг архитектор Алекс Фишер подошел к полудню. А приятели, благодаря своим ночным приключениям, еще спали младенческим сном.

Постучав в дверь спальни и не услышав ответа, Барбара осторожно заглянула внутрь и от увиденного она громко расхохоталась. На ковре между диванами стоял поднос с недоеденными фруктами и сладостями. Рядом лежали несколько пустых бутылок из-под коньяка и вин. Там же, кое-как укутавшись, с двух сторон мирно спали Арнольд и Герхард. Скорее всего, они, опьянев, наверное, не сумели добраться до постели и уснули там, где и пили. Кое-как разбудив Герхарда, она сказала ему, что архитектор пришел и ждет их, сама ушла.

Ребята быстро вскочили со своих мест, и слегка прибрав за собой, побежали в ванную, чтобы привести себя в порядок. Переодевшись и извинившись за опоздание, они вошли в гостиную. Доктор Хофлинг представил им своего друга,

– Знакомьтесь, это мой старинный друг, мы с ним выросли

вместе, архитектор Алекс Фишер.

Обменявшись любезностями, Герхард и Арнольд представились. А затем, вместе позавтракав, вчетвером прошли в кабинет доктора Хофлинга. Там, Герхард вкратце объяснил ему свои намерения и господин Фишер, внимательно выслушав, пригласил их к себе на работу, в архитектуру. Договорившись о встрече, они расстались, а доктор Хофлинг проводил друга и отправился к своим пациентам. А Герхард с Арнольдом пошли в гостиницу, чтобы забрать машину и свои вещи.

– Слушай Герхард, – по дороге спросил у него Арнольд, – мы ведь вчера в гостинице не ночевали и дальше теперь там жить не будем.

– И что?

– Как, что? А оплата, выходит, мы зазря им заплатили.

– Выходит,

– Нет, я этого так не оставлю. Потребую у них хотя бы половину суммы, – а потом немного поразмыслив. – Хотя с другой стороны, может это и к лучшему, что мы там не ночевали. Сколько позитива мы получили за эту ночь, архитектора нашли, доктора и невесту для тебя. Может к черту эти деньги, оставим им на чаевые, что скажешь? – Спросил он у Герхарда.

– Если ты так считаешь, ладно, я поддерживаю тебя,

– Хотя, мне кажется слишком много для чаевых, половины им хватило бы.

– Ты опять?

– Все я молчу, – прикладывая палец к своим губам, сказал Арнольд.

Проекты архитектора Фишера им очень понравились и, договорившись с ним уже детального осмотра его проектов на месте, решили поехать вместе в Зальцбург.

В тот же день Герхард и Арнольд заехали в компанию торгующей спецтехникой, предупредили о том, что недавно заказанную Герхардом технику на днях заберут. Затем друзья заехали на биржу труда и оставили заявку на 200 высококвалифицированных строителей в последующем увеличением их числа еще на несколько сотен.

Уже к трем часам дня все их дела в столице завершились. Катаясь по городу, Арнольд сказал Герхарду,

– Мы так быстро справились со всеми делами, аж самому не верится. Теперь, что, у нас еще сутки впереди пока твой тесть с невестой закончат свои дела? – Специально акцентируя на словах тесть и невеста, он рассмеялся.

Герхард тоже был не против приколов Арнольда, и улыбнувшись, сказал,

– А не хочешь пройтись по магазинам и купить что-нибудь для Луизы и Эльзы.

– Точно, идея прекрасная, поехали, – и приятели до вечера то прогуливались, то ходили по магазинам, и когда начало темнеть, сильно уставшие вернулись обратно.

А уже к обеду следующего дня дождавшись пока доктор

Хофлинг выполнит обязательства перед своими пациентами, вместе с архитектором Фишером, двинулись в сторону Зальцбурга. И когда они к вечеру подъехали к дому, их там ожидали Саид с Эльзой...

ГЛАВА 6. Счастье отца

Услышав, как подъехала к дому машина, Луиза выбежала на улицу и увидев Герхарда выходящего из него, крикнула, – Они приехали, – и побежала к ним на встречу.

В сумерках она и не заметила загипсованную руку мужа, обнимая и увидев, как его рука висит на повязке через шею, с испугу спросила у него,

– Что случилось с твоей рукой?

– Я пожертвовал ею ради твоего брата.

– Это как?

– Потом, а пока встречай гостей, мы не одни, – сказав, указал на них,

Тем временем на улицу вышли доктор Штаубе, Саид и Эльза. Все они в первую очередь среди гостей заметили Барбару и переглянулись между собой. Барбара, заметив на себе их оценивающий взгляд, немного смутилась. поприветствовав гостей, доктор среди них увидел доктора Хофлинга.

– Дорогой Хайнц, неужели это вы? – И подойдя к нему пожав ему руку, обнял его.

– Да дружище, как видите это я, – улыбаясь, ответил док-

тор Хофлинг.

– Я рад, очень рад вас видеть у себя дома, – держа его за плечи, сказал доктор Штаубе.

– Прошу вас дорогой Карл, знакомьтесь, – представил ему племянницу и друга архитектора. – Это моя единственная племянница Барбара, дочка моего покойного брата Клауса. – Затем повернувшись в сторону и показывая на архитектора Фишера. – А это мой старый приятель архитектор Алекс Фишер. Ваши сыновья рассказали мне о своих планах, и я рекомендовал им моего друга Алекса как одного из сильнейших архитекторов страны.

Протянув ему руку и поприветствовав его, доктор Штаубе представился,

– Доктор Карл фон Штаубе, а для друзей просто Карл. Надеюсь, мы с вами подружимся, – и, приглашая гостей в дом, он им представил Луизу, Саида и Эльзу.

– С Герхардом и Арнольдом вы уже знакомы, разрешите вам представить остальных моих детей. Вот этот молодой человек, – подзывая к себе Саида, – мой старший сын Саид, а эта очаровательная фрау его супруга и моя старшая дочь Эльза, а это девушка моя младшая дочь Луиза, супруга Арнольда. – А потом, обратившись сыновьям,

– Саид, Герхард, мы пока зайдем гостей, а вы занесите их багаж в дом. Эльза, Луиза, я вам поручаю эту прекрасную фрейлину, – показывая на Барбару, – ступайте в дом и накрывайте на стол, нам надо отметить встречу с моим другом

Хайнцем.

Как только отец попросил дочерей об этом, Луиза с Эльзой взяли Барбару за руки и побежали домой. Пока доктор Штаубе показывал гостям дом, дочери уже накрыли на стол. Предупредив отца об этом, они с Барбарой пошли обратно на кухню.

Доктор Штаубе пригласил гостей к столу и повел их в гостиную. Как это бывает при встречах давнишних друзей, после ужина приятели продолжили беседу в кабинете доктора.

Барбара, своей неприхотливостью и простотой, сразу же понравилась Эльзе и Луизе, и уже через несколько часов общения они были как близкие подружки. А Саид, Герхард и Арнольд, пока их жены освободятся, пошли в сад.

– Ну как тебе Барбара? – спросил у Саида Арнольд.

– Ничего, симпатичная девушка,

– Как это ничего, она королева, принцесса. Это я ее нашел для Герхарда, – гордо сказал он.

– Прямо это ты нашел? – Усмехаясь над ним, сказал Герхард,

– Конечно я, а кто же еще. Мне даже пришлось заступиться за нее, видишь Саид, я даже руку свою сломал.

– Саид теперь должен как бы тебе поверить? – вновь усмехнулся Герхард,

– Почему бы и нет. Рука сломана, это факт. Барбара есть и она здесь, тоже факт. Доказательство имеется, так что ему стоит поверить.

– А ты ему расскажи, с кем же тебе пришлось подраться, защищая Барбару. А может быть мне самому это сделать? – тут Герхард не на шутку рассмеялся.

– Но ты же не будешь отрицать того, что она с дядей здесь только благодаря мне. Кому принадлежит идея перевезти их в Зальцбург? Мне!

– В этом я полностью согласен, они здесь по твоей инициативе и это полностью твоя заслуга. Но в остальном...

– А остальное никого не интересует, главное она здесь, Барбара тебе понравилась, ты это не можешь отрицать. Так что давай больше не будем принижать заслуги остальных, договорились, – сказав, он протянул Герхарду здоровую руку,

– Твоя взяла, договорились, – сказав, Герхард пожал ему руку.

– Так-то оно лучше, – гордо кивнул Саиду.

Утром после завтрака все мужчины собрались и поехали на стройку, где полным ходом шла подготовительная работа реабилитационного центра и санатория. После его осмотра, архитектора Алекса Фишера повезли на место, где Саид предполагал строительство замка.

Господин Фишер и друг доктора Штаубе доктор Хофлинг были поражены красотой окружающей природы. Снежные альпийские горы, потрясающие хвойные леса, идеальный ландшафт не оставили их равнодушными. Архитектор Фишер, увидев всю эту красоту, и как бы попав в свою среду,

с восторгом произнес,

– Воистину, божественные места! Как здесь прекрасно и великолепно. Дорогой мой друг Карл, если здесь построить замок, ему цены не будет. А кому принадлежит идея строительства замка именно здесь? – спросил у доктора Штаубе.

– Саиду, – сказал он.

Удивленно обернувшись к нему, архитектор Алекс Фишер, крепко пожал ему руку и сказал,

– Прекрасно, прекрасно молодой человек. Вы выбрали для замка изумительное место. Поверьте мне, лучшего места и придумать было невозможно. Господи, моя мечта, наконец, сбылась. Я построю для вас такой замок, равного которому не будет не только в Австрии, но он будет конкурировать и с мировыми шедеврами. В этом вы можете не сомневаться.

– Мы на это и рассчитываем, – ответил ему Саид.

– Не сомневайтесь, – уверенно кивая головой, сказал архитектор.

Потом Саид подозвал водителя и рядом с ним сидевшего человека, который сопровождал их от реабилитационного центра. Затем обратившись к архитектору Фишеру, он их представил,

– Этого человека зовут Карл Либерман, ваш коллега, вы проектируете, а Карл строит. И в проектах очень хорошо разбирается. Карл будет вашим помощником. А этого нашего друга зовут Фредерике Фалье, он итальянец, будет вашим во-

дителем. Если вам что-либо понадобится, вы можете к нему обратиться. Жилье для вас уже готово и Фредерике знает куда везти. По рекомендации Карла необходимое оборудование, инструменты и принадлежности куплены. Прошу вас проверить их, и если чего-то не хватает, обратитесь к Карлу или Фредерике, и они вас свозят туда, где можно это приобрести.

– Саид, я могу сегодня остаться здесь и сделать для себя кое-какие наброски.

– Нет проблем, с сегодняшнего дня вы здесь командуете. На обед ужин Фредерике будет вас возить.

– Договорились.

Вечером все они собрались на ужин в доме доктора Штаубе и архитектор Фишер все еще не мог успокоиться от увиденного и, обращаясь к доктору Штаубе, спросил у него.

– Дорогой Карл, реабилитационный центр, санаторий, клиника да еще и замок, потребуют от вас колоссальных затрат и средств. Неужели у вас есть такие средства, да еще после войны, когда каждая копейка на счету?

– Это не у меня, а у моего сына Саида,

– У Саида? – удивляясь, и как бы оценивая, пристально взглянув на него. – Но глядя на него не скажешь, что он сын Султана или же какого-нибудь Эмира. Правда по нему видно, он очень образованный и дальновидный парень, но...

Тут Саид, заметив на себе его пристальный взгляд и услышав его слова, вставая с места, и вполне серьезно с суровым

взглядом, ему сказал,

– Господин Фишер, ваша задача вполне четко и предельно ясна, спроектировать и построить наш замок. А финансовую сторону, прошу вас, отныне не затрагивать, и пусть в будущем она вас не касается, вам все ясно? Это наше прерогатива и пожалуйста, оставьте решать ее нам. Договорились? – он так пронзительно произнес эти слова, что господину Фишеру стало не по себе.

– Да, конечно, действительно она меня не касается, – немного волнуясь, произнес он.

Доктор Штаубе, Герхард и Арнольд, до этого всегда видевшие молчаливого и скромного Саида, вдруг увидели в нем сурового и властного человека. Когда он обращался к господину Фишеру, они, заметив его взгляд, переглянулись между собой. В этом взгляде было что-то таинственное и необъяснимое, из-за которого у всех у них по спине побежали мурашки.

– Герхард, Арнольд, пойдемте со мной, – сказав, не оборачиваясь, вышел из дома. Друзья быстро последовали за ним. – Арнольд, выгони внедорожник, оденьтесь потеплее и захватите ружья, – сказал им Саид,

– Что на охоту поедем?– Пытаясь улыбнуться, спросил Арнольд.

– Нет, потом узнаете, жду вас дома. Герхард предупреди Эльзу, пусть сегодня заночует у отца. Нас до завтрашнего вечера не будет, – сказав, Саид сел в свою машину и уехал

к себе домой.

Ничего не понимая, Герхард и Арнольд, предупредил Эльзу, чтобы заночевала здесь, взял с собой все, о чем просил Саид, а также еду, на внедорожнике подъехали к дому Саида. Саид их ожидал на улице. Пересадив Герхарда на пассажирское сидение, сам сел за руль, и резко тронувшись, поехал в сторону гор. Какое-то время они ехали молча. Тишину прервал Саид.

Он им рассказал о том, как его разведгруппа напоролась на СС-цев, которые грузили ценности в штольне там в горах. Как им удалось отбить их у них и о том, как из-за пробоев в колесах грузовика им пришлось спрятать машину с драгоценностями в какой-то яме. Рассказал о бое, в котором все кто знал о драгоценностях, погибли, и только он один остался в живых. Как его несколько дней пытали особисты, добиваясь узнать, где спрятан грузовик. Рассказал о том, что когда его везли в особый отдел Армии, попали в засаду и машина, в которой его везли, напоролась на мину. А затем на берегу реки его нашла Эльза.

– Возможно, вы скажете, если бы я указал бы место, где спрятан грузовик, они меня отпустили бы. Но скажите мне, если это было так, тогда почему они меня пытали, били, угрожали? Почему они мне не позволили встретиться с командиром Пахомовым? Я по их глазам понял, меня потом они хотели пустить в расход.

Немного помолчав, Саид свернул машину с дороги в сто-

рону леса и, проехав еще несколько километров, он остановился. Посидев несколько минут молча, как бы думая о чем-то, строго им сказал,

– Когда выйдем из машины, идите за мной след в след. Не задевайте и не ломайте ни одной ветки, ни одну травинку, вам ясно?– Друзья ему кивнули.

Пешком пройдя километров два, может чуть больше, приказал им выключить свои фонарики. Еще через метров сто, Саид остановился возле густого кустарника и попросил друзей,

– Привал, здесь мы посидим до рассвета,

– А зачем ждать до рассвета?– поинтересовался у него Арнольд.

– Так надо, – жестко ответил ему Саид.

Как только стало светать, он своих товарищей повел дальше. Через триста метров оказались в том месте, где начинался спуск. Прямо перед спуском Саид, остановившись и оглядевшись вокруг, стал медленно спускаться вниз. За ним последовали Герхард и Арнольд. Спустившись, добрались до грузовика. Саид осторожно, не нарушая маскировки, приподнял ее.

– Пролезайте внутрь, – сказал им.

После них, через это маленькое отверстие прополз и сам. Подойдя к заднему борту, попросил их, чтобы они залезли в кузов.

Оказавшись в кузове, Саид открыл несколько ящиков. От

увиденного Герхард и Арнольд были в шоке.

– Во всех этих ящиках бриллианты, золото, короче здесь драгоценности. Всего сорок ящиков, а те ящики пустые, там было оружие, – показывая на верхние ящики, сказал Саид. – Теперь вы все знаете, и решать вам, считать ли меня предателем или изменником Родины. Если бы я отдал эти драгоценности особистам, меня все равно ликвидировали бы, а так, пусть это послужит народу.

– Ты правильно поступил брат, – обнимая его, сказал Герхард. – Видимо Господь, зная о твоих будущих намерениях, сохранил тебе жизнь и послал к тебе Эльзу.

– Саид, прости меня, – прослезившись и крепко его обняв, сказал Арнольд.

– За что тебя прощать? – не понимая, спросил у него Саид.

– За мои сомнения в происхождении твоих бриллиантов, вот за что.

– Проехали, – впервые улыбнувшись за весь день, сказал Саид.

Еще немного посидев, Саид попросил Арнольда,

– Набери в свой рюкзак камней и спускайся за нами. Только смотри не переборщи, нам на все про все хватит и трети твоего рюкзака, ты меня понял? – строго спросил он у него.

– Да, конечно, я всю свою жизнь мечтал набивать свои карманы и сумки, как ты сказал, такими камушками. Я сейчас быстро треть рюкзака и все, – сказав, Арнольд с явным удовольствием стал набирать бриллианты.

Вновь выйдя оттуда, откуда они вошли, друзья осторожно, не нарушая почву и не оставляя следов, по камням стали карабкаться вверх. Немного не дойдя до дороги, Саид их попросил остановиться, а сам полез дальше. Минут через двадцать их окликнул. Выбравшись из ямы, они быстро добрались до тех кустарников, где сидели до рассвета. Саид им сказал,

– Здесь останемся дотемна, кто хочет, может поспать или поесть. А, как стемнеет, пойдём к машине.

– Разве можно уснуть, когда у тебя за спиной, бриллиантов, боюсь даже сказать, на сколько миллионов, – говоря, засмеялся Арнольд.

– Тогда ты, любуясь на них, поглядывай по сторонам, а я хочу спать? – сказав, Саид крепко уснул.

Как только стемнело, Арнольд разбудил их. Быстро добравшись до места, где оставили машину, поехали домой. По дороге Саид попросил, чтобы никому не говорили о драгоценностях.

– Даже Луизе? – возмущено спросил у него Арнольд.

– Луизе тем более, она женщина и ей непременно захочется похвастаться. А это будет очень плохо, причем не только мне одному, а всем.

– Арнольд, Саид прав, прошу тебя, постарайся сдержаться, так надо. – Попросил его Герхард.

– Хотя в некоторых случаях бываю болтлив и разговорчив, вы можете на меня положиться, на фронте я был раз-

ведчиком. – Гордо произнес Арнольд.

И тут же, как будто сговорились, Саид с Герхардом одновременно воскликнув,

– Ты был разведчиком? – и расхохотались.

– А, что тут такого смешного? Да, на фронте я служил в разведке, причем неоднократно ходил в тыл противника и заметьте успешно и без единой царапины.

– Верится с трудом, что такого болтуна как ты взяли не то что в разведку, а даже на фронт, – с иронией произнес Герхард. – А на счет того, что ты с войны вернулся без царапины, мы с Саидом думаем, что там ты в лучшем случае служил в медсанбате или же поваром. – И вновь расхохотался.

Саид увидев, как Арнольд нахмурился и стал обижаться на них, сказал ему,

– Арнольд, не обижайся на слова Герхарда, он просто шутит. Знаешь, у меня в роте был такой же весельчак, как ты. Был душой нашей роты, никогда не унывал и другим не давал унывать. Как и ты, прошел всю войну без царапины, но, к сожалению, в нашем последнем бою погиб. Его звали Игорь Скляр, знаешь, ты чем-то похож на него.

Вернувшись, домой, Арнольд отдал рюкзак Герхарду и после ужина с Луизой пошел к себе домой. Саид попросил Герхарда привести отца к нему домой, а сам с Эльзой уехал. Через двадцать минут отец с Герхардом приехали к нему и Саид повел их в беседку в саду. Там ему рассказал обо всем, о чем говорил Герхарду и Арнольду. И поставив на стол рюкзак с

бриллиантами, открыв его, показал отцу его содержимое,

– Папа, там, в горах, этого добра у нас сорок ящиков.

– Имея такие сокровища в своих руках, ты еще оставался при этом человеком. Да, столько богатства другого давным-давно свело бы с ума. Воистину Господь всемогущ, он, зная какое у тебя доброе сердце, какой ты порядочный и не алчен, спас тебя, направив к тебе Эльзу. – И протянул свои руки. Саид, резко вскочив с места, подошел к нему, и отец его обнял.

– Папа, теперь Вы все знаете. В моем народе отец распоряжается всем, в том числе и деньгами. Вы наш отец, главный в нашей семье, значит, всем этим должны распоряжаться Вы.

– Нет, сынок, во-первых, я стар, а во вторых, ты, несмотря на свою молодость, мудр и рассудителен. Только ты один можешь справиться с этой ношей, раз до сегодняшнего дня их сохранил. А Герхард и Арнольд тебе в этом помогут, – и, обращаясь к Герхарду, – что ты скажешь на это? – спросил у сына.

– Ты прав, папа. Лучше, чем Саид с этой задачей никто из нас не справится. Я полностью согласен с тобой, – поддержал его Герхард.

– Тогда так и решим, Саид хранит драгоценности сам, а мы ему, чем сможем, поможем. И еще, своим женам ничего не говорите, всё-таки женщины, могут проболтаться

– Саид нас об этом уже предупредил, хотя Арнольд горел желанием рассказать Луизе.

– Вот видишь, Саид все-таки мудр, я никогда в нем не сомневался.

Еще около часа посидев и поговорив о своих будущих планах, Герхард с отцом уехали домой. Саид, прикрыл за ними калитку и тоже пошел отдыхать...

ГЛАВА 7. Разговор Сталина с Мехлисом

На следующий день, после обеда, когда Герхард с Саидом съездив на стройку и проинспектировав, как идут дела, вернулись, доктор Штаубе попросил всех на обед собраться у него. Архитектор Фишер сославшись на сильную занятость, извинившись, остался на стройке. После того, как все собрались, он их попросил пройти в гостиную и как только они расселись, доктор подошел к своему другу Хайнцу Хофлингу.

– Дорогой Хайнц, вам понравились наши края?

– Замечательные места, прекрасный воздух, потрясающая природа. Я не думал, что в Австрии есть такие места.

– А вам дорогая Барбара, понравилось у нас?

– Я красивее мест, чем здесь, еще не встречала.

– Раз так, вы знаете, о чем я подумал? Друг мой, – он, вновь обратившись к доктору Хофлингу. – По глазам моего сына вижу, ваша племянница Барбара ему очень нравится. Но из-за своей скромности и застенчивости, он об этом не признается. Так вот, как глава рода Штаубе и как отец Гер-

харда, если конечно ваша племянница Барбара согласна, хотел бы попросить у вас ее руки для моего сына Герхарда. Как вы на это посмотрите?

– Было бы прекрасно, если мы породнились бы с вами, мой друг. – И встав со своего места, он обнял друга.

– А, что на это скажут сами молодые, вы принимаете наше предложение?

От неожиданности Герхард и Барбара немного растерялись, и резко взглянув друг на друга, сразу же отвели свои глаза. Увидев их растерянность, в разговор вмешался Арнольд,

– Смотрите-ка на них, показывают, будто смущаются, конечно, они согласны. Если откажутся, мы их сами поженим. – И тут все расхохотались.

– Значит, всех мое предложение устраивает, в таком случае, нам не стоит и со свадьбой затягивать, решено.

– Да решено, – кроме молодых, воскликнули все.

Через три дня приехали все 200 строителей и строительная техника, которую на бирже заказал Герхард. К тому времени архитектор Фишер и прораб Либерман согласовали с ними место посадки здания замка. На следующий день, получив благословение доктора Штаубе, строители приступили к рытью котлована цокольного этажа и хранилища.

Еще через четыре дня пригласили всех друзей и знакомых и сыграли свадьбу для Герхарда и Барбары. Так доктор Штаубе устроил жизнь всех своих детей.

Однажды, после работы Герхард приехав к Саиду, застал его в беседке в саду. Подойдя к нему и приветствуя, спросил у него,

– Что, брат, отдыхаешь? – а затем, заметив его потухшие глаза, – не понял, от чего мой брат грустит?

– Ты знаешь Герхард, когда мы ходили в рейд в тыл врага, если нас подстерегала опасность, у меня на душе становилась тревожно. Словно предчувствовал беду, если игнорировал их, непременно мы оказывались в западне и кого-то из товарищей потом теряли. С тех пор как я это понял, старался прислушиваться к своему шестому чувству. Веришь, помогало, и мы благополучно возвращались.

– Но сейчас не война, в твоей жизни вроде все прекрасно. Семья, родственники, братья есть у тебя. Тебе теперь не стоит грустить, а жить и радоваться должен, – и Герхард крепко обнял Саида.

– Понимаешь, сейчас у меня точно такое чувство, словно я иду по вражеской территории, все попытки обойти беду не получаются, предчувствие беды не покидает меня. Тебе этого конечно не понять, может это и к лучшему, но знаешь, как трудно с этим жить.

– Да нет, не бери в голову, ты гражданин Австрии, о тебе твои враги давным-давно забыли, и ты их забудь.

Предчувствия Саида и на этот раз не подвели, но он об этом узнает гораздо позже.

После очередного совета Высшего руководства СССР,

Сталин по окончании собрания попросил Верховного комиссара Мехлиса остаться. Услышав это, Лаврентий Берия обратился к Сталину,

– Иосиф Виссарионович, может и мне задержаться?

– Нет, Лаврентий, ты иди, у меня к товарищу Мехлису есть несколько личных вопросов, о которых он видимо позабыл. Лаврентий попроси Абакумова зайти ко мне. Я его приму после товарища Мехлиса.

– Хорошо Иосиф Виссарионович, – сказав, Берия ушел.

Когда Сталин упомянул про Абакумова, по всему телу Мехлиса пошел холодный пот. Приглашение Абакумова означало лишь одно, значит Сталин недоволен кем-то из высшего руководства страны или Армии. Абакумов возглавлял госбезопасность и выполнял все поручения Сталина, каساющиеся его недовольства над кем-то.

Мехлис, заметив, что трубка Сталина потухшая, вспомнил, во время совещания Сталин ни разу не закурил, но всегда держал трубку в руке. Это был дурной знак, потому что Сталин не прикуривал ее, только в одном случае, если недоволен чем-то.

После того, как Лаврентий Берия последним покинул его кабинет, Сталин еще минут пять, семь молча, как бы прикуривая трубку, глядя в окно, стоял спиной к Мехлису. Для Мехлиса эти минуты показались вечностью. Он за этот короткий период времени успел прожить всю свою жизнь. Пытался найти ту роковую ошибку, которую, возможно, совер-

шил и из-за нее им недоволен Верховный. Но не найдя ее, впервые в своей жизни понял о том, что стоит на краю пропасти. Стоит там, где никого нет, чтобы ему подать руку, там, где впереди пустота, смерть. И вот поймал себя на мысли, как же любит эту жизнь, нет ни малейшего желания умирать, понял о том, как боится смерти. Не в силах более сдерживать угнетающий груз, давивший его от этой тишины, сам решил-ся первым обратиться к товарищу Сталину, и выяснить причину его недовольства.

– Разрешите обратиться товарищ Сталин, я...

– Товарищ Мехлис, как ты думаешь, после такой кровопролитной, разрушительной и жестокой войны, – словно не услышав его слова и не замечая Мехлиса, начал разговор Сталин. – Когда страна нуждается в каждом рубле, который мог бы пригодиться для ее восстановления, скажи мне. Мы можем себе позволить бросить, забыть, наконец, выкинуть десятки миллиардов на ветер? – Строго и в упор глядя в глаза Мехлиса, спросил Сталин.

– Нет, товарищ Сталин, не можем.

– Нет, а ты сам уверен в этом?

– Да товарищ Сталин уверен, не имеем права так поступить.

– Тогда скажи мне, Лев Захарович, если вдруг так случилось, как мы, нет, как ты поступил бы с этим человеком? Который допустил непростительную ошибку, и бросил на ветер на территории врага, так нужные для страны, средства. Ска-

жи мне, Лев Захарович, как ты с ним поступил бы?

– Я бы этого негодяя, этого врага Советского народа. . . . , – не успел Мехлис договорить, до него дошло, о чем идет разговор.

Как же он так глупо и опрометчиво позабыл о бриллиантах, отбитых разведчиками у фашистов в Альпах, и там же потерянными.

– Я, я товарищ Сталин, я, – начал что-то под нос себе бормотать.

– Я тоже думаю, допустивший такую непростительную, больше тебе скажу, предательскую, вредительскую ошибку, человек, не достоин нас. Он должен понести самую суровую, – и как бы разговаривая сам собой, – нет, расстрел для него будет слишком легким наказанием. Такие люди должны понести такое наказание, которое будет соизмеримой их халатности. – Тут Сталин вновь замолчал, и ничего не сказав Мехлису, потихоньку пошел в сторону своего кабинета. Мехлис остался на своем месте и словно вкопанный не двигался. Зайдя в кабинет и закрыв за собою дверь, Сталин отсутствовал более двадцати минут. Мехлис стал почти вслух раздумывать,

– Сталин, наверное, дает указание Абакумову на счет меня. По-другому быть не может. Ведь я сам за менее тяжкие преступления расстреливал без суда и следствия. Почему, пока наши войска стояли в Австрии, оставил этот вопрос без должного внимания? Теперь попасть туда однозначно невоз-

можно, Австрия суверенная капиталистическая страна. Нас ни под каким предлогом на свою территорию не пустят. Это значит, драгоценности навсегда потеряны и моя судьба практически уже решена. Если бы с собой был пистолет, чем попасть в руки моих же костоломов, застрелился бы. Убежать не получится, меня схватят в здании Кремля. – Пока Мехлис думал, как быть, дверь кабинета Сталина открылась, и оттуда появился Верховный.

– Товарищ Мехлис, ты можешь мне сказать, как так получилось, что целый грузовик с драгоценностями на небольшой территории взял и пропал? Что, он провалился сквозь землю? Почему грузовик исчез? Ты что молчишь, скажи мне что-нибудь?

– Простите товарищ Сталин, – дрожащим голосом произнес Мехлис, – я сам не понимаю. На поиски грузовика отправлял два полка особого отдела. Видимо разведчики спрятали его так, что мы хоть прочесали каждый клочок земли, но грузовик так и не нашли.

– А может быть, немцы его раньше тебя нашли?

– Не думаю, Иосиф Виссарионович,

– Почему же нет?

– Потому что они через четыре дня попытались отбить у нас того капитана, который спрятал грузовик.

– Кстати, почему так случилось, что ты не смог узнать у капитана о том месте, где он спрятал грузовик?

– Он категорически потребовал у нас встречи со своими

командирами. Его непосредственный начальник полковник Харитонов в том бою погиб. А комбрига Пахомова, мы ему намеренно не пригласили.

– А почему ты ему не предоставил этой возможности?

– Товарищ Сталин, ведь было Ваше указание, чтобы о грузовике никто не знал. Вот мы и не хотели лишних ушей.

– Тогда где груз? – Строго спросил у него Сталин.

Мехлис опустил свою голову,

– Скажи мне, ты почему не привез к этому капитану его генерала? Если ты комбрига Пахомова к капитану привел бы, он ему все рассказал. Ты же комиссар Верховного совета страны, неужели не понял одну простую вещь, вручи капитану Героя Советского Союза, он, между прочим, еще в 1943 году был представлен к нему. А генералу очередное звание, и они сами тебя отвели бы к машине. Что, по-твоему, всех героев только убивать надо? – Близко подойдя к Мехлису, в упор глядя ему в глаза, произнес Сталин.

– Я об этом не догадался, виноват.

– Почему не догадался?

– Думали, капитан тяжело ранен, немного надавим, и он расколется.

– А то, что он разведчик и был на хорошем счету, тебя не интересовало? Что его сломать практически невозможно, ты об этом не подумал?

– Товарищ Сталин, он простой капитан, у нас и генералы, Маршаллы во всем признавались. Я подумал, пару дней, и

он нам обо всем расскажет.

– Это ты своих генералов можешь, шантажируя их родственниками, заставлять подписывать сфабрикованные дела. А разведчика, и тем более такого. – Бросая ему дело за №36 на капитана развед роты Сайдаматова Саидходжи, – На, читай, он был тебе не по зубам. Его и в гестапо, попади он туда, не смогли бы сломать. А ты даже не удосужился изучить его дело и постараться понять, кто стоит перед тобой.

Действительно, хоть дело капитана было у него на руках, Мехлис ни разу не просмотрел его. Наивно полагаясь на своих костоломов, которые устроят ему такую пытку, что тот не выдержав боль, все рассказал бы.

– Ты, наверное, полагался на своих костоломов, не так ли? – Угадав его мысли, спросил Сталин.

– Так, Иосиф Виссарионович, – виновато опуская свои глаза, сказал Мехлис.

Сталин, вновь замолчав, подошёл к окну и куда-то молча пристально смотрел. Мехлис, ожидая еще, какой-нибудь каверзный вопрос, напряженно стоял на месте.

– Скажи мне, Лев Захарович, почему ты уверен, что немцы не нашли грузовик?

– Когда по моему приказу капитана везли в штаб особого отдела Армии, на эскорт напали немцы. Они его хотели отбить у нас. Но машина, в которой везли капитана, напоролась на мину и от ударной волны улетела в пропасть, где она взорвалась. На звуки выстрелов подоспел полк особого отде-

ла, который разыскивал грузовик. В той перестрелке, все фашисты были уничтожены, в том числе штурмбанфюрер СС Шнитке и бургомистр Шульц. Это они из штольни вывозили ценности. Если немцы грузовик нашли бы, не стали бы отбивать капитана.

– Значит тот капитан погиб?

– Так точно, погиб.

– А труп его вы нашли?

– Никак нет, перед самой водой машина разлетелась в клочья, не мог выжить. Да и вода в реке была ледяная, если даже остался жив при взрыве, вода его точно добила бы. Нет, никак не мог выжить, никак, – оправдывался Мехлис.

– А в его деле написано, что он один из тысячи курсантов разведшколы мог почти в минусовой температуре пролежать в ледяной воде около часа.

– Не может быть, – стал, возражать Сталину Мехлис.

– Как видишь, может, и ты его упустил, то, что страна лишилась этих драгоценностей, ты один виноват.

Услышав эти слова, Мехлис подумал, все это конец. И тут же адъютант Сталина доложил ему, что в приемной ожидает Абакумов.

– Пусть подождет, я его скоро приглашу, – сказав, Сталин спросил у Мехлиса,

– Значит, ты и твои люди не пытались искать капитана?

– Нет, не пытались,

– Значит, предположить, что капитан жив, у тебя есть ос-

нования?

– Да, есть.

– Но Австрия сейчас суверенная страна, тогда, как ты собираешься его искать? Это международный конфликт, не так ли?

– Так,

Сталин, пройдя к столу, нажал на кнопку, в кабинет вошел его адъютант,

– Пригласи товарища Абакумова, – сказал ему,

Четким строевым шагом, войдя в кабинет, Абакумов доложил. Сталин указал ему присесть.

– Виктор Семенович, скажи мне, у тебя в Австрии кто-нибудь остался? – с этим вопросом Сталин обратился к Абакумову.

– Так точно, есть там надежные люди.

– Из местных?

– Так точно, они все местные и бывшие антифашисты.

Затем Сталин, взглянув на Мехлиса,

– Проходи, садись, в ногах правды нет, – сказал он.

Мехлис, стоя на месте долго не двигаясь, не смог сдвинуть свои ноги, они у него окоченели и были безжизненные. Приложив немало усилий, еле-еле добрался до места, указанному ему Сталиным.

Сталин спросил у Абакумова,

– Ты мое поручение по капитану Сайдаматову выполнил? Нашел нужных людей?

– Так точно товарищ Сталин, нашел. Герой Советского Союза гвардии майор Соколов и его сослуживец капитан Уваров. Они с начала войны служили в одной бригаде, причем Соколов и Сайдаматов окончили одну разведшколу. Кроме этого они в совершенстве владеют немецким языком. В том рейде, когда пропал Сайдаматов, был и майор Соколов, только он со своей группой, ушел по другому маршруту.

– Хорошо,

– И еще, весной 1945 года майор Соколов и капитан Уваров, после ранения были расквартированы по домам местных жителей и они попали к доктору Штаубе. Соколов в 1943 году под Сталинградом спас от смерти его сына.

– Вот как?– удивился Сталин,

– Так точно, так и было. Сын доктора Штаубе, Герхард, как раз дома после демобилизации из Западной Группы Войск.

– Что он воевал на нашей стороне?

– С января 1943 по сентябрь 1945 годов в составе второго Белорусского фронта, дошел до Берлина, а потом и в японской.

– Даже так? А где сейчас майор Соколов и капитан Уваров?

– В Иркутске, уже вызваны в Москву, и завтра должны быть здесь.

– Поручи их комиссару Мехлису, он им сам объяснит детали операции.

– Слушаюсь, – ответил ему Абакумов.

– Свободен, ты можешь идти, – приказал Сталин Абакумову.

Когда тот ушел, Сталин, прикуривая свою трубку, обратился к Мехлису.

– Товарищ Мехлис, партия, в том числе и я, даем тебе последний шанс оправдаться. Вновь завоевать доверие перед партией. О реальных целях и деталях операции знают немногие. Майор Соколов и капитан Уваров не должны знать все подробности. Их задача найти капитана, вывести его на территорию Западной Группы Войск. Действия майора будешь координировать ты, и тоже поедешь в Германию. Когда найдешь капитана, как хочешь, должен узнать у него, где спрятан грузовик.

– А, как нам в случае его обнаружения, вывести с территории Австрии?

– Сначала найди его, а вывести мы всегда успеем. Лишь бы только был жив.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – четко произнес Мехлис,

– Давай иди и смотри, не подведи.

– Не подведу, товарищ Сталин, – сказав, Мехлис ушел...

ГЛАВА 8. Трудный выбор

После того, как самолет, в котором прилетели Соколов и Уваров, приземлился в аэропорту Москвы, с их лиц ми-

гом исчезли веселье и радость. Летя в Москву, они думали, их вызвали для того, чтобы вручить ордена и медали, некогда забытые в архивах Министерства Обороны. Но увидев в иллюминаторе самолета, ожидавшие на взлетно-посадочной полосе несколько черных машин, прозванные в народе «воронок», с несколькими одетыми в штатском людей и виллис с автоматчиками, не на шутку испугались.

То, что те люди встречают именно их, сомнений не было, так, как в салоне самолета, кроме тех, которые сопровождали их из части и пилотов, никого не было. Да и за время полета, те двое ни словом не обмолвились, летели молча, и не отрывая от них своих взглядов. Даже тогда, когда Соколов, поинтересовался у них, по какому вопросу вызывают их в Москву, те сухо ответили,

– Там все узнаете.

Соколов мысленно стал рассуждать,

«Если нас хотели арестовать, могли это сделать еще в Иркутске, но не сделали. Раз за нами отправили самолет, а в том, что это именно так я не сомневаюсь, значит здесь что-то другое и очень важное»

Уваров, увидев ожидавших у трапа людей, полностью сник, «Все, это конец», – подумал он.

Когда самолет с взлетно-посадочной полосы вырулил на стоянку и подали трап, их попросили на выход. Подчиняясь приказам, Соколов и Уваров вышли из самолета. Рассадив их по разным машинам, повезли в город. Сидя в маши-

не прижатый с двух сторон здоровыми верзилами, Соколов не на шутку испугался. Ведь если он с Уваровом ни в чем не виноваты, если их вызвали для выполнения какого-то задания, тогда почему рассадили в разные машины и в город везут раздельно. Это может означать лишь одно, чтобы не стоворились.

Заехав в город, Соколова привезли к какому-то серому зданию с наглухо закрытыми воротами, а также на окнах ставни были прикрыты. Как только машина остановилась, двери открыл дежуривший на улице человек в штатском.

– Выйти из машины, – громко приказал Соколову.

Соколов молча подчиняясь приказу, вышел из нее. Обернувшись назад, не увидел машины, на которой увезли Уварова. Человек в штатском вновь скомандовал,

– Следуй за мной,

– Простите, я не вижу машины, на которой увезли моего приятеля, – попытался спросить у него Соколов.

– Отставить, никаких вопросов и следуй за мной, – грубо ему ответив, открывая дверь, – вперед, – скомандовал тот.

Соколов молча последовал за ним. Когда они шли по коридору и проходили мимо лестницы в подвал, оттуда доносились ужасные, душераздирающие крики и стоны. Он сразу же понял, наверное, там пытаются заключенных. Еще немного пройдя по коридору, свернули направо и остановились возле третьей двери от угла. Сопровождавший его приказал ему стоять, а сам вошел внутрь комнаты. Тут же обратно выйдя,

приказал Соколову,

– Проходи, садись на стул, – указывая на одиноко стоящий стул напротив стола.

За столом сидел еще один человек в штатском, пристально глядя на него, дымил папиросу. Соколов усевшись, огляделся вокруг и заметил, что комната является допросной, так как стены были запачканы кровью. Пол был еще влажным, видимо его недавно протирали. Не понимая, что происходит, Соколов тоже глядя в упор на того, который сидел за столом, тоже молчал. Сопровождавший и еще один, который приехал вместе из Иркутска, встали у двери. Затишье затянулось слишком долго, оно действовало на Соколова угнетающе, а воздух и стены давили так, что ему дышать стало тяжело. Он решил немного ослабить галстук, и тут сидевший напротив него язвительно спросил,

– Что майор, нервничаем, значит, есть что скрывать?

– А что мне скрывать?

– Не знаю, тебе виднее.

– А вы спросите?

– Придет время, спросим, а ты пока подумай.

В это время в комнату быстро вошел один человек, явно не русский. Тот, который только что ему угрожал, увидев его, резко вскочил с места и доложил,

– Товарищ Верховный Комиссар, майор Соколов, вот его дело, – и подал ему какую-то папку и сам отошел.

Верховный Комиссар, усевшись на его место, стал листать

дело Соколова. Потом оценивающе осмотрев его, рукой указал садиться. Затем, не отрывая своего взгляда, спросил у Соколова,

– Ты знаешь, майор, такого человека доктор Карл фон Штаубе?

– Никак нет товарищ Верховный Комиссар, не знаю.

– Может быть, подумаешь, а вдруг вспомнишь?

Соколов сделал вид, будто вспоминает, а на самом деле он сразу же вспомнил доктора Штаубе. Признаться, значит это приговор. Возможно, Герхарда взяли и теперь раскручивают весь клубок, связанный с ним. Нет, буду до конца молчать и не признаваться, подумал он.

– Не могу припомнить товарищ Верховный Комиссар, – твердо ответил Соколов,

– А Зальцбург в Австрии не припоминаешь?

– Так точно, помню.

– После госпиталя, тебя, капитана Нефедова и твоего приятеля Уварова на постой отправляли именно к нему.

Тут Соколову дальше отпираться не было смысла,

– Да, того немца вспомнил, тогда ведь не только нас троих заселяли в немецкие семьи. А что, мы этим самым совершили противозаконные действия. Если так, мы же не по собственной воле к нему заселились, а нас по разнарядке туда отправили.

– Я знаю, – пристально взглянув в его глаза, – а его сына Герхарда Штаубе не припоминаешь?

– Нет у того доктора была дочка, как звали не помню, но сына там не было, это я вам могу точно сказать. Вам могут подтвердить Уваров и Нефедов, вернее Нефедов погиб в Манчжурии и не может подтвердить, а Уваров,

– А врача Ганса из госпиталя, не припоминаешь?

– Да помню, он меня несколько раз оперировал, последний раз в Манчжурии. Да и в Австрии тоже оперировал.

– Почему ты не хочешь вспоминать, как ты его спас под Сталинградом?

– Если я и спас этого немца, но благодаря этому тысячи бойцов остались живы.

– Неужели он в знак благодарности не признался тебе, что симулирует потерю памяти?

– Нет, не признавался. Начальник госпиталя генерал лейтенант Романов в Манчжурии приглашал китайца, чтобы это подтвердить. И китаец ему сказал, что тот действительно потерял свою память. А почему вы о нем у меня спрашиваете, товарищ Верховный Комиссар?

– Этот твой Ганс и есть сын того самого доктора Карла фон Штаубе. У которого ты со своими друзьями, заметь, совершенно случайно остановился.

– Неужели? – Сделав удивленный вид, Соколов, сказал, – Эх, если бы я тогда знал об этом, обязательно рассказал бы бедному старику о нем и обрадовал его.

– А собственно, почему ты радуешься?

– Я не радуюсь товарищ Верховный Комиссар. Просто вы

бы видели, как страдает этот бедный старик, думая о том, что его сын погиб под Сталинградом. А его сын оказывается жив, да еще я его нашел.

– У нас вся страна, каждый ее гражданин потерял на этой войне своих близких. А ты Герой Советского Союза, рассуждаешь, как враг. Его сын воевал против нас, значит и его отец наш враг.

– Виноват товарищ Верховный Комиссар, об этом не подумал.

– Ты разведчик, не должен ни при каких обстоятельствах забывать об этом.

– Так точно, извините меня, товарищ Верховный Комиссар. Разрешите спросить, а по какому вопросу мы вам понадобились?

– Капитана Сайдаматова Саидходжу помнишь? Вы вроде были близкими друзьями, не так ли майор?

Соколов, слышал о том, что Саид без вести пропал там, в Альпах, и объявлен врагом народа.

– Мы с ним вместе окончили разведшколу в Казахстане, потом попали в одну бригаду. До 1943 года воевали вместе, а с весны 1943 года меня перевели в другую роту и вплоть до конца войны мы редко с ним встречались.

– Ты уверен?

– Так точно, уверен! И еще, насколько я знаю, его группа попала в засаду, и все они погибли, в том числе и капитан Сайдаматов.

– А по нашей информации, враг народа Сайдаматов жив и находится где-то возле Зальцбурга. И как стало нам известно, ты с ним встречался у доктора Штаубе.

Тут Соколов, из-за того, что тот говорил ложь, резко вскочив с места,

– Товарищ Верховный Комиссар, во-первых я впервые слышу, что капитан Сайдаматов враг народа. Если он действительно является врагом народа, то запомните, последний человек кому он может обратиться, так это я. Неужели вы думаете, что Сайдаматов глуп? Нет, он, зная о том, что я могу его узнать, никогда ко мне не подошёл бы.

Мехлис, пристально глядя ему в глаза, и видя то, как майор говорит уверенно, понимал, что Соколов прав. Сайдаматов, чтобы себя не обнаружить, действительно будет избегать с ним встречи. Встреча с Соколовым была бы для него слишком большим риском.

– Сядь на свое место, майор,– приказал ему Мехлис. – В Иркутске, по-моему, у тебя остались родители, три сестры и брат, не так ли?

– Так точно,

– Ты их сильно любишь?

– А почему вы об этом меня спрашиваете?

– В случае обмана или предательства, думаю, есть тебе что терять.

– Какого обмана, какого предательства? – Недоумевал Соколов.

– Теперь слушай меня майор, я хочу тебя забрать в Германию, в Западную Группу Войск. Тебе и твоему шурина Уварову, он вроде женат на твоей сестренке Татьяне, так?

– Да, Татьяна его жена.

– Сделаем идеальные документы, и вы поедете в Зальцбург, к доктору Штаубе. Кстати его сын Герхард демобилизовался и уже дома. Поживешь у них, гуляйте, отдыхайте, ходите на охоту. Словом твоя задача с Уваровым найти предателя Сайдаматова и вывести к нам в Германию.

– А, что Сайдаматов жив, это точная информация?

– По данным агентуры из Австрии, это так. Возможно, он изменил внешность, может, отрастил бороду, усы, я не знаю, еще каким вас там хитrostям обучали в разведшколе. Но его повадки, походку и все его уловки один ты знаешь. Вот почему мы пригласили тебя в Москву. Да и в разведшколе, оказывается, только ты мог его одолеть. Отсюда следует, только ты можешь с ним, справиться. Задача ясна?

– Так точно, товарищ Верховный Комиссар, все ясно!

– Тогда иди, сейчас тебя отвезут в гостиницу, где тебя дожидается Уваров. А завтра мы с вами полетим в Берлин. Соколов, о нашей встрече Уварову ни слова. Тебе все ясно?

– Так точно, ясно! – Соколов вышел оттуда.

Его сердце переполнялось от радости, нет, не одной, двойной радостью. Первая, он вышел из этого здания живым и невредимым, а это уже хорошо. Вторая, дружище Саид жив, не погиб в той мясорубке. И тут его осенило, – а как быть с

моими родными, если я его не выдам им. А если сдам Саида, его однозначно расстреляют. Как быть? Получается замкнутый круг! Нет, сначала надо найти Саида, а там мы с ним что-нибудь да решим, и поехал в гостиницу. Когда Соколов ехал в машине, еще не знал о том, что люди Мехлиса, Уварова буквально перед ним увезли. Соколов был рад тому, что Диме, так звали Уварова, не пришлось пройти через то, что видел сам. Был рад тому, что Уварова сразу же из аэропорта повезли в гостиницу, и только ему одному пришлось пройти проверку. – Да везунчик мой зятек, – думал Соколов. Ему не пришлось испытать всего того, что мне бывалому разведчику, ходившему десятки раз в тыл врага и не испытывавшего страха смерти, впервые пришлось ощутить эти чувства едва переступив порог того здания.

Соколов тогда не знал о том, что, как только машины въехали в город, его немного катали по городу. А Уварова прямиком повезли туда, и только потом, когда Дима вошел в здание, и его привезли.

Уварову пришлось натерпеться больше чем Соколову. Как только машина остановилась, ожидавший у входа человек жестко и грубо приказал ему выйти из нее. В этот момент его сердце словно остановилось, голова закружилась и в глазах потемнело. Еле волоча свои ноги и шатаясь, войдя в здание, когда опасения по поводу куда его привезли, подтвердились, ноги подкосились, и он стал идти, опираясь на стену. Сопровождавший, заметил это и жуткий страх в его

глазах и с усмешкой сказал,

– Ты капитан, вроде всю войну прошел в разведке, но глядя на тебя, я не сказал бы, что это так. Не мог такой трус как ты в разведке служить. Скорее всего, всю войну прятался за спинами своих товарищей. Ну, ничего, мы сейчас быстро выведем тебя на чистую воду.

После того, как услышал эти слова Уваров, ему стало совсем плохо. И он чуть не потерял сознание и не упал тут же в коридоре. В последний момент успел прислониться руками к стене. Проходя мимо не без известной лестницы, и услышав стоны и крики заключенных, уже себя не контролировал.

Возле четвертой двери сопровождавший человек приказал ему стоять, а сам, постучав в дверь, доложил, что Уваров доставлен. Пока тот докладывал своему начальству, третья дверь открылась и оттуда два здоровых бугая с засученными рукавами, держа за локоть, вытащили бесчувственного человека. И когда они сравнялись с ним, Уваров увидел, как у того несчастного один глаз висел, а второго было невидно, потому что лицо его было изуродовано. Сквозь залитое кровью лицо, тот словно смотрел на него. Тут открылась дверь, у которой стоял Уваров, и ему приказали войти. Уваров, молча подчиняясь им, вошел. За столом сидел худощавый, высокий человек, не русский. Возле него стоял другой, он был коренастый, а те, которые привезли его с аэропорта, встали возле двери. На столе лежало дело, на капитана Уварова Дмитрия Даниловича. Сидевший за столом человек, открыв дело,

пронзительно посмотрел на него.

– Ну что, капитан Уваров, рассказывай, как ты на войне прятался за спинами своих товарищей?

– Я, я, не пря... – Попытался что-то пробормотать Уваров, и увидел как тот, который стоял возле стола, оперившись обоими кулаками на стол и близко нагнувшись к его лицу, крикнул,

– Не лги, предатель, мы все знаем о тебе. Мы знаем и то, как ты предал своих товарищей и в марте 1945 года всю свою группу сдал. Многие тогда погибли, а ты и твой шурин Соколов выжили, – и, замахнувшись рукой. – Говори, подонок, не то я тебя сейчас прибую.

– Не было этого, мы попали в засаду, – оправдывался Уваров.

– Он, по-моему, не понимает куда попал, может, освежишь ему память, – сказал, сидевший за столом. И взглянул на бугая, стоявшего у двери.

– Давно бы так, а то с утра вы меня маринуете без дела, и не позволяете кости размять. – Сказав, с горящими глазами стал приближаться к Уварову.

– Думай быстро, еще пару шагов и тебе будет очень больно.

В это время Уваров то ли от обиды, то ли от несправедливости, заплакал, и с яростью стал кричать,

– Вы можете меня бить, можете даже убить, но я говорю правду, мы попали в засаду. Я товарищей не предавал, а в

том бою, я и майор Соколов были тяжело ранены. А на его сестре я женился по любви. Я вам все сказал, и больше не в чем мне признаваться.

Услышав его слова, тот, который сидел за столом отмахнулся и бугай пошел на свое место.

– Не предавал, говоришь, – переспросил, у него,

– Не предавал, – повторил Уваров.

– Капитан, у тебя на Кубани осталась большая семья, не так ли?

– Да, они тут причем?

– Родители, две сестры, три брата, да и дяди, тети, не так ли? Как думаешь, они там не перегреваются? Может им жарко, не хотели бы поехать в солнечный Магадан?

– А их-то за что?

– Это зависит от тебя. Будешь вести себя хорошо, до самой старости жить да жить им на Кубани. А если подведешь, поверь, я тебе это говорю не кривя душой, погрузим их в теплушки, причем зимой, и отправим с ветерком в Магадан. Как думаешь, все доедут, или кто-то замерзнет по дороге?

– Не подведу! Говорите, что надо сделать?

– Я тебе верю капитан. Товарищ Миронов, – показывая на того, который стоял рядом с ним. – Он тебе объяснит твою задачу. Завтра ты и Соколов полетите со мной в Берлин, в Западную Группу Войск. К утру будь готов. О нашей встрече ни слова Соколову, ты меня понял? Забудь и о том, что был здесь. Скажи Соколову, с аэропорта тебя повезли в гостини-

цу, понял?

– Так точно, понял, – ответил Уваров.

– Хорошо, – сказав, тот быстро ушел.

Как только Верховный Комиссар Мехлис ушел, следователь особого отдела Миронов объяснил Уварову будущую задачу, возлагаемую на него. А именно, он должен был негласно следить за майором Соколовым, за Герхардом Штаубе и каждую неделю, найдя предлог, выезжать в город и передавать информацию специальным агентам. При встрече выше указанных лиц с подозрительными людьми или же с человеком азиатской внешности, немедленно звонить по телефону, номер которого он должен запомнить. Положив перед ним карту Зальцбурга и фотографии зданий с подробным описанием улиц, Миронов приказал,

– Капитан, это все ты должен запомнить, никаких записей. Ты меня понял?

– Так точно, понял!

– Протри свое лицо и умойся, – сказав, приказал стоявшему у двери конвоиру принести коньяк и отдать его капитану. – Капитан, когда тебе дадут коньяк, выпей пару рюмок, не то краснота под твоими глазами просто так не пройдет, а остальное забери с собой. Скажешь майору, что купил коньяк и, не дождавшись его, немного выпил.

Как приказал Миронов, Уваров выпил пару рюмок коньяка и все что тот ему сказал, запомнил. По дороге машина остановилась возле магазина и следователь, который его вез,

принес ему сумку с продуктами и предупредил,

– Скажешь капитану, что все это ты купил по дороге.

Только Уваров зайдя в номер, положив сумку на стол, разделся, в комнату вошел Соколов.

– Что так долго, где ты был? – словно не зная, поинтересовался у него Уваров.

– Лучше тебе об этом не знать, – быстро скинул свою шинель, и сядя за стол, он продолжил. – Я порядком проголодался. О, вижу, ты уже отмечаешь приезд в Москву.

– Тебя долго не было, и я немного выпил, извини за то, что не дождался тебя.

– Что-то не вижу бутылки на столе? – удивленно спросил Соколов.

Уваров немного растерявшись от того, что коньяк оказался в сумке,

– Да..., я... по дороге из магазина немного подкрепился.

– Тогда доставай, мы должны сегодня напиться, – и увидев в руках Уварова коньяк. – Нет, коньяк не пойдет, там у меня в шинели есть водка, возьми ее и батон колбасы. – Когда Уваров принес их и достал из своей сумки купленные следователем продукты, стал наливать,

– Дима, наливай по полной, говорю же, мы сегодня должны напиться.

– Что тебя так расстроило? – Спросил у него Уваров,

– Все нормально, мы завтра улетаем в Германию.

– В Германию? – Как бы удивляясь, переспросил Уваров,

– Да в Германию, у нас с тобой, – тут он, не дожидаясь Уварова, залпом выпив водку. – У нас с тобой заслуженный отпуск. Так что мы сегодня должны отметить это дело, наливай, – сказав, откусил кусок колбасы.

Утром за ними приехала машина, и их повезли в аэропорт Москвы. Пройдя к самолету с заведенными двигателями, они прошли в салон. Не успели сесть на свои места, в салон вошел Мехлис, и, не обращая внимания на Уварова, попросил Соколова пройти за ним.

Там Мехлис дал майору карту города и все то, что показывал Уварову Миронов. Только здесь были совершенно другие адреса и фотографии агентов.

– Запомни их лица и адреса явки, майор. Постарайся на встречу с ними приходить один, без Уварова. Не стоит его вводить в курс дела.

– Разрешите спросить товарищ Верховный Комиссар,

– Спрашивай,

– Почему именно меня и Уварова вы задействовали для этой операции?

– Сам не догадываешься?

– Нет, если честно мне не понятно.

– Во-первых, именно вы после ранения в Австрии были расквартированы у доктора Штаубе. Он вас знает хорошо, причем и бургомистр Абель видел вас у него. Ты спас его сына Герхарда от смерти, а он тебя, так?

– Так!

– Когда Герхард увидит тебя, обязательно расскажет им о том, что благодаря тебе он жив. Если мы все правильно рассчитали, тогда ты и Уваров для них, для их родственников и знакомых будете не только старыми знакомыми, а желанными гостями. Ты со мной согласен?

– Да!

– Значит, для вас будут открыты все двери, и ты можешь смело расспрашивать их об изменнике Сайдаматове, конечно осторожно и аккуратно. Уварова мы не могли заменить по одной простой причине, потому что любой другой незнакомый им человек вызовет подозрение. А так, никаких подозрений, все свои, да и тебе чтобы не было скучно. Теперь тебе все ясно?

– Теперь ясно!

На следующий день после прилета в Берлин, Соколов и Уваров, переодевшись в гражданскую одежду, сели в машину, ожидавшую возле казармы. Их повезли в штаб Армии, Западной Группы Войск. В штабе проводили к Верховному Комиссару Мехлису. Когда они подошли к его кабинету, Уварова попросили подождать в коридоре. Соколов, войдя в кабинет Мехлиса, четко ему доложил, а тот, увидев Соколова, произнес,

– Проходи майор, присаживайся поудобнее, – и, указывая на стул рядом с собой, достал коньяк и две рюмки из стола. Налив в рюмки коньяка, одну рюмку протянул Соколову, а вторую оставил себе. – Давай, майор, выпьем за удачу, – вы-

пив свою, продолжил, – Как ты? Отдохнул после дороги?

– Так точно, товарищ Верховный Комиссар!

– Ну, славно, – наливая вторую, – майор, твоя задача чрезвычайно важна для нашей Родины. От того, как справишься с ней, зависит не только твое будущее, будущее твоих родных и близких, – специально акцентируя на этом, – но и страны. Пей майор, пей. Не стесняйся. Я лукавить не буду, сам товарищ Сталин в курсе того, что для решения этой задачи выбран именно ты. Он будет в курсе всех наших дел и твоих сообщений.

– Понимаю, товарищ Верховный Комиссар.

– Прошу тебя, постарайся быть предельно осторожным и найди этого изменника Родины Сайдаматова, не подведи майор.

– Хорошо, товарищ Верховный Комиссар! Я выполню поставленную передо мной задачу.

В это время Мехлис из-под стола достал какой-то сверток и протянул его Соколову,

– Здесь деньги. Не скупись на траты. Если кого-надо подкупить, плати, мало будет, мы тебе еще пришлем. Нам важен результат. И еще майор, там, в Москве ты мне понравился, понравилась твое мужество и стойкость. Не каждый, оказавшись у нас, мог бы держаться как ты. Словом после завершения операции, я лично буду ходатайствовать, чтобы тебе присвоили звание полковника, и ты будешь моим заместителем. Надеюсь, ты меня понял?

– Так точно, понял!

Потом встав с места и обойдя стол, Мехлис, по-отцовски обнял Соколова и сказал,

– Ну, майор, ступай, удачи тебе.

– Слушаюсь, товарищ Верховный Комиссар, – сказав, Соколов вышел от него. Вновь сев на ту же машину, они поехали в сторону Австрийско-Германской границы...

ГЛАВА 9. Нежданный гость

Однажды вечером вся семья доктора Штаубе собралась на ужин, куда подоспели Саид с Эльзой. Услышав звуки мотора подъехавшей машины, Герхард сказал,

– Наверное, господин Фишер решил перед отъездом поужинать с нами, – и, он пошел его встретить. Увидев, кто с ним приехал, быстро вернувшись, взволновано обратился к Саиду. – Саид, там возле калитки с каким-то человеком стоит Игорь.

– Ты не ошибся? – Переспросил у него Саид и подошел к окну.

– Нет, не ошибся, это Игорь Соколов, – повторил Герхард.

Саид, пристально взглянув в окно и увидев возле калитки Игоря,

– К сожалению, ты прав, там действительно стоит Леший, – а затем подойдя к Герхарду. – Пока мы с Эльзой не уйдем, задержи его немного. – И быстро направился в гости-

ную. Подойдя к другу доктора Штаубе, господину Хофлингу, попросил его. – Доктор Хофлинг и вы Барбара, – подождав ее, – сейчас мы с моей супругой уйдем. К Герхарду приехали гости, когда он их приведет, прошу вас, не при каких обстоятельствах не вспоминайте обо мне и не припоминайте мое имя. Сейчас так надо, потом я вам все объясню, – и, обратившись к жене. – Эльза, собирайся, мы уходим домой, – сказав, быстро направился к заднему ходу.

Тем временем, Герхард, выйдя на улицу, с улыбкой на все лицо и распростертыми объятиями подошел к нему,

– Дружище, какими ветрами тебя к нам занесло? – Подойдя, крепко обнял его.

– Я сейчас служу в Западной Группе Войск, получил отпуск и подумал, родных недавно видел и чем пилить через всю страну в Иркутск, лучше проведу друга. Надеюсь, ты не против? – Спросил Соколов у Герхарда.

– О чем разговор, я рад твоему приезду, – искренне сказал Герхард.

– Как поживает твой отец доктор Штаубе?

– Слава Господу, хорошо. Он уже знает о твоём приезде, и будет рад с тобой встретиться.

– Как знает? – Удивленно, переспросил Соколов,

– Я тебя сразу узнал и сказал ему. Услышав об этом, он очень обрадовался.

– Эх, жаль, хотел сделать ему сюрприз. Ну ладно, знакомься, Дмитрий Уваров, сослуживец и по совместительству мой

зятек. Сестренка Татьяна вышла за него, а также мы с ним после госпиталя квартировались у твоего отца.

– Очень приятно, – сказал Герхард и пожал ему руку, а затем, – что стоим, проходите в дом, – указывая путь, повел своих гостей.

Как только они вошли в дом, к ним на встречу вышел доктор Штаубе, и, увидев Игоря Соколова и Диму Уварова, обняв их обоих и поприветствовав, повел в гостиную, чтобы знакомить с другом Хайнцем,

– Дорогой мой друг Хайнц и вы Барбара, прошу вас, знакомьтесь, вот этого молодого человека зовут Игорь Соколов. Он мне очень дорог, потому что только благодаря ему мой сын Герхард жив. Это он случайно нашел его среди обломков того госпиталя, где служил мой сын. Дорогая Барбара, тому что ваш муж Герхард жив, вы обязаны этому молодому человеку.

Барбара, поклонившись, выразила свою признательность Соколову, а доктор Хофлинг выйдя из стола, подойдя к нему, крепко его обнял.

– Игорь, этот уважаемый господин мой давнишний друг, доктор Хайнц Хофлинг, а эта очаровательная фрау, как вы догадались, супруга вашего друга Герхарда.

Соколов поприветствовав их, представил своего друга.

– Капитан Дмитрий Уваров, мой сослуживец.

– Я смотрю вы с Димой стали неразлучны? – Спросил доктор Штаубе.

– Это точно, теперь тем более, он женился на моей сестренке Татьяне.

– Вот как, а где капитан Нефедов, разве он не свами?

– К сожалению, Коля погиб в Манчжурии, – ответил Соколов.

– Жаль, в конце-то войны, ах как жаль его родных и близких. Ну что ж, наверное, наши гости с дороги проголодались. Барбара, поторопите Луизу, пора подавать на стол.

Тут же она пошла на кухню и уже через несколько минут подали еду. После ужина мужчины отправились в кабинет доктора и там продолжили беседу. Проговорив еще пару часов, доктор Штаубе обратился к сыну,

– Герхард, Игорь и Дима, наверное, устали с дороги, проводи их в спальню, пусть сегодня лягут пораньше и отдохнут. А завтра мы еще успеем наговориться.

– Да ты прав, папа, конечно, – Герхард повел Игоря и Диму в их комнаты. Пожелав покойной ночи, сам направился к дому Саида. Как и предполагал Герхард, Саид не спал и ждал его в беседке в саду. Увидев приближающегося Герхарда, Саид спросил у него,

– А почему ты без машины?

– Как ты себе представляешь, не успев уложить спать твоих приятелей, я тут же, ночью куда-то поехал? Ты же сам говорил, что Игорь хитрый лис. Он мог догадаться, не так ли?

– Да, ты прав, а между прочим, из тебя вышел бы не плохой разведчик, – сказал Саид и рассмеялся.

– Нет уж, мне и на своем месте не плохо.

– Разговаривал с Игорем, что говорит, зачем приехал?

– По их разговорам и объяснениям я ничего подозрительного не заметил. Но знаешь, мне показалась, чего-то они не договаривают. Явно их что-то интересует в наших краях, что именно я не понял. Но видя их взаимоотношение между собой, подумал, не похоже на то, что они в отпуске.

– Почему?

– Да как-то натянутые отношения Игоря с Димой, ну, понимаешь, я же знаю как относятся между собой начальник и подчиненный. Так вот, Дима без спроса у Игоря, ничего сам не делает и обращается к нему, как военные между собой.

– Я же говорю, из тебя неплохой разведчик вышел бы. Теперь мне все ясно.

– Что ясно?

– Он приехал искать меня или наш грузовик. Мне очень жаль его, зря леший влез в это дело. Эх, Игорек, Игорек. Ты этим самым, подписал приговор себе, своему спутнику, своим родным и близким. Самым лучшим выходом для него, было бы, если он уехал ни с чем, но зная Игоря, могу предположить, что этого не случится.

– Почему?

– Он же упертый, если за что-то берется, то доведет до конца. Тем более, если ему сказали, что я жив, будет землю грызть и меня найдет.

– Тогда, может тебе и Эльзе стоит на время куда-то

уехать?

– Нет, это не выход, он все равно через местных узнает обо мне. А это уже плохо, если те, кого интересуется грузовик с драгоценностями, узнают об этом, получится, что я под удар поставил вас. Так, что нужно искать другой выход. А какой, пока не знаю.

– Может, тебе с ним стоит встретиться?

– Пока рано, я не знаю его настоящие намерения. Сколько их здесь в Зальцбурге. Может быть, Игоря сильно прижали и поставили перед выбором, я или родные.

– Саид, а может ну к чертовой матери эти драгоценности, давай их отдадим.

– Ты еще не понял? Даже если они получают грузовик, нас, как ненужных свидетелей, все равно ликвидируют. Если они собирались отправить драгоценности на Родину и передать государству, тогда скажи мне, почему меня пытали? Ведь могли же привести генерал лейтенанта Пахомова ко мне. Не так ли?

– Да, на ровном месте мы вляпались по самые уши.

– Не мы, а я вас всех втянул в это дело. Так, что мне его и расхлебывать. Герхард, уже поздно, ты иди домой. Когда будешь подходить к дому, осмотрись и входи через задний вход. У Игоря есть привычка, курить по ночам и любоваться звездами. Если не будешь осторожен, он может тебя заметить.

И действительно, Герхард, подходя к дому, издали за-

метил силуэт человека и тусклый огонек горящей сигареты. Саид был прав, это был Игорь, в ночной темноте у забора курил сигарету. Не рискуя, Герхард подождал, пока тот покурит и пойдет в дом. После того, как Игорь ушел, Герхард, постояв еще немного, осторожно через задний вход, стараясь как можно тише ступая по паркету, прошел в свою спальню.

Утром после завтрака Саид позвонил Арнольду. Но к трубке никто не подошел. Тут же он набрал номер Герхарда. К трубке подошла Луиза и, услышав на том конце провода голос Саида, она, по обыкновению радостно поздоровавшись, чуть не произнесла его имя. Саид вовремя ее одернул. Поняв, какую она могла совершить непростительную ошибку, воскликнув,

– Ой, – ладонью, прикрыв свой рот, – прости, прости, пожалуйста, – стала извиняться перед ним.

– Все нормально, только прошу тебя сестричка, в будущем, будь осторожна.

– Поняла, такое больше не повториться, – она убеждала его.

– Хорошо. Арнольд с вами?

– Да, он здесь. Пригласить его к телефону?

– Да, пригласи, и чем скорее, тем лучше.

– Бегу, – сказав, Луиза, быстро заглянув в гостиную, позвала мужа к телефону.

В это время в гостиной Герхард, Арнольд, Игорь и Дима о чем-то спорили. Извинившись перед гостями, Арнольд

ушел.

– Арнольд, срочно приезжай ко мне, – попросил его Саид.

– Хорошо, – и вновь войдя в гостиную, – мне надо срочно отъехать по делам, увидимся вечером, – сказав, ушел.

Когда он приехал к Саиду, тот сидел в беседке в саду. Поприветствовав друг друга, Арнольд сел напротив него,

– Арнольд, Игоря отправили искать меня. Если мы сейчас не предпримем меры, тогда все усложнится.

– Почему ты думаешь, что он приехал за тобой?

– Не знаю, но я абсолютно уверен, причина его появления здесь одна, поиск меня или нашего грузовика.

– Если это так, что будем делать?

– Сейчас езжай на стройку. Собери рабочих и рассчитайся с ними по контракту, – сказал ему Саид,

– Но, причем здесь стройка? Мы же его туда не поведем?

– Прощу тебя, пожалуйста, не перебивай. Сделай все так, как я тебе сказал. Рабочим, кроме договорных расчётов, дай премиальные и отпускные. Так надо. Объясни им, что у нас возникли небольшие трения по поводу отведенных нам земель, и пока мы их не уладим, стройку придется остановить. Как только земельный вопрос урегулируется, мы их обязательно пригласим. Всю технику загоните в гараж, и поставь охрану.

– Понял тебя брат.

– Передай господину Фишеру, пусть ко мне заедет, хорошо?

– Да, но он, чтобы привести специалистов для замка, еще вчера уехал в Вену. По-моему, его не будет еще несколько дней.

– Тогда дозвонись до него, предупреди, пусть со специалистами повременит, мы их потом вызовем. Но если ты не дозвонишься, постарайся перехватить его до того, пока он не оказался у отца.

– Хорошо,

– Арнольд, пойми. Пока мы не выясним цель приезда Игоря и его приятеля, не можем рисковать. Объекты у нас слишком большие, это наверняка может вызвать у него подозрение. Вот почему нам надо остановить все работы.

– Я уже догадался, – ответил ему Арнольд.

– Тогда ступай, а вечером я жду тебя.

– Хорошо...

ГЛАВА 10. Где-то там на чужбине

В это же самое время, в далекой Бразилии, в глубине устья реки Амазонка, среди непроходимых джунглей, был раскинут великолепный немецкий городок под названием Вестерлэнд. Инфраструктура его была организована с немецкой педантичностью. Речные причалы с доками для подводных лодок, небольшой аэродром, окруженный вековыми деревьями. Отличные дороги, небольшие заводы и фабрики. Словом, в Вестерлэнде было все для цивилизованного общества.

Бургомистром Вестерлэнда был некий Эрвин Рихтер, с виду он выглядел 55-60 летним человеком. Склонный к небольшой полноте, но властный, со строгим взглядом и военной выправкой. Немного пообщавшись с ним можно было однозначно определить, что он до Бразилии служил в немецкой Армии, и совершенно точно можно было предположить на ключевых позициях. Это подтверждалось тем, как он организовал здесь всю ступень власти, а так же военную полицию и жандармерию.

Вестерлэнд строили военнопленные, вывезенные из Европы еще в 1942 году. Убежать отсюда им было практически невозможно. Вокруг непроходимые джунгли, болота и реки, кишачие всякими ядовитыми змеями, рыбами и было полно крокодилов. Но если даже кому-то удавалось их обойти, то они непременно попадали в руки местных туземцев, среди которых было немало каннибалов. Оттого за беженцами никто не гнался, зная о том, что никуда не денутся.

Однажды утром бургомистр Эрвин Рихтер попросил своего помощника пригласить к нему начальника службы безопасности Альфреда Гросса. Альфред Гросс во время второй мировой войны дослужил до звания штандартенфюрера СС. Воевал в Африке под командованием африканского лиса Фельдмаршала Роммеля. Воевал на Кавказе, под Сталинградом, участвовал в обороне Берлина и был награжден несколькими железными крестами. Но самое главное, он был одним из немногих, кто знал обо всех штольнях в Альпах,

так как принимал непосредственное участие в их строительстве.

Когда Альфред Гросс постучался в дверь кабинета бургомистра Эрвина Рихтера, услышал оттуда,

– Проходи Альфред, – и когда он вошел, поздоровавшись с ним, бургомистр сказал, – я сейчас освобожусь, ты пока посиди.

Господин Рихтер с каким-то незнакомцем, раскинув на столе карту, пристально ее изучали. Через несколько минут он и Гросса пригласил к столу и показывая на незнакомца, сказал,

– Знакомься Альфред, этого господина зовут Крис Шнайдер, он вчера прибыл из большой земли.

Гросс, протянув ему руку,

– Альфред Гросс, начальник службы безопасности Вестерлэнда, – четко ему представился.

– Крис Шнайдер, надеюсь, мы с вами подружимся, – улыбаясь, тот ему ответил.

Тут в разговор вмешался бургомистр Рихтер,

– Альфред, тебе с господином Шнайдером стоит хорошенько познакомиться, потому что ты с ним скоро поедешь в Европу, и некоторое время там вы проведете вместе. Поедете в Австрию, и я надеюсь, что ты Альфред, еще не позабыл Альпийские горы.

– Никак нет господин Рихтер, не позабыл, все помню.

– Хорошо. Как-нибудь на месте ты должен показать гос-

подину Шнайдеру вот эти штольни, – и указал на карте. – Альфред, когда будете в Альпах, непременно исследуй район двенадцатой штольни в радиусе десяти километров. Это очень важно.

– Вас понял господин Рихтер, – ответил ему Гросс.

– В марте 1945 года мы в эту штольню отправляли группу штурмбанфюрера Шнитке. Помнишь его?

– Так точно, помню!

– Он сам и его группа, включая бургомистра Шульца, – вновь показывая на карте местность, – где-то в этом районе погибли. Так вот, в этом же районе был потерян грузовик с драгоценностями. Очень крупная партия. Как рассказал мне господин Шнайдер, русским также не удалось его найти. По нашим данным, группа разведчиков, укрыв грузовик где-то в этом районе, – показывая на карте, – пошла на подмогу к своим, где все кроме одного капитана погибли. Через пять дней штурмбанфюрер Шнитке при попытке отбить его у русских, погиб, в том числе и единственный свидетель, который знал о местонахождении грузовика, так же погиб. Альфред, ты вместе с господином Шнайдером, а также с четырьмя альпинистами и проводником должны этот район исследовать вдоль и поперек, каждый кустик, каждую ложбину. Словом, от вашего внимания ничто не должно ускользнуть. Вы должны найти грузовик, Альфред в нем находится будущее Германии, будущее наших потомков. Ты меня понял?

– Так точно господин Рихтер, я Вас понял.

– О важности возлагаемой на тебя миссии, думаю, нет смысла тебя убеждать. Ты один из тех, кому я могу доверять, как самому себе. Я в тебя верю, верю, что с этой архисложной задачей можешь справиться только ты.

– Спасибо за доверие, господин Рихтер, – ответил ему Гросс.

– Господин Шнайдер, как только найдете грузовик, а также подготовите к отправке ценности из других штолен, пришлите радиограмму, я к вам пошлю подводную лодку. Во Фридрихсайне есть скрытый подземный фарватер о котором никто не знает. Господин Шнайдер тебе его покажет. Надеюсь, в Альпах у вас не должно возникнуть проблем. С Австрийским правительством господин Шнайдер все согласовал, твоя группа въедет на ее территорию как альпинисты. Оружие, по-моему, вам не должно понадобится, так как русские покинули Австрию. Но если вдруг у тебя возникнут проблемы, и у тебя будет нужда в них, в каждой штольне они есть. Ты же вроде знаешь, где их взять.

– Так точно, знаю! – ответил ему Гросс.

– Хорошо, о деталях операции вы согласуйте между собой. Всех членов экспедиции ты знаешь, кроме проводника, все они тебе знакомы. Проводник местный индеец, очень жилистый и вынослив. Он тебе должен понравиться. У него невероятный слух и обоняние. Человека может почувствовать за версту. Его зовут Рамон. – Затем бургомистр обратился к господину Шнайдеру. – Крис, связь со мной будете

поддерживать каждую пятницу, если вдруг у вас возникнет необходимость, можете выходить в резервный день, то есть по вторникам. – Когда бургомистр Эрвин Рихтер обо всем поговорил, достал из стола коньяк и три рюмки. Разлив по ним коньяк, протянул своим гостям. Поднимая свой бокал, произнес,

– За будущую Германию, за его возрождение, за таких ее сыновей, как вы. За удачу, – сказав, выпил, за ним последовали и остальные. Поставив свой бокал на стол, Эрвин Рихтер поочередно пожал им руки. – Ступайте, и да поможет вам Господь, – напоследок им пожелал.

Когда Гросс и Шнайдер вышли из кабинета бургомистра, на улице их ожидало четверо коренастых мужчин и один то ли индеец или итальянец, а возможно и испанец, но точно не немец.

Вид у этого индейца абсолютно не внушал доверия, и был очень невзрачен и страшен. Почти вдоль всей его шеи под рубашку уходил шрам, видимо полученный от удара мачете. Глаза были большие, а нос был сильно сплюснен. Словом, если его кто-то встретил бы ночью в темном углу, непременно испугался бы.

Для подготовки к дороге, Альфреду Гроссу понадобилось еще пару дней, и когда все было готово, получив благословение бургомистра Эрвина Рихтера, группа поехала в Рио-де-Жанейро. Там господин Шнайдер им всем вручил Бразильские паспорта и документы, в которых говорилось о том, что

они являются членами альпинистского клуба. На следующий день, купив билет до Берна, группа полетела в Швейцарию и уже утром следующего дня пересекли Австрийскую границу...

ГЛАВА 11. Признание другу

Получив распоряжение от Саида, Арнольд поехал на стройку. Пригласил в прорабскую всех руководителей стройки и попросил собрать рабочих там, где они обычно проводили собрание. Когда все были в сборе, Арнольд подробно объяснил им о сложившейся ситуации. Практически все рабочие поняли его. Затем, как говорил ему Саид, он их рассчитал. Поблагодарив за понимание, за их труд, Арнольд пообещал, что как только уладятся дела по земле, немедленно их пригласят обратно. Отпустив всех рабочих, загнал всю строительную технику в гараж и приехал к Саиду. Когда Арнольд обо всем ему рассказал,

– Жаль, что не смог созвониться с господином Фишером, – сожалел Саид. – Ты ведь знаешь его, какой вспыльчивый человек. Если он, приехав на стройку, не увидит рабочих, тут же поедет к Герхарду выяснять причину. Ко мне не придет, как ты знаешь, меня побаивается. Дай Аллах, если он придет к отцу, чтобы рядом с Герхардом не оказался Игорь. Иначе Игорь сразу же догадается о ком идет речь.

– Я постараюсь проследить за этим.

– Это тоже не выход.

– Может быть, мне самому поехать в Вену и постараться перехватить его там? – спросил Арнольд. – Тем более доктор Хофлинг и Барбара хотят туда съездить. А Герхард не может оставить гостей.

– Хорошо, попробуй, но вдруг он уже выехал из Вены, и ты разминёшься с ним.

– Я же знаю его машину, попробую остановить. Ладно, предупрежу Луизу, Герхарда и Эльзу, если ты еепустишь, чтобы они не упустили из виду улицу.

– Нет проблем, хорошо, пусть Эльза едет с тобой. Надеюсь, пронесет, пока я что-нибудь не придумаю.

На следующий день, Соколову и Уварову необходимо было пройтись по городу для встречи с агентом Мехлиса. А как это сделать не вызвав подозрения? Вечером за ужином Герхард объявил друзьям о том, что завтра поедет по делам, и что если они желают, покатаются могут поехать с ним. Игорь и Дима сразу же согласились.

После завтрака они втроем поехали по делам Герхарда. Когда машина проезжала мимо здания, где во время войны располагался госпиталь, Уваров неожиданно попросил Герхарда остановиться.

– Игорь, ты не хочешь зайти туда? – Спросил у Соколова.

– Наверное, там уже никого из старого персонала нет, – ответил ему Соколов.

– Ну и что, зато есть что вспомнить, – настаивал Дима.

– Нет, не хочу, ты сходи, а мы тебя подождем в машине.

– Может быть, вы поедете по делам Герхарда, а потом мы встретимся у центрального костёла? – немного волнуясь, спросил Дима.

– А про костел откуда знаешь? – пристально взглянув в его глаза, спросил Игорь.

– Я, я, когда ты в госпитале лежал, мы с Нефедовым в увольнение туда ходили, – сильно взволнованно опустив свои глаза, сказал Дима.

– Ясно, как хочешь, можешь оставаться, мы поедем дальше.

Уваров быстро выскочил из машины. Герхард, немного отъехав от него, взглянул на зеркало заднего вида и спросил у Игоря,

– Тебе не кажется, что странно он себя ведет?

Чтобы не выдать себя, Игорь это попытался перевести в шутку,

– Молодой еще. Наверное, в госпитале познакомился с какой-нибудь немкой, а мне стесняется об этом сказать. Как бы там не было я же ему свояк. – Сказал Герхарду, но сам подумал о том, что Диму тоже, как и его, наверное, пугали и он согласился следить за ним.

– Понимаешь в чем тут дело, когда мы отъехали от него, Дима в госпиталь не пошел, а быстро перейдя улицу, ушел вниз. Это странно и женщина тут ни при чем.

Это заметил и Игорь, но попытался скрыть свои подозре-

ния от Герхарда. А тем временем Герхард продолжил,

– Игорь, как ты знаешь, я среди вас провел более трех лет. И немало там увидел, и поверь, многому у вас научился. Особенно мне удалось у вас перенять быть осторожным и замечать подозрительные действия других. Я тебя хорошо знаю, если наше с тобой братание там, в Манчжурии, – показывая шрам на своей ладони, – не постой звук, ты мне сейчас обо всем расскажешь. Вы приехали вербовать меня или вообще за мной? – Резко приняв вправо и нажав на тормоза, он остановил машину у обочины.

Игорь понял, дальше отпираться нет смысла, Герхард был прав, когда они, скрепляя свою дружбу кровью, обещали до конца своих жизней помнить друг о друге и не предавать. Вот из-за чего Игорь уже вторые сутки ходил сам не свой, несколько раз пытался поговорить с Герхардом, но не решался это сделать.

– Ты можешь поехать дальше? – виновато, спросил у Герхарда.

– А что здесь тебя не устраивает? – Жестко спросил у него Герхард.

– Дима еще не так далеко ушел, а может быть его связной сейчас идет прямо перед нами. Прошу тебя, давай поедem отсюда и лучше всего подальше. Если у тебя есть время, можно было бы нам уехать из города.

Ничего не говоря ему, Герхард дал по газам и колеса машины про-буксовав, сорвались с места, и уже через полчаса

они были за городом. Герхард, увидев чуть поодаль от дороги поляну, прикрытую деревьями, заехал туда. Скрывшись от посторонних глаз, он остановил машину, и выйдя из нее, прошел несколько шагов и сел возле дерева.

Игорь подсел к нему и стал прикуривать свою папиросу.

– Ну вот, мы, как ты и просил, за городом, от посторонних глаз, рассказывай.

– Ты помнишь старшего лейтенанта Саидаматова Саида?

– Нет, не помню.

– Этот тот старлей, которого ты оперировал под Сталинградом.

– Я многих оперировал, если тебя помню, это не означает, что должен всех запоминать, – грубо ответил Герхард.

– Герхард, не обижайся, я ради тебя готов отдать свою жизнь. Ты для меня не пустое место, ты мне словно брат. Сегодня сам хотел тебе обо всем рассказать, но ты меня опередил.

– Игорь, я знаю ваш особый отдел, который учит вас убеждать человека. Так что на счет брата мы еще посмотрим.

– Герхард, ты не прав. Я никого и никогда не предавал и не предаю. А тебя тем более, – убеждал его Игорь.

– А какое отношение я имею к твоему Сайдаматову?

– В марте 1945 года нас разделили на несколько групп и отправили искать немецкий десант. Одну из групп возглавлял Саид, то есть Сайдаматов. Как ты помнишь, мы напоролись на засаду, и я, Уваров и Нефедов были тяжело ранены.

А группа Сайдаматова нашла десантников. Но в том бою вся группа, в том числе и он, погибли. Но почему-то на самом высоком уровне в его смерть не верят. Даже сам Сталин в курсе этого дела. Меня в Германию привез лично Верховный Комиссар Мехлис. Я не понимаю скрытность этой операции. Мне и Уварову поставлена задача обыскать все окрестные леса, горы, деревни и найти его, но почему, не знаю. Если Саид даже и жив, я его все равно не сдам, он такой же близкий для меня, как и ты, – вновь прикуривая очередную папиросу, в сердцах сказал Соколов. – Поверь мне Герхард, здесь что-то не то.

– Почему ты так считаешь?

– Кто такой этот капитан Сайдаматов, чтобы его судьбой интересовался сам Сталин? А искать его в Германию отправляют Верховного Комиссара. Тебе это не кажется подозрительным?

– Ты прав, это слишком подозрительно. Я убежден, если ты и прав в том, что Саид жив, после того, как ты его сдашь, они тебя и Уварова, как не нужных свидетелей, ликвидируют.

– Я, когда летели в самолете, об этом догадался.

– И какой же выход из этого положения?

– Его может нам указать только Саид, если, конечно, жив.

– А почему ты уверен, что он жив?

– Везучий этот сукин сын. Он не раз выживал и выкарабкался из таких ситуаций, откуда никто не выбрался бы. Ты

знаешь, я чувствую, что он жив и мне кажется, скоро его обниму. Когда после госпиталя мы жили у вас, однажды, ночью вышел покурить и почувствовал его тепло, его дыхание. Поверь мне, он не погиб, я верю, надеюсь. Саида не так-то просто взять, он хитрый шайтан, мудр, изворотлив, и из любых ситуаций умудряется выйти так, что порой диву давались. Я надеюсь увидеть его живым и невредимым. В одном я уверен точно, Саид не предатель, не трус и, конечно же, не подлец, все, что о нем говорят, это ложь.

Тут Герхард, видя, как искренне говорит Игорь, как переживает за друга, как страдает от мысли, что Саида больше нет в живых, чуть не рассказал ему правду. Но в последний момент смог сдержаться.

– Если он и жив, возможно, Саид скрывается в горах, как приедем домой, пойдем его искать, – сказал ему Герхард,

– Спасибо тебе, Герхард! – сказав, Игорь обнял его.

– Ну вот, – взглянув на часы, Герхард расстроился,

– Что случилось? – Спросил у него Игорь,

– Я почти на час опоздал на важную встречу.

– А может быть, успеем?

– Нет, тот человек, с которым должен был встретиться, уже уехал в Германию. Мне надо было передать ему пакет. Игорь, а у тебя какие планы? – поинтересовался у него Герхард,

– Я через полчаса должен встречаться со связным Мехлиса, вот по этому адресу, – и протянул ему бумажку.

– Ну, что ж шпион, поехали на твою встречу, – улыбнулся Герхард.

– Поехали, – в ответ, улыбаясь, сказал Игорь.

Когда они подъезжали к той улице, Игорь попросил его остановить машину за квартал от этого места. Условившись через час встретиться возле костёла, Герхард уехал...

ГЛАВА 12. Долгожданная встреча

Вечером после ужина, доктор Штаубе и Дима пошли в сад посидеть в беседке и пообщаться. Уваров по указанию агента Мехлиса, решил поиграть в разведчика. И с удовольствием согласился на предложение доктора поболтать в саду.

Когда они ушли, Герхард и Игорь пошли в кабинет, войдя, но даже не успели рассесться по креслам, как к ним влетел господин Фишер.

– Герхард, что происходит? – Не поздоровавшись, архитектор спросил у него.

– А, что? – Ничего не понимая, удивленно переспросил Герхард.

– Как что? Почему вы законсервировали объекты и отпустили рабочих по домам?

– Как отпустили, как остановили? – Ничего не понимая, вновь переспросил Герхард.

– Значит и вы не в курсе? – Как бы с кем-то соглашаясь, махая головой, уселся на свободное место,

– Нет, я не в курсе.

– Вот видите, ваш Саид даже не соизволил вас поставить в известность...

Тут Игорь резко взглянул на Герхарда. И он, заметив на себе его пронзительный взгляд, довольно жестко попросил архитектора Фишера покинуть кабинет и прийти завтра, пообещав ему выяснить причину. Герхард действительно ничего не знал. В тот день, когда Саид попросил Арнольда предупредить всех об архитекторе Фишере, приехав к дому, он увидел, что Барбара и доктор Хофлинг выходили из дома. Арнольд, даже не заходя домой, посадил их в машину и быстро уехал, позабыв предупредить остальных.

Когда архитектор их покинул, Герхард молча уселся за стол и стал перелистывать какие-то бумаги. Игорь, выдержав небольшую паузу, спросил у него.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Ты о чем?

– О Саиде?

– О каком Саиде?

– Герхард, мы оба знаем, о каком Саиде идет речь?

– А, ты про Саида, о котором говорил архитектор? Этот Саид турок из Германии, наш спонсор. Он строит здесь клинику и хочет, чтобы ее возглавил мой отец, – спокойно ему ответил Герхард.

– Герхард, ты не умеешь лгать. Если бы я был здесь один, возможно, промолчал бы. Но со мной Уваров и если мы с

тобой говорим об одном человеке, то он рано или поздно на него выйдет. А это значит и агенты Мехлиса тоже. Чем это может грозить не только Саиду, но и тебе и твоей семье, не мне рассказывать.

– Игорь, не забывай, я нахожусь у себя дома в Австрии и твоего Мехлиса с его особым отделом, не боюсь.

– Да, я согласен, ты находишься у себя дома и это бесспорно. Но ты об этом спроси Саида, сумеет ли твое государство защитить тебя от агентов особого отдела. Границы открыты, я здесь, значит, и они будут здесь. И поверь мне, если они придут ни твое государство, ни Саид не смогут защитить вас. Лучше прошу тебя, поговори с Саидом, я знаю, он найдет выход.

Немного призадумавшись, Герхард сказал,

– Хорошо, я с ним встречу и поговорю, но если он откажется от встречи, то я не смогу на него повлиять, ты его знаешь.

– Не откажется, – уверенно сказал Игорь, и подойдя к Герхарду с покрасневшими глазами. – Брат, он не откажется, – а потом обнял Герхарда, и глядя прямо ему в глаза, – Саид жив, это главное. Брат жив, это главное. Извини Герхард, мне надо пойти на улицу и покурить, – сказал Игорь.

– Кури здесь,

– Нет, я хочу покурить там, где в 1945 году чуть с ним не встретился. Хочу побыть один и не хотел бы, чтобы Уваров увидел мои красные глаза.

– Хорошо Игорь, – а затем, обняв его, – прости меня за то, что я усомнился в тебе, – говоря, Герхард сильно прижал Игоря к груди.

– Нет проблем. Я тоже тебя очень люблю, и ты не обижайся на меня за то, что сразу не рассказал тебе. – И Игорь быстро пошел на улицу.

Герхард сразу же вышел за ним и поехал к Саиду.

Приехав к нему, он обо всем рассказал ему. О разговоре с Игорем в городе, об архитекторе Фишере, как тот выдал их.

– Я всегда говорил Арнольду никогда и не при каких обстоятельствах не оставляй важные дела без внимания и на завтра. Эх, Арнольд, теперь у нас выхода нет, с Игорем срочно, не позднее завтрашнего дня надо встречаться.

– Поручим Арнольду, чтобы его привез.

– Нет, он опять, что-нибудь да выкинет. Герхард, передай Игорю, пусть сегодня почувствует себя плохо. Ты ему пропиши какие-нибудь лекарства и сделай укол. Все это должен видеть его приятель. А завтра предложи им поехать в город, Игорь пусть сославшись на плохое самочувствие, откажется. Передай Арнольду, как только вы уедете, пусть Игоря он привезет к себе домой, я там их буду ждать.

– Хорошо, договорились!

По приезду домой, Герхард обо всем рассказал Игорю, и он идеально сыграл свою роль больного. Всю ночь, Герхард и доктор Штаубе поочередно провели возле него. А на утро после завтрака, Герхард предложил им поехать вместе с ним

в город. Игорь, сославшись на плохое самочувствие, отказался, а Уваров с удовольствием согласился покататься. Как только они уехали, Игорь быстро оделся, и Арнольд повез его к себе домой, где их ожидал Саид.

Когда они вошли в дом, Саид был в гостиной и сидел возле камина, наблюдая, как трескаясь на углях, разгорались березовые поленья. Саид, как бы разговаривая сам собой, не оборачиваясь, заговорил,

– В детстве, я очень любил сидеть возле очага, так у нас у узбеков называли печки похожие на этот камин. Почему-то я всегда ощущал в себе холод и никак не мог согреться. Сейчас, хотя мне не холодно, но те чувства не покидают меня, – затем, встав с места и обернувшись в их сторону, продолжил. – Привет мой друг, не ожидал меня увидеть здесь живым? – и направился в его сторону.

– Лукавить не буду, нет, не ожидал, – сказав, с распростертыми объятиями пошел ему на встречу. А затем крепко обняв друга, – жив, сукин ты сын, – и повернувшись к Арнольду, словно говоря ему. – Черт возьми, жив шайтан а, жив.

– Неужто ты забыл о том, что у меня есть ангел хранитель? – обнимая друга, вторил ему Саид. – Который не даст мне умереть, и повсюду будет оберегать меня.

– Нет, не забыл, а наоборот даже знал, я был уверен, что ты не погиб. Ты же всегда у нас слыл семижилным, – и схватив его за кудри, – шайтан этакий.

– Может хватить меня поносить, – шутя другу, сказал Са-

ид.

– Как хватит, как хватит?– вновь рукой проведя по его волосам. – Я похоронил самого близкого друга, самого дорогого мне человека, у меня траур, трагедия. Даже не знаю, где его могила, а он лежит под забором в двух метрах от меня и, слыша, как я о нем вспоминаю, посмеявшись надо мной, уходит.

– Пойми, тогда я не мог тебе раскрыться. И прежде всего это сделал ради тебя.

– Почему, не доверял мне?

– Дурак ты, Игорь и больше никто.

– Тогда объясни, почему?

– Прежде чем вести тебя в Германию, давили на тебя в особом отделе?

– Допустим. А откуда ты об этом знаешь?

– Проехали. Значит они, эти собаки, тебе угрожали, кричали, шантажировали родными. А ты им уверенно отвечал по поводу меня, что обо мне ничего не знаешь. Не так ли?

– Да, ну и что?

– Знай ты о том, что я жив, мог ли ты твердо убеждать их или нет? Я думаю, ты бы не смог и они, дай им только повод, в миг тебя сломали бы.

– Меня не сломали бы.

– И ты хочешь сказать, что ради меня мог бы пожертвовать своими родными и близкими? Что молчишь? Скажи мне, если они на одну чашу весов положили бы твоих близ-

ких, а на другую меня, ты, что меня выбрал бы?

– Не знаю, что ответить.

– Игорь, видя, как они глумятся над ними, ты не смог бы сдержаться. Это не твоя вина, так поступил бы каждый, даже я. – И тут Игорь опустил свои глаза, Саид, резко подняв его голову. – Нет, не опускай свою голову, смотри мне в глаза, – злобно крикнул на него. – Смотри, вот почему я тогда пожалел тебя, твоих близких. Вот почему каждый день, приходя к тому забору, мысленно общался с тобой, скучал по тебе, но подойти к тебе не мог. – Тут у Саида резко покраснели глаза, и его голос задрожал, он, отпустив друга, отвернулся от него, чтобы не показать ему свою слабость. Затем, отойдя к окну и не оборачиваясь к нему лицом, продолжил. – Игорь, я и сейчас к тебе не пришел бы, если не понимал, на что ты подписался. Даже если ты меня и не нашел бы, они тебя, твоего друга и ваших родных уже приговорили. Неужели этого не понимаешь? – Потом Саид, присев на стул, предложил присесть Игорю с Арнольдом, и вновь заговорил. – Ты знаешь, я вырос в детском доме, и у меня никогда не было родственников. Но встретив тебя, был безгранично рад тому, что у меня появился друг, которого я могу назвать своим братом. Война эти мои чувства усилила, и я уже не представлял свою жизнь без тебя.

– Саид, поверь, и у меня к тебе такие же чувства, – искренне произнес Игорь.

– Знаю, и из-за этого я здесь, здесь, чтобы вытащить тебя

из этой ямы. Если бы на твоём месте был другой человек, возможно, я и не пришел бы. Но ты другой, как тебе сказал, для меня ты брат и не чужой. И наконец, если тебя не было бы, тогда и меня не было бы, потому что только благодаря тебе я жив. Я обязан тебе своей жизнью, и теперь не оставлю тебя в беде.

– Спасибо брат, и если можешь, прости меня за то, что я не понял тебя, не подумал, как ты.

– Я то что, нам надо подумать, как распутать этот клубок. Надо подумать, как тебя и твоих близких вытащить из когтей этих подонков. Нужно придумать такой план, чтобы в итоге наказать этих сволочей, переиграть их.

– Саид, не могу понять, как ты простой капитан мог насолить им так, что сам Сталин заинтересован в твоей поимке. А в Германию курировать эту операцию отправил Верховного Комиссара.

– Даже так? А я-то не знал, что моей скромной персоной интересуются такие видные деятели страны.

– Саид, прошу тебя, не иронизируй.

– А я не иронизирую, а констатирую факт.

– И все же, а мне можешь рассказать, чем ты им насолил?

– А ты не побоишься узнать об этом?

– Двум смертям не бывать. Боясь, боясь до Берлина дошел, так что как-нибудь выдержу.

– Ну, что ж, слушай. Когда нас, в том числе и тебя с твоей группой отправили на поиски десанта, мы на вторые сут-

ки их нашли в горах. Там они в штольне грузили ценности, вывезенные из оккупированных стран в грузовики. Дождавшись подкрепления, мы выбили немцев оттуда. И вот, погрузив все ценности в грузовики, только собрались уехать, в ящиках из-под оружия нашли очень много бриллиантов, золотых украшений, золотые слитки, в общем, этого добра оказалось сорок ящиков.

– Сколько?

– Сорок ящиков. Так вот, я и мои бойцы загрузили эти ящики в последнюю машину и когда стали спускаться, пробили два колеса со стороны водителя. Остановиться практически было невозможно, и через пару километров нашли один пологий спуск, куда спустили грузовик. Замаскировав его, как только заменили колеса, по дороге в погоне за колонной проехали с десятков танков и броневиков с немцами. Оставив машину, мы побежали на помощь своим, где все погибли. А когда меня тяжело раненного немцы окружили и только я хотел подорвать себя, подоспели танкисты Завьялова и меня спасли. Немцы отступили, а меня раненного забрали в особый отдел и три дня пытали. А когда на четвертый день повезли в особый отдел Армии, на нас напали немцы, видимо, чтобы меня отбить. Но так случилось, прямо под нашей машиной взорвалась мина, и нас отбросило в пропасть. Перед самой водой, когда я, с трудом открыв дверь, спрыгнул в реку, легковушка взорвалась, и ее разнесло в клочья.

– А почему ты им не рассказал о том, где спрятал свой

грузовик? Может быть, найдя его, они отстали бы от тебя?

– Ты что не понял? Они не собирались отдавать эти драгоценности государству. А хотели присвоить их себе, и как только я им его отдал бы, меня как ненужного свидетеля ликвидировали бы.

– Почему ты так уверен?

– Потому что, когда их попросил пригласить ко мне полковника Харитонова, я тогда еще не знал о том, что он погиб, или генерал лейтенанта Пахомова, мне отказали.

– Ясно, и где сейчас этот грузовик?

– В надежном месте.

– Так значит он у тебя? – Удивленными глазами спросил Игорь.

– Да, у меня. И я все эти драгоценности собираюсь потратить на благое дело.

– Вот почему Мехлис не хотел, чтобы о деталях операции знали встречавшие и сопровождавшие нас офицеры.

– Теперь-то ты понимаешь куда вляпался? Они тебя после выполнения задания живым не отпустят.

– А у меня выбор был? – с грустью ответил Игорь.

– Выбора у тебя, конечно, не было. Но еще там, в Иркутске, ты мог бы откосить. Попытаться придумать что-нибудь, Игорь, пойми, из любых, даже безвыходных ситуаций есть выход, но только его надо найти. Но сейчас у тебя и у твоего друга обратного пути нет.

– Кстати, он не должен знать о тебе, о том, что мы с тобой

встречались,

– Мне об этом можешь не говорить.

– Саид, как думаешь, а сейчас есть у нас выход?

– Ты знаешь Игорь, когда особисты меня везли в особый отдел Армии, я знал, что там они меня точно убьют. Понимая это, когда ехали туда, на том месте, где на нас напали немцы, я, не смотря на переломы рук и ребер, решил бежать. Потому что знал, что там самое идеальное место для побега. Когда мы подъехали к тому месту, и, как только схватился за ручку двери, раздался взрыв, и машину отбросило в пропасть. Теряя сознание, буквально перед самой водой выпал из машины, и тут ее разнесло в клочья, а меня река понесла вниз. Даже в такие моменты, я пытался сохранять самообладание, и только, когда мне удалось выбраться на берег, потерял сознание. Где меня и нашла сестренка Арнольда Эльза, кстати, она моя жена, и спасла меня. Так, что брат, из любых ситуации есть выход, но его надо найти, только было бы желание.

– Теперь, что ты можешь мне предложить, как быть нам?

– Пока я еще ничего не придумал, дай мне пару дней. Ты же знаешь, что Всевышний меня не оставит, зная о том, что твоя беда она и моя. Вот увидишь, он нам поможет. А пока, прошу тебя, и ты не бездействуй. Если Мехлис не будет получать от тебя сообщений, заподозрит неладное и насторожится. Другую группу, возможно, и не отправит, но вас может отозвать, а там, как все обернется одному Всевышнему

известно.

– А что я буду ему писать?

– Сейчас Арнольд отвезет тебя обратно, а затем он поедет в горы. Там у нас свои заказники и предупредит егеря, что Герхард приедет на охоту с друзьями. Через пару дней ты и твой товарищ с Герхардом и Арнольдом поедете туда. Мехлису напиши об этом, что едешь на охоту и поищешь там меня.

– Ты это давно придумал?

– А что?

– Нет, честно, скажи?

– Когда ты мне сказал, о чем писать Мехлису.

– Фу, камень с плеч упал.

– Что так?

– Как, что? Если ты за десять минут придумал такой идеальный план, то я за свое будущее и будущее своих близких не переживаю. Значит, ты за неделю сумеешь разработать стратегический план не хуже Сталинградского. Саид, а может, еще поболтаем? – спросил Игорь у друга.

– Я бы с удовольствием, но Арнольду надо ехать, причем далеко. Потерпи дружище, мы еще успеем наговориться и порядком друг другу надоедим.

Напоследок они вновь обнялись, и, попрощавшись, разъехались по домам...

ГЛАВА 13. Итальянец Кармелито

Пока Саид и Игорь разговаривали, Арнольд переоделся и, оставив Игоря у тестя, поехал домой к Саиду. Оставив у него машину и оседлав коня, направился в заказник, чтобы предупредить егеря Филипа Лама о том, что Герхард собирается приехать на охоту с друзьями.

Ближе к вечеру того же дня он доехал до заказника и когда рассказал егерю о цели его приезда, выслушав его, господин Лам сказал,

– Арнольд в горах появились какие-то странные люди.

Видно не местные, но немцы.

– А что они там делают, охотятся? И почему странные? –

Переспросил его Арнольд.

– Нет, не охотятся, а странные, потому что нелюдимые.

– А вы что успели с ними пообщаться?

– Да, я же ведь егерь и они обо мне знают.

– И, что же говорят?

– Говорят, будто альпинисты и приехали лазать по нашим скалам.

– Ну и что, пусть лазают.

– Пусть, кто им это запрещает. Но тут вот какая штука, те явно не альпинисты и сюда приехали не по скалам лазать. Они здесь что-то ищут и у каждого в руках карта, причем военных лет с теми топографическими обозначениями.

– А про карту откуда знаете, и то, что военных лет?

– Я увидел, когда те ее пытались спрятать от меня.

– Это уже не смешно. Сколько их?

– Шестеро немцев и один, то ли испанец, то ли итальянец.

– Значит семеро?

– Да семеро.

– А оружие у них есть?

– Я, по крайней мере, не видел, но мне кажется по их военной выправке, и как себя ведут, оружие у них должно быть.

– Да. И как же эти незнакомцы вас отпустили?

– Говорю же, я егерь и они меня знают и осведомлены обо мне.

– Где их лагерь?

– Помните последнюю охоту, где вы с Луизой ждали доктора Штаубе с друзьями.

– Да.

– Вчера были там.

– Почему были?

– Я же говорил, они в горах что-то ищут, и каждый день меняют свой лагерь. Судя по характеру их перемещения, можно смело предположить, что сегодня будут вот в этом районе, – и, показывая на своей карте, – что-то ищут. Неспроста они здесь и никакие не альпинисты эти незнакомцы.

– Понял вас господин Лам. Теперь у меня к вам убедительная просьба, до нашего приезда в гору не ходите и тем более не следите за ними. Если вы правы на счет того, что те там в горах что-то ищут, заметив вашу слежку, попытаются

от вас избавиться.

– Вы так считаете?

– Я абсолютно уверен.

– Может, стоит бургомистру о них сообщить? Пусть он отправит полицию, а там разберутся.

– Нет, не стоит сообщать бургомистру. Если эти здесь с не добрыми помыслами, стычки с ними не избежать. А так, мы приедем и сами во всем разберемся.

– Вы уверены, что сами справитесь?

– Леса и горы наши, здесь каждый кустик нам знаком, не переживайте, справимся.

– Но и они не хуже вас и меня знают наши окрестности.

– Почему вы так думаете?

– По поведению, по их следам и тому, как обходят опасные участки наших гор, я сделал такой вывод.

– Вот, как!

– Так что мне кажется, стоит нам обратиться в полицию.

– Господин Лам, я сейчас поеду и поговорю с Герхардом и с Саидом, а там мы решим как быть, хорошо?

– Хорошо!

– И еще, когда мы приедем, прошу вас ни при каких обстоятельствах, при гостях Герхарда, не припоминайте имя Саида. И особенно при молодом, его имя Дима.

– Почему?

– Так надо, прошу вас.

– Хорошо, договорились. А почему, вы собираетесь на

ночь глядя ехать? Все-таки горы.

– Надо, и чем скорее, тем лучше.

– Тогда я вас провожу до низовья.

– Договорились!

Вечером Игорь попросил Герхарда, чтобы он утром свозил его в город для встречи с агентом Мехлиса. Наутро после завтрака они поехали, как и просил Игорь в город. Там, встретившись со связным, подробно описал ему свои действия на ближайшие пять, шесть дней. Связной полностью одобрил его план.

А Арнольд вернулся в Зальцбург под самое утро и когда рассказал Саиду о странных альпинистах, замеченных в горах, тот ему сказал,

– Ну вот, теперь и эти.

– Ты считаешь, что те тоже приехали по твою душу?

– А ты как думаешь, что могут искать в горах альпинисты?

– Судя по рассказам егеря, они каждый день меняют свою стоянку, раз так, значит ты прав, ищут твой грузовик.

– И я об этом же.

– Что будем делать, какие дальнейшие планы?

– Ты, наверное, не спал?

– Ерунда. Мы на фронте, по несколько суток без сна делали марш бросок. Сам же разведчик, значит, знаешь об этом.

– Сейчас не война, сделаешь так. Езжай домой, но по пути заскочи к отцу и скажи Герхарду, чтобы он, вечером с Игорем приехал ко мне. Как отдохнешь, тоже подтягивайся,

вместе что-нибудь да придумаем.

Когда Арнольд приехал к Герхарду и передал ему просьбу Саида,

– А с Уваровом что сделаем? – Спросил Герхард у Арнольда. – Может, ты его куда-нибудь заберешь?

– Но Саид мне сказал, что бы и я был у него, – ответил ему Арнольд.

– Арнольд, после того, как решим, что делать, обо всем узнаешь, но Уварова ты должен отвлечь.

– Хорошо, Саиду сам скажешь.

Вечером, как и договорились, Арнольд с позволения Игоря, забрал Диму на ночь к себе домой, чтобы примерить его экипировку. На что Уваров с удовольствием согласился. Как только они уехали, Герхард с Игорем, быстро собравшись, поехали к Саиду и уже через несколько минут были у него.

– Ужинать будете? – Спросил у них Саид.

– Нет, мы только со стола.

– Тогда пошли в сад, поговорим в беседке, – и быстро он повел друзей за собой. Игорь, усевшись на скамейку, радостный спросил у друга,

– Ну что, придумал план?

– Нет, обстоятельства поменялись.

– Какие обстоятельства? – Разочаровано, переспросил Игорь

– Герхард, в горах появились посторонние люди.

– Какие посторонние, а мы тут причем?

– Поверь, это явно связано с нами. Господин Лам рассказал Арнольду, что они там что-то ищут.

– Почему ты так считаешь?

– По рассказам егеря, те каждый день меняют свою стоянку. Причем, сектор, который исследуют незнакомцы, аккурат в районе, где спрятан наш грузовик. Я уверен, эти люди ищут наш грузовик.

– Ты уверен в этом?

– Да уверен. У них военные карты и их выправка, явно военная. Господин Лам пару дней за ними проследил.

– Если твои опасения правильны, тогда господин Лам сильно рискует.

– Я тоже об этом. Арнольд его уже предупредил до тех пор, пока мы не приедем, в гору не ходить.

– Вот это правильно, – в разговор вмешался Игорь.

– Постой, постой, ты что, Саид, тоже собираешься поехать с нами на охоту? – спросил у него Герхард.

– Да, а что? Давненько не охотился.

– А как нам быть с Уваровом? – Удивленно, спросил у него Игорь. – Он же тебя сразу узнает.

– А мы его оставим дома, – улыбаясь, Саид посмотрел на Герхарда.

– Как оставим, как оставим? Он и так из-за моих частых отлучек что-то стал подозревать, – возмущенно сказал Игорь.

– Игорь, по-моему, ты только что сказал, вот это правиль-

но. Что, не твои слова?

– Да, но я, машинально, не подумав об Уварове, ляпнул. Беру слова обратно.

– Шучу, успокойся, – сказав, Саид обратился к Герхарду. – Ты привез все то, о чем я тебя попросил?

– Да, они у Эльзы.

– Добро, я с утра поеду в заказник, а вы выезжайте послезавтра, там мы и встретимся. Игорь, не переживай, твой Уваров ничего не заподозрит. Не забыл о том, что я был лучшим в разведшколе по перевоплощению.

– Я на это и рассчитываю. Хоть и Уваров никчемный разведчик, но на войне немало опыта набрался, так что тебе с ним стоит быть поаккуратней.

– Не бойся, все будет нормально.

Рано утром, Саид, отправив жену на несколько дней к отцу, подготовил подводу и поехал в заказник. И когда он пьяный приехал туда, егерь, не узнав его, не пускал в дом. Но Саид, настырно, отталкивая его, быстро вошел в дом. Ничего не понимая, господин Лам последовал за ним и, зайдя, удивился увиденному.

К вечеру следующего дня в заказник подъехали и наши охотники. Увидев их, егерь пошел навстречу, и поприветствовав гостей, произнес,

– Мы уже вас ждали.

– Мы? – забыв о том, что их в заказнике будет ждать Саид, удивился Герхард.

– Да, я не один. Ко мне приехал мой друг Кармелито из Италии. Что, забыли, Кармелито? Помните, когда вы с отцом и его друзьями приезжали на охоту, он был здесь? – сказав, егерь подмигнул ему глазом. И Герхард, рассмеявшись и поняв о ком речь,

– А, это тот сицилиец?

– Именно, ваш друг, с которым вы неплохо поохотились, – сказав, егерь вновь ему подмигнул.

– Если честно, он мне не нравился, жуткий на вид человек. Наверное, сейчас, немного постарев, стал еще страшнее? – Улыбаясь, спросил Герхард.

– Не буду лукавить, но почти не изменился, внешне тоже. А грубости и хамства хоть отбавляй. Что вы хотите, мафиози, жуткий и отвратительный тип. Лучше его не дразнить и не спорить с ним, пристрелит ненароком.

– А почему тогда вы дружите с ним? – Поинтересовался Уваров.

– Все потому что, во-первых я его боюсь, но знаете, хоть он и отъявленный мерзавец, но друзей своих никогда не бросает. Вот почему я с ним дружу.

– А я бы все равно с такими людьми не общался бы, – вторил ему Уваров.

Не успели охотники выгрузить свои снаряжения из подвоты, на лестнице появился итальянец с большим бокалом вина в одной руке и огромным куском мяса в другой. Небрежно и так противно жуя во рту кусок мяса, пристально взгля-

нул на гостей егеря.

От увиденного, Уваров был в шоке. Те амбалы из особого отдела в Москве, по своему виду, были ягнятами перед этим итальянцем. Испугавшись, Уваров быстро отвел от него свой взгляд, а итальянец это заметил. Но, не придавая значения, противно чавкая и разбрызгивая своими слюнями, проглотив прожеванный кусок мяса, и отрыгнувшись, пристально взглянул на них. Затем подозревая егеря, спросил по-итальянски у него,

– Филипп, это и есть твои гости?

– Да, Кармелито, – ответил ему егерь.

– А, что он говорит? – поинтересовался у него Арнольд.

– Спрашивает, это и есть мои гости.

– А вы что на итальянском говорите? – Удивляясь, спросил Арнольд.

– Я ведь тоже из Италии, мы с Кармелито земляки.

Тут итальянец, оглядев всех гостей егеря, увидел Герхарда. И пропуская по одной ступени, быстро подойдя к нему, своими жирными руками обняв его, на ломанном немецком произнес,

– О, Герхард, это вы? – сказав, своим жирным слюнявым ртом стал его целовать. А потом, стал быстро ему говорить на итальянском.

– Герхард, он узнал вас, спрашивает, как поживает ваш отец? – перевел ему егерь.

Герхард, итальянцу ответил на его родном языке. И Ар-

нольд, услышав это, спросил у него,

– Что ты ему сказал?

– Сказал, что папа жив, и передает ему привет.— А на самом деле, он ему сказал.— Ты меня всего облизывал и намазал жиром.

Когда все вошли в дом и расселись за столом чтобы поужинать, итальянец уселся между Игорем и Димой. И глядя в упор на Диму и на ломанном немецком спросил,

– Как тебя звать?

– Дима, – ответил ему Уваров, и итальянец, обернувшись ко всем,

– Дима мне очень нравится. Завтра я пойдет с Дима на охота, – и, повернувшись к Уварову, – Хорошо? Ты пойдет завтра охота со мной. – Стал утвердительно кивать ему головой.

А Уваров услышав, что он сказал, стал возмущаться,

– Уберите его от меня, я никуда с ним не пойду, – и стал отталкивать итальянца от себя.

Итальянец, оскорбившись его ответом, не на шутку разозлившись, вскочил с места и, схватив Уварова за шкуру, стал трясти. Видя, как незнакомец издевается над его товарищем, Игорь, резко вскочив с места, оттолкнув Уварова, схватился за шиворот итальянца. И только приготовившись отшвырнуть того со стола, как неожиданно увидел шрам на его шее. Чуть не расхохотавшись и еле сдержавшись, отпустил итальянца, и извиняясь, сказал,

– Сеньор, прошу вас, пожалуйста, оставьте моего друга в

покое. Если хотите, на охоту с вами пойду я, – как бы стал убеждать его Игорь.

А итальянец не унимаясь, говорил,

– Я хочет вот этот пойти охота, – показывая пальцем на Уварова.

– Нет сеньор, он плохой охотник. Поверьте, я вас не подведу, – вновь убеждал его Игорь.

Итальянец, еще раз злобно взглянув на Уварова и что-то пробормотав егерю на своем, шатаясь, ушел.

– Что он говорит? – спросил у егеря Арнольд.

– Выругался и пошел спать.

– Противный тип, если ко мне так приставал бы, я не выдержал бы и ударил его, – возмущался Арнольд.

– Вот этого делать не стоит по двум причинам. Он мой гость и как вы знаете мой друг. И еще, Арнольд, вы видели тесак на его пояснице.

– Ну и что, все равно я его вырубил бы, – крепко сжимая свой кулак и показывая егерю, он сказал, – не сомневайтесь, точно его свалил бы.

– Нет, Арнольд, вы не успели бы даже поднять свою руку, как он ни секунды не колеблясь, воткнул бы свой нож в ваш желудок по рукоятку. Я же вам говорил, он прирожденный убийца, – доказывал егерь.

– Как бы там ни было, ваш друг, господин Лам, испортил нам аппетит, хоть и сильно хочется есть, у меня на еду нет настроения, – злился Арнольд.

– Игорь, прошу тебя, завтра на охоте, избавь меня от этого дурака. В противном случае или он или я пристрелим друг друга. – Просил у Игоря Уваров.

– Утро вечера мудреней, может, завтра протрезвев, он тебе понравится.

– Однозначно не понравится, в этом можешь не сомневаться. Так что прошу тебя, завтра уведи его с собой, хорошо? Договорились?

– Я то что, как итальянец, проснувшись сам решит. Постараюсь, конечно, его убедить, а там видно будет, – все подшучивал Игорь над Димой...

ГЛАВА 14. Схватка с непрошенными гостями.

После того, как и остальные разбрелись по комнатам, Герхард, подождав пока Уваров заснет, попросил Арнольда пойти с ним на улицу. И когда они вместе с Игорем оказались там, рассказал ему, кто на самом деле этот итальянец. Услышав это, Арнольд расхохотался, его быстро одернул Герхард,

– Тише! Ты что хочешь Диму разбудить?

– Вот артист, и как сыграл свою роль итальянца, – и удивленно спросил у Игоря. – Игорь, откуда он знает итальянский язык, что у вас в разведшколе и этому учат?

– Итальянский у нас был как дополнительный язык. Из-за того, что Италия была в коалиции с Германией, нам рекомендовали немного его знать. Но сам поражаюсь как в со-

вершенстве им владеет Саид.

– Молодец Саид, верите, я его не узнал. Не зря ты говорил, что он мастер перевоплощения.

– Да мастер, ты прав, в разведшколе в этом ему не было равных.

– А где он взял все это, парик, бороду, усы? – спросил Арнольд у Герхарда.

– Помнишь, как то мы с ним по делам ездили в Вену.

– Да, помню. После этого он ни разу там больше не был.

– Да, в Вене Саид попросил меня заехать в драматический театр, вот там все это и приобрел. Я тогда подумал, зачем ему этот маскарад, а теперь понимаю. Игорь, мне кажется, и ты его сначала не узнал, – спросил у него Герхард.

– Честно, пока не увидел его шрам на шее, не узнал, – улыбаясь, ответил Игорь.

– Да, артист, какой артист, – не мог успокоиться Арнольд.

Еще немного поговорив, друзья пошли отдохнуть перед охотой.

Утром, еле-еле открыв свои глаза, стали поочередно спускаться в холл, где их, ожидая у камина в кресле с бокалом вина, хмуро сидел Кармелито. Он как будто не замечал их появления. И даже тогда, когда они поприветствовали его, невозмутимо сидел на месте. А Арнольд, подойдя к нему, настойчиво, стал его приветствовать,

– Доброе утро, сеньор Кармелито! – подмигивая ему, несколько раз повторил.

Ничего ему, не отвечая, итальянец, сделав пару глотков из своего бокала и словно укоряя их за то, что долго спят, взглянул на огромные часы над камином.

Герхард сразу же понял в его взгляде упрек и стал торопить своих друзей,

– Друзья, сеньор Кармелито не доволен тем, что мы проспали. Давайте быстренько позавтракаем и пойдем на охоту. Если сегодня ему не повезет, поверьте мне, вечером нам всем несдобровать, как пить дать, он кого-нибудь из нас пристрелит.

– Это точно, – подтверждая слова Герхарда, егерь Филип Лам, руками, как бы поторапливая, направил их к столу.

Наскоро позавтракав, Герхард обратился к егерю,

– Ну, что ж господин Лам, стоит нам ребят разделить на группы и указать им их маршруты. Арнольд, а ты захвати еду, потому что мы толком не позавтракали, там перекусим.

Уваров попросился в группу, где были Герхард, егерь и Арнольд, и посмотрел на итальянца. Тот вообще не отреагировал на его слова, и Дима, поняв, что тот отвязался от него, наконец-то успокоился.

Егерь Филип Лам на карте показал маршрут для группы Герхарда. Этот маршрут пролегал совершенно в противоположном направлении, тому, где по предположению Арнольда должны были быть незнакомцы. Поняв это, он возмутился, что не будет принимать участие в ликвидации непрошенных гостей.

– Не понял, что, на настоящего зверя пойдут они? – показывая на итальянца и Игоря, – а нас хотите отправить на зайцев и куропаток? – И тут же уловив на себе пронзительный взгляд итальянца, осознал свою ошибку, и извиняясь, сказал, – Все, простите, я не прав, беру свои слова обратно.

Тут же Кармелито встав с места, что-то брякнул на своем егерю. Услышав это и увидев его суровый взгляд, Арнольд спросил у Герхарда,

– Что этот итальянец там бормочет?

– Он не бормочет, а говорит, что если через минуту мы не исчезнем, охота для нас закончится здесь.

– Понял, меня уже нет, – сказав, Арнольд схвати свою двустволку, куртку и шапку, и быстро вышел из дома. За ним последовал Уваров с егерем.

Герхард, подмигнув Саиду, только собрался уйти, тот его остановил. Тихо попросил Игоря взглянуть в окно. Игорь, убедившись, что Уваров и Арнольд отошли от дома, кивнул ему головой.

– Герхард, прошу тебя, ни в коем случае, не подходите вот к этому сектору, – и Саид показал это место на карте. – Те, кто в горах следят за нами.

– Откуда ты знаешь?

– Я ночью их видел возле дома. Герхард, никакой импровизации, ваша охота должна быть настоящей. Господин Лам, хотя ты и просил, останется с вами.

– Почему? Давай, тогда хотя бы Арнольда оставим с вами.

– Нет, нам с Игорем не нужны лишние люди, он только будет мешать. Господин Лам ждет тебя возле дома, и в курсе, когда вы будете проходить возле кустов, о которых я его предупредил. Ты ему ненароком скажи, что его гость итальянец и твой друг в стельку пьяные и, наверное, проспят до вечера. Хорошо?

– Хорошо!

– Ступай, брат, и удачной вам охоты! – пожелал ему Саид. Действительно, в кустах, о которых говорил Саид, спрятались двое из гор. Как только Герхард и его спутники исчезли из виду, услышав о том, что двое гостей егеря в стельку пьяные спят, пошли это проверить.

Увидев в окно, как те идут, Саид вытащил свой нож из пояса и попросил Игоря взять со стола нож егеря.

– Мы их должны свалить без единого выстрела, – и показав другу место, где тот должен был спрятаться, Саид добавил. – Игорь, не играй с ними и сходу вали, ты меня понял? – Игорь покачал ему головой.

Через некоторое время, незнакомцы, подойдя к дому, осторожно взглянули в окно. А затем, как будто заблудившиеся туристы, стали стучать в него и громко звать хозяина дома. Не услышав ответа, они приготовили свои пистолеты и осторожно открыли дверь. Один из них просунув свою голову внутрь, осмотрелся, а затем, сделал шаг и вошел в дом. За ним появился и второй, и тихо толкнув своего напарника, указал ему идти. Внутри дома царила гробовая ти-

шина. Незнакомцы, убедившись, что в холле никого нет, стали медленно входить в него. Но не успели даже закрыть за собой дверь и сделать еще по одному шагу, как тут же получили удары ножом в области шеи. Издав неприятный хрип, замертво упали на пол. Когда все было кончено, Саид, быстро выскочив на улицу, огляделся вокруг и, убедившись, что никого нет, вошел обратно в дом. Тут Игорь ему сказал,

– Да, ты был прав, говоря мне, что нужно валить их сразу. Точно, я такого бугая не смог бы пленить.

Он был прав, на полу лежали здоровенные и сильно накачанные амбалы.

– Я, когда увидел их, понял, они из спецподразделения СС, сдаваться не стали бы и скорее всего, выпили бы ампулу с ядом. – И, пристально приглядевшись на воротник одного из них, достал оттуда какую-то ампулу, показывая другу. – Видишь, скорее умерли бы, чем сдаваться нам. Но если они убедились бы, что в доме мы одни, скорее всего нас убили.

– Это точно! – сказав, Игорь увидел их пистолеты и, подняв, – Саид смотри, это же бесшумный пистолет, – показал ему.

– Точно, вот это глушитель поглощает звук, – показывая на глушитель, сказал Саид. – Игорь, проверь обоих, может и другое оружие у них есть?

Когда Игорь осмотрел трупы, нашел еще три пистолета, несколько обойм к ним, пару гранат и финки у каждого. Еще у них была карта, с указанием районов, которые уже обсле-

довали, и которые должны были обследовать.

– Что дальше? – Спросил у Саида Игорь.

– Нам надо трупы спустить в подвал и быстро направится вот в этот район, – и указал его на карте. – Там сейчас ходят еще двое из их группы.

– Но ты говорил, что твой грузовик в другом месте.

– Да, но посмотри на их карту. Видишь цифру 11? Что эта цифра означает и почему те пошли туда?

– Постой Саид, а ты откуда знаешь, что они там? Что всю ночь не спал?

– Да, не спал. Как мне рассказал господин Лам, я пошел туда, где по его предположению незнакомцы должны были разбить лагерь. Найдя их лагерь, наблюдал за ними и когда эти двое пошли вниз, понял, что идут к вам. Проследив за теми двоими, которые ушли в гору, быстро вернулся обратно. Вот откуда знаю, что в том районе находятся еще двое. – И протягивая другу маскировочную спецодежду, сказал, – на, надень. – Увидев знакомую форму, Игорь, удивившись, воскликнул,

– Откуда она у тебя?

– С грузовика. Ты не забыл, в последнем рейде мы были в них. Кое-что я взял в штольне, и когда мы возвращались, закинул в грузовик. Вот видишь, пригодились.

Друзья, быстро переодевшись и оттащив тела убитых в подвал, тщательно скрыли их прибрали за собой в холле. Затем взяли оружие незнакомцев и бегом направились в гору.

По дороге Игорь спросил у друга,

– Саид, а остальные не спохватятся за них?

– Нет, у каждой их групп своя задача, они должны вечером собраться в лагере. Я думаю, у нас хватит времени, чтобы до вечера с ними разобраться.

– Понял,

Пробежав километров десять, Саид скомандовал,

– Мы уже близко, дальше надо идти осторожно и не упускай из виду ничего. Игорь ты иди по этому склону, а я спущусь чуть пониже.

– Хорошо, – сказал Игорь и пошел дальше.

Осторожно, стараясь не оставлять следов, и по мере возможности двигаясь по камням, чуть пригнувшись, разведчики направились в гору. Не успели пройти и пятьсот метров, как Саид услышал знакомый крик самца утки. Резко присев, он взглянул в сторону Игоря, который рукой отмахиваясь, показывал вниз. Оглядевшись вокруг, прямо перед собой в ложине, в пятистах метрах от себя увидел неприятеля. Тот стоял спиной к нему и куда-то глядел. Тут же Саид лег и потихоньку отполз к рядом стоявшему камню. К нему подполз и Игорь и, приведя наизготовку трофейные пистолеты, Саид показал рукой другу, откуда они пришли. Затем тихо ему сказал,

– Видишь вон те камни?

– Да!

– Они утром шли по ним. Значит, возвращаться будут

также.

– Почему ты так уверен?

– Выше их отвесная скала. Уверен, туда не пойдут. Вокруг нас тоже скалы и путь только один, отсюда, – тут Саид пристально взглянув вверх. – Понял, скорее всего, у них здесь еще одна штольня, возможно, они пришли, чтобы убедиться в сохранности ценностей.

– Понятно,

– Игорь, ты пройди вон к той сосне, – показав ему рукой, – видишь возле него выступ скалы?

– Да, вижу,

– Вот за ней и спрячься. Как только те выйдут из лощины, по моему сигналу стреляй. Не дав им опомниться, мы должны выстрелить одновременно.

– Понятно,

– Они должны появиться не раньше двух, трех часов.

– Почему?

– Потому, что должны исследовать свою штольню, и пока в горах не опустятся сумерки, не появятся, не безопасно для них.

Заняв позицию, разведчики стали ждать неприятеля. Как и предполагал Саид, те появились в их поле зрения через три часа. Когда незнакомцы подошли к тому месту, которое Саид выбрал как зону поражения, но не успел он подать условный сигнал Игорю. Незнакомцы, заметив их, резко приседая, потянулись за свои пояса. Поняв, что их раскрыли, Саид, быст-

ро вскочил с места, и с двух рук стреляя, побежал к ним на встречу. Игорь так же, как и друг, стреляя, направился туда. Разведчики по неприятелю выпустили почти всю обойму из четырех пистолетов, прежде чем те рухнули на землю. Подбежав к ним, Игорь ткнул дулом пистолета, и убедившись, что они мертвы, сказал другу,

– Готовы!

– Их осталось трое, если еще не поменяли стоянку, должны быть здесь, – сказав, Саид указал на карте.

Через полтора часа друзья были вблизи того места, где должен был быть лагерь альпинистов. Осторожно, ползком друзья доползли к небольшому возвышению, откуда можно было все вокруг разглядеть. Взглянув, Саид понял, что незнакомцев уже нет, и когда спустились вниз, предположение подтвердилось.

– Игорь, осмотрись вокруг, может остались следы, куда они могли пойти. Только фонарь не включай, – сказав, сам тоже стал быстро пристально разглядывать вокруг.

Разведчики чуть ли не каждый сантиметр земли прощупали руками. Не найдя ни единой зацепки, разочаровано только сели, как заметили со стороны горы направляющийся в их сторону тусклый огонек фонарика. По еле заметному силуэту быстро определили, что к ним идет человек. И когда они приготовились к его встрече, тот вдруг, не дойдя до них метров пятьдесят, остановился. Затем выключив свой фонарь, резко рванул обратно. Разведчики поняв, что тот их заметил,

вскочили с места, и на бегу стреляя, побежали за ним. Еще немного пробежав, тот рухнул на землю. Когда разведчики подбежали к нему, бежавший был уже мертв. Одна из пуль попав ему в затылок, вылетела через глазную яму и вывернула наизнанку его правый глаз.

– Этот их проводник, – узнав его, сказал Саид.

– А почему он один?

– Скорее всего те двое пошли к дому егеря. Мы с тобой немного вышли из графика, потому что те, которые лежат в подвале егеря, должны были уже вернуться в лагерь. Наверное, из-за того, что они не вернулись, почуяв неладное, оставшиеся двое направились к нам. Игорь, побежали, нам надо поторопиться.

– А с этим что делать?

– Оставь, вернемся завтра и похороним, – сказав, Саид побежал вниз.

Где-то за километр до домика егеря, Саид остановился и стал оглядываться по сторонам. Затем, как будто что-то заметив, быстро направился туда. Там возле небольшой расщелины, между камнями, прикрытая ветками лежала туша небольшого кабана, пара ружей и патронташ.

– Игорь, скидывай с себя маскировочный халат, – и быстро сам скинув свою, – бери ружье, хватайся за кабана, у нас нет времени. – А потом, взяв бурдюк с вином, немного выпил, и облив свою одежду, – побежали, – сказал ему. Пробежав еще метров пятьсот, шестьсот, он попросил друга,

– Так, дальше, кабана придется нести тебе одному, так надо, – сказав, он, повесил ружье и патронташ на свою шею и резко притворился пьяным.

Игорь, как только Саид притворился пьяным, сразу же понял в чем тут дело. А Саид тем временем, то обижаясь на него, то злобно крича, часто спотыкаясь о камни и громко горланя, плелся за другом. Игорь тоже не отставал от Саида, и на немецком, браня его на чем свет стоит, не оборачиваясь назад, шел впереди. На их крики из дома выскочили остальные и Игорь, не дойдя до дома метров пятьдесят, бросил кабана и дальше пошел сам. А Саид, усевшись на камень, неустанно его материл. К ним подбежали и остальные, и егерь спросил у Игоря,

– Что случилось?

Игорь устало усаживаясь на камень сказал,

– Этот ваш пьяница достал меня. Я пять километров несу этого кабана, а он только и жрал свое вино. Господин Лам, почему вы его не забрали с собой? – расторгался Игорь.

– А я вам предлагал, но вы же сами напросились с ним пойти, – оправдывался егерь.

– Да, напросился, но вы-то знали что за фрукт этот ваш приятель.

– Знал, – улыбаясь, сказал егерь и направился в сторону итальянца. Он в метрах тридцати от них, лежа на земле, пил свое вино и громко горланил.

Арнольд и Уваров взяли кабана и пошли обратно в дом.

Герхард, подняв ружья, помог встать Игорю.

Егерь, подходя к своему другу, как бы предупреждая его, что это он идет к нему, окликнул его,

– Кармелито, это я, Филип.

И тут же он услышал, как тот выследил кабана, как убил его...

– Ты молодец, ты молодец, – говоря егерь тихо добавил. – В ста метрах от нас, в южном направлении, вскинув наизготовку свои автоматы, притаились двое из тех, кто был в горах.

А итальянец, все еще матерясь, уселся на камень, и, приподняв свой бурдюк, делая из него глотки, осторожно взглянул туда. А затем, когда егерь нагнулся к нему, чтобы приподнять тихо ему сказал,

– Не торопитесь, господин Лам, подождем, пока ребята войдут в дом. – А затем, вновь матерясь, попытался встать. Но поняв, что с бурдюком это ему не удастся, сделал пару глотков и отдал его егерю. Как раз к этому времени, остальные, кроме Герхарда, были уже дома.

Господин Лам окликнул его и попросил задержаться у лестницы,

– Герхард, постойте там, я один не смогу его поднять по лестнице.

Он быстро оставил ружья в доме и подбежал к нему. Вдвоем приподняв итальянца за плечи, поволокли в дом. Пока друзья с трудом шли, Саид незаметно вытащил свой писто-

лет и снял его с предохранителя. Еле дотащив в дом, они бросили его на кресло у камина, прямо напротив входной двери.

Выждав минут двадцать, незнакомцы осторожно подошли к дому. Взглянув в окно Шнайдер, подойдя к Гроссу сказал,

– Итальянец спит в кресле, а остальные за столом, отмечают свою охоту.

– Ну, что ж, мы им это сейчас устроим, но прежде чем убивать, нам надо выяснить, где Юрген и Гельмут.

– Хорошо, – сказал Шнайдер и резко открыл дверь. И оба вбежав в дом, громко крикнули,

– Все на пол, лежать, – сказал Гросс и произвел очередь из автомата по потолку.

Не понимая, что происходит, все легли на пол. А итальянец, не моргнув глазом, никак не отреагировал на выстрелы. Это заметили Гросс и Шнайдер. Посчитав, что тот в стельку пьян, Гросс стал проходить мимо него. И когда он, подойдя к Герхарду, нагнулся спросить его о чем-то, раздались несколько глухих хлопков. Ни Герхард, ни остальные не поняли, что произошло, но Гросс и Шнайдер, не успев даже обернуться, замертво упали, сраженные пулями из пистолета Кармелито. Убедившись, что незнакомцы мертвы, итальянец, улегся в кресле и стал храпеть.

Когда все встали, господин Лам, показывая на него, сказал,

– Я же вам говорил, мафиози, убийца. Только что, не

моргнув и глазом убил двоих, видите, спит, как будто ничего и не было...

ГЛАВА 15. Часть вторая

– А как он это сделал, мы же не слышали выстрелов? – Удивленно поинтересовался Уваров.

– Не видишь, у него пистолеты с глушителем? – кивая в сторону пистолетов итальянца, сказал Игорь, и, увидев, как Уваров от любопытства направился хорошенько их разглядеть, Соколов его остановил. – Дима, ты что, хочешь вместе с этими – показывая на трупы незнакомцев, – рядом лечь?

– Нет, нет, конечно, – сказав Уваров, остановился. – А кто такие эти люди, и почему они на нас напали? – Добавил он.

– Это будет выяснять полиция, – сказал Герхард.

– Герхард, как ты им собираешься объяснить, что их убил он? – показывая на итальянца, спросил Игорь.

– И вправду, если мы вызовем полицию, то они нас затаскают. А то, что их убил Кармелито, мы сказать не сможем, потому что он нас спас. Или вы считаете по-другому?

– Вы правы Герхард, если бы не было Кармелито, скорее всего эти люди нас убили бы, в этом вы можете не сомневаться, – поддержал егеря Филип Лам,

– Да, да, вы правы, – с ними согласились и остальные.

– Тогда их трупы нам стоит спрятать, вернее, где-нибудь закопать. Скорее всего, эти бывшие СС-цы и их никто искать

не будет, – сказал Игорьь.

– Тогда так и сделаем, – поддержал его егерь.

Оттащив трупы Гросса и Шнайдера на террасу, они сели за стол, но те события, которые произошли буквально недавно, напрочь отбили им всем аппетит. Все попытки егеря заставить их хотя бы немного поесть, были тщетны, гости категорически отказывались есть. Их можно было понять. Мысли о том, что буквально несколько минут тому назад их жизни висели на волоске, напрочь отбили аппетит и сон. Не будь рядом с ними итальянца Кармелито, незнакомцы непременно убили бы их. Понимая то, что случай позволил им жить, все разбрелись по комнатам. На голодный желудок было не просто заснуть, но они, заставляя себя, ворочаясь, все-таки уснули.

Под самое утро, когда из-за горизонта появились первые лучи солнца, проснулся Уваров. Открыв свои глаза, он почувствовал голод в своем желудке и от его бурчания взвыл. Не в силах более его терпеть, Дима стал будить Игоря.

– Игорьь, а Игорьь,

– Что?

– Я уже не могу, пойдем вниз и поедем чего-нибудь.

– Отстань. Я хочу спать, иди сам.

– А вдруг там этот мафиози сидит?

– Да он в стельку пьян и раньше обеда не проснется, – бормоча, ответил ему Игорьь.

– А если нет, и он там?

– Тогда убегай, – сказав, Игорь отвернулся на бок.

Еще немного посидев, но не в силах уже терпеть, Уваров направился вниз. Подойдя к лестнице, сначала оглядевшись, стал ступенька за ступенькой спускаться вниз. Когда осталась последняя ступень лестницы, неожиданно прямо под ней увидел сидевшего итальянца. Кармелито, качаясь на кресле качалке, в одной руке держал бокал вина, а в другой, как обычно, большой кусок мяса. И неприятно жуя, что-то бормотал себе под нос.

Испугавшись, Уваров, сначала прижался к стене, и немного переведя дух, стал медленно подниматься обратно. Но к его великому сожалению, ступени лестницы предательски стали скрипеть. Услышав это, итальянец вскочил из кресла, взглянув наверх, увидел Уварова и окликнул его. Тот, как бы извиняясь, стал быстро подниматься. Тогда итальянец, выхватил свой пистолет и сделал пару выстрелов в сторону камина. Затем, указывая ему дулом пистолета, приказал спускаться. Дима, тут же стал кричать во весь голос,

– Игорь, Игорь, помоги,

Испугавшись его криков, выскочили остальные. А итальянец, что-то буркнув в сторону Уварова, и вновь стал показывать пистолетом, чтобы тот спустился. Когда к Уварову подошел Герхард, Дима у него спросил,

– Что он хочет от меня?

– Говорит, если сейчас же не спустишься вниз и не сядешь рядом с ним, он тебя пристрелит.

И Уваров, поверив словам Герхарда, быстро прошел туда, куда сел итальянец. Подсев рядом с ним, улыбнулся ему. А тот, увидев его расположение к нему, налил в бокал вина, отрезал большой кусок кабанины и протянул Диме.

– Пить, – показывая на вино, – пить, кушать давай, давай, – по-немецки сказал ему.

Дима, сделав глоток из бокала, взял в руки мясо кабана и стал жадно его откусывать. А итальянец, довольный тем, что тот с аппетитом ест, своими промасленными руками, похлопывая его по плечу,

– Хорошо мясо? – и кивая своей головой, – хорошо мясо? – произнес на ломанном немецком языке.

Уваров не глядя ему в лицо, стал одобрительно ему кивать головой.

Остальные, видя как они с аппетитом кушают, быстренько умывшись, расселись за столом и с голоду набросились на еду.

Когда трапеза была в самом разгаре, егерь Филип Лам, по-итальянски спросил у друга,

– Ты помнишь, что произошло вчера вечером, когда вы вернулись с охоты?

– Нет. А, что произошло? – переспросил Кармелито.

– Да так, сравнительно ничего, если не считать тех двух трупов, которые лежат на террасе.

– Да. А кто их убил?

– Как не странно, ты.

– Я? – Удивленно переспросил Кармелито.

– Представь себе, ты! И заметь, убив их, как ни в чем небывало, развалившись на кресле, уснул.

– Не бери в голову, они не первые и не последние, – сказав, Кармелито стал откусывать мясо.

Весь их диалог Диме переводил подсевший рядом Герхард.

– Странный человек, – тихо ему сказал Дима.

– Странный, – помахивая головой, подтвердил Герхард.

Сытно поев, и по обыкновению, смачно отрыгнувшись, итальянец вышел на террасу и, увидев трупы Гросса и Шнайдера, оттуда крикнул,

– Вот этих что ли?

– Да, их, – ответил ему господин Лам.

– А на охоту когда пойдем? – Обрато входя в дом, спросил итальянец.

– Какая охота, у нас здесь два трупа? – Возмутился егерь.

– Ну и, что? – Сказав, на немецком попросил Игоря, – Игорь, брать ружье и пойдет со мной на оленя, хорошо? – и пошел обратно на улицу.

– Хорошо, – ответил ему Игорь.

– Ты что и впрямь хочешь с этим придурком пойти на охоту? – удивленно спросил у него Дима.

– А у тебя есть другое предложение? Я и тебе посоветовал бы с Герхардом и Арнольдом, от греха подальше, тоже пойти поохотится. А господин Лам позаботится на счет трупов, –

сказал Игорь.

– Игорь прав, вам всем лучше скорее уйти и постараться вернуться после него, не то беды нам не миновать, – сказал егеря.

Герхард, Дима и Арнольд, послушались егеря, и быстро собравшись, исчезли с поля зрения итальянца. А тот, увидев, как те ушли, вернулся в дом. И показывая егерю и другу карту, сказал,

– Я, обыскав тех, – указывая на трупы, – нашел вот это. – И положил перед ними две карты военных лет. – И еще вот эти документы, – показывая им паспорта, – оказывается, они являются гражданами Бразилии. Судя по их картам, те двое, которых мы с тобой оставили в горах, – он, говоря Игорю. – Искали то, о чем мы с тобой предполагали, – намекая на штольни. – А те двое, которые лежат на террасе, искали что-то вот в этом районе, – указывая на карте. – Нам надо выяснить, что они там искали.

– Ясно, – согласился Игорь.

– Давай поможем господину Ламу загрузить тела на подводу, – и затем спрашивая у егеря. – Господин Лам, если мы вам закинем их на подводу, вы сами сумеете похоронить?

– Вы ступайте и не беспокойтесь обо мне, я уже знаю куда их везти.

– Хорошо господин Лам. И еще, нас с Игорем, возможно пару дней не будет, так, что, надо придумать вескую причину для Димы. А так же, нам нужна еда на эти дни.

– Сейчас я вам соберу, а на счет друга господина Игоря не беспокойтесь. Мы его чем-нибудь отвлечем, думаю, он не заметит ваше отсутствие.

– Договорились, – сказав, друзья загрузили на подводу все четыре тупа. А затем собрали снаряжение и взяли еду, приготовленную господином Ламом, и поспешили в гору.

Добравшись до того места, где накануне оставили труп проводника, Саид Игорю, сказал,

– Ты пока его обыщи, а я пойду вниз и выясню, зачем он вернулся на прежнюю стоянку.

Спустившись, Саид пристально стал оглядываться по сторонам и неожиданно заметил спрятанный между камней большой рюкзак. Подойдя к нему, он осторожно осмотрел его вокруг и, убедившись, что угрозы нет, вытащил оттуда. Когда вынул его содержимое, там была небольшая палатка, теплые вещи и на самом дне находилась необычная рация, какой ни он, ни Игорь никогда не видели. Увидев ее, только собрался окликнуть Игоря, как тот сам его позвал.

– Саид, скорее иди сюда.

Сложив все обратно в рюкзак и закинув на плечи, быстро направился к другу. Когда подошел к нему, Игорь, показывая на труп проводника,

– Посмотри на него, не кажется ли тебе, что его нам сам Бог послал?

– В смысле? – Не понимая, переспросил Саид.

– Да взгляни же на него повнимательнее, – и подведя дру-

га поближе. – Лицо его изуродовано из-за того что, пуля попав в затылок искромсав глаз, вылетела насквозь, а тело-то смуглое.

– И что это означает?

– Если это тело выдать как твое, а тех немцев сказать, буд-то они вышли на тебя и убили. Документы, подтверждающие это, у них есть.

– Было бы неплохо, но как нам преподнести Мехлису?

– Как, как? Мафиози, пьяница итальянец Кармелито был? Был. Дима видел, как он в заказнике грохнул тех двоих? Видел! – подтверждая и махая головой, Игорь произнес. – Скажу Мехлису, что остальных, во время охоты убил я.

– Твой план гениальный. Но скажи мне, как трупы доставим в город, и что скажем полиции?

– Зачем их туда доставлять? Пусть лучше егерь господин Лам найдет эти трупы и сам же сообщит полиции. А когда полиция приедет и заберет их, мы придумаем, как в проводнике узнать тебя. Тем более у него по шее вниз уходит шрам. Вот это и будет для Мехлиса доказательством.

– Великолепно брат, даже знаю как это сделать. Давай, чтобы звери до нашего возвращения не изуродовали, подве-сим его к дереву.

Друзья так и сделав, пошли дальше к тому месту, где были оставлены те двое. Добравшись по следу незнакомцев, пошли к скале, откуда те вчера спускались.

Следы, оставленные ими, были вокруг плоской и ровной

скалы, а так же были около отдельно стоявшего огромного камня. Саид, подойдя к нему, стал внимательно его осматривать. Он старался не упускать из виду ничего, и, увидев след от обуви, поставил свою ногу и вытянулся во весь рост.

– Вроде бы он стоял именно так, – и встал лицом к тому камню.

Тут Игорь попросил его отойти, а сам присел на корточки и стал осматривать со всех сторон вокруг камня.

– Что ты там ищешь? – Спросил у него Саид.

– Понимаешь, там, в Манчжурии, мы оказались в похожей ситуации. Тогда в мою роту прикомандировали взвод Забайкальских егерей и охотников. Двое из этих охотников заметили, как трава вокруг подобных камней аккуратно уложена в одну из сторон. – И указывая на уложенную траву под тем камнем. – Смотри, и здесь она лежит также. Этот камень, наверняка двигается вот в эту сторону, – и показал направление движения, – я в этом абсолютно уверен.

Саид, присев рядом с Игорем, тоже заметил это и действительно, трава под камнем была аккуратно уложена в одну сторону.

– Так вот, охотники, заметив это, прислушались к камню и услышали, как из под него доносились странные звуки. В дальнейшем, там оказались огневые точки японцев, откуда они вели прицельный огонь по нашим. Нам тогда удалось их уничтожить, но в том бою Слава Нефедов и многие разведчики были заживо погребены под завалом той горы.

– Что, та гора была заминирована?

– Нет, когда один из бойцов бросил связку гранат в открывшийся дот, возможно, она попала в их арсенал и от ее детонации, гору снесло к чертовой матери. Тогда и меня тоже откопали из-под завала.

– Я слышал, мне об этом Герхард рассказывал.

– Да, знаешь, никто, кроме Герхарда не верил, что я выкарабкаюсь.

– Значит и здесь есть какой-то секрет, и его нужно искать, – сказал Саид и стал пристально осматриваться вокруг.

Более часа безуспешно они провели время в поисках секрета. За это время, друзья сантиметр за сантиметром обследовали каждый клочок земли, но когда их надежды почти иссякли, Игорь в метрах пяти от себя увидел вмятину в земле возле другого камня. Подозвав Саида, он словно повторяя движения тех незнакомцев, упёршись носком сапога на лежавший на земле камень, аккуратно приложил свое колено на эту вмятину.

– Видишь, вот здесь он что-то делал, – сказав, посмотрел на камень перед собой и увидел с боку, возле висящих корней дерева небольшое отверстие.

Осторожно просунув в него свою руку, он нащупал металлический рычаг,

– Есть, нашел. Саид, на всякий случай ты отойди подальше, вдруг рванет. – Ни куда отходить не буду, тяни, – ответил ему Саид.

– Как знаешь, – сказав, Игорь потянул за него.

Резко раздался скрежет, и большой камень зашатался. Друзья быстро подбежали к нему, и, увидев, как он отошел от скалы, навалившись, отодвинули его в сторону, в которую была уложена трава. Когда камень остановился, увидели за ним туннель уходящий куда-то вглубь.

Пройдя внутрь, Саид поднял рубильник, висевшем на стене щите. Резко заработали генераторы, и когда он поднял ручки автоматов, включилось освещение.

– Во дают немцы, все учли, – удивился Игорь.

Еще раз оглядевшись, друзья направились внутрь туннеля. Через метров десять увидели сложенные ящики, которым не было видно конца.

– Ты смотри, – проведя рукой по голове, произнес Игорь. – Саид, а та штольня, где вы столкнулись с немцами, была такая же?

– Да, почти один в один.

– Значит вот эти крестики, – показывая на карту незнакомцев, – выходит тоже штольни?

– Выходит так.

– И сколько же ценностей в этих штольнях? – Удивляясь, спросил Игорь.

– Считай со всего мира. Все страны, которые были оккупированы Германией, были ограблены, и ценности свезены сюда.

– Да, однако, много наградил Гитлер.

– Много.

– Что будем делать дальше?

– Пойдем обратно и обмозгуем, а затем решим, что с ними делать.

– Хорошо, – сказав, друзья направились к выходу.

Выйдя наружу, отпустив рычаг, вернули камень на место, и тщательно убрав следы, пошли в лагерь альпинистов. По пути Саид Игорю сказал.

– Наверное, господин Лам тех четверых уже похоронил. Значит нам необходимо тех двоих, которые здесь, отнести туда, где находится проводник и все расставить так, чтобы полиция подумала, что они перестреляли друг друга. Возможно, нам придется заночевать. Ты как, не против?

– Я то что, лишь бы Уваров не беспокоился, услышав о том, что я остался с этим придурком итальянцем здесь на ночь, – и громко расхохотавшись, спросил у друга. – Саид, признайся, ты специально его достаешь?

– Если честно, да, специально.

– Почему?

– Для того чтобы он меня побаивался. А как ты знаешь, если он меня будет бояться, постарается не попадаться мне на глаза. А это значит, чем дальше будет от меня, тем меньше вероятность раскрыть меня. Кроме этого, не будет писать в своих донесениях обо мне так, как своей боязнью может скомпрометировать себя. Это нам и нужно, не так ли?

– Ты абсолютно прав. Ночью, когда ты тех двоих завалил,

перед сном я спросил у него о тебе.

– И, что?

– Верись, даже побоялся вспоминать о тебе. Попросил, чтобы я не заводил разговор про этого мафиози.

– Если это так, хорошо же.

– А кто с этим спорит?

Разговорами друзья быстро добрались до тех двоих, которых накануне убили. И когда их тела дотащили до проводника, Игорь спросил у Саида,

– Как думаешь, для полиции наша постановка прокатит?

– Мы должны постараться, чтобы они нам поверили, в противном случае придется искать другой путь, чтобы твой Мехлис отстал от нас.

– Он такой же мой, как и твой.

– Но ко мне отправил тебя, а не меня к тебе, – и Саид рассмеялся.

– Ладно, давай думать, как этих разложить по местам.

Тут Саид оценивающе осмотрелся по сторонам, и, найдя идеальное место, откуда могли стрелять те двое, спросил у друга,

– Игорь, допустим, если ты оказался на месте этих, где бы ты поджидал свою жертву? – И Игорь стал искать место, откуда он мог вести огонь, и, найдя его, показал,

– Вон оттуда, – указывая на то место, куда Саид собирался положить трупы. – Это самое удобное место, где можно было бы устроить засаду.

– Точно, брат, я тоже думал о нем. Если мы одного из них положим туда, а второго вон за той сосной, думаю, будет правильно.

– А полиция не догадается, если поднимут трупы, а на земле под ними крови не окажется?

– Когда мы их положим по местам, пойдем на охоту и кровью нашей добычи, лучше, чтобы это был кабан, польем землю. Я думаю, что полицейские не станут брать землю на экспертизу, не так ли? И еще для достоверности нам надо будет к ним подбросить несколько гильз.

– Точно, хорошо придумал, шайтан.

Когда все было готово для встречи с полицией, Саид произнес,

– Пока они здесь появятся, дикие звери тоже тела попортят, и полиция не догадается, что их переносили, – и, усаживаясь. – Игорь, ты не устал, давай отдохнем, – и друг подсев рядом с ним, сказал,

– Саид, ты у нас богач, однако. Целый грузовик бриллиантов, золота, а теперь, еще и содержимое той штольни, тоже твое. – И немного, подумав, – везет же, однако узбекам, а?

– На счет той штольни у меня есть задумка.

– Какая задумка?

– Когда ты мне предложил выдать тело индейца за мое...

– Так будет лучше, не правда ли?

– Да, я же говорил, план идеальный. Так вот, когда ты мне это предложил, тогда я подумал, если мы найдем штольню,

так и поступим. Вот смотри. Даже если я и погиб, тогда Мехлису все равно придется докладывать своему патрону. Так?

– Так!

– А если ты ему предъявляешь координаты штольни, как он отреагирует?

– Доложит куда следует.

– Правильно, обязательно доложит. Потому что он по грузовику потерял доверие хозяина, а тут майор Соколов спасает его, найдя еще одну штольню. Тогда что? Майор Соколов хороший и ценный сотрудник, ему почет и слава. А что делает хозяин?

– Наверное, будет думать, как незаметно вывезти все отсюда.

– Именно, значит, пока они будут думать как это все вывезти, мы придумаем свой план, как от них избавиться. Игорь, если мы сумеем хорошенько разыграть свою партию, тогда ты будешь для Мехлиса незаменимым. Он напрочь забудет о том, что думал тебя убрать после операции.

– Да, дружище, твоими устами, да мед пить, – с надеждой произнес Игорь.

– Вот увидишь, так и будет.

– Если ты прав в своих суждениях, может он и дальше будет меня использовать.

– В этом можешь не сомневаться, – уверенно ему сказал Саид.

– А что с Димой будем делать? Ты же не всегда будишь

итальянцем Кармелито?

– Давай сначала разберемся с этими делами, а дальше вой-на план покажет. Сейчас нам надо пройти по следу проводника и выяснить где они разбили свой последний лагерь.

После того, как отдохнули, друзья, пройдя по следу проводника, вышли к лагерю альпинистов. Несколько палаток были установлены и ожидали своих постояльцев. Индеец устроил их так, что сторонний человек, пока не подойдет к ним вплотную, палатки ни за что не заметил бы. Причем они были раскинуты так, будто это не палатки, а регулярные части, готовящиеся к обороне. Каждая из них стояла на опасных направлениях наступающего противника.

Саид, вдоль и поперек исследовав лагерь и убедившись, что сюрпризов нет, сказал,

– Все нормально, никаких ловушек нет. Оставим вон ту возле кустарника, а остальные соберем и сложим в рюкзаки. Все содержимое палаток и оружие спрячем вместе, – и тут в разговор вмешался Игорь,

– Саид, я знаю, что ты неделями можешь питаться одним воздухом, но я, если честно, порядком проголодался, давай поедим.

– Извини брат, я об этом не подумал. Там в той палатке, – и показывая на нее, – видел примус, чайники и консервы, пойдем, возьмем их и приготовим себе обед.

Разогрев на примусе заморские консервы, вскипятив в чайнике воду и заварив чай, друзья поудобнее усевшись,

приступили к приему пищи. Хорошенько пообедав и после того, как Игорь покурил свою папиросу, Саид предложил другу,

– Игорь, пока еще не стемнело, давай спрячем все лишнее.

Оставив одну палатку, остальные они собрали и уложили в мешок. Также рацию и все содержимое палаток собрали в рюкзаках, вместе с палатками спрятали в расщелине между камнями. Когда все было надежно спрятано, Саид сказал Игорю,

– Брат, думаю, мы справились со всеми делами, и стоит нам готовиться к ночлегу,

– Значит, у нас охота не удалась?

– Для Димы да, но поохотиться надо. Ты что забыл? Нам надо кабана завалить и его кровью облить землю.

– Я про них вообще позабыл,

Устроившись на ночлег, друзья, еще немного поговорили и уснули. А когда утром Игорь проснулся и вышел из палатки, то увидел возле него убитого кабана, а рядом с чашкой стоял Саид,

– Ты что, меня уложив спать, сам пошел на охоту? – Удивленно спросил у друга.

– Вроде того, – улыбаясь, ответил Саид.

После того, как все что планировали ночью, выполнили, они с двумя рюкзаками и вещь мешками незнакомцев вернулись к домику егеря. Оставив все на улице, вошли в дом, там кроме Димы, все сидели за столом.

– А где Дима? – Поинтересовался Игорь, помня об обещании егеря о том, что в случае их задержки он позаботится о нем.

– Я дал ему успокоительные лекарства и сделал обезболивающий укол, – вместо егеря ответил Герхард.

– Что с ним случилось? – Взволнованно спросил Игорь.

– Он, погнавшись за зайцем, оступился и сорвался с небольшого выступа. Игорь извини, мы за ним не доглядели, у него сломана рука и сильно. Твой зятек повредил тазобедренный сустав, а еще немного поранил голову и лицо.

– Значит, завтра нам придется возвращаться?

– Думаю, так будет лучше, – ответил ему Герхард...

ГЛАВА 16. План избавления

Утром, погрузив все снаряжение на подводы, а также уложив Диму Уварова в одну из них, охотники, попрощались с егерем господином Филипом Ламам и итальянцем Кармелито и двинулись в путь. Как только они отъехали, егерь, подойдя к Саиду, сказал,

– Саид, тех четверых я похоронил в надежном месте.

– Господин Лам, в горах остались тела еще троих, проводник и двое из тех альпинистов.

– Как, вы что их не похоронили? – Не понимая, спросил егерь.

– Нет, так надо.

– Я никак не возьму в толк, для чего вам могут пригодиться мертвецы?

– Помните, вы на счет полиции упоминали?

– Да, а что?

– Надо сделать так, чтобы тех, как бы вы мертвых нашли в горах, и сообщили в полицию. Нам надо, чтобы полиция приехали и забрали трупы в город.

– Но у них же пулевые ранения, и что я скажу полиции, если они меня спросят?

– Вот об этом мы с Игорем позаботились.

– И, как же вы позаботились?

– Мы все устроили так, что у полиции не будет сомнения в том, что те перестреляли друг друга. Нам необходимо, чтобы полиция поскорее была здесь и конечно побыстрее покинула горы.

– Вы знаете, полиции известны случаи, когда кто-то в горах натывается на бывших беглых СС-цев, избегающих правосудия. Да и убийства там не редкость, если я им скажу, что видел в горах подозрительных людей, мне должны поверить. Вы покажите то место, где они лежат?

– Да, и если можно, нам нужно немедленно выходить.

– Я сейчас, – сказав, господин Лам пошел переодеваться.

После того, как Саид показал место, где были оставлены те трое, подробно объяснил егерю его действия, когда придет полиция. Тут господин Лам спросил у него,

– Саид, а для чего вам понадобились трупы этих несчаст-

ных?

– Хочу раз и навсегда исчезнуть.

– И как же вы собираетесь это сделать?

– Игорь предложил мне о том, чтобы проводника, из-за того, что тот смуглый, представить мною.

– Не понял, это, как, вы же совершенно разные люди.

– Вот в этом и вся изюминка. У проводника, так же, как и у меня, на шее есть шрам. Когда полиция привезет его в город, Герхард, возле Игоря и Димы, в нем опознает меня. Игорь это подтвердит, а Уваров, меня почти не помнит, но увидев шрам и его смуглость, должен поверить, что этот труп принадлежит азиату. Если наш план сработает, может, останутся от меня.

– Резонно.

– И еще, вчера в ваш сарай мы занесли пару рюкзаков и плащ палатки тех альпинистов. Остальные мы спрятали там в горах. Что с ними мне делать? Если оставлю у вас, вы можете надежно их спрятать?

– Нет, Саид, лучше будет, если вы их заберете с собой. Поймите, полиция может обыскать мой дом, а вдруг найдут, мне будет нечего им ответить.

– Вы правы господин Лам, не будем рисковать. Договорились, я заберу их с собой. В полицию должны обратиться вы, и о том, что Герхард и его друзья были на охоте им не стоит говорить.

– На счет этого не беспокойтесь, я уже понял, что о вас

они не должны знать.

– Ну что господин Лам, собирайтесь, нам пора ехать. Постарайтесь по прибытию в город сразу же сходить в жандармерию.

– Я так и сделаю.

Погрузив все вещи в подводу, Саид и егерь Филип Лам поехали в город. По пути домой он избавился от бороды, усов и парика. Смыв грим, ближе к ночи подъехал к дому.

Как только подвода въехала во двор, из дома выскочила Эльза, и крепко обняв мужа, стала быстро, быстро его целовать.

– Что с тобой, родная, соскучилась? – В ответ ее, целуя, спросил Саид.

– Я боялась, боялась за вас. Когда мне Луиза рассказала о тех подозрительных людях в горах, очень испугалась за тебя.

– Ну Арнольд, язык без костей. Ничего, ничего, завтра я с ним поговорю и задам ему трепки.

– Нет, не надо его ругать. Арнольд лучше тебя понимает женщин.

– Эльза, Арнольд не выяснив, что за люди лазают по нашим горам, натрепал своей жене всякую ерунду. Дорогая, скажи мне, какво беременной женщине думать об этом. А вдруг те люди приехали к нам не с добрыми намерениями, и Арнольд погиб. Она-то именно так и думала.

– Извини Саид, я об этом не подумала.

– Вот видишь, лучше-бы вы думали, что мы на охоте.

– Ты прав, прости. Ну что, выяснили кто эти люди?

– Не местные, приехали из Бразилии по нашим горам лазать.

– И где они сейчас?

– Мы их попросили, чтобы оставили наши горы.

– И что, согласились?

– А куда им деваться, конечно, согласились, горы то ведь наши и мы их хозяева. Так что, наверное, горе альпинисты сейчас у себя в Бразилии и греются под солнцем.

– Значит они уехали?

– Все до одного.

Тут Эльза увидела незнакомые вещи на подводе, и, взглянув на мужа, спросила у него,

– А это что?– Показывая на них.

– А, это? Некоторые вещи, ну те, которые не нужны им, они продали нам. И в правду, не тащить же им все это обратно в Бразилию, тем более я им хорошо заплатил. Видишь какие вещи, нам потом в хозяйстве пригодятся.

– А, что случилось с Димой?

– Он с зайцем играл вперегонки, а косой, спрятавшись за камнем, подставил ему подножку. И Дима, сорвался с небольшого выступа.

– Саид, я спрашиваю у тебя серьезно.

– Эльза, я тебя не обманываю, не веришь мне, тогда спроси у своего брата, может быть он скажет тебе правду, – строго произнес Саид.

– Не обижайся на меня, мы же все-таки переживали за вас.

– Родная, про Диму я тебе сказал правду, – сказав, обнял жену и пошел в дом.

Зайдя в дом, Саид позвонил Герхарду, и когда тот подошел к трубке, сказал,

– Привет, Герхард! Я уже дома. Ты можешь завтра пораньше приехать ко мне?

– Да, а что случилось? – спросил Герхард.

– Не по телефону, но то, что я тебе скажу очень важно. Как отец?

– Он рядом, трубку ему дать?

– Дай, конечно, – а затем, услышав голос отца, – здравствуйте папа, как Вы, как Луиза, Барбара и доктор Хайнц.

– У нас все в порядке, сынок. Сам ты как? Мы очень волновались за вас.

– Папа, это же всего лишь охота. Вы же знаете, мы не раз ходили. Не стоило Вам переживать за нас.

– Саид, я знаю, какая у вас там была охота, и слышал про тех семерых не прошеных гостей.

– А, Вы вот о ком? Наверное, Вам рассказали про альпинистов.

– Да, про них.

– Все нормально папа, они приехали из Бразилии лазать по нашим горам. А вчера мы их проводили обратно домой.

– Саид, мне не стоит лгать.

– А я Вам и не лгу, те точно вчера уехали в Бразилию.

– Ну ладно, завтра приеду и мы с тобой поговорим,

– Простите папа, а Уварова нет рядом?

– Ты по поводу Саида? Я Диме сделал успокоительный укол, и он раньше завтрашнего утра не проснется.

Попрощавшись, доктор Штаубе положил трубку, а уже на следующее утро Герхард, Арнольд и Игорь приехали к Саиду.

Когда они вошли в дом, Саид их ожидал в кабинете. Арнольд, поймав на себе недовольный его взгляд, спросил,

– Что Саид? Я опять что-то не так сделал?

– А сам как думаешь?

– И что же я по-твоему, натворил? – словно обижаясь, переспросил Арнольд.

– Зачем Луизе рассказал про тех в горах?

– А, ты про это?

– Да, про это! Прежде чем ей рассказывать, ты бы подумал о своей жене.

– Вот именно, я, думая о ней и рассказал, – недовольно буркнул Арнольд.

– Нет, брат, ты совершенно о ней не подумал.

– И почему же?

– Как думаешь, каково было беременной женщине, когда ее муж направляется в горы, где ходят неизвестно какие люди. А вдруг там ее мужа убьют, а? Что молчишь, ответь мне? Вчера я разговаривал с отцом, он тоже был недоволен тем, что мы туда поехали одни. А если они отправили бы поли-

цию, войска, тогда, что?

– Ты прав, я об этом не подумал.

– А надо было.

– Значит, все-таки в горах что-то случилось, и вы подвергали себя опасности? – Услышав их разговор, вошла в кабинет Эльза.

– Все нормально сестричка, мы с Саидом с ними быстро управ...

– Арнольд, – резко прервав его Саид, обернулся к жене. – Во-первых, некрасиво подслушивать разговор и тем более, когда говорит муж.

– Да, но я...

– Эльза, я же тебе говорил, не было повода для беспокойства. Эти альпинисты, после того, как мы их попросили, уехали к себе на Родину.

– Да, да, Эльза, они тут же, как мы их попросили, уехали к себе домой, – стал быстро, как бы подтверждая слова Саида, говорить Арнольд.

– Надеюсь, что все так и было, – сказав, она ушла.

– Уф, пронесло, – вздохнул Арнольд.

– Вот видишь, они эти дни пока мы не вернулись, глаз не сомкнули.

– Я тебе обещаю, теперь такое не повторится.

– Мы на это надеемся.

Тут опять в кабинет вошла Эльза, и обращаясь к мужу,

– Саид, зови гостей к столу.

– Эх, как же я люблю эту узбекскую семью, – сказав, первым из кабинета выскочил Арнольд.

– Герхард, наверное, твоя сестренка Луиза совершенно не кормит бедного Арнольда? – улыбаясь, спросил у него Саид.

– Не поверишь, но он недавно у меня дома поел, – и, взглянув на Игоря, – не веришь, спроси у своего друга, не даст мне соврать.

– Саид, это так, – подтверждая слова Герхарда, сказал Игорь. – Молодец он у вас вечно подвижен и с отменным аппетитом.

– Игорь, на счет аппетита ты попал в точку, – кивая ему головой, улыбаясь в гостиную, вошел Саид.

Как раз в это время Арнольд, прожевывая большую ножку индейки, спросил,

– Что, опять меня обсуждаете?

– Представь себе, да, – сказав, Саид расхохотался.

После того, как друзья позавтракали, Саид, взял с собой большой графин с пивом и несколько бокалов и повел их в беседку. Как только они расселись, он обратился к Герхарду.

– Герхард, Игорь рассказал тебе про проводника тех альпинистов?

– Да рассказал, если честно, я с его слов ничего не понял.

– Вчера господин Лам приехал со мной в город. Сегодня он пойдет в жандармерию и напишет заявление о том, что в горах нашел трупы неизвестных. Мы думаем, что полиция их непременно оттуда заберет, не так ли?

– Да, они обязаны это сделать. Но наверняка будут интересоваться, как те погибли.

– Мы с Игорем все устроили так, что прибыв на место, полицейские подумают, что они перестреляли друг друга.

– Ты уверен, что полицейские не догадаются?

– В этом можешь не сомневаться.

– Хорошо, а какая здесь моя роль?

– Эти трупы полиция, наверняка, через пару тройку дней привезут в город.

– Допустим.

– Ты к тому времени можешь поставить Диму на ноги?

– Он и сейчас может ходить, но по просьбе Игоря, я ему не разрешаю.

– Вот это правильно. Как только услышим, что полиция вернулась с гор и нашла там трупы незнакомцев, ставь Диму на ноги. А на следующий день, как бы случайно с ними заедешь в морг, взглянуть нате трупы, найденные на твоих землях. Пусть в это время Игорь с Димой сидят в машине. В морге, в трупе проводника, ты его сразу же узнаешь, должен опознать в нем меня. Затем, вернувшись к машине, скажешь Игорю, что покойника ты узнал. А когда Игорь спросит у тебя, откуда ты его знаешь, расскажи ему, что в 1943 году оперировал под Сталинградом. Игорь тут же попросит тебя, чтобы ты их провел к нему.

– Я понял тебя, Игорь при Диме узнает тебя.

– Точно! Дима, наверняка меня не помнит, а на теле того

проводника, в области груди от шеи есть огромный шрам. Вот это и будет подтверждением твоих слов.

– Саид, как же ты мудрено придумал? – Восхищался им Игорь, – я бы ни в жизнь до такого не додумался.

– А кто подал мне идею, не ты ли?

– Да, про проводника, моя идея, но остальное придумано классно.

– Я же тебе говорил, когда ты мне предложил идею, что знаю, как с ним быть. Ладно, остальное все лирика, слушайте дальше. Игорь, после того, как ты меня опознаешь, сообщи об этом Мехлису и непременно требуй с ним встречи. Я знаю, услышав об этом, он бы и сам тебя вызвал обратно, но ты его опередишь. А когда окажешься у него, расскажи ему об убитых альпинистах.

– Но как я ему расскажу о том, что с ними справился я один?

– Их ты не один убивал, а с мафиози Кармелито. Уваров это подтвердит. Но самое главное, расскажешь Мехлису о карте, где по твоему предположению находится штольня.

– Какая штольня? Вы что, еще штольню нашли? – услышав о штольне, загорелись глаза Арнольда,

– Да нашли, и мы ее отдадим правительству, – ответил ему Саид.

– Тебе не будет жалко? – Не понимая, спросил Арнольд.

– Нам грузовика хватит на несколько поколений вперед.

– И то верно, к чему нам лишние сокровища, – одобряя

Саида, произнес Арнольд.

– Так вот, между разговором, Мехлису расскажешь, как вы в лагере альпинистов нашли два рюкзака с драгоценностями и сначала поделил с тем итальянцем.

– Какие рюкзаки, у нас же их нет?

– Рюкзаки с драгоценностями я уже приготовил. Короче, затем, когда мафиози уснул, ночью ты его убил. Рюкзаки, естественно отдашь Мехлису. Я уверен, он наверняка отправит тебя обратно, чтобы ты нашел эту штольню. Вернувшись, через неделю естественно находишь штольню. И когда ему об этом сообщишь, он непременно за ценностями отправит десант. Тут их накроет полиция.

– А меня?

– Тебя в первую очередь. Игорь пойми, я пока не вижу другого выхода. За вторжение на ее территорию, правительство Австрии должно объявить СССР ноту протеста. Затем, они вывозят ценности из штольни, где находят еще несколько рюкзаков с бриллиантами. Так мы и тех и других одним ударом нейтрализуем. Русские будут думать, что альпинисты нашли грузовик, а немцы подумают, что грузовик нашли русские и драгоценности вывезли. А то, что не успели они, забрало себе Австрийское государство.

– Гениально, и надо же додуматься до такого, – восхищаясь, произнес Арнольд.

– Я же говорил, что он у нас слыл своей неординарностью, за что командование его ценило, – гордо произнес Игорь.

– Хватит меня хвалить, окажись каждый из вас на моем месте, поступили бы также.

– Я точно не додумался бы, – кивая головой, сказал Арнольд.

– Насколько я тебя знаю, ты именно так и поступил бы...

Книга 4

ГЛАВА 1

Дальнейшие события происходили так, как предполагал Саид. Как только полиция привезла с гор трупы альпинистов, начальник жандармерии пригласил Герхарда, как хозяина тех гор. И еще, Герхард как врач должен был произвести вскрытие трупов. Герхард, взглянув на трупы, попросил полицейских отвести их в городской морг, а сам, выйдя на улицу, рассказал Игорю и Диме о том, что узнал одного из них. Тут же Игорь и Дима попросили Герхарда показать им этот труп. Увидев его, Игорь, как не странно и Дима узнали в нем капитана Сайдаматова. Игорь сразу же поехал к Саиду.

После указаний Саида, Игорь с Герхардом поехал в город для встречи с агентом Мехлиса, и когда рассказал ему о цели своего приезда, тот немедленно соединил его с Верховным Комиссаром. После того, как Соколов изложил всю сложившуюся ситуацию, он его попросил,

– Товарищ Верховный Комиссар, есть вопросы, о которых

я не могу говорить по телефону, мне необходимо встретиться с вами.

– Да, конечно майор, можешь сегодня выехать?– спросил Мехлис,

– Так, точно, я уже договорился с Герхардом о поездке в Германию.

– Хорошо, выезжай немедленно, я жду тебя.

Вернувшись обратно домой, Соколов закинул в багажник машины Герхарда два рюкзака драгоценностей, вместе с Уваровом поехал в Германию для встречи с Мехлисом. Когда Игорь Соколов, войдя в штаб Западной Группы Войск, прошел в кабинет Верховного Комиссара и показал ему содержимое рюкзаков, Мехлис был ошеломлён от увиденного.

– Да майор, ты заданием справился лучше, чем мы предполагали. Я думаю, тебе стоит вернуться обратно в Австрию и попытаться найти эту штольню. Возможно, те немцы перетасили драгоценности именно туда.

Когда Соколов попросил его отправить раненного Уварова домой и предоставить ему другого помощника, Мехлис сказал,

– На счет Уварова я и сам так подумал. Его и тебя я представил к очередным воинским званиям, он теперь майор, а тебе, как и обещал, полковника. Кроме этого, Уваров представлен к Ордену Отечественной Войны второй степени, а тебе орден Отечественной Войны первой степени.

– Служу Советскому Союзу! – четко произнес Соколов.

– А на счет замены Уварова думаю так, зачем тебе помощник? Ты и без него с поставленной задачей справишься. А вот когда обнаружишь штольню, тогда мы и подумаем как тебе подсобить.

– Я вас понял, товарищ Верховный Комиссар.

– Я вновь убеждаюсь в том, что не зря мой выбор пал именно на тебя. Так что после завершения операции, ты будишь служить у меня.

– Спасибо за доверие, товарищ Верховный Комиссар.

Затем Мехлис, достал из стола коньяк и два бокала, разлив по бокалам коньяк, один протянул Соколову,

– Давай гвардии полковник Соколов, выпьем за успех нашей операции, – сказав, он поднял свой бокал. За ним последовал и Соколов.

Уже на следующий день Игорь сидел дома у Саида, и подробно рассказав другу о встрече, с сожалением ему сказал,

– Да Саид, все случилось так, как ты и предполагал. Единственное, жаль того, что я попадусь властям, а так не хотелось.

– Друг мой, у нас впереди куча времени, возможно, мы еще что-нибудь да придумаем.

– Было бы очень хорошо, – с надеждой произнес Игорь.

– Не дрейф, прорвемся.

Затем, Саид, взглянув на Герхарда и Арнольда, сказал,

– Ребята, я думаю, настало время нам подумать, как вывезти драгоценности с гор. Если все произойдет как мы пред-

полагаем, то полиция непременно будет прочесывать вдоль дороги, где спрятан наш грузовик. Не стоит нам затягивать с решением этой задачи и испытывать судьбу. Чем скорее вывезем ценности, тем быстрее избавимся от наших преследователей. Да и хозяева тех альпинистов не могут долго быть в без ведении, и, не дождавшись от них сведений, отправят другую группу.

– Ты прав Саид, у нас действительно нет времени для раздумий и нам надо действовать немедленно, – поддержал его Герхард.

– А винные погреба в моем доме для них подойдут? – Спросил Арнольд.

– Погреба бы подошли, но нам их хозяин не подходит, – рассмеявшись, сказал Герхард.

– Почему? Не доверяете? Бойтесь, что я их потрачу? – Словно обижаясь, произнес Арнольд.

– Нет, просто у хозяина винных погребов язык без костей, – сказав, Саид расхохотался, а потом немного успокоившись. – Если серьезно, я и сам о них подумывал. Только нам нужно будет заменить все двери на массивные, и желательно на железные с хорошим замком.

– Я думаю, наружные не стоит менять, – предложил Арнольд, – не будут привлекать внимание.

Тут Саид и Герхард, переглянувшись между собой, удивленно взглянули на Арнольда. Тот, заметив это, не выдержал и строго спросил.

– А что я на этот раз не так сказал?

– Вот именно, мы удивились тому, что ты на этот раз попал в точку, о чем мы бы не догадались.

– А почему тогда переглянулись?

– Если честно, мы от тебя такого не ожидали, – и они засмеялись.

– Вы просто меня плохо знаете, – гордо произнес Арнольд.

– Хорошо, так и сделаем. Арнольд, займись дверями, какие менять, а какие оставить решай сам. Мы будем думать как вывезти драгоценности с гор. Игорь, нам надо с тобой сходить к той штольне и хорошенько ее обследовать, и узнать что там хранится.

– Вот видите, грязную работу поручаете мне, а сами...

– Хочешь сказать...

– Да, я тоже хочу поехать в горы и посмотреть на эту штольню.

– Хорошо, поедешь, только сначала закажи двери и установи их.

Услышав это, Арнольд, вскочил с места,

– Вы тут дальше без меня, а я поехал в Вену,

– Не забудь снять размеры, – смеясь, сказал Герхард,

– А без твоей помощи я бы и не догадался, – с иронией произнеся, Арнольд быстро ушел.

– Ну, что ж, наверно, Арнольд за три дня управится. Нам к тому времени стоит подготовить транспорт для буксировки грузовика. Как только он вернется из Вены и поменяет

двери, поедем за драгоценностями.

– Саид, а зачем нужно готовить транспорт? Думаешь грузовик сам не потянет? – Поинтересовался у него Игорь.

– А что, Игорь прав, машина новая, возьмем бензин, аккумулятор, если необходимо, колеса и на нем же привезем эти ценности, – поддержал Игоря Герхард.

– Решено, так и сделаем, – согласился с ними Саид.

Двери, которые в Вене заказал Арнольд, оказались сложными, хоть он и заплатил за срочность заказа двойную цену, фирма обязалась их изготовить не раньше шести дней. Тут же Арнольд позвонил Саиду и рассказал ему об этом,

– Ну, что ж, тогда сделай заказ, а сам возвращайся обратно, у нас нет времени долго ждать.

– Хорошо, немедленно выезжаю, – сказав, Арнольд положил трубку.

Когда он вернулся, в гараже на стройке стоял готовый к выезду грузовик и виллис. На следующий день рано утром друзья поехали в гору за грузовиком.

За два километра до назначенного места им пришлось оставить свой грузовик, так как там, куда они ехали, из-за крутого спуска невозможно было поставить машину. Загрузив запасное колесо, аккумулятор на виллис, дальше они поехали на нем. Когда прибыли на место, виллис пришлось прижать к скале и, выгрузив из него все необходимое, осторожно стали спускаться к грузовику. Как только они оказались внизу, Герхард с Арнольдом стали снимать маскировку,

а Игорь с Саидом заменили аккумулятор и залили в бак бензин. Колеса им не пришлось менять, потому, что они были целые, но стоило немного подкачать. Тут к Саиду обратился Игорь,

– Саид, ты позволишь взглянуть мне на содержимое кузова?

– Что, сгораешь от любопытства?

– А то, я же должен знать о состоянии моего друга,

Услышав их разговор, спрыгивая с тента, крикнул Арнольд,

– Саид, давай я ему покажу.

– Вот, еще один любопытный, – улыбаясь, сказал Саид.

Быстро вскочив на кузов и открыв все верхние ящики, Арнольд сказал,

– Если бы несколько лет тому назад мне сказали, что буду соприкасаться с таким сокровищем, я бы этому человеку не поверил. Но теперь, – гордо и надменно стоя, – даже могу ими распоряжаться.

В это время, машину несколько раз потрянуло, а затем она завелась. Арнольд, быстро прикрыв крышки ящиков, спрыгнул с кузова на землю и, подходя к кабине, сказал,

– Класс, завелась. Умеют же эти американцы делать машины, а? – добавил, покачивая одобрительно своей головой.

Как только давление в ресивере поднялось выше восьми атмосфер, Саид им сказал, чтобы они подключили к колесам подкачку. Когда все было готово к движению, Игорь спросил

у друга.

– Саид, я не думал, что машина стоит на такой глубине. Ты думаешь, она сможет подняться наверх?

– Для этого грузовика то, что находится в кузове, это половина ее грузоподъемности. В том, что поднимется, я не сомневаюсь, только нам надо очистить дорогу от камней.

Оставив двигатель работающим, друзья пошли расчищать дорогу.

Когда с дороги были убраны все камни, Саид вновь сел за руль. Затем, как бы разговаривая с машиной, тихо ее попросил, – не подведи. – И включив переднюю скорость, не более метра двинулся вперед, а потом, пару раз газанув, включил заднюю скорость и быстро с ней выскочил на дорогу. Да, действительно, Саид был прав, для этой машины не могли быть преградой такие подъемы. Не останавливая ее, он включил переднюю скорость и стал спускаться по склону вниз к мосту. Осторожно проехав его, добрался до того места, где они оставили свой грузовик.

– Нам стоит переждать, пока не стемнеет, – выходя из кабины, предложил он своим друзьям.

– Ты прав, хотя мы и хозяева этих гор, не стоит рисковать, – поддержал его Герхард.

Когда к привалу все было готово, Саид предложил им поесть,

– Давайте пока у нас есть время, поедим, – а потом, взглянув на Арнольда, – а то некоторые смотрят на меня недо-

вольными глазами.

– Неужели, да? Впервые за эти несколько дней из уст такого человека, как уважаемый Саид, мы слышали умные слова. Небось, сам проголодался, а на меня сваливаешь, – буркнул Арнольд.

– Арнольд, в этом ты абсолютно прав, действительно, я честно проголодался, – похлопывая его по плечу, сказал Саид. А затем, достав еду, приготовленную Эльзой, расстелили на земле скатерть и пригласил друзей на обед.

Ближе к вечеру, когда в предгорьях порядком стемнело, они тронулись в путь. За полночь, добравшись до замка Арнольда, выгрузили с грузовика все ящики в винные погреба и разъехались по домам. Игорь с Саидом поехал к нему домой. Утром после завтрака, пройдя в беседку, он сказал другу,

– Саид, в той штольне, где мы с тобой были, я видел огромные ящики, которые никак не могли пролезть через то место, откуда мы с тобой вошли.

– Ты прав, там должен быть еще и основной вход. Когда в 1945 году мы штурмовали штольню, фашисты ушли вглубь ее, и мы их упустили. Значит, они ушли благодаря запасному входу, а откуда мы наступали, были огромные ворота, куда запросто мог въехать грузовик. И еще, перед самыми воротами была небольшая площадка, где можно было поставить грузовики. Здесь все должно быть также. Ты же знаешь, немцы педантичны, должны все учесть.

– Вот видишь, к чему я начал этот разговор. Если нам

удастся найти основной вход в штольню, тогда мы могли бы полицию направить через них, а я тихо с кем-нибудь из людей Мехлиса сбежал бы через запасной вход.

– Я тоже об этом подумал, но не хотел заранее обнадеживать тебя.

– Брат, наши мысли совпали, давай сначала тщательно исследуем штольню, найдем этот проклятый основной вход и направим туда полицию. Верись, мне не хочется сидеть в Австрийской тюрьме.

– Не волнуйся, конечно, найдем мы этот вход и постараемся, чтобы ты не попался к ним.

– Я на это надеюсь.

Уже к обеду к ним присоединились Герхард с Арнольдом. Поприветствовав друг друга, Арнольд сказал,

– Я дал указание механику перекрасить твой грузовик и поменять тент на кузове.

– Вот это правильное решение. Постой, ты что механика не отпустил со всеми?

– Нет, а что? Это же просто гараж. Да и все водители и слесаря на месте.

– Молодец, брат! Ты поступил совершенно правильно, – а затем, обращаясь к Игорю. – Когда у тебя ближайшая встреча со связным Мехлиса?

– Завтра, – ответил ему Игорь.

– Сообщи Мехлису, что ты идешь в горы на поиски штольни. Непременно передай ему, что там можешь задержать-

ся более недели, горы то большие. Оттого, следующая твоя встреча со связным состоится после прибытия оттуда.

– Хорошо.

– Арнольд, ты созвонился с фирмой изготовителем наших дверей?

– Да, наш заказ обещают выполнить к завтрашнему дню.

– Значит, до завтрашнего дня мы все свободны?

– Выходит так, – согласился с ним Герхард.

На следующий день Герхард с Игорем поехали на встречу со связным, а Арнольд, позвонив на завод по поводу дверей, узнал, что они готовы и может их забрать. Тут же за ними он выехал в Вену и уже к десяти часам ночи двери были дома.

Утром, друзья, собравшись у Арнольда, уже к обеду заменили все двери на новые. Хорошенько их закрепив и замазав все щели бетонной смесью, друзья завершили все работы. Затем приготовили снаряжение для охоты и на утро условились поехать в горы.

Как и договорились, с утра пораньше, предупредив отца и своих жен, все четверо на двух подводах отправились в заказник. Ближе к вечеру уже были там, и егерь Филип Лам, увидев их, быстро направился навстречу к ним. Поприветствовав друг друга, зашли в дом, и господин Лам обратился к Саиду,

– Вы знаете, позавчера, ниже моста, в километрах двух от него я видел два грузовика и виллис.

– А, что, вы подходили к ним?

– Нет, я стоял у скалы и наблюдал за ними в бинокль.

– Узнали кого-нибудь?

– Нет, было слишком далеко. Но мне кажется, это были американцы.

– Почему вы так считаете?

– Я разглядел их машины.

– И что дальше?

– А ближе к вечеру они уехали в сторону города. Господин Саид...

– Извините меня господин Лам, я на много младше вас, и вас считаю своим другом, не надо меня величать господином. Я просто Саид, договорились?

– Хорошо, спасибо вам за это. Думаю, они явно что-то искали, потому, что утром я видел один грузовик и виллис, а уже к обеду на поляне появился еще один грузовик.

Тут Саид и друзья переглянулись между собой,

– И, что вы думаете об этом? – Спросил Саид.

– Я же говорю, они в горах что-то искали. А может быть, это новая группа прибыла из Бразилии? – Поинтересовался у Саида егерь.

– Завтра пойдем и выясним,

– Может, стоит сообщить в полицию?

– Господин Лам, давайте сначала мы попробуем разобраться сами. Не выяснив в чем причина, что за люди, не стоит спешить с выводами. Но если будет необходимость, мы непременно сделаем так, как просите вы и обратимся в по-

лицию.

– Хорошо, как прикажите господин Саид.

– Вы опять, я же только что просил не называть меня так.

– Извините, я по инерции.

– Завтра мы с ребятами пойдем на охоту и по ходу ее выясним, что за люди они. А вы, прошу вас, не покидайте свой дом, пока мы не проясним ситуацию.

– Хорошо, как прикажете.

– Господин Лам, это не приказ, а просьба. Если вдруг вы правы и те люди также прибыли с недобрыми намерениями, это будет очень опасно для вас. Мы все-таки люди военные, хотя вы лучше нас ориентируетесь в горах, но все ж, мы не хотели бы рисковать вами.

– Я вас понял, Саид,

– Тогда договорились...

ГЛАВА 2

Когда они шли в горах к штольне, по дороге Игорь, заговорил,

– Саид, тебе не кажется, что сам господь нам помогает?

– Ты это к чему?

– Я вспомнил слова егеря.

– А причем его слова?

– Как причем? Допустим, после того, как мы сообщим Мехлису о штольне, он отправит группу для вывоза драго-

ценностей. А господин Лам, сообщая полиции о них, подтверждает свои слова тем, что накануне видел два грузовика и виллис. И все, дело будет шито-крыто, заметь, причем правдоподобно.

– Мне кажется, Игорь прав, мы должны для вызова полиции, вновь использовать господина Лама, – сказал Герхард.

– Про то, что полицию будет вызывать господин Лам, я не сомневался, а вот про грузовики, Игорь прав, будет кстати.

Дойдя до того места, где за камнем находился рычаг от входа в штольню, Игорь дернул за него. Затем отодвинув камень, закрывавший вход, они вошли внутрь. Подняв рубильник вверх, Саид запустил генераторы, а затем включил освещение в штольне. Медленно ступая, они дошли до главного хранилища, и там Саид попросил друзей,

– Герхард, пока мы с Игорем не проверим, прошу тебя, ни к чему не дотрагивайтесь. Скорее всего, здесь все заминировано и пока мы их не разминировем, вам стоит побыть здесь, – и он указал место.

Согласившись с ним, Герхард и Арнольд, присели на пустые ящики, находившиеся у входа. А Саид с Игорем, метр за метром стали осматривать вокруг всех контейнеров и ящиков. Саид был прав, штольня действительно была заминирована, повсюду были растяжки, мины ловушки. Один за другим снимая их запалы, за два часа прошли не более пятидесяти метров. Затем вернувшись обратно к друзьям, он им сказал,

– Если так будет продолжаться, наверное, мы и до вечера не управимся.

– Может помочь? Ты же знаешь, что я служил в разведке, – вызвался Арнольд.

– А с минами сталкивался? – спросил у него Саид,

– С минами, а именно какими? – немного замешкаясь, спросил Арнольд

– Нет, брат, если ты не сталкивался с ними, не стоит тебе рисковать. Потерпи немного, мы с Игорем сами управимся.

Часок передохнув, друзья вновь направились вглубь штольни. И когда они прошли еще метров десять, дальше мин и растяжек не было. Подумав, что на их пути больше нет сюрпризов, быстро направились дальше. Пройдя метров семьдесят, восемьдесят, Саид машинально взглянул в сторону друга и резко крикнул ему, – Стой, не двигайся! – Буквально в сантиметре от его сапог торчал усик мины. Саид, медленно подойдя к нему, стал осторожно откручивать ее запал. В это время у Игоря проступил обильный пот из-за того, что не мог он отодвинуть ногу, так как мина могла взорваться. Когда Саид снял запал, внимательно осмотрел мину со всех сторон и, убедившись, что она больше не представляет угрозы, сел на рядом стоящий ящик и разрешил Игорю снять ногу с нее.

– Уф, как пронесло, а, – дрожащим голосом произнес Игорь.

– Наверное, дальше основной вход, если вновь появляются

ся мины. Так что смотри в оба и будь внимательнее.

Медленно передвигаясь, шаг за шагом, снимая одну мину за другой, через несколько метров они действительно оказались у огромных входных ворот.

– Я же тебе говорил, – радостно вскрикнув, произнес Игорь, – вот, вот оно, мое спасение, – двумя руками прислонившись к ним, повторял он.

– Поищи у той стены, – показывая на противоположенную сторону, попросил его Саид. – Возможно, в той стене находится рычаг, а я осмотрю эту стену, – сказав, он направился к ней.

Пройдя к стене, Игорь, сразу же нашел, большой щит и, взглянув на него, позвал Саида. Пристально посмотрев, Саид сказал,

– Да, это он. Вот этот рычаг от главных ворот, – показывая на него, сказал Саид. – А этот скорее всего от малого входа, – и он дернул за него. Действительно, издав небольшой скрежет, чуть правее больших ворот появился просвет. Подойдя к нему, друзья увидели выход из штольни. Осторожно навалившись на нее, они сдвинули дверь в противоположенную сторону от главных ворот и оказались с наружи штольни.

– Игорь, сходи за Герхардом и Арнольдом, а я пока здесь осмотрюсь.

– Хорошо, – сказав, Игорь пошел обратно.

Пока Игорь пошел за ребятами, Саид стал пристально осматриваться по сторонам. Когда отошел от штольни шагов

на двадцать, среди искусно заваленных камней и деревьев увидел подъездной путь к штольне. Пройдя по нему метров сто, сто пятьдесят, чуть поодаль от дороги обратил внимание на большую ровную площадку. Пройдя к ней и осмотревшись по сторонам, точно определил, что это был аэродром. Хотя она была обросшей травой, но при желании, на ней можно было посадить небольшие десантно-штурмовые самолеты. Услышав голоса друзей, Саид, возвратившись обратно, рассказал им об аэродроме.

– Чуть левее от нас есть дорога, которая уходит вниз, а если пройти по ней метров сто, то справа от нее я нашел большую площадку с взлетно-посадочной полосой. – А затем, взглянув на свои часы, – ребята, у нас не осталось времени для осмотра. Давайте немного перекусим и пойдем обратно. Если мы еще задержимся, то пока дойдем до домика егеря, стемнеет, да и господин Лам будет волноваться.

Решив так и сделать, они немного поели и пошли обратно. По дороге Саид им сказал,

– Мне кажется, что мы должны рассказать господину Ламу о штольне и завтра взять его с собой. Так будет всем нам спокойнее.

– Ты прав Саид, я знаю его с детства. Он очень порядочный и честный человек, ему можно доверять, потому что свой. Я ему верю и уверен, господин Лам нас не подведет.

– Я в этом убедился, когда он прекрасно справился с ролью друга Кармелито, и особенно, как он идеально справил-

ся с полицией.

Вернувшись обратно, Саид подробно рассказал егерю о найденной в горах штольне с хранившимися там ценностями.

– Я так и думал. Неспроста зачастили в наши края незнакомцы и чужие, – сказал егерь.

– Завтра, мы хотели бы вас забрать с собой. Не стоит вам оставаться здесь одному,

– А, можно?

– Дорогой господин Лам, вы не только егерь здешних мест, но еще наш самый близкий друг. Так что не можно, а нужно вам пойти с нами, – приобняв его, сказал Арнольд.

– Ну, что ж, решено, а сегодня всем спать. Завтра у нас много работы, возможно, нам придется там остаться на ночь, – сказав, Саид пошел в свою комнату.

Рано утром, хорошенько позавтракав, они направились в горы к штольне. Подойдя к ней и зайдя внутрь, Саид им всем раздал рюкзаки, найденные в палатке альпинистов, и предупредил их всех,

– В большие ящики не стоит вам заглядывать, там находятся картины, они нас не интересуют. Ищите золото, бриллианты, драгоценные камни и переложите в эти рюкзаки.

– А зачем? Что мы их заберем с собой, – поинтересовался у него Арнольд.

– Нет, мы их оставим здесь.

– Тогда почему их перекладывать? – Не понимая, пере-

спросил Арнольд.

– В лагере альпинистов мы нашли рацию. Когда все будет готово, сообщим хозяевам тех альпинистов и русским о том, что все готово к отправке. Как только они будут здесь, господин Лам вновь вызовет полицию, и мы раз и навсегда избавимся от них.

– Я вас понял Саид, – кивая головой, сказал егерь.

– Чуть не забыл, прежде чем открывать ящики, проверьте его со всех сторон, может мы с Игорем не все растяжки нашли.

Один за другим проверяя ящики и перекладывая в рюкзаки драгоценности, егерь засмотрелся на один красивый кулон.

– Что господин Лам, он вам понравился? – поинтересовался Арнольд.

– Да, очень красивая вещь, – с восторгом, сказал егерь.

– Возьмите ее себе,

– Нет, нет. Я ни в этом смысле вам сказал, – смущаясь, господин Лам, быстро бросил кулон в рюкзак.

Увидев это, к ним подошел Герхард, и обратился к егерю.

– Господин Лам, возьмите ее себе и подарите фрау Изабелле. Все равно ее хозяина уже нет в живых. Пусть этот кулон послужит вам. – И достав его из рюкзака, он протянул ее егерю и положил ему в руки.

– Благодарю вас Герхард, и вас Арнольд, – искренне сказав, взял его.

Пока остальные заполняли рюкзаки, Саид, вновь выйдя наружу через главные ворота, пошел по дороге вниз. Пройдя по ней пару километров, оказался у развилки, где дорога разделилась на два. Одна из них уходила вправо и круто поднималась в гору с другой стороны, а другая уходила вниз в сторону города. Немного пройдя по ней, вышел к выступу, откуда был виден горизонт. Пристально присмотревшись вдаль, понял, что еще через пару километров дорога выходила к тому месту, где ему удалось бежать. Вернувшись обратно, за обедом рассказал об этом остальным. Затем, увидел рюкзаки с драгоценностями и сказал,

– Этого будет достаточно нашим противникам, пустые рюкзаки заберем с собой.

– А давай, чем добру пропадать, их тоже наполним и заберем с собой? – предложил ему Арнольд.

– Я не думаю, что это будет правильно, – говоря, Саид, взглянув на егеря, – а впрочем, у господина Лама, семья, дети, вот ему можно немного набрать.

– Что вы, что вы. Нет, нет, Саид не надо мне этих драгоценностей, – привстав с места, стал ему возражать егеря.

– Нет, господин Лам, мы так и сделаем, а чтобы вас не смущать, пусть Арнольд наберет и нам.

Услышав это, Арнольд, быстро вскочил с места, и подойдя к одному камню, вынул доверху набитый драгоценностями рюкзак, и показывая его Саиду,

– Вот, я, зная, что ты так скажешь, уже приготовил немно-

го, – улыбаясь, сказал Арнольд.

– Я вижу, что там немного, – смеясь, сказал Саид, – пере-
ложи и господину Ламу, а то он сам постесняется это сделать.

– Саид, прошу вас, не стоит этого делать. Что я скажу сво-
им, откуда его я взял? Про брошь я как-то еще могу объяс-
нить, а остальное, простите не смогу. Да и если я растеряюсь
и выдам себя, представляете, какой это риск.

– Все будет нормально, они вас поймут, – успокаивал его
Арнольд.

– Нет, Арнольд, господин Лам прав, это ты можешь обма-
нуть Луизу, но он не такой шустрый, как ты, – подтверждая
слова егеря, подошел к нему Герхард. – Вы правы господин
Лам, не стоит нам рисковать.

– Саид, прошу вас, не делать этого. Спасибо вам за все,
давайте оставим все, как есть.

– Тогда сделаем так, мы продадим эти драгоценности и
откроем в банке на ваше имя расчётный счет. Потом, когда
ваши дети подрастут, вы им расскажите о нем.

Вернувшись в заказник, друзья остались еще на один день.
А утром Игорь спросил у Саида,

– Дальнейшие наши планы, уже подумал о них?

– Как мы с тобой договаривались, в городе ты связыва-
ешься с Мехлисом и сообщаем ему о штольне. А дальше
все по плану.

– Но ведь я еще должен быть в горах, забыл? У меня в
запасе еще три дня.

– Нет, Игорь, не более одного. Сейчас выезжаем в город, и немедленно едешь на встречу с агентом Мехлиса, и добиваешься встречи с ним. Пойми меня правильно. Я это говорю тебе не оттого, что хочу поскорее избавиться от тебя. Кроме твоего Мехлиса, за мной охотятся хозяева тех альпинистов. Чем дальше мы затянем с решением, тем сильнее рискую я. Уверен, если быстрее не придать штольню огласке, те непременно отправят другую группу. Но если они услышат о поимке русских, должны на время затаиться, а меня перестанут искать.

– Понял тебя, брат, – похлопав друга по плечу, – так и сделаем, завтра я сам поеду в Берлин и лично сообщу Мехлису.

После того, как они поговорили, быстро собравшись, отправились обратно в город. Уже на следующий день Игорь, попрощавшись с ним, с Герхардом отправился на встречу с Мехлисом.

Когда они оказались в Берлине, он попрощался и с Герхардом, так как мог здесь задержаться. Самостоятельно добравшись до штаба Западной Группы Войск, пришел к Верховному Комиссару. Увидев Соколова, Мехлис был удивлен его появлением.

– Что стряслось, и почему ты вернулся так быстро? – спросил у Соколова Мехлис.

– Я нашел штольню, товарищ Верховный Комиссар,

– Да ты что... – обрадовавшись, Мехлис встал с места, и подойдя к Соколову, держа его обеими руками за плечи, – не

уже ли, не уже ли? – тряся его за плечи, переспросил Мехлис.

– Так точно, товарищ Верховный Комиссар, я ее нашел. Там в рюкзаках было вот это, – сказав, Соколов показал содержимое рюкзака ему.

Мехлис, взяв в ладонь бриллианты, а один подведя к свету, восторженно произнес,

– Ай, да молодец полковник, ай да молодец, – сказав, он тут же подошел к столу и стал набирать чей-то номер. – Ваш приказ выполнен, товарищ первый. Мы их нашли. Полковник Соколов. Так точно, один, – затем немного помолчав, – слушаюсь, товарищ первый. Есть товарищ первый, непременно, – и положив трубку, – уф, камень с плеч. – А затем, подошел к Соколову, и еще раз обняв его, сказал. – Готовь дырку на кителе для ордена, полковник. – И достав со стола коньяк, разлил его по бокалам. – Даже не представляешь, какую оказал мне неоценимую услугу. – Затем взял один бокал и подошел к Соколову. Тот резко встал с места, но Мехлис усаживая его на место, – сиди, сиди, – сказав, а сам подсел к нему, и протянув ему бокал, предложил выпить.

Пока Соколов пил коньяк, Мехлис пристально глядя на него, не отрывал с него глаз. От его пронзительного взгляда, Соколову стало не по себе. Поняв это, Мехлис положил ему на плечо свою руку, и немного его приобняв, кивая своей головой, сказал,

– Да, полковник, не ошибся я в тебе, не ошибся. Ты для меня совершил неоценимую услугу. Помнишь, когда я от-

правлял тебя в Австрию, просил мне найти того капитана Сайдаматова?

– Так точно, помню!

– Так вот, этот изменник Родины, весной 1945 года сбежал к немцам с грузовиком, полный нагруженный драгоценностями. Но ничего, – кивая головой, – пуля не дура, возмездия ему не удалось избежать. Не мы, так немцы отправили его к прабабушкам. – Затем, вновь разлив коньяк по бокалам, – ты сегодня же возвращайся обратно в Австрию. Послезавтра в условленном месте встретишься со связным и получишь дальнейшие указания. Договорились?

– Так точно, товарищ Верховный Комиссар, я вас понял! – ответил ему Соколов.

– Допей свой коньяк и держи эти деньги, – протягивая сверток, сказал Мехлис.

– У меня еще остались от прежних денег.

– Бери, бери, тебе они скоро пригодятся, – улыбаясь, произнес Мехлис.

Попрощавшись с ним, Игорь, по поручению Мехлиса, поехал в Австрию на его машине, и сразу же по прибытию в Зальцбург, направился к Саиду...

ГЛАВА 3. Западня

Вернувшись в Зальцбург, Игорь прямиком поехал домой к Саиду. Увидев его Саид, улыбаясь, сказал,

– Я уже и не надеялся тебя увидеть,

– Не дожدهшься, – обнимая его, ответил Игорь.

Пройдя в дом, Игорь подробно рассказал другу об их разговоре с Мехлисом,

– Ну, как, что скажешь? – Спросил у Саида,

– Лучшего и не придумать. Значит, твой патрон клюнул?

– Он такой же мой, как и твой, – ответил ему Игорь, – что дальше?

– Он же тебе сказал, ждать связного. Вот это мы будем делать. Игорь, прошу тебя, пока не проясним их дальнейшие действия, поживи у Герхарда. Вдруг они появятся раньше, а тебя там не окажется.

– Я это понимаю, теперь ты все знаешь, а мне пора ехать на постоянное место жительства. – Сказал, и улыбнувшись другу, Соколов поехал к Герхарду.

Через день после его приезда, приехал связной Мехлиса и, забрав Соколова, куда-то поехали. Километров через десять за городом, машина, на которой поехали, заехала во двор отдельно стоявшего дома.

Когда машина остановилась, Соколов вышел из нее и связной повел его в дом. Войдя, он сразу же узнал Миронова из Москвы, и следователей, сопровождавших его и Уварова с аэропорта. Поздоровавшись со всеми, Соколов подошел к Миронову.

– Здравствуй майор! Ах да, прости, ты же у нас уже полковник.

– Так точно, полковник, – ответил ему Соколов, а затем. – Извините товарищ Миронов, я не знаю вашего звания.

– А тебе незачем знать о нем, – сказав, Миронов расхохотался, а затем, подведя Соколова к сидевшему за столом человеку. – Знакомься, старший группы Криволапов Андрей Юрьевич, представитель Верховного Комиссара. Остальных нет смысла знакомить с тобой. Карта местности с собой?

– Так точно, – сказав, Соколов подал ее Миронову.

Тот сразу же разложил ее на столе перед Криволаповым.

– Давай полковник, показывай, где находится твоя штольня.

Соколов, подойдя к столу, указал на карте место, где была штольня.

– А площадка, где ты предположил, что можно посадить самолеты?

Соколов, вновь указал на карте это место.

– Когда мы можем выдвигаться?

– Не раньше завтрашнего вечера.

– Почему?

– Мне необходимо подготовиться, приготовить транспорт для такого количества людей. И надо проверить дорогу до развилки, – и указал ее на карте.

– А почему ты это раньше не сделал?

– С Берлина я приехал позавчера ночью, встречался с Верховным Комиссаром. Если я по приезду уехал бы в горы, тогда вы меня не застали бы. Да и Верховный Комиссар при-

казал мне ждать связного в Зальцбурге.

– Хорошо, куда нам подъехать завтра вечером?

– Если позволите, чтобы не вызывать подозрений, завтра я сам подъеду к вам на машине.

– Договорились, – ответил ему Миронов.

После встречи с людьми Мехлиса, Игорь, вернувшись в Зальцбург, приехал к Саиду и рассказал ему о разговоре с Мироновым. Немного подумав, Саид сказал,

– Если они заинтересовались взлетно-посадочной полосой, значит они используют самолеты для перевозки ценностей.

– Скорее всего, так и будет, потому что Миронов спрашивал меня о том, сколько там можно посадить самолетов.

– Игорь, завтра езжай к ним на студебекере. Он перекрашен, и тент заменен, они его не узнают. Им скажешь, что его ты арендовал на неделю. Я думаю, вы по прибытии на место первым делом будете готовить площадку для встречи самолетов. Мы будем рядом, и как только они сядут, постараемся сделать так, чтобы их накрыла полиция.

– А со мной что будет?

– Перед тем, как полиция нагрянет, я тебе дам условный сигнал. Как услышишь его с кем-нибудь из этих быстро пройди в штольню и находишься рядом с запасным выходом. И когда полиция нагрянет, взрывавай вход и уходи с ним в горы. Маршрут я тебе укажу.

– Хорошо, брат, – затем, Игорь пристально взглянул на

него.

– Что так смотришь?– Спросил у него Саид,

– Значит, после операции мы уже с тобой не увидимся? – с ностальгией произнес Игорь.

– Ты прав, сегодня мы с тобой видимся в последний раз. Брат, мы не в силах изменить судьбу. Видно Всевышний предназначтал для меня эту жизнь, какая бы ни была она сурова и жестока, я приму ее, – и, тут Саид, крепко обняв своего друга. – Как же мне будет не хватать тебя, – мгновенно к его глазам проступили слезы и лицо налилось кровью. – Игорь, я никогда не забуду тебя, твою доброту, твое самопожертвование ради меня. Я верю, Всевышний не оставит меня, он милосерден и когданибудь позволит мне вновь тебя обнять. Я верю этому, и ты верь и не теряй надежды.

– Саид, брат, я не знаю что сказать, как выдержать эту разлуку. Помни, где бы я ни был, всегда буду ждать и надеяться на встречу с тобой. Береги себя, брат, и пусть твой Аллах оберегает тебя от бед.

– Ты тоже береги себя, держись, – сказав, Саид крепко обнял друга.

– Ладно, хватит нам слюни распускать, пора этим нос утереть. До встречи, – сказав, Игорь резко вскочил с места, и не оборачиваясь, ушел.

Вечером следующего дня Соколов на грузовике подъехал к дому, где его ожидали люди Мехлиса. Когда машина остановилась, они вышли на улицу и, увидев Соколова, Миронов

поприветствовав его, приказал своим людям залезть в кузов. А сам вместе с Криволаповым уселся в кабине.

Соколов до развилки, где он намеревался оставить свой грузовик, доехал ближе к ночи. И остановив машину, обратился к Миронову,

– Товарищ Миронов, дальше нужно идти пешком, грузовик там не проедет.

Тот скомандовал остальным, – к машине, – а затем, когда все спустились вниз, скомандовал, – к маршу.

Скинув на плечи рюкзаки и оружие, группа двинулась в направлении гор. И уже через час они оказались возле главного входа в штольню. Соколов пройдя к тому камню, где был спрятан рычаг от входа, дернул за него. Со скрежетом камень отодвинулся и Соколов с двумя бойцами, навалившись, сдвинул его в сторону. Затем войдя внутрь штольни, он включил генераторы и освещение. Оказавшись внутри штольни и увидев ее невероятные строения один из них воскликнул,

– Ни черта себе! И сколько нужно было времени, для того, чтобы продолбить в скале такую махин?.

Быстренько перекусив, Миронов приказал всем спать. А на следующее утро, с первыми лучами солнца, разбудил их и приказал,

– У нас мало времени. Соколов, бери шесть человек и покажи им площадку, где мы должны посадить самолеты, а сам потом немедленно возвращайся. А мы пока исследуем

штольную.

Как приказал Соколову Миронов, показав бойцам взлетно-посадочную полосу, тут же вернулся обратно. И когда доложил о выполнении приказа, Миронов ехидно у него спросил,

– Давай, колись полковник, много себе припрятал драгоценностей?

– Я не вор! И еще, как вы себе представляете то, как я вывезу эти драгоценности отсюда.

– Ну, это тебе виднее, – сказал, и увидев злость и ярость в глазах Соколова. – Полковник, успокойся! Я тебя еще в Москве раскусил. Такие люди как ты не станут пачкаться воровством. Я верю тебе, да и Верховный Комиссар высокого мнения о тебе. Так что, я думаю мы с тобой поладим, – одобрительно кивая, доброжелательным голосом произнес Миронов.

К вечеру, взлетно-посадочная полоса была готова к приему самолетов и когда об этом доложили Миронову, он позвал к себе радиста.

– Передавай в центр, для встречи гостей все готово, координаты прежние. Ждем дальнейших указаний.

Тут же радист принял радиограмму,

– Гости ждите рано утром, пока приедут только двое.

Рано утром, перед самым рассветом тишину в горах нарушил рев моторов самолетов, круживших над скалами.

Миронов тут же приказал бойцам разжечь костры вдоль

взлетно-посадочной полосы. Мгновенно костры, воспламеняясь, своими яркими огнями осветили полосу и склон горы, где они горели. Через несколько минут на взлетно-посадочную полосу друг за другом сели два десант-но-штурмовых Ила без опознавательных знаков.

Когда самолеты остановились, командир экипажа доложил Криволапову о цели их прилета. Выслушав доклад пилота, Криволапов спросил у него,

– Как у тебя обстоят дела с топливом, баки полные?

– Так точно, товарищ комиссар, баки полные.

– В таком случае, двигатели не выключать. И разверни самолеты в обратном направлении.

Услышав это, Миронов не понимая смысла его решения, сказал ему,

– Товарищ комиссар, мы на чужой территории, где за каждым деревом, за каждым камнем нас может подстергать опасность. Нельзя ли выключить двигатели самолетов, а завести их перед вылетом?

– Нет, пилоты не выключат двигатели самолетов, – прищурив нос, произнес Криволапов.

– Но товарищ комиссар, в этой тишине рев двигателей может привлечь внимание. Мы не можем рисковать, не уже ли вам не понятно? – настойчиво, стал требовать Миронов.

– Слушай ты, полковник, забыл, приказы начальства не обсуждаются.

– Но...

– Никаких но, ступай, занимайся непосредственно своими делами, а в мои не лезь, – с ненавистью произнес Криволапов.

– Слушаюсь, – сказав, Миронов, резко развернувшись, быстро направился к штольне.

Как только он подошел к Соколову, тот попросил разрешения обратиться,

– Говори, – не смотря ему в лицо, буркнул Миронов,

– Почему пилоты не глушат двигатели?

– Что, они тебя раздражают? – зло спросил Миронов.

– Меня нет, но мы находимся в горах и шум рева их двигателей будет слышен за несколько километров. Товарищ Миронов, они могут привлечь внимание и повредить нам.

– Слышь ты, полковник, мы высоко в горах, и чье, по-твоему, мы можем привлечь внимание?

– Не забывайте, я здесь много раз охотился и очень хорошо знаю местного егеря. Я уверен, он наверняка сейчас где-то рядом. А мы еще глупо указываем ему направление ревом двигателей самолетов.

– А ты, полковник, ступай и докажи свои слова Криволапову. Он же упертый, как баран, хотя и тупости ему не занимать. – Нервничая, швырнув в сторону стены камень, державший в своей руке, сказал Миронов.

На самом деле, Соколов хотел, чтобы пилоты выключили двигатели из-за того, чтобы они не успели взлететь, когда прибудет полиция.

– Может действительно мне пойти и сказать ему об этом? – спросил Соколов.

– Ты и впрямь ничего не понимаешь, полковник? Я же тебе говорю, этого осла переубедить невозможно. Лучше иди и покажи бойцам, с каких ящиков им начинать погрузку.

Подчиняясь его приказу, Соколов направился вглубь штольни. Когда первый самолет почти был загружен, он услышал знакомый крик совы. Тут же, подбежав к Миронову, спросил,

– Товарищ Миронов, разрешите обратиться?

– Слушай Соколов, давай субординацию оставим до Москвы, тем более мы в дальнейшем собираемся вместе служить. Мое имя Евгений, так что давай по имени, хорошо?

– Слушаюсь, – и тут же, – извини, к твоему имени мне еще нужно привыкнуть.

– Привыкай Игорь,

– Срочно ты мне нужен там, – и показывая вглубь штольни, – я кое-что случайно там нашел.

– А ну-ка, показывай, – сказав, Миронов быстро пошел за Соколовым. Не успели они дойти до центра штольни, как с наружи послышались автоматные очереди и несколько взрывов гранат. И к Миронову быстро подбежал боец,

– Товарищ комиссар, нас окружила полиция и местная жандармерия.

– А самолеты успели взлететь? – Вскрикнул Миронов.

– Никак нет, первого, который пытался взлететь, взорвали

гранатами.

Соколов, увидев в воротах силуэты вооруженных людей, крикнул Миронову.

– Женя, они блокируют ворота. Бегом за мной, – сказав, добежал туда, где лежали рюкзаки с драгоценностями. – Хватайте рюкзаки, и идите за мной, – вывел их через запасной вход. А затем, – пока спрячьтесь, – сказав, – обратно вернулся в штольню. Когда Соколов выбежал оттуда и пробежал несколько метров, в штольне раздался оглушительный взрыв, и оттуда, откуда выбежал Соколов, наружу от ударной волны вырвались столб пыли и дыма. Выход, откуда они вышли, через мгновение был полностью завален камнями и грудой земли.

Уйдя от штольни на приличное расстояние, Соколов дал своим спутникам немного передохнуть,

– Привал, отдых пятнадцать минут, – приказал им.

– Полковник, ты что тут раскомандовался, – возмутился Миронов.

– Женя, ты у себя в Москве будешь командовать, а здесь, если, конечно, хочешь вернуться обратно, позволь мне. Тем более, если бы ты меня там послушался, и приказал выключить двигатели самолетов, возможно, мы уже сидели в Берлине.

Понимая, что он прав, Миронов подчинился ему. После отдыха, пройдя еще пару километров, Соколов приказал им остановиться. И попросив Миронова пойти с ним, куда-то

удалились. Еще через метров пятьсот, он, остановившись, стал оглядываться по сторонам,

– Что ищешь? – Поинтересовался у него Миронов.

Как раз в это время, Соколов увидел нужное место и сказал ему,

– За мной.

Быстро раскидав ветки, из-под них достал мешок с палаткой и рюкзаки с консервами и еще вещами тех альпинистов.

Увидев это, Миронов, одобрительно кивая ему,

– Откуда это у тебя? – Спросил он у него.

– А что, разве Верховный Комиссар не рассказывал тебе? Мне пришлось здесь немного повоевать. А это мой трофей. Бери, пойдем обратно.

Добравшись до того бойца, Соколов им сказал,

– Давайте установим палатки, заночуем здесь, а с утра двинем дальше.

– А что, полиция нас преследовать не будет? – Не понимая, спросил его Миронов.

– Для того, чтобы преследовать нас, у них есть два пути, первый, они должны расчистить завал который мы взорвали. Второй обойти вон ту сопку, – и он рукой указал на нее. – Пока они проделают ту или иную операцию, потратят на это более двух суток. А нам нужно всего лишь заночевать, не так ли? – А затем, достав из рюкзака пистолеты с глушителями, один протянул Миронову и сказал. – Надеюсь, они нам не пригодятся.

– А это откуда? – Удивляясь, спросил Миронов.

– Одолжил у тех альпинистов.

– Да Игорь, в горах ты как рыба в воде. И впрямь, не стоит до Москвы спорить с тобой, ненароком еще пристрелишь, – улыбаясь, произнес Миронов.

– Это точно, не стоит. Давайте поедим и спать, завтра рано вставать.

Проснувшись рано утром, Миронов не нашел Соколова. Насторожившись, быстро выскочил из палатки и стал осматривать вокруг. А Соколов появился через полчаса и, подойдя к нему, сказал,

– Я немного ошибся,

– В чем?

– На счет полиции. Ниже километров в пяти от нас видел с десятка полицейских и сотни солдат. Они ищут нас, так что теперь нам придется добираться до города через тот хребет, – сказав, рукой указал на него. Возьмите с собой рюкзаки с драгоценностями и одну палатку и еду. Нас ожидает тяжелый путь.

Несколько дней блуждая по горам, им все ж удалось выйти к окраинам Зальцбурга. Оставив своих спутников в горах, Соколов направился в город. Зайдя в дом Саида, застал его в беседке в саду. Увидев друга, Саид встал с места, и идя ему на встречу с распростертыми объятиями, произнес,

– Брат, а я уже и не надеялся увидеть тебя.

– Не дождешься, – улыбаясь, Игорь обнял друга.

– Пойдем, рассказывай, как все прошло?

– Самолеты не успели взлететь, полиция почти всех взяла.

Со мной остались двое.

– Игорь, прости, я забыл тебе указать место, где должна была тебя ждать машина.

– Хорошо, что забыл, сейчас у меня все идет как по маслу, Мехлис будет от меня без ума.

– А где вы столько дней пропадали? Я волновался за тебя.

– Все хорошо, и все позади. Мне нужна машина, вернее нас надо скрытно вывезти в Германию.

– А может быть, ты на своей машине поедешь?

– Нет, Саид, по дороге я видел блок посты. Если я буду сидеть за рулем, нас непременно арестуют.

– Хорошо, Герхард со вчерашнего дня ждет тебя, чтобы отвезти в Берлин.

– Ну, что ж, давай прощаться, может, даст бог, еще мы свидимся. – Сказав, Игорь, встал с места, и подойдя к другу, крепко его обнял.

– Я искренне на это надеюсь, брат. Береги себя, и дай Аллах, чтобы у тебя все было в порядке, – тут Саид, – я сейчас позвоню Герхарду, – сказав, пошел в дом.

Когда Герхард приехал, он ему вкратце объяснил сложившуюся ситуацию.

– Когда ты ездил в город, не встречал полицейских или жандармов.

– Вчера они стояли, а сегодня с утра я их не видел. Может,

она сняли оцепление.

– Значит дорога свободна. Герхард, как ты решил? Ответишь Игоря и его спутников в Берлин?

– О чем разговор, я бы его до Иркутска отвез бы, но, увы, они мне не позволят.

– Ну, что ж. Давай прощаться, счастливого тебе пути, – сказав, Саид обнял друга.

Тут к ним подошел Герхард, и тоже их обняв,

– Игорь, мы надеемся, что у тебя все будет в порядке. Знай, мы всегда будем ждать тебя. Пусть Господь оберегает тебя и твоих родных и близких.

Тут Саид дал Игорю целую корзину еды,

– Это тебе приготовила Эльза,

– А где она? Хотел бы попрощаться с ней.

– Она еще с утра пошла к отцу. Если хочешь, Герхард ее привезет.

– Нет, не могу, сам понимаешь, для нас каждая минута дорога.

– Тогда, давай брат, пока,

Еще раз обнявшись и попрощавшись, они поехали в сторону гор. Доехав туда и накормив своих спутников, взяли курс в направлении Германии. Как раз в это самое время Австрийское правительство вручало ноту протеста советскому послу. И когда Герхард с другом и его спутниками подъезжал к Австрийско-Германской границе, Криволапов и его бойцы давали показания в особом отделе.

Криволапов, предположив, что Миронов и Соколов погибли, всю вину и ответственность за провал операции, в своем докладе Мехлису, возложил на них. И в конце своего рапорта написал, что предатели Родины Миронов и Соколов лично сдали их Австрийцам. Это он подтвердил, что видел собственными глазами, как они садились в машину австрийцев.

Гневу Мехлиса не было границ. Услышав это, он в ярости скинул со стола все его содержимое.

– Найди мне их комиссар, найди, – скрипя зубами, произнес эти слова.

– Я их хоть из-под земли достану, товарищ Верховный Комиссар, – оправдывался Криволапов.

И тут, постучавшись в дверь, вошел дежурный офицер,
– Разрешите обратиться, товарищ Верховный Комиссар? – попросил он.

– Да, что еще там? – В ярости спросил Мехлис у него.

– Прибыли полковник Миронов и полковник Соколов, – доложил ему.

– Кто? – Громко переспросил его Мехлис, и резко взглянул на Криволапова.

Тот, попятился к стене, и прижав к губам свои руки,
– Я, я, я....

– Немедленно зови их ко мне, – и, подойдя к Криволапову, стал пристально смотреть ему в глаза. А у того, от испуга с носа потекли сопли, и пытаясь их остановить, он то одной,

то другой рукой вытирал их.

– Я вижу комиссар, ты не ожидал их здесь увидеть, не так ли? – и Мехлис близко подвел свое лицо к его лицу.

– Я, я...я, сейчас все вам объясню, товарищ Верховный Комиссар, – дрожащим голосом тот произнес.

В это время в кабинет вошли Соколов и Миронов, и Игорь, увидев Криволапова,

– А, подонок, ты тоже здесь? – зло он произнес эти слова.

– Что так полковник? – не отрывая от Криволапова своего взгляда, спросил Мехлис.

– Если не этот подонок, все было бы нормально, – и Соколов рассказал Мехлису обо всем.

Выслушав Соколова, Мехлис, отвернувшись от него и подходя к Миронову и Соколову, приказал дежурному офицеру вывести Криволапова за угол и расстрелять. Тот, услышав это, упал на колени и взмолился, но Верховный не стал обращать внимания его мольбам.

После того, как увели Криволапова, Миронов и Соколов поставили перед Мехлисом рюкзаки с драгоценностями, и показывая их ему,

– Больше мы не смогли унести с собой, товарищ Верховный Комиссар, – сказали они.

И Мехлис, крепко их обняв,

– Спасибо, спасибо хоть за это. Этого тоже достаточно для восстановления страны. – А потом, обращаясь к Соколову, – ну, что полковник, пойдешь ко мне служить, а? – Спросил

у него.

– С удовольствием, товарищ Верховный Комиссар, но только позвольте мне хотя бы на недельку съездить к родным.

– Месяц хватит?

– Вполне, если я вам пока не нужен, – сказав, достал из кармана немецкие марки. – Разрешите вернуть вам оставшиеся деньги?

– Оставь их себе, – сказал Мехлис.

– А где я в Иркутске их использую, – как бы, не понимая, сказал Соколов.

– Сколько потратишь, потрать здесь, а остальное Миронов обменяет тебе в Москве.

– Спасибо, товарищ Верховный Комиссар, – сказал ему Соколов.

– Не за, что, – ответил ему Мехлис.

Выйдя из кабинета Миронов, взглянув на Соколова, сказал,

– Игорь, ты и впрямь оказывается безбашенный.

– С чего бы?

– Я возле Верховного не решился бы на комиссара наезжать.

– Он что был его заместителем?

– Да!

– Если товарищ Мехлис мне позволил бы, я собственными руками задавил бы эту жабу, – в сердцах сказал Соколов.

Возвращаясь с Берлина, Герхард по дороге купил газеты и увидел статью о пойманном русском десанте в горах, с их фотографиями и найденных драгоценностях. Приехав в Зальцбург, он напрямик поехал к Саиду, и зайдя к нему, домой, показал ему статью. Внимательно прочитав, Саид сказал,

– Надеюсь, эту статью прочитают и хозяева тех альпинистов и раз и навсегда отстанут от нас.

– От нас наверняка отстанут, а вот от наших гор вряд ли, – сказал ему Герхард.

– Почему?

– Ты что, Саид, забыл про их карты, где были указаны еще с десяток крестиков? Я уверен, неспроста они их отметили у себя на картах, это может быть только штольни.

– Да, в этом ты абсолютно прав. Сколько еще тайн хранят в себе эти прекраснейшие Альпийские горы, известно одному лишь Всевышнему.

Саид оказался прав. Именно в это же время на Амазонке Эрвину Рихтеру газету отдавал его адъютант Клаус. В той статье говорилось о пойманном русском десанте, о найденных драгоценностях.

– Наша группа, скорее всего, пропала, господин Рихтер. Возможно, Альфреду Гроссу удалось найти тот грузовик и перенести драгоценности в штольню. Но, наверное, на них напали русские, которых затем арестовала полиция. Видите, на фотографии видны рюкзаки, которые были у Гросса.

– Да, Клаус, ты прав. Жаль парней и наши сокровища.

Сражения без потерь не бывает, но мы не забудем наших патриотов, которые отдали свою жизнь за наше дело. Теперь нам стоит повременить с отправкой новой группы в Альпы.

– Я об этом тоже подумал, господин Рихтер, – сказал Клаус.

– Да, нам стоит пока остановить вывоз наших сокровищ из Австрии. А жаль. Если бы ты знал сколько их там. Мы могли бы купить полмира за них, – и тут немного помолчал. – Знаешь, чем бездарно их терять, лучше мы потерпим годик, два, сколько потребуется, а потом их спокойно вывезем. А Альпы их сохраняют, как в надежном банке. Не так ли Клаус?

– Вы правы господин Рихтер, они в горах с годами станут ценнее, в этом я не сомневаюсь...

ГЛАВА 4. Плата за самоотверженность

Узнав из прессы о том, что правительство Австрийской республики, МИД страны, вручив ноту протеста и передав пойманных диверсантов, предупредило Советское руководство о том, что дальнейшие их подобные действия будут расценены как вторжение на ее территорию, а пойманные диверсанты будут преданы суду и будут осуждены по законам военного времени. Это означало, что Саид отныне может быть совершенно спокоен за свою жизнь, так как угроза, что с той, что с другой стороны практически исчезла.

– Эльза, милая моя, – он, нежно обнимая свою жену, ска-

зал ей. – Мы отныне свободны, теперь не будем беспокоиться за нашу судьбу. Нам удалось раз и навсегда избавиться от наших преследователей.

– И больше никогда не будут нас тревожить?

– Да родная, теперь не потревожат, я на это надеюсь, – сказав, он крепко ее поцеловал. – Ты не против, если мы это событие отметим?

– Я буду только рада,

– Тогда, я на завтра приглашу всех наших.

– Хорошо, приглашай.

Сразу же Саид стал набирать номер отца. К телефону подошел Герхард,

– Дом доктора Штаубе, слушаю вас, – произнес он.

– Привет, брат,

– Привет, Саид, я тебе нужен?

– Да и не только ты. Мы с моей Эльзой решили на завтра устроить пикник. Как ты на это смотришь?

– Идея прекрасная, давненько мы всей семьей не отдыхали.

– Тогда предупреди всех, мы с утра вас ждем.

– Договорились. Постой, постой, а по какому поводу пикник-то?

– Завтра узнаешь, приходите пораньше. Завтракать будем у меня.

Утром следующего дня семейство доктора Штаубе всем составом были дома у Саида.

Распределив каждому из молодых свои обязанности, Саид сам взялся за приготовление барбекю. Эльза, Луиза и Барбара накрывали на стол в саду. А доктор Штаубе, его друг доктор Хофлинг и господин Розенкирхен мирно беседовали сидя на стульях, установленных для них под большой яблоней. Когда пикник утроенный Саидом был в самом разгаре, он, оглядевшись, не увидел отца среди гостей. Присмотревшись по сторонам, заметил скучающего и одиноко сидевшего отца в беседке. Положив в тарелку сочно приготовленные куски мяса, облил их приправленным специями томатным соусом, приготовленным Эльзой. Затем взял два бокала вина и пошел к нему.

– О чем задумались, папа? – сказал Саид и поставил перед отцом тарелку с мясом и, протянув ему, бокал с вином, подсел рядом с ним.

– Саид, сынок, – сказав, доктор обнял его.

– Папа, что случилось? – Встревоженно спросил у него Саид.

– Все нормально, сынок, ничего не случилось.

– А почему тогда сидите один?

– Не знаю, просто, откуда ни возьмись какая-то грусть и тоска навалилась на меня. Не знаю почему, но сердце как-то сильно вздрогнуло и сжалось. Чтобы лишний раз вас не тревожить, решил немного развеется, и вот сижу.

– Папа, среди нас три врача, конечно включая Вас. Если что-то Вас беспокоит, обязаны сказать нам. Герхард и Ваш

друг, доктор Хофлинг немедленно возьмутся за Ваше лечение.

– Нет, нет, не стоит сынок, – сказав, вновь обнимая его. – Я же говорю тебе, на меня навалилась какая-то грусть. Вот немного посижу, и все пройдет.

– А я Вам не помешаю?

– О чем ты сынок. Разве сын может отцу помешать, нет, конечно. Я буду только рад твоей компании.

– Тогда Вам нужно съесть вот это мясо, – и, подвигая к нему ближе тарелку. – Я специально его приготовил для Вас.

– Аппетита почему-то нет.

– Папа, я видел, Вы почти не дотронулись до еды.

– Но...

– Никаких но, Вы же сами учите своих пациентов, чтобы они хоть через силу кушали.

– Хорошо, уговорил. У тебя очень сильный дар убеждения, – улыбнувшись, отрезал небольшой кусок мяса, и прожевав его, – О, приготовлено отменно, причем мягко, – сказав, съел почти все, что лежало в тарелке. Запив его вином, взглянул на Саида.

– Ну, как? Вам стало лучше? – спросил у него Саид.

– Да, спасибо! Саид, а в честь чего ты решил организовать пикник?

– Просто захотелось всех наших собрать. Вот вчера вечером мы об этом с Эльзой решили.

– Саид, я тебя знаю. И вижу какое у тебя прекрасное на-

строение. Такое, каким я тебя никогда не видел. Так что меня не стоит обманывать. Тем более, я чувствую, новость должна быть хорошей.

– Вы правы папа, у меня действительно прекрасное настроение, и на это были веские причины.

– Я слушаю тебя.

– Рассказывать-то нечего. Папа, просто мне с братьями раз и навсегда удалось решить мою проблему.

– То, о чем писали в газетах, я имею, в виду пойманных русских диверсантов, это как-то связано с вами?

– Да, связано.

– Значит, для их поимки приложили руку вы?

– Да, благодаря нам полиция вышла на них.

– Это были те, которые охотились на тебя?

– Только противоположенная сторона.

– И как же?

– Помните, пару недель тому назад мы несколько дней пропадали в горах.

– Когда полиция нашла трупы тех троих?

– Да, и Вы нас тогда ругали за самоуправство.

– Помню.

– Те были немцы. Не наши. Они приехали из Бразилии.

– И много их было?

– Теперь это не имеет значения. Тех нам удалось нейтрализовать, а этих сдать полиции.

– А ты не подумал, что их хозяева пока не получают твой

грузовик, не успокоятся?

– Думал. Грузовика в горах уже нет.

– Это как же?

– Его забрала полиция, а вещи альпинистов мы подбросили русским. Так что русские думают, что грузовик нашли те альпинисты, а те, увидев в газетах вещи своих людей, непременно подумают, что их людей опять накрыли русские.

– Придумано толково. Значит твоя идея?

– Не только моя, решение принимали все вместе. А по поводу полиции предложил Игорь, а позвал их господин Лам.

– Игорь, понимая о том, что может загреметь вместе со своими в тюрьму, решился на такое?

– Да.

– Какой же мужественный человек. Мне очень жаль его, наверное, теперь его хозяева всех собак на него пустят.

– Не волнуйтесь, папа. Мы помогли ему бежать и не попасться полиции.

– Что, среди тех, кого взяла полиция, его не было?

– Нет! Нам удалось в последний момент его и двоих из той группы, по заранее намеченному плану увести от полиции.

– А те, которые вместе с ним бежали, не догадаются?

– Нет. Мы все сделали так, что Игорь будет для них героем. Папа, отныне нам ничто не угрожает. Теперь мы можем продолжить строительство наших объектов.

– Слава тебе Господи, – эти слова доктор произнес, подняв руки к небу. – Я благодарю его за то, что у меня такие

умные сыновья, – сказав, он крепко обнял Саида.

Тут к ним присоединились и остальные, и пикник продолжился в беседке. Поздней ночью, хорошенько отдохнув, гости Саида стали собираться по домам. Прежде чем попрощаться с ними, Саид попросил Герхарда и Арнольда утром заехать к нему.

– Что, завтра сами будем отдыхать? – смеясь, спросил Арнольд.

– Вроде того, постарайтесь прийти пораньше.

Утром, когда Арнольд и Герхард приехали, вместе позавтракав, Саид им сказал,

– Герхард, Арнольд, все позади. Теперь нам ничто не угрожает. Может, возобновим наши дела?

– Арнольд, как только взяли русских, мне все уши прожужжал, если скорее не начнем, не знаю, что будет со мной. – Смеясь, сказал Герхард.

– Вот видишь, все равно я оказался прав. Конечно, пора начинать, – радостно сказал Арнольд.

– Арнольд, позвони господину Фишеру и нашим рабочим, пусть скорее возвращаются и приступают к работе. И еще, я решил строить не один, а три замка. Все-таки у каждого из нас свои семьи, и каждый из нас захочет побыть в кругу своей семьи. Тем более, скоро у вас обоих ожидается пополнение.

– А мне-то зачем строить. Мой замок в отличие от ваших старинный, он мне нравится, и я не собираюсь его по-

кидать, – сказал Арнольд.

– Мой дом меня вполне устраивает, – ему вторил Герхард.

– Нет, брат, замок Арнольда действительно хорош. Я тут с ним не могу спорить. А вот тебе строить будем и никаких возражений. И еще, Герхард, мне вчера не понравилось состояние отца. Ты проверь-ка его, по-моему, он что-то от нас скрывает.

– Ты о чем?

– Мне, кажется, он болеет, но не хочет нас беспокоить.

– Я это тоже заметил, хотел сегодня у него спросить.

– Обязательно сегодня же обследуй его. Если надо пригласим лучших врачей. А своим женам передайте, чтобы ни на минуту не оставляли его без внимания. Договорились?

– Хорошо, – сказали Герхард и Арнольд.

Уже через пару дней, господин Фишер и рабочие стали съезжаться в Зальцбург. Как только они приехали, Саид и Герхард, первым делом извинились перед господином Фишером. Ему объяснили, что именно в то время, обстоятельства сложились так, что у них другого пути не было и по другому поступить они не могли. А когда его попросили спроектировать еще один замок, господин Фишер был безгранично благодарен им. Так, после стольких волнений, опасностей, в далеком Австрийском Зальцбурге, Саид, найдя своих родных, строил семейное гнездо. Уже утром следующего дня, под непосредственным руководством Арнольда, на стройках закипела работа...

ГЛАВА 5. Шел 1950 год

Хазраткул готовился к выпускным экзаменам. Буквально перед ними его к себе пригласил директор дет-приемника Якубов Махмуд Мирзаевич.

– Что же, Норкулов. Скоро выпускные экзамены, куда решил поступить?

– А что, нам разве можно?

– Почему бы и нет?

– И в институт?

– Нет, нельзя. А вот в училище можешь поступить. Я тебе в этом помогу. Только к тебе у меня есть одна просьба.

– Какая?

– Прекрати опекать Сайдаматова.

– А чем он вам не угодил?

– Пойми, не мне, а им, – указывая пальцем вверх, – надеюсь, понимаешь, о ком я говорю.

– Чем может им насолить ребенок? – Грубо спросил у Якубова Хазраткул.

– Не он, а его отец. Пойми меня правильно. Видно отец Сайдаматова совершил такое, что в его деле есть графа (особый). Если я не буду на это реагировать, меня могут тоже причислить к врагам народа.

– Почему дети должны отвечать за своих отцов? Тем более он, который никогда не видел в глаза своего отца. Хотя,

находясь здесь у вас, он, да и все остальные дети, уже вполне рассчитались за их грехи.

– Хазраткул, я понимаю, жизнь здесь не сладкая, но для «особых» мы должны реагировать совершенно по-иному.

– Это как же? Должны их жизнь превратить в ад? – Пристально глядя в глаза Якубова, произнес Хазраткул.

– Да Хазраткул, ты где-то прав, и это не я придумал. Так решило государство. Пойми, я винтик в этой системе, и против них не могу идти. У меня семья, дети. Я и так, на свой страх и риск, писал им о проведенных профилактических мерах, в назидания остальным в отношении Сайдаматова. Пока ты был здесь, мои ложные донесения проходили, потому что все тебя боялись. Но как только ты покинешь территорию детского дома, я не смогу дальше так делать. Буду обязан принимать меры, в противном случае на меня донесут.

– Я буду приходить и навещать Саидакмала. Вы скажите мне, кто это сделал, я быстро с ним разберусь.

– А я знаю, кто это может сделать? Донос может написать любой из них, даже дети, которые скрытно ненавидели тебя.

– Я буду приходить сюда, и дети, увидев это, не станут строчить доносы.

– Хазраткул, покинув детский дом, ты выходишь из категории детей, и тебя могут посадить.

– А пусть попробуют.

– Зря ты так Хазраткул. Здесь ты еще не осознавал тех

ужасов, которые испытывают люди там в лагерях. Не дай Аллах оказаться тебе среди них. Поверь, Сайдаматов не стоит тех мук, которые из-за своего упрямства, можешь там претерпеть.

– Он мне как брат. И кроме него у меня никого нет.

– Хазраткул, пойми, дети, чтобы не оказаться в лагерях, отказывались от своих родных и близких, от своих матерей, отцов. Неужели ты этого не понимаешь?

– Извините Махмуд ака, я не отступлю от него и не брошу его. Если кто его обидит, знайте, я вернусь и этому человеку кишки на изнанку выверну. – Сжимая свои кулаки, в сердцах, сказал Хазраткул.

– А жаль. Ты сильный и мужественный парень. Вот почему я всегда старался оградить тебя и не давал ходу твоим поступкам. Да, мне искренне тебя жаль. Жаль за то, что ты из-за него можешь угробить свою жизнь. Ну, что ж, иди в свой барак и готовься к экзаменам.

После выпускных экзаменов, Хазраткул поступил в педагогическое училище, чтобы поскорее закончив его, вернуться в свой дет-приемник воспитателем.

Однажды, когда он пришел проведать Саидакмала и своих друзей Салима и Гафура, Саидакмала он не нашел в отряде. Когда спросил друзей о нем, переглянувшись между собой, Гафур сказал ему,

– Хазраткул, меня с Салимом отправили на работу в поле. А когда мы вернулись, Акмал был уже в лазарете.

– Как в лазарете? – В гневе, переспросил Хазраткул.

– Пока мы были в поле, его кто-то сильно избил.

– Вы выяснили, кто это сделал?

– Нет. Ночью, мы наказали тех, кто оставался в интернате.

Но никто ничего не знает и не видел. А вчера ночью, на нас накинув одеяла на голову, тоже избili. – И они показали ссадины и синяки на своем теле. – Мы убеждены, и нас и Акмала бил взрослый человек, но кто, мы не знаем.

– Хорошо, вы пока идите, я проведу Саидакмала, а потом вернусь к вам.

Когда Хазраткул приближался к лазарету, к нему на встречу шел воспитатель Джураев. Увидев Хазраткула, тот опешил и заволновался и как только они поравнялись, Хазраткул увидев его покрасневшие руки, резко схватив его за шиворот,

– Подонок, значит это ты избил моих ребят? – и сильно тряс его. – Ты мне ответишь за них, запомни, ответишь за них, – кричал на него.

Воспитатель, резко одёрнув его, убежал. Хазраткула в лазарет не пустили, и он, пройдя к окну, увидел в без сознания лежавшего в кровати Саидакмала.

– Братишка, – стуча по окну, по-ребячески заплакал. – Я нашел его, он заплатит за твои страдания, – в сердцах, сказал.

Сильно злой вернувшись к друзьям,

– Я знаю, кто это сделал, – сказал им.

– Кто? – Воскликнув, вскочили друзья.

– Воспитатель Джураев, – с ненавистью произнес Хазраткул.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно. Когда я, заметив покрасневшие его руки, схватил негодя за шиворот, и пригрозил ему, тот убежал. Вечером придю, пойдем к нему домой и разберемся с ним.

– Хорошо!

Но вечером друзья не дождались его. Это их сильно насторожило, а утром услышали о том, что, по доносу воспитателя Джураева, Хазраткула взяли, как только он вышел с территории дет-приемника.

С теми, кто попадал в руки тех, которые взяли Хазраткула, они не церемонились и жестоко пытали их. Но Хазраткул в Коканде слыл безбашенным и жестоким малым, из-за этого надзиратели даже не помышляли его пытать. Скорее, хотели побыстрее избавиться от него, оттого ускорили судебный процесс. Суд над ним был назначен на третий день после того, как его взяли. В назидание остальным, судебный процесс решили провести в актовом зале дет-приемника.

В первый день суда, Хазраткул, не обращая внимания на обвинения прокурора, не отрывая своего взгляда, в упор смотрел на Джураева.

Тот, всячески пытался отвести свои глаза от него. Но холодок и мороз все равно пронизывал его насквозь. И как бы он не пытался не смотреть на Хазраткула, у него это не по-

лучалось. Молодой следователь зачитал судье обо всех деяниях Норкулова и требовал для него самого сурового наказания. Когда судья спросил у Хазраткула,

– Норкулов, признаешь ли ты свою вину?– а Хазраткул, встав с места и не оборачиваясь к нему лицом и не отрывая своего взгляда от Джураева, провел ребром ладони по своей шее, словно показывая тому, что ему отрежут голову.

Заметив это, следователь попросил судью обратить внимание на подсудимого,

– Вот видите, даже находясь в суде, угрожает нашим честным гражданам. Я требую избавить наше общество от таких паразитов, – сказал следователь.

Хазраткул, жестко взглянув на него, и ему показал то, что показывал Джураеву, и ничего не отвечая судье, сел на свое место.

Судья оглашение приговора оставил на следующий день. Когда утром в актовом зале все собрались, ни Джураева, ни того следователя не оказалось на месте. Судья за ними отправил людей, оказалось, ночью обоих кто-то зарезал возле их домов. Поиски убийц по горячим следам результатов не дали. Судья и все присутствующие в зале понимали, что это дело рук подельников Норкулова. Но признавшись в этом, он, да и все остальные, понимали, что могут оказаться на месте тех погибших.

Во время оглашения приговора, судья, как бы оправдываясь перед Хазраткулом, огласил приговор по его делу.

Согласно приговору, Норкулову был назначен, наименьший срок, какой можно было ему назначить. Понимая его, Хазраткул сказал судье,

– Не волнуйтесь, гражданин судья, вашей вины тут нет. – Затем, обращаясь к присутствующим в зале, жестко произнес. – Не стоит обижать Саидакмала. Я могу очень, очень рассердиться, – и, сел на свое место.

Хотя его и посадили, но отныне к Саидакмалу никто больше близко не подходил.

После смерти Сталина, весной 1953 года, и последующих потом арестов всех его сподвижников, осенью того же года, правительство СССР издало указ об освобождении всех политзаключенных, в том числе тех, кто был осужден по ложному доносу. В этот список попал и Норкулов Хазраткул. Приехав в свой родной Коканд, первым делом направился в дет-приемник, чтобы забрать оттуда Саидакмала. Но когда он туда пришел, дет-приемника там уже не было, его расформировали. Оказалось, сразу же после смерти Сталина, всех детей перевели в обычные детские дома и интернаты. А тех детей, в делах которых была отметка «особый», а таких в дет-приемнике оказались трое, в том числе и Саидакмал, увезли в неизвестном направлении. О чем Хазраткулу рассказал бывший директор дет-приемника. А его друзья, Салим и Гафур, через год после окончания учебы, оказались в тюрьме за ограбление сберкассы. И только благодаря новым переменам после смерти Сталина, им удалось избежать,

высшей меры наказания.

Безуспешно попытавшись найти Саидакмала, Хазраткул в начале учебного года вернулся доучиваться в свое училище. С отличием окончив его, он поехал в Ташкент, поступать в педагогический институт имени Низами, и успешно сдав вступительные экзамены, поступил на кафедру истории.

А Саидакмал, тем временем, закончив специализированный детский дом в Намангане, вернулся в Коканд, чтобы найти своего названного брата Хазраткула. Но ни в училище, ни в адресном бюро не знали о месте его нахождения. Потеряв его след, Саидакмал решил устраивать свою жизнь.

Для начала ему были нужны документы, которые из-за отметки «*особый*», ему пришлось ждать более двух лет. Когда, наконец, он их получил и попытался поступить в институт, ему было отказано. Его также нигде не брали на работу, всех отпугивала отметка в деле. Для него единственным путем, чтобы выжить, было только батрачить или идти кому-либо в наемные рабочие. Иного пути у него не было, видно отец его сильно насолил государству. Из-за этого они не могли его простить и всю свою ненависть выносили на бедном сыне. Саидакмал не мог даже жениться и создать семью, потому что никто не хотел отдавать свою дочь за сына врага народа. Друзей у него не было по той же причине. Он в этом суровом мире оказался совершенно один. Уехать куда-либо, где его не знали, также не мог, потому что на счет этого были четкие предписания КГБ. Словом, его жизнь была превращена

в ад, отчего несколько раз в минуты отчаяния пытался покончить своей жизнью. Но какая-то невидимая, неизвестная сила удерживала его от этих опрометчивых поступков.

Так пролетели несколько лет. Хазраткул, тем временем, закончив институт, вернулся в Коканд и стал преподавать в школе-интернате...

ГЛАВА 6. Смерть отца

Через три года, после того, как Саид с братьями возобновили строительство, клиника и санаторий для бывших военнослужащих были готовы. Великолепные корпуса, самое современное на то время оборудование, высококвалифицированные врачи и персонал, и неповторимый уют, царивший в палатах, не мог оставить равнодушными посетителей. Накануне его открытия, дети и самые близкие друзья доктора Штаубе собрались у него дома. И когда все они расселись по своим местам за столом, накрытым в саду, к отцу подошел Саид, и, улыбаясь, ему сказал,

– Папа, нам удалось завершить строительство клиники и санатория имени доктора Карла фон Штаубе, – и крепко его, обняв, протягивая ему что-то. – Папа, примите ключи от них, отныне, Вы глава этих учреждений.

Услышав это, все гости встали со своих мест и стали искренне хлопать ему. Растрогавшись их вниманием и поступком своих сыновей, доктор, прослезившись, сказал,

– Я, я, благодарю Господа за то, что мне довелось дожить до этих дней. Я благодарю вас друзья мои за то, что вы были всегда со мной рядом. И, конечно же, я хотел бы сделать низкий поклон моим сыновьям, Саиду, Арнольду, Герхарду и моим дочерям Эльзе, Барбаре и Луизе, за то, что они у меня есть. За то, что они такие добрые, сердечные и с открытой душой люди. Как бы я сейчас хотел бы, чтобы мою радость поделила со мной моя покойная супруга Герда, как бы хотел я, чтобы она увидела мое счастье, увидела своих детей и внуков. Но, увы, жизнь и Господь слишком рано унесли ее от нас, – тут доктору стало плохо, и он, извинившись, попросил сыновей отвести его домой.

После того, как его уложили в кровать, возле него остались Герхард, доктор Хофлинг и Саид. Доктор Штаубе, видя, как сильно переживают они, попросил,

– Герхард, Саид, прошу вас, идите к гостям, со мной рядом побудет мой друг Хайнц.

– Папа, мы никуда не уйдем. Вы только не волнуйтесь, мы немного побудем рядом с Вами, и как только Вам станет лучше, уйдем, – подсев рядом, сказал Саид.

– Нет, нет, сынок, мне уже гораздо лучше и я был бы спокоен, если вы пойдете к гостям.

Тут на плечо Саида положил свою руку Герхард, и когда он обернулся к нему,

– Саид, давай мы сейчас пойдем, а через некоторое время вернемся обратно, – и повел его на улицу.

Закрыв за собой дверь, Саид спросил у Герхарда,

– Что происходит с отцом? Почему он в последнее время чувствует себя плохо?

– Я завтра же положу его в клинику и проведу комплексное обследование. О его результатах тебе сообщу.

– Брат, он у нас один, прошу тебя, поставь его на ноги. Я не врач и в ваших премудростях ничего не соображаю, но знаю, что ты и доктор Хофлинг, одни из лучших врачей Австрии и Германии. Постарайтесь, и сделайте даже невозможное, но папа должен выздороветь.

На следующий день Герхард, обследовав отца, выяснил, что у него было предынфарктное состояние, кроме этого, воспалилась язва желудка, из-за которой он сильно похудел.

Когда он сообщил Саиду о болезнях отца, тот спросил у него,

– Какие твои дальнейшие действия? Курс лечения ты ему уже назначил?

– Да, назначил. Но у нас безвыходное положение.

– Это как безвыходное положение? Объясни мне толком.

– Ему срочно нужна операция, необходимо удалить язву...

– И что тебе мешает это сделать?

– Понимаешь, пока не стабилизируем ему сердце, мы не можем приступить к операции на желудке.

– Брат, ты врач и тебе виднее какое ему назначить лечение. Но прошу тебя, сделай даже невозможное, вылечи от-

ца, – сказав, Саид обнял Герхарда.

Две недели ушло у Герхарда для того, чтобы восстановить сердце отца. И когда ему стало лучше, отец категорически воспротивился операции. Никакие уговоры сыновей и дочерей не возымели влияния на него. И Герхарду оставалось подчиниться ему и назначить безоперационный курс лечения язвы.

Через два года архитектор Фишер, с гордостью доложил Саиду о том, что их замки ждут своих хозяев. Поблагодарив его за труды, Саид предложил господину Фишеру остаться с ними. Когда тот не раздумывая согласился, Саид попросил Арнольда,

– Брат, ты приобрел те дома, о которых я вчера просил тебя?

– Да, купил.

– Вручи ключи от того большого дома господину Фишеру, – и когда Арнольд это сделал. – Господин Фишер, отныне этот дом ваш, и можете им распоряжаться по своему усмотрению.

Радости архитектора не было границ. А как быть иначе, они, расплатившись, причем заплатив еще премиальные, дарят ему еще и дом.

– Господин Саид, господин Арнольд, господин Герхард, спасибо, спасибо вам за вашу доброту и щедрость, спасибо, спасибо. – И неустанно благодарил своих благодетелей.

В тот же день, когда архитектор Фишер покинул их, Саид

попросил Герхарда,

– Ну, что, брат, езжай домой за папой и своей семьей, пора тебя заселять в новый дом.

– А мне что делать? – поинтересовался у Саида Арнольд,

– Тебе, как всегда, организация стола.

– Вот это по мне. Как раз вчера ко мне приезжал господин Лам и привез здоровенного кабана, несколько куропаток, и с дюжину форелей. Я чувствовал, что все так и произойдет, и уже их замариновал.

– Обожаю тебя, брат, – сказав, Саид обнял Арнольда, а затем, – Значит господин Лам в Зальцбурге?

– Да, и сегодня должен прийти к тебе. По-моему, он хочет презентовать тебе что-то другое. Поделимся, хорошо? – улыбаясь, сказал Арнольд.

– Конечно брат, о чем разговор, – похлопывая по плечу Арнольда, сказал Саид.

Отец, а следом за ним прибывшие гости были в восторге от замка. Действительно, оба замка были построены в таком стиле, что их невозможно было отличить от старинных замков. Невероятные по своему стилю башни, великолепные просторные, словно царские, палаты. Высокие потолки и огромные массивные двери, вместе с фреской, нанесенной на стенах, подчеркивали его изысканность. Прохаживаясь по замку, доктор Штаубе, неустанно протирая слезы, сказал сыновьям.

– Да, сделано со вкусом, молодцы, молодцы родные. Эх,

пожить бы, еще чуток в этих хоромах,

– Папа, это все Ваше и помните, Вы не только должны пожить, а обязаны это сделать, – сказал Саид.

– Да, сынок, да, конечно должен пожить.

Но в начале весны 1958 года ночью Саиду позвонил Герхард. Когда он поднял трубку, на том конце провода услышал дрожащий голос Герхарда. Не успел Саид поздороваться с ним, как Герхард, оборвав его,

– Прости брат. Бери собой Эльзу, и быстро приезжайте в клинику,

– Что случилось? – С тревогой спросил Саид.

– Отцу стало плохо. Он хочет всех нас видеть, – сказав, Герхард бросил трубку.

Через несколько минут Саид с Эльзой были уже в клинике. В коридоре палаты, где лежал отец, их уже ожидали Арнольд, Луиза и Барбара. А доктор Хофлинг с Герхардом были вместе с врачами в палате. Когда они к ним подошли, из палаты вышел Герхард.

– Что с отцом? – Спросил у него Саид.

– Что-то с сердцем. Сейчас возле него кардиологи, они нам должны рассказать причину его болезни.

– Когда его вы привезли?

– Полчаса тому назад.

– Почему тогда ты нас пораньше не вызвал? – Расхаживая вдоль и поперек по коридору, спросил Саид.

– Я тебе позвонил сразу же, как только его привезли в кли-

нику.

– А раньше с ним такое случалось?

– Два года тому назад мы подозревали, но ты же его знаешь, он ни на что не жаловался.

– Герхард, скажи честно, то о чем ты мне говоришь, не опасно?

– Боюсь наоборот, все указывает на то, что у него, скорее всего инфаркт.

– Я в этом ни черта не соображаю, объясни, что это такое?

– Это болезнь сердца, когда человек получает сердечный удар. Ну это как застучал мотор твоей машины.

– Это же плохо. Что вы собираетесь предпринять?

– Пока мы можем только стабилизировать его состояние, а вылечить в данное время медицина бессильна.

– А можно ли было ее избежать?

– Да, если взяться за его лечение на ранних стадиях болезни.

– Тогда, как вы могли допустить такое?

– Саид, я же тебе говорю, он ни на что не жаловался и отказывался проходить обследование.

Через полтора часа из палаты вышли врачи. Когда Герхард поинтересовался у них о состоянии отца, те ему сказали,

– Простите господин Штаубе, наши худшие опасения подтвердились, у вашего отца случился обширный инфаркт. Что это означает вам известно. Мы ему сделали стабилизирующий укол, и провели все необходимые в таких случаях про-

цедуры, но вы, наверное, понимаете, в остальном мы бес-
сильны.

Услышав их, Саид и Арнольд, резко оттолкнув врачей, за-
бежали в палату.

– Папа, – вскрикнув, они оба присели на колени, с двух
сторон кровати.

– А где Герхард, и мои дочери? – еле-еле у них спросил
отец.

– Герхард беседует с врачами, а Эльза, Луиза и Барбара,
здесь, – подзывая их к отцу, сказал Саид.

– О, простите меня, я и не заметил вас, – произнес доктор
Штаубе.

И тут же в палату вошел Герхард,

– Вот и Герхард подошел,

Оглядев своих детей, доктор Штаубе заговорил,

– Дорогие, родные мои. Я самый счастливый отец на этом
свете. Я благодарю Господа за то, что у меня такие замеча-
тельные дети, как вы. Не смотря на то, что у вас были разные
отцы и матери, вы относились друг другу и ко мне так, что
вам родные братья и сестры позавидовали бы.

– Папа, тебе нельзя сейчас говорить, – попытался его оста-
новить Герхард.

– Герхард, тебе известно мое состояние, из-за этого, про-
шу тебя, позволь мне поговорить с вами. Так вот, я знаю, как
сильно вы любили меня, я это чувствовал... Чувствовал ва-
ше... тепло..., вашу доброту и вашу привязанность ко мне...

Вы меня простите, если я немного... прерываюсь... Я никогда не чувствовал себя одиноким, брошенным... Сейчас... я хочу вас благословить... Родные мои, пусть Господь оберегает... вас, защитит от бед и напастей. Я прошу вас, и после... меня остаться по отношению друг другу такими же... Берегите друг друга, цените эту вашу дружбу... и никогда не бросайте друг друга... Самое ценное, и самое благословенное дарованное нам Господом, это... семья, это ваши родные и близкие... Они, это те люди, которые нас...любят, нами дорожат и есть наши родные...

Да поможет...вам Господь... – сказав, доктор Штаубе замолчал.

Герхард быстро попросил братьев покинуть палату. Каждый, поцеловав ему руки, не в силах сдерживать свои слезы, вышли в коридор. Возле отца остались Герхард и Барбара.

Через час с небольшим из палаты, полных слез глазами вышел Герхард и обняв стоявшего возле двери Саида, неистово разрыдался. Тут же в палату забежав остальные, увидели, как Барбара, стоя на коленях у кровати отца плакала. А Герхард сказал Саиду,

– Брат, мы потеряли отца, извини, не уберег я его...

ГЛАВА 7. Невыносимое одиночество

Отшельничество, не по своей воле быть изгоем, постоянное чувство голода, постоянное ощущение холода, не столь-

ко довели над Саидакмалом, сколько его угнетало одиночество. Оно было особенно трудно в непогоду и зимнее время года. В такие дни он словно, как медведь уходил в спячку, забивался в угол своей комнаты и, укутавшись в несколько одеял, только думал, думал и думал. Уснуть из-за холода и голода практически было невозможно. Он ненавидел такие дни. Чтобы не сойти с ума, Саидакмал старался не замыкаться в себе, для этого он разговаривал с самим собой. Только благодаря этому, ему удавалось как-то держаться и выжить в такие суровые дни.

Каждый год с наступлением холодов и после выпадения первого снега, он составлял таблицу, словно календарь, только с обратным отсчетом. Перед тем, как выключить свою керосиновую лампу, он в таблице ставил крестик. Почему он это делал, сам не понимал. Но в тот день, когда осенью выпал первый снег, он отсчитывал до первого марта оставшиеся дни, и получившуюся цифру вписывал на первую клетку в своей таблице. А год и датой того дня, озаглавливал ее. Вот на этот раз были вписаны следующие цифры, – 1967 год, до весны осталось 149 дней.

Это год для него был слишком суровым. Впервые в Коканде выпало очень много снега. Хотя день был коротким, а ночи длинными, но для него казалось, словно время остановилось. Саидакмал последние дни почти не спал. Он к темноте так привык, что мог как кошки свободно ориентироваться и видеть. И вот, вечером последнего дня, вписывая в своей

таблице цифру один, а дальше записывая, весна, он выйдя во двор, произнес, завтра первое марта.

На следующий день, договорился с одним человеком на счет строительства ему времянки и сарая. С настроением взявшись за работу, Саидакмал не заметил, как быстро пролетело время. И вот, однажды пожилая мать его работодателя, набрав в миску созревшие плоды тутовника, принесла ему, и, подозвав к себе Саидакмала, она сказала,

– Слава Аллаху за то, что мы дожили до этих дней. Теперь нам голод не грозит, – и подавая ему миску с тутовником и лепешкой, – поешь сынок тутовника с этой лепешкой. – Когда Саидакмал взял миску, она продолжила,

– Самое страшное для человека, это голод. Это чувство очень трудно преодолеть. Кто не испытывал чувство голода, этого не поймет. В детстве, когда становилось невыносимо тяжело, нас мой покойный отец успокаивал. – Потерпите еще чуть-чуть, осталось немного. Скоро созреет тутовник, за ним вишня, черешня, абрикос. – Когда мы были маленькие, не понимали его слов, не придавали им значения, но с годами, когда сама повзрослела, стала понимать его. Сынок, самое главное в этой жизни, если голод одолевает тебя, надо дотерпеть до тех дней, когда начнут созревать плоды деревьев, когда нас станет одаривать наша земля, матушка природа. Как только начнут плоды созревать, Аллах не позволит нам голодать.

Вот почему Саидакмал с нетерпением ждал весну, ждал те

дни, когда созреют плоды тутовника. Каждый год, как только созревали плоды деревьев, он заготавливал сухофрукты, и благодаря им ему удавалось выживать.

В конце апреля того года ему впервые за несколько месяцев удалось хорошенько выспаться. Он долго спал и ему снились прекрасные сны. А когда утром проснулся, был как никогда бодр и жизнерадостен. Позавтракав и приведя в порядок свою ветхую одежду и себя, пошел искать очередную работу.

До четырех часов того дня ему не удалось найти хотя бы незначительную работу. Понимая, что день прошёл впустую, направился в городской парк. Усевшись в сторонке на одинокой скамейке, молча наблюдал на проходивших мимо него людей. Оглядываясь по сторонам, Саидакмал заметил девушку, смотревшую в его сторону. Она, поймав на себе его пронзительный взгляд, тут же отвернулась. Саидакмал, понимая, что поставил девушку в неловкое положение, тоже отвел свой взгляд от нее. Но какая-то невидимая сила заставляла его повернуться в ее сторону и он, сделав над собой усилие, вновь взглянул на нее. А девушка глядела на него и незаметно улыбалась. От ее взгляда, ему стало как-то невероятно легко, словно хотел взлететь. Вновь опустив свои глаза, Саидакмал стал настраивать себя на решительные действия и непременно познакомиться с этой незнакомкой. Сделав глубокий вздох, и, выдохнув воздух из груди, резко встал с места и взглянул туда, где сидела незнакомка.

Но ее там не оказалось. Быстро подбежав к скамейке, стал осматриваться по сторонам. Пробежал по тем дорожкам, которые проходили мимо той скамейки. Но к его сожалению в толпе проходивших людей ее не нашел.

Просидев в парке допоздна в надежде вновь увидеть ее, направился домой. По дороге он только о ней и думал и никак не мог забыть ее образ. Всю ночь, до самого утра, ворочаясь в кровати с боку на бок, думал о ней. Винил себя за свою нерешительность, за то, что не подошел и не познакомился с ней. Ему казалось, что он ее знает и где-то видел, возможно, даже разговаривал с ней. Но, как бы не пытался вспомнить, у него ничего не получалось. Не получалось, потому что в последний раз в своей жизни с девушками он общался лет десять тому назад в детском доме.

Утром, быстренько умывшись и приведя себя в порядок, после завтрака, пошел искать работу. На этот раз ему удалось найти работу в одной зажиточной семье. Из-за того, что зима была снежной, у них обвалилась крыша сарая. Договорившись о цене и получив аванс, Саидакмал поспешил в парк, так как время было то, когда вчера видел девушку.

Когда подходил к тому месту, заметил ее. Она сидела на той же скамейке. Увидев приближающегося к ней Саидакмала, девушка немного смутилась, улыбнувшись, отвела свой взгляд. Заметив это, хотя раньше и не решался подходить к незнакомым девушкам, на этот раз, набрался смелости, подойдя к ней, спросил у нее.

– Простите, пожалуйста, я могу присесть вот сюда? – и показал на свободное место рядом с ней.

Не глядя на него, она ответила,

– Да, конечно, оно свободно,

– Извините, пожалуйста, вы позволите у вас спросить? – немного смущаясь, обратился к ней Саидакмал,

– Да, о чем вы хотите спросить?

– Вас не Барно зовут?

– Да, Барно, все-таки вспомнили? – улыбнувшись, ответила она.

– Всю ночь думал о вас. Мне казалось, я вас знаю, но никак не мог вспомнить, где я с вами встречался.

– А я, вас, Саидакмал, узнала сразу, как только увидела вчера, сидевшего вон на той скамейке, – и указала на нее.

– Постойте. Да это вы, Барно, я, я... – И немного помолчав, – я искал вас. Несколько раз приезжал в Наманган, пока мне не запретили покидать Коканд. Как вы, чем занимаетесь?

– Я недавно переехала сюда, работаю в швейном ателье.

Не решаясь спросить, Саидакмал, опустив свою голову,

– А семья, дети есть?

– После детского дома, через пять лет вышла замуж. Но, к сожалению, у меня семейной жизни не получилось, разошлись через два года. Детьми пока не обзавелась. А, как у вас дела? Как сложилась ваша жизнь? А сами-то, хоть обзавелись семьей?

– Нет, не получилось.

– Почему, вы ведь видный парень?

– Видно не судьба. Не повезло мне.

– А где работаете?

– И с работой, не повезло. Никуда не берут.

– Как это не берут? А на что живете?

– Подрабатываю, нанимаясь к кому-нибудь. Наверно мой отец сильно обидел эту власть, и всю свою ненависть к нему выплескивают на мне.

– А где живете?

– В Хайдарабаде. Там у меня небольшой домик, оставшийся от родителей. А вы где живете?

– Пока в общежитии. Надеюсь, когда-нибудь у меня будет собственный дом. Саидакмал, простите, мне пора, я ведь и на дом беру работу. Сейчас ко мне в комнату должны прийти клиенты, – сказав, она встала с места.

– Барно, а можно я вас провожу до общежития?

– Если никуда не спешите, я буду только рада, – ответила она.

Проводив ее и договорившись о встрече на следующий день, поспешил на работу. Две недели, каждый день, после работы он провожал и встречал ее. И вот, в один прекрасный день, Саидакмал решил ей сделать предложение,

– Барно, я всегда любил вас. И когда мы были в детском доме и после. Теперь, после стольких лет разлуки, я не хочу вас потерять. Выходите замуж за меня. Я знаю, мне нечего

предложить вам, кроме своей любви и своего сердца. Барно, знайте, в том, что я нищий не моя вина, а судьба так распорядилась. Вы согласны стать моей женой?

Он и ей был не безразличен, и в Коканд она приехала в поисках его. Вот почему она пять лет не выходила замуж и ждала его.

– А то, что я была замужем? – Смущаясь и опуская свои глаза, она спросила его.

– Я знаю одно, что очень сильно люблю вас. Прошрое меня не интересует, и я никогда не попрекну вас этим. В этом вы можете быть абсолютно уверенной.

– Я согласна, – ответила она.

На следующий день они подали заявление в загс. Барно перебралась к нему в Хайдарабад. И это были самые счастливые дни в жизни Саидакмала.

Первые десять дней Саидакмала пролетели как на одном дыхании. Дома его ждала любимая жена, с работой так же ему повезло, хозяин дома Абдурашид ака был прекрасным человеком. Да и его жена Инобатхон, после каждого рабочего дня не отпускала его с пустыми руками. Каждый день собирала ему сумку с продуктами.

Когда Саидакмал закончил работу и показал ее хозяину, тот был очень доволен им. Абдурашид ака, рассчитавшись с ним за кровлю сарая, доплатив ему еще и премиальные, спросил у него.

– Акмал, ты еще где-нибудь договорился по поводу рабо-

ты?

– Пока еще нет, а что? Если я вам нужен, могу остаться у вас.

– На той неделе, в субботу, у меня соберутся мои друзья, – и поведя Саидакмала в сторону сада. – Я хотел бы им накрыть стол здесь. Как ты на это смотришь?

– Было бы замечательно посидеть здесь, под этими вашими яблонями.

– Вот, я о том же. Но для этого надо перенести топчаны сюда, проложить к ним дорожку из камней. А вон туда, на площадку возле ореха, поставить казаны и, конечно, накрыть их навесом. Возьмёшься за это?

– Да, конечно!

– Я с работы тебе на помощь пришлю двоих моих работников. Чуть не забыл, фонтан надо обложить плитняком.

– Хорошо!

– Когда можешь приступить к работе?

– Если позволите Абдурашид ака, завтра с утра.

– Хорошо, договорились. Об оплате не беспокойся, не обижу.

– Я знаю, – сказав, Саидакмал поспешил домой.

По дороге сходил на базар, закупил много продуктов, а жене купил теплый шерстяной свитер. И пока она вернулась с работы, сам приготовил праздничный ужин.

Утром следующего дня, как и обещал хозяину, приступил к работе. С первыми лучами солнца Саидакмал и двое его

работников принялись за работу и до самой поздней ночи, прерываясь только на время приема пищи, не останавливали ее ни на минуту.

Все работы были завершены за полтора дня до намеченного срока. Саидакмал успел даже сделать навесы над топчанами. Чем удивил и обрадовал хозяина. От души заплатив ему за труды, Абдурашид ака спросил его,

– Акмал, послезавтра ты свободен?

– Да!

– Может быть, придешь и поможешь мне с гостями?

– С большим удовольствием!

Тут к ним подошла супруга хозяина и подала мужу две большие сумки,

– Акмал, вот эти вещи стали малы для меня. Может быть, возьмешь их себе, – и протянул ему.

И тут в разговор вмешалась Инобат апа,

– Я сюда положила вещи и для вашей супруги. Они совершенно новые, надеюсь, ей подойдут.

– Спасибо Инобат апа, – поблагодарив ее, он взял сумки.

Барно на работе ему подогнала пиджак и брюки. Утром следующего дня, Саидакмал, надев их, пошел к Абдурашид ака домой. Увидев его и поприветствовав, тот сказал,

– Значит, костюм подошел тебе, – и, похлопав его по плечу, увидел на его ногах старые туфли. – Погоди, я сейчас приду, – сказав он ушел. Через пару минут вернувшись, и протянул ему новые туфли с носками, сказал, – а ну-ка примерь

их.

Туфли были ему впору, и видя, как подошли к костюму Саидакмала, Абдурашид ака, довольный, сказал,

– Вот теперь совершенно другое дело,

– Спасибо вам за все, – сказав, Саидакмал поблагодарил его.

К шести часам гости стали собираться. К тому времени для их приема все было готово. Когда они стали подходить, Саидакмал поприветствовав их, каждого сопровождал до места, где был накрыт стол. Подойдя к очередному гостю и протягивая ему руку, чтобы поздороваться с ним, Саидакмал вскрикнул от неожиданности,

– Хазраткул ака, – и бросился к нему на плечи.

Хазраткул узнав его и крепко обняв,

– Братишка, ты жив? – несколько раз его крепко поцеловал.

Увидев это, к ним подошел Абдурашид ака,

– Хазраткул, дружище, а ты его откуда знаешь? – удивленно спросил его.

– Это длинная история, мы с ним вместе росли в дет-приемнике. Он был для меня, как родной братишка.

– Понятно. Акмал, проводи его к гостям, – сказав, сам пошел встречать других гостей.

По дороге в сад, Хазраткул спросил у Саидакмала,

– Ты что, у Абдурашида работаешь?

– Не совсем работаю, он меня попросил помочь с прие-

мом гостей. А так, я подрабатываю где попадетсЯ. Последние двадцать дней я работал у вашего друга. Мне надо идти, после мероприятия поговорим, вы не против?

– Да, конечно, иди, потом мы обязательно поговорим, – сказав, Хазраткул присоединился к гостям.

Допоздна гуляли гости Абдурашида, те редкие свободные минуты, которые Саидакмалу удавалось выкроить, он старался провести с Хазраткулом. А когда гости разошлись, Хазраткул задержался и Саидакмал ему обо всем рассказал.

– Сейчас где живешь? – Спросил у него Хазраткул.

– В Хайдарабаде.

– Один?

– Нет, недавно женился.

– Поздравляю. Теперь не переживай братишка, я тебя не брошу. У тебя все будет хорошо, – крепко его, обняв, сказал Хазраткул.

Когда стало порядком поздно, Саидакмал, извинился, и сказав, что дома жена одна, условился завтра встретиться и ушел домой.

Абдурашид уговорил друга остаться у него на ночь. Когда его жена им постелила на топчане, он заговорил,

– Хазраткул, дружище. Я тебя знаю уже давно. Тебе немало пришлось натерпеться в своей жизни. И, как я понял, тебе хорошенько досталось из-за Акмала.

– К чему ты клонишь? – Недовольно спросил у друга Хазраткул.

– Друг мой, не тебе ли лучше знать этих комитетчиков.

– Да, ну и что?

– А, то, что за Акмала никто тебя по головке не погладит.

Ты из-за него можешь все потерять.

– Пускай, и не твое это дело, – вспыхив, Хазраткул, вскочил с постели.

– Нет, мой друг, так нельзя. Тогда ты был один. Возможно, молодость твоя и горячность тогда над тобой возобладали, возобладали над твоим разумом. Но теперь не те времена, ты не имеешь права так поступать, и не принадлежишь самому себе. У тебя есть семья, дети и через них не можешь перепрыгнуть.

– А что ты мне предлагаешь? Бросить его на произвол судьбы? Отдать на съедение этим комитетчикам?

– Оставь все как есть, но помогай со стороны. Не стоит всем афишировать, что он твой названный брат.

Тут Хазраткул не на шутку разозлился и быстро одеваясь, крикнул,

– Ты что Абдурашид? Как оставить все по-прежнему? Я, я считал тебя самым близким другом, – в сердцах произнес Хазраткул. И тут друг, встав с места и резко одернув его за рукав,

– Да Хазраткул, вот именно, я и есть твой близкий друг. Если бы не был таковым, поверь, наплевал бы на твои проблемы. Неужели тебе не ясно, друзья хоть и говорят горькую правду, но они говорят правду в лицо. Они не льстят

тебе, как враги, улыбаясь и произнося сладкую ложь. Запомни, как бы не была горька правда, она справедлива и как не странно, она оберегает тебя. Враги ложь преподносят как правду, чтобы тебе насолить.

– Я не могу его бросить, – немного успокоившись, произнес Хазраткул.

– А кто тебе говорит, чтобы ты его бросил? Ради всех святых, как можешь, помогай ему. Но поверь, мой друг, не стоит это афишировать, не надо, чтобы об этом знали другие. Этим самым ты ни ему, ни себе не сделаешь лучше.

Немного подумав, Хазраткул сказал другу,

– Возможно, ты прав Абдурашид. Прежде чем как-то поступать, мне стоит обо всем хорошенько подумать.

– Вот теперь я вижу перед собой прежнего Хазраткула, которого я знаю, – улыбаясь, произнес Абдурашид, а потом добавил. – Давай спать, завтра у нас целый день впереди. Что-нибудь да придумаем для твоего Саидакмала.

– Ты прав, спокойной ночи, – ему пожелал Хазраткул.

На следующее утро Саидакмал пришел к Абдурашиду акадомой. Друзья проснулись перед самым его приходом и, умывшись, собирались завтракать. Увидев его, они пригласили Саидакмала к столу.

За завтраком Хазраткул объяснил, где он может его найти.

– Саидакмал, если я тебе предложу работу дворника у меня в интернате, не откажешься.

– Я буду только рад этому. Тем более, у меня никогда не

было постоянной работы. А тут и работа, и вы рядом. О другом я и мечтать не мог.

– Тогда завтра тебя жду в интернате.

Тут в разговор вмешался Абдурашид,

– Акмал, у меня есть к тебе одна просьба.

– Да, я вас слушаю, Абдурашид ака.

Понимая, о чем пойдет речь, Хазраткул попытался остановить его,

– Абдурашид, позволь мне на этот счет поговорить самому.

– Нет Хазраткул, на этот раз оставь это сделать мне. Ты все-таки ему, как брат, значит, всю серьезность ситуации не сможешь ему объяснить.

– О чем вы? – Взволнованно, спросил Саидакмал.

– Акмал, ты знаешь о пристальном внимании к тебе со стороны КГБ?

– Да, но причем здесь они? Какое отношение имеет КГБ к нашему разговору?

– Прямое. Хазраткул директор самой большой Школы интернат в Ферганской долине. Он Член КПСС, депутат областного собрания. Постарайся при посторонних держаться от него подальше. Веди себя при посторонних как сотрудник интерната. Не стоит им знать о том, что Хазраткул любит тебя как родного брата. И тем более им незачем знать о том, что вы вместе росли в дет-приемнике.

– Я вас понял Абдурашид ака, – а затем обращаясь к Хаз-

раткулу. – Хазраткул ака, не стоит мне устраиваться к вам на работу. Абдурашид ака прав, этим самым вы можете навредить себе.

– Глупости все это, я их не боюсь, – возразил Хазраткул. – А дворник на самом деле мне нужен. Тем более такой как ты, мастер на все руки.

– Но если мое присутствие может как-то навредить вам, я не могу принять ваше предложение.

– Вот для этого я и предлагаю тебе, при посторонних Хазраткул твой директор. И о ваших взаимоотношениях в интернате другим не зачем знать, – сказал Абдурашид.

– А КГБ не будет копать? Если они узнают о том, что мы с Хазраткул акой вместе росли в дет-приемнике? И тем более, ему пришлось отсидеть за меня?

– Если ты будешь держаться от него подальше, судьбой дворника никто интересоваться не будет.

– Абдурашид, я хотел бы ему вместе с женой, выделить комнату в интернате.

– Ты опять за свое? Никакого жилья, – потом немного подумав, – у меня есть дом. Я его приобрел для сына. Там никто не живет, да и не знают, что он мой. Пусть Акмал там поживет. А пока мой сын вырастет, мы и для него что-нибудь придумаем, – предложил Абдурашид.

– Друг, я по гроб тебе обязан, – сказав, Хазраткул его обнял.

Так и решив, они расстались. Саидакмал в тот же день пе-

реехал в Коканд, в дом, предложенный Абдурашидом. И уже со следующего дня приступил к работе в интернате Хазраткула...

ГЛАВА 8. Самопожертвование ради жизни

С появлением Барно в судьбе Саидакмала, его жизнь круто изменилась. Все его беды, нищета, унижения, голод остались позади. У него появилась стабильная работа, теплый дом, нашелся потерянный брат и самое главное, он был любим и сам любил, и его дома всегда ждали. Для полного счастья, чтобы мог в полную грудь вздохнуть от радости, не хватало одного, ребенка, детского крика и его смеха. Саидакмал не вправе был просить и тем более требовать свою жену родить, но иногда рассказывая ей о проделках детей в интернате, как бы невзначай говорил ей,

– Вот когда у меня будут дети, я сделаю так, я сделаю эдак, – не осознавая, наносил ей боль.

По заключению врачей, Барно категорически запрещалось иметь детей. Беременность могла ее погубить. Зная это, она не решалась признаться мужу, боясь того, как ушел от нее первый муж.

Не зная об этом, Саидакмал с таким воодушевлением рассказывал ей, как он будет любить своих будущих детей, как он не даст их в обиду, будет оберегать их. Не понимая того, что своими мечтами, невольно толкает ее на самопожертво-

вание. Барно прекрасно понимала о том, что если она расскажет ему о своей болезни, рухнут все его мечты. Она знала, что узнав о ее проблемах со здоровьем, непременно, он ей запретит рожать. Но видя, как муж мечтает о детях, на свой страх и риск решила родить ему ребенка.

Услышав о том, что скоро будет отцом, Саидакмал был на седьмом небе от счастья. Стал оберегать свою жену. Но, как ее предупреждали врачи, беременность протекала очень сложно. Она практически не спала, ее преследовали жуткие боли в паху. Не могла ни есть, ни пить, так как из-за токсикоза все лезло обратно. К концу беременности так исхудала, что не могла самостоятельно передвигаться. Видя ее страдания, Саидакмал рассказал об этом Хазраткулу и тот немедленно отправил к ним врачей. Обследовав ее и придя в ужас от увиденного, врачи сделали не утешительное заключение,

– К сожалению, здесь мы бессильны. Неужели вы не знали о том, что вашей жене категорически запрещалось рожать детей. История медицины не знает о том, что после такого диагноза женщины выживали.

Услышав их вердикт, Саидакмала охватил ужас при мысли, что он может потерять свою жену. Встав на колени перед врачами, неистово рыдая, взмолился, прося о помощи. Но те были бессильны что-либо изменить.

– Увы, мы ничем не можем вам помочь, – категорично отвечали они. – Самое ужасное в этом то, что ваша жена знала о своей болезни, но, не смотря на это, пошла на риск.

– Как знала? – Вскрикнул Саидакмал,

– К сожалению, она об этом знала, но желание подарить вам ребенка пересилило осознание смерти. И пожертвовала собой ради вас. Увы, это горькая, правда.

Он, тут же подбежав к Барно, встал на колени у кровати, и в захлеб рыдая, взмолился,

– Зачем, зачем, ты так поступила?

А она, тихо положив свою руку на его голову и глядя его,

– Не плачь любимый, не плачь. Я должна была родить тебе наследника. Я знала, как ты любишь детей, как ты мечтаешь о них, и не сдержалась.

– Почему, почему ты мне не рассказала о своей болезни?

– Я боялась, что ты меня бросишь, боялась, что ты мне запретишь иметь детей.

– Мне не нужны дети без тебя, – со слезами на глазах, сказал Саидакмал.

– Не говори так любимый. Теперь уже поздно. Береги его и себя. Помни свою Барно... И если можешь, прости, – сказав, закрыла свои глаза и отвернулась.

Саидакмал, осторожно взяв своими ладонями за ее лицо, рыдая, повернул ее обратно,

– За, что? За, что...

– За то, что я тебя оставляю одного с младенцем на руках. За то, что не смогла сполна сделать твою жизнь счастливой. За то, что не пришлось прожить так, как ты хотел, вместе, долгую и счастливую жизнь.

– Не говори так родная, не говори. Аллах не может быть так жесток и несправедлив. Не может...

– Не вини Всевышнего, это грех. С одной смертью жизнь не заканчивается. Я буду жить в теле нашего ребенка и в твоём сердце. Ты береги его и дай ему то тепло и ту любовь, которую не успел дать мне.

Тут начались схватки, и врачи попросили Саидакмала выйти из комнаты. Боли Барно были ужасные. Хотя она и пыталась их терпеть, чтобы не страдал Саидакмал, но иногда и она не могла выдерживать эти муки, и неистово кричала. Когда ребенок появился, у нее открылось сильное кровотечение, которое врачи не могли остановить. Успев отрезать пуповину, и как только все услышали крик ребенка, в комнате воцарилась тишина. Саидакмал быстро вбежал в комнату, было уже все кончено. Медсестра, укутав его ребенка в простыню, в слезах прижимала к своей груди. А Барно, с открытыми глазами глядя куда-то вдаль, лежала бездыханно. Врач, подойдя к ней, опустила ее веки.

– Воистину, она до последнего держалась, пока родится ребенок. И только успев родить и услышав его голос, издала последний издох.

На следующий день, похоронив жену, Саидакмал с помощью Хазраткула свою дочку устроил в дом малютки при интернате. По просьбе жены, если родится дочь, назвал ее Мехрибану, а фамилию ей дали Ходжаева, так как Саидакмал не хотел, чтобы она страдала, как он.

Когда возраст Мехрибану позволил определить ее в интернат, Хазраткул тут же ее туда зачислил. Шли годы, Мехрибану росла, а Саидакмал всегда был рядом с ней. Но никто кроме названного брата Хазраткула не знал, что она его дочь. Саидакмал души не чаял в ней, все, что ему удавалось заработать для нее, передавал Хазраткулу. Мехрибану тоже любила Саидакмала. Часто ему говорила о том, что если бы был у нее отец, очень хотела бы, чтобы он был похож на него. Самые трудные дни для Мехрибану были родительские дни, когда большинство детей уходило на встречу с ними, а она, спрятавшись за китайской розой, в слезах наблюдала за ними в окно.

В такие минуты, словно чувствуя где она, Саидакмал с подарком подходил к ней. Увидев его, она с радостным криком, – Дядя Саидакмал, дядя Саидакмал, – подбежав, и крепко его обняла, и целуя его в щеки, говорила, – Как бы я хотела, чтобы вы были моим папой.

Но однажды, в такой же родительский день, когда Мехрибану перешла в шестой класс, Саидакмал не пришел к ней. Подумав о том, что такое не может быть и, испугавшись за него, сама пошла к нему. После смерти жены, Саидакмал, по просьбе Хазраткула перебрался в комнату, которую он ему выделил. И вот, когда Мехрибану вошла к нему, он еще лежал в постели. Она, подбежала к нему, и крепко его обняв, – Я ждала вас, ждала. А вы еще не шли, не шли. Испугавшись, вот сама пришла к вам, дядя Саидакмал, – улыбаясь,

сказала.

Еле-еле сдерживая себя, Саидакмал сел на кровать.

– Сейчас дочка, я немного приду в себя, сейчас,

– Вы, что, заболели?

– Нет, нет, все в порядке. Я немного устал, – пытался ее утешить Саидакмал. И тут же ей протягивая какой-то сверток, – я вот, доченька, кое-что купил для тебя. Когда пойдешь обратно, возьми с собой.

– А, что там? – По-детски сгорая от любопытства, развернула сверток. И увидела аккуратно сложенное платье, – это мне? – Радостно спросила у него.

– Да, Бану, тебе родная, тебе. Я сейчас, – сказав, он, отвернувшись, потянулся за своими штанами. И не заметил, как Мехрибану, скинула с себя надетое на ней платье, чтобы примерить новое.

В это время, дверь комнаты Саидакмала открылась и к ним вошла завуч по воспитательной части Хусаинова. От увиденного в ужасе заорала. На кровати в трусах полуголый сидел дворник, а рядом, так же без платья, сидела воспитанница Ходжаева. На ее крики сбежались рядом находившиеся родители детей и воспитатели. Увидев ту же картину, что и она, не разобравшись, влетели в комнату стали жестоко, избивать Саидакмала. А Хусаинова побежала вызывать милицию.

Когда милиция приехала, Саидакмал лежал на полу без сознания. Выслушав воспитателей и родителей детей, соста-

вили протокол, и взяв у всех очевидцев объяснительные, они забрали Саидакмала в отделение.

Все попытки Хазраткула освободить своего подчиненного, были тщетны. Никакие его доводы не могли противостоять доводам очевидцев. А правду ему запретил говорить Саидакмал.

– Почему ты мне позволяешь рассказать им правду, – возмутился он вовремя свидания с ним.

– Хазраткул ака, поймите. Я не хочу, чтобы и она отвечала за своего деда. Не хочу обрекать ее жизнь мукам, которые пришлось мне претерпеть. Прошу вас, поймите меня.

– Но тогда тебя посадят. И по этой статье за решеткой тебя не погладят по головке. Тебе ли это не знать? – В сердцах сказал Хазраткул.

– Возможно и так. Мою судьбу уже не изменить и не подправить. За то, моя дочь, надеюсь, будет счастливой. Хазраткул ака, там, в комнате, в шкапулке под кроватью находятся мои сбережения. Прошу вас, заклинаю, используйте их и дайте достойное образование моей дочери. Пообещайте мне это.

Понимая бессмысленность убеждений, Хазраткул дал ему обещание в том, чтобы не случилось, он Мехрибану поможет поступить в самый лучший ВУЗ, какой есть в стране.

– Спасибо вам Хазраткул ака. За меня не беспокойтесь, я верю, справедливость рано или поздно должна восторжествовать. Пусть она не поможет мне, но хотя бы моя дочь

будет счастливой, как мечтала ее мать.

Когда Хазраткул покинул его, вспомнил о том, что его друзья Гафур и Салим, так же отбывали свои сроки в Андижанской тюрьме, куда после суда должны были этапировать и Саидакмала.

Он немедленно поехал туда и, добившись с ними свидания, объяснил сложившуюся ситуацию.

– Братья, всю правду я вам не могу рассказать, не имею права на это. Но вы знаете Акмала, знаете о том, что он мне как брат. И знаете, что Акмал не подлец, и никогда не смог бы обидеть ребенка.

– Хазраткул, брат, пойми и ты нас. Его статья, по которой он осужден, слишком плохая. Здесь не может быть и речи о защите. Если мы зайкнемся за него, с нами никто не будет церемониться. Сто восьмая, это значит крест на всю жизнь. И ты знаешь, мы с Гафуром коронованные воры, и по статусу мы не имеем права за него впрягаться, это западлю для вора в законе.

– Я знаю. Салим. Это ужасная статья. Но Акмал то, что ему инкриминируют, не совершал, вы можете мне поверить в этом. Если попав к вам, он сам не расскажет, тогда на следующем свидании я вам обо всем расскажу.

– Брат, мы можем неделю, максимум десять дней, пока пройдет карантин, сдерживать толпу. Так, что не опаздывай, если хочешь его спасти.

Пообещав не задерживаться, Хазраткул уехал обратно.

Суд был суров по отношению к Саидакмалу. Благодаря КГБ, ему назначили максимально возможный по этой статье срок, восемь лет.

Когда Саидакмал попал на зону, зеки требовали немедленного наказания извращенца детей. Гафур и Салим, как могли сдерживали толпу. Но когда, обещанные ими десять дней истекли, в последний раз пригласили Саидакмала на разговор.

– Акмал, Хазраткул, да и я с Салимом, выходит зря тогда в интернате рисковали за тебя? Хазраткул, три года лес валил в Сибири, тоже за тебя. Что молчишь, выходит зря валил? А мы из-за тебя отправили на тот свет тех двоих, что тоже зря? Ты молчишь. Знаешь, за то, что мы по просьбе Хазраткула удерживали толпу от самосуда над тобой, должны ответить перед сходкой. И если у нас с Салимом не будет веских причин, поверь, они нас не пощадят. Ты можешь не защищать себя, можешь хоть в петлю лезть, но почему мы должны отвечать за тебя? Говори, подлец, за что мы должны отвечать? – В ярости крикнул на него Гафур.

– Гафур ака, Салим ака, я не вправе рисковать вашими жизнями. Но, прошу вас, поймите, если я расскажу вам правду, то на всю жизнь сделаю человека несчастным. Ради которого я готов отдать свою жизнь.

– Салим ты слышал, этот негодяй, ради кого-то готов умереть, а мы здесь не в счет, ни черта себе.

– Нет, Гафур ака, вы меня не поняли, я это сказал ни в

этом смысле. Просто если я вам расскажу, человек может погибнуть.

– Что не доверяешь нам? – Спросил, до селе сидевший молча Салим.

– Нет, я полностью вам доверяю, но те, кто услышат от вас, могут это вынести за пределы тюрьмы, и тогда...

– Тогда, значит пусть и Гафур и Салим погибают за твоего родного человека, так, что ли? – Замахнувшись, ударил его Гафур.

Немного помолчав, Саидакмал сказал,

– Простите меня за то, что я так долго хранил от вас правду. Я не знал, я не понимал что за меня могли погибнуть вы. Еще раз простите. Девочка, из-за которой меня осудили, это моя родная дочь Мехрибану.

– Что? Какая дочь? Ты, что успел жениться?

– Да, я был женат. Но моя жена Барно умерла во время родов, оставив нас с Бану одних. А вам не говорил, потому что не хотел, чтобы моя дочь страдала, как я. Не хотел, чтобы то клеймо «сын врага народа» довлело над ней. Вот почему я запретил Хазраткул ака рассказывать вам.

– Тогда, как получилось, что тебя с ней застукали в твоей постели в одних трусах?

– В тот день был родительский день, и я купил для нее подарки, в том числе и платье. Но ночью мне стало плохо, и поднялась температура. Утром, когда я попытался встать с кровати, не было сил. Когда вошла Мехрибану, я лежал с вы-

сокой температурой. Отдав ей подарки, я отвернулся, чтобы взять свои штаны, и не заметил, как она, скинув свое старое платье, хотела надеть новое, подаренное мной. Как раз в это время вошла завуч и увидела нас. Я даже не успел сказать им что-нибудь, как те забежали в комнату меня побили. А в лазарете следственного изолятора я понял, если им расскажу правду, на будущем моей дочери будет поставлен крест. Вот почему я молчал. У меня кроме нее, кроме Хазраткул ака и вас, никого нет. Теперь вы знаете правду и решать вам как поступить. Но все вы должны сделать так, чтобы ни вам и ни моей дочери не должно ничего угрожать. Если ради этого понадобится моя жизнь, возьмите. Но не губите свои.

Узнав всю правду, поняли его. На следующий день на сходке старших, Салим, рассказал всю правду, как есть. По решению старшин, Саидакмалу в дальнейшем ничего не угрожало. Так же вынос этой правды о дочери его за пределы зоны. Тому, кто это сделал бы, грозила смерть.

Так Саидакмал, несправедливо осужденный за свою дочь, благодаря воле Всевышнего, остался жив и отбывал свой срок, не беспокоясь за судьбу своей дочери.

Узнав об этом, Хазраткул поблагодарил своих друзей Гафура и Салима.

А Мехрибану, через пять лет с отличием закончив интернат, поступила в Московский Государственный Университет имени Ломоносова, на кафедру международной журналистики...

Книга 5

ГЛАВА 1. Мехрибану

Однажды, выходя из Вуза, ведя себя вальяжно и вызывающе, не замечая никого вокруг себя, громко смеясь и о чем-то бурно споря с друзьями, Мансур столкнулся с незнакомой девушкой. Та от неожиданного столкновения с ним, упала на землю и, не удержав в руках свои книги и тетради, рассыпала их.

Друг Мансура, Геворг из Армении пытался было крикнуть,

– Эй, раскрой свои глаза...

Мансур, приседая на корточки, направил в его сторону правую руку, и указательным пальцем двигая в стороны, ему, как бы говорил, – замолчи, не надо.

Когда приподнимая незнакомку, увидел, как она прекрасна, он обомлел. Не отрывая своих глаз от нее, собрал с земли ее книги и тетради, и протягивая ей, Мансур, улыбаясь, спросил,

– Откуда же появилась эта прекрасная незнакомка из благородных кровей? Принцесса, с какой же планеты вы к нам прилетели? Раньше мы вас не встречали.

– Возможно, я из благородных кровей, и может быть принцесса, – хватая с его рук свои книги, с иронией произнесла. – Но поверьте, сударь, я не думаю, что себя уважа-

ющий король не позволит себе такой вальяжности и не достойного поведения, как вы. Запомните юноша, благородная кровь, какой вы считаете свою, не становится таковой только из-за того, что вы одеты богато и со вкусом. Благородство человека находится в его душе, и как оно проявляется в обществе, так оно и воспитывает его. – Дерзко и нагло ответила ему Мехрибану, и, одернув его руку, которой он держал ее книги. – Простите меня, я опаздываю на лекцию, и мне некогда здесь с вами лясы точить, – побежала прочь.

От изумления и от неожиданности Мансур и его спутники остолбенели, и, обернувшись к друзьям, как бы получил заслуженную пощёчину,

– Нет, вы видели, вы видели, какая она? Как же она поставила мне мат в два хода, – и тут же в ужасе схватился за голову. – Черт, я даже не спросил, как ее зовут. С какой группы, с какого факультета, – и обернувшись лицом к университету, глядя на огромное здание МГУ, добавил. – О Аллах, здесь учатся тридцать пять тысяч студентов, как же я ее среди них здесь найду?

Незнакомка, или, как Мансур ее окрестил, принцесса весь день не выходила из его головы. Ночью, он какие бы не делал усилия над собой, но заснуть не мог. Закрыв глаза, только и видел ее образ, ее пронзительные глаза, и потрясающий звучный и в тоже время нежный голос. Уже под утро, решив для себя во чтобы то ни стало ее найти, с трудом, но все же уснул.

К началу занятий второй смены, Мансур догадывался о том, что незнакомка юна, значит она первокурсница. Скорее всего, с кафедры журналистики, наверное, международник, так как в этом корпусе во вторую смену учились именно они. Значит, следует искать ее среди них

Взяв с собой одну длинную, красивую, бордово-красную розу, одевшись поскромней, встал у главного входа университета, направив свой взор к идущим первокурсникам.

Так, каждый день, меняя розу на новую, Мансур у входа провел целую неделю. Видя каждый день стоящего с розой в руках у главного входа, друзья и однокурсники окрестили его часовым МГУ. Из-за этого, он после очередного неудачного простоя, как и всегда, не замечая острые шипы розы, сломав ее, бросал в урну.

Вот и на этот раз, не дождавшись ее, взглянул на часы и за два часа раньше обычного решил уйти и больше не возвращаться сюда. Подойдя к мусорной урне, хотел было разломать принесенную с собой розу, но в последний момент решил ее вручить первой встречной девушке. Но вокруг, кроме трех девушек, стоящих возле аллеи и о чем-то оживленно беседующих, других девушек не было. Подойдя к ним и неловко обратившись, Мансур вручил свою розу первой, которая обернулась. Отдав ей розу, со словами, – это вам, – только хотел уйти отсюда прочь, как его словно ударила молния. Среди тех девушек, прямо напротив него стояла та самая, ради которой каждый день приходил сюда. Она его сра-

зу же узнала, но он от того, что розу подарил не той, опустил свои глаза. А незнакомка, улыбнувшись, решила немного уколоть его,

– Благородные рыцари, подходя к трем девушкам, никогда бы не стали подносить цветы одной из них.

А ее подружка, увидев какой красивый парень дарит ей цветы, протестуя произнесла,

– Бану, молодой человек в праве сам выбирать кому из нас подарить эту прекрасную розу, – и протянув ему свою руку. – Меня зовут Гузель, я из Ташкента.

В ответ, приветствуя ее, растерянно вымолвил,

– Мансур, – а потом, не отрывая своего взгляда от Бану, их попросил. – Девчонки, прошу вас, постойте здесь пять минут, я сейчас, – сказав, куда-то быстро убежал.

А Мехрибану, словно подкалывая своих подружек, предложила им,

– Ну что, девчонки, может пойдем?– А Гузель, махая головой,

– Бану, ты иди, а мы с Зухрой, подождем его.

Бану и самой не хотелось уходить, она просто проверяла своих подружек.

Как и обещал Мансур, быстро вернулся с тремя огромными букетами роз. Два букета белых роз, а один букет, был ярко красного цвета. Поочередно, юноша один букет отдал Зухре, второй Гузель, а красный букет Мехрибану.

– А почему ей красный, а мне белый? – С завистью, спро-

сила у него Гузель.

– А там больше белых не было, и я взял первый попавший в руки, – смущенно ответил ей.

– Тогда почему вы его подарили не мне?

– Когда вам их отдавал, я не всматривался в цвета. Следующий раз обязательно вам Гузель подарю красный букет роз, – оправдывался Мансур.

Наконец-то найдя свою незнакомку, Мансур еще целый месяц добивался ее расположения, и когда она поняла, что он стал и для нее не безразличен, стали встречаться. Общение Мансура с ней совершенно изменило его характер. Он буквально за короткий срок осунулся и сильно повзрослел. Те его бесшабашные выходки остались в прошлом. Изменение в его характере заметили все, даже его родители. Они, понимая, что сын стал таким великолепным человеком, догадывались, это удалось сделать той самой девушке, о которой Мансур мог говорить часами. И вот, однажды, в год его выпускных экзаменов, его мама Хадича Султановна, по настоянию сына, решила познакомиться с той девушкой.

– Во сколько вы должны встретиться с Бану? – Спросила мама у Мансура.

Подойдя к ней, крепко ее обнял, и несколько раз поцеловав маму за щеки, он ответил,

– Через час, возле главного входа университета, – и с такой любовью, с такой нежностью, добавил, – Спасибо Вам мамочка, и спасибо папе за все. За то, что Вы меня роди-

ли, вырастили, дали возможность приехать сюда в Москву и поступить в МГУ. Встретить здесь Бану, полюбить, почувствовать радость жизни, счастья, – и несколько раз прокрутившись вокруг себя, Мансур крикнул. – Mamочка, я самый счастливый человек на этом свете, – и тут же его идиллию прервала мама,

– Эй, самый счастливый человек, посмотри на часы, если не поторопишься, можешь стать самым несчастным. Пока ты соберешься, уведут твою невесту,

– Нет, родная, – обняв маму, и подведя свое лицо к ее, – не уведут, – несколько раз потерся носом по ее носу. – Мехрибану меня любит и ни на кого не променяет, – и, хватая свою ветровку, как военные, приложил к голове свою руку, резко отдав ей честь, торжественно сказал. – Она меня очень, очень, очень любит.

– Но все ж тебе стоит поторопиться. Нехорошо, если девушка будет ждать парня.

– Бегу, бегу, – сказав, еще раз поцеловал маму и выбежал из номера гостиницы.

Как только Мансур вышел, через пару минут постучали в дверь,

– Кто там? – Спросила Хадича Султановна.

– Из ресторана, – ответили за дверью.

– Открыто, входите, – скомандовала она.

В номер с несколькими тележками вошли три официанта и два повара.

– Ваш заказ доставлен, Хадича Султановна, – сказал старший из них.

Подойдя к тележкам, и пристально провела своим пронзительным взглядом и направила их в гостиную номера.

Тем временем, Мансур по дороге купил два букета роз. один букет белый, а другой ярко красный, какой всегда дарил Бану, и подъехал к МГУ.

Ему не пришлось долго ждать, Мехрибану подошла буквально за ним, и увидев ожидавшего ее Мансура,

– Я не опоздала? Вы недолго ждали меня? – Спросила она.

– Свою принцессу я готов ждать всю свою жизнь, – улыбаясь, ответил он.

– Так уж всю жизнь? – В ответ улыбнувшись, спросила Бану.

– До самой смерти, – гордо произнесся, – хотя если честно, я вас почти не ждал, вы буквально за мной подошли,

– А говорите готовы ждать всю жизнь, – иронически произнесла Бану.

– Да, готов ждать всю свою жизнь, – говоря, встал на одно колено и протянул ей красный букет роз.

Она, как бы тоже сделав ему поклон, взяла с его руки букет,

– Ладно, на этот раз я попробую поверить вам, – сказала.

– Если я прощен, моя принцесса, тогда нам стоит поторопиться. Ваша многоуважаемая будущая свекровь ой как не любит, когда опаздывают.

– Тогда побежали поскорей, – сказал, и схватив его за руку, – нельзя, чтобы невестка на первую встречу опоздала.

Быстро сев на ожидавшую их служебную машину отца, поехали в гостиницу.

Мехрибану, впервые вступая в вестибюль гостиницы Россия, была в восторге от увиденного. Великолепные и изысканные убранства внутри гостиницы не оставили ее равнодушной.

– Как же здесь красиво и богато, – оглядываясь по сторонам, она от чистого сердца выражала свои чувства.

– Бану, – обратился к ней Мансур,

– Да, Мансур ака,

– Давайте поменяемся своими букетами.

– Хорошо, но почему?

– Вот этот белый букет я купил для мамы. И очень хотел бы, чтобы их ей вручили вы.

– А может ей по вкусу эти красные розы?

– Их я для вас купил,

– Но они так прекрасны, давайте именно их мы отдадим маме?

– Вы не обидитесь?

– Что вы, нет, конечно. У меня никогда не было мамы, и я не знаю, какие эти чувства быть рядом с мамой. Но всегда думала, считала, если бы у меня была бы мама, я все лучшее и самое прекрасное отдала бы ей, – с грустью, опуская свои глаза, произнесла она.

– Спасибо вам за эти теплые и прекрасные слова, – сказав, Мансур остановился возле двери одного номера.

– Что, мы уже пришли, – взволнованно и немного покраснев, спросила Бану,

– Да, – постучал в дверь, и открыв ее, стал приглашать ее.

Услышав, как открылась дверь и голос своего сына, мама Мансура направилась к ним на встречу. Тут же сын поприветствовал ее и представил Бану,

– Знакомьтесь мамочка, это и есть Мехрибану, – а в ответ, представил ее девушке. – Бану, моя мама Хадича Султановна, надеюсь, в будущем она станет и для вас мамой.

Мама Мансура оценивающим взглядом с ног до головы посмотрела на девушку. И заметила неприятный для себя запах ее дешевых духов. Обратила внимание, что та была одета слишком примитивно и по-простому. Дешёвое платье, сандалии, простые сережки на ушах, ни одного колечка, ни одной цепочки на шее.

Бану смущаясь, протянула ей букет роз. Понимая, что девушка не из богатой семьи, хоть и была достаточно мила и красива, Хадича Султановна грубо схватила букет роз, протянутый ей. Несколько шипов роз вонзились ей в ладонь. С криком швырнув их в сторону, стала осматривать свою рану. Чувствуя себя виноватой, Бану стала извиняться перед ней. Ничего не отвечая ей и не приглашая гостью, та направилась в гостиную. За ней последовали Бану с Мансуром.

Когда все расселись по своим местам, Хадича Султановна

взглянул на старшего повара и язвительно буркнула.

– Что стоите, как истуканы? Нам долго ждать, пока вы будете накладывать еду? – Извинившись, повар, быстро подвел тележку к столу и налил в тарелку первое блюдо.

Мансур, глядя на маму, ничего не понимал. Когда он собирался поехать к Бану, она была радостной и веселой. Что произошло за эти полчаса с небольшим, он не понимал. Будто ее словно подменили. Как бы не пытался не обращать на это внимание, у него это не получалось. Именно это заметила и Бану.

Не предлагая отведать им еду, Хадича Султановна съела свое первое и взяла в руки бокал вина. Сделав из него пару глотков, язвительно спросила у Бану,

– А почему вы не притронулись к вину? Возможно, мы выбрали не те вина, к которым вы привыкли?

– Простите, но я не пью и никогда не пила, – ответила ей Бану.

– Вы не стесняйтесь, скажите, я же знаю, что студенты предпочитают портвейн, вермут, не так ли?

– Мама прекратите, Мехрибану действительно не пьет.

– Вот как? – иронично, прищуриив свой нос, выразилась она. А потом, пристально взглянув на нее, с укором спросила. – А в каком посольстве, или же, в каком торговом представительстве работают ваши родители?

– У меня их нет, – опуская свои прослезившиеся глаза, произнесла Бану.

– Как нет?– Переспросила Хадича Султановна.

– Я выросла в школе-интернате, и своих родителей никогда не видела,

– Как в интернате? Разве в МГУ берут детдомовцев? – специально делая укор на слове детдомовцы, та взглянула на сына.

– Мама прекратите,– взмолился Мансур.

А она, не обращая на него внимания, вставая с места, грубо сказала,

– Вы, любезная, простите нас, мы сейчас подойдем, – сказав, обратилась к сыну. – Мансур идем со мной, мне нужно с тобой поговорить.

– Бану, простите меня, пожалуйста, я сейчас приду, – сказал он и последовал за мамой.

Когда Мансур зашел в комнату и прикрыл за собой дверь, мама, прикуривая сигарету, указала ему сесть на стул, а сама незаметно приоткрыла дверь.

– Что с вами, мама? Я вас не узнаю? – Еле произнес Мансур.

– Это со мной, что ли, сынок? – Злыми глазами взглянула на него она. – Нет, это с тобой происходит? А безродную, бездомную дворняжку собираешься привести в дом?

Не выдержав ее оскорбления в адрес Бану, Мансур вскочив с места,

– Мама, прекратите! – вскрикнул он.

– Сядь, – указывая ему рукой, скомандовала она, – небла-

годарный щенок, сопляк, еще на меня голос повышаешь. Я даже твоему отцу этого не позволяю. Да, безродная, бездомная дворняга! А что ты хотел, если это так? Ох, куда замахнулась, шваль, богатенького дурака охомутала.

– Мама, я вам не позволю ее оскорблять.

– А куда ты денешься, сопляк? Запомни, только через мой труп твоя дворняжка переступит порог моего дома. Ты меня понял, слюнтяй? – Специально громко крикнула она.

В это время входной дверью номера кто-то сильно хлопнул. Мансур резко вскочив с места, было бросился к ней, но тут же мама оттолкнула его обратно,

– Сядь на место, нытик, – и, обернувшись назад, – о, какие мы гордые, – сказала она.

Воспользовавшись секундным замешательством матери, Мансур выскочил из комнаты. Когда выбежал на улицу, Мехрибану уже не было там. Не зная где ее искать, побежал в сторону общежития.

А тем временем, Мехрибану, вся в слезах забежала в комнату и стала быстро собирать свои вещи. Ничего не понимая, подружки попытались спросить у нее,

– Бану, что с тобой? Кто обидел тебя?

– Никто! Ненавижу! Если меня будут искать, передайте им, я умерла, меня нет! – и схватив свою сумку, выбежала из комнаты.

Через час, она сидела на железнодорожном вокзале с билетом Москва-Ташкент.

Когда Мансур прибежал в общежитие и вошел в ее комнату, подружки ему сказали, что Бану собрав свои вещи, и ничего не объяснив, убежала в неизвестном направлении...

ГЛАВА 2. Невосполнимая утрата

Шел 1986 год, Саидакмал за несколько дней до того, как Мехрибану уехала из Москвы, после условно досрочного освобождения из тюрьмы, в своем родном кишлаке крыл кому-то кровлю. Вдруг, рано утром к дому, где он работал, подъехали три черных правительственных машины. Из них вышли несколько мужчин и одна женщина. Один из незнакомцев, подойдя к воротам, постучал в них. Как раз в это время Саидакмал находился на крыше дома. Приоткрыв калитку, незнакомец, заглянул во двор, и увидев Саидакмала обратился к нему,

– Простите, пожалуйста, вы не подскажете, где я могу найти Саидаматова Саидакмала.

Насторожившись его вопросом, Саидакмал медленно спустился вниз, и чувствуя какой-то непонятный страх, подошел к воротам.

За воротами, когда он вышел на улицу, увидел еще несколько мужчин и женщину. А на одной из приехавших машин, с двух сторон на крыле были прикреплены флажки. Прикрывая за собой калитку, он осторожно спросил у них,

– А для чего он вам нужен?

– Мы об этом можем только ему сообщить. Прошу вас, помогите нам его найти, это очень важно для него и для нас.

Тут чуть поодаль стоявший от них русский мужчина, быстро подойдя к ним,

– Я не сомневаюсь, это и есть тот человек, которого мы ищем, – и пристально взглянув на него. – Прошу вас, простите нас, но скажите, как ваше имя и фамилия? – И не отпуская его из рук, – скажите, скажите, пожалуйста.

– Сайдаматов Саидакмал, – чуть ли не прослезившись от испуга, – это, это я.

И тот мужчина, не отпуская его, спросил,

– Вы не помните, как звали вашего отца?

– А зачем это вам? Я его никогда не видел и не встречался с ним. Я его не знаю, я вырос в детском доме, – стал оправдываться перед ними Саидакмал.

Но тот незнакомец с прослезившими глазами, сказал,

– Я знаю об этом. Но все ж, прошу вас, нам это важно, скажите, как его звали?

– Сайдаматов Сидходжа Гафурович, 1916 года рождения.

Незнакомец крепко его обняв, полных слез глазами, произнес,

– Я, как только его увидел, знал, что он именно тот человек, которого мы искали.

Но женщина, взглянув на него, что-то сказала ему на иностранном языке, а тот незнакомец, покачав ей головой, спросил у Саидакмала,

– А у вас есть подтверждающие это документы?

– Нет, но есть письмо, которое отец отправлял в детский дом в январе 1945 года.

– Мы можем взглянуть на него, – не выпуская его из своих рук, спросил незнакомец.

– Да, можете, оно у меня в сумке, позвольте, – сказав, пошел обратно в дом. – И через несколько минут вернувшись, протягивая письмо ему. – Вот это его последнее письмо.

Взяв его и прочитав, незнакомец протянул письмо той женщине, а сам, вновь обнял Саидакмала. А женщина, взглянув на письмо, со своей папки достала какую-то бумагу и протянула незнакомцу.

– Господин Саидакмал Саидходжаевич, мы вас давно ищем. Я доверенное лицо вашего отца Сайдаматова Саидходжи Гафурровича. Харитонов Владимир Кондратьевич, сын бывшего его однополчанина. А это женщина, Герда Шлюсенбург, второй посол Австрийской республики в Советском Союзе. А эти люди, – показывая на двух рядом с ним стоявших мужчин, – представители регионального штаба Красного Креста. Это им, через своих представителей, удалось вас найти.

Услышав его слова, Саидакмал, медленно прислонившись спиной к воротам, стал сползать вниз. Державший его за руку Володя Харитонов резко схватил его и повторил,

– Да, господин Саидакмал, ваш отец Сайдаматов Саидходжа жив, он в Австрии, ждет и надеется, увидеться с вами.

– Мой отец жив, мой отец жив, – рыдая, повторял Саидакмал.

– Да, он жив и чувствует себя прекрасно. Ваш отец один из богатейших людей в мире.

– Правда, что мой отец жив, вы не обманываете меня? Вы не ошибаетесь, именно мой отец жив, а не другой? – Только и твердил Саидакмал.

– Да жив и вы с ним через пару дней встретитесь.

– Как через пару дней увижу? Вы же говорите, что он в Австрии?

– Да, он в Австрии и скоро мы туда поедem, и вы обнимите своего отца.

Тут Саидакмал пригласил гостей в дом, где он работал,

– Простите меня, это не мой дом, но мы могли бы поговорить там. Вы мне рассказали бы о моем отце, – приглашая их, попросил Саидакмал.

Когда они прошли во двор, там под виноградником стоял топчан, и гости, пройдя к нему, расселись на нем.

– Господин Саидакмал, я не представил вам моих спутников. Госпожу Шлюсенбург вы уже знаете. Вот эти молодые люди, как вам говорил представители Красного Креста, Николас Скания и Якоб Грин. А эти господа ваши соотечественники Саидасрор Икрамов и Миролим Турсунов, представлены к нам правительством Узбекистана.

Поприветствовав их, Саидакмал предложил им пиалу чая.

– Нет, спасибо, не стоит беспокоиться. Господин Саида-

срор нас уже вдоволь накормил в Коканде. Я не вижу хозяина, и вроде в доме никого и нет?

– Да, вы правы, Владимир Кондратьевич, хозяев нет дома. Он вместе с семьей уехал в Ташкент, приедут только завтра.

– Но мы хотели вас сегодня же забрать с собой в Москву.

– Как сегодня? Мне нельзя оставлять дом без присмотра, должен дожждаться хозяев.

– Не беспокойтесь Саидакмал ака, мы присмотрим за ним, и в целости и сохранности сдадим его, – успокаивал его Саидасрор.

– Прошу вас, позвольте мне самому дожждаться хозяина. Если я уеду, будет не правильно, не по-человечески, – настаивал Саидакмал. – Владимир Кондратьевич, а у вас с собой нет фотографии моего отца. Какой он сейчас, мне хотелось бы на него взглянуть, надеюсь, вы меня понимаете?

– Простите, простите меня Саидакмал, можно я вас так буду звать.

– Конечно, нет проблем.

– И вы, называйте меня Володей. Есть у меня фотография господина Саидходжи, я вам сейчас ее дам, – сказав, он достал из кармана своего пиджака фотокарточку и протянул ее. – Вот этот человек и есть ваш отец.

Осторожно взяв ее на руки, сначала взглянув на Харитонову, а затем на остальных, Саидакмал пристально стал всматриваться в человека, запечатленного на этой фотографии. На карточке был изображен человек примерно шести-

десяти, может чуть больше лет. Полностью седой, но видно еще прилично бодрый. Глядя на него, Саидакмал впервые видя хоть и на карточке, изображение отца, и глядя ее, рыдая, говорил,

– Это мой папа, это мой папа, папочка, папа. . . .

– Не переживайте Саидакмал, все позади, скоро вы с ним встретитесь, – положив руку на его плечо, пытался успокоить его Харитонов.

Саидакмал еще долго смотрел на фотографию отца, а затем, спросил у них,

– Если вы сегодня не уедете, вам есть, где остановится?

– Да есть, мы сняли номера в гостинице Шахрихан в Коканде.

Потом еще несколько часов проговорили. Харитонов рассказал ему, как отец попал в Австрию. Рассказал о том, что он не предатель и не изменник Родины, уже реабилитирован и для Саидакмала у них есть официальный запрос Австрийской Республики.

Договорившись встретиться утром следующего дня, гости уехали. А Саидакмал еще долго просидел на топчане с фотографией отца на руках.

Продолжить работу, после всего того, что он услышал, уже не мог, да и настроение не располагало к ней. Еще немного молча посидев, оглядевшись по сторонам, вдруг вспомнил о своем названном брате Хазраткуле, вспомнил про дочку Мехрибану. Счастье и радость того, что теперь он

может без стыда и опаски прижать ее к своей груди, и во весь голос, может крикнуть, – Мехрибану, ты моя дочка, я твой настоящий отец, – переполняло его душу. И более не в силах держать в себе эту прекрасную новость, решил поехать в Коканд, к Хазраткулу.

Быстро умывшись и переодевшись, взял запрос Австрии и фотографию отца, и на стареньком велосипеде помчался к другу. По дороге, навалившись на педали велосипеда, Саидакмал всю дорогу то и дело смотрел на эту бумажку, где говорилось о том, что его приглашают к ним. Радостный, что скоро встретится с отцом, которого никогда не видел, давил на педали своего велосипеда, как сумасшедший. Он практически не чувствовал усталости. Саидакмал словно парил в небесах, оттого никуда не оглядываясь, летел к другу сломя голову.

Когда оказался на крутом спуске, после которого через несколько километров был Коканд, вместо того, чтобы не давить на педаль, он навалился на нее. Очень торопился к другу, торопился поскорее сообщить ему о его радости, торопился, скорее, дозвониться до Москвы и впервые в жизни не стыдясь, сказать ей, – дочка, я твой отец. Мой отец и твой дедушка Саидходжа жив, он не пропал на войне и не был предателем. Твой дедушка разыскал нас, и хочет, чтобы мы приехали к нему, были рядом с ним...

Радостный, в мечтах летя к другу, Саидакмал на самом крутом вираже спуска, заметил лежавший на дороге

огромный булыжник. Испугавшись, хотел было увернуться от него, но было слишком поздно, передним колесом велосипеда на большой скорости наехал на него. Резко наехав на булыжник, Саидакмал вместе с велосипедом улетел вниз по склону. Из-за сильного удара, переднее колесо велосипеда сложилась вдвое. А Саидакмал, упав головой на землю, почувствовал невероятную боль в области шеи. Из последних сил, через боль, со стоном, вымолвив,

– Папа, – издал последний вздох. Когда судороги одолевали его, рука, в которой держал запрос, разжалась, и ветер, подхватив ее, унес в неизвестность.

Через час, его бездыханное тело нашли сельчане, возвращавшиеся из города. Привезя его обратно в кишлак, как и положено, по мусульманским обычаям тело Саидакмала, до заката солнца предали земле.

Утром, Владимир Харитонов, не дождавшись его к десяти часам как договаривались, забеспокоился и сам поехал в Хайдарабат. В том доме, где вчера работал Саидакмал, ворота были заперты. Увидев поодаль идущих стариков, Икрамов поприветствовал их и спросил о Саидакмале,

– Акмал вчера по дороге в Коканд на своем велосипеде разбился на смерть, – сказал ему один из них.

– Как погиб? – упав на колени, и в ужасе вскрикнув, сказал Харитонов.

– Куда-то торопился и на спуске не заметил лежавший на дороге камень, вот и погиб. Мы его еще вчера похоронили, –

сказал им другой.

Харитонов, стоя на коленях и вскинул в небо свои руки, и громко зарыдав, крикнул,

– О Боже, за что ему такие страдания, за что?– Громко рыдая, он неустанно повторял.

Икрамов видя, как себя изводит Харитонов, подойдя к нему подсел рядом, и обняв его, сказал,

– Господин Харитонов, я понимаю, вам сейчас трудно и невыносимо. Но поймите, на все воля Аллаха, раз его он забрал, пусть душа Саидакмала попадет в рай. Мы не в силах изменить судьбу, на все воля Аллаха, – пытался успокоить его Икрамов.

– Саидасрар, что я скажу господину Саидходже, что я ему скажу. Вчера обнял его сына, сидел вместе с ним на топчане, а сегодня умудрился похоронить. Вы понимаете, если бы я не приехал к нему, он был бы жив, понимаете, был бы жив. Это я его убил, я, – и Харитонов, рухнул на землю, и укрыв свою голову руками, заплакал.

Да, действительно, если бы они вчера не приезжали в Хайдарабад, Саидакмал, возможно был бы жив. Получается, стремясь сделать добро, они невольно обрекли человека на муки.

В тот же день услышав о гибели Саидакмала, с инфарктом слег Хазраткул. Попросив своего сына, чтобы тот позвонил в Москву и вызвал Мехрибану в Коканд, впал в кому.

Когда сын Хазраткула дозвонился до общежития МГУ,

ему сказали, что Бану собрала все свои вещи и уехала в неизвестном направлении.

Несколько дней Хазраткул не приходил в себя. Его сын Таир привез из Ташкента лучших кардиологов страны. Но обследовав его, они сказали Таиру, что бессильны помочь ему.

На пятые сутки в палату вошла Мехрибану. Увидев в без сознания лежащего на кровати Хазраткула, она, бросилась ему на грудь, рыдая и тряся его, говорила,

– Нет, не вздумайте умирать, не вздумайте умирать, я вам этого не позволю. У меня кроме вас никого нет, папа, папочка, не умирайте, – громко рыдая, Бану трясла его.

Видя, как рыдает и как страдает Бану, жена Хазраткула Тургунай апа, крепко ее обняв, тоже заплакала. Тургунай апа знала о Мехрибану все, но без ведома мужа не могла ей рассказать правду.

Всевышний милостив и милосерден. Услышав их мольбы, он вернул к чувству Хазраткула, и, придя в себя, увидел стоящую на коленях у кровати Мехрибану,

– Доченька, ты приехала, – со слезами на глазах обратился к ней.

– Да папочка, я приехала. Теперь и навсегда для меня вы будете моим отцом, моим папой, папой, которого у меня никогда не было. – И крепко прижавшись к нему, заплакала от обиды.

– Нет, так не говори доченька. У тебя был отец, и очень

сильно любил тебя, – не удерживая свои слезы, сказал Хазраткул.

– Почему вы говорите, был? Кто он? Где он? – Встала с колен, и прижав свои кулачки к груди, переспросила Мехрибану.

– Теперь, к сожалению, был, – сказав, отвернул от нее свои глаза.

– Он что, умер?

– Да, доченька, погиб...

Тут врачи увидели, что больной пришел в себя, быстро подойдя к ним,

– Простите нас, пожалуйста, Хазраткул ака перенес инфаркт и ему нельзя много говорить, прошу вас, приходите через несколько дней. – Потребовал лечащий врач.

Понимая, что это необходимо, все они покинули палату. Два раза в день Бану и супруга Хазраткула, Тургунай апа, посещали больного. Из-за категорического запрета врача, они не заводили разговора об отце Бану. И, вот, через десять дней, когда Хазраткулу стало намного лучше, он сам начал разговор о Саидакмале.

– Дочка, прости меня за то, что я не смог уберечь твоего отца.

– Папочка, а вам можно говорить? Я же вижу, как вы волнуетесь, говоря об этом.

– Все нормально, не волнуйся, мне стало намного лучше. Будет хуже, если я с тобой не поговорю, не расскажу тебе о

твоим отце.

– Когда и как он погиб?

– За несколько дней до твоего приезда в Коканд. Разбился на крутом спуске по дороге в Коканд.

– Кто он, кто он? – встав у кровати на колени, спросила Мехрибану.

– Помнишь дядю Саидакмала?

– Да, помню. Всегда мечтала, чтобы мой отец был похож на него, Нет, я хотела бы, чтобы моим отцом был он. Я знаю, что его из-за меня несправедливо посадили в тюрьму.

– Доченька, он не только похож на него. На самом деле Саидакмал и был твоим отцом, доченька, – сказав, Хазраткул заплакал.

– Почему, почему он мне об этом не говорил? Почему вы мне не сказали, почему? – Сказав, неистово заплакала.

– Доченька, этим самым он тебя оберегал. Боялся, беспокоился за тебя, за твое будущее. Когда-нибудь ты обо всем узнаешь, но сейчас, прошу тебя не вини отца за это.

– За какое будущее, будущее без роду, без племени? За то, чтобы каждая сволочь меня обзывали дворнягой. Скажите мне, за это что ли? – Громко крича и рыдая от обиды, говорила Мехрибану.

– Не будь несправедлива к нему, он пожертвовал всем ради тебя. Доченька, ты не знаешь всей правды, но когда-нибудь услышав ее, поверь, будешь винить себя за эти слова.

– Мне не надо никакой правды. Я знаю одно, ночами

уткнувшись в подушку плакала. Плакала от обиды, что у меня нет родителей. Сколько раз я ему говорила о том, что, как бы я хотела, чтобы он был моим отцом. А он, а он, зная, что я его дочь, молча смотрел на меня. Папочка, поймите, вам не понять те чувства, которые испытывает ребенок, осознавая, что у него никого нет...

– Ты думаешь, мне не известны эти чувства? Так, что ли? – Чуть ли не вскочив с места, зло произнес Хазраткул. – Нет, дочка, ты не права. И мне, и твоему отцу известны эти чувства. Ты не знала, но я с Саидакмалом вырос в детском доме. Вот откуда мы с твоим отцом стали братьями...

– Простите, простите папочка, – вновь присев возле кровати, стала умолять его Мехрибану.

– Доченька, если бы ты знала, что пришлось стерпеть твоему отцу. Я искренне не желал бы даже своему врагу того, что жизнь уготовила Саидакмалу. Ни один, поверь, ни один не то, что ребенок, даже взрослый человек не смог бы все это выдержать. Единственное я жалею о том, что он погиб, не услышав от своей дочери для него желанные слова, папа. Если бы ты знала о его мечтах в ожидании этого светлого дня, если бы...

– Папочка, простите меня дуру, простите, – сказав, она сильно заплакала. Хазраткул обнял ее, и успокаивая, прижал к себе. Выплакавшись и немного придя в себя, тихо спросила его. – Вы знаете, как он погиб? И где он похоронен?

– Мне рассказали, что он разбился по дороге из Хайдара-

бада в Коканд. Не знаю, что там случилось, но к нему, оказывается, приезжали какие-то люди. После встречи с ними, он и поехал в Коканд, скорее всего, торопился ко мне, потому что кроме меня здесь у него никого не было. – А потом, протягивая ей, какую-то фотографию, – а это было у него в кармане.

– А кто это?

– Не знаю, но ее, видимо, твоему отцу дали те люди. Если бы не его седина, и возраст, я бы подумал, что этот человек на фотографии твой отец. Теперь мы не выясним кто он. Саидакмал похоронен в Хайдарабаде рядом с твоей мамой Барно. Там же похоронена твоя бабушка Фарида.

Бану, прижавшись сильно к груди Хазраткула, заплакав, сказала,

– Теперь у меня на этом свете никого не осталось. Вы меня вырастили, помогли поступить в МГУ, и мне, когда приезжаю в Коканд, кроме вас не к кому идти. Позвольте мне вас звать папой, позвольте мне Тургунай апу звать мамой, – сказав, она подвела ее к мужу, – и крепко их обняла. – А затем увидев стоявшего в сторонке сына Хазраткула. – Таир ака, вы всегда были для меня родным братом, подойдите к нам, – сказав, она протянула ему свою руку.

– Доченька, ты всегда была для нас родной. Мы будем искренне рады тому, что у нас есть такая дочь, – сказал Хазраткул, и взявшись своими ладонями за ее лицо, несколько раз по-отцовски поцеловал ее.

– Я никогда и ни за что вас не оставлю и не брошу, постараюсь сделать так, чтобы вы гордились своей дочерью, – сказав, прижалась к ним.

Володя Харитонов, прилетев в Зальцбург, не знал, как сообщить господину Саидходже о том, что недавно разговаривая с его сыном, умудрился прилететь один и с дурной вестью.

Когда он подошел ко входу замка, к нему на встречу вышел швейцар и пригласил его пройти внутрь. Тот проводил Харитонova в каминный зал. Там у камина обнявшись, сидели господин Саидходжа и его супруга, фрау Эльза. Не успел он сделать несколько шагов и произнести хотя бы слово, как господин Саидходжа сам заговорил,

– Проходи Володя, сядь рядом с нами.

– Я, господин...

– Не волнуйся Володя, не переживай. Твоей вины в смерти моего сына нет. Я обо все уже знаю.

– Простите, господин Саидходжа, я виноват. Если бы тогда я не уехал в Коканд, а остался рядом с ним, этого не произошло бы.

– Нет, Володя. Ни с тобой, а без тебя все так и случилось бы. Так предначертано свыше, его судьбе и моей воздалось за все мои грехи. Володя, не вини себя, – а затем, немного помолчав, как бы призадумавшись, спросил. – Ты не узнавал, неужели у моего сына не было семьи?

– Семья у вашего сына Саидакмала, была. Но жена и ре-

бенок погибли во время родов, – виновато опуская свою голову, сказал Харитонов.

– Жаль, – сказав, Саидходжа, с покрасневшими глазами отвернулся от него и крепко обнял свою жену...

ГЛАВА 3. Наперекор судьбе

Вернувшись в Москву, Мехрибану у себя в комнате нашла целую кучу писем, которые присылал Мансур из Лондона. Не читая, разорвала и бросила в урну. Обида, боль, которые ей нанесла мама Мансура, угнетали ее. Она поклялась себе в том, что рано или поздно ради своих родителей, ради своих близких, выбьется в люди и добьется немалых высот в жизни. Если для достижения этой цели ей придется грызть землю, то она это сделает. Если будет нужно, бросится в бездну, то ни секунды не колеблясь, бросится туда. Но для начала ей предстояло отучиться оставшиеся два года так, чтобы добиться получения возможности прохождения преддипломной практики в Лондоне.

Два года учебы пролетели как на одном дыхании. За усердие, за старания и отличного знания, Мехрибану получила-таки распределения, и должна была пройти практику в Англии.

Последний год учебы, она предчувствуя о том, что, возможно, ей удастся поехать на практику в Лондон, не рвала присланные письма Мансура и собирала их. И вот, ко-

гда прилетела в Англию и заселилась в гостинице, у нее были несколько дней перед собеседованием в издательстве. На вторые сутки, когда перебирала в чемодане свои конспекты, ей на глаза попались письма Мансура. Отложив конспекты в сторону, Бану, двое суток не выходя из номера, читала и перечитывала все его письма. И наконец, поняв, хоть мама его была против, но он сам ее очень сильно любит, решила найти его.

Мансур с родителями был в Йорке, там находилось представительство крупнейшей торговой компании Советского Союза. Папа Мансура был в ней председателем.

Приехав в Йорк, Бану наняла такси и поехала в спальный район города, указанный на обратном адресе письма. Найдя нужный дом, она еще несколько минут в нерешительности простояла чуть поодаль от него. Потом, набралась смелости, и заставив себя идти, подошла к дому, где жил Мансур. Дверь открыла гувернантка. Увидев незнакомую девушку, спросила у нее,

– Да мисс, я вас слушаю.

– Простите, пожалуйста, я могу, увидится с Мансуром Юнусовым? – Немного волнуясь, спросила у гувернантки Бану.

– С Мансуром? – призадумавшись. – Наверное, вы интересуетесь бывшими хозяевами?

– Как бывшими? Они что, здесь не живут? – Не понимая, переспросила Бану

– Да, и насколько я знаю, вернулись в СССР, и мистера Юнусова арестовали.

– Арестовали? – испугавшись, вновь переспросила гувернантку Бану.

– Да мисс, арестовали и депортировали в СССР. Если у вас больше нет ко мне вопросов, с вашего позволения я пойду, – сказав, закрыла дверь за собой и ушла.

Как только гувернантка ушла, Бану еще несколько минут как вкопанная стояла у двери. Услышав о том, что Мансур переехал в СССР, а его отец арестован, вспомнила последнее письмо, где Мансур писал. – ...Нельзя оскорблять человека только за то, что он из простой, обычной семьи. Нельзя забывать о том, что кем был раньше сам. – И Мансур приводил пример. – Когда-то один бедняк нашел огромные сокровища. И вот он решил построить для своей семьи замок, но попросил мастеров входные двери сделать низкими. Никто не понимал его решения. Новые друзья думали, что этот парень вышел из бедняков и не знает о том, что двери замка должны быть высокие и красивые. И вот, когда замок был готов, и этот парень назначил день торжества. Пришедшие гости поразились увиденному. На верхнем косяке двери, по приказу хозяина, были прибиты старые его калоши. И когда друзья, вдоволь насмеявшись его прихоти, спросили, почему он так сделал, парень им ответил, – Каждый раз, входя в дом и ударяясь головой в свои калоши, я хочу помнить, кем я был и кем я стал. Чтобы не забывать свое прошлое, и це-

нить настоящее, я так и сделал,— ответил он друзьям. А ей Мансур писал, Аллах всевидящий и справедлив, рано или поздно воздаст каждому за все его грехи. Нищего и бедного возвысит, но ослепшего и возвысившего себя богача усмирит и поставит на место.

Мехрибану вспомнила его стихи, написанные ей, и, не удержавшись, заплакала и из-за обиды и боли. Она была не в силах удерживать слезы, накатывавшие к глазам. Еще немного в раздумьях постояв у бывшего дома, где жил Мансур с родителями, Бану пошла бродить по незнакомому городу...

Весь день Саидходжа был сам не свой. Его одолевало какое-то непреодолимое, необъяснимое чувство. Он раз за разом, словно замыкаясь, уходил в себя. Даже в те моменты, когда находился на встрече с акционерами своего издательства, их практически не слушал, а был где-то далеко-далеко.

Вот и на этот раз проходило очередное собрание, где рассматривались важные вопросы. Но, увы, Саидходжа, хотя и находился в конференц-зале, но мысленно был не здесь. Понимая сложившуюся неловкую атмосферу, извинившись перед своими партнерами, вышел из зала заседания.

Увидев его, Морис Джеральд, его заместитель и доверенное лицо в Англии, тут же подошел к нему, и увидев его состояние, спросил у него,

– Что с Вами, господин Саидходжа?

– Не знаю Морис, какое-то странное у меня чувство. На меня навалилась грусть и мысли уносят меня так, словно я

сам не свой.

– Может быть, отвезти Вас в гостиницу?

– Наверно, так будет лучше.

– А совещание отменить?

– Нет, нет. Пусть продолжают без меня, на все их вопросы я отвечу завтра.

– Хорошо, господин Саидходжа, я передам Вашу просьбу мистеру Колеру. – Мистер Колер, был главным редактором издательства.

– Хорошо. Позвони Ричарду, пусть подаст машину к выходу.

Как только Морис скрылся за дверью конференц-зала, Саидходжа направился вниз...

Ближе к вечеру, Мехрибану оказалась у ворот городского парка. Пройдя немного вглубь парка, она увидела среди густых кустарников одинокую скамейку. Пройдя к ней, от сильной усталости, потому что была весь день на ногах, рухнула на нее.

Одна, молча в раздумьях, сидя на скамейке, думала о том, что надежды, которые она возлагала себе, рухнули. Ведь она так сильно хотела увидеть Мансура, но еще сильнее ей хотелось взглянуть в глаза его мамы, Хадичи Султановны. Хотела увидеть ее удивление тем, что безродная, как та ее назвала, тоже может поехать в Англию. Хотелось ей показать, как гадкий утенок вырос и стал прекрасным лебедем. Но, увы, ее надеждам не было суждено сбыться.

Из-за своих переживаний, Бану совершенно позабыла о еде. А ведь у нее с утра и росинки не было во рту. И только когда она почувствовала запах гамбургеров, поняла как сильно проголодалась и очень хочется пить. Оглядевшись по сторонам, Бану увидела поодаль от себя небольшой кафетерий, где готовили те гамбургеры. Подойдя к нему заказала себе гамбургер и что-нибудь попить. Расплатившись с продавцом, вернулась на ту же скамейку. Открыв бутылку сока, и сделала из нее пару глотков, а до гамбургера даже не притронулась. Как только Бану утолила жажду, мысли вновь овладели ей. Опустила свою голову, и оперившись ею на свои руки, в раздумьях совершенно позабыла о времени. К тому времени уже порядком стемнело. Неожиданно к ней подошел полисмен и вежливо обратился,

– Прошу прощения, мисс, парк скоро закрывается. Вы не могли бы пройти к выходу?

Резко вскочив с места, Бану взглянула на свои часы и, увидев ее удивление, полисмен, покачивая своей головой, сказал,

– Да, мисс, время уже половина двенадцатого. Кстати, общественный транспорт вот-вот остановиться. – И немного выдержав паузу, пристально взглянул на девушку и спросил. – Я вас раньше не встречал здесь. А в каком районе Йорка вы живете?

– Я, я...я, приехала из Лондона, – сказала Бану и вновь села на скамейку. Тут же ее охватил ужас. Незнакомый го-

род, куда идти, на улице ночь.

– Из, Лондона? – Переспросил ее полисмен.

– Да из Лондона. Здесь в Йорке жили мои знакомые.

– И...

– Они, оказывается, уехали обратно в СССР.

– Так, вы из Советского Союза? – Удивленно спросил полисмен.

– Да, из Советского Союза, – ответила ему девушка.

– Вы позволите? – показывая на свободное место, попросил и, получив добро, подсел рядом и продолжил. – СССР огромная страна. Если не секрет, а вы именно откуда?

Опустив свою голову, тихо ему ответила,

– Из Коканда.

Полисмен, услышав Коканд, выпрямился и сильно призадумавшись, напрягся. Взглянув на него, заметила неловкость в его лице, Бану, поняв свою ошибку, извиняясь,

– Простите, простите меня глупышку. Я не подумав, машинально назвала вам город, где я родилась. Вы слышали про город Ташкент?

– Нет, – удивленно ответил он.

– А про Узбекистан не слышали?

– Нет, но я думаю, Узбекистан, – произнеся с выраженным акцентом это название. – Наверное, это один из штатов Советского Союза.

– Да, вроде того, – улыбаясь, ответила она.

Неожиданно полисмен встал с места, и выпрямившись,

– Позвольте мисс представиться вам. Сержант Стив Трумэн, к вашим услугам.

Услышав его фамилию, Бану не на шутку рассмеялась. Не понимая что происходит, сержант Трумэн удивленно спросил,

– А что тут такого смешного?

– О, простите меня, пожалуйста, Стив. Я могу вас так звать.

– Да, нет проблем. Но всё-таки, что такое смешное я вам сказал? – Не понимая переспросил Стив.

– Трумэн, это же фамилия бывшего президента США.

Тут и Стив, гордо улыбнувшись, вновь подсел рядом и сказал,

– Ах вот почему вы смеялись. Да, он действительно был президентом США. Но уверяю мисс, ко мне он никакого отношения не имеет и совсем не родственник.

– И все же, знаменитая фамилия. Вам, наверное, помогает и обязывает.

– От фамилии Трумэн, кроме клички господин президент, никакого толку. Хотя стоит мне назвать свою фамилию, все сразу же ее запоминают. В округе, где я служу, наверное, нет человека, который меня не знал бы.

Бану, выслушав его, тоже встала с места,

– Позвольте вам представиться, – улыбнувшись, – господин президент. Ходжаева Мехрибану, я узбечка, – и протянув ему руку, – как вы поняли из Коканда.

– Имя у вас красивое и звучное. Но я, наверное, не смогу его выговорить.

– Зовите меня Бану, так меня все друзья зовут.

– Да и сокращённо она звучит мило.

Обратно усевшись на скамейку, они еще долго проговорили, и тут затрещала рация Стива. Мгновенно взглянув на время, он резко вскочил с места,

– О, Господи, – воскликнул.

– Что случилось? – не на шутку испугавшись, спросила его Бану.

– Взгляните на свои часы, Бану, – увидев в них четверть второго, девушка воскликнула,

– О Аллах, неужели так быстро пролетело время?

– Увы, да! Мило беседуя с вами, мы совершенно позабыли о нем.

А тем временем рация Стива не умолкала, и он ответил дежурному,

– Джо, прости, я потом тебе все объясню. Прошу тебя, открой нам ворота. Мы застряли в парке.

– Застряли? Мы? Ты что там не один? – переспросили его на другом конце.

– Да, не один, я тебе все потом объясню,

– Все, бегу, бегу, – Джо, отключил рацию.

– Вам за это не влетит? – Спросила у него Бану.

– Нет, нет. Не беспокойтесь, – успокаивал ее Стив. – Когда я шел к вам, в парке кроме вас никого не было.

– Я, наверное, отвлекла вас от службы? – Виновато спросила Бану.

– Все в порядке, это и есть моя работа, охранять общественный порядок здесь в парке. Бану, вы сказали, что ваши знакомые уехали в Советский Союз?

– Да, они уехали.

– А кроме них, у вас знакомые в Йорке есть, чтобы вы могли пойти к ним?

– К сожалению, нет, – разводя свои руки в стороны, ответила она.

– А может быть, отвести вас ко мне домой? – предложил ей Стив.

Услышав это, она, переменившись в лице, резко отошла от него. Стив, понял в чем дело, и как бы успокаивая ее, сказал,

– Бану, вы меня не так поняли. Я это вам предложил без всякого плохого умысла. Тем более дома со мной живут мама и бабушка.

Видя его неловкое положение, вновь подошла к нему, и смущаясь, девушка сказала,

– Это вы меня простите за то, что я вас не поняла. У нас у узбеков парни девушек не приглашают домой, вот почему я так поступила.

К тому времени они оказались у ворот. Тут с другой стороны к ним подошел и Джо.

Увидев обворожительную девушку, стоявшую рядом со

Стивом, он обомлел, а челюсть его открылась. Заметив это, Стив, осторожно приподнял челюсть друга, и улыбаясь, спросил,

– Эй, Джо, дружище, что с тобой?

– А? – и, повернувшись к нему, изумленно спросил. – Когда ты успел познакомиться с такой прекрасной девушкой?

А, когда Бану и Стив оказались за воротами парка, Джо, широко улыбнувшись, представился ей,

– Капрал Джо Харви, мисс. Коренной житель Йоркшира. Мои предки...

– Джо, а Джо, не пора ли тебе обратно в участок? – улыбаясь, перебил его Стив.

– Нет, нет. Я у пульта должен находиться до часа ночи. Сейчас твоя очередь, – не отрывая своего взгляда от Бану, он спросил у нее. – А, как вас зовут, мисс?

– Мехрибану, можно просто Бану, – смущаясь, ответила она.

– Красивое имя, вы...

– Джо, я вместо тебя в следующий раз отработаю, – опять перебивая его. – А пока, позволь мне проводить девушку, – и Стив стал уводить ее.

Джо, провожая их взглядом, еще немного постоял и направился обратно к себе в дежурку. А еще через пару часов, побродив по ночному Йоркширу, Стив и Бану оказались на железнодорожном вокзале.

– Бану, может быть, останетесь сегодня. В восемь утра за-

канчивается моя ночная смена, я бы показал вам достопримечательности Йоркшира. Здесь есть то, чем можно гордиться, – смущенно, попросил ее Стив.

– К сожалению не могу. Сегодня на два часа назначено собеседование в издательстве. Я должна там быть.

– Тогда, вы позволите мне приехать в Лондон на выходные?

– Да, конечно. Нет проблем, приезжайте. Тем более и в Лондоне у меня знакомых нет. Я сейчас напишу вам адрес гостиницы, где я остановилась, – и достав из сумочки записной блокнот, на его листке написала свой адрес. Затем, попросила домашний номер телефона Стива и записала в свою записную книжку.

Дойдя до вокзала, не принимая ее возражений, Стив купил для Бану билет на первый поезд до Лондона. Перекусив в вокзальном кафе, они вышли на перрон. Поезд должен был подойти через несколько минут. Дождавшись его, прошли к нужному вагону и попрощавшись, Бану прошла в свое купе. Стив не уходил с перрона до тех пор, пока поезд не тронулся и не исчез из виду. А Бану, как только вошла в купе, из-за того, что провела бессонную ночь, положила голову на подушку, аж до самого Лондона проспала. И только тогда, когда ее разбудил проводник, поняла, что она уже приехала...

ГЛАВА 4. Милость Всевышнего

Когда Саидходжа вышел из издательства, его машина сто-

яла у входа. Ричард, его водитель, увидев, как приближается хозяин, поспешил открыть ему заднюю дверь автомобиля.

Прежде чем закрыть его, спросил у него,

– Господин Саидходжа, а мистера Мориса подождать?

– Да, он сейчас подойдет,

Через минуту появился у входа и Морис. Сев на переднее сидение машины, приказал водителю,

– Ричард, поехали в гостиницу, – а затем, повернувшись назад, спросил у хозяина. – Господин Саидходжа, может быть к Вам врача пригласить?

– Нет, не стоит. Мне врач не поможет. Да и у меня нигде не болит, просто тоска навалилась.

– Быть может это у Вас от усталости и частых перелетов? Постоянные перегрузки негативно влияют на организм человека, а Вы почти каждый день, то в небе, то на земле.

– Возможно...

Когда они оказались в номере, Морис спросил у хозяина,

– Ужин заказать как обычно?

– Если надо будет, я тебе сам позвоню. Не знаю когда захочу поесть, аппетит пропал. Морис, наверное, сам завтра не проснусь. Если я вдруг просплю, ты не забудь, обязательно разбуди к семи.

– Хорошо, господин Саидходжа, – сказав, Морис удалился.

Переодевшись, Саидходжа пошел в ванну и, открыв холодную воду в душе, встал под ее струи.

Простояв под струей холодной воды около часа, только тогда понял, что сильно продрог, и все тело пронзилось насквозь холодом. Быстро пройдя в спальню, укутался теплыми одеялами. Но его состояние было по-прежнему подавленное, тяжесть в груди не спадала. В голову лезли всякие неупорядоченные мысли. Ближе к одиннадцати вечера, не выдержав более усталости, достал из тумбы снотворное. Вынул из флакона две таблетки, хотя ему и хватило бы одной, и выпил обе.

Минут через десять, таблетки начали действовать и Саидходжа заснул. Хотя и был под действием снотворного, но те же мысли не покидали его и во сне. Ему снилось, словно это было на яву, в комнате появились первая жена Фариды и сын Саидакмал. Глядя на них, Саидходжа, размахивая своими руками, кричал. – Нет, нет, не может быть. Вас нет, вы умерли. – Но они, словно не слыша его, улыбнулись и стояли возле его кровати. Тут Саидходжа попытался встать, и как только уселся на кровать, ноги словно окаменели и не слушались.

Раньше, когда Саидходжа пытался вспомнить черты лица жены Фариды, у него это не получалось. Но тут видел ее отчетливо и ясно. Он видел ее как наяву, как будто она жива и стоит близко рядом с ним. Отчетливо видел ее черты лица, ее великолепные пышные волосы, но самое главное, ясно видел родинку на щеке Фариды. Да и сын Саидакмал был словно живой, смотрел прямо ему в глаза и улыбался. Саид-

ходжа более не в силах сдерживать свои эмоции, протянув им свои руки, зарыдал. Хоть он и спал, но ясно чувствовал как по лицу ручьем текут слезы, чувствовал влажность подушки. Но не мог проснуться, да и Фарида и Саидакмал не отпускали его.

Саидходжа их просил, умолял, – скажите что-нибудь? – Но они, стоя рядом с его кроватью, молча смотрели на него. И вдруг на их руках появился младенец, укутанный в пелёнку. Они, улыбнувшись, протянули его ему. Саидходжа когда взял ребенка на руки, словно почувствовал его тепло, его дыхание. Держа младенца на своих руках, Саидходжа прижав его к своей груди, захлебываясь зарыдал. Ему стало трудно дышать, сердце словно вот-вот остановиться или же выскочит из его груди. Когда он приподнял свою голову, Фарида и Саидакмал, стали сиять и словно ангелы, медленно паря в воздухе, растворились в лучах яркого света, появившегося в спальне.

Как только они исчезли, он, в ужасе испугавшись, что младенец так же исчез, взглянул на свои руки. Нет, ребенок все еще был у него на руках, а Саидходжа так же чувствовал его тепло, его дыхание. И в слезах, только нагнулся к нему, чтобы поцеловать его, как кто-то постучался, и разбудив, сказал, – Господин Саидходжа, время семь утра, нам скоро ехать,

Это был Морис, которого вчера сам попросил разбудить, если вдруг проспит. Саидходжа, открыв свои глаза, резко посмотрел на свои руки в надежде увидеть того младенца. Но,

увы, его там не было, хотя Саидходжа, когда Морис вошел в спальню, сидел так же, как и во сне.

– Господин Саидходжа, через сорок минут мы, должны быть в издательстве, а после должны лететь во Францию. Если не поторопимся, опоздаем на встречу в Париже, – все говорил Морис.

Саидходжа был аккуратен и пунктуален, слыл среди всей знати этим необыкновенным дарованием. Резко вскочив с места, и быстренько умылся, и переодевшись, направился к выходу...

Когда проводник разбудил Мехрибану и предупредил, что они прибыли в Лондон, за окном было раннее утро.

Она, выйдя из вагона, пошла в сторону автобусной площадки и когда нужный ей автобус подъехал, пройдя почти в пустой салон, уселась у окна. Через минут сорок поездки, за несколько остановок до гостиницы, она увидела великолепный сквер. Взглянув на часы, на которых время показывало четверть седьмого, на ближайшей остановке вышла. Пройдя к скверу, села на одинокую скамейку и призадумалась. Никак из ее головы не выходил Мансур. Тут же вдруг вспомнила про своего покойного отца Саидакмала, вспомнила свое прошлое.

Думая обо всем и оглядываясь по сторонам, на ее глаза попалась пожилая пара, видимо не коренные англичане. Пожилой мужчина, за руку которого держалась женщина, проходили мимо нее, и поприветствовав Бану, улыбнулся ей. В

его взгляде было какое-то тепло, нежность. В ответ ему, девушка, поприветствовав их, стала наблюдать за отдаляющимися пожилыми людьми. Как только они исчезли из виду, подумала о том, что тот мужчина чем-то похож на того человека, фотография которого была у отца.

Быстро достав ту фотокарточку из своей сумочки, Бану пристально взглянула на него, но не найдя ничего общего с тем человеком, отложила ее в сторону и призадумалась. Не понятно почему, вдруг она подумала о том человеке, который был запечатлен на той фотографии. Задавала себе вопрос, – почему, фотография этого человека оказалась в кармане ее покойного отца? Если он имеет к нему отношение, тогда почему не разыскал его?, – Вновь глядя на эту фотографию, она говорила себе. – Видно он не наш, не из Советского Союза, потому что одет прилично и по-европейски. Но самое главное, снимок был сделан однозначно в Париже, так как на заднем плане снимка виднелась Эйфелева башня. Как? Как эта фотография попала к отцу? Почему он ее хранил? Неожиданно эти вопросы стали сильно ее волновать. Но Бану, не найдя на них ответа, пешком пошла в сторону гостиницы. К тому времени, часы показывали восемь утра.

Когда швейцар гостиницы открыл дверь, Саидходжа, выйдя на улицу, взглянул на небо. Оно было невероятно голубое и чистое. Сделав глубокий вдох раннего утреннего воздуха, собрался сделать шаг, его словно молнией ударило. По ступеням в гостиницу поднималась его жена Фарида. Саидход-

жа, резко взглянув на нее, громко крикнул, – Нет, не может быть. – Его крик услышала и девушка, на которую смотрел он. Та, увидев Саидходжу, также была ошарашена от того, что со стороны гостиницы в ее направлении шел человек с фотографии, которая была у ее отца.

Когда они сравнялись, их сердца забились так, словно они вот-вот выскочат из груди. Сделав несколько шагов и пройдя мимо нее, Саидходжа не выдержал, и резко обернувшись, чуть ли не вскрикнул

– Мисс, простите, пожалуйста, – попросил ее,

А девушка до того, как он ее остановил, сама не в силах более удержаться, хотела у него спросить. Быстро подойдя к нему, и покрасневшими глазами, взглянув на него,

– Да, конечно, – сказала и пристально смотрела на него.

– Вы... – дрожащим голосом, и сильно волнуясь, – вы, вы... откуда приехали в Лондон? – спросил у девушки Саидходжа.

– Я, – уже почти в слезах, – я приехала из Советского... Союза..., -и опустила свою голову.

– А,... родом, родом... вы откуда.

– Из Узбекистана..., Вы... наверное, не слышали, есть там такой город...

– Случайно не Коканд? – уже почти в слезах, дрожа, спросил Саидходжа,

– Да, из Коканда. А, вы откуда знаете? – пристально взглянув на него, спросила Бану.

Тут ком подступил к горлу Саидходжи, и сердце чуть не остановилось. Он, сделав над собой невероятное усилие, еле-еле, выговорил,

– А, как зовут вашего отца,

– Сайдаматов Саидакмал, – сказав, девушка заплакала,

А Саидходжа, громко вскрикнув,

– Дочка, – и падая на колени, крепко обнимая ее. – Дочка, я твой дедушка Саидходжа, папа Саидакмала, – и он неистово зарыдал.

А Мехрибану, услышав это, тоже не в силах стоять на ногах, уселась рядом с ним на корточки. Саидходжа, захлебываясь рыдая, непрерывно повторял,

– Доченька, доченька, я твой родной дедушка Саидходжа, я твой родной дедушка Саидходжа, – и стал быстро целовать ее в щеки. Затем он, обернувшись к своим сопровождавшим его сотрудникам, весь в слезах, показывая на Бану, говорил,

– Это моя родная внучка, родная внучка, о которой я не знал, она нашлась, слава тебе Всевышний, она нашлась.

Увидев эту сцену, Морис приказал охранникам и сотрудникам Саидходжи окружить его и Бану своими телами и укрыть от посторонних глаз.

Саидходжа и Мехрибану еще долго не отпуская друг друга из рук, просидели на том месте. Затем, Саидходжа обращаясь к Морису, сказал,

– Морис, отмени все ближайшие встречи, мы летим в Зальцбург, к моей родной Эльзе. – Громко сказав, прижал

внучке к себе и направился к машине.

Саидходжа до аэропорта не отпускал от себя Мехрибану. Так и ехал, крепко прижав ее к себе и постоянно целуя то ее руки, то ее щеки. А когда они прошли в салон самолета, ничего не понимая, Мехрибану спросила у него,

– Простите, пожалуйста, а куда мы летим?

– Домой доченька, домой, – целуя ее, радостно сказал Саидходжа.

– Простите, пожалуйста, а почему Вы уверены, что я Ваша внучка?

– Сайдаматов Саидакмал, твой отец?

– Да, мой отец. Но до его смерти, я об этом не знала.

– Тебе, наверное, рассказывали, что два года тому назад, к нему в Хайдарабат приезжали незнакомые люди. И в тот же день по дороге в Коканд на велосипеде он разбился.

– Да, так и было. Мне об этом рассказал друг отца, дядя Хазраткул.

– Как раз, перед его гибелью с ним разговаривал мой доверенный человек. Скорее всего, после того, как он ему рассказал о том, что я жив и не погиб на войне, наверное, папа спешил к тебе, чтобы сообщить об этом. И торопясь, погиб на том спуске, о котором мне рассказал мой человек.

– Нет он торопился не ко мне, а своему единственному другу, моим нынешним родителям, к дяде Хазраткулу.

– Вот как? А почему ты так считаешь, что он единственный друг Саидакмала?

– В то время я была в Москве. Я учусь в МГУ. О том, что я дочь отца знал только Хазраткул ака. Папа не хотел, чтобы я тоже мучилась, как он. Из-за этого, скрывал от всех мое существование.

– Почему?

– Боялся навредить.

– Кого боялся?

– Тех, кто мстил ему за Вас. Он не хотел, чтобы его участь, его страдания и гонения постигли и меня. Из-за этого, когда умерла после родов моя мама, он назвал меня по просьбе мамы Мехрибану и попросил дядю Хазраткула, под другой фамилией взять меня в детский дом, где он был директором. У меня фамилия не как у вас Саидаматова, а Ходжаева.

– Почему Ходжаева, что у Хазраткула такая фамилия?

– Нет, как я поняла, в Вашу честь. Ваш род ведь Ходжи, не так ли?

– Спасибо ему за это. Бедный Саидакмал, досталось ему за меня.

– Простите меня, Вы что, предали свою страну? – С укором спросила у него Бану.

Сиадходжа, вскочив с места и злобно взглянув на нее, произнес,

– Больше никогда не произноси этих слов. Я никогда не был предателем и изменником Родины. И никто, слышишь, никто не имеет права обвинить меня в трусости.

– Тогда объясните мне, почему Вас объявили врагом на-

рода? Тогда почему всех простили, а Вас нет? А моего отца до конца своих дней преследовало КГБ, почему? – Разрыдавшись, и полных слез глазами, жестко спросила Бану у него.

Саидходжа, видя, как страдает внучка, вновь подсел рядом с ней, и обняв ее, с прослезившимися глазами сказал ей,

– Доченька, не плачь. На это есть свои причины и в Австрии я тебе обо всем расскажу.

Когда самолет приземлился в Зальцбурге, у трапа самолета его ожидал водитель,

– С приездом, господин Саидходжа,

– Здравствуй Фредерике, фрау Эльза нас ожидает дома?

– А где еще ей быть, господин Саидходжа? – и увидев Бану, – А кто эта очаровательная леди? – Сгорая от любопытства, спросил Фредерике.

– Это пока секрет, – широко улыбнувшись, сказал Саидходжа. – Но поверь, Фредерике, когда услышишь, не устоишь на ногах.

– Я уже сгораю от любопытства, господин Саидходжа, – широко улыбнувшись, сказал он.

– Потерпи до дома, там с фрау Эльзой ты обо всем узнаешь, – вновь улыбнувшись, сказал, и они усевшись в лимузин, поехали домой...

ГЛАВА 5. Материнские чувства

Подъезжая к замку, Саидходжа попросил водителя Фредерике остановить машину у ворот. Увидев замок, Мехрибану удивленно спросила у деда,

– Неужели этот замок Ваш?

– Нет, не мой, – улыбнувшись, ответил ей Саидходжа,

– А чей, Ваших детей?

– Нет,

– А я почему-то была уверена, что этот замок Ваш.

– Я, наверное, выразился не так. Замок принадлежал мне,

– А теперь кому принадлежит?

– Моей единственной внучке, то есть тебе.

– Как, у вас разве не было детей?

– К сожалению, Всевышний нас с моей Эльзой обделил в этом.

– Вашу супругу зовут Эльза?

– А почему ты меня не зовешь дедом?

– Простите, простите, пожалуйста, дедушка, больше такое не повторится, – сказав, Мехрибану крепко поцеловала деда.

– Вот теперь верю тебе, – сказав, Саидходжа в ответ поцеловал ее, а затем попросил. – Ты знаешь, почему я попросил водителя остановить машину у ворот замка?

– Нет, не знаю.

– Родная, у меня есть к тебе просьба.

– Какая?

– Сейчас я выйду из машины, дальше ты поедешь одна, а я немного погода подъеду на другой машине.

– Почему?

– Я хочу, чтобы моя Эльза сама узнала тебя, – сказав, и отдал указание водителю, а сам вышел из машины.

Когда машина тронулась, Фредерике обернувшись к ней, с широкой улыбкой спросил у нее,

– Значит, господин Саидходжа нашел своих родственников? Значит, вы мадмуазель ему приходитеесь внучкой, я правильно понял?

– Да, господин Фредерике, выходит я внучка ему.

– Вот удивится фрау Эльза, вот удивится, – говоря, они доехали до замка.

Когда машина остановилась у парадной лестницы, Фредерике быстро выскочил из машины, и подбежав к задней двери, открыл ее для Бану. Только она вступила на землю, он торжественно, с широкой улыбкой, рукой указал ей направление движения. Как только Бану стала подниматься по ступеням, Фредерике тут же уехал.

Поднявшись по ступеням, Мехрибану медленно вступила в фойе огромного холла. Немного пройдя, увидела как в большом каминном зале, трескаясь от углей, горели березовые поленья. Она, неловко созерцая по сторонам, сделала маленькие шаги и направилась в сторону, где горел камин. Предполагая, что если он горит, значит там кто-то есть. Когда Бану подошла к высоким дверям каминного зала, оттуда со словами,

– Ты вылитая копия своего деда в молодости, – шла к

ней Эльза. Подойдя, она обняла и поцеловала Бану. И затем осторожно прошлась своим пальцем по ее родинке на щеке. – А ее ты наверняка унаследовала от бабушки.

В это время, непонятно когда приехавший Саидходжа стоял, молча прислонившись к двери, и наблюдал за этой идиллией. Тут Эльза, увидев мужа, сказала,

– А ты, что стоишь у дверей? Раз уж вернулся пораньше, входи, – обняв, поцеловала его.

– Родная, тебе что уже сообщили о ней? Я же ведь всем категорически запретил говорить.

– Эх, вы, мужики, – вновь целуя Бану, произнесла она. – Не знаете вы нас женщин. Я почувствовала ее и она очень сильно похожа на тебя и на Фариду.

– Родная, ты же никогда не видела ее, откуда знаешь, что Бану похожа на бабушку? И неужели я такой же красивый? – Крепко обняв и приподняв ее, спросил Саидходжа.

– Ой, не обольщайся, она отчасти похожа на тебя.

– Значит, сюрприз получился? – Спуская ее вниз, спросил Саидходжа.

– Вот на счет сюрприза, ты прав, родной, действительно я не ожидала встретить ее. А как зовут нашу прелестную красавицу?

– Ах, да. Я позабыл вас представить друг другу, – а затем, взяв за руки внучку. – Родная, знакомься, это наша внучка Мехрибану. – А потом, он, обняв свою супругу, представил внучке. – Бану, эта очаровательная фрау, моя родная, люби-

мая и ненаглядная...

– Саид, хватит меня возвышать, – и, взяв за руки Бану, – родная, меня зовут Эльза. Но ты будешь звать меня бабушка, договорились? – поцеловав ее, спросила она.

Тут Саидходжа попросил водителя Фредерике срочно обратиться всех своих родных и близких.

– Слушаюсь, господин Саидходжа, – радостно произнеся, он быстро удалился.

Когда Фредерике ушел, Саидходжа подойдя к жене, которая с Бану сидела на кресле, в каминном зале, спросил у нее,

– Родная, скажи мне честно, кто тебе выдал о том, что я в Лондоне встретил внучку?

– Никто. Я сама догадалась.

– Но как?

– Не помнишь, как ты мне много раз рассказывая об Узбекистане, описывал узбечек? И часто рассказывал о Фариде, описывал ее черты лица. А сегодня утром у меня екнуло сердце, и мне показалось, к радости. Когда Мехрибану вошла, я сразу же ее почувствовала...

– Вы первый человек, которому удалось произнести мое имя без акцента и ошибок, – удивленно, сказала Бану,

Тут Саидходжа обнял свою жену, и радостный поцеловав ее, сказал,

– Внучка, моя родная Эльза, на половину узбечка, – и вновь несколько раз ее поцеловал,

– Саид, ребенок рядом, – немного смутившись, сказала

Эльза.

– Ох, ничего себе, не успела появиться внучка, предательница, меня уже отталкивает, – и громко засмеявшись. – Милая моя, спасибо тебе за все, за то, что ты у меня есть и за то, что Всевышний мне тебя дал. – И вновь крепко поцеловал жену.

Пока они обменивались любезностями, у дверей каминного зала появился пожилой господин Филип Лам с сыном Фредди. Увидев их, Саидходжа быстро подошел к нему, и поприветствовав их,

– Пойдемте, пойдемте господин Лам, я вас познакомлю со своей внучкой, – и, подзвав Бану, ей их представил. – Родная, познакомься с этим замечательным человеком. Этот милый, доброй души господин, близкий друг моего покойного отца, доктора Карла фон Штаубе, Филип Лам. Он управляет нашим замком. А этот молодой юноша, его сын Фредди, его помощник, – а затем представил им внучку. – Господин Лам, знакомьтесь, Мехрибану, можно просто Бану, моя родная внучка, дочка моего покойного сына Саидакмала. – А потом, извинившись перед ними, увел господина Лама с сыном. Пройдя в большой холл, предложил им присесть на стулья и спросил у него,

– Ну что, господин Лам, все сделали так, как я вас просил?

– Да, господин Саидходжа. Как только ваш помощник Морис позвонил мне и передал вашу просьбу, я сделал все так, как вы просили. Все готово к приему гостей, можете сразу

же их вести туда.

– Хорошо. А гостей всех предупредили?

– Сын господина Герхарда, Карл уже летит из Нью-Йорка и должен прибыть к намеченному сроку.

– С семьей?

– Да, с полным составом. А господин Арнольд с фрау Луизой, всей семьей вот-вот должны подъехать.

– Ну, что же, ступайте и как только я подойду к поляне с гостями, вы должны всех их удивить.

– Не сомневайтесь, господин Саидходжа. Все будет на уровне и гости будут в восторге, – сказав, господин Лам с сыном покинул его.

Не успел господин Лам пройти и несколько шагов, в дверях появился вечно, чем-то недовольный Арнольд, и прямо с порога, бурча, стал говорить,

– Саид, я, еле-еле впервые собрав все свое семейство, поехал поколесить по Европе, ты срочно приказываешь нам вернуться. Ну, смотри брат, если твоя новость не так уж важна, я тебя собственными руками пристрелю. И поверь, – указывая ему пальцем, – моя рука не дрогнет.

– Дружище, Арнольд, – крепко его обняв. – Поверь, весть, которую я тебе сообщу, наверное, важнее нее ты от меня ничего и никогда не слышал.

– Ну, колись тогда, о чем нам хотел рассказать?

– Я стал дедушкой, – улыбаясь, сказал Саид.

– Что, да разве это новость, ради которой стоило мне воз-

вращаться? – затем немного подумав. – Постой, постой. Мои не собираются рожать. Карла жена еще полгода тому назад родила. Элизабет еще в прошлом году родила, а Эльза вроде не рожала, чтобы ты стал дедом. Не понял, а кто тогда родил? – сказав, Арнольд стал оглядываться по сторонам.

– Мой сын Саидакмал. . .

– Как, неужели? Ты нашел его детей? Где, где? Показывай поскорее? – Сказал и быстро направился в каминный зал. И войдя туда, у большого камина увидел Эльзу, стоящую в обнимку с какой-то девушкой.

А Эльза, улыбаясь, пока к ним шел Арнольд, сказала Бану,

– Знакомься Мехрибану, отныне, этот ворчливый человек твой дядя Арнольд,

Не успела договорить Эльза, Арнольд быстро подошел к ним, и схватив за плечи Бану,

– Боже праведный, боже праведный, Господь всемогущ. – Сказал, и обернувшись к Саиду, громко произнес, – Саид, и впрямь она похожа на тебя, – и крепко обняв, несколько раз поцеловал Бану, – а затем добавил, – Добро пожаловать родная, добро пожаловать, – и отпустив ее, обнял Эльзу, – родная сестричка, поздравляю тебя, я рад за вас, искренне рад, – сказал ей.

Тут и Луиза, подойдя к Бану, обняла ее,

– Милости просим, добро пожаловать в семью, – сказав, несколько раз она поцеловала ее, – затем, Луиза обняла, и поцеловав Эльзу, сказала ей. – Родная, если бы ты знала, как

я рада за тебя, – и уже обращаясь к Саиду.– Саид, а Бану очень похожа на тебя, – радостно, сказала ему.

Как раз в это время к ним подходил он сам. Обняв свою жену, стал ей говорить,

– Спасибо тебе за все, милая! Спасибо за то, что ты у меня есть. Спасибо тебе за то, что тогда в горах не бросила меня, за то, что выходила. За то, что я здесь стою и обнимаю свою внучку. Спасибо за все мгновения счастья, которые я провел рядом с тобой, – сказав, несколько раз ее крепко поцеловал.

– И тебе спасибо, любимый, за то, что ты есть у меня, – с прослезившимися глазами, в ответ поцеловала мужа.

В это время, к ним вошла семья и Герхарда,

– Мычто-то пропустили? – громко сказав, он подошел к ним. Следом за ним вошла Барбара и дочка Элизабет с мужем Францем.

– Всем молчать, эту новость ему должен первым рассказать я, – расталкивая всех и ведя за руку Бану, к нему направился Арнольд. И показывая ее Герхарду, только хотел ему сказать кто она...

– Неужели ты нашел родных? – увидев стоящую рядом Бану, спросил у Саида Герхард.

– Ну, вот, как всегда, – и обращаясь к Бану. – Бану, как только я пытаюсь всех удивить, вечно у меня это не получается, – а, затем, уже обращаясь ко всем. – Признавайтесь, кто из вас настучал Герхарду?

А Герхард обнял Бану, и несколько раз ее поцеловав, ска-

зал,

– Арнольд, неужели если ее показали бы тебе, ты не догадался бы?

– Да милый, просто она очень похожа на своего деда, этого мы не в силах отрицать, – обнимая его, сказала Луиза,

Тут, Арнольд, пристально взглянув на Бану, одобрительно покачал головой и сказал,

– Ты права, тут однозначно можно безошибочно сказать, что она внучка Саида.

– Мы рады встрече с вами, дорогая, – вновь обнимая, сказал Герхард, и, не зная ее имени, он замешкался, и Арнольд, громко ему сказал,

– Мехрибану – еле-еле, с акцентом выговорил, – нет, полностью трудно. Для родных она Бану, вот, – сказал он.

– Мехрибану, так намного звучнее. Мы очень рады вам Мехрибану, добро пожаловать в семью. – За ним к ней подошла Барбара и их дети.

Бану видя вокруг себя огромное количество родственников, которых у нее никогда не было отроду. Вспомнив, как ей было одиноко и тяжело, стоя у окна второго этажа интерната, наблюдать за теми детьми, к которым приезжали родители и родственники, не удерживая своих слез, разрыдалась. Тут все, увидев, как она плачет, не понимая в чем дело, огляделись между собой и замолчали. Эльза быстро сообразила причину ее боли, подойдя к ней, крепко прижала ее к своей груди. В ответ, Бану тоже сильно прижавшись к ней, не

останавливаясь, захлебываясь, стала говорить,

– У меня..., у...меня, там, в интернате... никогда не было...

– Я знаю родная, я знаю. Теперь все позади, теперь ты не одна, ты не одинока. У тебя есть мы, а у нас ты, – целуя ее и тоже плача, успокаивала ее Эльза.

– Я..., я всегда... хотела, чтобы кто-то..., хотя бы кто-то меня нашел,.. нашел меня, – рыдая, захлебываясь говорила Бану.

– Теперь все позади, теперь ты никогда, никогда не будешь одинока, мы всегда будем рядом с тобой.

Увидев эту сцену, не в силах сдерживать свои эмоции, к ним присоединились и остальные. И обнявшись, создали огромный круг.

– Мехрибану, оглянись вокруг, сколько нас, которые, отныне будут любить тебя. – А затем, взглянув наверх, как бы обращаясь Господу, она произнесла. – Спасибо тебе Господь, за дарованное нам счастье. Спасибо тебе Господи за то, что ты не оставил это невинное создание на произвол судьбы.

– Воистину, Аминь, – воскликнули все.

Когда они, немного придя в себя, успокоились, к Саиду подошел господин Филип Лам, и сказал ему,

– Господин Саидходжа, у нас все готово,

– Хорошо, вы идите, мы сейчас подойдем.

А Арнольд, пока все были в идиллии, обшарив все углы замка, подойдя к Саиду, недовольно спросил,

– Ну что дед? Где будем обмывать твою внучку? В гостиной стол не накрыт. Ты что разве еще не готовился к встрече?

– Вечно голодный Арнольд! Пока мы тут обнимались, он успел обшарить весь замок и не найдя накрытого стола, уже возмущается.

– Герхард, ты не поверишь, спроси у Луизы, у меня аж с самой Вены и росинки не было во рту.

– Да, это так, если конечно не считать пару гамбургеров и несколько хот-догов, – подтвердила его слова Луиза.

Все, услышав это расхохотались, а Арнольд, словно оправдываясь,

– Это разве еда, тем более дорога, тряска и в желудке ничего не останется. Саид не томи, колись скорее, где накрыл поляну?

Показывая ему рукой направление, куда следует идти, Саидходжа предложил и остальным,

– Дорогие, родные мои, пойдемте в парк, там уже все приготовлено и нас ждут. Отметим достойно такое событие, – и обняв Эльзу и Мехрибану, повел гостей за собой...

ГЛАВА 6. Это светлое слово мама

Мехрибану так и прижавшись к Эльзе и не отпуская ее, пошла в парк. По пути туда к ним присоединился и Саидходжа и они втроем, обнявшись, шли за остальными. На площадке в парке господину Филипу Ламу за один день удалось

организовать такое торжество, что Саидходжа диву дался.

По центру площадки стояли несколько потрясающе накрытых столов. Вокруг них и вдоль дорожки, идущей к ней, горели факела, а на столе в старинных подсвечниках горели свечи. Все было организовано так, словно вы оказались на пиру у знатных особ древних рыцарей.

Когда все родня и по случаю пришедшие друзья собрались за столом, Саидходжа, сам разлив по бокалам вино, взял слово,

– Родные мои! Два года тому назад, когда я услышал о гибели моего сына Саидакмала, чуть вместе с ним и я не умер. Да, тогда моя душа, мои мечты и надежды рухнули. Но я держался только благодаря моей единственной и любимой Эльзе, – и, нагнувшись, он ее поцеловал. – Я тогда не умер, не сломался благодаря моей семье, моим братьям, вам, дорогие мои друзья. Мне тогда было невыносимо трудно и больно, мое сердце словно разбилось и почти угасало. Но однажды, – он, положив на плечо супруги руку и нежно взглянув на нее, сказал. – Но однажды, когда я чуть свой рассудок не потерял, моя милая Эльза, глядя мне в глаза, сказала, – Родной, не изводи себя, не надо. Вспомни отца, ведь он тоже похоронил Герхарда, но папа не терял надежды. Верил, что сын жив, что они непременно увидятся, и никто в обратном не мог переубедить его. А вдруг и у тебя случится так же. – Тогда я не верил, что когда-нибудь прижму к своей груди родную внучку, и вот. Вы конечно простите меня, мы всегда с моей

Эльзой считали ваших детей и внуков своими, но сейчас...

– А ты попробуй сейчас их не любить по-прежнему, мы тебе быстро накостыляем, – громко хохоча, крикнул Арнольд.

– Да, брат, – говоря, Саид подошел к нему, а тот резко встал с места, и Саид крепко обняв его. – Да брат, мы любим, мы любим, и будем любить их как прежде. По-другому и быть не может, – возвращаясь на свое место, Саид продолжил. – Для нас с Эльзой ваши дети останутся такими же, какими были до появления в нашей жизни Мехрибану. Просто их для нас стало на одного больше, вот и все. Знаете, эти чувства, я имею в виду, чувство осознания того, что ты отец, а у тебя есть ребенок, невозможно передать словами. Я благодарен Всевышнему за то, что он мне дал мою родную Эльзу, я благодарен Всевышнему за всех вас, и огромное спасибо за то, что у меня был отец Карл фон Штаубе.

Как только, произнеся свою речь и предложив своим гостям выпить за это, Саидходжа даже не успел поднять свой бокал, небо над поляной озарилось яркими лучами выпущенных фейерверков. Под их аккомпанементы все гости повторно налили в свои бокалы вино и соки и выпили их до дна. И до самого рассвета их веселье и торжество в честь внучки Саидходжи продолжалось.

Ближе к рассвету гости разбрелись отдыхать по многочисленным комнатам замка. А Эльза повела Мехрибану с собой, и, пройдя в одну просторную и большую спальню, ей сказала, – Дорогая Мехрибану, отныне эта спальня твоя. Здесь ни-

кто и никогда не ночевал, так что ты первая и единственная.

– А Вы где будете спать? – Детским взглядом, словно боюсь спать одна, спросила Бану у нее.

– Спальня напротив, это моя и Саида. Не волнуйся, и спи спокойно, мы будем рядом с тобой, – сказав, она, поцеловала ее в обе щеки и закрыла за собой двери.

После того, как бабушка ушла, Бану еще несколько часов в раздумьях не могла заснуть.

Ближе к обеду проснувшись, Эльза, осторожно, чтобы не разбудить ее, вошла в спальню внучки. Но когда она подошла к кровати, то Бану на месте не оказалось. Она быстро спустилась вниз и посмотрела в каминный зал, и не найдя ее там, позвала прислугу,

– Вы не видели Бану?

– Она еще пару часов тому назад направилась в сторону озера. Когда мы ее спросили, – может быть, что-нибудь надо, госпожа сказала, – нет, – и что хочет побыть одна.

Как только они об этом ей сказали, Эльза, разволновавшись, быстро направилась в сторону озера. Там у воды, на большом камне, о чем-то призадумавшись, сидела Бану. Она, услышав хруст галечника за собой, обернулась и увидела бабушку. Быстро вскочив с места, приложила свои руки к груди, и поклоняясь, произнесла,

– Ассолому алейкум, бабушка, как Вам спалось?

– Валейкам ассалом, – ответила ей Эльза.

Услышав ее ответ, Мехрибану широко раскрыла свои гла-

за и удивлённо спросила у нее,

– Бабушка, вы меня поняли? Вы, что, говорите по-узбекски?

– Нет, не говорю. Но некоторые слова, в особенности, при ответстве знаю точно, потому что твой дед со мной по-иному и не здоровается.– Обняв ее и поцеловав, ответила Эльза. – Как тебе спалось? Хоть немного отдохнула?

– Если честно, я спала, может быть, час, другой. Столько всего нового, новые впечатления, эмоции переполняли мое сердце, вот из-за них я толком и не поспала.

– Ничего, скоро привыкнешь и будешь спать крепко, как младенец. Воздух в наших краях изумительный, чистый и бодрящий. Я думаю, возможно, такого места больше нет на земле.

– В этом Вы абсолютно правы, бабушка. Красивее этих мест я не встречала нигде, – затем постелив плед на камень, – бабушка садитесь, – предложила ей.

Усаживаясь на камень, протянула ей свои руки,

– Родная, пойдем ко мне, здесь и для тебя место хватит.

Усевшись рядом с ней, она крепко прижалась к бабушке,

– Мехрибану, о чем ты думаешь?

– Я раньше не знала, как это прекрасно иметь родных и близких тебе людей. Всегда думала о том, что если когда-нибудь выйду замуж, непременно нарожу столько детей, чтобы они никогда не чувствовали себя одинокими. Думала, что буду любить их так, понимаете, сильно, сильно. Чтобы мои

дети чувствовали мое тепло, мою любовь.

– Какая же у тебя открытая и добрая душа, – прижимая ее к себе, произнесла Эльза. – Я благодарна Господу и судьбе за то, что под старость они нам подарили тебя.

– Во-первых, Вы совсем не старая,

– По-твоему нет, – немного отпрянув от нее и оглядев себя, спросила она у Бану,

А Бану вскочив с места, под села на корточки перед ней и обнимая бабушку за талию,

– Да Вы еще о-го-го-го – и одобрительно покачав головой, – нет фрау Эльза, Вы еще на шаг вперед дадите фору своим сверстницам.

Тут Эльза расхохоталась,

– Вот видите, Вы смеетесь и хохочите как молодая леди.

А бабушка, еще громче рассмеявшись, обняла Бану и несколько раз поцеловала ее. А та, как бы отталкиваясь от нее, все еще говорила,

– Вы для меня очень молода и мне неловко, Вас называть бабушкой.

– И, как бы ты хотела меня звать? Не могу же я быть тебе подружкой, – улыбаясь, спросила Эльза.

– Нет, подружкой это слишком. Я с детства, как только стала осознавать себя, дала себе слово. Если когда-нибудь мне удастся найти свою маму, я ее простила бы за то, что она меня бросила, за то, что оставила в детском доме. Думала, когда ее встречу, крепко прижмусь к ней, мама, родная, лю-

бимая, я тебе все прощаю. Но тогда я еще не знала о том, что моя мама умерла во время родов. А о том, что мой папа был рядом, хотя я его всегда видела и обнимала, не знала. Я не знала тогда, что он, избегая меня, оберегает и защищает свою дочь от бед и лишений.

Затем, Бану, немного помолчав, пристально взглянула на Эльзу и резко заплакала. Затем крепко прижавшись к ней, полных слез глазами, взмолилась,

– Мама, мамочка родная. Если бы Вы знали, как долго Вас искала. Как долго я ждала, чтобы произнести эти прекрасные слова, мама, мама, мама, – и целуя щеки, лицо, глаза Эльзы. – Я не буду Вас называть бабушкой. Вы мне не бабушка, нет, не бабушка, а моя долгожданная и желанная мама. Вы же мне позволите называть Вас мамой, ведь позволите же, да? – вновь, сильно заплакав, как бы умоляя ее, просила Бану.

Услышав ее слова, и как она говорит искренне, от чистой души и сердца, эти прекрасные слова мама, Эльза тоже заплакала. Ведь она, до Мехрибану, из-за того, что у них с Саидом не было детей, никогда не слышала от кого-либо этих слов.

– Родная моя Мехрибану, конечно, конечно я согласна. Я буду этому безмерно рада, родная, – полных слез глазами, целуя и обнимая свою дочь, говорила Эльза.

В это время к ним подошел Саидходжа, и увидев его, Эльза протянула ему руку,

– Саид, любимый, иди скорее к нам, Мехрибану меня...

– Ничего не говори родная, я все слышал, – сказав, он крепко обнял обоих.

– У нас с тобой есть дочь, родной, наша дочь, ты слышишь, наша,

– Слава Всевышнему за этот дар, – вознеся свои руки к небу, произнес Саид.

Тут, им послышался голос Арнольда, он, громко хохоча, подошел к ним и сказал,

– Что, семья Сайдаматовых решила искупаться? – в руках держа несколько бокалов и большой кувшин вина, и увидев их красные глаза, приподнимая кувшин. – Тьфу, они все режут, вместо того, чтобы радоваться, – а потом, взглянув на прислугу и указывая, куда ставить столы.

– Арнольд, Мехрибану назвала меня мамой, – сказала ему Эльза.

– И правильно сделала. Какая ты к чертовой матери бабушка, – а потом обратившись к Саидходже. – А, Саид, ведь моя сестренка еще ничего, не правда ли?

– Брат, ты абсолютно прав, – обнимая его, сказал Саид.

– Давайте, давайте, тащите все сюда, – Арнольд обратился к прислуге. – У нас есть повод, моя сестренка родила дочь, и нам стоит это дело отметить, – наливая вино по бокалам, радостно сказал он. – Эй, пройдите по спальням и если кто еще спит, окатите их холодной водой и передайте им, пусть поторапливаются и бегут сюда.

Через пятнадцать минут все родственники и гости были

уже у озера. А далее, под чутким руководством Арнольда, все праздновали рождение дочери Эльзы. Пир, устроенный Арнольдом, продолжался до самой ночи, и даже тогда никто не хотел его останавливать...

ГЛАВА 7. Возвращение после долгих скитаний

Целую неделю Саидходжа и Эльза ни на минуту не отпустили Бану от себя. В роль родителей вошли так, что наблюдая за ними можно было подумать, что это пожилая чета вырастили немало своих детей. Да и сама Бану, с детства обделенная родительских ласк, не отставала от своих настоящих родителей. Образ отца и родителя так пришлось по душе Саиду, что тот совершенно позабыл про работу, про свои контракты, сделки. Категорически запретил охране впускать кого-либо, если тот пришел говорить о работе.

Понимая его, пресс секретарь, господин Клаус фон Бюргер, как мог, пытался уговорить, убедить, объяснить всем партнерам Саидходжи о сложившейся ситуации. Но бизнес Саидходжи был не малым. В ней не то что неделя, а даже один день невнимания мог нанести ему непоправимый ущерб. Бану это тоже понимала, и однажды, сама заговорила с ним на счет его работы.

– Папа, Вы не забыли о своих делах? – Спросила у него,

– Нет, не забыл. Отныне, моя работа это ты родная, – обнимая, Саидходжа, поцеловал ее.

– Так нельзя, – с иронией произнесла она.

– И почему же?

– Я все-таки будущая журналистка, – и указывая ему пальцем, – заметьте, международник. И не понаслышке знаю про Вашу капиталистическую систему. Знаю о том, как строятся у Вас торгово-экономические взаимоотношения.

– Вот как? – Словно удивляясь, качая головой, произнес Саидходжа.

– Ну папа, не надо иронизировать, я говорю с Вами серьезно.

– Хорошо, а дальше что?

– Слава Всевышнему, что мы с Вами нашли друг друга и больше никогда теперь не расстанемся. Но поймите, у Вас есть обязательства перед партнерами, компаньонами, наконец, несколько тысячи людей, которые работают на Ваших компаниях. У каждого из них есть семьи, дети, свои проблемы, свои мечты, надежды, планы на будущее. Папочка, не стоит рушить их мечты, не надо. Я думаю, нет, мы с мамой думаем, что Вам пора возвращаться к своим обязанностям. А мы с мамой Вам поможем, что скажете? А еще, мне тоже надо писать свою дипломную работу, вот о Вас я ее напишу.

Саидходжа, видя, как рассуждает Бану, гордо приподнял свою голову, взглянув на Эльзу, кивнул ей. А она, в ответ, ему кивая, сказала,

– А что хотел? У нее течет твоя кровь, и я от Бану другого не ждала.

– Дочка, не волнуйся. Теперь тебе не надо писать свою дипломную работу. Лучше я буду учить тебя бизнесу, который веду. А потом, его тебе передам, и ты будешь вести его сама. А мы, со своей старухой, будем отдыхать, и радоваться жизни.

– На счет старухи Вы неправы. Mamочka еще молода и тем более не выглядит на свои годы. А на счет диплома, я его все равно буду писать, а потом должна защитить. Папочка, поймите, я сама должна зарабатывать. Нельзя, не правильно быть иждивенкой, и на готовом наслаждаться.

– Но почему ты так думаешь?

– Папа, неужели Вы забыли свое детство, когда там находясь, давали себе слово, что будете не покладая рук и не жалея себя трудиться, чтобы Вас стали уважать, ценить, любить.

– Да, давал обещание. И так поступил, как видишь, добился же все-таки, – и, раскинув свои руки по сторонам, показал Саидходжа.

– Тогда почему же Вы не позволяете и мне пойти по Вашим стопам? Деньги, власть, положение, замки, это прекрасно. Но прежде чем владеть ими, мы должны стать человеком с большой буквы. Мы должны заслужить право ими владеть. Поверьте, иметь несметные богатства, не столько трудно, сколько потерять свой разум от них. Самое трудное и самое сложное для человека, я думаю остаться им. А упавшие с небес богатства, если мы не готовы ими владеть, могут

мигом нас превратить в животных. Папочка поймите, самое плохое это сожалеть после совершения ошибки, когда исправить ничего уже невозможно. Мама, моя родная мамочка, разве я не права,— с прослезившимися глазами, Бану прижалась к ней.

А Эльза, слушая Бану, давно уже прослезилась, и, обратившись к мужу,

— Саид, она вся в тебя. Не спорь с ней, позволь ей поступить так, как считает нужным,— и поцеловав ее.— Дочка у нас умница,— добавила.

— Хорошо, родная, так и быть, поступай, как хочешь. А мы с мамой во всем тебя поддержим,— сказав, Саидходжа, обняв, поцеловал обоих.

Три месяца практики Бану пролетели быстро.

За это время, находясь рядом с дедом, написала великолепную дипломную работу. Благодаря его связям, перед ней открылись двери практически всех мировых изданий. За эти три месяца, кроме писания дипломной работы, ей удалось вместе с дедом и бабушкой исколесить весь мир и почерпнуть немало для себя полезного. За это короткое время, от того кроткого и неловкого гадкого утенка не осталось и следа и ее невозможно было узнать. Благодаря своему стремлению все познать, она буквально все схватывала на лету. И у нее были такие колоссальные познания, что хоть сейчас ее можно была ставить главным редактором издательства. В ее успехах познания, в становлении как личность, была нема-

лая заслуга Эльзы, которой из Бану удалось сделать прекрасную леди.

Однажды утром, Эльза, по привычке войдя в спальню Бану, не застала ее там. Предположив, где может быть, Эльза направилась к озеру. Действительно, она не ошиблась, Бану сидя на том же камне, смотрела куда-то вдаль. Заметив идущую к ней маму, вскочив с места и быстро направляясь к ней на встречу,

– Мамочка, я уже собиралась идти обратно, – подойдя к ней, обняв, поцеловала ее.

– Давай немного посидим у воды, – и, взяв ее за руки, ведя к озеру, – поболтаем по-бабски. Ты не против?

Бану быстро подбежав к камню, постелила на него мягкую меховую подстилку.

– Доченька, мать невозможно обмануть. Я уже неделю наблюдаю за тобой и заметила в твоих глазах грусть. Хотя ты от нас ее умело утаиваешь, но прошу тебя, расскажи мне, что беспокоит тебя? Почему ты грустишь?

Понимая, что мама права, Мехрибану опустила глаза вниз. Но Эльза, взяв ее своими ладонями за лицо и приподняв голову, сказала,

– Доченька, хотя у меня и не было своих детей, но я точно знаю, что только мама может понять свою дочь. А ты для меня не чужая, ты для меня родная, мне кажется, ты моя кровиночка. Каждый раз, когда я молюсь, благодарю Господа за то, что ты у меня есть. Прошу тебя, расскажи мне свою

боль, и мы вместе с тобой, что-нибудь да придумаем.

– Мама, мамочка, мне нечего от Вас скрывать. Просто практика у меня закончилась. Через месяц защита дипломной работы. Я, я, соскучилась по Коканду, как там дядя Хазраткул, тетя Тургунай, их сын Таир ака. Дядя Хазраткул, когда услышал, что мой папа погиб, из-за сильного переживания, с инфарктом, который его парализовал, слег. Им сейчас очень трудно. Врачи, которых Таир ака привез из Ташкента, сказали, что он больше никогда не сможет ходить.

– Почему ты раньше об этом нам не рассказывала. Возможно Саид, придумал, чтонибудь. Ведь медицина в Европе, на высоком уровне и твой папа, мог бы ему помочь. Тем более у нас своя клиника и она на хорошем счету не только в Австрии, но и в мире.

– Не знаю, почему я Вам о нем не рассказала. Наверное, сначала помешали эмоции от встречи с Вами, потом беготня с дипломной работой. Не знаю почему, но последние несколько ночей, они мне постоянно снятся. Вот, если честно я по ним соскучилась, и очень хотела бы увидеться с ними. Мне кажется, если бы не дядя Хазраткул, мы бы с Вами не встретились. Благодаря ему я оказалась в МГУ, а потом и в Англии, где встретила папу.

– Доченька, родная, в этом нет никаких проблем, пойдем, скажем, папе. У него в СССР, есть большие фирмы, с которыми твой дед сотрудничает.

Когда они входили в замок, их обыскался Саидходжа, и,

увидев, как они идут в обнимку,

– Что, решили без меня погулять?– отворачиваясь от них, словно обижаясь, сказал он.

– С добрым утром, папочка,– сказав, Бану быстро подойдя к нему и поцеловав его.– А мы с мамой ходили к озеру, немного посидели у воды.

– А, что. Я тоже не отказался бы там помочить свои ноги,– целуя свою жену, с укором сказал ей.

– Родной, хватит ворчать. Мы и так шли к тебе за советом,

– Неужели?

– Представь себе, да, мы шли именно к тебе.

– Тогда, я весь внимание, родная,– усаживая Эльзу удобнее на кресло, сам сел напротив нее.

– У Бану практика закончилась.

– Когда закончилась?

– Еще на прошлой неделе,

– Ну и что, теперь будет отдыхать.

– Через месяц у нее защита дипломной работы.

– Прекрасно, экзаменационную комиссию привезем сюда,

– Нет, привозить никого не надо. Мы с Бану решили до защиты диплома съездить к тебе на Родину, то есть в Коканд. Как ты на это смотришь?

Услышав Коканд, Саидходжа заволновался. За минуту, словно пулей пролетели те года, когда он там жил. Раньше, он об этом мечтал каждую минуту, каждый день, но с появлением в его жизни Бану, Саидходжа совершенно позабыл

об этом.

– Что замолчал, дорогой? Может быть, ты не рад нашему предложению?

– Конечно, рад, конечно, рад. Когда же мы туда летим?

– Это, как ты решишь. Все-таки ты глава семьи. Но, чем быстрее поедem, тем лучше, потому, что Бану, должна успеть к защите.

– Прекрасно. Тогда поедem все вместе. Герхард с семьей, Арнольд со своими. Пусть все видят, что наша Бану не одинока и у нее огромная семья.

– Было бы прекрасно, если мы в Коканд поехали всей родней. Саид, кроме этого, там, оказывается, очень сильно заболел друг и названный брат твоего сына Саидакмала, Хазраткул. После известия о том, что Саидакмал погиб, у него случился инфаркт, и как я поняла, его парализовало. Видно он очень сильно любил твоего сына.

– Как заболел? Бану, почему ты нам об этом раньше не рассказала?

– Папочка, простите меня, но я сама совершенно позабыла об этом.

– Саид, что было то прошло. Я думаю и сейчас еще не поздно ему помочь. Но для этого нам стоит поторопиться, неправильно будет, если он умрет. Мы должны, обязаны отплатить ему добром за все его страдания, за его привязанность к Саидакмалу.

– Родная, – Саидходжа обратился к Бану, – запомни. Ни-

когда, нельзя забывать добро, тем более, если оно коснулось тебя и твоих близких. А Хазраткул, сама говорила, помог не только тебе поступить в МГУ, он тебя вырастил, оберегал твоего отца, и сейчас, страдает за свое добро.

Слушая, как говорил дед, Мехрибану не в силах сдерживать себя, заплакала. Увидев это, Эльза, резко взглянув на мужа, сказала,

– Саид, ты, конечно, прости, но прошу тебя, не надо винить Бану, – и, подсев к внучке, обняла ее.

– Эльза, если я сейчас ей не скажу об этом, значит, завтра она еще о ком-то забудет, – жестко говорил Саидходжа.

– Ну, она еще молода...

– Нет, она уже взрослый человек, если помнишь, мы только недавно гордились ей. Пойми, родная, можно обо всем позабыть, только не о том, от чего может, зависит жизнь человека. И тем более, если это касается твоих родных. Я сейчас не упрекаю свою дочку, а стараюсь ей помочь. Не дай Аллах, вдруг сердце Хазраткула не выдержит и он умрет, Бану за это не простит себя. Не простит себя каждый, кто косвенно связан с близким человеком, тем более, если мог ему помочь.

– Папочка простите меня, простите, пожалуйста...

– Родная, мне не за чем тебя прощать, просто в дальнейшем постарайся быть усидчивой, и главное, не забывай о сострадании.

Тут Бану, попросив разрешения у Эльзы, пересела к Са-

идходже, и крепко его, обняв, сказала,

– Папочка, вот увидите, больше никогда не буду забывать о главном, никогда, никогда. А в Коканд Вы и правду тоже поедете.

– Правда, поеду и я и Герхард с семьей, тем более для него есть веский повод, будет лечить Хазраткула. А без Арнольда и его домочадцев, там нам будет скучно. Доченька, если ты еще не знаешь, то я тебе подскажу, мы немцы, если за, что-то беремся, то беремся основательно,

– Я знаю об этом.

– Тогда решено,— сказав, Саидходжа набрав номер пресс секретаря Клауса Бюргера, приказал срочно к нему приехать. Тут же набрал номер Арнольда и Герхарда и попросил срочно их приехать.

– Что случилось, Эльза опять рождает, что ли?— хохоча, спросил Арнольд.

– Приедешь, узнаешь.

Пресс секретарь приехал сразу. Саидходжа ему приказал, чтобы тот в кратчайшие сроки сделал визы для всего семейства Штаубе. Получив полный список людей, которым необходимо было сделать визы, господин Бюргер, уехал. Сразу же за ним появились и остальные.

– Ну, что Саид, на этот раз, кого будем обмывать,— как обычно веселый, громко смеясь, спросил Арнольд.

– Обмывать пока некого...

– Жаль, а я уже настроился, раз срочно, значит, повод

есть... – Недоговорил Арнольд.

– Повод на самом деле есть. Мы выпьем в Советском Союзе.

– Не понял, это, как? – Удивленно, выражая мнение остальных, спросил Арнольд.

– Мы решили поехать в СССР, вернее в Узбекистан, а если быть точнее, ко мне на Родину, в Коканд. И очень хотели бы, чтобы и вы, всей семьей полетели с нами. Поверьте, не пожалеете о поездке. В Узбекистане много такого, от которого все будете в восторге.

– Действительно, почему бы и нет. Тем более кризис по Европе пошел коту под хвост. Значит это мы возместим в Коканде, – и, обернувшись к супруге, – Родная, ты, как с нами? Или нам тебе о красотах Узбекистана рассказать по приезду оттуда?

– Не дожدهшься. Я согласна ехать с вами, – ответила Луиза.

– Мы тоже не против, – сказали Герхард с Барбарой, – и когда вылетаем?

– Надеюсь через три, четыре дня, – сказал Саид. – Но сейчас, раз уж мы все собрались, у меня есть для вас предложение,

– И куда же на этот раз поедем? – спросил Арнольд.

– Поехать, мы действительно, поедем, к могиле отца. Жаль, что он не дожил до этих дней, – сказав, Саид повел своих родных к машине.

По дороге, они, купив цветы, поехали на кладбище, к доктору Карлу фон Штаубе. Оказавшись у могилы отца, Саидходжа, встав на колени у надгробья могилы, протянул руку Мехрибану. Когда она под села рядом, он заговорил,

– Папа, ради всех святых, простите мою оплошность. Простите за то, что сразу же не привез к Вам внучку. Папа, она нашлась. Оказывается, у моего сына Саидакмала была дочь, которую он тщательно от всех скрывал. Если помните, когда сын погиб, я приходил к Вам и просил, чтобы Вы меня забрали к себе. Тогда мне не хотелось жить, потому, что я чувствовал вину за гибель сына. Но Вы, словно живой ругали меня за мою слабость, говорили, чтобы я не терял надежду, веру. И только Ваш образ, Ваш пример, моя родная Эльза и братья Арнольд и Герхард, сестрички Барбара, Луиза смогли остановить меня от безрассудных помыслов. Папа, если бы Вы знали, как сожалею за то, что первым, свою внучку, ее зовут Мехрибану, не показал Вам. Надеюсь, Вы меня простите, потому, что сами говорили, что отец не может обижаться на сына. Папа, сейчас рядом со мной весь род доктора Карла фон Штаубе, великих и знаменитых врачей. Только моя внучка пошла по другому пути, она у нас журналистка. Скоро у нее защита дипломного проекта. И вот, если Вы позволите, мы всей семьей решили до защиты дипломного проекта, поехать ко мне на Родину, в Коканд. Там мы пробудем чуть больше месяца, и, как только вернемся, непременно приедем к Вам. Папа, дайте нам напутствие в дорогу, мы

хотели бы, чтобы Вы благословили нас, благословили меня, ведь я еду туда после стольких лет разлуки.— Сказав, Саидходжа, по узбекским традициям, взяв в руки горсть земли, трижды пересыпал его. За ним последовали и остальные.

На четвертые сутки, после того, как они решили поехать на Родину Саида, самолет, вырубив на взлетную полосу, взял курс в Москву...

ГЛАВА 8. Благодарность за жизнь

Когда самолет Саидходжи сделал посадку в аэропорту Внуково, для дозаправки там его ожидал сын погибшего полковника Харитонов, Володя. Увидев, как Саидходжа выходит в фойе зала ожидания, тот подошел к ним,

– Здравствуй, Володя, – поприветствовал его Саидходжа.

– С приездом, господин Саидходжа, – в ответ, подавая руку, сказал Володя.

– Как семья, дети?

– Спасибо, у нас все в порядке.

– Ты выполнил все мои поручения?

– Так точно, все, о ком Вы просили, уже вылетели в Ташкент и будут нас там ожидать. Только дядя Игорь ... не полетел.

– Как, Игоря разве не будет с нами?

– Нет, нет, господин Саидходжа, – улыбаясь, сказав, – взгляните назад.

Только Саидходжа обернулся, за ним в полном параде в генеральских погонах стоял Соколов.

– Что, шайтан, – обнимая друга, – уже стареешь? – улыбаясь, сказал Соколов.

– Леший, неужто, ты? – Сказав, Саидходжа поцеловал друга. – И сколько же мы с тобой не виделись, – разглядывая друга, спросил Саидходжа.

– Если быть точным, тридцать восемь лет, – и тут увидел приближающихся к нему Герхарда и Арнольда со своими. – О Боже, Саид, неужели ты с собой привез всю семью? – И обнимая их, и каждого целуя. – Герхард, Арнольд, Луиза, Барбара, – и увидев детей. – А эти, наверное, ваши дети и внуки, – всех по отдельности поцеловал.

– Что Игорь, не ожидал увидеть у себя все семейство рода Штаубе? – Как обычно веселый, теребя шевелюру Игоря, сказал Арнольд.

– Если честно, нет. Когда мне позвонил Володя и сказал, что мой друг Саид скоро прилетит в Москву, я ему не поверил. А про его семью и тем более о вас, он мне ничего не говорил, – искренне радуясь встрече, сказал Игорь.

– А ты своих привез? – спросил у него Саид.

– Мне было приказано прибыть в Москву в полном составе. Так что сам понимаешь, мы люди военные и приказы не обсуждаем, – улыбаясь, повернулся назад. – Прошу вас гвардии капитан, знакомьтесь, жена моя Людмила, сын Алексей...

– Вижу, он пошел по стопам отца, – обнимая сына Игоря, сказал Саидходжа.

– Да! Лешка получил новое назначение, и, кстати, скоро мы должны его полковничьи погоны обмыть. А это наша любимица, дочка Настёна.

– Что Игорьь, разве твои еще не обзавелись детьми?

– Как без этого? Четверо! Двое у Лешки и две у Настёны, сейчас подойдут.

В это время к Саидходже подошли представители Австрийского посольства с двумя людьми в штатском.

– С приездом, господин Гербер в СССР.

– О, господин Ленсман, – приветствуя его, – Вы что из Азии перебрались в СССР? – Подавая ему руку, спросил Саидходжа.

– Уже пару месяцев, – улыбаясь, господин Ленсман пожал ему руку.

– Я рад за Вас, дружище. Когда будете на Родине, непременно с семьей приезжайте к нам в гости. Мы с моей Эльзой будем очень рады Вам, мой друг.

А затем господин Ленсман, представил Саидходже своих спутников,

– Помощник Министра Иностранных дел СССР господина Иванова, господин Лавров. А этот молодой человек, – представляя другого, – сотрудник МИДа, господин Федоров.

Поприветствовав их, Саидходжа поинтересовался у них, чем может быть полезен им.

– Я вас слушаю, господа.

– Господин Гербер, мы бы хотели попросить Вас, чтобы Вы провели брифинг для наших бизнесменов. И хотели бы попросить, чтобы Вы провели пресс-конференцию и ответили на вопросы журналистов, – обратился к нему Лавров.

– Когда я должен это провести?

– Насколько мы знаем, Вы прибыли в Советский Союз на месяц. В течение этого месяца, в любое удобное для Вас время.

– Тогда, если позволите, после возвращения из Узбекистана, так как там нас ожидает тяжело больной человек. Вас это устроит?

– Договорились. Только к Вам одна просьба, сообщите нам за неделю точную дату выступления.

– Хорошо! – а потом Саидходжа обратившись к господину Ленсману. – Друг мой, может быть и Вы полетите с нами?

– Собственно для этого и прибыл. Скоро наше руководство собирается прибыть в Ташкент, там с руководством СССР проведут встречу. За одно, услышав о том, что Вы летите туда, решил полететь с Вами.

– Это будет замечательно, если мой друг Эрни в Узбекистане будет рядом со мной, – обнимая его, сказал Саидходжа.

– Кстати и господин Лавров, и господин Федоров, прикомандированы к нам и будут сопровождать нас в поездке.

– Прекрасно, я буду только рад этому.

– Саидходжа, слышал, что у Вас нашлась родная внучка.

Это, правда, она летит с Вами? Могу ли я ее увидеть.

Не успел Саидходжа даже обернуться, как Игорь вскрикнув,

– Саид, брат! Неужели ты нашел родных? Мне Володя рассказывал, что твой сын Саидакмал погиб и что у него никого не было.

– Да брат, Всевышний не оставил меня и сжалился надо мной, и я в Лондоне случайно ее встретил. Сейчас, Вы пока постоитте, я их приведу, – а, потом взглянув на Игоря с укором. – Если Эльза узнает, она сильно обидится на тебя...

– Что и Эльза прилетела? – Разглядывая по сторонам, спросил Игорь.

– Да прилетела, и она очень обидится, услышав о том, что ты даже не спросил о ней.

– Нет, нет, нет. Саид, дружище, я растерялся, увидев остальных. Эльза для меня не безразлична. Ты что, она моя сестренка? Где она, где она, показывай? – Волнуясь, Игорь стал ее искать.

– Сейчас я их приведу, – а затем увидев приближающуюся жену. – Да вон она, со своей дочкой идет в обнимку, – указал туда, откуда шла Эльза.

Соколов быстро побежал ей на встречу, и оббежав впереди идущих людей, обошел их сзади, и сходу обняв, приподнял Эльзу и Мехрибану. Они, сначала испугавшись от неожиданности, вскрикнули. Но затем, Эльза, узнала Игоря,

– Леший, ты нас напугал, – сказав, крепко обняла его,

– Дорогая Эльза, как я рад, как я рад видеть тебя, – и тут Соколов увидел Бану. Отпустив Эльзу, взялся за плечи Мехрибану, пристально разглядывая ее, сказал. – А эта прекрасная леди, наверное и есть наследница шайтана, – сказав, несколько раз поцеловал ее. – Я знал, что Саид везучий человек. Если это было не так, как он мог встретить ее в огромной Англии, а, как? – Еще раз крепко поцеловав ее, торжественно представился ей. – Дорогая, близкий друг, брат вашего любезного деда генерал полковник Игорь Соколов. Теперь, отныне и навсегда, для вас дядя Игорь, – и улыбнулся ей.

– Мехрибану, а для Вас дядя Игорь, просто Бану, – представилась ему Бану.

Соколов, взявшись за руки, повел знакомить их со своими.

– Что скажешь, Леший, как тебе моя внучка?

– Поверь, если я ее увидел бы, непременно догадался бы, что она твоя внучка. Две капли воды, – а, затем, подведя Бану к своим, с укором говоря детям. – Смотрите, вот как надо делать детей, вылитая Саид.

Потом Саидходжа познакомил с Бану и остальных. После того, как ему доложили, что самолет готов к вылету, он повел своих гостей к посадочному трапу. Через час, после того, как гости Саидходжи расселись по своим местам, самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, после небольшого разбега, оторвавшись от земли, взял курс на Узбекистан.

Как только лайнер стабилизировал полет, Саидходжа

неожиданно загрузил. Это заметили сидевшие по обе его стороны, Эльза и Мехрибану.

– Милый, волнуешься? – Поинтересовалась у него супруга.

– Да, и очень сильно.

– Родной, все худшее уже позади. Не переживай, впереди только рассвет. Никто не имеет права осуждать тебя. Ты не по своей воле остался в Австрии, тебя они сами заставили. Так было предначертано судьбой, и было угодно Господу, чтобы ты прожил свою жизнь именно так.

– Я надеюсь на это, – положив свою ладонь на руки жены и немного пригнувшись, поцеловал ее.

– Папочка, что Вас тревожит? – Поинтересовалась Мехрибану.

– Я почти сорок восемь лет не говорил на родном языке. Как только вы мне предложили о поездке, с того самого дня, каждый день пытался связывать узбекские слова в предложения. Но у меня ничего не получается. Почти каждую минуту пытался мысленно говорить по-узбекски, но мне стыдно за себя, не правильно это. Я не должен был забывать свое прошлое, свой язык, свою культуру,

– Но папочка, еще не поздно наверстать упущенное. У нас впереди пять часов полета до Ташкента, и четыре часа до Коканда. Да и еще пару часов в аэропорту. И того, одиннадцать часов, – затем, она, пригнувшись чуть вперед, взглянула на маму. – Мамочка, Вы позволите нам с этой минуты

с папой разговаривать по-узбекски?

– Дорогая Бану, в нашей семье, как и в ваших семьях, глава мой муж. Я буду только рада, лишь бы он не грустил, – ответила Эльза, и нежно взглянула на мужа.

– Хорошо. Теперь папочка, слушайте меня. Вы все помните и ничего не забыли. Но мысль о том, что Вы долго не говорили на родном языке, и от того, Вы заставили поверить себя, что позабыли обо всем, заблокировало свое подсознание. Так, что, прежде всего, что Вы должны избавиться от этой мысли. Закройте глаза, расслабьтесь, и шаг за шагом вспоминайте свое детство в тех ракурсах, в которых Вы их помните.

Тут Эльза с Саидом удивленно переглянулись, и Саидходжа покачивая своей головой, сказал супруге,

– Наша дочь, оказывается еще и тонкий психолог.

– Я же говорила, она вся в тебя, – улыбнувшись, произнесла Эльза.

– Хватит меня расхваливать. Не забывайте, я журналистка и между-прочим международник. Без углубленного изучения психологии, мне там делать нечего. Теперь папочка, как только Вы войдете в тайники своей памяти, общайтесь со всем тем, чем там столкнётесь, на том языке, на котором Вы с ними общались. Лучше будет, если Вы это будете делать вслух. Самое главное, ни в коем случае не думайте о том, что получится или нет, это у Вас. Доверьтесь своим чувствам, своему сердцу, своей душе и желанию. Верьте только себе

и своей силе. Не забывайте о том, что Вы из рода великих Саидов. Я абсолютна, убеждена, у Вас все получится. И еще, забудьте о своей вине, это тоже может сыграть негативную роль.

И действительно, как только Саидходжа, послушавшись советов своей внучки, поступил так, и уже через час он говорил на родном языке так, словно и не покидал свои края. Разговорами, они даже не заметили те пять часов полета, которые провели в небе.

Когда самолет произвел посадку в аэропорту Ташкента и наши спутники вышли на перрон, их ожидал эскорт правительственных машин Узбекской ССР.

– Добро пожаловать на Родину Саидходжа ака, – приветствуя, и, как полагается у узбеков, протянул ему обе руки для рукопожатия. – Моя фамилия, Икрамов, имя Саидасрор. Я буду сопровождать Вас по Узбекистану.

– Я очень рад, этому, Саидасрор, – улыбнувшись, пожал ему руку Саидходжа.

Тут Икрамов увидел среди гостей Володю Харитонов, который как раз сам шел к ним,

– Добро пожаловать Володя, – улыбнувшись, поздоровался с ним Икрамов.

– Саидасрор, как поживаете дружище? – обнял его Харитонов.

– А ты откуда его знаешь? – удивленно спросил Саидходжа у Харитонова.

– В прошлую поездку по Коканду, Саидасрор был и у нас сопровождающим. Вот мы тогда и подружились.

– Простите нас за то, что мы не уберегли Вашего сына Саидходжа ака, – виновато, опуская свою голову, произнес Икрамов.

– Сынок, вашей вины в смерти моего сына нет. Сами понимаете, мы не в силах изменить судьбу и отрицать предначертанное нам Всевышним. Это вы меня простите за то, что заставил переживать вас, – как бы успокаивая, приобняв его, сказал Саидходжа. – А затем, обращаясь к Харитонову, спросил. – Володя, где ожидают нас наши гости?

– В гостинице Узбекистан,

– Я Вас туда отвезу Саидходжа ака, – сказал Икрамов.

– Хорошо. Если можно, мы должны сначала поехать к ним, а потом займемся другими делами,

Рассадив всех своих спутников по машинам, Саидходжа сел в машину, где сидели Эльза с Мехрибану. Как только эскорт тронулся, у Саидходжи заволновалось сердце. Все попытки сдерживать свои эмоции были тщетны. Слезы сами накатывались к его глазам и стекали по его щекам. Видя его состояние, Икрамов, перестал комментировать, и, отвернувшись, ехал молча.

А Бану, не отставала от своего деда и тоже сильно плакала.

Ее состояние можно было понять. Вспоминая свою последнюю поездку в Ташкент, и то, как она уезжала отсюда, кем была тогда и как теперь возвращается. Вспоминала сло-

ва матери Мансура, ее оскорбления, оттого Бану не могла сдерживать себя. Эльза как могла, пыталась успокоить обоих, но все ее попытки были тщетны.

Буквально перед самой гостиницей Саидходжа взял себя в руки, и, успокаивая свою внучку, нежно ей сказал,

– Бану, родная, успокойся. Ты же у нас сильная. Мы все равно с тобой победили. Победили несмотря ни на, что. Как говорит моя родная Эльза, нам не в чем стыдиться, мы не виноваты, нас заставила судьба спотыкнуться. Нас вынудили поступить так, тогда другого было не дано. – Затем, крепко прижав ее к груди, нежно поцеловал в щеки.

Когда эскорт машин остановился у главного входа гостиницы, Саидходжа, взглянул на жену. Она, понимая то, что он все равно чувствует вину перед родными погибших товарищей, успокаивая его, сказала,

– Родной, не волнуйся, их раны давным-давно залечились. В смерти их мужей и отцов вины твоей нет. Проклятая война всему виновна. Каждая семья, что у нас в Германии, что у вас в СССР в этой войне потеряла кого-то. Ты не бросил в последнем бою своих товарищей, не сбежал с поля боя. До конца сражался и если бы вовремя не успели танкисты, мог бы тоже остаться там. То что ты их не забыл, собрал всех здесь и хочешь поклониться им, говорит о твоём благородстве. Иди к ним с поднятой головой и да поможет тебе Господь, – сказав, Эльза обняла его.

– Спасибо тебе, родная за твои теплые слова, – сказав, в

ответ поцеловал ее и Бану. А затем вместе с Игорем Соколовым и Володей Харитоновым в сопровождении Саидасро-ра Икрамова, направился в гостиницу. Там, в ресторане их ожидали остальные.

В ресторане гостиницы его ожидали жена и сын сержанта Захарова, приехавшие из Красноярска. Жена и двое сыновей младшего сержанта Нагашбекова, приехавшие из-под Алматы в Казахстане. Брат и сестра младшего сержанта Кобахидзе из Тбилиси. Жена и дочь сержанта Каранского из Фрунзе. Жена, сын и братья старшины Скляра из Пскова. Жена и двое сыновей Сафонова из Тамбова. И братья генерал лейтенанта Пахомова.

Когда Саидходжа вошел к ним, все они молча встали с места. Он подошел к каждому, и крепко обняв, пожал им руку. Саидходжа попросил их присесть. А затем, выдержав небольшую паузу, еще раз взглянул каждому в лицо и заговорил,

– Мое настоящее имя Сайдаматов Саидходжа. Я служил вместе с Вашими близкими во время войны в одном подразделении. – Еще раз, взяв паузу, как бы собираясь с мыслями, продолжил. – В том, что я здесь живой стою перед Вами, заслуга моих погибших товарищей, ваших отцов, мужей. Почти сорок лет я ожидал эту встречу с Вами, мысленно говорил с Вами. Пытался успокоить, утешить Вас, оправдать себя, но... – Тут он вновь замолчал. Подойдя к столу, взял стакан воды, сделал из него несколько глотков и продолжил. –

Но два года тому назад я трагически потерял своего сына, которого никогда не видел, – и его голос задрожал. – Простите меня, говорить о потере близких, оказывается, невыносимо трудно и больно. Так вот, и только тогда я понял и осознал то, что с потерей близких нам людей невозможно смириться. Невозможно ее принять, осознать, переосмыслить. Это оказывается слишком тяжелая утрата. Говорить о том, что в их смерти виновата проклятая война, нет смысла, так как это всем понятно. Но сердце и душа каждого из нас, утрату воспринимает по своему, и в минуты воспоминания делает Вам больно. Но как бы там не было, я хотел бы преклониться перед Вами за то, что только благодаря Вашим близким, я жив и здесь рядом с Вами. Они пожертвовали собой ради светлого будущего, ради своей Родины и ради меня. Низкий Вам поклон, родные, – сказав, Саидходжа поклонился им. – После того, как меня тяжелораненного нашла моя супруга Эльза, выходила и поставила на ноги, я поклялся себе, что когда-нибудь Вас всех разыщу. Тогда на имя каждого погибшего моего товарища, я открыл счет и положил туда деньги. И если Вы мне позволите, хотел бы их Вам вручить.

Как только он произнес эти слова, к нему подошел пресс-секретарь Клаус Бюргер и вручил ему папку с конвертами.

Саидходжа, прочитав фамилию, указанную на первом конверте, пригласил к себе семью Захарова, и вручил ее им. Затем пригласил семью Игоря Скляра и им вручил конверт...

И так он и остальным вручил положенные им конверты. Когда, получившие, открыли конверт, увидели в нем чек, где указывалась крупная сумма денег в иностранной валюте. И в конце своего выступления Саидходжа им предложил,

– Дорогие мои, еще раз хочу Вас поблагодарить. И последнее, если Вы захотите пожить в Ташкенте, все номера забронированы на Ваше имя. Руководство гостиницы предупреждено, кроме этого, если Вам понадобится транспорт, Вы можете это сделать, подойдя к администратору гостиницы. Как только решите вернуться домой, Вас доставят туда.

Когда Саидходжа встречался с родственниками своих товарищей, Эльза наблюдала за ним возле приоткрытой двери ресторана. Она хоть и не понимала русского языка, но по выражению лица мужа, по его эмоциям чувствовала как трудно ему даются слова. Она, держа кулачки перед собой, мысленно поддерживала Саидходжу и всей душой была рядом с ним. И только тогда, когда он вручил им конверты, немного успокоилась, но...

ГЛАВА 9

С переживанием за Саидходжу, Эльза на мгновение позабыла о Бану, и вдруг, заметив, что ее нет рядом, не на шутку разволновалась. Как раз в это время к ней подходил Арнольд.

– А где Бану, ты не видел ее? – С тревогой спросила у него.

– Когда я недавно пошел на улицу, она стояла рядом с тобой, – не понимая, ответил Арнольд.

Не на шутку испугавшись, Эльза быстро направилась к выходу. За ней последовал и Арнольд. Выйдя наружу, она стала пристально осматривать вокруг. Видя тревогу сестренки, Арнольд подошел к первой ступени гостиницы и взглянул в сторону аллеи, которая находилась прямо перед ним. Заметив, мирно сидевшую на лавочке Бану, он подошел к Эльзе и подвел ее на то место, откуда была видна Бану, указывая на нее, сказал,

– Эльза, что ты так разволновалась, вон твоя дочка, – показывая на скамейку в сквере. – Она у себя на Родине, и ей негде здесь теряться. Тем более взгляни, еще возле нее находятся двое из охраны.

– Арнольд, ты иди к остальным, мы сейчас придем, – сказав, Эльза направилась к Бану. Осторожно подойдя к ней, мимикой указала охранникам, чтобы они оставили их одних, под села рядом с ней.

Тут же Бану, вскочив с места, как бы оправдываясь, заговорила,

– Мамочка, простите меня за то, что я, не предупредила Вас и отошла. – И сжав в кулачках листки бумаги, смущаясь, стала их прятать за спиной.

– Дорогая, сядь рядом, – указывая ей на скамейку, сказала Эльза, а затем, взглянула в глаза Бану. – Я думаю, за спиной ты прячешь письма дорогого тебе человека.

– Нет, нет, мамочка, – опуская свои глаза, сказала она.

– Родная, не стоит тебе смущаться. Я тоже в твоём возрасте влюблялась. Кстати, и в том числе и в твоего деда тоже. Тогда он об этом ещё не знал, был без сознания. В бреду он, глядя мои щеки, назвал меня Фаридой. В это время, я выбегала на улицу и бежала, бежала до тех пор, пока ноги не подкашивались от усталости, и я от бессилия падала на землю. Так было много раз. Я боялась того дня, когда он выздоровеет и встанет на ноги. Хотя того, чтобы он выздоровел, я желала больше всего. Но страх того, как только он встанет на ноги, и, поблагодарив меня, уйдёт к своей Фариде, очень угнетал меня. Дорогая, я тогда не знала о том, что твоя бабушка, после родов сына умерла и, что Саидходжа к тому времени как я его нашла, был свободен.

Немного выдержав паузу, и положила на коленки Бану свою руку и продолжила,

– В твоём возрасте это естественное явление для молодых. Родная, это природа так распорядилась, чтобы мы любили и были любимы. Если есть у тебя эти чувства, значит, ты живешь, ты не пустое место и твое сердце бьётся неустанно, и оно не холодное. И ещё, я дома говорила тебе, что мать, если она любит своего ребенка, чувствует все. Видела твое волнение, когда мы летели в Ташкент. Я видела твои слезы, когда мы ехали в машине. Тогда по твоему лицу текли слезы любви и обиды, поверь, и ничего другого. Доченька, сердце не обманешь, лучше расскажи мне о нём и тебе станет легче. А

мы потом подумаем как быть дальше.

Понимая и осознавая то, что мама права, Бану из-за спины достала последнее письмо Мансура и показала ей.

– Мамочка, но Вы все равно ничего не поймете, он мне его писал на русском языке.

– А ты мне его переведи.

И Бану, читая каждую строку письма, переводила ее Эльзе. Когда она завершила читать, Эльза спросила у нее,

– А почему он прощается с тобой, если так сильно любил?

– Мы с ним расстались два года тому назад из-за его матери. И я не отвечала на его письма.

– И часто он тебе писал?

– Почти каждый день.

– Бану, если все было так, как ты говоришь, тогда почему ты ему не отвечала?

– Мамочка, последний год я тоже ему писала. Но читая его письма, я поняла, что их перехватывала его мама, и не передавала ему.

– Она, наверное, была богата?

– Да, и очень.

– А ты знала об этом, когда встречалась с ним?

– Нет, не знала. Простите мама, а причем это? При чем богатства, когда двое любят друг друга? Мамочка, так нельзя, не правильно это, – сказав, Бану заплакала.

– Не плачь родная, – успокаивая ее, сказала Эльза. – Пойми, в жизни такое встречается не редко, но ты должна ее по-

НЯТЬ.

– Нет, мамочка, я никогда не пойму ее, никогда.

– Родная, веришь, я не раз сталкивалась с такими людьми.

– С такими, как мама Мансура?

– Да, именно с такими. Хотя мне встречались и такие люди, кому в жизни приходилось работать в поте лица, но семейного счастья у них не было. Любовь по расчету, это очень плохо, когда, кто-то продает себя, а кто-то покупает ее. Такие браки в подавляющем своем большинстве, несчастны. Роно или поздно, такой брак разрушится. Хорошо, если у таких семей до развода не было детей. Но если они были у них, тогда дети становятся заложниками между амбициями родителей. Мне кажется, дети из таких семей самые несчастливые. Иногда бывают семьи, у которых жизнь не удалась. Трудности, одна за другой преследует их. Не успевают свести концы с концами, как появляются другие, еще более зловещие проблемы. И вот, когда нищета стучится в дверь, вся их любовь выпрыгивает в окно. Возможно, мама твоего парня думала также. Ты не подумала об этом?

– Даже если и так, но она все равно не права. Мамочка, нельзя же оскорблять человека только за то, что сирота и вырос в детском доме. Нельзя называть этого человека голодранцем и дворнягой. Можно ведь объяснить по-человечески, я бы сама ушла от ее сына?

– Я согласна с тобой, нельзя и она не права. Это ее культура воспитания, и скорее всего, она сама вышла из бедных. Но

знаешь, хотя мы этого и не понимаем, нищета это грех, зло, и самый ненавистный спутник человека, это словно порок, язва, которые отталкивает от них других. Конечно, в твоём случае вины, в том, что ты была бедной, нет. Но если кто-либо имеет голову на плечах, руки ноги целы, он не имеет права мириться с ней. Человек должен, если конечно он здоровомыслящий, стремится выйти из кабалы нищеты. Когда-то ты сама говорила о том, чтобы люди не теряли своего облика от упавшего к ним с небес богатства. Поверь Бану, человек, если он считает себя из благородных кровей, такого, что позволила себе мама твоего парня, никогда не позволит. – Затем, Эльза, взглянув на письмо Мансура, спросила. – Бану, я хоть и не понимаю по-русски, но, по-моему, вот это, – показывая, на письме. – Эти строки, наверное, его стихи, адресованные тебе. Не так ли?

– Да, стихи.

– А почему ты их не читала?

– Я думала...

– Прочитай, пожалуйста, их мне, – приобняв ее, попросила Эльза.

– Этот стих он назвал «Когда-нибудь»

Любовь приходит так неожиданно,

Ты жди ее, она придет,

В пылу разлук и в миг страданья,

Затмит твой разум, она, и вдруг,

Озарит твой взор прекрасным, как солнце утренней зари,

И пылкой страстью окутает, тебя как лунная ночь в степи.

*Быть может ты, тогда почувствуешь,
Себя счастливым, как в раю,
Но тут, постой мой друг, остановись, и оглянись вокруг,
Ты любишь, правда, спору нет,
Все помыслы твои, я знаю с ней,
А доказать свою любовь, нет силы более, я верю,
Ведь это правда, скажи мне друг?
Прошу тебя, позволь ты мне, ответить за тебя, родимый,*

*Любить одно, но быть любимым,
Не каждому судьбой дано.
И, это правда, мне поверь,
Любить ты вправе, спору нет,
Но никогда, ты слышишь, это,
Насильно милым, знай, не будешь.
Ведь сердце у каждого, свое,
И указать ей, ты не в силе.
Я знаю, тяжело тебе,
Любить кого-то, и в тоже время,
Быть не любимым самому.
Но верь, мой друг, придет пора,
Когда почувствует она,
Твою любовь, твои страдания,
Тогда придет к тебе она,*

*И будет сердце биться сильно,
Чтоб вырваться и полететь,
В твои объятия, может быть,
И будешь ты тогда счастливым,
Страдания кончатся твои,
Придет пора, любви и страсти,
И скажешь мне, тогда спасибо,
За то, что я тебя сдержал,
От разных помыслов твоих,
А я, в ответ вам пожелаю,
Счастливой жизни и любви,
Поверь, мой друг, когда-нибудь все это будет,
Пока ты жди, надейся, верь,
И восторжествует,
Когда-нибудь, твоя любовь...*

После того, как Бану прочитала стихотворение Мансура, Эльза, крепко ее обняв, сказала,

– Дорогая моя, Бану, человек, написавший такие строки, видно сильно любит тебя. Ты должна его найти и поговорить с ним, объяснить, простить его маму.

– Вы так думаете?

– Я уверена в этом. Родная, если ты этого не сделаешь, потом до конца своих дней будешь винить себя. Поверь, дочка, именно так и будет. А теперь пойдем к отцу, а то он, наверное, нас уже потерял, – сказав, взяла за руку ее, и направи-

лись в сторону гостиницы.

После торжественного обеда, данного в честь погибших товарищей, Саидходжа, еще раз подошел к каждому из них, и поблагодарив, покинул гостиницу. Уже на улице к нему подошел Икрамов и поинтересовался у него,

– Какие у Вас дальнейшие планы, Саидходжа ака?

– Саидасрор, у нас только один план, поскорее попасть в Коканд. А прямая дорога туда есть?

– Есть, через перевал Ангрэн. Но она немного неважная. Мне кажется, Вам лучше будет полететь на самолете до Ферганы, а оттуда до Коканда рукой подать.

Выслушав Икрамова, Саидходжа подошел к жене и Бану,

– Что вы скажете, полетим на самолете, или через перевал поколесим по Ферганской долине?

Тут Эльза взглянула на Бану, потом обернувшись к мужу, спросила,

– Саид, а мы можем сегодня задержаться в Ташкенте?

– А почему бы и нет! Я буду только рад провести экскурсию по прекраснейшему Ташкенту, – а затем, заметив, как переглянулись Эльза с Бану. – Эй, что у вас другие планы? – Улыбнувшись, спросил у них.

Тем временем, Бану услышала просьбу бабушки, и многозначный вопрос деда, опустив свои глаза, покраснела. Заметив это, Саидходжа, спросил,

– Что здесь происходит? О чем я не знаю?

– Это наши женские дела, вас мужчин, они не касаются, –

иронично сказала Эльза.

– Разве ваши дела не касаются родителя?

– Саид, прошу тебя, давай мы тебе о нем расскажем, как только сами выясним.

Тут к ним подошел Арнольд, и как обычно, весело спросил,

– Эй, узбеки, в конце концов, мы летим или же едем?

– Брат, увы, ни то, ни другое.

– Как это?

– Сегодня мы остаемся в Ташкенте. Ты не против?

– Я только рад этому. Когда мы ехали в гостиницу, видя, как красиво здесь, говорил Луизе жаль, что мы не увидим все это поближе. Так что, брат, моя семья будет рада, если мы здесь задержимся на пару деньков, – радостно сказал Арнольд, а затем добавил. – Значит, мы можем немного отдохнуть от вас?

– Несомненно, – улыбаясь, ответил ему Саидходжа.

Пока Арнольд и Саид разговаривали, Эльза, отведя чуть в сторонку Бану, спросила у нее,

– Ну что, родная, решилась? Поедем развеять твои сомнения?

– Не знаю. Мамочка, у нас так не принято.

– Это у кого у вас?

– У узбеков, девушки к парням домой не ходят, это они должны прийти к нам.

– Ты на половину немка, у нас девушки сами ходят к ним.

Так что, у тебя его адрес есть?

– Да, есть.

– Дай его мне, – затем, подойдя к Саидходже, – милый, нам нужно съездить вот по этому адресу, – и подала его ему.

– Саидасрор, вы бы могли нас отвезти вот по этому адресу? – попросил его Саидходжа.

– Да, конечно, прошу в машины, – взглянув на адрес, сказал Икрамов.

ГЛАВА 10. Торжество любви

Когда мама Мансура вошла к нему в комнату, тот сидел за письменным столом и держал в руках газету.

– Мансур, тебе уже двадцать шесть лет, хватит ходить бо-былем и пора жениться. Я была у тети Махбубы. У ее подружки, оказывается, есть дочь. Махбуба говорит, что семья ее подружки, очень состоятельные люди. Сынок, позволь мне пойти и сосватать эту девушку. Прошу тебя, женись на ней, – умоляя, спросила она.

– Мама, Вы опять? – Не оборачиваясь к ней, с укором спросил Мансур.

– Да, опять, опять, и снова опять! – со злостью, говорила она. – Что в этом такого, если мать хочет женить сына?

– Мама, я Вам сотни раз повторял, я никогда не женюсь. И тем более на тех, кого Вы хотите мне навязать.

– Что, никак не можешь забыть свою безродную дворня-

гу? – С яростью спросила она.

– Мама, чтобы потом не было стыдно самой, не говорите о Бану так?

– Мне может быть стыдно из-за этой безродной? – Со-мкнув у талии свои руки, надменно спросила она.

– Да, потом Вы может очень даже сожалеть за свои поступки так же, как сделали несчастными моих сестер, выдав их за негодяев.

– Запомни тряпка, я Хадича Султановна, никогда не стану унижаться перед твоей безродной! – указывая сыну пальцем, зло сказала она.

– Вы уверены в этом? – Протягивая ей газету, с укором спросил Мансур.

– И, что ж здесь такого написано про эту дрянь? – сказав, она увидела, как какой-то красивый и солидный пожилой человек обнимает ее. – Вот видишь, ради того, чтобы добиться своей цели, эта дрянь готова влезть в постель даже к старику. – Тьфу, сплюнув, она швырнула газету в сторону.

Мансур, резко вскочил с места, и поднимая с пола газету, в сердцах сказал,

– Мама, мама, почему Вы такая...?

– Ну, говори, какая я?

– Вы, прежде чем незаслуженно осуждать человека, хотя бы прочитали статью, – вновь протягивая ей газету, с укором сказал Мансур. – Мама, можете не волноваться, теперь я на Бану не женюсь. Вернее сказать, она не пойдет за меня.

Взяв в руки газету, Хадича Султановна прочитала заголовок «Наследница сокровищ третьего Рейха», а ниже было написано, что один из богатейших людей земли, миллиардер Гербер Саидходжа, уроженец Узбекистана через много лет встретил в Лондоне свою единственную внучку Ходжаеву Мехрибану, о существовании которой он не знал. Внучка является единственной наследницей его многомиллиардного состояния, так как у него не было своих детей...

Прочитав статью, она медленно сползла на рядом стоявшее кресло. Не глядя на маму, Мансур сказал,

– Нельзя, нельзя ни при каких обстоятельствах, кем бы ты ни был, унижать и оскорблять человека только за то, что он беден, или же сирота и вырос в детском доме. Когда Вы выгоняли Бану из дома, она была никто, как Вы тогда выразились, безродной дворнягой. Мама, жизнь наказала нас за это. Теперь мы нищие, а она парит в небесах. Это Всевышний одарил Бану за ее чистоту, за ее человечность, за ее терпение, за страдания, за муки, оскорбление и унижение. Вот почему теперь я не могу жениться на ней. Она никогда не простит меня за то оскорбление, которое ей нанесла наша семья.

– Мехрибану... простила тебя, – сказав, зарыдала Хадича Султановна.

– Откуда Вы знаете?

– Сынок, я скрывала от тебя, но последний год Мехрибану почти каждый день писала тебе. Мне было известно и о том,

что она приедет в Лондон на преддипломную практику. Я боялась вашей встречи, от того все ее письма, не показывая тебе, рвала, – тут она опустила свои глаза.

– Вот видите мама, и тут Вы поступили жестоко, хотя видели мои страдания.

– Сынок, – рыдая, – прости меня.

– Я то, что. Пусть Всевышний прощает Вас, а я Ваш сын, не имею права обижаться на Вас.

Как раз в это же время, кортеж, проезжал мимо реки, которую в народе называли Анхор. Саидходжа, увидел у одиноко стоявшей ивы, самодельную, прибитую из обычных досок, скамейку. Мгновенно он попросил водителя остановить машину. Как только машина остановилась, Саидходжа выйдя из нее, протянул руку Эльзе. Взявшись за руку мужа, она вышла. Когда и Бану только собралась выйти, Саидходжа остановил ее.

– Вот это река, похожа на нашу Шахриханку, – затем, показав растущую на берегу иву. – Там тоже росли ивы, и также под одной из них была такая ж скамейка. – А затем, обратившись к Бану, – дочка, если ты не против, позволь нам с матерью остаться здесь. Родная, надеюсь, ты не против моему предложению? – Обращаясь к Эльзе, спросил Саидходжа.

Поняв замысел мужа, та, с радостью приняла его предложение и сказала,

– Да, конечно, родной, – а затем, обращаясь к Бану, – отец прав, ты езжай сама, а мы вспомним его молодость.

Как только они отъехали, Эльза, улыбнувшись, спросил у супруга,

– Саид, откуда ты догадался?

– Дорогая, к твоему сведению, любить могут не только женщины, представь, но и мы мужчины любим своих дам не меньше вас.

– Я это знаю любимый, – сказав, Эльза поцеловала его.

– Ну, что, пойдём, помочим ноги в реке?

– Пойдём, родной, – взявшись за его руку, она улыбнулась и с мужем направилась к реке.

Тишина, царившая в комнате Мансура, была угнетающая и слишком затянулась. Ни он, ни его мама не могли заговорить или же встать и уйти. Когда тишина стала невыносимой и гнетущей, вдруг зазвенел звонок у ворот. Оба, резко вскочили с места, чтобы поскорее удалиться отсюда. Но Мансур опередил маму,

– Мама, Вы сидите, я сам открою ворота, – сказав, он быстро выскочил из комнаты.

Хадича Султановна, сжав в своих руках газету, вновь сползла на кресло.

Когда Мансур открыл калитку и вышел на улицу, там стояли милицейские машины и правительственная Чайка. Прямо возле ворот стоял статный мужчина, и, поприветствовав, подавая руку, спросил,

– Простите, пожалуйста, вы Юнусов Мансур Рахимович?

– Да, я, – немного волнуясь. – А для чего я Вам понадо-

бился? – Недоуменно спросил Мансур.

Мужчина, ничего не отвечая, отошел к машине. Тут водитель Чайки открыл заднюю дверь со своей стороны. Сначала появились тоненькие женские ножки, а затем...

– Мансур ака, Вы, оказывается, искали меня? – Придерживая дверь и опуская свои глаза, смущаясь, спросила Мехрибану.

Увидев ее, Мансур не верил своим глазам, и двумя руками прислонившись за створ калитки, дрожащим голосом от волнения, еле произнес,

– Бану, Мехрибану, Вы, Вы, все таки простили меня? Вы нашли меня?...

– Родная, тебе не кажется, что наша Бану задерживается? – Спросил у Эльзы Саидходжа.

– Я этому только рада, – улыбнувшись, ответила супруга.

– С чего бы это? – Недоуменно переспросил Саидходжа.

– Значит, скоро у нас будет свадьба. Если бы она вернулась быстро, вот тогда я непременно волновалась бы, а теперь, я спокойна. – И ,тут же взглянув на дорогу, увидела приближающиеся машины, добавила. – Вставай ворчун, пойдем знакомиться с будущим зятем.

– Ты что, думаешь и он приехал?

– А вон он, – показывая на Мансура. – Вы что узбеки, все на одно лицо что ли? – Улыбаясь, она обняла мужа.

Тут к ним подошла Бану, а за ней и Мансур,

– Ассалому алуйкум, – прикладывая руки к груди, поприветствовал их.

ветствовал он их.

– Ва алейкум ассалом, – одновременно ответили Эльза и Саидходжа. Затем протянув ему руку, поздоровался с Мансуром.

– Ну что, родная, представь нам своего молодого человека,

– Это, это, Мансур ака. Мы с ним вместе учились в МГУ, – от смущения опуская свои глаза, произнесла Бану.

– А нас не хочешь представить ему? – улыбаясь, произнес Саидходжа.

– Да, да, конечно. Мансур ака, это мой дедушка Саидходжа ака и моя бабушка Эльза апа. Они живут в Австрии.

Еще немного постояв молча, как бы прицениваясь друг другу, Саидходжа спросил.

– А родители Мансура не приехали что ли?

Услышав это, Мансур и Бану переглянулись между собой.

– Ну, раз так получилось, – и, обращаясь к Эльзе. – Родная, как ты думаешь, может нам самим нанести им визит?

– Было бы неплохо.

– Тогда решено, едем в гости к Мансуру, – и позвал Икрамова. – Саидасрор, разворачивайте машины обратно, мы едем в гости к будущему зятю.

Мехрибану была безмерно благодарна своему деду и бабушке за их мудрость, за их ум и дальновидность.

Когда эскорт Саидходжи подъезжал к дому Мансура, возле его ворот толпились соседи. Увидев подъезжающие ма-

шины, его мама быстро забежала во двор. Как только они остановились, Саидходжа, выйдя из Чайки, подал руку своей жене, и поздоровавшись с соседями Мансура, без приглашения направился в дом. Мансур быстро оббежал его, и, указывая дорогу, первым вошел во двор. К тому времени его мама накрывала стол на тапчане. Увидев приближающегося Саидходжу и его спутников, быстренько подбежала к ним, и прижав обе руки на груди,

– Ассалому алейкум! Добро пожаловать дорогие гости, – сказала она.

В ответ поздоровавшись, Саидходжа и Эльза остановились. За ними остановилась и Бану. Заметив ее, мама Мансура опустила свои глаза.

Саидходжа заметил ее неловкое положение, и как бы ничего и не было между ними, обратился к Бану,

– Что дочка, наверно, стоит нас представить хозяйке дома?

Тут Бану поздоровавшись с ней,

– Хадича Султановна, мама Мансура-ака, – а затем. – Мои родители, Саидходжа ака и Эльза апа, – сказала она.

После того, как Бану представила их, Хадича Султановна не выдержав, заплакала и сказала,

– Простите меня Мехрибану, простите,

Бану подошла к ней, и обняв ее,

– Вам незачем извинятся передо мной. Я не имею права обижаться на Вас, – сказала она.

– И какое же у вас огромное и благородное сердце дочка, – прижимая ее к своей груди, вся в слезах произнесла Хадича Султановна.

– И долго мы будем здесь стоять? В этом доме нас хотя бы чаем угостят?– Вопросительно спросил Саидходжа.

– Родной, ты становишься похожим на своего шурина Арнольда, – улыбнувшись, сказала Эльза,

– А что, это разве плохо?

Тут же Хадича Султановна стала приглашать гостей в дом. Но Саидходжа увидев топчан под виноградником, попросил ее,

– А мы можем присесть там?

– Да, да, конечно.

– Прекрасно. Родная, пойдем, посидим на топчане. Сто лет я на нем не сидел, – сказав, он направился к топчану.

Усевшись на нем, предложил остальным гостям последовать его примеру,

– Вот чего мне не хватает в саду и у озера. Как только мы приедем домой, я непременно их поставлю. Дорогая, надеюсь, ты не против? – улыбнувшись, спросил он у супруги.

– Я когда-нибудь говорила нет?– вопросительно переспросила Эльза у него.

Как только Хадича Султановна поставила на стол вазу с фруктами, Саидходжа обратился к ней,

– Уважаемая Хадича Султановна, не стоит беспокоиться, мы только со стола. Прошу Вас, выпьем по чашечке зеленого

чая и в путь. В аэропорту нас ожидает самолет, мы срочно должны лететь в Фергану.

– Что Вы, что Вы. Плов уже готов, я сейчас его принесу.

– Может Вам помочь? – вскочив с места, спросила Бану.

– Если Вас не затруднит, Мехрибану, – ответила она.

А Саидходжа, как бы объясняя поступок дочери, прокомментировал Эльзе,

– У нас так принято.

– Я это уже поняла, – ответила ему Эльза.

Тут Саидходжа пристально взглянув на супругу, покачивая головой, сказал,

– Глядишь, до конца нашего отпуска, и ты станешь узбечкой, – и он рассмеялся.

– Давай я и сейчас не против стать узбечкой.

– Нет, родная, лучше оставайся такой, какая ты у меня на самом деле. Мне не нужна другая, я люблю свою Эльзу такой, – сказав, он нежно поцеловал ее.

Видя, их отношение друг с другом, Мансур восхищался ими. Когда он подал гостю пиалу чая, к ним с пловом подошла Бану. Поставив тарелку на стол, улыбнувшись, сказала,

– Папочка, а Вы все-таки вспомнили про зеленый чай?

Саидходжа, рассмеявшись, поймал себя на мысли, действительно, когда он говорил про зеленый чай, это вылетело из его уст автоматически.

– И правда. Я об этом совершенно и не думал, – затем, обращаясь к Эльзе.– Родная, в Узбекистане традиционный

напиток за столом, это зеленый чай.

– Я это запомню.

– Дочка, мы решили из твоей мамы сделать узбечку.

– Это как?

– Наденем на нее традиционные атласовые штанишки и платье и платок на голову, вот она и станет узбечкой. А потом, к тандыру, – хохоча, сказал Саидходжа.

– А, что такой тандыр? – Не понимая спросила Эльза.

– Это узбекская печка для выпечки лепешек, лепешка это национальный хлеб.

– Папочка, во-первых, наша мама и без этого прекрасная. И, между прочим, она по своему уму, трудолюбию, и в особенности, как относится к Вам и слушается Вас, может многим узбечкам дать фору наперед. А во-вторых, Вы вспомнили и про тандыр.

– Да дочка, видно твои учения не прошли даром, – сказав, Саидходжа поцеловал ее.

Когда они поели плов и выпили чайник чая, Саидходжа обратился к Икрамову.

– Саидасрор, мы не опаздываем?

– Вообще-то нет. Вы сами господину Арнольдусу сказали, что сегодня остаетесь в Ташкенте.

– Тогда поехали к ним. Сам их привез в Узбекистан, а по Ташкенту разгуливаю без них. Наверное, они нас потеряли. Хадича Султановна, Мансур, спасибо за плов, все было очень вкусно, но нам пора ехать. Если у Вас нет других дел...

Вообще-то, какие могут быть дела, собирайтесь, поедете с нами...

Книга 6

ГЛАВА 1. Смысл жизни

После ужина, Саидходжа всех своих близких, в том числе Мансура с мамой, Игоря и Володю Харитонову с семьями собрал у себя в номере. Предложив им присесть, сам прошел вперед и встал так, чтобы все они были видны. Оглядев каждого, заговорил,

– Дорогие мои, я Вас всех собрал здесь для того, чтобы выразить Вам искреннюю благодарность. Хотел сказать всем Вам спасибо за то, что Вы у меня есть, что меня окружаете именно Вы. – Затем, выдержав небольшую паузу, словно собираясь своими мыслями, продолжил,

– Наше сознание, в течение многих и многих веков забивалось тем, что мы были потомками обезьян. Что человеческий род появился благодаря многовековой эволюции обезьяны в человека и взяли свое начало от животных. Животный мир насыщен жестокостью и силой. Сильный выживает, а слабым нет места в их мире. Сторонники этой идеи, теории в чем-то правы. Если мы взглянем на мир людей, он очень похож на животный мир. Но в отличие от них, в нас еще преобладает жестокость и алчность. В нашем мире так же выжи-

вает сильный, который ради своей выгоды, пожирает все на своем пути. А остальные, таковых большинство, должны довольствоваться малым, быть всегда и во всем послушными и безвольными.

Как и у зверей, в нашем мире возобладает сила и власть, другого не дано. Кругом и повсюду Вы встретите немало тех, кто на первое место ставят деньги и власть. Для таких людей понятие честь, совесть, справедливость, вера равным счетом ничего не значит. А ведь последствием этого становится то, что мы в итоге становимся зверьми, так как теряем данное нам Всевышним черты высшего разума. Ложь, подлость, обман, предательство, измена стали неотъемлемой частью нашей жизни. Если Вы взгляните на свое окружение, то найдете немало тех, кого не интересует Ваша человечность, порядочность, дружелюбие и сострадание к ближнему. Для таких людей от Вас нужно лишь одно, что они выгадают дружбой с Вами. Если они не будут получать материальных благ или выгоды для себя, тогда рано или поздно покинут Вас. Почему так происходит? Потому что в настоящее время в подсознании человека уложилось следующее выражение «Ты мне, я тебе». Мысли людей о деньгах и власти на годы назад откинул наше сознание и нашу душу. Чтобы вновь нам стать людьми, необходимо коренное изменение нашего подсознания, нашего мировоззрения и нашей души. В данное время, это сделать практически невозможно, так как в нас еще течет кровь той эпохи, в которой мы прожили. Для того, чтобы

нам вернуть веру, осознать то, что мы являемся созданием, которое умеет думать и мыслить, понадобятся годы, а возможно и смена поколения...

Тут Саидходжа вновь замолчал. Его гости не понимая, для чего он завел этот разговор, молча смотрели на него. Еще немного выдержав паузу, он вновь заговорил,

– Я знаю, Вам пока не ясно почему я с Вами завел этот разговор. Какое отношение Вы имеете ко всему тому, о чем я говорю. Прошу Вас, потерпите немного, дайте мне возможность выговориться. Поверьте, я уверен, потом Вы все поймете, – и он продолжил дальше. – Большинство людей свыклось с мыслью, что истинной дружбы нет и быть не может. Так думать нас заставила сама жизнь и те, которых мы считали своими друзьями, пока они нас не предали. Многие перестали верить в существование чистой, бескорыстной любви, ее прелестям, ее красоте. А зря, потому что они этим самым теряют слишком многое. Вся прелесть нашей жизни, ее истинный смысл, поверьте, стоит именно на этих трех столпах человечества: на дружбе, на любви и на семье. Другого не дано! Не верите? Посмотрите по сторонам, сколько вокруг нас семей, у которых вроде бы есть все, чего бы они ни пожелали, живи и радуйся, но, увы, нет счастья. Знаете почему? Потому что там главенствуют деньги и расчет. Я хотел бы сейчас Вам рассказать одну легенду, о дружбе и любви, которая доказывает нам, что деньги и власть ни всегда могут украсить нашу жизнь, когда нас окружают родные и близкие

нам люди. Это легенда очень длинная, и я хотел бы попросить Вас набраться терпения и послушать меня.

...Когда-то, в далекие времена, в небольшом городке жил один молодой парень. Его родители были очень состоятельными людьми, и чего он не пожелал бы, деньги, власть, дворцы, у него было. Но, к сожалению, душа этого парня была пуста, и оттого ему чего-то не хватало. Не хватало такого, от которого он мог бы сказать всем, что счастлив, и жизнь его прекрасна.

В трудные минуты, когда ему становилось слишком тоскливо и одиноко, он выходил на улицу и подолгу сидел на небольшом камне у дороги, наблюдая за тем, как проходят мимо люди. Видя веселых и радостных людей, в глубине души им завидовал, и страстно желал хотя бы на мгновение оказаться на их месте.

Так проходили дни, недели, месяцы. Однажды, в один из таких его дней, также с опущенной головой, сидел на том же камне, когда мимо него проходил караван дервишей. Эти люди, странники, у которых смысл жизни заключался лишь в том, чтобы странствовать и молиться Всевышнему за отпущения грехов его верующих.

Пока мимо него не прошел последний из дервишей, парень даже не приподнял своей головы и не видел их, так как глаза прикрывал своими ладонями. Неожиданно прямо перед ним, последний дервиш уронил свой посох. Раздался грохот, и парень, резко подняв свою голову, увидел дервиша,

поднимающего посох. Странник, извинившись перед ним за то, что нарушил его покой, пошел дальше.

Парень долго наблюдая за отдаляющимися дервишами, затем быстро забежал домой, взяв с собой немного еды, одежды и посох, побежал вслед за ними. Догнав их и пристроившись за последним дервишем, молча пошел странствовать с ними. Парень надеялся, искренне желал найти в этом пути, то заветное, без которого его жизнь была пуста.

Странствуя с дервишами, он прошел день, неделю, месяц, год и немало тысяч верст. Старейшина дервишей его заметил в первый же день, как только он к ним прильнул, но ничего ему не сказал. Потому что думал, рано или поздно, устав, сам отстанет. Но видя то, как парень намерен идти с ними до конца, старейшина, во время очередного привала, подозвал его к себе. Предложив ему вместе пообедать, пока ели, мудрец ни словом не обронился. После того, как только они завершили прием пищи, прочитали молитву, и убрав скатерть, мудрец спросил о мотивах, побудивших его стать дервишем.

Выслушав его рассказ, старейшина дервишей сначала молча и пристально смотрел на него. А затем ему задал следующие вопросы,

– Сынок, любил ли ты, и был ли сам любим? Есть ли у тебя друзья, истинные, преданные друзья, которые ради тебя могли бы не колеблясь пожертвовать самим собой. Есть ли у тебя родные и близкие люди?

Ему нечего было ответить мудрецу, потому что у него не

было ни любимой, ни друзей. Он тогда еще не понимал, не осознавал того, что жизнь каждого из нас полна только тогда, когда нас окружают люди, которым мы дороги.

Мудрец, взглянув на него, рассказал ему одну легенду из загробной жизни, которая в итоге оказалась переломной в жизни этого парня.

«Когда-то умер молодой парень, и его душа улетела к Всевышнему. В судный день настал его черед держать ответ перед Аллахом за свои деяния в прошедшей жизни. Но, оказалось так, что ему не суждено было попасть в рай, так как для этого у него не хватало одного доброго дела, словом одного балла. Этот балл ему дали родители, но Аллах отказал им, дали братья и сестры, но Аллах вновь отказал им. И вот, когда перед ним открылись ворота ада, его увидел мимо проходивший друг. Резко схватив друга за руку, тот спросил. – Куда ты идешь, ведь за теми воротами находится ад, – воскликнул он. Парень, опустив свою голову, рассказал другу, почему он идет туда. Выслушав его, друг предложил взять не хватающий балл у него. Но оказалось, отдавая ему свой балл, тот сам попал в ад. И когда ему об этом сказали, тот не колеблясь, ответил. – Он не заслуживает мук ада, так как в жизни был хорошим человеком.

Растрогавшись его самопожертвованием, пророк Азраил их обоих повел к Всевышнему. Выслушав его, Аллах, видя, как один осознанно готов ради другого пожертвовать собой, произнес. – Да будет моя воля справедливой, ступайте оба

в рай»

После того, как мудрец завершил рассказ легенды, замолчал. Выдержав небольшую паузу, он по-отцовски приобнял его и сказал,

– Сынок, участь дервиша не по тебе. Ты еще молод и должен достойно прожить эту жизнь. Ступай обратно, найди истинных друзей, которые были бы готовы пожертвовать собой ради тебя. Постарайся полюбить кого-то так, чтобы сердце вылетало из груди и билось сильно. Стань сам любим и дорог другим. Береги, цени и никогда не бросай своих родителей. Все то, что ты сделаешь ради них, для них с лихвой вернется к тебе от твоих детей. Помни, родители никогда не могут не любить своих детей, никогда. Ты был, есть и останешься для них самым дорогим, что есть у них в этой жизни. Я верю, если все так произойдет, то ты увидишь и почувствуешь всю полноту и ценность прожитой жизни. А теперь, позволь мне выполнить предназначенную свыше миссию. Мы уходим, а ты оставайся, подумай и взвесь все то, о чем я тебе сказал. Ступай обратно, вернись домой, преклонись перед родителями за то, что ты их не почувствовал. Извинись перед ними, и поклянись им, что впредь будешь их ценить и любить. Да благословит тебя Аллах и освятит твой путь, – сказав, мудрец, обнял его, и пожелав всего хорошего, ушел.

Парень еще долго просидел на том месте с опущенной головой. Его ноги словно окаменели и не позволяли ему идти. А караван дервишей ушел куда-то вдаль.

Прошли годы. Однажды тот караван дервишей вновь оказался в том же городке и проходил по той же улице, где когда-то на камне сидел молодой парень. И вдруг, они, подходя к тому месту, на свое удивление увидели сидевшего на том же камне того парня. Но на этот раз сидел не тот подавленный и угрюмый парень, а жизнерадостный, полный сил и энергии мужчина.

Старейшина дервишей, подойдя к нему, с улыбкой спросил,

– Счастлив ли ты, сынок?

Подняв голову, он увидел перед собой того самого мудреца, который круто изменил его жизнь и указал ему путь и смысл жизни.

Парень встал перед ним на одно колено, и немного припустив свою голову, смог произнести лишь одно слово,

– Отец!

Мудрец, поднял его с колен, обняв, поцеловал. Парень, тут же пригласил его и всех остальных дервишей в дом. Представил им своих родителей, супругу и позвал друзей.

– Отец, Вы оказались правы. Я стал любим и сам влюблен, – затем, знакомя их с родителями. – Вот самые дорогие для меня люди мои родители, а эти, – показывая подходивших парней. – Мои самые близкие друзья, которые ради меня, и за которых я, не колеблясь, отдадим свои жизни. Отец, Вы были правы, этот мир прекрасен, когда тебя окружают такие замечательные люди, которым я дорог, которые дороги

мне. Спасибо Вам за все, отец, за добрые Ваши слова, за то, что Вы встретились на моем жизненном пути.

После всех этих трогательных слов, мудрец вознес к небу свои руки и поблагодарил Всевышнего за то, что он указал юноше правильный путь. А затем благословил их всех и пожелал им счастья, семейного уюта, веры и долгих лет жизни...

Закончив свой рассказ, Саидходжа прослезился, его глаза покраснели и были полны. Заметив это, к нему быстро подошла Эльза и крепко его обняла. Он, прижимая ее к своей груди, продолжил,

– Дорогие, родные мои. То, о чем я Вам рассказал, это в какой-то степени и есть моя жизнь. Словно тот парень это я, потому что и в моей жизни были такие ситуации. Я в полной мере на себе испытал все то, о чем рассказывал мудрец. И вот, передо мной стоит моя любимая, единственная Эльза. Спасибо Всевышнему за то, что она у меня есть, за то, что любит меня без остатка, и я готов, не колеблясь отдать свою жизнь за нее. – Саидходжа, и крепко прижав ее к груди, нежно сказал ей. – Родная, я очень, очень сильно люблю тебя и не мыслю свою жизнь без тебя. – Затем обращаясь к остальным. – Друзья, спасибо за то, что Вы у меня есть, спасибо за то, что меня окружают такие люди. Братья, и Вам спасибо за то, что я сирота рядом с Вами не чувствовал себя одиноким и обделенным. Хотел бы отдельно поблагодарить Всевышнего за то, что нашлась моя внучка Мехрибану, дочка моего

покойного сына Саидакмала. Родная, подойди к нам. Друзья, родные мои, знайте, нет более счастья в жизни, чем то, что Вы все есть у меня.

Как только он закончил свою речь, все встали с места и, подойдя к нему, крепко обняли его, образовав один огромный живой круг. Видя их, Мансур и его мама, а также Икрамов, не могли сдерживать свои эмоции...

ГЛАВА 2. Прикосновение к родной земле

На следующий, в одиннадцать часов утра самолет Саидходжи взял курс на Фергану. Когда он приземлился в аэропорту Ферганы, их там ожидал весь транспорт представленный правительством Узбекистана. Увидев, Саидходжа спросил у Икрамова,

– Саидасрор, это те же машины, которые сопровождали нас в Ташкенте?

– Они, господин Саидходжа ака,

– Тогда почему мы не поехали с ними? Я так хотел проехаться по дорогам Узбекистана.

– Я же Вам говорил, что дорога на перевале Ангрэн разбита, а через Таджикистан получился бы слишком большой круг.

– А все-таки жаль, что мы не поехали с ними, – сетовал Саидходжа.

Затем рассевшись по машинам, они двинулись в направ-

лении Коканда.

Чем ближе оставалось до Коканда, тем сильнее стало биться сердце Саидходжи. Ведь он почти полвека не был дома. Когда их кортеж проезжал мимо небольшой горной местности, он сразу же узнал эти места, и тут же попросил Саидасрора остановить машину,

– Что случилось Саидходжа ака? – Остановившись, поинтересовался Икрамов,

– Саидасрор, если не ошибаюсь, вон те горы, – выйдя из машины и показывая на них, – Шаимардановские?

– Да, они!

Услышав это, радостный, подозвал супругу,

– Родная смотри, смотри. Я, оказывается, еще не все забыл. Мы обязательно потом к ним съездим, обязательно съездим. Если бы ты знала, как там красиво. Поверь, те места ничуть не уступают по своей красоте и чистоте воздуха нашему Зальцбургу. А вода в реке пенистая и белая-белая, такая холодная, словно ты ее только, что вытащила из морозильника. – И подозвав к себе Икрамова, – Саидасрор, правда, же, что она такая?

– Да, Саидходжа ака, она точно такая, какой Вы ее описываете. По указанию руководства Узбекистана, эти места считаются достоянием страны, а также, они являются заповедной зоной.

– Вот это правильно. Людям тоже где-то надо отдыхать. А чайханы там сохранились?

– Как без них Саидходжа ака. Узбекистан без чайханы, словно птица без крыльев.

– Вот это правда, вот это правильно, – а затем, всмотревшись прямо перед собой. – По-моему, через пару километров должна быть развилка в мою деревню в Хайдарабад?

– Так и есть. Но сейчас он называется Багдад.

– Вот как? Жаль, Хайдарабад звучит не хуже. Саидасрор, сначала поедem в кишлак, а потом в Коканд.

– Хорошо, господин Саидходжа ака.

Доехав до развилки, эскорт свернул на право, они проехали по дороге пару километров, и неожиданно Саидходжа попросил остановить машину. Выйдя из нее, сделал пару шагов, обернувшись, молча помахал рукой, словно прося их ежайте. Эльза попыталась остаться, но муж, показывая, что хочет побыть один, ей указал продолжать движение. Когда те тронулись с места, он взглянул на небо, и глубоко вздохнув, во весь голос крикнул,

– О Аллах, – и тут же рухнув на землю, взял в свои ладони горсть родной земли и разрыдался.

В это же самое время, отъехав от него метров пятьсот, Эльза, увидела как Саидходжа падает на землю, приказала водителю остановить машину. Выскочив из нее, она попросила их следовать дальше, а сама быстро побежала к Саидходже.

Когда она подошла к нему, тот лицом вниз, и крепко сжимая в своих ладонях землю, неистово рыдал. Эльза под села

рядом с ним и положила свою руку на его голову. Он, тут же бросившись к ее груди и не в силах что-либо говорить, рыдал как ребенок на груди матери. Эльза, крепко сжимая его в своих объятиях, в слезах говорила,

– Не плачь родной, не плачь. Ты жив, ты вернулся к ним, не забыл, не бросил их, – как могла, успокаивала его.

– Спасибо Бану за то, что она есть у нас. Спасибо тебе родная за то, что ты привезла меня сюда. За то, что Вы тогда решили ехать в Узбекистан. Если бы не Вы, я никогда не увидел бы этих мест.

Еще немного посидев пока Саидходжа не придет в себя, медленно шагая, Эльза спросила у мужа,

– Дорогой, выйдя из машины и направляясь к тебе, вон там, – указывая на то место, – я видела небольшие строения, похожие на могилы.

– Да родная, там кладбище.

– Твои близкие похоронены там?

– Я помню только могилы отца и мамы.

– Значит могилы Саидакмала и Фариды где-то рядом?

Пойдём к ним, проведаем, – сказав, взялись за его руку и направились в сторону кладбища.

Подойдя к воротам, Саидходжа взглянул внутрь и сказал жене,

– Кладбище слишком разрослось, наверное, нам стоит искать их могилы со стороны деревни, – и направились туда.

Вступив на ее территорию, Саидходжа присел на корточ-

ки и прочитал молитву. А затем, шаг за шагом стали осматривать все могилы. Пройдя немного вглубь, он увидел идущего навстречу им старика.

– Ассалому алейкум, – поприветствовал его Саидходжа.

– Воалейкум ассалом, – услышал в ответ.

– Простите, пожалуйста, – спросил по-узбекски у незнакомца, – вы не подскажите, где похоронен Саидакмал сын Саидходжи?

– Саидакмал Сайдаматов?

– Да, он.

– Рядом с дедом и бабушкой. Пойдемте, я Вас провожу, – сказав, старик направился вглубь кладбища. – Простите за нескромный вопрос, а кем он Вам будет?

– Я его отец, Саидходжа, – опуская голову, с покрасневшими глазами, еле он выговорил.

Старик, резко остановившись, обернулся и стал пристально в упор смотреть на него.

– Почему Вы так на меня смотрите, осуждаете?

– И сколько же лет прошло, – не отрывая от него взгляда, спросил старик.

– От чего? От того, как я уехал отсюда на войну?

– Нет, как мы с тобой последний раз виделись, – сказав, он улыбнулся.

Тут Саидходжа, напрягшись, стал пристально всматриваться на него, но, не узнав его, спросил,

– А разве мы с Вами ровесники?

– Нет, Саид, я младше тебя на два года. Не вспомнил Салима из детского дома в Коканде?

Тут Саидходжа схватил обеими руками за его плечи, и еще раз пристально взглянув на него,

– Постой, постой. Салим домла, ты, что ли? – Крепко обняв, расцеловав его.

– Я дружище, я, – тоже поцеловал друга.

– Эльза, это мой друг детства Салимжан. Салим домла, так мы его звали в детском доме. Это значит, Салим учитель, потому что он был самым начитанным воспитанником. – Затем, обращаясь к другу, – Знакомься, моя супруга Эльза, она немка.

– Я это понял, – сказав, подав ей руку, представился, – Салим.

– Эльза, – поклонилась она ему.

– Только моя супруга не говорит по-нашему,

– Но она по-узбекски поздоровалась?

– Да, мы только это и умеем. Как ты, дружище, как поживаешь?

– Как и все, в колхозе. – Затем, немного помолчав. – Знаешь, после того, как объявили тебя врагом народа, всех нас затаскали. Некоторым, в том числе и мне, даже пришлось отсидеть.

– За, что?

– Сам как думаешь? За дружбу с тобой. В 1953 году, после смерти Сталина нас реабилитировали.

– Ты же ведь воевал?

– Какая разница, что воевал или нет? Дружил с врагом народа, получай. Будто с луны свалился, что не знал об этом?

– Прости Салим, я виноват перед тобой.

– Знаешь, я не верил, что ты враг народа и предатель. Тем более что ты сдался в плен в конце войны, это полная чушь. Но вижу супруга твоя немка, значит и вправду там что-то случилось?

– Я никогда не был трусом и в плен не сдавался. Если она и немка, это еще ни о чем не говорит. Она меня тяжело раненного, в без сознания нашла, выходила и поставила на ноги. – И резко скинув свой пиджак, сорвал с себя рубашку, и показывая другу сшитое и перешитое свое тело, вскрикнул. – Смотри, вот что я получил, защищая свою Родину, смотри. А она, в благодарность, пыталась меня еще и убить. А моих друзей и близких подвергли унижениям, пыткам и гонениям. Скажи, скажи мне, разве это справедливо? – Не выдержав, Саидходжа, с покрасневшим лицом схватил друга за плечи и стал трясти.

– Саид, тебя знаю с детства. Все знают, что ты не трус. Верили тебе, и в том, что мы за это пострадали, вины твоей нет. Тогда время было такое, – сказав, Салим, крепко обнял друга. Затем, указывая на могилы, – вон там похоронены твои родные.

Прямо перед ними находились четыре ухоженные могилы. Подойдя к ним, Саидходжа упал на колени, не сдержи-

ваясь, разрыдался. Глядя каждую могилу, весь в слезах, просил у них прощения. Эльза и Салим, присели рядом с ним и также не могли сдерживать свои слезы. Саидходже особенно было трудно, когда он дотрагивался до могилы покойной супруги Фариды и сына Саидакмала.

Это невыносимо было смотреть, как он страдал от обиды. Видеть то, как ему даются очень трудно слова, произносимые им, захлебываясь от слез.

Ни Эльза, ни Салим не пытались его остановить, понимая, что это бесполезно. Как раз в это время к ним подошли и остальные. Мехрибану, увидев, как дед неистово рыдает, под села рядом с ним и крепко обняла его.

– Так нельзя, несправедливо, что он лежит здесь, а я стою над его могилой. Неправильно это, когда отец остается после сына, неправильно, – рыдая, говорил Саидходжа.

– Саид, не кори себя за это. Так было предначертано судьбой, так решил Всевышний, – успокаивал его Салим. Затем, стал читать молитву.

Саидходжа, тут же опустив свою голову, перестал плакать. После того, как Салим дочитал молитву, спросил у друга,

– Ты еще не позабыл молитвы?

– Нет,

– Тогда прочитай, они ее услышат.

Саидходжа стал читать молитву. После того, как прочил, каждый взял горсть земли, и по традиции переложили. Саидходжа пообещал еще вернуться, и все вместе направились в

кишлак. Там большого гостя ждали все сельчане. Как только они вошли в окраину кишлака, Саидходжа спросил у друга,

– Салим, дружище, а кто сейчас живет в нашем доме?

– А сам, как думаешь? – Улыбнувшись, переспросил друг.

– Неужели ты?

– Нет не я. Но купил его я и сейчас там живет мой сын

Баходыр с семьей.

Дважды прижав друга за голову к своей груди,

– Вот за это спасибо тебе, – сказал Саидходжа.

– Привычка твоя так и осталась, значит?

– Какая привычка?

– Прижимать головы друзей к себе.

– Ну, я же всегда был выше вас.

– Да я и не против.

Зайдя во двор своего бывшего дома, Саидходжа подозвал к себе Эльзу и сказал ей,

– Родная, вот в этом доме на свет появился твой муж. Хотя это помнит земля, на которой мы стоим, а все остальное изменилось.

Когда сын Салима услышал о том, что друг его отца Саидходжа с родными приехал, предположил, что он непременно придет к ним. По этому поводу приказал своим сыновьям зарезать самого большого барана и готовиться к встрече гостей. Увидев накрытые в саду столы и топчаны, Саидходжа, удивленно спросил у друга,

– Салим, разве ты знал о том, что я приеду?

– Нет, не знал.

– А накрытые столы что значит?

– Сейчас спрошу у Баходыра.

Подозвав сына, спросил у него по поводу накрытых столов.

– Ты откуда узнал о приезде Саида?

– Как только я услышал, что Саидходжа ака приехал и находится на кладбище, подумал, оттуда он непременно захочет побывать у себя дома. – А затем, приветствуя гостя. – Ассалому аллейкум, Саидходжа ака.

– Ваалейкум ассалом, – поприветствовав, обнял его. – Салим, видно твой сын пошел по твоим стопам, и, наверное, тоже домла?

– Нет, он у нас председатель колхоза. Наш начальник, – расхохотался Салим.

Через час из Коканда были доставлены знаменитые певцы Узбекистана. И Салим, в честь друга устроил достойные торжества. Саидходже и его гостям пришлось остаться, так как гуляние затянулось допоздна.

Утром, перед отъездом, Саидходжа попросил, Салима поехать с ним в Коканд, и, получив добро, они поехали проводить больного. По дороге Салим спросил у друга,

– Саид, ты что работаешь в правительстве?

– Нет. С чего ты взял?

– Слишком большие почести, да и машины твои обвешаны флажками.

– Нет, я немного бизнесмен.

– Это как, бизнесмен?

– У меня по всему миру заводы, фабрики. Ну, словом я капиталист. Слышал про таких?

– Миллионер что ли?

– Вроде того, но чуть выше.

– Много миллионер что ли?

– Да, много миллионер, – и Саидходжа расхохотался.

– А почему ты смеёшься? Надо мной, что ли?

– Да нет, дружище. Просто первый раз слышу такое слово.

Я миллиардер.

– А, все ясно.

– Салим, я помогу тебе, твоему сыну Баходыру поднять кишлак. У Вас все будет нормально, это я тебе обещаю.

– Слава Всевышнему, у нас и сейчас неплохо. По крайней мере, нам хватает, и мы ни в чём нужды не испытываем.

– Салим, хотел у тебя спросить, миндаль и розы на могилах кто посадил? И кто за ними ухаживает?

– Я и мои дети.

– Дружище, спасибо тебе за это, – сказав, Саидходжа обнял друга.

– Не за что. А куда мы едем?

– К другу моего сына, его зовут Хазраткул.

– К Норкулову?

– Я не знаю его фамилии.

– Норкулов Хазраткул, как только узнал, что Саидакмал

погиб, у него случился инфаркт, и бедный слег. Вот кому стоит тебе помогать. Он от КГБ спрятал твою внучку Мехрибану.

– Я знаю об этом.

– Бедняга, ему сейчас очень трудно.

– Я заберу его к себе в Австрию. Там у нас своя клиника.

Если за него возьмутся наши врачи, быстро его поставим на ноги.

– Вот это будет правильно и справедливо. Он очень страдался после смерти твоего сына. Первый инфаркт Хазраткул получил, когда посадили Саидакмала за Мехрибану.

– Как? Неужели Саидакмал отсидел за свою дочь?

– Да, причем ни за, что? Как бы ни бился Хазраткул за Саидакмала, все было тщетно. А правду говорить, боясь за будущее дочери, ему запретил твой сын.

– Бедный Саидакмал, расскажи, как все было?

– Потом расскажу, мы уже подъезжаем к дому Хазраткула...

ГЛАВА 3. Всевышний милосерден

Когда машины остановились у ворот дома Хазраткула, к ним вышел его сын Таир и, увидев большой эскорт правительственных машин, ничего не понимая, тот остановился. И только тогда, когда увидел выходящую из Чайки Мехрибану, быстро направился к ней.

– Таир ака, я в Лондоне встретила своего родного дедушку Саидходжу, – и взявшись за его руку.– Пойдемте, пойдемте, я вас с ним познакомлю, – и, подведя его к деду.– Папочка, этот молодой человек Таир ака, сын Хазраткул аки. Это они меня воспитывали в интернате и дали образование.

– Ассалому алейкум, Саидходжа ака, – сказав, Таир, приветствуя его, протянул руку.

– Ваалейкум ассалом, – сказав, Саидходжа обнял его. – Спасибо Вам за все, за моего сына, за Бану. Низкий Вам поклон до земли, за Вашу доброту и милосердие, – сказав, Саидходжа скрестил руки на груди и опустил свою голову.

– Не стоит, Саидходжа ака. Ваша Бану своим усердием больше кого-либо заслужила это, – приглашая в дом, сказал Таир. А сам тут же забежал домой и сообщил родителям о прибывших гостях.

Хазраткул ака лежал на кровати в саду. Увидев его, Бану вся в слезах подбежал к нему, и, целуя, говорила,

– Папочка, папочка, теперь все будет хорошо. Дедушка Вас вылечит и поставит на ноги. Вот увидите, он непременно поставит Вас на ноги. – Затем, обняв Тургунай апу, – мамочка, я в Лондоне встретила родного дедушку, его зовут Саидходжа, вон он. Дедушка очень большой и влиятельный человек в Европе. Вот увидите, он папу поставит на ноги, непременно его вылечит. Там в Австрии у него есть огромная клиника.

В это время к ним подошел Саидходжа с остальными. Та-

ир к тому времени из дома вынес несколько стульев и поставил вокруг кровати отца.

Хазраткул был на самом деле очень плох. Он даже не смог поднять голову с подушки, когда к нему подошел Саидходжа. Понимая это, Саидходжа сам, нагнувшись, крепко его обнял и несколько раз поцеловал. Затем с Хазраткулом поздоровались и остальные. Увидев столько посетителей, которых у него давным-давно не было, тот заплакал. Понимая, что в его положении переживать вредно, Саидходжа стал успокаивать,

– Ну, вот, вместо того чтобы радоваться, Вы плачете. А ну-ка немедленно прекратите, – затем, подозвав Икрамова, попросил. – Саидасрор, возьмите с собой Володю, и быстро по базарам и магазинам.

– Не стоит беспокоиться Саидходжа ака, на счет этого у меня есть четкие указания руководства...

– Если вы не против, позвольте это нам самим, – жестко сказал Саидходжа,

– Как скажите, Саидходжа ака.

Тут же Саидходжа подозвал Герхарда.

– Брат, пожалуйста, осмотри его. Еще, ты, когда выезжали сюда, взял с собой все необходимые лекарства?

– Когда Бану мне рассказала о его болезни, конечно, я взял для первой необходимости медикаменты. Но прежде чем приступить к его лечению, мне необходимы его последние анализы и история болезни.

– Все, что тебе надо даст Таир, а Бану будет переводить.

Герхард, надо сделать так, чтобы он мог перенести перелет.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Брат, постарайся. Ты сам понимаешь, если бы не этот человек, мой сын бы погиб, а я не встретил единственную внучку. То что он сейчас беспомощный, виноват мой сын и я.

– Я все понимаю. Сделаю все, что в моих силах. Кстати, Саид, если его сын говорит по-русски, тогда зачем мне переводчик.

– Ах, да. Ведь ты у нас служил в рядах Красной Армии.

– Вот именно!

Когда сын Хазраткула отдал Герхарду все последние результаты анализов и историю болезни отца, просмотрев их, Герхард сделал Хазраткулу два укола и поставил капельницу. Затем отведя в сторону Саидходжу, сказал ему,

– Саид, если бы мы задержались еще на несколько дней, его бы уже не стало.

– Что, так плохо?

– Слишком! И мне понадобится около трех недель, чтобы как-то стабилизировать его состояние.

– У тебя они будут. Пока ты будешь его лечить, я наших покатаю по Узбекистану. Надеюсь, ты не против? – Улыбаясь, спросил Саидходжа.

– А у меня выбор есть?

– Брат, нет, конечно, – сказав, обнял Герхарда. – Здесь только на тебя одна надежда.

– Не волнуйся, все будет нормально.

– Спасибо Всевышнему, что у нас есть свой личный врач, – подняв обе руки к небу, произнес Саидходжа.

– Заметь, не плохой и к тому же близкий родственник.

– В этом ты абсолютно прав, прекрасный врач. Но не родственник, а родной брат.

Уже через пару часов, возможно под действием лекарств, Хазраткулу стало намного лучше. Он стал свободно двигать и приподнимать свою голову и впервые за несколько дней, сам попросил поесть.

Когда его жена, Тургунай апа, спросила у Герхарда, можно ли ему есть,

– Да, но только куриный бульон с протертым мясом, – сказал тот.

Хазраткул с аппетитом съел пол миски бульона. Герхард тут же предупредил его жену, что пока на этом достаточно.

– Тургунай апа, теперь его будите кормить через три часа,

К тому времени Саидасрор и Володя Харитонов вокруг Хазраткула раскинули шикарный стол. Туда пригласили всех гостей и развернули кровать так, чтобы больному все были видны. Первое слово взял Саидходжа,

– Дорогие мои, – и указывая на Хазраткула, – перед нами человек, благодаря которому мы все здесь. Это ему удалось скрыть от всех о существовании моей внучки Бану. Этот человек защищал в детском доме, а потом и в последующей жизни моего сына Саидакмала. Не смотря на все запреты и

гонения, он был для моего сына, как отец, оберегал его. – Затем подойдя к Хазраткулу, крепко пожал ему руку. – Но самое главное, он остался верен своим принципам и себе, и прежде всего, остался человеком с большой буквы. – Потом вернувшись на свое место, он обратился к Игорю Соколову. – Игорь, помнишь деда, казаха, который приходил ко мне...

– Когда мы проходили учебку в разведшколе в Алматы?

– Да, тогда. Его звали Екебаев Хамза ага.

– И что?

– Помнишь, за неделю до нашего отъезда, дед должен был прийти ко мне, но не пришел. Чувствуя неладное, я взял увольнительную и сам пошел к нему. Когда пришел, дед, укутавшись в несколько одеял, сидел на лавочке в саду. Подойдя к нему, не успел подать ему руку, как он резко прижав меня к себе, долго не отпускал. Своих детей у него не было, возможно оттого, он любил меня, как родного. Видя его подавленное состояние, я спросил у него,

– Что с Вами отец? Он, взглянув на меня, сказал,

– Саидходжа, сынок, запомни. Самое трудное для человека при любых ситуациях оставаться человеком. – Немного помолчав, продолжил. – Порой для того, чтобы завоевать доверие людей, завоевать их уважение, уйдут годы. А возможно, даже вся твоя жизнь. Не дай Аллах перед закатом своей жизни спотыкнуться, неосознанно совершить необдуманный шаг, непростительный проступок, возможно, даже

во благо человек, после которого люди не простят тебя. Они мгновенно забудут все твои былые заслуги и лишь будут вспоминать то зло, которое ты совершил в последние годы своей жизни.

– Он тогда рассказал одну историю, случившуюся, когда Хамза ага служил в органах. Однажды, для того, чтобы спасти человека с застенок особого отдела, возле следователя специально кричал на того. Тогда он думал, что особист, видя, как начальник райотдела милиции принципиален по отношению к подследственному, оставит его здесь. То, как дед кричал на задержанного, видели родственники подследственного. Но особист не поверил Хамза аге, и забрал того человека в центр. Так вот, в тот день, когда дед должен был прийти ко мне, к нему приходили родственники того человека, проклинали его, потому что накануне того несчастного оказывается, как врага народа, расстреляли. Вот почему, тогда Хамза ага не пришел ко мне. А после того, как нас отравили на фронт, я получил письмо от его жены, где она писала о том, что как только я ушел, через час его сердце не выдержало обиды, и он умер. – Тут Саидходжа вновь подошел к Хазраткулу и обнял его, а затем, взявшись за его руку сказал. – Хазраткул из тех людей, о которых говорил Хамза ага. Не смотря ни на что, невзирая ни на какие угрозы, остался человеком. Спасибо Вам дорогой мой друг за это. Спасибо за Вашу силу, за Вашу волю, за мужество. Видит Всевышний, он всемогущ и милосерден. То, что мы здесь,

это и есть его воля. Я верю, Вы встанете на ноги и будете не в меньшей степени иметь права участвовать на свадьбе нашей Мехрибану. Я верю в это, и всей душой надеюсь.

Почти до самого утра гости Хазраткула отмечали приезд Саидходжи. Возможно, на самочувствие больного подействовала благоприятная аура, и он не меньше других смеялся и веселился. Гости после торжества проспали до обеда и пока умылись, пообедали, время было уже пятый час дня. Решив экскурсию по Ферганской долине начать с утра пораньше, они продолжили празднование.

С утра следующего дня, Герхард, Барбара, Саидходжа с Эльзой и Бану стали заниматься лечением Хазраткула. А Икрамов повез остальных гостей путешествовать по долине, где немало уникальных мест, которые не оставили бы равнодушным тех, кто эти места посетит.

Как и обещал Саидходжа своим гостям, Икрамов свозил гостей в Шахимардан. Угостил их изысканными узбекскими блюдами, приготовленными поварами знаменитых Шахимардановских чайхан. Икрамов свозил гостей в один из самых зеленых городов мира Фергану, где те увидели вековые дубы, посаженные во времена его основания. Гости побывали в единственном в мире ореховом лесу, Арслан баб, где увидели великолепные тысячетлетние ореховые деревья, стволы которых в диаметре достигали трех метров. Увидели потрясающие огромные скалы в виде петуха, барана и черепахи, словно идущие друг за другом в гору...

Пока гости Саидходжи путешествовали, Герхард вызвал из Австрии из своей клиники кардиологов и нейрохирургов с необходимым оборудованием и медикаментами.

Через неделю Хазраткулу стало намного лучше. Видя это, Саидходжа обратился к Герхарду.

– Брат, нашему подопечному стало намного лучше. Если позволишь, пока ты будешь продолжать лечение, может я тоже с нашими попутешествую по Узбекистану.

– Я не против, хотя тоже не отказался бы присоединиться к вам, – с сожалением ответил Герхард.

Почти две с лишним недели Саидходжа путешествовал со своими гостями. Они побывали в Бухаре, где их сводили во дворцы Эмира. Побывали в Самарканде. Великолепные дворцы и мавзолеи, построенные более 2500 лет тому назад не оставили гостей равнодушными. В Самарканде они побывали в первой обсерватории, созданной человечеством. Это обсерватория великого мыслителя, ученого и гения узбекского народа, Улугбека. Он ради науки отказался от трона и погиб из-за своих убеждений. Дворцы Самарканда ни в чем не уступали великому творению зодчества, Тадж-Махала в Индии. Хотя и это творение было создано великим сыном узбекского народа, поэтом и потомком Эмира Тимура, Бабуром. Наши гости также побывали в Хиве и Хорезме, где величественные минареты и дворцы своей изысканностью привели в восторг гостей Саидходжи.

Когда вернувшись в Коканд, они рассказали Герхарду и

Барбаре об увиденном, те были впечатлены, и расстроены тем, что им было не суждено лицезреть с ними вместе.

Когда Саидходжа вошел во двор дома Хазраткула, был удивлен тем, что больной встречал их самостоятельно стоя на веранде. Действительно, Герхарду и его команде удалось почти невозможное. Они практически вытащили с того света безнадежно больного человека. Довольный Саидходжа, раскрыв свои руки в сторону, пошел к нему,

– Друг мой, я очень рад видеть Вас, – обняв его. – У моего брата золотые руки, – а затем, обращаясь к Герхарду сказал. – Я приклоняю перед Вашим талантом свою голову, – и пригнул голову, и из под лобья взглянул на него.

– Вообще-то, Вы могли и вправду приклонится, так как нам удалось сотворить чудо, – с иронией сказал Герхард.

Саидходжа, тут же низко приклонившись, произнес,
– Слушаюсь и повинуюсь мой великий, незабвенный, потрясающий маг, чародей медицины. – И крепко обняв его, – брат, спасибо тебе, огромное спасибо за то, что ты у меня есть, – искренне произнес Саидходжа.

– Принимается, – улыбнувшись, ответил Герхард.

В это время к ним подошел Мансур,

– Уважаемый Саидходжа ака, позвольте Вам представить моего отца.

Саидходжа сделал шаг в его сторону, и, пожав ему руку, взглянул на Икрамова и спросил,

– Саидасрор, значит, его все-таки освободили?

– Да, Саидходжа ака. В деле Юнусова Рахима Сардаровича открылись новые обстоятельства, которые указывают на непричастность господина Юнусова в инкриминируемых ему делах.

– Раз так, значит, он может полететь с нами на свадьбу сына в Австрию?

– Этого я Вам не могу сказать, так как в мои компетенции они не входят. Вы завтра об этом можете поговорить с первым секретарем ЦК Уз ССР, товарищем Нишановым. Он Вас ждет в десять ноль-ноль.

– Да, конечно! Не волнуйтесь друг мой, – и, обращаясь к отцу Мансура. – Я думаю, вопрос решится положительно. Главное Вы на свободе, а остальное детали, – сказав, обнял его, – а затем, вновь обратившись к Икрамову. – Саидасрор, когда мы можем вылететь в Ташкент?

– Хоть, сейчас. Ваш лайнер заправлен и ждет нас в аэропорту Ферганы.

– Прекрасно, сегодня же вылетаем, чтобы завтра утром предстать перед господином Нишановым, бодрым. – Затем Саидходжа обратился к Лаврову, – Сергей Дмитриевич, я надеюсь, формальности по поводу Норкулова Хазраткула и членов его семьи устранены.

Лавров протянул ему папку с документами,

– Вот выездные визы для Норкулова Хазраткула, а также его супруги Норкуловой Тургунай и его сына Норкулова Таира Хазраткуловича. Они могут лететь с Вами в Австрию.

– Огромное спасибо, господин Лавров. Будете в Австрии, непременно приезжайте к нам в Зальцбург, мы будем очень рады Вам. И вы Саидасрор, приезжайте, и лучше бы с семьями.

– Спасибо за приглашение, – ответили они.

– Господин Гербер, Икрамов сопроводит Вас до Москвы, – улыбаясь, сказал Лавров.

– Как, неужели?

– Да! После Вашего отъезда в Австрию, он будет учиться на повышении курса, в Министерстве Иностранных Дел.

– Прекрасно, значит, мы еще пообщаемся с Вами, – довольный, произнес Саидходжа.

Вечером того же дня лайнер Саидходжи взял курс на Ташкент. В полете, Саидходжа позвал к себе Игоря и Арнольда,

– Игорь, помнишь последний наш визит в ту штольню?

– Да, а что?

– Если я тебе об этом немедленно не расскажу, то Арнольд может лопнуть от гнева, – расхохотавшись, сказал Саидходжа.

– О чем должен рассказать?

– О том, как Арнольд набрал в рюкзак альпинистов драгоценностей.

– Да, помню. И что с этого?

– Он вырученные деньги от продажи драгоценностей, положил на твое имя, – и обратившись к Арнольду. – Брат, дальше расскажи ему сам.

– Наконец-то, – сказав, Арнольд достал из кармана чековую книжку, и протягивая Игорю надменно сказал. – Держи дружище, это все твое, ты его заслужил.

Взглянув на вписанную сумму в чековой книжке, Игорь обомлел, там было выведена сумма невероятной величины,

– Это все мне? – Не понимая, что здесь происходит, удивленно спросил Игорь.

– Не только. И это твое, – достав из-под кресла большой дипломат, – здесь наличные деньги, доллары, ваши рубли, для твоих текущих расходов. А чек, мы думаем, попридержи.

– Почему?

– Скоро у вас грядут большие перемены. Вложив их сейчас, можешь все потерять.

– Володя Харитонов свои капиталы отдал Арнольду, чтобы он их вложил в западные компании. Кстати, Арнольд один из лучших финансистов и экспертов в Европе, – сказал Саидходжа.

– А может, и моим чеком поступите также? – Протягивая Арнольду чековую книжку, спросил Игорь.

– Ну, вот. Правой рукой отдаешь, а левой забираешь, – улыбувшись, сказал Арнольд.

– Брат, и вправду, чем ему их бездарно терять, лучшего варианта и не придумаешь, – сказал Саидходжа.

– Ладно, уговорили, – сказав, Арнольд положил обратно в карман чековую книжку.

– Саид, я благодарен своей судьбе за то, что в далеком 1941 году он свел меня с тобой, – искренне сказал Игорь.

– А я благодарен тебе. Если бы не ты, мне бы не жить на этом свете и не лететь на этом самолете с дорогими для меня людьми. – Сказав, они обнялись.

Когда Арнольд направился на свое место, Саидходжа попросил его,

– Отправь ко мне Лаврова и Икрамова, – и когда те подошли, он обратился к ним. – Сергей и вы Саидарор, я могу сделать для Вас презент?

– Вы о чем, господин Гербер? – недоуменно спросил Лавров.

– Я хотел бы, – и, протягивая им чеки, – чтобы Вы их взяли.

Тут они оба категорически отказались,

– Прошу Вас, не отказывайтесь. Распорядитесь ими на свое усмотрение, хотите, оставьте себе, хотите, отдайте своему руководству, а хотите, пожертвуйте эти деньги Ваши.

Понимая отпираться нет смысла, поблагодарили его и положили чеки в свои карманы...

ГЛАВА 4

На следующее день в 10 утра, как и договаривались, Саидходжа был на приеме у первого секретаря ЦК Уз ССР, господина Нишанова. Там шел разговор об инвестициях в эко-

номику Узбекистана, о его положительных аспектах, о природных богатствах и людских ресурсах.

Саидходжа пообещал подумать над его предложениями и отправить своих экспертов и аналитиков для углубленного изучения предложений Нишанова. И после их заключений, вновь встретится с ним и обсудить этот вопрос.

Перед тем как уйти от него, Саидходжа попросил Нишанова,

– Уважаемый господин первый секретарь. Если позволите, у меня есть к Вам одна личная просьба.

– Наверное, Вы хотите спросить на счет отца Вашего будущего зятя, Юнусова Рахима. Я правильно понял Вашу просьбу?

– Да его и моего друга детства Салима Абдуллаева.

– Вопрос решен положительно. Я отдал соответствующие распоряжение Икрамову. Он в Москве должен им вручить выездные документы.

– Спасибо Вам господин Нишанов. Я безмерно благодарен Вам за это.

– Не стоит благодарностей, господин Саидходжа. Я ведь тоже узбек и не мне ли лучше понимать какво сыну, если на его свадьбе отец будет отсутствовать.

Еще раз, поблагодарив его Саидходжа, обратился к нему,

– Если позволите. Я хотел бы сделать небольшое вложение, вернее сказать, скромный подарок для моей бывшей Родины.– Сказав, протянул Нишанову чек на 25 миллио-

нов долларов США. – Господин первый секретарь, используйте эти средства во благо Узбекистана. Если можно, какую-то часть, выделите для благоустройства моего Хайдарбада, вернее, сейчас он называется Багдад.

Увидев сумму, указанную в чеке, Нишанов искренне поблагодарил Саидходжу,

– Непременно господин Саидходжа. Ваши деньги мы потратим во благо Узбекистана, и, конечно, же, для Хайдарбада.

Еще раз попрощавшись, Саидходжа покинул его и в тот же день они вылетели в Москву.

Саидходжа, как обещал Лаврову, перед отлетом в Узбекистан дал интервью для журналистов, а затем, в конференц-зале гостиницы Россия встретился с бизнесменами СССР. Когда все намеченные дела завершились, лайнер Саидходжи взял курс в свой родной Зальцбург.

По прибытию домой, на следующее утро, он со всеми гостями поехал на кладбище к отцу. Стоя у надгробья отца, сказал,

– Здравствуйте, папа! Вот, как Вам и обещал, сразу же по прибытию, первым делом пришел к Вам. Папа, здесь я не один, со мной приехали все близкие для меня люди. И я хотел бы познакомить Вас с ними. Вот, этот человек его имя Хазраткул, оберегал моего сына Саидакмала, а после и мою внучку Бану. Рядом с ним стоят его супруга Тургунай и сын Таир. А этот человек, мой друг детства, мы с ним вырос-

ли в детском доме, Салим. Рядом с ним супруга Мухаббат и сын Баходыр. А эти люди отныне наши родственники, Рахим отец парня Бану, Хадича Султановна его мама, и Ваш будущий зятек Мансур. Скоро я свою дочь Мехрибану выдам за него. – А затем, он, обратившись к своим гостям сказал. – Дорогие мои, здесь покоится человек, благодаря которому я жив. Это он весной 1945 года вытащил меня с того света. Он был одним из выдающихся хирургов Австрии и имя его доктор Карл фон Штаубе, – сказав, Саидходжа прочитал молитву. За ним это сделали и остальные. Затем пересыпав горсть земли, попрощавшись, ушли.

Вернувшись домой, Арнольд, Луиза и Володя Харитонов принялись к подготовке свадьбы Бану и Мансура.

Герхард со своей командой Хазраткула положили в клинику. Еще раз обследовав, было решено прооперировать его. Операция прошла успешно и больной быстро шел на поправку. Саидходжа с Эльзой, и Бану с Мансуром каждый день посещали его. Однажды, Саидходжа, видя состояние Хазраткула, спросил у Герхарда.

– Брат, когда ты его выпишешь?

– Еще несколько анализов и небольшие процедуры, и он твой.

– Это сколько времени займет?

– Пару дней.

– Арнольд собирается уже на эту субботу назначить день свадьбы.

Взглянув на календарь, Герхард, улыбнувшись, сказал,
– Сегодня вторник. Без проблем, давай добро Арнольду,

к тому времени Хазраткул будет у тебя дома.

– Договорились, – сказал и Саидходжа ушел.

На улице его ожидал Арнольд. Увидев, как из клиники выходит Саидходжа, тот быстро подошел к нему и спросил,

– Ну, что сказал тебе Герхард?

– Твоя взяла, – широко улыбаясь, сказал Саидходжа. – назначай дату свадьбы, как ты хотел, на субботу.

– Наконец-то. Суббота и ни днем позже, – радостно воскликнул Арнольд.

– Договорились, суббота и ни днем позже, – обняв его, сказал Саидходжа.

В пятницу, на большой поляне за замком, возле озера были раскинuty три белых, огромных, потрясающих шатра. Увидев их, Саидходжа в восторге и не сдерживая своих эмоций, спросил у Арнольда,

– Чья идея на счет шатров?

– Что, понравились? – Гордо спросил Арнольд.

– Нет слов, они великолепны и изысканны. Ничего подобного я в своей жизни не видел, – восхищаясь, произнес Саидходжа.

– Я их увидел на картинах в Самарканде, где твой Тимурхан, сидя у такого шатра, давал указания своим слугам.

Крепко обняв его, радостно поблагодарил,

– Спасибо тебе брат. Наши гости достойно оценят твой

шедевр.

– Я на это и рассчитываю, – кивая головой, сказал Арнольд.

– Можешь в этом не сомневаться. Такого еще никто в Европе не видел, – сказал Саидходжа.

Действительно, когда на следующий день гости собрались возле замка, Саидходжа повел их к месту торжества. Увидев шатры и все то, как вокруг них устроено, они словно попали в средневековье. Оказывается, Арнольд, кроме шатров, не упустил ни одной детали с картины, и как бы перенес ее сюда. Гости были абсолютно убеждены в том, что все это было придумано и организовано под руководством Саидходжи, так как тот был узбек и обстановка напоминала Азию. И когда они хвалили его за выдумку, Саидходжа, широко улыбувшись и с гордостью, поблагодарив их, говорил,

– Спасибо за ваши хвалебные слова, но идея организации свадьбы и вся его атмосфера, всецело принадлежит Арнольду. Я, так же как и Вы, увидев эту красоту, был не сказуемо удивлен. Так что все Ваши эпитеты прошу адресовать моему дорогому брату.

Гости, услышав, что автор всего этого Арнольд, подходя к нему, пожимали ему руку и благодарили его за чудесное творение, которое им было суждено лицезреть. А Арнольд, понимая, что всех без смог поразить, гордился собой.

Когда свадьба началась, первое слово, как и положено, на правах отца, было дано Саидходже.

– Дорогие друзья! Прежде чем произносить поздравительные слова, если Вы позволите, я хотел бы вспомнить человека, которого нет с нами рядом. О человеке, благодаря которому я жив, стою здесь с Вами. Благодаря которому мы собрались здесь. Если бы не он, всего этого не произошло бы. Я хочу вспомнить о нашем отце, о моем отце, докторе Карле фон Штаубе. Пусть земля будет ему пухом. – Взяв небольшую паузу, и он всех оглядел и продолжил. – Папа был не просто выдающимся врачом, идеальным семьянином и хорошим отцом, но был еще великим мудрецом. Его слова, его советы, его напутствия всегда и везде сопровождали нас детей. В том, что он был именно таким человеком, знаю, никто из присутствующих не сомневается. Сейчас хотел бы вспомнить его слова, которые он говорил, когда наш брат Герхард, после скитаний, после без ведения вернулся домой. Вот что тогда говорил нам отец.

– ... Родные мои, цените друг друга, дорожите каждым мгновением, что Вы рядом, вместе. Самое плохое, самое ужасное в нашей жизни, это когда мы теряем своих близких. Меня могут понять только те, кто сталкивался с этим. Не дай Господь случится этому. Тогда Ваша жизнь мгновенно опустеет, окружающий Вас мир рухнет, оставив Вам только ожидание смерти. Вы перестанете жить...

Когда я услышал о гибели моего сына Саидакмала, как говорил нам отец, мир вокруг меня перевернулся, земля уходила из-под моих ног. Ничто меня тогда не могло утешить, –

тут он подозвал к себе Арнольда, Луизу, Герхарда, Барбару, Эльзу, Игоря Соколова. — Только вот эти замечательные люди и образ моего, нашего отца, его слова меня удерживало от безрассудных поступков. Я хотел бы обратиться ко всем из Вас. Никакие деньги, никакая власть не будут Вам милы и дороги, если рядом с Вами не будет тех, кому Вы дороги, и кто Вам дорог. Берегите своих близких, берегите эту жизнь, дорожите каждым прожитым днем, цените и оберегайте ее. Радуйтесь каждому мгновению, прожитому рядом с близкими Вам людей. Поверьте, все равно никто не сможет заработать все деньги мира, и тем более унести их с собой в загробную жизнь. Я искренне и от всей души желал бы, чтобы наши дети, наши внуки, наши потомки не испытали на своем веку тех ужасов лишения, страдания, потерь и войн, которые выпали на нашу долю. Я хотел бы, чтобы это поняли и те, кто правит государствами. Никакие благие намерения и благие цели не могут оправдать человеческих жертв. Помните, каждый, уходя в мир иной, встретится там с Всевышним, Господом. И тогда за все то зло, за все грехи они воздадут им. Пусть везде воцарится мир. Пусть каждого окружают такие же замечательные люди, какие окружают меня. Пусть каждый из Вас будет таким же счастливым, каким являюсь я, собрав своих друзей и родных, выдавая свою дочь замуж. Пусть наши дети, наши потомки будут жить в прекрасном и замечательном мире в счастье и согласии. Пусть добро побеждает зло, пусть разум возобладает над предрассудком и алчно-

стью. Пусть вера каждого во Всевышнего и в Господа будет чиста и безгранична. Счастья всем и, конечно же, в первую очередь нашим молодым. Я всех Вас люблю и, не смотря ни на, что буду верен Вам...